

43 (02)
1-63

Л.Р. ЗИНДЕР и Т.В. СТРОЕВА-СОКОЛЬСКАЯ

СОВРЕМЕННЫЙ
НЕМЕЦКИЙ
ЯЗЫК

у ч п е д г и з

1 9 4 1

223189

Л. Р. ЗИНДЕР и Т. В. СТРОЕВА-СОКОЛЬСКАЯ

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Н Е М Е Ц К И Й Я З Ы К

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КУРС

*Утвержден Всесоюзным комитетом по
делам высшей школы при СНК СССР
в 1938 г. в качестве учебного пособия
для педагогических и учительских ин-
ститутов иностранных языков.*

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР * ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД * 1941

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая книга предназначена в первую очередь в качестве пособия по теоретическому курсу немецкого языка для специальных языковых ВУЗов и факультетов, соответственно программе ВКВШ. Наряду с этой основной задачей авторы имели в виду и нужды широких масс преподавателей немецкого языка как высшей, так и средней школы.

Эта книга является вторым, переработанным и значительно дополненным изданием вышедшей в 1938 г. «Научной грамматики немецкого языка». В качестве новых разделов включены глава по лексике современного немецкого языка и краткая вводная глава, знакомящая читателя с историей немецкого языка и его современными диалектными отношениями. В ней же поставлены основные проблемы теории языка и намечены методологические установки советской лингвистики.

Старые разделы подверглись переработке соответственно более широким задачам книги в целом. Кроме того в них было внесено много изменений и поправок, часть которых была подсказана авторам многочисленными рецензиями и отзывами о книге, а также отдельными замечаниями читателей.

Всем товарищам и организациям, сообщившим свои соображения по поводу нашей книги, мы выражаем глубокую благодарность.

Л. Р. Зиндер

Т. В. Стржева-Сокольская.

Ленинград. Май, 1940 г.

Редактор *И. М. Смолянский*

Издание второе, исправленное и дополненное. Тираж 5000 экз. Подписано к печати 21/II 1941 г. М28601. Учетно-издат. листов 29,12. Печ. листов 22 $\frac{1}{2}$. Тип. знаков в печ. листе 51744. Цена книги без переплета 5 р. 80 к., переплет 1 р. 50 к. Зак. № 1019.

Набрано и сматрировано во 2-й типографии ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 28. Отпечатано в тип. № 2 Лениздата, Ленинград, Социалистическая, 14.

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.

1. ЗАДАЧИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КУРСА СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.

§ 1. Теоретический курс современного немецкого языка должен не только дать систему норм языка, но также показать и те многочисленные отклонения, которые создаются многообразием социальных языковых жанров и стилей. Да и сами нормы должны быть показаны не как раз навсегда данные, предписанные извне правила, а как нечто развивающееся, связанное с системой языка. Язык данной эпохи является продуктом длительного исторического развития, и в нем можно обнаружить ряд пережитков прежних закономерностей, зарождение новых и борьбу отживающих и прогрессивных тенденций. Простая регистрация фактов современного языка, простая констатация того, что правильно или употребительно, не может дать представления о направлении и смысле языкового развития. Чтобы вскрыть динамику языка, надо представить языковые явления в известной перспективе, указав степень их распространенности, сферу употребления и связь с другими родственными языковыми явлениями.

§ 2. Теоретический курс современного языка распадается на два раздела: грамматику и лексикологию. Теоретическая грамматика отличается от грамматики практической целым рядом особенностей. Первая представляет собой научную дисциплину, исследующую весь строй языка, каким он представляется на данном этапе развития, со всеми его противоречиями и возможными вариантами. Практическая же грамматика излагает лишь систему норм, признаваемых в данный момент правильными. Нормы излагаются практической и теоретической грамматикой по-разному: первая дает просто свод правил и исключений; вторая показывает развитие правил и вскрывает причины возникновения исключений.

Практическая грамматика является вспомогательным средством для овладения языком. Система изложения ее поэтому в большой мере зависит от той целевой установки, которая преследуется в каждом конкретном случае преподавания. Практическая грамматика, предназначенная для иностранцев, должна строиться по-разному в зависимости от того, изучается ли язык для активного овладения, или только пассивно; теоретическая же грамматика ориентируется на филологов, для которых грамматика не только является средством для овладения языком, но и самостоятельной дисциплиной.

§ 3. Несмотря на различие задач, которые стоят перед теоретической и практической грамматикой, и на различие методов их изложения,

между этими двумя типами грамматики не должно быть разрыва и противоречий. С одной стороны, теоретическая грамматика должна все время учитывать требования и нужды грамматики практической; с другой стороны, и та и другая должны строго соответствовать требованиям науки о языке. Всякая грамматика должна учитывать между прочим следующие общие методологические положения.

§ 4. Грамматика делится на три основных раздела: фонетику, морфологию и синтаксис. Однако такое разделение не должно приводить к разрыву в изучении этих трех сторон науки о строе языка, составляющих неразрывное единство. Ведущая роль в грамматике принадлежит синтаксису. Как говорит Н. Я. Марр в своей статье „Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории“: „Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, частей речи, а с предложения. . . т. е. начинается с синтаксиса, строя, из которого постепенно выделяются части предложения. . .“ Хотя Марр тут говорит о генезисе звуковой речи, но это должно быть понято как утверждение о примате синтаксиса вообще. Н. Я. Марр неоднократно развивал эту мысль и в других своих сочинениях, говоря например, что „Синтаксис это самая существенная часть звуковой речи“ („Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком“) и называя морфологию „техникой для синтаксиса“ (*ibidem*).

Примат синтаксиса может быть показан на следующих примерах. Падежи, система которых рассматривается в морфологии, по существу своему — категория синтаксическая (см. § 160). Точно так же синтаксической категорией является изменение прилагательных по родам; в отличие от существительных прилагательные сами по себе рода не имеют, и употребление их в форме того или иного грамматического рода зависит от рода того существительного, которое они определяют. Наконец, склонение прилагательного по сильному или слабому типу также зависит от строя предложения (см. § 226).

§ 5. Не менее важным является положение о единстве формы и содержания в языке. Форму слов и синтаксических связей нельзя рассматривать в отрыве от их семантики, совершенно так же, как семантические явления не могут быть отделены от специфической языковой формы их выражения. При этом во взаимодействии формы и содержания последнее играет ведущую роль. Так, например, 1 лицо настоящего времени глагола *haben* может употребляться в разговорном языке с окончанием и без него: *ich habe* и *ich hab*, поскольку наличие личного местоимения в достаточной мере характеризует семантику этой формы. Однако, в конъюнктиве форма без *-e* невозможна, поскольку в данном случае *-e* является суффиксом конъюнктива, дифференцирующим его от индикатива и поэтому имеющим определенный семантический вес. Таким образом содержание здесь определяет форму. Аналогичный пример можно привести из области синтаксиса. Известно, что подлежащее согласуется со сказуемым в лице и числе; однако есть случаи нарушения этого правила, обусловленные семантикой существительного. Существительные со значением множественности, коллективности требуют множественного числа глагола, несмотря на то, что

в формальном отношении они представляют собой слово в единственном числе, напр. *Ich griff sogleich nach dem Beutel, in welchem eine gute Menge sich befanden* (Goethe). (Ср. также § 444.)

§ 6. Принцип историчности имеет существенное значение не только при построении исторической грамматики, но и при изучении строя языка какого-нибудь определенного периода. В каждый данный момент язык представляет собой систему, находящуюся в движении, в диалектическом развитии. Одни явления отмирают, другие появляются; различные явления конкурируют между собой. Исторический элемент, который обязательно должен присутствовать при изложении всякой грамматики, призван прежде всего служить для объяснения тех фактов в языке, которые трактуются нормативной грамматикой, как исключения. В свете исторического анализа „исключения“ эти раскрываются как пережитки закономерностей прежних периодов или как зарождающиеся тенденции, еще не вошедшие в норму. Так, например, „неправильное“ с точки зрения современного языка спряжение глаголов *stehen* и *gehen* находит свое объяснение при анализе его истории (см. § 283, прим. 1). Только исторически могут быть осмыслены такие непонятные с современной точки зрения формы, как *hülfe*, *begönne* (см. § 324) и т. п.

Исторический подход помогает кроме того понять пути развития того или иного явления в современном языке. Таким образом он сообщает грамматике известную перспективность и в отношении будущего. Так, история суффиксов, вскрывающая их происхождение из самостоятельных слов (напр. *-lich*, *-tum*, см. §§ 370, 387, прим. II), облегчает понимание развития таких новообразующихся суффиксов, как *-los*, *-zeug*, *-werk* (см. §§ 394, 364).

Движение, в котором непрерывно находится язык, особенно ярко проявляется в конкуренции противоречивых способов выражения, в борьбе старого и нового. Такова, например, борьба предложной конструкции „*von* + существительное“ с атрибутивным родительным падежом, идущая в сторону победы первой. В случае *Goethes Werke* и *Werke von Goethe* оба способа выражения более или менее одинаково употребительны: из выражений *Leningrads Straßen* и *Die Straßen von Leningrad* несомненно предпочтительнее второе. В случае *die Wirkung von Sauerstoff* возможна только такая конструкция. Генитив сохраняется наиболее прочно в случаях, где он имеет конкретно possessивное значение, напр. *das Buch des Studenten*, *das Feld der Kollektivwirtschaft*.

Исторический анализ подтверждает, наконец, важнейшее методологическое положение о примате семантики и подчиненности формы. Все историческое движение языка показывает тесное взаимодействие формы и содержания и вскрывается как непрерывный ряд побед содержания над формой. Любой языковой факт, подвергнутый историческому анализу, является ярким примером, иллюстрирующим этот процесс.

Все эти положения как нельзя лучше подтверждают основной тезис марксистского учения о языке: „язык есть реальное сознание“ (Маркс). И в первенствующем значении семантики, и во всем историческом движении языка, и в борьбе конкурирующих форм сказывается неразрывное единство языка и мышления. Развитие языка зависит от развития мыш-

ления, обусловленного в конечном счете развитием общественных отношений; при этом развитие форм языка обычно отстает от развития мышления, играющего ведущую роль.

§ 7. Известную роль для истолкования тех или других явлений может сыграть, наконец, сравнительное изучение их на материале различных языков. Такое сравнение может выяснить генезис явления, его место в системе современного языка и пути его дальнейшего развития. Так, исход борьбы между предложными конструкциями и падежами в немецком языке в известной мере может быть предсказан сравнением с романскими языками и языком английским, где процесс этот, шедший в основном теми же путями, оказывается завершенным. Поучительную аналогию для немецкого языка представляет собой судьба родительного падежа в английском языке, где он сейчас употребляется только в качестве possessивного определения, напр. *the man's property* (ср. § 471).

При построении грамматики иностранного языка, как например немецкой грамматики для русских, принцип сравнительности играет особую роль; здесь сравнение того или иного явления иностранного языка со сходным явлением родного языка позволяет ярче обрисовать сущность первого, его специфический характер. Таким образом сравнительный метод в данном случае имеет важное методическое значение, помогая читателю лучше усвоить строй иностранного языка.

§ 8. На русском языке для русского читателя до сих пор не было ни теоретического курса немецкого языка вообще, ни хотя бы теоретической грамматики. Как это ни странно, проблема построения курса современного немецкого языка почти не разработана и в немецкой лингвистической литературе. Со времен деятельности Якова Гримма, положившего своей „Немецкой грамматикой“ начало историческому изучению немецкого языка, вся немецкая грамматическая наука стала на исторические рельсы.

Основные работы в этом направлении принадлежат представителям школы так наз. „младограмматиков“ (*Junggrammatiker*). С присущей им обстоятельностью, оперируя большим фактическим материалом, младограмматики дают в своих работах подробную историю грамматических форм. Системой современного языка, как таковой, ее спецификой и особенностями, отличающими ее от предыдущих стадий развития, они не интересуются. Современный язык для этих ученых только последняя ступень долгого пути исторического развития. Все внимание исследователя направляется на изучение законов этого развития, толкуемых чисто формально, как спонтанные процессы. При этом сама история превращается в регистрацию формальных изменений в той или иной частной области и все развитие языка представляется как чисто количественное, как сокращение или распространение отдельных языковых явлений. Новые же качественные особенности, которые вырастают из количественных изменений, специфические ступени, или стадии, возникающие в истории каждого языка, в произведениях младограмматиков остаются неосвещенными. Если обратиться, например, к „*Deutsche Grammatik*“ Германа Пауля (1916—1924), то можно получить ложное представление, будто строй современного языка принципиально ничем

не отличается от строя древневерхненемецкого или средневерхненемецкого. Все дело сводится лишь к тому, что то или другое явление чаще встречается в прежние эпохи, чем сейчас, или наоборот. Так, говоря о системе времен в немецком языке, Пауль указывает только на два времени — *презенс* и *претерит*; сложные же времена он рассматривает как синтаксическое описание времен, утраченных германскими языками еще в дописьменные периоды. Подобные методологические недочеты умаляют достоинство этого капитального труда, являющегося и поныне одной из лучших исторических грамматик современного немецкого языка.

В работах младограмматиков синтаксис не ставится во главу угла и не является организующим моментом в построении курса грамматики. Морфология рассматривается в отрыве от синтаксиса, как самостоятельный и ничем с ним не связанный раздел. Главы и книги о синтаксисе, как например пятитомный труд Бехагеля „*Deutsche Syntax*“ (1923—1930), представляют собой регистрацию и необычайно сложную и детальную классификацию языковых фактов, не дающую, несмотря на богатство и добросовестный подбор материала, правильного представления о специфике строя языка на данном этапе. История опять-таки и здесь подменена схоластической констатацией количественных изменений. Несколько иначе построена книга Вундерлиха, дающего наряду с описанием фактов и их объяснение; однако согласиться с его трактовкой синтаксиса трудно, т. к. исходит он из абстрактно логических и психологических построений.

§ 9. Единственной книгой, ставящей себе задачей построение системы грамматики современного языка, является книга Зюттерлина „*Die deutsche Sprache der Gegenwart*“. В отличие от своих многочисленных современников, являющихся авторами хотя и подробных, но чисто нормативных грамматик (напр. Лион—1900 г., Блац—1907—1908 гг.). Зюттерлин дает всестороннее научное описание современного строя немецкого языка, и в этом отношении книга его представляет исключительный интерес. Тем не менее его труд далеко не всегда соответствует тем методологическим требованиям, которым должна отвечать теоретическая грамматика. Все замечания, сделанные выше по поводу отрыва формы от содержания, логицистического и формалистического подхода к языковым явлениям в исторических грамматиках, в еще большей мере относятся к этой книге, в которой форма и содержание всех грамматических явлений систематически и принципиально рассматриваются совершенно раздельно.

§ 10. Судя по названию книги Зюттерлина („Современный немецкий язык“), можно было бы ожидать, что в ней кроме грамматики рассматриваются также проблемы лексики, однако, это не так. Да и вообще крупнейшие мастера германистики почти не уделяли внимания лексикологии; мы имеем здесь в виду систему словаря современного языка, а не лексикографию. Все работы, имеющиеся в этой области, являются либо чисто историческими, так как в них рассматривается история слов, различные пути развития словаря (классификация заимствований, изменение значения слова и т. п.), либо они занимают частными вопросами

лексикологии: профессиональной лексикой, аргю и т. п. К первым относятся такие работы, как книги Хирта, Ваага, Эрдмана и др.; ко вторым — например книги Клуге. Во всей лингвистической литературе мы не найдем даже попытки описать систему немецкой лексики в целом.

2. СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ИСТОРИЯ.

А. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ.

§ 11. Под немецким языком обычно подразумевают общий литературный или, вернее, письменный язык (Schriftsprache). Такое, хотя и неточное, понимание оправдывается тем, что только письменный язык представляет собой известное единство, только он функционирует в качестве языка, объединяющего всю нацию, языка национального.

Этому общему письменному языку противостоят диалекты, носителем которых является, прежде всего, крестьянское население Германии. Многообразие крестьянских диалектов является наследием языковой раздробленности средневековой Германии, отражающей политическую и экономическую раздробленность, свойственную феодальному обществу.

Различия между отдельными диалектами бывают настолько существенными, что они иногда превосходят различия между разными языками. Так, например, голландский язык гораздо ближе стоит к нижне-немецким говорам немецкого языка (niederdeutsch), чем эти последние к говору баварскому или гессенскому. Носители какого-либо нижне-немецкого и верхне-немецкого диалекта не поймут друг друга, если каждый будет говорить на своем наречии.

§ 12. Отсутствие единства характерно не только для крестьянских диалектов, но и для разговорного языка вообще (Umgangssprache). Разговорный язык, не связанный строгой письменной традицией, обнаруживает целый ряд градаций между литературным языком и диалектом, будучи более или менее окрашен диалектальными признаками. В соответствии с этим в разговорном языке разных частей Германии существуют иногда довольно значительные различия. Это наблюдается и в отношении фонетики и в отношении морфологии и синтаксиса, а также в отношении лексики. Так, например, на юге Германии говорят <ta:k>, на севере <ta:x> (Tag), в севернонемецком принято <ггар>, <ггтр>, в других местностях обычно <гга:р>, <гго:р> (Grab, grob). Из области морфологии можно указать на южное „bin gesessen" против северного „habe gesessen", причем этот южный диалектизм проникает и в литературный язык. Разговорный язык юга избегает претерита, в то время как северный предпочитает его перфекту. Особенной пестротой отличается лексика разговорного языка. Если на севере, например в Берлине, говорят klingeln, Etage, Treppe, bunt, то на юге соответственно: läuten, Stock, Stiege, färbig. Северному Junge соответствует южное Vube и т. п.

Особенности разговорной речи проникают, разумеется, и в письменный язык. Это имеет место главным образом не в художественной прозе, а в письменной речи, стоящей наиболее близко к разговорной, а именно в переписке. Так, например, Гете и Шиллер, как известно,

в своих письмах употребляли такие слова и обороты, каких нельзя встретить в их литературных произведениях.

Наряду с этим элементы обиходной речи и диалектизмы используются и в художественной литературе, характеризуя типичными признаками речь отдельных персонажей и придавая тем самым произведению в целом особый стилистический колорит.

Необходимо отметить далее, что не только местные особенности отличают разговорный язык от литературного. Несомненно, что в немецком, как и во всяком другом языке, разговорная речь отличается в синтаксическом и морфологическом отношении большей свободой, чем стесненная традиционной нормой речь письменная. Устная речь шире использует новые формы и зачастую является более прогрессивной, ломая в некоторых случаях устаревшие нормы. Это сказывается, например, в большей свободе в отношении порядка слов в разговорном стиле, меньшей связанности и логичности построения предложений, пропуске сказуемого и других членов предложения и т. п. То обстоятельство, что живая речь во многих отношениях следует иным грамматическим нормам, чем речь письменная, объясняется между прочим и тем, что в ее распоряжении находятся такие дополнительные выразительные средства, как мимика, жест, интонация.

Из всего вышеизложенного следует, что обычное понимание термина „немецкий язык“ является неточным и что под ним следует подразумевать, с одной стороны, общий письменный язык литературы и публичной речи и примыкающий к нему разговорный язык, функционирующий в качестве бытового, с другой стороны — многообразные крестьянские диалекты.

§ 13. Немецкие диалекты принято делить на три основные группы: северные диалекты объединяются под названием нижненемецких (Niederdeutsch, Plattdeutsch), диалекты средней Германии носят название средненемецких (Mitteldeutsch), а южные обозначаются термином Oberdeutsch. Средне- и южнонемецкие диалекты объединяются в верхненемецкую группу (Hochdeutsch). В основе этой классификации диалектов лежит чисто формальный признак — явление 2-го перебора согласных, суть которого заключается в следующем: глухим смычным *p, t, k* нижненемецких диалектов (как и всех других германских языков) соответствуют в верхненемецком *pf, z, kh* в начале слова, в удвоении и после согласных, и *f, s(z), ch* в положении после гласного. Далее, звонким смычным *b, d, g* нижненемецкого соответствуют верхненемецкие глухие *p, t, k*. Полный перебой претерпевают южнонемецкие говоры, средненемецкие же не имеют перебора *p* в *pf* и *k* в *kch, b* в *p* и *g* в *q*. Примерами могут служить: нижненемецкое и средненемецкое *pund*, южнонемецкое *pfund*; нижненемецкое *tid*, средне- и южнонемецкое *zeit*; ниже- и средненемецкое *kind*, южнобаварское *kchint*. Нижненемецкое *lepel*, средне- и южнонемецкое *leffel* (Löffel); нижненемецкое *ketel*, средне- и верхненемецкое *kessel*; нижненемецкое *kok*, средне- и верхненемецкое *koch*; нижненемецкое *dag*, средне- и южнонемецкое *tag* и т. п. Границей между нижненемецкой и верхненемецкой группой диалектов является так называемая *Benrather Linie*, проходящая через *Aachen — Benrath — Solingen — Kassel —*

Magdeburg — Frankfurt a. d. O. Эта граница отделяет таким образом диалекты, испытавшие 2-й перебой, от диалектов, которые ему не подверглись. Однако, Энгельс в своей работе „Франкский диалект“ показал, что одно только явление 2-го перебора согласных не может служить достаточным критерием для классификации диалектов. 2-й перебой — явление сравнительно позднее, насаивающееся на уже существующие диалектальные различия и в разной степени затронувшее разные диалекты. При классификации диалектов необходимо учитывать наряду с фонетическими и морфологическими, синтаксические и лексические признаки, всесторонне характеризующие диалект. Выводы современной диалектографии целиком совпадают с этими положениями Энгельса.

Б. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

§ 14. Новонемецкий литературный язык является до известной степени смешанным в диалектальном отношении; однако в основном он развился на почве верхненемецких диалектов. В частности в отношении 2-го перебора новонемецкий язык имеет ясно выраженный верхненемецкий характер. Поэтому он обычно называется в литературе новонемецким языком (Neuhochdeutsch).

В истории верхненемецкого языка различают три основных периода: древневерхненемецкий (Althochdeutsch), средневерхненемецкий (Mittelhochdeutsch) и нововверхненемецкий (Neuhochdeutsch). В качестве переходного периода от средне- к нововверхненемецкому периоду различают ранневерхненемецкий период (Frühneuhochdeutsch).

§ 15. Древнейшие памятники древневерхненемецкого языка относятся к VIII веку новой эры, в то время как последние памятники датируются XI веком. Памятники этого периода, периода раннего феодализма, носят почти исключительно клерикальный характер, поскольку образование и письменность находились в руках церкви.

Древневерхненемецкий язык далеко не представляет собой единства; напротив, в нем наблюдаются отчетливые диалектальные различия, соответствующие в общем древним племенным группировкам. Различия эти обнаруживаются в письменных памятниках как в отношении фонетики и орфографии, так и в отношении морфологии и лексики.

Древневерхненемецкий язык имеет сравнительно развитой флективный строй, богатую и разнообразную систему окончаний, сравнительно мало подвергшихся редукции. В этот период заимствуется значительное количество латинских слов, главным образом из области духовной культуры, что объясняется тем огромным влиянием, которое имели в то время латинская церковь и школа (напр. monachus — Mönch, klostrium — Kloster, scribe — schreiben, scola — Schule).

§ 16. Средневерхненемецкий язык относится к периоду расцвета феодализма и датируется XII—XIII веками. В отношении строя язык этого времени характеризуется быстрым распадом флексии, выражающимся в редукции окончаний, смешении групп склонения и спряжения и отмирании некоторых флективных форм. В отношении лексики характерно влияние французского языка, как языка передовой страны

развитого феодализма. Это особенно сильно проявляется в рыцарской литературе, являющейся либо переводной с французской, либо стоящей под сильным влиянием французских образцов.

Вопрос о существовании общего литературного языка в средневерхненемецкий период издавна представляет предмет споров в науке. Теория существования общего литературного средневерхненемецкого языка, принятого в различных частях феодальной Германии, была выдвинута в начале XIX века Карлом Лахманном. Последний основывался при этом на априорном представлении о том, что в условиях пышного расцвета рыцарской немецкой литературы, при наличии имперского центра, каким являлся двор Гогенштауфенов, должен был развиться общий литературный язык, лишенный грубых диалектальных отличий и понятный рыцарству, собиравшемуся на праздники и имперские съезды со всех сторон Германии. Однако этой априорной идее противоречило пестрое диалектальное разнообразие средневековых рукописей. Эти различия Лахманн объяснял ошибками писцов, вносящих в текст при переписке свои местные диалектизмы, не свойственные, по его мнению, оригиналу. Полагая таким образом, что писцы исказили произведения, Лахманн „восстанавливал“ первоначальную форму их, внося исправления и унифицируя их согласно нормам швабско-алеманнского диалекта двора Гогенштауфенов. Против такого произвола восстал ряд немецких исследователей и среди них в первую очередь и наиболее резко известный германист Германн Пауль. Вопрос этот в немецкой лингвистике до сих пор считается неразрешенным. Между тем наличие диалектальных элементов в средневерхненемецкой литературе совершенно не нуждается ни в каких объяснениях. Наоборот, появление общего наддиалектального языка в эпоху феодализма, характеризующуюся экономической, политической и культурной раздробленностью, было бы необъяснимой загадкой. Как мы увидим далее, возникновение такого общего языка неразрывно связано с зарождением и развитием нации в период развития капитализма.

§ 17. Период ранневерхненемецкого языка, охватывающий XIV—XVI века, является периодом разложения феодализма, зарождения капиталистических элементов и подъема политического и культурного значения бюргерства. Как говорит И. В. Сталин, „Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит дело, например, в Западной Европе. Англичане, французы, германцы, итальянцы и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма“. (И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1937 г., стр. 10.) О тесной и взаимообусловленной связи между языком и нацией говорит В. И. Ленин в своей работе „О праве наций на самоопределение“ (Собр. соч., т. XVII, стр. 428): „Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товар-

ного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем“.

В Германии XIV—XV века были временем начала объединения немецкой нации, рука об руку с которым идет развитие национального языка.

§ 18. В связи с развитием буржуазии и оттеснением с политической арены оплота феодализма — католической церкви стоит частичный переход просвещения и письменности с латыни на немецкий язык. Нарождающийся единый национальный язык принимает на себя культурные и общественные функции латыни. Прежде всего это относится к деловой прозе, юридическим документам, появляющимся уже в XIII веке, к исторической хронике. С этим связан также и расцвет бюргерской литературы на немецком языке, напр. сатирической поэмы, лирических жанров (мейстерзингерская поэзия).

Колыбелью новонемецкого национального языка являются феодальные территории, расположенные в восточной части империи (Богемия, Саксония), передовые в экономическом и политическом отношении. В XIV веке благодаря бурному развитию промышленности и торговли на первый план выдвигается Богемия, к которой переходит императорская корона. От пражской императорской канцелярии Карла IV исходят первые более или менее удавшиеся попытки унификации языка в канцеляриях империи.

В течение XV века новая норма письменного языка получила значительное распространение в канцеляриях разных частей Германии, в том числе и в канцелярии княжества саксонского. Этот язык представляет собой смешанный южносредне немецкий диалект, отражающий смешанный характер населения Богемии, захваченной немцами в XII веке. В XV и XVI веках Саксония опережает Богемию в отношении промышленного развития и вместе с тем оттесняет ее с политической арены. В Саксонии в период реформации создается центр княжеской оппозиции против императора Карла V. Саксония того времени становится и ведущей культурной страной, что объясняет ее роль в вопросе формирования национального языка. Речь идет о письменном языке саксонской канцелярии, которая, как мы видели выше, приняла нормы языка пражской канцелярии. Сама же императорская канцелярия, перешедшая вслед за императорской короной к Габсбургам в Вену, приобрела ряд особенностей языка, характерных для южнонемецкой группы диалектов. Таким образом к концу XV века в Германии намечаются два очага развития национальной языковой нормы: средне немецкий центр (саксонская княжеская канцелярия) и южнонемецкий центр (венская императорская канцелярия). Наряду с этим продолжала существовать еще не преодоленная языковая раздробленность. Прежде всего, незавершенным начавшимся процессом унификации языка оставался север (нижне немецкие области). Сепаратистские тенденции были сильны и в области верхне немецкого, в частности на юго-западе, в Швейцарии и Эльзасе. Эти тенденции объяснялись большей экономической, политической и культурной самостоятельностью Швейцарии и Эльзаса, приведшей в конце концов к их отделению.

Письменным нормам, созданным в канцелярских центрах, следовали и крупные центры книгопечатания, возникшие во второй половине XV века. Роль этих центров была чрезвычайно велика, вследствие массовости их продукции и распространения ее в самых различных областях страны.

§ 19. Решительный перелом в развитии национального языка наступает в XVI веке в связи с великими социальными потрясениями эпохи крестьянских

войн и реформации. Блестящую характеристику этой эпохи дает Ф. Энгельс в своей «Крестьянской войне в Германии»: «Итак, мы видим, что в начале XVI века разные сословия империи, — князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры, плебеи и крестьяне, — образовывали чрезвычайно запутанную массу с чрезвычайно разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другим и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой, борьбе со всеми остальными» (Собр. соч., том VIII, стр. 126). «Молния, которую метнул Лютер, нанесла свой удар. Весь немецкий народ пришел в движение. С одной стороны, крестьяне и плебеи увидели в его воззваниях против попов, в его проповеди христианской свободы сигнал к восстанию; с другой, к нему примкнули более умеренные горожане и значительная часть низшего дворянства; общий поток увлек за собой даже князей. Одни думали, что настал день для того, чтобы свести счеты со всеми их угнетателями, другие желали лишь положить конец могуществу попов, зависимости от Рима и католической иерархии и обогатить себя путем конфискации церковных имений» (ibidem, стр. 133). О результатах крестьянской войны и о причинах ее неудачи Энгельс пишет следующее: «Уже в начале нашего изложения мы видели, что недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии делало невозможным всякое объединение немцев в единую нацию, что оно допускало лишь местную и провинциальную централизацию и что поэтому носители этой централизации в общем расщеплении, князья, составляли единственное сословие, на пользу которому должно было пойти всякое изменение общественных и политических отношений» (ibidem, стр. 195). «Раздробление Германии, обострение и усиление которого было главным результатом крестьянской войны, было в то же время и причиной ее неудачи (ibidem, стр. 196).

Таким образом революционное движение эпохи реформации не привело к национально-политическому объединению Германии, как это четко показывает Ф. Энгельс в приведенном выше отрывке. Этим объясняется и то, что процесс формирования немецкой нации, а вместе с ним и процесс образования национального языка затянулся вплоть до XIX века. Победа бюргерской умеренной реформации Лютера сыграла однако в этом важную роль. Церковь и школа окончательно переходят на немецкий язык, что значительно увеличивает сферу его употребления и его удельный вес. Широкое распространение агитационно-политической литературы в эту эпоху способствовало проникновению письменной нормы в широкие массы читающих.

§ 20. Вождь реформации Мартин Лютер (1483—1546) сыграл первенствующую роль в деле унификации письменного языка. Лютеровский перевод Библии, являвшийся ярким выражением новой буржуазной идеологии и идей реформации, получил широчайшее распространение в лютеранской Германии и своим языковым авторитетом способствовал вытеснению местных диалектов из письменной речи. Буржуазная лингвистика нередко преувеличивает роль Лютера, объявляя его единоличным создателем и основателем немецкого литературного языка. Мы видели, однако, что задолго до Лютера начался процесс унификации языка в канцеляриях и центрах книгопечатания, да и сам Лютер, по его собственному признанию, следовал образцам канцелярского языка: «Я не имею своего особого немецкого языка, я пользуюсь общим немецким языком, так, чтобы меня одинаково понимали южане и северяне. Я говорю на языке саксонской канцелярии. . . ». Если Лютер, таким образом, не являлся создателем новой языковой нормы, а лишь возглавил начавшееся до него движение за объединение нации и языка, о котором пишут Ленин и Сталин (ср. выше), то, как мы увидим дальше, он и не явился завершителем этого процесса. После него продолжает существовать значительный разнобой в смысле применения тех или иных норм письменного языка. Тем не менее, заслуги Лютера бесспорны, и Энгельс, говоря о нем, замечает: «Лютер вычистил не только авгиевы конюшни церкви, но и конюшни, немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того пропитанного чувством победы хора, который стал марсельезой XVI века» (Энгельс. Диалектика природы. Собр. соч., т. XIV, стр. 476). Своим успехом Лютер обязан тому, что он не из канцелярского языка, а из языка немецких народных масс черпал необходимый для

его перевода лексический материал. В своих письмах он рассказывает о том, как он иногда затрачивал недели на поиски нужного ему слова, ища его в среде народа, на улицах, на рынках. „Не следует“, говорит он, „спрашивать буквы латинского языка, как надо говорить по-немецки, следует спрашивать о том мать семейства, детей на улице, простого человека на рынке...“.

§ 21. Само собой понятно, что распространение письменного языка (в Лютеровской форме его) имело первоначально наибольший успех в центре и на севере Германии, в местностях, где победила реформация. Так, уже к концу XVI века нижненемецкий язык северной Германии перестал существовать как язык литературы и письменности и был заменен в этой функции верхненемецким языком Лютера. Напротив, католический юг на протяжении XVI века упорно сопротивляется проникновению новой нормы.

Языковая борьба этого времени находит свое отражение также и в грамматиках немецкого языка, впервые появляющихся в разбираемый период. Некоторые из них, как, например, грамматика Клауса, базируются на языке Лютера, другие, как, например, грамматика Кольроса — на местных письменных языках. Само собой разумеется, что нормализаторские грамматики тоже сыграли немалую роль в деле унификации языка, поскольку они давали образцы для школы и для писцов.

Подводя итоги развитию национального языка в ранненовенецком период, мы можем сказать, что к концу его, несмотря на существенные успехи в области унификации, последняя далеко не завершена в области письменного языка и еще менее в области устной речи.

§ 22. XVII век характеризуется оживлением в области буржуазной языковой политики, выразившимся в энергичной деятельности языковых обществ, с одной стороны, и продолжением работ грамматиков нормализаторов, с другой. Среди языковых обществ наиболее выдающимся было „Плодородное общество“ (Fruchtbringende Gesellschaft) в Веймаре, идеологом которого был известный немецкий теоретик литературы и поэт — Мартин Опитц. Значительную роль играло также общество „Орден Розы“ (Rosenzunft) в Гамбурге, во главе которого стоял другой немецкий поэт Филипп фон Цезен. Деятельность этих обществ была направлена, с одной стороны, на языковое объединение, с другой же — на очищение языка от иностранных заимствований. Пуристические стремления были особенно сильны у Филиппа Цезена, предлагавшего, между прочим, заменить латинские заимствования Fieber (из лат. febris) и Fenster (из лат. fenestra) немецкими „Zitterweh“ и „Tageleuchter“. Неудивительно, что эти надуманные и тяжеловесные неологизмы не утвердились в немецком языке.

Из кругов „плодородного общества“ вышел крупнейший грамматик XVII века Шоттель, опиравшийся, как и его предшественник Клаус, на лютеровскую норму и тем способствовавший ее распространению. Однако и в XVII в. борьба вокруг единой нормы языка не заканчивается вследствие экономической и политической отсталости Германии, отсутствия большой национальной художественной, научной и философской литературы.

В поисках образца для единой нормы разговорного языка большинство теоретиков того времени выдвигало диалект Саксонии, на который, как указывалось выше, опиралась и норма письменной речи. Саксония сохранила вплоть до конца XVIII века положение передовой во всех отношениях страны. „С конца XVII и почти до конца XVIII века“, замечает Меринг, „большинство представителей немецкой образованности были уроженцами Саксонии или воспитанниками саксонских школ: от Лейбница, Пуффендорфа и Томасиуса и до Геллерта, Клопштока и Лессинга — и даже дальше“ (Франц Меринг. Легенда о Лессинге).

§ 23. Еще в первой половине XVIII века вопрос о языковой норме был предметом споров между Готтшедом, сторонником саксонской нормы, и шведскими писателями Бодмером и Брейтингером. Саксонской нормы придерживается и последний ее защитник, грамматик конца XVIII века Аделунг.

Завершение процесса развития национального литературного языка связано с дальнейшим ростом капиталистического развития Германии конца XVIII и XIX в. Решающее влияние в этом отношении имели однако не теоретики-лингвисты,

а писатели, создатели великой немецкой классической литературы. Именно Лессинг, Гете и Шиллер, обогащая свои произведения элементами, почерпнутыми из неиссякаемого источника сокровищ народного языка, положили последний камень в медленно, в течение нескольких столетий возводимом здании немецкого литературного языка. В XIX веке следовательно нет больше места спорам о том, каким должен быть литературный язык Германии. Литературный язык, и притом не базирующийся на каком-нибудь диалекте, а стоящий над диалектами, реально существует в XIX веке в произведениях великих немецких писателей, философов и ученых. В эту эпоху проникают в немецкий язык многочисленные термины из различных областей науки и техники, создается богатая интернациональная лексика.

Выдающуюся роль в формировании языка материалистической философии и пролетарской идеологии сыграли классики марксизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Широкое распространение их произведений среди немецкого народа способствовало кроме того внедрению и закреплению норм образцовой литературной речи среди широких масс.

Литературный письменный язык — это та форма, в которой выступает национальный язык в период капитализма, ибо подлинный национальный язык, объединяющий весь народ, всю нацию не только в сфере письменной, но и в области устной речи, возможен только в бесклассовом обществе, где всем трудящимся открыт доступ к культуре и знанию.

§ 24. Одной из основных языковых проблем в XIX веке становится проблема унификации языка разговорного и в частности произношения. Необходимость унификации этого последнего особенно остро чувствовалась на сцене, о чем писал еще в начале XIX века Гете. Стремление к такой унификации выразилось в созыве в 1898 г. специальной конференции, состоявшей из представителей науки и виднейших деятелей немецкого театра. Результаты работ комиссии были опубликованы профессором Зибом в его книге „Deutsche Bühnenaussprache“. В связи с тем, что выводы конференции в известной своей части подверглись резкой критике, в 1908 г. была созвана вторичная конференция, которая внесла соответствующие поправки в первоначальные постановления. Постепенно эти нормы получили распространение и за пределами сцены, в публичной речи вообще, кроме того на них ориентируются и в школе (см. § 52).

§ 25. Языковая политика XIX в. характеризуется кроме того возрождением и усилением пуристических тенденций, о которых речь была выше. Буржуазный пуризм, направленный против иностранных и интернациональных слов, является выражением националистической политики господствующих классов и вызывает обострением противоречий между отдельными капиталистическими странами.

Пуризм вообще имеет двойственную природу. Как известно, против засилья иностранщины выступал и Ленин: „Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочеты или недостатки или пробылы?.. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?“ (В. И. Ленин. Об очистке русского языка. Собр. соч., т. XXIV, стр. 662). Нетрудно увидеть, что это высказывание В. И. Ленина ничего общего не имеет с буржуазным пуризмом. Ленин говорит об излишнем употреблении иностранного слова при наличии общедоступного и однозначного родного слова, тогда как буржуазные пуристы стремятся к огульному изгнанию всякого иностранного или интернационального слова и замене его искусственным, зачастую громоздким и искажающим истинный смысл понятия, словом (см. § 621). Энгельс пишет: „Ведь необходимые иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод только искажает смысл; вместо того, чтобы разъяснить, он вносит путаницу.“ (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 624).

§ 26. В начале XIX века с резко пуристическими теориями выступил Кампе,

выпустивший в 1801 г. специальный словарь онемеченных слов. Некоторые его переводы, удачно передававшие содержание соответствующих понятий, вошли в обиход; большинство же осталось нереализованным, так как не отвечало существу дела.

Специально пуристические задания ставит себе так называемый „Общемецкий языковой союз“, основанный в 1885 г. В ряде областей государственного управления были циркулярным путем изгнаны иностранные слова и заменены немецкими. Так появились: Fahrkarte вместо Billet, Vertrag вместо Kontrakt, Fernsprecher вместо Telephon, Kraftwagen вместо Auto и т. п. Крайнее выражение пуризма мы находим в лозунге одного из активнейших поборников этого течения — Энгеля, гласившем: „каждое иностранное слово — излишне“ (jedes Fremdwort ist entbehrlich).

Однако переводы, предлагаемые Энгелем, лишний раз иллюстрируют тезис Энгельса о незаменимости большинства терминов (см. вышеприведенную цитату). Специальный термин с точным значением Энгель пытается заменить беспомощным переводом-перифразой. Разве слово Lebensforschung отражает те представления, которые наука всего мира связывает с понятием Biologie? Разве слово Gefühlkunst адекватно слову Lyrik? Переводы революционных терминов у Энгеля нарочито искажают и принижают их сущность. Revolution передается словами Umsturz, Umwälzung „переворот“, Volkserhebung „народное восстание“, Aufstand „восстание“, Aufruhr „мятеж“; Revolutionär передается Umstürzler „ниспровергатель“, Staatsfeind „враг государства“, Empörer „бунтовщик“ и т. п.

Само собой разумеется, что буржуазная пуристическая политика прямо противоречит интересам пролетариата, препятствуя закономерному процессу интернационализации языка. Ибо, как сказал И. В. Сталин, „в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым“ (И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, 10-е изд., 1937 г., стр. 431).

ФОНЕТИКА (PHONETIK, LAUTLEHRE).

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

§ 27. Анализируя связный поток речи, мы приходим в конечном счете к слагающим ее элементарным единицам — звукам речи.

Как и всякий другой звук в природе, звук речи представляет собой с физической точки зрения определенные колебания частиц воздуха; в этом смысле он, как и любое физическое явление, может служить и действительно служит предметом изучения физики, ее раздела, посвященного звуку — акустики.

Колебания частиц воздуха, представляющие собой физическую сущность звука, возникают, разумеется, не сами собой; в речи их источником является речевой аппарат человека. Колебания эти только тогда приобретают лингвистическую ценность, когда они кем-нибудь восприняты, т. е. услышаны; для этой цели служит слуховой аппарат человека. И произносительный, и слуховой аппарат и вся речевая деятельность человека вообще управляется центральной нервной системой. Все это говорит о том, что звук речи является в известном смысле функцией организма и, следовательно, может рассматриваться также и в биологическом или физиологическом аспекте.

Звуки речи, как было сказано, представляют собой элементы, из которых складывается речь, являющаяся средством общения в человеческом обществе; таким образом, они должны изучаться в первую очередь как явления социального порядка. Социальный аспект как раз и является той специфической особенностью, которая отличает звук речи от всех других звуков в природе; физический и биологический аспекты подчинены ему или, вернее говоря, диалектически сняты в нем.

§ 28. Что физическая и биологическая стороны звука речи имеют в языке подчиненное значение, вытекает из следующих наблюдений. Звук *а* в слове *мать*, повторенном несколько раз одним и тем же лицом или сказанном разными людьми, будет каждый раз несколько различным и в акустическом, и в физиологическом отношении (различие в звучании обусловлено различием в артикуляции органов речи). В аспекте социальном, языковом, все эти звуки будут оставаться одним и тем же *а* или иначе — одной и той же фонемой, поскольку различие между ними не существенно для смысла, не искажает значения слова *мать*. Как правило, ни говорящий, ни слушающий не замечают этих объективно существующих различий.

Неразличение оттенков того или иного звука имеет известный предел, который определяется необходимостью отличать его от других звуков.

используемых семантически в данном языке, т. е. от других фонем. Так, в немецком языке **a** в слове *Stadt* может быть произнесено по-разному, в частности с различной длительностью, однако, не с такой, которая могла бы вызвать смешение этого слова со словом *Staat*. Поэтому говорят, что в немецком языке имеется два **a** — краткое и долгое, которые являются двумя отдельными фонемами: от наличия одной или другой из них зависит значение слова.

Иначе дело обстоит в русском языке. Хотя и в нем встречаются **a** с различной длиной, напр.: первое **a** в слове *мама*, т. е. в открытом и ударенном слоге, всегда дольше, чем **a** в слове *мать*, т. е. в закрытом слоге. Однако, различие между этими двумя **a** не используется в русском языке для семантических целей, и если мы удлиним **a** в слове *мать*, то никакого недоразумения это не вызовет. Поэтому говорят, что в русском языке имеется только одна фонема **a**.

§ 29. Мы видим, что фонема не совпадает со звуком речи, хотя вне звуков речи она не существует; фонема налична в каждом отдельном звуке речи, представляя как бы социальный аспект его.

Многообразие звуков речи, служащих для выражения данной фонемы, несущественно с социальной, языковой точки зрения, так как оно обусловлено индивидуальными особенностями говорящего или определенными фонетическими условиями. В социальном отношении звук речи представляет собой не что иное, как выражение фонемы. Фонему можно определить следующим образом: фонема — это наименьшая языковая единица, способная служить для различения смысла и формы слов.

Выяснение состава (перечня) фонем данного языка является основной задачей фонетики этого языка.

§ 30. Звуки речи, служащие для выражения данной фонемы, могут быть очень разнообразны, но все они имеют определенную (хотя и сложную) акустико-физиологическую характеристику, отличающую их от звуков речи, служащих для выражения всех других фонем данного языка. Благодаря этому обстоятельству фонема **o**, например, в русском языке, несмотря на всевозможные индивидуальные отклонения в произношении того или иного носителя русского языка, узнается как **o** и не смешивается с каким-нибудь другим гласным.

Определение характеристик звуков речи, служащих для выражения фонем (как говорят для простоты — характеристики фонем) данного языка, является второй задачей фонетики.

§ 31. Фонетические условия, в которые попадает та или иная фонема (т. е. ударенное или неударенное положение, соседство с разными другими фонемами), оказывают известное влияние на ее акустико-физиологическую характеристику. Иногда это влияние оказывается настолько значительным, что приходится давать две или более характеристики данной фонемы. Тогда говорят, что эта фонема встречается в двух, трех или более вариантах. Так, фонема **e** в русском языке встречается в четырех вариантах в зависимости от соседства с теми или иными согласными: между непалатализованными (твердыми) согласными, напр. в словах: *цел*, *жезл* и т. п. **e** может быть охарактеризовано как открытый гласный, несколько более закрытый характер имеет гласный **e** после палатали-

вованного согласного в абсолютном исходе и между палатализованными и непалатализованными согласными, напр. в словах *не, лето*; еще более закрытым является гласный *е* после непалатализованного и перед палатализованным, напр. в слове *цепь*, наконец, между палатализованными (мягкими), напр. в словах: *сели, лезь* и т. п. это очень закрытый гласный.

Эти четыре *е* не составляют особых фонем в русском языке, а являются вариантами одной фонемы, так как употребление того или иного из них зависит не от смысла слова, а от фонетических условий. Как варианты они характеризуются прежде всего тем, что они не могут встречаться в соседстве с одинаковыми согласными и, следовательно, в русском языке не может представиться такого случая, где бы два слова различались только благодаря тому, что в одном из них было бы открытое *е*, а в другом закрытое.

В немецком же языке, напротив, и открытое *е* (оно же краткое) и закрытое (оно же долгое) встречаются в одинаковых фонетических условиях, в соседстве с одними и теми же согласными, и поэтому они могут служить средством для различения слов; так, например, слова *Beet* и *Bett* различаются только по наличию в них закрытого или открытого *е*. Следовательно, открытое и закрытое *е* являются в немецком языке двумя разными фонемами, а не вариантами одной фонемы, как в русском языке, хотя с акустико-физиологической точки зрения разница между ними, в общем, не большая, чем в русском.

§ 32. В задачу фонетики входят, таким образом, прежде всего выяснение состава фонем, нахождение вариантов фонем и акустико-физиологическое описание фонем и их вариантов. В задачу фонетики входит далее: установление связей между отдельными фонемами, их чередование, изучение ударения, слогоделения, ритмики и интонации и, наконец, изучение взаимоотношений устной и письменной речи (вопросы графики и орфографии).

Под описанием фонем в практической фонетике подразумевают, в первую очередь, описание артикуляции органов речи при произнесении той или иной фонемы. Краткий очерк анатомии речевого аппарата человека должен послужить основой для такого описания.

§ 33. Речевой аппарат состоит из целого ряда органов, функций которых не исчерпываются их участием в звукообразовании.

Все звуки речи образуются благодаря препятствиям, которые встречает на своем пути струя воздуха, выходящая из легких. Таким образом в известном смысле легкие могут быть отнесены к речевому аппарату. Из легких воздух попадает через бронхиальные ветви в дыхательное горло (трахея), в верхней части которого находится гортань, отсюда — в полость, находящуюся над гортанью, именуемую глоткой, и наконец — в полость рта или в полость носа или в ту и в другую одновременно.

Гортань (Kehlkopf), являющаяся местом образования голоса, имеет следующее устройство (см. рис. 1, IV): в основании гортани лежит перстневидный хрящ (Ringknorpel), своей узкой частью обращенный вперед, а широкой — назад. В передней стороне гортани над узкой частью перстневидного хряща находится щитовидный хрящ

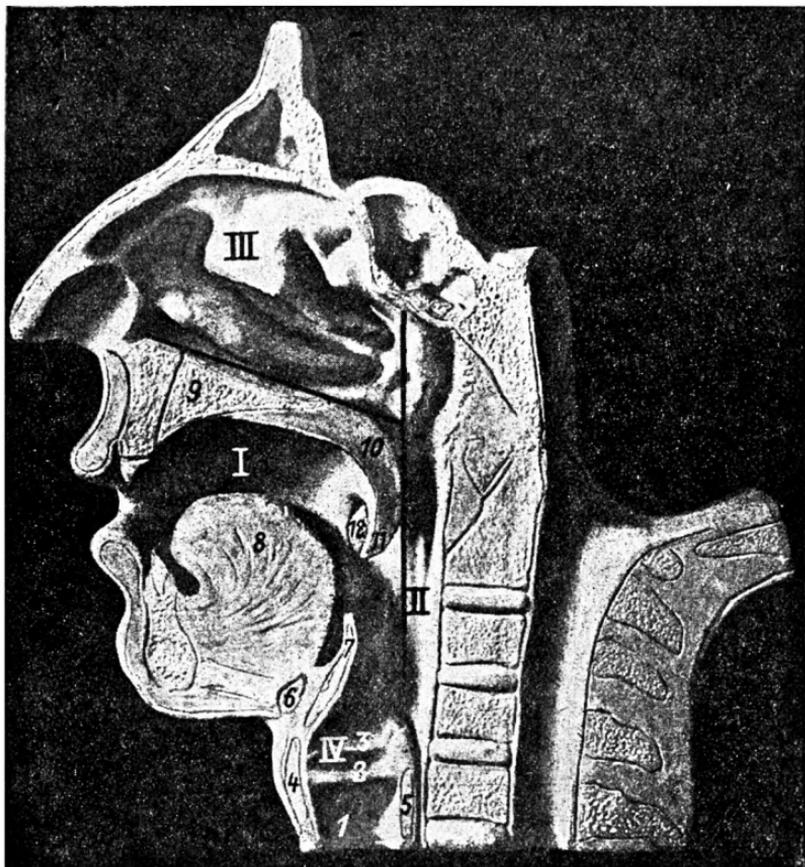

Рис. 1. Сагиттальный разрез головы с опущенным мягким небом.

I — полость рта; II — глотка, или фаринкс; III — полость носа; IV — гортань. 1 — дыхательное горло, или трахея; 2 — голосовая связка; 3 — ложная голосовая связка; 4 — щитовидный хрящ; 5 — перстневидный хрящ; 6 — подъязычная кость; 7 — надгортанник; 8 — язык; 9 — твердое или костное небо; 10 — мягкое небо; 11 — маленький язычок; 12 — миндалевидная железа, лежащая между передними и задними небными дугами.

(Schildknorpel), к нему своими передними концами (в непосредственной близости друг к другу) прикреплены голосовые связки (Stimm-bänder), задние же концы их (каждой связки в отдельности) прикреплены к двум пирамидальным (или черпаловидным) хрящам (Stellknorpel), которые находятся на обращенной назад широкой части перстневидного хряща (см. рис. 1, 5). Над этими голосовыми связками, носящими название истинных, расположена сходная с ними пара мускулов, так наз. ложные голосовые связки (см. рис. 1, 3). Все

эти хрящи соединены между собой мускулами, которые делают гортань и ее отдельные части подвижными; в частности, они приводят в движение черпаловидные хрящи, благодаря чему происходит сближение или удаление друг от друга голосовых связок. Над гортанью расположена трубка, открытая спереди в верхней своей части, носящая название ф а р и н к с а (Pharynx) или г л о т к и (Rachenhöhle, см. рис. 1, II). Благодаря специальным мышцам (с ф и н к т о р а м) фаринкс может сближаться с корнем языка.

В полости рта (Mundhöhle), второй чрезвычайно важной части речевого аппарата, находятся: язык (Zunge), твердое нёбо (harter Gaumen), мягкое нёбо (weicher Gaumen) или нёбная занавеска (Gaumensegel), которая заканчивается свисающим сверху маленьким язычком (Zäpfchen, Uvula). Полость рта ограничена с боков и спереди зубами, а затем щеками и губами (см. рис. 1, I).

Над полостью рта находится сложная и неизменяемая по форме полость носа (Nasenhöhle, см. рис. 1, III).

§ 34. Речевые органы могут быть разделены на активные, т. е. производящие определенные движения при образовании звуков речи, и пассивные, т. е. остающиеся неподвижными при этом.

К активным относятся: 1) истинные голосовые связки (рис. 1, 2); 2) фаринкс (рис. 1, II); 3) нёбная занавеска с маленьким язычком (рис. 2, V, U); 4) язык, в котором, ввиду многообразия производимых им артикуляций, различают переднюю, среднюю и заднюю части (рис. 2, A, M, P); 5) губы (рис. 2, b, L).

Остальные органы речи относятся к пассивным.

Описание артикуляции перечисленных органов при произнесении того или иного звука речи составляет физиологическую характеристику последнего.

§ 35. В акустике различают двоякого рода звуки: 1) звуки, возникающие вследствие периодических колебаний, т. е. колебаний, повторяющихся через строго определенные промежутки времени; такие звуки, именуемые музыкальными тонами (или просто — тонами), характеризуются, следовательно, определенным числом колебаний в данный период времени. Так „do“ первой октавы имеет 261 колебание в секунду, „do“ второй октавы 522 колебания и т. д., 2) звуки, возникающие вследствие непериодических колебаний, т. е. колебаний, повторяющихся через неопределенные промежутки времени; такие звуки носят название шумов.

Акустическая характеристика звуков речи базируется в конечном счете на понятиях тона и шума. Источником тона в речи являются истинные голосовые связки. Под напором струи воздуха, выходящей из легких, сближенные, но не плотно сомкнутые голосовые связки начинают вибрировать подобно язычку язычковых труб, вследствие чего возникает тон или, как его называют, имея в виду речь, — голос. Звуки, возникающие благодаря тому, что преграду току воздуха создает какой-либо другой активный орган речи, являются шумами. Шумы могут возникать и благодаря артикуляциям голосовых связок, если только это не вибрация, а артикуляция иного типа (см. § 72).

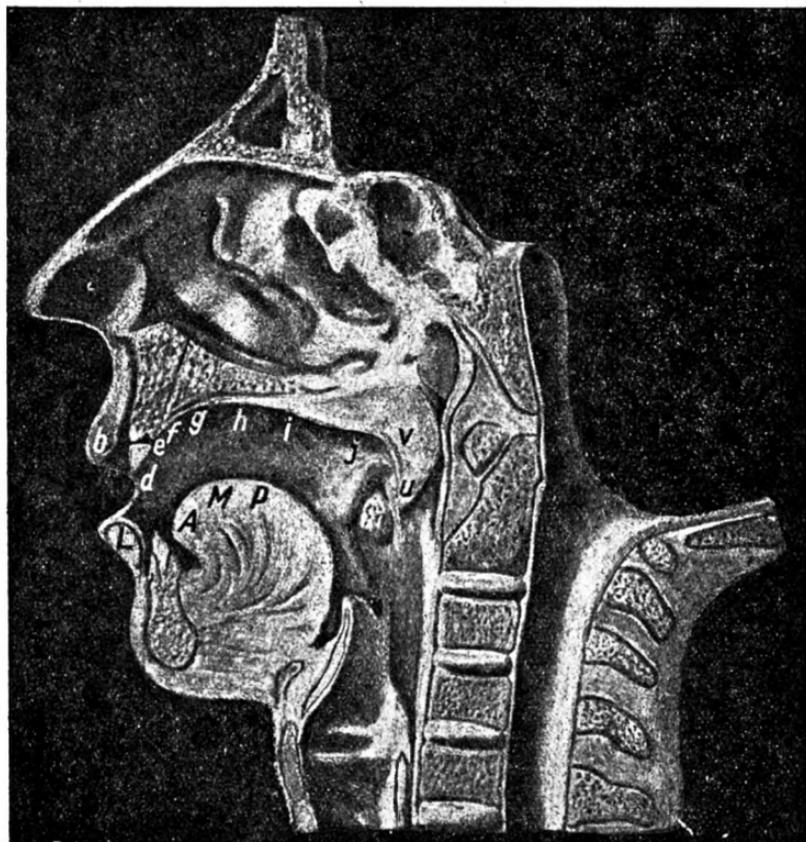

Рис. 2. Сагиттальный разрез головы с поднятым мягким нёбом.

Активные органы: *b, L* — губы; *A* — передняя часть языка; *M* — средняя часть языка; *P* — задняя часть языка; *U* — маленький язычок; *V* — мягкое небо. Пассивные органы: *d* — край верхних зубов; *e* — задняя поверхность верхних передних зубов; *f* — альвеолы; *g* — передняя часть твердого неба; *h* — середина неба; *i* — передняя часть мягкого неба; *j* — задняя часть мягкого неба.

§ 36. Все звуки речи делятся обычно на гласные и согласные. Согласные — это звуки, имеющие определенный фокус образования; они, следовательно, могут быть точно локализованы в речевом аппарате; гласные же — это звуки, не имеющие определенного фокуса образования; в их образовании участвует весь речевой аппарат в целом.

Различие между гласными и согласными может быть сформулировано еще и иным образом. Гласные характеризуются тем, что в основе их лежит голос и что в верхних, надгортанных частях речевого аппарата при их произнесении почти не возникают шумы; надгортанные полости так называемая „надставная труба“) играют только роль резонаторов.

Согласные же характеризуются прежде всего шумами, возникающими в разных частях речевого аппарата, в том числе и в надставной трубе.

Это традиционное деление звуков речи на гласные и согласные, однако, далеко не столь очевидно, о чем свидетельствует группа сонантов, о которых речь будет ниже (см. § 38).

§ 37. С акустической точки зрения согласные могут быть разделены на звонкие и глухие; к первым относятся согласные, которые образуются при участии голоса, напр.: русские б, в, г, д, немецкие b, w, g, d и т. п.; ко вторым — согласные, образуемые без участия голоса, напр.: русские п, ф, к, т, немецкие p, f, k, t и т. п. Наличие или отсутствие голоса (дрожания голосовых связок) при произнесении того или иного звука легко установить путем следующего простого эксперимента: нужно приложить руку к щитовидной железе (к так называемому кадыку) и произносить при этом исследуемый звук; при наличии голоса, т. е. при звонких согласных, дрожание голосовых связок, прикрепленных к щитовидному хрящу, передается и щитовидной железе и ощущается рукой; при отсутствии голоса рука не чувствует никакого дрожания, так как голосовые связки находятся в покое.

Звонкие согласные, как правило, бывают слабее, т. е. они произносятся при менее энергичной артикуляции, чем глухие. Это различие между глухими и звонкими особенно существенно для немецкого языка (см. § 56); не случайно поэтому немецкая школьная грамматика называет глухие согласные „твердыми“ (hart), а звонкие „мягкими“ (weich).

§ 38. Звонкие согласные в свою очередь делятся на шумные (Geräuschlaute) и сонанты (Sonanten); в первых — шум преобладает над голосом; во вторых — голос над шумом. Сонанты занимают, таким образом, промежуточное положение между гласными и согласными. В русском языке сонантами являются — л, м, н, р, й; в немецком — l, m, n, r, j.

§ 39. С анатомо-физиологической точки зрения согласные могут быть классифицированы по двум признакам: во-первых, по способу образования, во-вторых, по артикулирующему органу.

Активные органы речи могут артикулировать тройким образом: 1) они могут смыкаться между собой или с каким-нибудь пассивным органом речи, полностью преграждая путь для струи воздуха; 2) они могут сближаться, образуя более или менее узкую щель для прохода воздуха, и 3) они могут дрожать, то закрывая, то открывая путь для тока воздуха.

Соответственно этим трем способам образования различаются три типа согласных: 1) смычные (Verschlusslaute), напр.: русские б, п, д, т, г, к, м, н; немецкие b, p, d, t, g, k, m, n, j; 2) щелевые (Englaute), напр.: русские в, ф, з, с, х, л; немецкие w, f, s, l; 3) дрожащие (Zitterlaute), напр.: русское р, немецкое г.

Смычные называются также взрывными, так как при произнесении этих согласных вслед за смычкой обычно происходит быстрое размыкание (взрыв). Однако, взрыв не является их обязательным свой-

ством (так, напр., “м” в слове *лампа* не имеет взрыва), без смычки же они не могут быть произнесены. Таким образом, термин „смычные“ более всеобъемлющ и точен, чем „взрывные“.

Щелевые иначе называются спирантами (от латинского *spiro* „выдыхать“), так как при их произнесении все время происходит выдох воздуха, или фрикативными (от латинского *frico* „тереть“), так как при их произнесении происходит трение воздуха об органы речи.

Мы отказываемся от последних двух терминов, потому что они ничего не говорят о способе артикуляции органов речи.

§ 40. Соответственно участию в образовании данного согласного того или иного органа речи различают следующие типы согласных.

1) Губно-губные (Lippenlaute, Labiale), образуемые благодаря артикуляции верхней и нижней губы; напр.: русские **п, б, м**, немецкие **p, b, m**. 2) Губно-зубные (Lippenzahnlaute, Labiodentale), образуемые нижней губой и верхними зубами, напр.: русские **ф, в**; немецкие **f, w**. 3) Переднеязычные (Vorderzungenaute), напр.: русские **т, д, н, с, з**; нем. **t, d, n, s**. 4) Среднеязычные (Mittelzungenaute), напр.: русский **й**, немецкий **j** и так называемый *ich-Laut* (§ 63). 5) Заднеязычные (Hinterzungenaute), напр.: русск. **к, г, х**, нем. **k, g**. Все язычные звуки образуются благодаря артикуляции соответствующих частей языка — передней, средней, задней. 6) Увулярные (Uvulare), образуемые приближением нёбной занавески к задней части языка; при этом важно, что активным органом речи здесь является нёбная занавеска, язык же играет пассивную роль, напр.: немецкий так называемый *ach-Laut* (§ 64). 7) Фарингальные (Pharyngale), образуемые сближением задней части стенки зева (фаринкса) с корнем языка; примером этого типа звуков может служить немецкий согласный **h**, который, правда, большинством фонетиков относится к следующей категории. 8) Горланые (Kehlkopf-laute, Kehllaute), образуемые благодаря артикуляции голосовых связок; например, немецкий так называемый *Klacklaut* (см. § 72). В русском языке последние три типа согласных не представлены.

Примечание 1. Губно-губные и губно-зубные объединяются иногда под общим названием „губные“.

Примечание 2. Очень многие лингвисты и даже специалисты фонетики классифицируют согласные не по артикулирующему органу, а по „месту образования“. Иными словами: они исходят в своей классификации не из активных, а из пассивных органов речи. Переднеязычные согласные называются в таких классификациях передненёбными или даже зубными (дентальными); заднеязычные — задненёбными или веллярными. Последними двумя терминами обозначаются кроме того и увулярные. Этот принцип классификации должен быть отвергнут по двум соображениям. Во-первых, он неудобен с точки зрения методики обучения иностранному произношению: задача, как известно, сводится к тому, чтобы обучить артикуляции активных органов речи, иб пассивные органы артикулировать не могут; отправляясь от них, мы ничему научить не сможем. Во-вторых (и это важнее всего), классификация, построенная по этому принципу, искажает истинное положение вещей. Так, например, глухой смычный звук, произнесенный благодаря артикуляции передней части языка, остается звуком типа *t* и тогда, когда эта часть языка соприкасается не с передней, а со средней частью нёба; между тем звуки типа *t* называются при такой классификации передненёбными или зубными. По этой классификации, кроме того, не разли-

чаются согласные, образуемые благодаря действию задней части языка при пассивном участии мягкого нёба и нёбной занавески (т. е. заднеязычные согласные), от согласных, при образовании которых активным органом является нёбная занавеска (т. е. увулярных согласных).

§ 41. С точки зрения участия носового резонатора при образовании того или иного согласного различают носовые и неносовые согласные. При образовании последних (напр. б, д) нёбная занавеска поднята, прижата к задней стенке зева и проход в нос, следовательно, закрыт; при образовании носовых (напр. м) нёбная занавеска, напротив, опущена, струя воздуха проходит из гортани в нос, благодаря чему получается своеобразный носовой тембр.

§ 42. Смычные согласные подразделяются еще на чистые (reine) и аффрикаты (Affrikaten). Чистые характеризуются тем, что при взрыве органы речи сразу широко раскрываются, и поэтому выдыхаемая струя воздуха проходит свободно, не образуя никакого звука. При произнесении аффрикат, напротив, органы речи раскрываются постепенно; благодаря этому после взрыва образуется щель, обуславливающая возникновение щелевого согласного. Аффрикаты являются таким образом сложными согласными, которые начинаются со смычного элемента и кончаются щелевым, причем оба они образуются одним и тем же органом речи. Так ц, состоящее из смычного элемента т и щелевого с, является аффрикатой, так как т и с — переднеязычные согласные. Напротив, кс, также состоящее из смычного и щелевого, представляет собой сочетание двух согласных, а не аффрикату, так как к и с образуются разными органами речи: к — заднеязычный, с — переднеязычный согласный.

Чистыми называются те смычные согласные, которые не имеют щелевого элемента.

§ 43. При произнесении всякого согласного (кроме среднеязычных) наряду с характерной для него основной артикуляцией возможно еще и сближение средней части языка с нёбом. Эта дополнительная артикуляция, называемая палатализацией (Palatalisierung), обуславливает специфический оттенок согласного, „мягкость“ его.

Палатализация в отличие от немецкого очень широко используется в русском языке, напр.: *моль, дядя, хоть* и т. п.

§ 44. Смычные согласные, наконец, могут быть придыхательными (aspiriert) и непридыхательными (unaspiriert). Если при произнесении смычного после взрыва имеет место выдох, то согласный называют придыхательным, в противном случае его называют непридыхательным. В русском языке придыхательных смычных нет; в немецком языке они, как мы увидим дальше, имеются.

§ 45. Классификация гласных основана на гораздо менее четких признаках, чем классификация согласных. Причина этого заключается в самом существе гласных, при образовании которых положение органов речи в надставной трубе трудно сколько-нибудь точно фиксировать (см. § 36).

Различают гласные переднего ряда, заднего ряда и смешанные. Первые образуются при помощи поднятия передней части

языка; благодаря этому резонирующая полость рта делится на две неравные части: большую, расположенную сзади, и меньшую, расположенную спереди. Вторые произносятся при поднятии задней части языка; при этом большая часть ротового резонатора оказывается спереди. Наконец, смешанные произносятся при поднятии всего языка, благодаря чему ротовой резонатор получает форму вытянутой трубы.

В каждом из этих рядов степень подъема языка может быть различной; однако, здесь невозможно установить какие-нибудь определенные точки. Можно говорить только о большем („закрытость“) или меньшем („открытость“) подъеме языка. Получается, таким образом, непрерывная шкала гласных, различных по „закрытости“ или „открытости“; степень „закрытости“ при этом может быть определена только относительно. Так, можно сказать, что русское *о* произносится при большем поднятии языка, чем немецкое краткое *o*, т. е. что оно более закрытое, чем последнее. По сравнению же с долгим немецким *o* русское является более открытым, так как при его произнесении язык поднят меньше, чем при произнесении немецкого.

§ 46. Кроме простых гласных, монофтонгов (*Monophthonge*), о классификации которых шла речь в предыдущем параграфе, существуют сложные гласные, дифтонги (*Diphthonge*). Последние состоят из двух гласных элементов, составляющих, однако, один слог. Примерами дифтонгов могут служить немецкие *ai, ei, eu*.

§ 47. При произнесении всякого гласного наряду с артикуляцией языка могут артикулировать и губы; в таком случае говорят о лабиализованных гласных в отличие от нелабиализованных, произносимых без участия губ.

Лабиализация (*Labialisierung, Lippenrundung*) не связана с каким-нибудь одним рядом гласных. Так, в европейских языках гласные заднего ряда (типа *o, u*) всегда являются лабиализованными; однако, существуют языки, в которых встречаются и нелабиализованные гласные заднего ряда. В русском языке невозможна лабиализация гласных переднего ряда; в немецком же языке она играет важную роль.

§ 48. Наряду с этой классификацией гласных, которую можно назвать качественной, существует также классификация, основанная на количественных данных, т. е. на длительности гласных. Количественный фактор не может служить в русском языке для различения фонем, иначе говоря, не имеет фонологического значения. Длительность русских гласных зависит, как показал Л. В. Щерба („Русские гласные в качественном и количественном отношении“), от фонетического положения. Перед щелевыми согласными гласные более длительны, чем перед смычными; гласный *а* в слове *раз*, например, более долг, чем в слове *рад*. Мы, тем не менее, говорим, что в русском языке существует только одна фонема *а*, так как разные по длительности *а* не встречаются в одинаковом положении и, следовательно, не могут быть использованы для различения смысла слов. В немецком же языке классификация гласных по количественному признаку необходима, так как различие между долгими и краткими гласными имеет фонологическое значение (см. § 28).

2. ФОНЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.¹

А. СОСТАВ ФОНЕМ.

§ 49. Фонемы немецкого языка могут быть представлены в следующей таблице (стр. 28).

В транскрипции мы употребляем еще букву *э* для обозначения варианта «*ε*», в таблице *э* отсутствует, так как не представляет самостоятельной фонемы (см § 51).

Для сравнения приводим также таблицу фонем русского языка (стр. 29).

Из сопоставления обеих таблиц видно, что между системами фонем русского и немецкого языков существует принципиальное различие. Русский язык богат согласными; их почти вдвое больше чем в немецком языке, что объясняется свойственным русскому языку различием палатализованных и непалатализованных. В немецком же языке втрое больше гласных, чем в русском; это обусловлено прежде всего различием долгих и кратких, а также наличием лабиализованных гласных переднего ряда и др.

Примечание. Мы не включаем в таблицу носовые (назализованные) гласные («*ā*», *ɜ̃*, *ē*, *œ*:»), а также согласный «*з*», так как они встречаются только в небольшом числе слов, заимствованных из французского языка.

§ 50. Все звуки, приведенные в первой таблице, являются фонемами. В отношении большинства звуков это очевидно. Некоторые фонемы стоят особняком и никак не могут смешиваться с другими; из согласных это прежде всего сонанты, затем аффрикаты, а также согласные «*ʃ*», «*h*» и «*j*»; из гласных это дифтонги. Другие фонемы находятся в известной связи между собой, группируются в пары; однако, их самостоятельность легко может быть констатирована на ряде пар слов, где их семантическая роль выступает с полной очевидностью. Примеры: согласные: «*p*—*b*» «*lo:pər*» Oper—«*lo:bər*» ober; «*t*—*d*» «*tɔrf*» Torf—«*dɔrf*» Dorf; «*k*—*g*» «*ka:sə*» Kasse—«*ga:sə*» Gasse; «*f*—*v*» «*fəlt*» Feld—«*vəlt*» Welt; «*s*—*z*» «*væ:sə*» weiße—«*væ:zə*» Weise, гласные: «*i*:—*ɪ*» «*bi:tən*» bieten—«*bitən*» bitten; «*e*:—*ɛ*» «*be:t*» Beet—«*bət*» Bett; «*a*:—*a*» «*za:t*» Saat—«*zat*» satt; «*o*:—*ɔ*» «*lo:fən*» Ofen—«*ɔfən*» offen; «*u*:—*u*» «*flu:k*» schlug—«*fluk*» Schluck; «*i*:—*y*:» «*fi:lən*» fielen—«*fy:lən*» fühlen; «*i*—*y*» «*dɪŋən*» dingen—«*dʏŋən*» düngen; «*e*:—*ø*:» «*he:fə*» Hefe—«*hø:fə*» Höße; «*ε*—*œ*» «*kenən*» kennen—«*kœnən*» können.

Сложнее решается вопрос о различении фонем «*ç*» и «*x*», «*ε*:» и «*e*:». Многие лингвисты считают «*ç*» и «*x*» вариантами (см. § 31) одной фонемы, а не двумя самостоятельными фонемами. Поводом к этому является то, что в большинстве случаев «*ç*» встречается после гласных

¹ В этой главе и в последующих применяется фонетическая транскрипция, основанная на Международном фонетическом алфавите. Так как последний базируется на латинском шрифте, то, во избежание смешения транскрипции с орфографическим написанием, всё написанное в транскрипции (отдельные фонемы, а также слова и предложения) будет заключено в кавычки « ».

			Я З Ы Ч Н Ы Е				УВУЛЯР- НЫЕ UVULARE	ФАРИН- ГАЛЬНЫЕ PHARYNGALE
			ГУБНЫЕ LIPPENLAUTE	ПЕРЕДНЕ- ЯЗЫЧНЫЕ VORDERZUN- GENLAUTE	СРЕДНЕ- ЯЗЫЧНЫЕ MITTELZUN- GENLAUTE	ЗАДНЕ- ЯЗЫЧНЫЕ HINTERZUN- GENLAUTE		
СОГЛАСНЫЕ KONSONANTEN	ШУМНЫЕ GERÄUSCHLAUTE	СМЫЧНЫЕ VERSCHLUSSLAUTE	p b	t d		k g		
		ЩЕЛЕВЫЕ ENGBELAUTE	f v	s z	ç j		x	h
		АФФРИКАТЫ AFFRIKATEN	pf	ts tʃ				
	СОНАНТЫ SONANTEN	СМЫЧНЫЕ VERSCHLUSSLAUTE	m	n		ŋ		
		ЩЕЛЕВЫЕ ENGBELAUTE		l				
		ДРОЖАЩИЕ ZITTLERLAUTE		r				
	ГЛАСНЫЕ VOKALE	МОНОФОНГИ MONOPHONHE	ПЕРЕДНИЕ VORDERZUNGENLAUTE ДЛИГНЕ КРАТКИЕ LANGE KURZE:		ЗАДНИЕ HINTERZUNGENLAUTE КРАТКИЕ ДЛИГНЕ KURZE LANGE			
		ДИФТОНГИ DIPHTHONGE	i: y: e: o: (ɛ:) ε œ ae œf		u: ʊ o: ɔ a a: ao			

Рис. 3. Фонемы немецкого языка.

переднего ряда, а «х» после гласных заднего ряда. Однако, такое ограничение в употреблении согласных «ç — х» имеет место не всегда. Так, в суффиксе уменьшительных «-çәп» -chen, независимо от предшествующего гласного, всегда налицо согласный «ç», а не «х». Таким образом, если в словах «|a:xәп» Aachen и «|ma:ma:çәп» Mataschen мы имеем разные согласные («х — ç»), то только потому,

По ЩЕРБЕ		Я З Ы Ч Н Ы Е						
		Г У Б Н Ы Е		ПЕРЕДНЕ - ЯЗЫЧНЫЕ		СРЕДНЕ - ЯЗЫЧНЫЕ	ЗАДНЕ - ЯЗЫЧНЫЕ	
		НЕПАЛАТАЛИЗОВАННЫЕ	ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЕ	НЕПАЛАТАЛИЗОВАННЫЕ	ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЕ		НЕПАЛАТАЛИЗОВАННЫЕ	ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЕ
СОГЛАСНЫЕ	СМЫЧНЫЕ	p b	p' b'	t d	t' d'		k q	k' q'
	НОСОВЫЕ ЧИСТЫЕ	m	m'	n	n'			
	АФРИКАТЫ			c				
	ЩЕЛЕВЫЕ	f v	f' v'	s z	s' z'		j x(γ)	x'(γ')
	БОКОВЫЕ СЕРЕДИННЫЕ			š ž	(š' ž')			
ДРОЖАЩИЕ			ɾ	ɾ'				
ГЛАСНЫЕ		ПЕРЕДНИЕ		СМЕШАННЫЕ		ЗАДНИЕ		
		i		ы		и		
		e				o		
		a						

Рис. 4. Фонемы русского языка.

что -chen в этих словах имеет разное значение; поскольку же самостоятельность фонемы как раз и определяется ее способностью дифференцировать значения, постольку мы вынуждены признать согласные «ç» и «x» двумя самостоятельными фонемами, а не комбинаторными вариантами, которые обусловлены определенными фонетическими условиями.

Иначе обстоит дело с фонемами «e:» и «ε:». В таких словах как *Erge* и *Ahre*, *sehen* и *säen* первый гласный во многих частях Германии не различается: всегда произносится «e:»; образцовое же произношение (см. § 52) требует, чтобы гласный, обозначаемый в орфографии буквой *ä*, если он долг, произносился открыто — «ε:»; следовательно, чтобы первое слово произносилось «|ε:ɾə», а второе «|ε:ɾə», третье «|ε:zɛ:p», а четвертое «|ze:ɛp». Совершенно очевидно, что при таком произношении этих пар слов «e:» и «ε:» должны быть признаны двумя независимыми фонемами, но так как это различие далеко не является общепринятым, то мы и поставили в своей таблице фонему «ε:» в скобки.

§ 51. Гласный «ə» оставлен нами вне таблицы, так как он является одним из вариантов фонемы «ε», а именно — вариантом, встречающимся только в неударенном слоге. Второй вариант этой фонемы, а именно «ε», встречается только в ударенном закрытом слоге, а также в предударенном перед «г». Примеры: «helfən» helfen, «gehø:ɾən» gehören, «fɛrʃte:ən» verstehen и т. п. Таким образом, появление того или другого из этих гласных обусловлено определенными фонетическими условиями, что и указывает на то, что они являются вариантами одной и той же фонемы.

Б. ПРОИЗНОШЕНИЕ.

§ 52. В различных частях Германии наблюдается, как уже указывалось, заметная разница в произношении. Берлинец, мюнхенец и гамбуржец, даже если они говорят на литературном языке, а не на диалекте, произносят несколько по-разному. Существующее в качестве нормы образцового произношения „сценическое произношение“ (Bühnenaussprache) остается до сих пор для разговорного языка (Umgangssprache) только идеальной нормой, а не реальным фактом. Нельзя вместе с тем не указать и на успехи норм Bühnenaussprache, которые со времени их возникновения успели получить признание далеко за пределами сцены, в частности — в школе.

Интересно, что в последнем издании (1930 г.) книга Siebs'a, излагающая эти нормы, называется уже „Deutsche Bühnenaussprache-Hochsprache“ — этим подчеркивается, что нормы, представленные в ней, являются нормами образцового немецкого произношения (орфоэпии) вообще, а не только сценического произношения. Именно к этой книге обращаются за ответом в сомнительных случаях (см. § 24).

Совершенно понятно, что нам, несмотря на известную условность орфоэпических норм „Hochsprache“, нужно изучать именно их. Диалектизмы в устах иностранца производят комическое впечатление, особенно если он смешивает признаки различных диалектов.

Кроме того следует иметь в виду, что практически вне Германии возможно изучить только Bühnenaussprache; если бы мы и захотели изучать какое-нибудь местное произношение, то мы не могли бы этого осуществить, так как не нашли бы для этого никаких пособий.

Исходя из всех этих соображений, мы в своем кратком описании произношения отдельных фонем базируемся на так называемом „сценическом“ образцовом произношении.

§ 53. Фонемы «р» и «b» образуются благодаря смычке губ: они называются поэтому губно-губными или билабиальными. «р» — глухой, а «b» — звонкий согласный. Согласный «р» отличается от соответственного русского согласного наличием придыхания после него; это придыхание особенно заметно, если «р» оказывается в начале ударенного слога. Слово Punkt, например, нужно произносить «р'уpkt», а не «pυkt».

Фонема «р» встречается во всевозможных фонетических положениях; фонема «b» — только в начале слога или слова и в интервокальном положении; в других фонетических условиях с ней чередуется «р» (см. § 93). Примеры: «ра:'pa:» Papa, «fta:p» Stab, «lap'brɛçən» abbrechen, «baʊ» Bau, «lo:ben» oben и т. п.

§ 54. Фонемы «t» и «d» сходны по своему образованию с русскими «t» и «d». При произнесении этих согласных передняя часть языка прижимается к передней части нёба и к верхним зубам. Подобно «р» немецкое «t» является придыхательным согласным и отличается этим от русского.

Фонемы «t» и «d» встречаются соответственно в тех же положениях, что и «р», «b». Примеры: «tɪʃ» Tisch, «fɑ:tər» Vater, «ra:t» Rad, «du:» du, «lo:dər» oder и т. п.

§ 55. Фонемы «k» и «g» также сходны по артикуляции с русскими «k» и «g». Они произносятся путем прижатия задней части языка к мягкому нёбу.

Немецкое «k», как и другие глухие смычные, произносится с придыханием. Перед гласными переднего ряда «k» и «g» могут палатализоваться, но меньше, чем в русском языке.

Фонемы «k» и «g» встречаются соответственно в тех же положениях, что и «р», «b». Примеры: «kalt» kalt, «lakər» Acker, «ta:k» Tag, «gast» Gast, «aʊgə» Auge и т. п.

§ 56. Различение согласных по участию голоса при их произношении имеет место в основном в северной Германии. В центральной и в южной Германии различие между „звонкими“ и „глухими“ заключается вовсе не в участии голоса (и те и другие произносятся без участия голоса), а в силе: первые являются слабыми (tenues lenes), вторые — сильными (tenues fortes).

§ 57. Фонема «m» сходна по артикуляции с русским «m». Согласный «m» образуется точно так же, как и «b», путем смыкания губ, но в отличие от «b» при произнесении «m» нёбная занавеска опущена, и воздух во время смычки проходит через нос, что и характеризует этот согласный как носовой.

Фонема «m» отличается от «b» кроме указанного еще и более слабой артикуляцией и, вследствие этого, крайне слабым взрывом. «m» встречается в любых фонетических условиях. Примеры: «ma:'ma:» Mama, «lambɔs» Ambos, «ru:m» Ruhm и т. п.

§ 58. Фонема «n» также совпадает с русским «n». По артикуляции языка «n» отличается от «d», так же как и «m» от «b», а именно по силе. Кроме того различие и здесь заключается только в том, что при произнесении «d» нёбная занавеска прижата к задней стенке зева, тогда как при произнесении носового согласного «n» она опущена.

Фонема «п» встречается во всевозможных фонетических условиях. Примеры: «naxt» Nacht, «lʒɔnə» Sonne, «van» wann, «lʒɛndən» senden.

§ 59. Фонема «п» не имеет соответствия в русском языке. Ее образование вполне аналогично образованию прочих носовых согласных. Если «т» можно назвать носовым «b», а «п» носовым «d», то «п» является носовым «g». Язык при произнесении этого согласного находится в том же положении, как и при произнесении «g», но только нёбная занавеска опущена.

Фонема «п» встречается в интервокальном положении, в конце слов, а также и в конце слога перед другими согласными. Особенно часто она встречается перед фонемой «к». Примеры: «lʒɪŋən» singen, «rɪŋ» Ring, «lɔɛŋkən» denken.

§ 60. Фонемы «f» и «v» совпадают по своей артикуляции с соответствующими русскими непалатализованными «f» и «v». Они получают благодаря прохождению струи воздуха через щель, образуемую нижней губой и верхними зубами. Они называются поэтому губно-зубными или лабио-дентальными. Различие между этими двумя согласными заключается в наличии голоса при «v» (т. е. в звонкости его) и в отсутствии голоса при «f» (т. е. глухости его).

Фонема «f» встречается во всех фонетических условиях: в начале слов перед гласными, в интервокальном положении, на конце слов, а также в сочетании с согласными «l», «r» и с глухими согласными. Фонема «v» встречается только в начале слова или слога перед гласными и в интервокальном положении. Примеры: «velt» Welt, «re:vɔ:lʊtsjo:n» Revolution, «lɪndən» finden, «ɔfən» offen, «ho:f» Hof, «zəft» Saff и т. п.

§ 61. Фонемы «s» (глухой согласный) и «z» (звонкий) подобно русским «s» и «z» произносятся при сближении передней части языка с передней частью нёба. По артикулирующим органам эти согласные совпадают с «t» и «d», отличаются они от последних только по способу артикуляции: «s» и «z» — щелевые, «t» и «d» — смычные.

Фонема «s» встречается во всевозможных фонетических условиях, но только не в начале слова перед гласными. Фонема «z» встречается только в начале слова или слога. Примеры: «lvasəŋ» Wasser, «lgrɔ:sə» groÙe, «ist» ist, «aʊs» aus, «zant» Sand, «ro:zə» Rose, «lferzə» Ferse и т. п.

§ 62. Фонема «j» отличается от русского «j» тем, что она является шумным согласным, тогда как в русском языке это — сонант.

Немецкое «j» произносится при большем сближении языка с нёбом и при более энергичном выдохе, чем и обусловливается преобладание шума над голосом в этом согласном. «j» (и немецкий и русский) — среднеязычный щелевой согласный; он образуется благодаря сближению средней части языка с нёбом.

Фонема «j» встречается преимущественно в начале слов перед гласными. Редко она бывает и в интервокальном положении. Примеры: «ja:r» Jahr, «ple:lja:dən» Plejaden.

§ 63. Фонема «ç» по артикуляции языка полностью совпадает с фонемой «j». Различие между ними заключается только в том, что «j» звонкий, а «ç» глухой согласный.

В русском языке фонема «ç» не имеет соответствия; русское палатализованное «х'» — заднеязычный звук, осложненный средней и задней артикуляцией (в этом, как уже указывалось, и заключается палатализация). Подъем средней части языка при «х'» представляет собой дополнение к основной заднеязычной артикуляции; напротив, при произнесении «ç» — это основная артикуляция.

Фонема «ç» встречается преимущественно после гласных. В начале слова она встречается только в иностранных заимствованиях, напр.: «çe:lmí:» Chemie и т. п. Встречается она также и после согласных. Примеры: «ʔri:çəp» riechen, «ɪç» ich, «eçt» echt, «zɔlç» solch, «manç» manch, «durç» durch и т. п.

§ 64. Фонема «х» также отлична по своей артикуляции от русского «х»; различие заключается в том, что русское «х» — заднеязычный согласный, а немецкое «х» — увулярный или велярный согласный (подробно об этом см. § 40). Это различие обычно упускается из виду; так, в немецких учебниках фонетики «х» называют заднеязычным согласным. Соответствующего глухому «х» звонкого согласного в образцовом произношении не существует; он имеется, однако, в ряде говоров, а также и в обиходном языке севера и других частей Германии (ср. § 68, прим.).

Фонема «х» встречается только после гласных заднего ряда, напр.: «ho:x» hoch, «laxəp» lachen и т. п.

§ 65. Фонема «ʃ» представляет особый тип щелевых, так называемых двухфокусных. Согласные этого типа образуются благодаря поднятию и передней и задней части языка: таким образом струя воздуха, проходящая через полость рта, встречает на своем пути два препятствия, благодаря чему создается своеобразный шум, характерный для, так называемых, шипящих согласных. Фонема «ʃ» следовательно представляет собой как бы сумму артикуляций фонем «s» и «x». И действительно, как известно из истории немецкого языка, она возникла в средневерхненемецкий период из сочетания этих двух согласных. Таким образом, написание фонемы «ʃ» через sch, принятое в немецкой графике, не лишено основания.

В отношении переднего фокуса немецкое и русское «ʃ» совпадают, поскольку «s» в этих языках произносится одинаково. Разница между немецким и русским «ʃ» определяется различием в образовании заднего фокуса (см. предыдущий параграф).

Фонема «ʃ» встречается во всевозможных фонетических положениях. Примеры: «ʃø:n» schön, «ʃlɛçt» schlecht, «lɔçəp» löschchen, «gaf» gasch, «mɛnʃ» Mensch.

Примечание. В образцовом произношении наряду с глухим согласным «ʃ» существует также совпадающий с ним по артикуляции звонкий «ʒ». Встречается он только в нескольких словах, заимствованных из французского языка. Примеры: «ʒuʔna:l» Journal, «ze:ni:» Genie. Такое произношение свойственно, в общем, только лицам, знающим французское произношение. Обычно же немцы заменяют чуждый их системе фонем звонкий «ʒ» соответствующим ему глухим «ʃ».

§ 66. Фонема «h» не имеет соответствия в русском языке. Это глухой фарингальный или гортанный согласный, возникающий

благодаря прохождению струи воздуха через щель, образуемую либо путем сближения голосовых связок, либо путем сближения задней стенки фаринкса с корнем языка. Какое из этих существующих в фонетике определений более точно, сказать пока трудно.

Фонема «h» встречается преимущественно в начале слова перед гласным. В очень немногих словах она находится в интервокальном положении. Не может встречаться «h» в конце слова и в сочетаниях с другими согласными в пределах одной морфемы. Примеры: «haos» Haus, «lu:hu» Uhu, «la:ho:n» Aho:n и т. п.

§ 67. Фонемы «pf», «ts» и «ç» представляют собой аффрикаты (см. § 42), артикуляция которых определяется артикуляцией согласных, входящих в их состав. Эти фонемы встречаются в самых различных положениях; лишь после долгих гласных «pf» не встречается никогда, а «ts» и «ç» имеются в этом положении только в немногих словах. Примеры: «pfunt» Pfund, «lapfəl» Apfel, «kɔpf» Kopf, «tsaet» Zeit, «haetsən» heizen, «herts» Herz, «tʃeçən» Tschechen, «rʊtʃən» rutschen, «dɔɪʃ» deutsch и т. п.

§ 68. Фонема «r» по требованиям орфоэпии (образцового произношения) должна произноситься, как переднеязычный дрожащий сонант, т. е. так же, как русское «r». Наряду с этим существует и другое произношение, широко распространенное в городских говорах, при котором активным органом является нёбная занавеска; таким образом получается так называемое картавое, а выражаясь фонетически, увулярное «r».

Фонема «r» встречается во всевозможных фонетических положениях, напр.: «ro:t» rot, «larbaet» Arbeit, «lfa:rən» fahren, «ha:r» Haar и т. п.

Примечание. Увулярное «r» в том случае, если оно является не дрожащим, а щелевым (что большей частью и имеет место), совпадает по произношению с рассмотренным в § 64 звонким вариантом «x» и смешивается с ним. Таким образом, в некоторых частях Германии такие слова как wagen и Wagen произносятся одинаково: «va:rən».

§ 69. Фонема «l» образуется путем прижатия кончика языка к передней части нёба у зубов при опущенной остальной части (спинке) языка. Щель, таким образом, получается по бокам; через нее и проходит выходящая из гортани струя воздуха. Согласный «l» носит поэтому название бокового или латерального.

При произнесении немецкого «l» кончик языка касается нёба не у самих зубов, как обычно при русских «l» и «l'», а несколько дальше — у альвеол. Однако, вопреки широко распространенному представлению, различие между русскими и немецкими «l» обусловлено вовсе не этим: можно произнести правильное немецкое «l», держа кончик языка у зубов, и правильные русские «l», «l'», держа кончик языка у альвеол. Вся суть дела заключается в положении спинки языка; при произнесении русского непалатализованного «l» спинка языка сильно опущена; при произнесении палатализованного «l'» она максимально приближена к нёбу; при произнесении немецкого «l» она занимает промежуточное положение.

Фонема «l» встречается в любых фонетических условиях. Примеры: «lɔ:t» Laut, «alə» alle, «alt» alt, «ta:l» Tal и т. п.

§ 70. Почти все долгие гласные отличаются от соответствующих им кратких не только количественно (см. § 48), но и качественно; долгие гласные являются более закрытыми, чем краткие. Исключение составляют только долгое и краткое а, которые не различаются по качеству. Что касается звука е, то в образцовом произношении, наряду с долгим закрытым «е:» и кратким открытым е, имеется еще долгое открытое «е:» (см. § 50).

Все долгие гласные встречаются в любых фонетических условиях, краткие же не могут встречаться в открытом слоге, т. е. в слоге, оканчивающемся гласным. Исключение составляет только гласный «э» (один из вариантов фонемы «ε/ə»), встречающийся в неударенном положении и в открытом слоге, напр.: «bəlve:gən» bewegen, «le:rdə» Erde и т. п.

§ 71. Каждый из долгих гласных имеет два варианта — долгий и полудолгий; первый встречается в ударенном положении, второй — в неударенном. В фонетической транскрипции в узком смысле этого слова, т. е. в транскрипции, отмечающей не только фонемы, но и их варианты, долгие гласные обозначаются двумя точками (напр. а:), краткие — одной (напр. а'). Так, слово vog в предложении «es l'komt l'fo:r» стоит под ударением, поэтому гласный имеет здесь полную долготу; в предложении же «fo:r tse:n mi'nu:tpn» оно является неударенным, и гласный в нем полудолгий.

Мы пользуемся в этой книге фонологической транскрипцией, т. е. транскрипцией, отмечающей только фонемы, поэтому мы и долгие и полудолгие варианты обозначаем одинаково, а именно — двумя точками.

§ 72. Гласные (как долгие, так и краткие), стоящие в начале слов, характеризуются тем, что они начинаются с так называемого «сильного приступа» (fester Einsatz, Knacklaut), представляющего собой смычный согласный, образуемый благодаря артикуляции голосовых связок (см. § 33).

Некоторые фонетики (напр. Viëtor) считают его самостоятельной фонемой и вносят его соответственно этому в свои таблицы звуков немецкого языка. В фонетической транскрипции (см. предыдущий параграф) он обозначается знаком', напр.: «l'arbaet» Arbeit, «'a:os» aus и т. п.

В нашей таблице фонем он отсутствует, как как он не имеет самостоятельной семантической функции и, следовательно, должен быть признан не отдельной фонемой, а особенностью произношения гласных в определенном фонетическом положении. По той же причине мы не отмечаем его в транскрипции, поскольку она является фонологической (см. предыдущий параграф).

§ 73. Фонема «i:» произносится при максимальном подъеме продвинутого вперед языка; она является, таким образом, самым закрытым гласным переднего ряда. Немецкое «i:» сходно по артикуляции с русским «и», стоящим между двумя палатализованными согласными, как в слове *синий*, напр.: «i:r» ihr, «li:st» liest, «çe:'mi:» Chemie и т. п.

§ 74. Фонема «ɪ» несколько более открытый гласный, чем «i:», т. е. он произносится при меньшем подъеме языка. Этот гласный не имеет сходного в русском языке. Примеры: «ɪn» in, «tɪf» Tisch и т. п.

§ 75. Фонема «e:» является следующим за «ɪ» по степени подъема языка гласным переднего ряда. Немецкое «e:» более закрытое, чем рус-

ское изолированное «е». Между палатализованными согласными, напр.: в слове *сеня* русское «е» не уступает по закрытости немецкому. Однако, поскольку это «е» в русском языке не самостоятельная фонема (см. § 31), постольку русские не замечают его особенностей и не узнают сходного с ним немецкого «е:», которое часто неправильно воспринимают как «ei». Примеры: «*lne:mən*» nehmen, «*lve:rdən*» werden, «*le:ben*» eben и т. п.

§ 76. Фонема «ε» (вернее, ударенный вариант её) представляет собой гласный, несколько более открытый, чем русское изолированное «е», но в общем близкий к нему. Краткое «ε» значительно более открытый гласный, чем долгое «е:», напр.: «*ʲɛkə*» Еске, «*lɛrnən*» lernen и т. п.

§ 77. Фонема «ε:» в отношении артикуляции языка полностью совпадает с кратким «ε»; различие между ними заключается не в качестве, а в количестве, в длительности. Примеры: «*lme:tçən*» Mädchen, «*lve:ɪə*» wäге и т. п.

§ 78. Фонема «а», с точки зрения системы фонем, должна быть отнесена к заднему ряду, так как в чередовании по умлауту она противоплагается фонеме «ε» так же, как задние гласные «ɔ, ʊ» и др. противоплагаются передним «æ, ʏ» и др. Примеры: «*vɔrt*» Wort — «*lʋɛrtəɪə*» Wörter, «*fʊks*» Fuchs — «*lʏkks*» Füchse, «*naxt*» Nacht — «*lneçtə*» Nächte.

Фонетически же немецкое «а» не является типичным задним а, как, скажем, во французском языке в слове *râte* — „тесто“; при произнесении немецкого «а» язык несколько продвинут вперед. В общем, немецкое «а» сходно с русским. По степени подъема языка фонема «а» является самым открытым гласным. Примеры: «*axt*» acht, «*lʋartən*» warten и т. п.

§ 79. Фонема «а:» в образцовом немецком произношении качественно совпадает с кратким «а», отличаясь от последнего только количественно. Примеры: «*la:bənt*» Abend, «*ta:k*» Tag, «*da:*» da и т. п.

§ 80. Фонема «ɔ» произносится при сравнительно незначительном поднятии задней части языка, меньшем, чем при произнесении русского «о»; немецкое «ɔ», таким образом, более открытый гласный, чем русское «о». Положение губ при произнесении немецкого и русского «о» в общем сходно. Примеры: «*ɔft*» oft, «*dɔrt*» dort и т. п.

§ 81. Фонема «о:» очень существенно отличается от «ɔ» не только количественно, но и качественно. Она гораздо более закрытая, чем русское «о», а тем более немецкое краткое «ɔ». Кроме закрытости долгое «о:» отличается еще и сильной лабиализацией, т. е. сильным округлением и выпячиванием губ. Эти качественные особенности немецкого «о:» заставляют неискушенное русское ухо смешивать его с «u» или же принимать его за дифтонг «ou». Примеры: «*o:ɪ*» Ohr, «*ho:x*» hoch, «*by:l'o:*» Büro и т. п.

§ 82. Фонема «u» представляет собой гласный несколько более закрытый, чем «о:», и несколько более лабиализованный, чем этот последний. Он сходен в общем с русским неударенным «u» после непалатализованного согласного, напр.: в слове *кусть*. Примеры: «*lʊft*» Luft, «*flʊs*» Fluß и т. п.

§ 83. Фонема «u:» самый закрытый гласный заднего ряда, произносимый при очень сближенных и вытянутых вперед губах. Он сходен с русским ударенным «u» после непалатализованного согласного, как

в слове *будет*. Примеры: «*u:fəɐ*» Ufer, «*ʃu:lə*» Schule, «*du:*» du и т. п.

§ 84. Фонема «*y:*» гласный переднего ряда; по артикуляции языка он полностью совпадает с гласным «*i:*». От последнего «*y:*» отличается только тем, что при его произнесении принимают активное участие губы, которые при этом находятся в таком же положении, как и при произнесении гласного «*i:*». Таким образом, фонема «*y:*» является не чем иным, как лабиализованным «*i:*». Примеры: «*ʏ:bəɐ*» über, «*ʎmu:də*» müde и т. п. В русском языке этот гласный не имеет соответствия. Переднеязычная артикуляция при одновременной работе губ несвойственна русским произносительным привычкам, хотя каждая из этих артикуляций имеет место в русском языке. Лица, родным языком которых является русский, обычно не сразу усваивают правильное произношение «*y:*»; однако, они улавливают отдельные элементы его и по-своему воспроизводят их: не одновременно, а последовательно. В результате получается сочетание двух звуков «*ju:*»; «*j*» воспроизводит артикуляцию языка, «*u:*» артикуляцию губ, с обязательно сопровождающим ее в русском языке поднятием задней части языка.

§ 85. Фонема «*y*» представляет собой лабиализованное «*i*»; при произнесении «*y*» положение губ такое же, как при «*u*». Гласный «*y*» отличается от «*y:*» теми же признаками, которые отличают «*i*» от «*i:*» и «*u*» от «*u:*», напр.: «*ʎmysən*» müssen, «*ʎfylən*» füllen и т. п. Этот гласный обычно интерпретируется учащимися так же, как и «*y:*».

§ 86. Фонема «*ø:*» произносится при таком же положении языка, как при произношении «*e:*», и при положении губ, как при «*o:*». Эту фонему можно назвать лабиализованным «*e:*». Примеры: «*ø:l*» Öl, «*ʎhø:gən*» hören и т. п.

Если фонема «*y:*» нередко неправильно интерпретируется как «*ju:*», то фонема «*ø:*» соответственным образом (см. § 84) интерпретируется, как «*jo:*».

§ 87. Фонема «*œ*» стоит в такой же связи с фонемой «*e*», как фонема «*ø:*» с «*e:*». Фонема «*œ*» следовательно может быть названа лабиализованным «*e*». Примеры: «*ʎkœnən*» können, «*ʎfœlker*» Völker и т. п.

§ 88. Лабиализованные гласные переднего ряда совершенно неизвестны южнонемецким диалектам. Вследствие этого в них смешиваются «*ø:*» с «*e:*», «*œ*» с «*e*», «*y:*» с «*i:*», «*y*» с «*i*». В этих диалектах вместо «*ʃø:n*» говорят «*ʃe:n*», вместо «*ʎkœnən*» — «*ʎkenən*», вместо «*ʎmu:də*» — «*ʎmi:də*», вместо «*ʎgukən*» — «*ʎtkən*» и т. п.

Поэты XVIII века, происходившие с юга Германии, а вслед за ними и многие другие рифмуют лабиализованные гласные с нелабиализованными.

Примеры:

„Von Perlen baut sich eine **Brücke**
Hoch über einen grauen **See**,
Sie baut sich auf im **Augenblicke**,
Und schwindelnd steigt sie in die **Höh'**“.

(Schiller)

„Wir saßen am Fischerhause,
Und schauten nach der See;
Die Abendnebel kamen,
Und stiegen in die Höh“.

(Heine)

„Kling hinaus bis an das Haus,
Wo die Blumen sprießen.
Wenn du eine Rose schaut,
Sag, ich laß sie grüßen“.

(Heine)

§ 89. Фонема «ае» представляет собой дифтонг, фонологически неразложимый на более мелкие единицы. Поэтому произношение отдельных составляющих его элементов является едва ли не самым спорным моментом в фонетике немецкого языка.¹ Соответственно требованиям немецкой орфоэпии его нужно произносить как краткое «а» + краткое закрытое «е», однако, наряду с этим распространено также другое произношение этого дифтонга, при котором вторым компонентом является гласный «i», так его толкует и Viëtor. Примеры: «aes» Eis, «maen» mein, «ae» Ei и т. п.

§ 90. Фонема «эø» точно так же фонологически неразложима. По „Bühnendeutsch“ этот дифтонг состоит из краткого открытого «э» и краткого закрытого «ø». Viëtor же считает вторым компонентом более закрытый гласный, а именно «у». Кроме того, этот компонент произносится в некоторых частях Германии как краткое «е» (т. е. нелабиализованное «ø») или «i» (т. е. нелабиализованное «у»). Примеры: «høgtə» heute, «пэø» peи и т. п.

§ 91. В диалектах, в которых отсутствуют лабиализованные гласные переднего ряда, отсутствует и дифтонг «эø»; последний совпадает в этих говорах с дифтонгом «ае»; в них, следовательно, смешиваются в произношении такие слова, как peип и peиn (оба произносятся «паеп»). Смешение этих фонем также нашло себе отражение в рифмах:

Примеры:

„Gekommen ist der **Maie**,
Die Blumen und Bäume blühh,
Und durch die Himmelsbläue
Die rosigen Wolken ziehh“.

(Heine)

„Ein treuer Hund hilft sie ihm **leiten**.
Ein muntre Widder geht voran.
Die Herde, kannst du sie mir **deuten**?
Und auch den Hirten zeig mir an!“

(Schiller)

¹ Это относится в равной мере ко всем дифтонгам немецкого языка.

§ 92. Фонема «ао», также являющаяся фонологически единой, фонетически состоит по „Bühnendeutsch“ из краткого «а» и краткого закрытого «о». По Viëtor'у вторым компонентом этого дифтонга является гласный «и». Примеры: «аос» aus, «һаот» Haut и т. п.

3. ЧЕРЕДОВАНИЕ ФОНЕМ.

§ 93. Каждая фонема представляет собой некую самостоятельную единицу; однако это, как уже было сказано, не исключает того, что отдельные фонемы находятся в известной связи между собой. Выше (см. § 50) говорилось о связях, основанных на артикуляторных моментах; здесь же мы имеем в виду связи, обусловленные морфологически. Если взять какую-нибудь морфему (см. § 138), например, корень глагола *братъ* «brat'», то окажется, что этот корень может иметь очень разное (хотя и в строгих пределах) фонетическое оформление: «br — b'er — b'er — bog»; напр., «bra-t', b'er-и, b'er-of, pa-bog». Способность фонем в зависимости от тех или иных причин замещать друг друга в пределах одной и той же морфемы называется их чередованием.

§ 94. Различают два типа чередований: 1) фонетические и 2) исторические. Фонетическими называют чередования, обусловленные различием фонетического положения, в котором может оказаться та или иная фонема вследствие словоизменения. Так, в русском языке фонема «о» обязательно чередуется в неударенном положении с фонемой «а», напр.: «vody» |vody (им. пад. мн. ч.) — «valdy» |vody (род. пад. ед. ч.); все звонкие согласные в русском же языке чередуются в конце слова с глухими. Примеры: «b'elga» |bega — «b'ek» |bek, «toza» |roza — «tos» |roz и т. д.

Фонетические чередования являются живыми чередованиями в том смысле, что они обусловлены определенными правилами, имеющими место в современном языке.

Исторические чередования, напротив, представляют собой пережитки старых фонетических явлений; поэтому их существование в современном языке обусловлено только традицией, которая поддерживается иногда тем, что эти чередования несут известную морфологическую функцию. Примером исторических чередований в русском языке может служить чередование согласных d и ž, k и č в словах *города* — *горожанин*, *скакать* — *скачу* и др. Никаких фонетических причин для этих чередований в современном языке нет; в приведенных примерах они не оправданы и морфологически; в глаголах же *сидеть* — *сижу*, *будить* — *бужу*, *глядеть* — *гляжу*, или *пеку* — *печешь*, *теку* — *течешь*, *секу* — *сечешь* и т. п. эти чередования находятся в связи с морфологическими изменениями слова.

Устанавливая чередования (безразлично фонетические или исторические), свойственные той или иной фонеме современного языка, следует исходить только из живой этимологии (см. § 573), оставляя в стороне слова, связанные генетически, но утратившие связь в современном языке. Так, было бы совершенно неправильно только на основании сопоставления слов «br-at'» и «br'-em'a» утверждать, что в русском языке «г» и «г'» чере-

дуются между собой, так как «brat'» и «br'em'a» с точки зрения современного языка имеют разные корни.

§ 95. Немецкие согласные подвержены преимущественно фонетическим чередованиям. Подобно русскому языку в немецком звонкие согласные, не считая сонантов, не могут находиться в конце слова, а также перед глухим согласным и чередуются в этих случаях с глухими. Примеры: «traebən — tri:p — traepst» treiben — trieb — treibst; «ræ:dər — ra:t» Räder — Rad; «tra:gən — tru:k — tre:kt» tragen — trug — trägst; «nervən — nerv» Nerven — Nerv; «le:zən — li:s — li:st» lesen — lies — liest.

Чередование с глухим имеет место и в словосложении, если данный согласный оказывается в конце первой части сложного слова. При этом характер звука, стоящего в начале второй части слова, не играет роли — это может быть и звонкий согласный, и сонант, и даже гласный. Примеры: «la:bəndə — la:bənt;brɔ:t — la:bənt,lɪçt — la:bənt,ʔarbaet» Abende — Abendbrot — Abendlicht — Abendarbeit и т. п.

Равным образом только глухие могут стоять перед суффиксами, начинающимися с любого согласного, напр.: «fra:gən — fra:kliç» fragen — fraglich.

§ 96. Исторические чередования, напротив, мало свойственны немецким согласным. Они затрагивают во всяком случае небольшое число слов.

К таким чередованиям следует отнести, во-первых, чередование «ts||s», встречающееся в глаголе sitzen: «zitsən — za:s — gəzəsən» sitzen, saß, gessen, и затем в суффиксе числительных, обозначающих десятки: «tsvantsɪç — draesɪç» zwanzig — dreißig.

Это чередование может быть объяснено правилами 2-го перебора согласных (см. § 13); согласно этим правилам смычному t в начале слова и после согласных, а также удвоенному tt других германских языков в немецком языке соответствует аффриката «ts»; после гласных же смычному t соответствует щелевой s. Примеры: английское two, нем. zwei, англ. water, нем. Wasser и т. п.

Во всех названиях десятков, кроме названия 30, суффикс стоит после согласного, поэтому он начинается с аффрикаты; только в 30 — dreißig он сказывается после гласного и начинается поэтому с щелевого.

Если мы обратимся к глаголу sitzen, то мы увидим, что в древних западно-германских языках (кроме древневерхнемецкого) этот глагол имел в инфинитиве удвоенное tt, а в прошедшем времени и в причастии простое t; согласно второму перебору мы и имеем в верхнемецком (и в древний период и сейчас) в инфинитиве «ts», в остальных формах «s». В числе примеров на это чередование следует указать еще: heiß — Hitze, Naß — hetzen, naß — benetzen.

§ 97. Фонемы «х, ç» чередуются с нулем, например, в словах: «ho:x — hɔ:çst — hɔ:ɛg» hoch — höchst — höher; «ne:çst — ne:ɛg» nächst — näher. Это чередование восходит к средневерхнемецкому чередованию интервокального h с поствокальным ch. В нововерхнемецком h в интервокальном положении исчезло, и, таким образом, получилось новое чередование.

С нулем чередуется также фонема «g» в глаголе «tʃi:ən — tʃo:gən» ziehen — zögen. И в этом случае нуль восходит к средневерхнемецкому

согласному h, исчезнувшему в интервокальном положении. Чередование h — g в древнегерманских языках было обусловлено определенным фонетическим правилом, именуемым законом Вернера.

Наконец, с нулем чередуются в глаголах «lge:ən» gehen, «lste:ən» stehen фонема «ŋ» («lgiŋən» gingen) и сочетание фонем «nd» («lstandən» standen). Причина этого заключается в том, что в древневерхненемецком наряду с краткими формами gēn, stēn, сохранившимися в измененном виде в основе наст. вр. (geh-, steh-), существовали и полные формы gangan, 'standan, сохранившиеся только в претерите и во втором причастии (ging, stand, gegangen, gestanden).

§ 98. Чередования фонем «g|ŋ» и сочетания фонем «ŋk» с фонемами «x, ç», имеющие место в некоторых случаях в положении перед «t», являются историческими, так как не обусловлены живым фонетическим правилом, напр.: «ltra:gən — traxt — ltreçtɪç» tragen — Tracht — trächtigt; «lbrigiŋən — lbraxtə» bringen — brachte; «ldɛŋkən — ldaxtə» denken — dachte.

§ 99. В словообразовании встречается, кроме того, историческое чередование фонем «b|f», напр.: «lhalbə — lhelftə» halbe — Hälfte, «lŋra:bən — ŋrift» schreiben — Schrift, «lge:bən — gift» geben — Gift и т. п.

§ 100. К историческим же чередованиям относится чередование «d» с «t», представленное в трех глаголах «lzi:dən — gə'zɔtən» sieden — gesotten; «lledən — gəl'itən» leiden — gelitten; «lŋnaedən — gəl'ŋnitən» schneiden — geschnitten.

Это чередование, равно как чередования «s|r» и «z|ʃr», столь же редко встречающееся, как и предыдущее («ferli:rən — ferllust» verlieren — Verlust, а также устаревшее «erki:zən — erko:r» erkießen — erkor), основывается на упомянутом в § 97 законе Вернера.

Все исторические чередования согласных в немецком языке не имеют, как мы видим, широкого распространения; они засвидетельствованы в отличие от фонетических чередований очень ограниченным числом слов и большей частью не играют морфологической роли.

§ 101. Фонетические чередования гласных в немецком языке совершенно не имеют места. Исторические чередования, напротив, очень распространены и большей частью несут определенные морфологические функции. В этом отношении они играют такую же словоизменительную роль, как и флексия, и поэтому называются внутренней флексией.

§ 102. К такого рода чередованиям относятся прежде всего чередования фонем «a|ē, a|ē:, ə|œ, o|ø:, u|y, u|y:, ə|ö», которые объединяются под общим названием умлаута (Umlaut) вследствие общности происхождения этих чередований, а также одинакового использования их в качестве внутренней флексии в морфологии. Они встречаются в следующих морфологических категориях:

I. Образование множественного числа, напр.: «gast» Gast — «lgestə» Gäste, «vant» Wand — «lvendə» Wände, «ra:t» Rad — «lre:dər» Räder, «ra:t» Rat — «lre:tə» Räte, «fɔlk» Volk — «lfoelkər» Völker, «zo:n» Sohn — «lzø:nə» Söhne, «flus» Fluß — «lflysə» Flüsse, «hu:n» Huhn — «lhy:nər» Hühner, «haos» Haus — «lhøzər» Häuser.

Во всех приведенных случаях различие между единственным и множественным числом выражено не только чередованием коренного глас-

ного, но и прибавлением суффикса «-ə» или «-əg». Можно вместе с тем найти и такие случаи (их в общем меньше), когда чередование по умлауту является единственным средством для осуществления указанного различия, напр.: «|gartən» Garten — «|gertən» Gärten, «|toxtər» Tochter — «|tœxtər» Töchter, «fo:|gəl» Vogel — «|fœ:gəl» Vögel, «|mutər» Mutter — «|mýtər» Mütter и т. п.

II. Основа 2 и 3 лица единственного числа наст. вр. сильных глаголов, напр.: «|falə — felst — felt» falle — fällst — fällt, «|fa:rə — fe:rst — fe:rt» fahre — fährst — fährt, «|fto:sə — |ftø:səst — |stø:st» stoße — stößest — stößt, «|laofə — lœfst — lœft» laufe — läufst — läuft и т. п.

Как мы видим, не все отмеченные в начале этого параграфа чередования используются в данной морфологической категории, но и здесь имеются случаи, когда Umlaut является единственным средством для обозначения соответствующей формы. Примером этого может служить 3 лицо единственного числа глагола «|halten» — «|helt» hält, в котором отсутствует характерное для этой формы окончание «t».

III. Образование претерита конъюнктива сильных глаголов, напр.: «|klaŋ» klang — «|klɛŋə» klänge, «|va:r» war — «|vɛ:rə» wäre, «er|lɔf» erlosch — «er|lœfə» erlösche, «|bot:t» bot — «|bø:tə» böte, «|fu:r» fuhr — «|fy:rə» führe.

Если в единственном числе, а также во 2 лице множественного числа конъюнктив отличается и наличием суффикса «ə» и умлаутом, то в 1 и 3 лице множественного числа последний служит единственным признаком его. Более того, в целом ряде глаголов все формы претерита конъюнктива отличаются от соответствующих форм индикатива только благодаря чередованию по умлауту, напр.: «|kɔntə» konnte — «|kœntə» könnte, «|hatə» hatte — «|hetə» hätte, «|dax:tə» dachte — «|dɛçtə» dächte, «|brax:tə» brachte — «|brɛçtə» brächte и т. п.

IV. Образование сравнительной и превосходной степеней, напр.: «|varm — |vermər — vermst» warm — wärmer — wärmst, «|na: — |nɛ:ər — nɛ:çst» nah — näher — nächst, «|gro:s — |grø:sər — grø:st» groß — größer — größt, «|juŋ — |jyŋər — jyŋst» jung — jünger — jüngst, «|klu:k — |kly:gər — kly:kst» klug — klüger — klügst.

V. Образование существительных, обозначающих лицо (nomina agentis), напр.: «|bakən» backen — «|bɛkər» Bäcker, «|ja:gən» jagen — «|je:gər» Jäger, «|bø:tɪç» Bottich — «|bø:tçər» Böttcher, «|raøbən» rauben — «|rœbər» Räuber и т. п.

VI. Образование существительных от прилагательных (Adjektivabstrakta), напр.: «|varm» warm — «|vermə» Wärme, «|na:» nah — «|nɛ:ə» Nähe, «|gro:s» groß — «|grø:sə» Größe, «|gu:t» gut — «|gy:tə» Güte, «|faol» faul — «|fœlə» Fäule и т. п.

VII. Образование существительных уменьшительных, напр.: «|ban» Bank — «|bɛŋkçən» Bänkchen, «|ba:rt» Bart — «|bɛ:rtçən» Bärtchen, «|brøkən» Brocken — «|brœklaen» Bröcklein, «|bro:t» Brot — «|brø:tçən» Brötchen, «|bu:x» Buch — «|by:çlaen» Büchlein, «|hʊnt» Hund — «|hʏntçən» Hündchen, «|haos» Haus — «|hœslæn» Häuslein и т. п.

VIII. Образование существительных с суффиксом *-ling*, напр.: «*svax*» *schwach* — «*lʃveçliŋ*» *Schwächling*, «*juŋ*» *jung* — «*ljyŋliŋ*» *Jüngling*, «*haopt*» *Haupt* — «*lhçoptliŋ*» *Häuptling* и т. п.

IX. Образование прилагательных с суффиксами *-ig*, *-lich*, *-isch*, напр.: «*lʃu:fal*» *Zufall* — «*lʃu:feliç*» *zufällig*, «*vort*» *Wort* — «*lvçertliç*» *wörtlich*, «*ho:n*» *Hohn* — «*lhø:nif*» *höhnisch*, «*bunt*» *Bund* — «*lbyndiç*» *bündig*, «*gu:t*» *gut* — «*lgy:tiç*» *gütig*, «*raom*» *Raum* — «*lrçømliç*» *räumlich* и т. п.

X. Образование глаголов, напр.: «*zat*» *satt* — «*lzetigən*» *sättigen*, «*kla:r*» *klar* — «*klæ:rən*» *klären*, «*lo:n*» *Lohn* — «*llo:nən*» *löhnen*, «*hu:t*» *Hut* — «*lhy:tən*» *hüten*, «*traom*» *Traum* — «*ltrçømən*» *träumen* и т. п.

§ 103. Чередования по умлауту, которые в современном языке фонетически никак не обусловлены, возникли в прошлом, как фонетические чередования. Умлаут первоначально имел место в том случае, если флексия или суффикс содержали *i* или *j*; это явление было чисто фонетическим и осуществлялось совершенно независимо от значения и формы слова. Так, например, в древневерхненемецком слово *kraft* имело умлаут не только во множественном числе, но также и в род. и дат. падежах ед. числа, тогда как слово *gast* в тех же падежах умлаута не имело; объясняется это тем, что существительные женского рода, относившиеся к склонению на *i*, имели в указанных падежах ед. ч. окончание — *i* (*krafti*; в древневерхненемецком умлаут от *a* обозначался буквой *e*), а существительные муж. р. этого же склонения в ед. ч. не имели *i* (*gastes*, *gaste*).

В средневерхненемецком языке гласный *i* во флексии и в большинстве суффиксов уступил место *e*; таким образом, фонетическая причина, вызывавшая чередование по умлауту, исчезла; чередование это, однако, в силу традиции сохранилось, и притом в основном в тех случаях, где оно возникло соответственно отмеченному выше правилу.

Хотя это явление и было первоначально чисто фонетическим, тем не менее чередование по умлауту могло встречаться только в определенных морфологических категориях, а именно в тех, которые имели во флексии или в суффиксе звук *i* или *j*. С утратой *i* в средневерхненемецком языке умлаут становится признаком этих категорий как таковых. В дальнейшем он все больше развивается в этом направлении. Если раньше умлаут встречался только в так наз. склонении на *i*, то теперь он распространяется как признак множественного числа и на другие типы склонения. Так, например, слова: *Klang*, *Knopf*, *Stuhl*, *Baum*, *Faden*, *Ofen* и многие другие, имеющие во множественном числе умлаут, вовсе не относились к склонению на *i*, следовательно, первоначально не имели умлаута. Точно так же умлаут развивался и в других морфологических категориях, перечисленных в предыдущем параграфе.

Наиболее последовательно процесс морфологизации умлаута проведен во многих диалектах, где он нередко бывает обязательным и единственным признаком множественного числа, а также и других перечисленных выше категорий словоизменения.

§ 104. Чередование «*e*||*a*» используется кроме того при образовании форм глагола и в словообразовании; наряду с целым рядом аналогично используемых чередований оно объединяется под общим названием — аблаут (*Ablaut*). Под аблаутом подразумевают следующие чередования: «*i*:||*a*, *i*:||*o*», «*i*:||*e*», «*i*:||*ç*», «*i*:||*u*», «*e*:||*a*», «*e*:||*o*», «*e*:||*ç*», «*e*:||*a*, *a*:||*i*», «*a*:||*ç*, *a*:||*o*», «*a*:||*i*, *a*:||*u*», «*u*:||*a*, *i*:||*e*», «*i*||*a*, *i*||*ç*, *i*||*u*, *i*||*æ*, *i*:||*ao*, *i*:||*æ*, *i*||*e*, *e*||*ç*, *e*||*a*, *e*||*a*», «*a*||*ç*, *a*||*u*, *ø*:||*o*», «*y*:||*o*».

Сообразно использованию аблаута в сильных глаголах эти чередования группируются в так наз. ряды или классы. Классы эти следующие:

I. . . . «i: — o: — o:»,	«bi:tən — bo:t — — gə'bo:tən» . . . bieten
II. . . . «i: — ɔ — ɔ»,	«'fi:sən — fɔs — gə'fɔsən» . . . schießen
III.* . . . «i: — a: — e:»,	«'li:gən — la:k — — gə'le:gən» . . . liegen
IV. . . . «i — a — u»,	«'ziŋən — zaŋ — gə'zʊŋən» . . . singen
V. . . . «i — a — ɔ»,	«bə'gɪnən — bə'gan — — bə'gɔnən» . . . beginnen
VI.* . . . «i — a: — e:»,	«'bɪtən — ba:t — gə'bɛ:tən» . . . bitten
VII.* . . . «i — a: — e»,	«zɪtsən — za:s — gə'zɛsən» . . . sitzen
VIII.* . . . «i — u — u»,	«'fɪndən — fʊnd — — gə'fʊndən» . . . schinden
IX. . . . «e: — a: — o:»,	«bə'fɛ:lən — bə'fa:l — — bə'fo:lən» . . . befehlen
X. . . . «e: — a: — e:»,	«'gɛ:bən — ga:p — — gə'gɛ:bən» . . . geben
XI.* . . . «e: — a: — ɔ»,	«'ne:mən — na:m — — gə'nɔmən» . . . nehmen
XII. . . . «e — a — ɔ»,	«'vɛrfən — varf — — gə'vɔrfən» . . . werfen
XIII. . . . «e — a: — e»,	«'lɛsən — a:s — gə'gɛsən» . . . essen
XIV.* . . . «e: — i — a»,	«'gɛ:ən — gɪŋ — gə'gɛŋən» . . . gehen
XV.* . . . «e: — a — a»,	«'fʃtɛ:ən — fʃtant — — gə'fʃtandən» . . . stehen
XVI. . . . «e: — o: — o:»,	«bə'vɛ:gən — bə'vo:k — — bə'vo:gən» . . . bewegen
XVII. . . . «e — ɔ — ɔ»,	«'flɛçtən — flɔxt — — gə'flɔxtən» . . . flechten
XVIII. . . . «e — a: — ɔ»,	«'brɛçən — bra:x — — gə'brɔxən» . . . brechen
XIX. . . . «a: — u: — a:»,	«'fa:rən — fu:r — gə'fa:rən» . . . fahren
XX. . . . «a: — i: — a:»,	«'fʃla:fən — fʃli:f — — gə'fʃla:fən» . . . schlafen
XXI. . . . «a — u: — a»,	«'bakən — bu:k — — gə'baken» . . . backen
XXII. . . . «a — i: — a»,	«'falən — fi:l — gə'falən» . . . fallen
XXIII.* . . . «o: — i: — o:»,	«'fʃto:sən — fʃti:s — — gə'fʃto:sən» . . . stoßen
XXIV.* . . . «ɔ — a: — ɔ»,	«'kɔmən — ka:m — — gə'kɔmən» . . . kommen
XXV.* . . . «u: — i: — u:»,	«'ru:fən — ri:f — — gə'ru:fən» . . . rufen
XXVI. . . . «y: — o: — o:»,	«'ly:gən — lo:k — — gə'lo:gən» . . . lügen

XXVII.* . . . «ø:—o:(u:)—o:»,	« fvo:rən — — fvo:r(fvu:r)—gə fvo:rən» . . . schwören
XXVIII. . . . «æ — i: — i:»,	« fraebən — fri:p — — gə fri:bən» . . . schreiben
XXIX. . . . «æ — i — i»,	« raetən — rit — gə ritən» . . . reiten
XXX.* . . . «æ — i: — æ»,	« haesən — hi:s — — gə haesən» . . . heißen
XXXI. . . . «ao — i: — ao»,	« laofən — li:f — gə laofən» . . . laufen.

Примечание. Классы, отмеченные звездочкой, представлены только одним глаголом, указанным в качестве примера; их можно было бы и исключить из списка классов, как единичные случаи.

§ 105. Мы видим, что в современном глаголе аблаут представляет чрезвычайно запутанную картину. Если даже оставить в стороне единичные случаи, то остается 18 классов. Число классов, обычно приводимое в грамматиках, значительно меньше, вследствие того, что при классификации исходят из написания глаголов, а не из произношения их. Так, обычно объединяют первый класс со вторым, девятый — с двенадцатым, шестнадцатый с семнадцатым и т. д., так как коренные гласные в соответствующих глаголах пишутся одинаково (см. § 104).

Никакой закономерности в аблауте с точки зрения современного языка установить нельзя. Аблаут почти стал, по существу говоря, лексической особенностью данного глагола.

В древних германских языках система аблаута была гораздо более стройной и закономерной; однако, и в этих языках, вследствие древности аблаута, его фонетическая природа остается неясной.

Ряды аблаута в средневерхненемецком языке представляются в следующем виде (единственное и множественное число претерита у большинства глаголов характеризовались различными гласными):

	Infinitiv		Praeteritum		Partizip II	
		Singular		Plural		
I ряд i	grifen	— ei	—	i	—	i
II ряд ie	—	ou или o (перед h и переднеязычными)	—	grifen	—	gegrifen
	biegen	— bouc	—	u	—	o
	bieten	— bôt	—	u	—	o (перед r, l) или u (перед m, n)
III ряд e (перед r, l) или i (перед m, n)	—	a	—	u	—	o (перед r, l) или u (перед m, n)
	helfen	— half	—	hulfen	—	geholfen
	binden	— bant	—	bunden	—	gebunden
IV ряд e	—	a	—	â	—	o
	nemen	— nam	—	nâmen	—	genomen
V ряд e	—	a	—	â	—	e
	geben	— gap	—	gâben	—	gegeben
VI ряд a	—	uo	—	uo	—	a
	tragen	— truoc	—	truogen	—	getragen

VII ряд. В инфинитиве любой гласный кроме краткого е, в претерите — ie, в причастии втором гласный инфинитива.

slāfen — slief — sliefen — geslāfen
 stōzen — stieg — stiegen — gestōzen
 loufen — lief — liefen — geloufen
 heizen — hiez — hiezen — geheizen
 ruofen — rief — riefen — geruofen

Глаголы этого ряда первоначально имели в претерите редупликацию (они называются поэтому редуплицирующими), т. е. удвоение начального согласного, напр.: в готском языке slēpan „schlafen“ — saislēp „schlieft“, haldan „halten“ — haihald „hielt“ и т. п. В немецком языке эта особенность была утрачена с древнейших времен; претерит от редуплицирующих глаголов стал образовываться посредством своеобразного аблаута, сводившегося в средневерхненемецком к тому, что признаком претерита глаголов этой группы (независимо от коренного гласного инфинитива) был дифтонг ie.

§ 106. Чередование по аблауту первоначально использовалось, повидному, для словообразования, образуя своего рода семантические ряды, и только впоследствии было использовано для дифференциации форм глагола. И в современном языке мы можем найти аблаут за пределами глагола, а именно — в словообразовании. Примеры: Trank — Trunk, Binde — Band — Bund, Streich — Strich, Kern — Korn, Sprache — Spruch, Fluß — Floß и т. п.

§ 107. Чередования <e:|i:, e:|i, e|i, ə|u, o:|u> в ряде случаев восходят не к аблауту, а к, так называемому, преломлению (Brechung); к последнему восходят кроме того чередования <i:|ɔø, i|ɔø>.

Подобно умлауту преломление зависело от гласного, стоящего после корня; например, в древневерхненемецком гласный е в инфинитиве глагола geban был обусловлен гласным а суффикса, а в ед. ч. наст. вр. этот гласный уступал место гласному i под влиянием гласных окончаний i, u (1 л. gibu, 2 л. gibis, 3 л. gibit). Аналогичные условия определяли и остальные чередования, перечисленные в начале этого параграфа.

В современном языке некоторые случаи чередования по преломлению утрачены, другие сохраняются в силу традиции в следующих морфологических категориях: I. В ед. ч. наст. вр. сильных глаголов сохранилось во 2 и 3 л. преломление <e:|i:, e:|i, e|i>, напр.: <lge:bə — gi:pst — gi:pt> gebe — gibst — gibt, <|ne:mə — nimst — nimt> nehme — nimmst — nimmt, <|helfə — hilfst — hilft> helfe — hilfst — hilft.

II. В словообразовании, кроме указанных, встречаются чередования: <ə|u, o:|u:, i:|ɔø, i|ɔø>, напр.: <|e:rdə — |irdif> Erde — irdisch, <|berk — gə|birgə> Berg — Gebirge, <gəs — gus> goß — Guß, <|tsɔ:k — |tsu:k> zog — Zug, <|zi:ç — |zɔçə> siech — Seuche, <|lɪçt — |lɔçtən> Licht — leuchten. Последние два чередования встречаются крайне редко, их можно считать рудиментарными.

В отличие от умлаута преломление не является живой морфологической категорией; оно не распространяется за пределы старых рамок, обусловленных в прошлом определенным фонетическим правилом. Это скорее отмирающая категория; в некоторых диалектах преломление в наст. вр. сильных глаголов совершенно отсутствует, напр.: helfe — hilfst — helft и т. п.

§ 108. В некоторых случаях (отнюдь не малочисленных) аблаут и преломление перекрещиваются с умлаутом, напр.: «lge:bəp — ga:p — lge:bə» geben — gab — gäbe — первые две формы чередуются по аблауту, в последней форме мы имеем умлаут от второй (см. § 69, III); «gə:lʷɔrdəp — lʷɔrdə — lʷɔrdə» geworden — wurde — würde — в первых двух формах мы имеем чередование по преломлению, во второй и третьей — по умлауту. Если взять слово «gə'lhɔlfəp» geholfen, то для него в современном языке чередование по преломлению встречается только в скрещении с умлаутом «l'hɔlfə» hülfe; преломление же в чистом виде, существовавшее в этом глаголе в древне- и средневерхненемецком (hulpen мн. ч. претерита), утрачено. Напротив, для «gə'lʷɔrfəp» geworfen существует чередование по преломлению и в чистом виде, правда, не в глагольной форме, а в существительном «vurf» Wurf.

Благодаря такому скрещиванию многие корни слов предстают в чрезвычайно разнообразной форме, напр.: «lʷɛrfəp — vɛrf — varf — vurf — lʷɛrfə — gɛ'lʷɛrfəp» werfen, wirf, warf, Wurf, würfe, geworfen; таким образом получается чередование гласных: «e||i||a||u||y||ɔ»». Можно было бы привести много аналогичных примеров, которые показали бы, что почти все гласные в немецком языке могут чередоваться с большинством других гласных.

4. СЛОГОСТРОЕНИЕ.

§ 109. К отдельной фонеме мы приходим только в результате лингвистического анализа, непосредственно же на слух речевой поток распадается на слоги. Таким образом, наименьшей звуковой единицей, с произносительной точки зрения далее неделимой, является слог, а не отдельный звук или фонема, если только эта последняя сама не составляет особого слога.

Этим объясняется то обстоятельство, что неискушенному человеку нередко трудно бывает произнести отдельный звук, напр. «р», «d» и т. п., тогда как произнесение слога («ра», «да» и т. п.) ни для кого не представляет трудности.

Слог представляет собой как бы силовую волну; он начинается со слабого звучания, переходящего к более сильному и затем вновь ослабляющегося. В связанном потоке речи ослабление звучания служит слого-разделом; если схематически представить речь в виде волнообразной линии, то границы между слогами будут проходить по долинкам —

Слог может состоять из одной, двух или нескольких фонем; например, «a-ga-lrot» „огород“. Фонема, находящаяся на вершине слога, называется слоговой или слогообразующей. Слогообразующими могут быть как гласные, так и согласные; из последних в этой функции чаще всего встречаются сонанты. Слог, оканчивающийся на гласный, называется открытым, а оканчивающийся на согласный — закрытым.

В немецком образцовом произношении, как и в русском языке, в качестве слогообразующих могут функционировать только гласные; в языке же обиходном и в диалектах в качестве слоговых могут встре-

чаться также и сонанты; последнее имеет место только в неударных слогах, напр.: «fa:-tʁ»¹ Vater, «la:-tm̩» Atem, «fo:-gʲ» Vogel, «za:-gʲ» sagen, «hae:-sn̩» heißen.

Как раз это обстоятельство, способность сонангов в немецком языке служить слогообразующими фонемами, фонологически противопоставляет их шумным согласным (см. таблицу на стр. 28).

§ 110. Стрoение слога и слогодeление в немецком и русском языках коренным образом различаются. На различие в отношении слогообразующих фонем уже указывалось в предыдущем параграфе. Кроме того в русском языке закрытые слоги в потоке речи встречаются сравнительно редко; в немецком же языке они имеют широкое распространение. По правилам русского слогодeления граница между слогами проходит большей частью перед группой согласных; например «ra-zdvilgat'» „раздвигать“, «pa-tsta-lom» „под столом“; по правилам немецкого слогодeления она большей частью проходит внутри группы согласных; напр. «kɔs-tɛp» kosten «lar-baetɛn» arbeiten. При наличии одного согласного внутри слова граница слога в русском языке всегда проходит перед ним; в немецком же языке она в аналогичных случаях может проходить и после согласного; ср. напр.: «ka-sa» „касса“ и «kas-ə» Kasse, «la-pa» „лапа“ и «lap-ɛn» Lappen и т. п.

§ 111. Вопросы слогостроения в немецком языке теснейшим образом переплетаются с вопросами длительности гласных. Долгота гласных определяется не столько его продолжительностью (а иногда и вовсе не определяется ею), сколько тем, что следующий за ним согласный присоединяется к нему не на вершине слога, а в момент ослабления звучания; следовательно, в многосложном слове этот согласный отойдет к следующему слогу («ro:-zə» Rose). Краткий гласный, напротив, характеризуется тем, что согласный присоединяется к нему на самой вершине слога, т. е. в момент наиболее сильного звучания гласного; при этом согласный должен, разумеется, иметь сильное начало. Согласный, таким образом, с точки зрения строения слога неотделим от предшествующего краткого гласного («kɔs-ə» Rosse); иными словами, краткость гласного неразрывно связана с закрытостью слога. Именно этим обстоятельством и объясняется известная трудность, с которой русские учащиеся усваивают правильное произношение немецких кратких гласных.

5. УДАРЕНИЕ.

§ 112. Словесное ударение (Wortbetonung). Различают два типа словесного ударения: 1) свободное — когда ударение в разных словах данного языка может падать на разные слоги; например, в русском языке слово *ю́кoлo* имеет ударение на первом слоге, *пoтoмoк* — на втором, *пoтoлoк* — на третьем; 2) связанное, — когда ударение в данном языке падает всегда на какой-нибудь один слог, например, во французском языке ударение падает всегда на последний слог (*garçon, mélo'die* и т. п.).

¹ Кружок под буквой служит в транскрипции знаком для слогообразующего согласного.

Нужно точно уяснить себе, что под этими типами ударения понимаются исключительно фонетическую связанность и свободу, а отнюдь не морфологическую; таким образом, язык, в котором ударение падает, предположим, всегда на корень, независимо от того, какой это будет слог (первый, второй и т. д.), будет языком с фонетически свободным ударением.

Совершенно очевидно, что связанное ударение, будучи закрепленным за определенным местом в слове, не может иметь семантического значения, не может служить для дифференциации значения слов. Поэтому языки со связанным ударением с фонологической точки зрения могут считаться языками, не имеющими ударения вовсе.

§ 113. Если мы сопоставим такой ряд слов, как *!Arbeit*, *!Antwort*, *vollkommen*, *!elbendig*, *palatal*, *Natur*, *!Purpur*, *un!sagbar*, *!unfruchtbar*, *offen!baren*, *schma!trotzen* и мн. др., то мы должны будем признать, что в современном немецком языке ударение является свободным. Оно, следовательно, связано с семантикой слова и может служить для дифференциации значений одинаковых по звучанию слов. Так, например, слово *!Passiv* (с ударением на первом слове) означает „страдательный залог“, а *passiv* (с ударением на последнем слове) — „пассивный“, *!lutherisch* означает „лютеровский“, *!utherisch* — „лютеранский“. Особенно широко ударение используется семантически в глаголах с некоторыми приставками, о чем речь будет ниже.

Итак, в современном немецком языке (как в языке со свободным ударением) ударение может падать на любой слог. Поэтому всеобъемлющего правила ударения дать нельзя. Можно указать только некоторые суффиксы, которые всегда стоят под ударением.

Примечание 1. Как это обычно свойственно языкам со свободным ударением, в немецком языке имеется ряд слов с колеблющимся ударением; таковы например: *!notwendig* — *not'wendig*, *!leibhaftig* — *leib'haftig*, *!Nibelungen* — *Nibe'lungen*, *!Arbeiterinnen* — *Arbeite'rinnen*, *!Tabak* — *Ta'bak* и др. То обстоятельство, что с точки зрения орфоэпических норм произношения *Ta'bak*, *Nibe'lungen*, *Arbeite'rinnen* считается неправильным, не меняет сути дела, ибо оно все же существует в немецком языке, что не могло бы иметь места, если бы немецкое ударение было связанным.

Примечание 2. Чрезвычайно распространенное утверждение, что ударение в немецком языке стоит на первом коренном слове, не соответствует истинному положению вещей. Как показывают вышеприведенные примеры, ударение может стоять и на втором коренном слове и даже на суффиксе. Всегда неударенными являются только флексии (окончания), чем немецкое ударение отличается от русского: ср. *до'ма*, *и'ду*, *и'ди* и т. п.

§ 114. В древнейший период истории немецкого языка ударение в нем, как об этом свидетельствует закон Вернера, было свободным. Позднее оно было перенесено на первый слог слова и стало таким образом связанным; это в равной мере относилось как к старым германским словам, так и к вновь заимствуемым; латинские *fenestra*, *cerasum*, например, дали в древневерхнемецком *fenstar*, *kirsa*; ранее ударенный второй гласный, утратив ударение, оказался синкопированным. Такое положение вещей длилось сравнительно недолго; во всяком случае уже в древневерхнемецком языке вместе с развитием сложных слов с неударяемыми префиксами ударение вновь становится свобод-

ным. Возникают такие параллели, как *irteilen* „erteilen“ и *urteil* „Urteil“, *int'lâzan* „entlassen“ и *anti'lâz* „Entlaß“, где чередование гласных в приставках *ir || ur*, *int || ant* было обусловлено различным местом ударения. Именно тот факт, что целый ряд приставок, присоединившись к глаголу, не перенял на себя ударение, что последнее, следовательно, оказалось связанным в большинстве случаев с первым слогом корня, — именно этот факт с неопровержимостью доказывает, что ударение стало фонетически свободным. Естественно поэтому, что в отличие от предыдущего периода, когда в иностранных заимствованиях ударение переносилось на первый слог, сейчас заимствуемые слова, как правило, стали сохранять свое ударение. В большинстве старых немецких слов ударение в силу традиции до сих пор сохраняет свое старое место, но там, где на то были известные причины, оно оказалось перенесенным с первого слога на другие, напр. *Fo'relle*, *Ho'lunder*, *le'bendig* и др.

§ 115. Следующие заимствованные суффиксы существительных всегда имеют ударение независимо от того, стоят ли они после заимствованных же или после немецких корней: *-ie*, *-ei*, *-ant*, *-ent*, *-tion*, *-ist*, *-ismus*, *-ität*, *-ur*, напр.: *Biolo'gie*, *Partei*, *Male'rei*, *Aspi'rant*, *Stu'dent*, *Revolu'tion*, *Sozial'ist*, *Marx'ist*, *Leni'nismus*, *Fakultät*, *Professur* и т. п.

Из суффиксов прилагательных стоят всегда под ударением точно так же заимствованные суффиксы *-al*, *-ell*, встречающиеся сравнительно редко, напр.: *so'zial*, *palat'al*, *telell* и т. п.

Очень широко распространен ударяемый глагольный суффикс *-ieren*, напр.: *studieren*, *ope'rieren*, *buchstabieren*, *hal'bieren*, *spazieren* и т. п.

§ 116. Большинство префиксов (приставок) как глагольных, так и именных всегда имеет на себе ударение. Целесообразнее поэтому перечислить здесь не ударяемые префиксы; это — *be-*, *ge-*, *ent-*, *er-*, *ver-*, *zer-*, напр.: *be'stehen*, *Be'ginn*, *ge'winnen*, *Ge'lwebe*, *ent'ziehen*, *Ent'nahme*, *er'zählen*, *Er'trag*, *ver'stehen*, *Ver'nunft*, *zer'legen*, *zer'fallen*.

Приставка *voll-* гораздо менее употребительная чем только что перечисленные, никогда не имеет ударения в глаголах и в производных от этих глаголов именах существительных, напр.: *voll'bringen*, *voll'en-den*, *voll'ziehen*, *Voll'ziehung*, *Voll'endung* и т. п.

От приставки *voll-* нужно отличать прилагательное *voll*, которое также может быть первым членом сложного глагола или существительного (см. § 407); в этом случае именно *voll* несет на себе ударение, напр.: *!voll'machen*, *!voll'stopfen*, *!Voll'mond*, *!Voll'macht* и т. п.

В числе неударяемых глагольных приставок обычно указывается также приставка *miß-*. Это, однако, не вполне справедливо: повидимому, под влиянием существительных, где эта приставка обычно стоит под ударением (*!Miß'mut*, *!Miß'ton*), в глаголах с *miß* место ударения колеблется с давних пор: уже Лессинг употребляет формы *!miß'gebildet*, *!miß'geschätzt*; Гёте — *!miß'geachtet*, *!miß'gehandelt* и т. п., свидетельствующие о наличии ударения на приставке.

§ 117. Принцип свободного ударения особенно четко используется в глаголах с приставками *durch*, *über*, *um*, *unter*, *wieder*. Возможность поставить ударение в этих глаголах и на приставке и на корне используется семантически. Так, *!durch'ziehen* с ударением на

приставке означает „проходить“ и др., durch|ziehen с ударением на конце „пронизывать“, übersetzen „перевозить“, über|setzen „переводить“, umgehen „вращаться“, um|gehen „избегать“, unterstellen „подставлять“, unter|stellen „подчинять“, wiederholen „вновь приносить“, wieder|holen „повторять“ и т. п.

§ 118. От понятий связанного и свободного ударения следует отличать понятия подвижного и неподвижного ударения. В языках с подвижным ударением место ударения в данном слове может меняться при изменении формы последнего или при словообразовании. Ярким примером этого может служить ударение в русском языке, так, например, слово *о́кно* в единственном числе имеет ударение на втором слове, во множ. *о́кна* — на первом; *пи́лы* — род. пад. ед. ч., *пи́лы* — им. пад. мн. ч. и т. п.

Поскольку в немецком языке ударение первоначально было связанным, постольку оно, разумеется, было неподвижным. Такое положение вещей сохранилось в значительной степени до настоящего времени, особенно в словоизменении старых немецких слов; во всех падежах ед. и мн. ч. не заимствованных имен существительных и прилагательных, а также во всех глагольных формах ударение остается на одном и том же месте.

Наряду с этим в современном немецком языке можно указать также целый ряд примеров подвижности ударения. Это имеет место в следующих случаях: 1) В существительных с суффиксом *-ог* в ед. ч. ударение падает на корень, а во мн. ч. на этот суффикс, напр.: *!Doktor* — *!Doktoren*, *!Traktor* — *Traktoren* и т. п. 2) Независимо от места ударения, свойственного тому или иному корню при прибавлении к нему одного из суффиксов, перечисленных в § 115, ударение падает на этот последний, напр.: *!Schatten* — *schattieren*, *!Bäcker* — *Bäcker!rei*, *!Lieferer* — *Liefer!rant*, *!Lenin* — *Leni!nist* — *Leni!nismus* и т. п. 3) Изолированно стоят случаи: *!leben* — *le!bendig* и *!Hornis* — *Horn!nisse*.

§ 119. В сложных словах, столь распространенных в немецком языке, ударение стоит на каждом из составных членов. В этом отношении между немецким языком и русским существует коренное различие, так как в русском языке сложные слова имеют только одно ударение, которое падает на второй элемент; напр. *па!ро!воз*, *ко!ро!ед* и т. п. При этом различают главное ударение (*Hauptton*) — более сильное и второстепенное (*Nebenton*) — более слабое.

Относительно ударения сложных слова можно разделить на три типа: 1) слова с главным ударением на первом члене, 2) слова с главным ударением на втором члене и 3) слова с одинаково ударенными обоими членами (*schwebende Betonung*).

В общем ударение несет на себе семантически более весомый элемент сложного слова. Так, напр.: в слове *!Tintenfaß* первый элемент указывает на конкретное значение всего слова; в слове *Jahr!hundert* эту роль играет второй элемент (ср. *Jahr!tausend*, *Jahr!füntf* и т. п.).

Наиболее распространены слова первого типа, напр.: *!Schreib!tisch*, *!arbeits!fähig*, *!teil!nehmen* и т. п. Второй тип довольно редко встречается среди существительных и прилагательных, чаще — в наречиях, напр.:

Јаһг|hundert, |leib|eigen, |berg|lauf, |dem|nach и т. п. Немногочисленны также существительные третьего типа, чаще встречаются прилагательные, напр.: |Erz|gauner, |rot|gelb, |lurl|alt и т. п. Интересно отметить, что различие между первым и третьим типом используется для различения слов, полностью совпадающих по звуковому составу; это имеет место в прилагательных, напр.: |stein|reich — с главным ударением на первой части слова обозначает „богатый камнями“, |stein|reich с двумя одинаковыми ударениями „очень богатый“, |blut|arm „малокровный“, |blut|arm „очень бедный“ и т. п.

§ 120. Фразовое ударение (Satzbetonung). Если взять, например, предложение: Ich gebe dir mein Buch, то любое из входящих в него слов может быть выделено ударением: **ich** gebe dir mein Buch, ich **gebe** dir mein Buch, ich gebe dir mein **Buch**, ich gebe dir mein **Buch**. (Подобный эксперимент мы могли бы произвести также с любым русским предложением.)

Такое ударение принято называть логическим (правильнее было бы назвать его смысловым), так как оно связано с определенным оттенком значения данного предложения. Логическое ударение, следовательно, абсолютно свободно в фонетическом отношении и не может быть ограничено никакими правилами.

То же самое предложение можно сказать и без всякого логического ударения; однако, это не значит, что все слова будут одинаково ударенными; напротив — под ударением окажутся только слова *gebe* и *Buch*: ich **gebe** dir mein **Buch**. Такое ударение (оно может быть названо ритмическим) связано с синтаксической ролью того или иного слова и подчиняется, повидимому, определенным правилам. Вместе с тем мы не можем четко сформулировать такие правила вследствие чрезвычайно слабой разработанности этого вопроса.

Можно указать только некоторые категории слов, остающиеся всегда неударенными; к ним относятся: артикли (определенный и неопределенный), личное местоимение, союз, предлог, предшествующий существительному. Необходимо отметить, что именно особый характер ритмического ударения делает немецкую речь столь непохожей ритмически на русскую. В качестве одного из отличий немецкого ритмического ударения от русского может служить, например, то, что предлог, почти всегда неударенный по-немецки, в русском языке часто имеет ударение, ср. |на| мост, |по| лесу и т. п.

§ 121. Интонация. Вопросы интонации, т. е. движения тона (мелодика) в предложении, теснейшим образом связанные с синтаксисом, столь же мало разработаны, как и вопросы ритмического ударения. Вследствие этого они могут быть детально рассмотрены только в специальном курсе фонетики.

6. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ.

§ 122. Под графикой разумеют в лингвистике те средства (состав букв, буквенные сочетания и т. д.), которыми располагает данный язык для передачи в письме отдельных фонем, а также и их сочетаний.

Под орфографией же понимают принципы и правила, по которым используются графические средства данного языка.

Следующие примеры иллюстрируют разницу между графикой и орфографией. Слово *ряд* в русском языке состоит из палатализованного «г'», гласного «а» и согласного «т»; слово *рад* — из непалатализованного «г», гласного «а» и согласного «т»; разница между этими словами в фонетическом отношении состоит в том, что в первом согласный «р» палатализованный, а во втором — непалатализованный; в письме же разница эта выражена буквами, служащими для обозначения одного и того же гласного («а»), стоящего после *р*, тогда как оба различных «г» пишутся одинаково. Существенно то, что по-русски в письме иначе выразить палатализованность и непалатализованность согласного перед гласным невозможно; мы можем сказать таким образом, что в этом заключается особенность русской графики.

В этих же словах последний согласный, глухое «т» обозначается буквой *д*, служащей обыкновенно для обозначения звонкого согласного «д». Однако, русская графика имеет в своем распоряжении средства, чтобы точно обозначить конечный согласный: указанные слова можно было бы писать *рят, рат*; если же мы их пишем через *д*, а не через *т*, то это зависит только от особенностей нашей орфографии, а не графики.

§ 123. Важнейшей особенностью немецкой графики является то, что долгота и краткость гласных обозначаются не соответствующими буквами, служащими для обозначения гласных, а преимущественно буквами, обозначающими согласные, следующие за данным гласным.

Краткость гласного может быть обозначена удвоенной буквой для последующего согласного, напр.: *Bett, Kamn, retten* и т. п.; согласные «к» и «тс» обозначаются в таких случаях буквами *ck* (а не *kk*), напр. *backen, Rock*, и *tz*, напр. *sitzen, Netz*; *zz* пишется лишь в немногих заимствованных словах, напр. *Skizze*. Это удвоение оказывается излишним, если за данным гласным следует несколько согласных, напр.: *fest, kalt*, и т. п. Это не значит, что краткость гласного всегда обозначается, напр.: в словах *hat, um* она остается необозначенной, но это происходит оттого, что орфография не использует последовательно возможностей графики.

Долгота гласного может быть обозначена буквой *h*, поставленной после данного гласного, напр.: *mehr, stehst* и т. п. При последовательном обозначении краткости было бы излишним обозначать долготу гласного перед одним согласным. И, действительно, наличие одной только буквы для согласного, стоящего после долгого гласного, также является способом для обозначения долготы, напр.: *Tat, raten, rot* и т. п. Однако, правила орфографии перепутывают эти четкие графические отношения; так, например, слова *in* и *ihn*: при последовательном использовании принципа немецкой графики первое слово следовало бы писать *inn*, чтобы обозначать краткость *i* в нем, а второе — *in*, чтобы обозначать долгое *i* в нем; буква *h* была бы в таком случае излишней.

Особым образом обозначается долгота гласного перед «s». Для этой цели используется буква *ß*.

Буква **В** первоначально служила для обозначения согласного «s», соответствующего по закону 2-го перебора согласному «t» других германских языков (см. § 13) и, повидимому, отличавшегося по произношению от общегерманского s. В настоящее время это различие исчезло, и буква **В** после кратких в интервокальном положении оказалась замененной двумя ss (напр.: Wasser).

Для обозначения долготы гласного в немецкой графике существует еще один способ. Это — удвоение буквы, обозначающей данный гласный, напр.: Saат, Meer, Моог и т. п. Однако, этот способ используется только в немногих словах для обозначения гласных «a; e; o;» и притом только перед одним согласным, а не перед сочетанием согласных, т. е. в таких случаях, когда долгота и без того обозначена.

Особо стоит обозначение долгого «i:» через ie (см. § 127).

§ 124. Различие гласных по качеству полностью обеспечивается соответствующими буквами немецкого (латинского) алфавита. Существует даже одна лишняя буква **y**, о которой подробнее будет речь в § 127.

§ 125. Несколько иначе обстоит дело с согласными; так для фонемы «p» не имеется специальной буквы, она обозначается большей частью сочетанием **ng**; фонемы «ç» и «x» не различаются в немецкой графике: обе обозначаются сочетанием букв (**ch**); сочетанием (**sch**) обозначается большей частью и фонема «ʃ»; перед **p, t** фонема «ʃ» обозначается как **s**.

Наряду с этим, с точки зрения немецкой графики существуют две лишние буквы для обозначения согласных; это — **x** и **v**. Подробнее о них см. § 127.

§ 126. В немецкой орфографии мы имеем дело с несколькими принципами; основным нужно признать морфологический принцип. Сущность его заключается в том, что данная морфема (корень, суффикс, префикс) пишется всегда одинаково, независимо от того, что в разных фонетических условиях произношение ее может быть разным. Так, например, в слове Tag «ta:k» в конце пишется **g**, а не **k**, что соответствовало бы произношению, но разрушило бы связь с другими формами этого слова, напр.: Tages «ta:gəs», Tage «ta:gə», где написание через **g** оправдывается также и фонетически.

Морфологический принцип распространяется и на написание других смычных согласных, причем за основу берется то написание, которое соответствует произношению смычного в интервокальном положении. Аналогично слову Tag пишутся через **b** и **d**, например, слова Kalb «kalp» и Rad «rat» для того, чтобы в письме показать связь между этими формами и другими формами тех же слов, напр. Kälber «kelbər» и Räder «te:dər».

Мы имеем в данном случае полную аналогию с русской орфографией. Достаточно указать на написания *друг* «druk», *столб* «stolp», *род* «rot», где конечные буквы — **г, б, д** служат для обозначения фонем «k, p, t». Написания эти должны указывать на связь между этими формами и формами *друга* «druga», *столба* «stolba», *рода* «roda» и т. п.

Морфологическим принципом объясняется также обозначение фонемы «ç» буквой **g** после гласного «i» в конце слов; это имеет место в таких

словах, в которых она чередуется с фонемой «g», напр.: *zwanzig* «*ʦvantsiç*» — *Zwanziger* «*ʦvantsigər*». Если же фонема «ç» не чередуется с «g», то она пишется через *ch*, напр.: *sämtlich* «*zɛmtliç*» — *sämtliche* «*zɛmtliçə*».

Морфологическим принципом в большинстве случаев объясняется также употребление буквы *ä*, когда она служит для обозначения фонемы «ε». Она пишется, как правило, в тех случаях, когда обозначаемое ею «ε» чередуется по умлауту с «a», напр.: *kälter* «*ʰkeltər*» — *kalt* «*kalt*», *Wände* «*vɛndə*» — *Wand* «*vant*» и т. п.

Хотя мы здесь и не имеем полного тождества в написаниях (в одном случае пишется *a*, в другом *ä*), но все же написание *ä* вместо *e* указывает на единство корня в разных словах или формах и, следовательно, диктуется морфологическими соображениями.

Точно так же, для указания связи по умлауту употребляется обозначение дифтонга «*ɔø*» через *äu*. Это написание, как правило, имеет место в тех случаях, когда дифтонг «*ɔø*» чередуется с «*ao*», напр.: *Häuser* «*ʰhøuzər*» — *Haus* «*haos*», *läuft* «*lɔøft*» — *laufe* «*ʰlaofə*» и т. п.

Примечание I. Написание *ä* не имеет места в тех случаях, когда живая семантическая связь с «a» утрачена, напр.: *edel*, *Eltern*, *Mensch*, связанные исторически с *Adel*, *alt*, *Mann*.

Примечание II. В ряде слов написания *ä*, *äu* не могут быть объяснены с точки зрения морфологического принципа; о них речь будет в следующем параграфе.

Примечание III. Написание *g* (вместо *ch*) в суффиксе *-ig* является историческим в том отношении, что оно соответствует старой форме этого суффикса. Однако, это написание является не просто традиционным, поскольку оно соответствует определенным морфологическим связям в современном языке.

§ 127. Наряду с морфологическим принципом в немецкой орфографии очень важное место занимает другой принцип, который мы называем консервативным. Написания, следующие этому принципу, оправдываются только тем, что они уже ранее существовали в письменности, в силу тех или иных причин; современные фонетические и морфологические отношения в этих случаях не оказывают влияния.

Этот принцип принято называть историческим потому, что соответствующие написания основываются будто бы на истории языка. При этом, однако, под историческими написаниями неправильно понимают такие, которые возникли случайно и совершенно не отражают истории данного слова, его звучания в древние периоды истории языка. Правильнее поэтому заменить термин „исторический“ термином „консервативный“, который, во-первых, подходит ко всем случаям соответствующих написаний и, во-вторых, подчеркивает бессмысленность этого принципа с точки зрения фонетики и морфологии живого языка.

Наиболее яркий пример применения консервативного принципа представляет английская орфография. В русском языке консервативный принцип представлен, например, в следующих написаниях: *кого* (вместо соответствующего современному языку — *каво*), *корова* (вместо *карова*, поскольку первое *o* не может оказаться под ударением), *вокзал* (вместо *вагзал*) и т. п.

В немецкой орфографии к консервативным написаниям относится прежде всего обозначение долгого *i* через *ie*. Это написание объясняется тем, что в целом ряде слов долгое *i* происходит из средневерхненемецкого дифтонга *ie*, напр.: «li:t» Lied восходит к средневерхненемецкому «liet» liet; «ldi:nən» dienen — к средневерхненемецкому «dienən» dienen и т. п. Перестав обозначать дифтонг, сочетание букв *ie* стало употребляться для обозначения долгого «i:» и в таких случаях, когда последнее восходит к средневерхненемецкому краткому *i*, а не к дифтонгу *ie*, напр.: «li:gən» liegen восходит к средневерхненемецкому ligen, «fi:l» viel к средневерхненемецкому vil и т. п. Таким образом, если в слове пишется *ie*, то это вовсе не значит еще, что это слово имело в средневерхненемецком языке дифтонг *ie*. Интересно отметить, что ни в каком другом гласном, кроме *i*, долгота не обозначается посредством буквы *e*.

Консервативный принцип сказывается также в написании дифтонгов *eu* и *ei*; однако, замена этих написаний другими, более соответствующими современному произношению, затрудняется еще и тем обстоятельством, что разложение дифтонгов на составляющие их компоненты представляется фонологически невозможным (см. §§ 89, 90).

Консервативный принцип вступает в противоречие с морфологическим в некоторых случаях употребления *ä* и *äu*. Так слова Bär, Käfer, Märchen, Käuel и др. пишутся с *ä* и *äu*, хотя их коренные гласные не чередуются с гласными «а, ао».

Нужно заметить, что в этих примерах подлинно историческим является только написание слова Märchen, восходящее к средневерхненемецкому *mæge*; написание других, приведенных здесь слов, обязано своим возникновением случайности.

Обратный случай представляют, например, слова Greuel и schneuzen; написание *eu* вместо *äu* нарушает связь между ними и словами grauen, Schnauze.

На консервативном принципе основаны также написания *st*, *sp* вместо ожидаемых с точки зрения немецкой графики *scht*, *schp*. Это орфографическое правило объясняется тем, что сочетания «*st*, *sp*» восходят к средневерхненемецким сочетаниям *st*, *sp*. Однако, и во всех других сочетаниях (а именно «*sl*, *sm*, *sp*, *sw*») в начале слов современное «*f*» восходит к средневерхненемецкому *s*, напр.: schlafen, Schmerz, schnell, schwer — соответствуют средневерхненемецкому slāfen, smerze, snel, swære; тем не менее, в этих сочетаниях пишется *sch*, а не *s*.

Буква *v* в своих обоих значениях является излишней с точки зрения немецкой графики; своим существованием она обязана опять-таки лишь консервативному принципу орфографии.

Обозначая фонему «*v*», т. е. заменяя букву *w*, она употребляется в заимствованных словах, преимущественно романского происхождения. Для обозначения фонемы «*f*» она, напротив, употребляется в ряде старых немецких слов.

Наличие двух букв — *f* и *v* для обозначения фонемы «*f*» имеет следующее историко-фонетическое объяснение. В немецком языке как в древние периоды его истории, так и в новейшие следует (с точки зрения сравнительной грам-

матики) различать два **f**; одно из них имеет своим соответствием в других германских языках такой же согласный, например, англ. «*fɑ:ðə*» father—нем. «*fɑ:təʁ*» Vater; второму немецкому **f** в других германских языках согласно правилам 2-го перебора соответствует **p**, например, англ. «*ʃɪp*» ship—нем. «*ʃɪf*» Schiff. Эти два **f**, повидимому, различались по произношению в период древне- и средневерхнегерманского языка, как различаются и теперь в некоторых говорах северо-западной Германии. Буквы **f** и **v** служили первоначально для отображения этого фонетического различия в письме, причем буква **v** обозначала общегерманское **f**, буква **f** — верхнегерманское.

Сейчас, когда оба **f** в литературном произношении совпали, сохранение буквы **v** стало бессмысленной традицией. Эта бессмысленность сказывается особенно в том, что в большом количестве слов с общегерманским **f**, где следовало бы, согласно древнему правилу, писать **v**, по правилам современной орфографии пишется **f**, напр.: Fuß, fasten (ср. англ. foot, fast) и т. п. Буква **v** сохранилась только в ограниченном числе слов.

За счет консервативного принципа следует отнести также сохранение буквы **ß** в конце слов после короткого гласного (напр.: Fluß), тогда как с точки зрения немецкой графики фонема «*s*» в данном положении должна обозначаться буквами **ss** (см. § 123).

Написания заимствованных слов, если в них сохраняется орфография языка, из которого эти слова заимствованы, должны быть отнесены к консервативным написаниям в том случае, когда они идут в разрез с немецкой графикой и, следовательно, не отражают современного произношения соответствующих слов. Так, например, написание слова Shakespeare основано только на стремлении сохранить орфографию английского подлинника, т. е. историческом принципе. Напротив, написание „London“, хотя и совпадает с английским, но не является просто консервативным, так как соответствует немецкому произношению этого слова («*lɔndɔn*») и немецкой графике.

То обстоятельство, что в этом слове немецкое произношение обязано своим происхождением именно написанию (ближе к английскому было бы произношение «*lɔndɛn*»), в данном случае не играет роли. Факт тот, что написание London отвечает немецкому произношению, и потому оно должно быть обозначено как фонетическое.

Мы не будем приводить здесь всех частных случаев написания заимствованных слов, а укажем только те, которые могут быть обобщены в определенные орфографические правила. К таким прежде всего относятся написания **ph** (вместо **f**) и **th** (вместо **t**) в словах греческого происхождения; **th** пишется там, где по-гречески стоит *θ*; греческое же *τ* передается через **t**, напр.: Theater и Telephon. Нужно отметить, что вопреки требованиям официальной орфографии **ph** в газетах и журналах часто заменяется буквой **f**. В научных же изданиях, изобилующих терминами греческого происхождения, встречается исключительно **ph**.

Главным образом с той же целью — отмечать греческое происхождение того или иного слова — употребляется излишняя с точки зрения немецкой графики буква **y**, которая, в зависимости от произношения данного слова, могла бы быть заменена буквой **ü** или **i**; например, слово «*tsyr̥l̥esə*» с точки зрения немецкой графики следовало бы писать

Züppresse, а не Zypresse, как этого требует орфография; слово «tsi:lindər» следовало бы писать Zilinder, а не Zylinder.

Выше уже упоминалось, что в силу консервативного принципа в написаниях заимствованных слов сохраняется буква v, излишняя с точки зрения немецкой графики.

Излишней с этой же точки зрения является также буква x, «ks», которая сохраняется лишь в силу традиции в заимствованных словах, и которая, кроме того, совершенно произвольно была занесена и в некоторые немецкие слова; напр.: Axt, Hexe.

Примечание. Консервативный принцип в орфографии, прикрываемый высоким названием „исторического“, является серьезным препятствием в деле обучения грамоте. Всякая реформа орфографии всегда бывает направлена в первую очередь против написаний, следующих этому принципу.

§ 128. Следующий принцип, с которым мы имеем дело в немецкой орфографии, это, так называемый, **фонетический принцип**. Как вытекает из самого названия, согласно этому принципу написание слова должно полностью отражать его звучание, без учета его морфологических и иных связей. Последние при таких написаниях могут оказаться соблюденными (русск. *стул* — *стула*, *ток* — *тока*, *кит* — *кита* и т. п.), но могут быть и нарушены; так, по-русски в слове *расти* пишется *а* вопреки связи его со словом *рост*, а правописание приставок *из-*, *воз-*, *низ-*, *раз-* целиком зависит от их звучания в том или ином слове.

В немецкой орфографии фонетический принцип полностью подчинен морфологическому. Это значит, что он соблюдается только там, где он не противоречит последнему. Нужно сказать, что таких случаев в немецкой орфографии довольно много, напр.: все формы слов *Tisch*, *Brot*, *groß*, *warten* и т. п. Поэтому нередко основным принципом немецкой орфографии считают фонетический, а не морфологический. Это, однако, в корне неверно: фонетическое написание, противоречащее морфологическому (напр.: Так, *apfallen* и т. п.), недопустимо с точки зрения немецкой орфографии.

§ 129. В немецкой орфографии нашел себе отражение также и **нероглифический принцип**, хотя он играет в ней второстепенную роль. Своим названием нероглифический принцип обязан языкам с нероглифической, а не буквенной системой письма (например, кигаийский), которая целиком построена на этом принципе. Сущность его заключается в том, что написание представляет собой графический символ слова в целом, а не составляющих это слово звуков. В применении к европейским языкам не может быть речи о нероглифической системе письма; европейские языки пользуются буквами, а не нероглифами; но написание отдельных слов может тем не менее основываться на нероглифическом принципе. Это имеет место тогда, когда омонимы (см. § 600) пишутся по-разному, т. е. когда различие написаний обусловлено различием значений (а не звучания) соответствующих слов.

Очень большое распространение нероглифический принцип имеет в орфографии французского языка, чрезвычайно богатого омонимами;

так, например, звучанию «sē» во французском соответствует несколько омонимов, которые пишутся по-разному, а именно: *sain* „здоровый“, *saint* „святой“, *seint* „опоясанный“, *sein* „грудь“, *seing* „печать“, *cinq* „пять“ (перед согласным).

В современной русской орфографии на иероглифическом принципе основаны написания *компания* и *кампания* (оба слова звучат «kam-pani'a»); в старой орфографии примером иероглифического написания могут служить *мир* в значении „спокойствие“ и *мир* в значении „вселенная“.

В немецком языке иероглифический принцип использован преимущественно в орфографии гласных. Так, главным образом, стремлением различить омонимы можно объяснить наличие двух обозначений для дифтонга «ae», а именно — *ei* и *ai*, напр.: *Leib* „тело“ — *Laib* „коврига“, *Seite* „сторона“ — *Saite* „струна“, *Weise* „способ“ — *Waise* „сирота“ и т. п. Исключения составляют только слова *Kaiser*, *Mai*, *Lakai* и некоторые собственные имена; здесь написание *ai* базируется на консервативном принципе.

Далее, иероглифическому принципу следуют некоторые случаи обозначения долготы гласного путем удвоения соответствующей буквы, напр.: *Meer* „море“ — *mehr* „больше“, *Moog* „болото“ — *Mohg* „мавр“ и т. п.

Обозначение фонемы «i:» сочетанием букв *ie* также служит в некоторых случаях для различения омонимов, т. е. соответствует иероглифическому принципу, напр.: *Stiel* „рукоятка“ — *Stil* „стиль“, *wieder* „опять“ — *wider* „против“, *Lied* „песня“ — *Lid* „веко“ и т. п.

Наконец, существует ряд единичных случаев написания, которые также нужно отнести за счет иероглифического принципа. Сюда относятся следующие случаи: 1) *Lerche* „жаворонок“ — *Lärche* „лиственница“; коренной гласный во втором слове не чередуется по умлауту с гласным *a*; таким образом написание через *ä* не может быть здесь оправдано морфологическим принципом. 2) *Rum* „ром“ — *Ruhm* „слава“. 3) *Stadt* „город“ — *Statt* „место“ и др.

Было бы неправильным думать, что указанные способы написаний в эникли для различения омонимов. Они только используются для этой цели; возникновением же своим они обязаны, как правило, истории языка. Впрочем, это справедливо в отношении с п о с о б о в, но отнюдь не в отношении каждого написания в отдельности. Так, написания *Lid* — *Lied* имеют основание в исторической фонетике (см. § 127); написания же *wider* — *wieder* противоречат ей, так как оба эти слова восходят к одному (средневерхнемецкое *wider*).

Возникновение двух написаний для дифтонга «ae» может быть объяснено с точки зрения исторической фонетики. Дело в том, что этот дифтонг имеет двойное происхождение: он восходит либо к средневерхнемецкому дифтонгу *ei*, либо к средневерхнемецкому долготу *i*. Например, современное *Weib* — соответствует средневерхнемецкому *wip*, современное *Leid* средневерхнемецкому *leit*. Первоначально произношение старого дифтонга (как в слове *Leid*) и дифтонга, происходящего из долготу *i* (как в слове *Weib*), было различным. Различно оно и сейчас в большом числе диалектов. Орфография отражала это различие вплоть до XVIII века, обозначая старый дифтонг через *ai* (*Laid*), а новый — через *ei* (*Weib*). В современной же орфографии *ai* в тех словах, которые не имеют омонимов, заменено *ei*.

Итак, хотя возникновение отдельных способов иероглифического написания объясняется историей языка, но сохранение их в современной

орфографии диктуется стремлением различать омонимы. Поэтому мы относим соответствующие написания за счет иероглифического, а не консервативного („исторического“) принципа.

Примечание. Иероглифический принцип, подобно консервативному, затрудняет усвоение орфографии; однако, нужно помнить, что он в отличие от консервативного принципа осмыслен с точки зрения современного состояния языка, поскольку он связывает написание слова с его значением, и в этом его преимущество.

7. ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ.

§ 130. Правила чтения очень часто смешиваются с правилами произношения, или орфоэпией, и в конечном счете — с фонетикой. Так, принято говорить: „буква *v* произносится как *в* и как *ф*“; неправильность такой формулировки очевидна: буквы могут писаться, читаться, но произноситься могут только звуки. Говорить же, что звук *v* может произноситься и как *в* и как *ф*, т. е. как звонкий и как глухой-согласный, — нелепо. Верно сформулированное правило чтения для буквы *v* должно гласить следующим образом: „буква *v* может читаться в одних случаях как *в*, в других как *ф*“.

Можно сказать, что правила чтения являются обратной стороной графики: если последняя занимается тем, как символизируются в письме те или иные фонемы или их сочетания, а иногда и целые слова (иероглифическое письмо), то правила чтения определяют, как читать, т. е. какими фонемами заменять соответствующие символы: буквы, их сочетания, или целые слова.

Не исчерпывая всех деталей, мы даем здесь основные правила чтения; при этом мы почти не касаемся чтения тех заимствованных слов, которые сохраняют свое иностранное произношение.

§ 131. Согласные. Отдельные буквы. Следующие буквы являются однозначными, т. е. читаются всегда одинаково: *p, k, f, ß, j, l, m, r, q, x, z*; им соответствуют: «*p, k, f, s, j, l, m, r, k, ks, ts*».

Примечание 1. Буквы *p, f, l, m, r, z* встречаются в написании удвоенными и читаются в таком случае как простые, напр.: *Treppe, offen, stellen, Hammer, zergehen, Skizze* и т. п. Только *ll* в некоторых французских заимствованиях читается как «*lj*», напр.: *Billet* «*biljet*».

Примечание 2. Буква *j* в некоторых французских заимствованиях читается как «*з*», напр.: *Journal* «*зурна:l*».

§ 132. Следующие буквы являются двузначными, т. е. могут читаться двояко: *b, d, v, n, t, w, h, c*.

Буквы *b, d* в начале слова или слога читаются как «*b, d*», в конце слова или слога — как «*p, t*», напр.: *Ball* «*bal*», *Abbildung* «*lapbilduŋ*», *ab* «*ap*», *Druck* «*druk*», *Wand* «*vant*».

Буква *v* читается как «*f*» в конце слов, а также в следующих немецких словах и в производных от них (см. § 127): *Vater, Veilchen, viel, vier, Vetter, Vogel, Volk, vor, von* и в приставке *ver*. В словах иностранного происхождения *v* в начале слова и между гласными читается как «*v*», напр.: *Vokal, oval* «*vo:|ka:l, o:|va:l*» и т. п.

Буква **n** читается как «п» кроме тех случаев, когда она стоит перед **k** в пределах простого слова; в этом положении она читается как «п», напр.: danken «*daŋkən*», krank «*kraŋk*», но Ankunft «*ʼlankʉnft*». Относительно сочетания **ng** речь будет ниже.

Буква **t** читается как «т» во всех случаях кроме суффикса **-tion**, где она читается как «цз», напр.: Revolution «*ʼre:vo:lu:ʼtʃjo:p*» и т. п.

Буква **w** совсем не читается в конце некоторых собственных имен после **o**, напр.: Bülow «*ʼby:lo:*». В остальных случаях она читается как «в», напр.: Wasser, Möwe «*ʼvasər, ʼmø:və*» и т. п.

Буква **h** читается как «h» в начале слова или слога; в остальных случаях она не читается вовсе (см. § 123), напр.: Haus «*ʼhaʉs*», Behandlung «*bəʼhandlʉŋ*», sehen «*ʼze:ən*», Stahl «*ʼʃta:l*».

Буква **c**, если не считает сочетаний **ch** и **sch**, пишется сейчас только в словах иностранного происхождения, преимущественно в собственных именах. Перед гласными **a**, **o**, **u** буква **c** читается большей частью как «к», перед **ä**, **e**, **i**, **ö**, **ü** большей частью как «цз», напр.: Café «*ka:ʼfe:*», Corneille «*kørnɛl*», Cäsar «*ʼtʃs:zar*», Cäcilie «*ʼtʃsɛʼtʃilje:*», Celsius «*ʼtʃsɛlsiʉs*».

Примечание. Удвоенные **b**, **d**, **n**, **t** читаются «b, d, n, t», напр.: Ebbe, Widder, kennen, Kette — «*ʼebə, ʼʼvidər, ʼkənən, ʼkɛtə*». Буквы **v**, **w**, **h**, **c** удвоенными не пишутся.

§ 133. Буквы **g** и **s** имеют три значения: в начале слова или слога они читаются как «g, z», в конце слова или слога — как «k, s».

Примеры: ganz «*gants*», Eingang «*ʼaengəŋ*», sagen «*ʼza:gən*», weisen «*ʼvaezən*», Berg «*berk*», Hals «*hals*» и т. п.

Буква **g** кроме того в суффиксе **-ig** читается как «цз», напр.: ruhig, Käfig «*ʼru:ʒ, ʼke:ʼfʒ*» и т. п.

Буква **s** в начале слова перед **p** и **t** читается как «ф», напр.: «*ʼʃpi:lən, ʼʃte:ən*» spielen, stehen и т. п.

Примечание. Удвоенные **g** и **s** читаются как «g» и «s», напр.: Egge-Wasser «*ʼegə, ʼvasər*».

§ 134. Сочетания букв. Важнейшие сочетания читаются следующим образом:

sch читается всегда как «ф», напр.: schon, rasch, Asche «*ʃo:p, raʃ, ʼaʃə*» и т. п.

ch после гласных **a**, **o**, **u**, **au** читается как «х», напр.: lachen, hoch, Geruch «*ʼlaxən, ho:x, gɛrʉx*» и т. п., перед этими же гласными в начале слов как «к», напр.: Chor «*ko:ɾ*». После гласных **i**, **e**, **ü**, **ö**, **ei**, **eu**, согласных **l**, **m**, **n**, **r**, а также в суффиксе **-chen** это сочетание читается как «цз», напр.: ich, recht, solch, durch, manch, Eiche, euch «*ʼʒ, rɛçt, zɔʒ, dʉɾç, maŋç, ʼæçe, ʉç*» и т. п. Как «цз» читается **ch** также перед указанными гласными в начале слов, напр.: Chemie, Chinin «*çe:ʼmi:, çi:ʼni:p*» и т. п.; следует отметить, что в начале слов это сочетание встречается только в заимствованных словах.

pf в пределах одного слова читается как «pf», напр.: Pferd, klopfen «*ʼpfe:rt, ʼklɔpfən*».

tsch читается как «цз», напр.: deutsch «*dɔɔʃ*».

ph читается как «f», напр.: Philosophie «*ʼfi:lo:zo:ʼʼfi:*».

th читается как «t», напр.: Theater «te : ʰa : tər».

chs, если относится к одному корню, читается как «ks», напр.: wach^s-en, sechs «ʱvaksən, zɛks»; в противном случае как «xs» или «çs», напр.: lach-st, näch-st «laxst, nɛ : çst» и т. п.

ck читается как «k», напр.: Stock, Rücken «ftɔk, ʱrykən» и т. п.

tz в пределах одного слова читается как «ʦ», напр.: Hitze, Klotz «hiʦə, kloʦ» и т. п.

ng, если относится к одному корню, читается как «ŋ», напр.: singen, lang «ʱziŋən, laŋ»; в противном случае — как «ng», напр.: Angabe «ʱlaga : bə» и т. п.

sh читается как «ʒ», напр. Dsershinski.

§ 135. Гласные е.¹ Основное правило. Все гласные читаются как краткие перед удвоенными согласными, а также перед сочетаниями: **ck**, **tz**, **pf**, **ng** и большинством других сочетаний согласных.

Все гласные читаются как долгие в открытом слоге, т. е. если после них стоит только один согласный, или согласный **h**, или не стоит никакого согласного, напр.: legen «ʱle : gən», stehst «fte : st», du «du : » и т. п.; исключение составляет только неударенное **e**, которое читается как «ə» (см. § 70), напр.: sagen «ʱza : gən», Gedicht «gəldiçt».

Кроме того, как долгие читаются удвоенные **aa**, **oo**, **ee** (другие гласные удвоенными не пишутся), напр.: Haar, Moos, leer «ha : r, mo : s, le : r».

§ 136. Колебания в чтении. Перед некоторыми сочетаниями правило чтения колеблется; важнейшие из них: **ch**, **st**, **rd**, **rt**, **rs**, **rz**. В одних словах гласные перед этими сочетаниями читаются как долгие, в других — как краткие, напр.: Buch, Trost, Erde, Bart, Börse, Harz «bu : x, tro : st, le : rdə, ba : rt, ʱbɔ : rzə, ha : rʦ»; Geruch, Kost, fertig, wurde, Ferse, Herz «gəʱrux, kɔst, ʱfertɪç, ʱvurdə, ʱferzə, hɛrʦ».

§ 137. Отдельные случаи. Сочетание букв **ie**, если оно стоит под ударением, читается как «i : »; в противном случае — как «jə», напр.: vier, Marie, studieren, Materie, Italien «fi : r, ma : ʱri : , ftu : ʱdi : rən, ma : ʱte : rjə, i : ʱta : ʱljən».

Буква **y**, соответственно отображаемому ею греческому ипсилону (см. § 90), читается большей частью как «y : , y», реже как «i : , i», напр.: Physik, Mystik «fy : ʱzi : k, ʱmystik», Zylinder, Egypten «tʰsi : ʱlindər, ʱɛɡiptən».

¹ Примеры см. выше в описании кратких фонем.

ГЛАВА III.

МОРФОЛОГИЯ (MORPHOLOGIE, FORMENLEHRE)

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

§ 138. Морфологией (греч. *μορφή* „вид, форма“) называют часть грамматики, занимающуюся образованием и изменением слов. Морфология, особенно в части ее, занимающейся словоизменением, играет подчиненную роль по отношению к синтаксису. Так, падеж данного имени существительного, прилагательного или местоимения зависит от его роли в предложении; число и лицо глагола — сказуемого согласуется с подлежащим и т. д.

В морфологии мы имеем дело с различными „морфемами“, т. е. значащими элементами слова; это корень, префикс, суффикс (последние два объединяются под общим названием аффиксов), флексия или окончание. Каждая из этих морфем может быть выражена одной фонемой, либо сочетанием фонем. Различение флексии и суффикса не всегда легко провести; однако, оно является необходимым для правильного определения признаков соответствующей морфологической категории. Во всяком случае понятие суффикса не следует обязательно связывать с категорией словообразования (ср. напр. § 160 об образовании множественного числа).

Флексией (окончанием) мы условимся называть морфему, служащую для изменения формы слова в соответствии с его ролью в предложении; она встречается, следовательно, только в изменяемых частях речи, обозначая в них падеж (в именах) или лицо (в глаголе). Напр., по-русски: род. пад. *дом-а*, дат. *дом-у*, твор. *дом-ом*; по-немецки: род. Tag-es, дат. Tag-e и т. п.; по-русски: 1 л. *пиш-у*, 2 л. *пиш-ешь*, 3 л. *пиш-ет*; по-немецки: 1 л. *schreib-e*, 2 л. *schreib-st*, 3 л. *schreib-t*. В некоторых случаях признаком данной формы может быть отсутствие окончания; тогда говорят о нулевой флексии, напр.: в русском языке им. пад. *дом-*, *стол-* и т. п.; в немецком им. пад. Tag-, Täg- и т. п.¹

Примечание. Слово Flexion в немецком языке употребляется в двух значениях: первое соответствует русскому „флексия“, второе означает „словоизменение“ (ср. глава III. 3).

Суффиксом называется морфема, стоящая после корня перед флексией и служащая, во-первых, для образования слов, напр.: Lehr-e, Lehr-er, Lehr-ling, lehr-en; *лет-ать*, *лет-чик* и т. п.; во-вторых, для образования различных грамматических категорий (множ. числа существительных, степеней сравнения, времен, наклонений и т. п.), напр.:

¹ Черточка после слова указывает на нулевую флексию.

Kind-er, klein-er, sag-te и т. п.; *чуд-ес-а, скор-ее, сказ-ал* и т. п. Окончания и суффиксы четко различаются на примере спряжения слабого претерита. В формах sag-te-, sag-te-st, sag-te-, sag-te-n, sag-te-t, sag-te-n звукосочетание *-te* является суффиксом, так как оно несет на себе значение прошедшего времени. Будучи признаком всей категории в целом, оно и присуще всем лицам. Личные же окончания зависят исключительно от синтаксических условий предложения (от подлежащего).

Префиксом называют морфему, стоящую перед корнем и имеющую те же две функции, что и суффикс, но главным образом — словообразовательную, напр.: Aus-weg, be-schreiben, ge-sagt; *под-ход, вы-сказать, на-писать*.

К понятию корня нужно подходить с точки зрения этимологической (о термине „этимология“ ср. § 573). Корнем тогда будет значащая морфема, служащая исходным элементом для образования слов (ср. § 336). При этом в корне далеко не всегда заключено основное значение слова. Так, например, в словах *ход, ходить, ходкий, заход, восходить, превосходный* корнем является — *ход* — потому что этот элемент служит исходным моментом при словопроизводстве, однако в слове *превосходный* не он один несет основное значение слова. Аналогичное можно показать на немецких *nehm-en, Auf-nahm-e, zu-nehm-en, Unter-nehm-ung, Aus-nahm-s-los-ig-keit*.

Префикс + корень, корень + суффикс или префикс + корень + суффикс представляют основу слова; к основе прибавляются флексии для изменения формы слова, напр.: Ver-kehr-s, Lehr-er-s, bestell-te-st и др.; *за-вод-ы, двор-ник-и, под-ход-ил-а* и др.

Очень часто к корню не прибавляется никаких аффиксов; в таком случае корень является вместе с тем и основой; окончание прибавляется непосредственно к нему, напр.: sag-e, Mensch-en, gut-es, *вез-у, вод-а, больш-ой* и т. д.

§ 139. Одна и та же фонема (или сочетание фонем) может функционировать в качестве двух или нескольких различных морфем: флексий или суффиксов. Так, гласный *e* в немецком языке может служить окончанием дат. ед. ч. м. р. (Tage), окончанием 1 л. ед. ч. наст. вр. (nehme), суффиксом сущ. жен. р. (Wärme), суффиксом мн. ч. существительных (Hände), суффиксом конъюнктива (er nehme); сочетание *-er* может быть окончанием им. ед. ч. местоимен. склонения прилагательных муж. р. (ein guter Mensch), окончанием род. и дат. ед. ч. местоимений (dieser Frau), суффиксом мн. ч. существительных (Völker), суффиксом существительных муж. р. (Arbeiter), суффиксом сравнительной степени прилагательных (größer) и т. д. Аналогичные примеры можно привести и из русского языка; достаточно взять хотя бы гласный *a*, используемый и как окончание им. пад. ед. ч. существительных жен. р. (*голова*) и как окончание род. пад. ед. ч. и им. пад. мн. ч. существительных муж. р. (*столá, домá*) и как суффикс глаголов несовершенного вида (сравн. *напоминать* и *напомнить*) и т. д.

Таким образом, во флективных языках, как немецкий и русский, значение суффикса или флексии большей частью можно определить только по всему слову в целом или в контексте. Очень часто, кроме того,

эти морфемы (особенно флексии) синтетичны, т. е. скрывают в себе два или несколько морфологических признака; а в слове *голова*, например, является признаком и жен. р., и им. пад., и ед. ч.; п в слове *Lehrern* указывает и на дат. и на мн. ч.

§ 140. Средства выражения морфологических категорий не ограничиваются аффиксацией и флексией, которая может быть названа „внешней“ флексией. В морфологических целях широко используется также и так называемая внутренняя флексия (*innere Flexion*), основанная на чередовании фонем (ср. § 94). В качестве примеров могут служить русские «*n'elsu — n'os*» „несу — нес“, немецкое *tragen — trug*.

Морфологические изменения, наконец, не обязательно выражаются изменением формы слова. Эту роль могут выполнять и служебные слова. Таковыми являются предлоги, вспомогательные глаголы, артикль.

В немецком языке удельный вес последнего способа выражения морфологических категорий весьма значителен, и ему, очевидно, принадлежит будущее.

2. ЧАСТИ РЕЧИ (REDETEILE).

§ 141. Учение о частях речи принадлежит к числу наименее разработанных частей грамматики. Традиционная трактовка частей речи считается в современной лингвистике неудовлетворительной. Однако, отсутствие сколько-нибудь устоявшегося научно обоснованных новых точек зрения на этот вопрос заставляет нас в этом отношении держаться в рамках традиции. В немецком языке имеются следующие части речи, которые с точки зрения синтаксической могут быть разделены на самостоятельные: имя существительное, прилагательное и числительное, местоимение, глагол, наречие, междометие и служебные: артикль, предлог, союз. С точки зрения морфологической они делятся на изменяемые: имя существительное, прилагательное и числительное, артикль и глагол и неизменяемые: наречие, предлог, союз и междометие.

Однако, принадлежность какого-нибудь слова к категории самостоятельных и служебных слов не является чем-либо постоянным, раз навсегда установившимся. Известны, например, случаи, когда служебные слова функционируют как самостоятельные слова. Примерами могут служить *wie* и *das Wie*, *auf* и *ab* и *das Auf* и *Ab*, *ach*, *weh* и *das Ach* и *Weh*, ср.: *Röslein wehrte sich und stach, half ihm doch kein Weh und Ach* (Goethe).

Не является стабильной также принадлежность слова к какой-либо части речи, так как одно и то же слово может выступать в самых различных функциях, напр. в качестве наречия и предлога, наречия и союза и т. п. Сравни, например, *im* — предлог, *im* — союз, *im* — наречие (напр. *im und im*), *während* — предлог, *während* — союз и т. п. Примером этого может служить далее частая субстантивизация прилагательных и других частей речи, напр.: *der Gelehrte*, *der Weise*, *eine Drei*, *das Deine* и т. д. Наконец, возможны и обратные случаи, напр. употребление имени существительного в функции прилагательного. Встречаются, однако, такие случаи крайне редко и только в художественной литературе.

Примеры: *So ist er Fuchs genug* (Lessing). *Weg, du Traum, so gold du bist* (Goethe).

§ 142. Имя существительное (Substantiv, Hauptwort). С грамматической точки зрения имя существительное всегда обозначает предмет, напр.: *Tisch, Sonne, Eisen, Gebirge, Wald, Mensch*. Даже такие слова, как русское *теплота*, *хождение* или соответствующие им немецкие *Wärme, (das) Gehen*, трактуются в языке как предметы, как субъекты или объекты действия. Так, например, можно сказать *солнце дает теплоту die Sonne gibt Wärme, хождение утомяет das Gehen ermüdet*. В этих случаях мы конечно имеем дело не со свойством и с действием как таковыми, а с абстрактными понятиями, мыслимыми как предметы. Такого рода существительные могут иметь не только абстрактное, но и совершенно конкретное значение, относясь к реальным предметам или лицам. Так, например, русское *правление* обозначает не только „образ правления“, но и „правление“ (напр. банка); немецкое *Regierung* не только „правление“, но и „правительство“; *Schönheit* в абстрактном значении „красота“ и в конкретном „красавица“.

§ 143. Имя прилагательное (Adjektiv, Eigenschaftswort). Имя прилагательное обозначает свойство предмета, напр.: *rot, groß, sozialistisch, gut, möglich, hörbar* и т. д.

К прилагательным принадлежат в известной мере и причастия, хотя, с другой стороны, они благодаря наличию в них категории залога, времени и т. п., а также по их употреблению теснейшим образом связаны с глаголом и входят поэтому в его систему. В некоторых случаях как в русском, так и в немецком языке грань между прилагательным и причастием вообще стирается, напр.: *образованный gebildet* („образованный человек“ — *ein gebildeter Mensch*); *соответствующий entsprechend* („соответствующая форма“ — *die entsprechende Form*).

§ 144. Имя числительное (Numerale, Zahlwort). Имя числительное служит для обозначения числовых отношений: количество обозначается количественными числительными (Kardinalia, Grundzahlwort), порядок следования — числительными порядковыми (Ordinalia, Ordnungszahlwort). Первые в известном смысле близки к существительным, вторые в еще большей степени к прилагательным. Специфическая семантика и употребление позволяют выделить их в особую часть речи. Примеры имен числительных: *zwei, hundert, tausend, erster, fünfter, hundertster*.

§ 145. Местоимение (Pronomen, Fürwort). Как видно уже из самого его названия, местоимение служит функционально для замены какого-либо имени. Соответственно этому местоимения разделяются на субстантивные и адъективные; первыми (замещающими существительные) будут, например, *ich, wir, wer*, вторыми (замещающими прилагательные) — например, *mein, derjenige*. Кроме того, ряд местоимений (так называемые неопределенные) замещает имена числительные. Однако, они могут быть отнесены к тем же группам, поскольку само числительное имеет либо субстантивный, либо адъективный характер, напр. *etwas, manch, etlich*.

§ 146. Артикль (Artikel). Артиклем называют служебное слово, оформляющее имя существительное. Тем самым артикль берет на себя обозначение грамматического рода и частично выражение флексии. Артикль указывает кроме того на семантическую роль слова в данном контексте. Различают определенный (der, die, das) и неопределенный (ein, eine) артикль.

§ 147. Наречие (Adverb). Наречие служит для характеристики действия или свойства, а иногда и всего высказывания в целом. Тем самым наречие относится либо к глаголу, либо к прилагательному, либо к предложению в целом. Глаголу наречие дает самые различные характеристики, указывая на место, время, образ действия, причину действия и т. д., напр.: dort, dabei, zu Hause; jetzt, am Morgen, darauf; gut, gern, deswegen, folglich. Для прилагательного наречие служит определением меры и степени того свойства, которое этим прилагательным выражается, напр.: sehr (gut), schrecklich (müde) и т. д. В случае с sehr, как и с русским *очень*, это совершенно очевидно, но и schrecklich выражает только сильную степень (в данном случае усталости), утрачивая свое предметное значение, — ср. русское *страшно устал*. Наречиями, определяющими все предложение в целом, являются, напр.: wohl — er ist wohl krank; wahrscheinlich — er kommt wahrscheinlich nicht и т. п.

§ 148. Глагол (Verb, Zeitwort). Глагол служит для обозначения действия, напр.: machen, tragen, gehen, sich waschen. Как действие мыслятся с грамматической точки зрения и такие глаголы, которые обычно называют глаголами состояния, напр.: schlafen (*спать*), liegen (*лежать*) и др. Это становится ясным при вопросах, на которые должны были бы отвечать эти глаголы. Так, для того чтобы получить ответ *он спит* er schläft — нужно спросить, *что он делает?* was tut er? а не в каком он состоянии? in welchem Zustande ist er? или как-нибудь иначе.

Те глаголы, которые и с грамматической точки зрения не являются выразителями действия и по отношению к которым этот вопрос совершенно неуместен, по преимуществу не глаголы, а связки, напр. sein, bleiben, werden, haben и т. п. (ср., однако, § 436).

§ 149. Предлог (Präposition). Предлог служит для выражения подчинения одного члена предложения другому, напр.: auf dem Tische liegen, um etwas kämpfen, zu jemandem gehen, während des Winters arbeiten, dieser Methode nach handeln, ein Lied von Schubert (подробнее см. § 177 и сл.).

§ 150. Союз (Konjunktion). Союз служит для выражения связей как между отдельными однородными членами предложения, так и между целыми предложениями. Связи эти могут быть различными: внутри одного предложения они могут выражать соединение или противопоставление, напр.: und, auch, aber, vielmehr; между предложениями они выражают сочинение и подчинение, напр.: also, entweder, oder, so daß, obwohl (подробнее см. § 520 и сл. и § 532).

§ 151. Междометие (Interjektion). Междометия — слова, выражающие какие-либо эмоциональные возгласы, напр.: ach! pfui! au! ei! hm! Правда, и слова, относящиеся к другим частям речи, могут употребляться

как такого рода возгласы, напр.: *Feuer! Teuffel! Donnerwetter!* и т. п. От этих слов междометия отличаются тем, что они прежде всего характеризуются беспредметностью значения.

3. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ (*FLEXION, WORTBIEGUNG*).

А. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (*SUBSTANTIV, HAUPTWORT*).

а) РОД ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

§ 152. Имя существительное в немецком, как и в ряде других языков, дифференцируется по грамматическим родам: мужскому, женскому и среднему. Принадлежность существительного к какому-нибудь роду внешним образом последовательно не обозначается. Окончания не могут служить удобным внешним признаком для различения рода. Если, например, можно сказать, что окончание *-e* в основном свойственно словам женского рода, напр.: *die Erde, die Karte, die Klasse*, то с другой стороны и ряд слов мужского и даже среднего рода обладают тем же окончанием, напр.: *der Knabe, der Löwe, das Auge*. Наконец, множество слов женского рода этим окончанием не характеризуются, напр.: *die Front, die Kraft*. В русском языке признак окончания, как характеристика рода, имеет большую последовательность, но и тут он не может считаться решающим. Так, окончание на смягченный согласный (на письме согласная буква, за которой следует *-ь*) и окончание *-а, (-я)* как правило присущи словам женского рода, напр.: *дверь, мать, роль; скамья, стена*. Однако, этими же признаками могут характеризоваться и слова мужского рода, напр.: *путь, уголь; воевода, судья*.

Несколько лучшим признаком для определения рода является суффикс. Слова с одним и тем же суффиксом обычно принадлежат к одному грамматическому роду, напр.: имена с суффиксами *-ung, -heit* всегда женского рода. Но и тут в немецком языке имеются колебания, напр.: слова с суффиксом *-tum* могут быть среднего и мужского рода (ср. *das Altertum* и *der Reichtum*), а слова с суффиксом *-nis* женского и среднего (ср. *die Finsternis* и *das Ergebnis*).

§ 153. Перед существительными в немецком языке обыкновенно стоит артикль (грамматический член), об употреблении которого см. § 221 и сл. Так как артикль возник из местоимения, четко дифференцирующего свой род, то он, присоединяясь к существительному, может облегчать определение его рода: *der Arbeiter, die Front, das Proletariat*. Артикль поэтому часто называют родовым словом (*Geschlechtswort*). Не следует, однако, на основании этого думать, что основной функцией артикля в современном языке, а также причиной его возникновения является потребность дифференциации существительных по грамматическому роду. Основные функции артикля лежат в другой плоскости, и возникновение его связано с другими явлениями в языке (см. § 218).

§ 154. Дать исчерпывающие правила определения рода существительных в немецком языке не представляется возможным. Однако, не исчерпывая всего словарного состава в целом, можно определить род

по крайней мере некоторых групп слов, объединяемых по семантическому или формальному признаку, и тем самым способствовать известной ориентации в этом вопросе.

Мужской род имеют: 1. Названия лиц мужского пола, напр.: *der Bruder, der Freund, der Genosse, der Mann, der Student*. Особую группу тут составляют *nomina agentis* (названия действующих лиц) с суффиксом *-er*, напр.: *der Arbeiter, der Bauer, der Forscher, der Lehrer, der Schlosser*.

Сюда же относятся и имена на *-ling*, напр.: *der Fremdling, der Jüngling, der Liebling*.

2. Названия животных-самцов тоже в большинстве случаев мужского рода, напр.: *der Bär, der Bock, der Hund, der Löwe*. Однако часто для обозначения животных, независимо от их пола, употребляется либо мужской род, напр.: *der Fisch, der Igel, der Käfer*, либо женский, напр.: *die Maus, die Spinne*.

3. Названия стран света: *der Norden, der Süden, der Osten, der Westen*.

4. Названия времен года, месяцев и дней недели, напр.: *der Frühling, der Sommer; der Oktober, der Mai; der Montag*.

§ 155. Женский род имеют: 1. Названия лиц женского пола, напр.: *die Frau, die Magd, die Mutter, die Schwester, die Tante*.

Особую группу тут составляют производные от имен мужского рода с суффиксом *-in*, напр.: *die Arbeiterin, die Fischerin, die Freundin, die Genossin, die Studentin*.

Ряд обозначений лиц женского пола имеет однако другой грамматический род (средний), напр.: *das Weib, das Mädchen* (ср. § 159); *das Frauenzimmer* (ср. § 157).

2. Названия животных-самок также в большинстве случаев женского рода, напр.: *die Kuh, die Löwin, die Sau, die Stute*. Однако и тут есть отклонения, не говоря уж об упомянутых в § 154 двух явлениях: *das Huhn, das Schaf* — среднего рода.

3. Большинство названий деревьев, цветов и плодов, напр.: *die Birke, die Buche, die Eiche, die Kiefer, die Tanne*; но *der Ahorn* — мужского рода; *die Lilie, die Nelke, die Rose*; но *der Löwenzahn* — мужского рода (ср. § 157), *das Stiefmütterchen* — среднего рода (ср. § 157); *die Apfelsine, die Aprikose, die Birne, die Melone, die Pflaume, die Schwarbeere*; но *der Apfel, der Pfirsich* — мужского рода.

4. Слова с суффиксом *-ung* со значением процесса или результата действия, напр.: *die Bildung, die Entwicklung, die Lieferung, die Substantivierung*.

5. Слова с суффиксом *-heit (-keit, -igkeit)* в большинстве случаев со значением качества, свойства, напр.: *die Schönheit; die Freundlichkeit, die Wichtigkeit; die Schnelligkeit*.

6. Слова с суффиксом *-e*, производные от глаголов со значением действия, напр.: *die Bitte, die Frage* и производные от прилагательных со значением свойства, напр.: *die Breite, die Güte, die Tiefe*.

7. Слова с суффиксом *-schaft* в большинстве случаев со значением собирательным или значением состояния, напр.: *die Arbeiterschaft, die Studentenschaft, die Wissenschaft, die Verwandtschaft*.

8. Слова с суффиксом **-ei**, обозначающие либо производственное учреждение, напр.: *die Bäckerei, die Weberei*, либо действие, состояние, напр.: *die Schmeichelei, die Sklaverei*.

9. Слова с суффиксом **-ie** «i:,jə» напр.: *die Biologie, die Materie, die Philologie, die Theorie*.

10. Слова с суффиксом **-tion**, напр.: *die Evolution, die Nation, die Revolution*.

§ 155. Средний род имеют: 1. Названия стран (местностей), городов, напр.: *(das) Amerika, (das) Frankreich, (das) Spanien, (das) Moskau, (das) Leningrad, (das) Madrid*. Исключения составляют следующие местности и страны: *der Kaukasus, die Krim, die Mandschurei, die Schweiz, die Pfalz, die Moldau, die Slowakei, die Türkei, die Walachei*, и город *der Haag*.

2. Названия металлов, напр.: *das Aluminium, das Eisen, das Gold, das Kupfer, das Zink*. Исключения составляют *der Stahl, der Kobalt* — мужского рода.

3 Уменьшительные на **-chen, -lein** и **-el**, напр.: *das Mädchen, das Stückchen; das Büchlein, das Tischlein; das Mädel*.

4. Слова с суффиксом **-tum**, обычно со значением состояния, положения, напр.: *das Altertum, das Mädchen-tum, das Studententum*. Исключения составляют *der Irrtum, der Reichtum* — мужского рода.

5. Слова с префиксом **ge-** и суффиксами **-e** или **-er** со значением собирательным, напр.: *das Gebirge, das Gefilde, das Gelächter*.

6. Субстантивированные инфинитивы, напр.: *das Essen, das Gehen, das Leben, das Werden*.

7. Дробные числа, напр.: *das Drittel, das Viertel*.

8. Часть слов с суффиксами **-nis** и **-sal (-sel)**, тогда как другая часть принадлежит женскому роду, напр.: *das Ereignis, das Ergebnis, das Gefängnis, das Mißverständnis; das Schicksal, das Rätsel*. С другой стороны *die Erlaubnis, die Finsternis, die Kenntnis, die Mühsal, die Trübsal*.

Кроме перечисленных групп ко всем трем родам принадлежит большое количество слов, которые не поддаются, однако, сколько-нибудь удовлетворительной семантической или формальной группировке.

§ 157. Род сложных слов следует всегда роду последнего составляющего их элемента, т. е. основного слова, к которому остальная часть относится как определение, напр.: *Arbeit* ж. р. + *Tag* м. р. = *Arbeitstag* м. р.; *Klasse* ж. р. + *Kampf* м. р. = *Klassenkampf* м. р.; *Wirtschaft* ж. р. + *Plan* м. р. = *Wirtschaftsplan* м. р.; наоборот, *Planwirtschaft* ж. р.; *Partei* ж. р. + *Komitee* ср. р. = *Parteikomitee* ср. р.; *Revolution* ж. р. + *Gesetz* ср. р. = *Revolutionsgesetz* ср. р.

§ 158. Некоторые слова имеют в отношении грамматического рода колебания. Иногда колебания эти не связаны ни с семантическими, ни с формальными различиями, напр.: *Bereich* м. и ср. р.; *Hirse* м. и ж. р.; *Zierat* м., ж. и ср. р.

В других случаях с колебанием в роде связано формальное различие, которое и является грамматическим оправданием для родовой дифференциации, напр.: *Ritz* м. р. — *Ritze* ж. р.; *Rohr* ср. р. — *Röhre* ж. р.; *Spalt* м. р. — *Spalte* ж. р.

Наконец, иногда различие в грамматическом роде является способом семантической дифференциации разнозначных слов, происходящих от одного корня, напр.: *Band* м. р. „том“ — *Band* ср. р. „связь, лента“; *Bauer* м. р. „крестьянин“ — *Bauer* ср. р. „клетка“, *Bund* м. р. „союз“ — *Bund* ср. р. „связка, вязанка“; *Erbe* м. р. „наследник“ — *Erbe* ср. р. „наследство“ (в прошлом разные формы — *ahd. erbeo* и *erbi*); *Erkenntnis* ж. р. „познание“ — *Erkenntnis* ср. р. „приговор“; *Gehalt* м. р. „содержание“ — *Gehalt* ср. р. „заработная плата“; *Hut* м. р. „шляпа“ — *Hut* ж. р. „защита“ (в прошлом разные формы *ahd. huot* и *huota*); *Schild* м. р. „щит“ — *Schild* ср. р. „вывеска“; *See* м. р. „озеро“ — *See* ж. р. „море“; *Steuer* ж. р. „подать“ — *Steuer* ср. р. „руль“; *Verdienst* м. р. „заработок“ — *Verdienst* ср. р. „заслуга“. В нижеследующих примерах слова, имеющие одинаковую форму, не связаны общим происхождением и являются просто омонимами; *Kiefer* м. р. „челюсть“ — *Kiefer* ж. р. „сосна“; *Mark* ж. р. „марка“ — *Mark* ср. р. „костный мозг“ (в прошлом разные формы *ahd. mark* и *marg*); *Tor* м. р. „глупец“ — *Tor* ср. р. „ворота“ (в прошлом разная форма; *mhd. tōre* и *tor*); *Leiter* м. р. „руководитель“ — *Leiter* ж. р. „лестница“.

Встречаются, и притом особенно часто, случаи колебания в грамматическом роде и у слов, заимствованных из других языков, напр.: *Kathedr* м. и ср. рода, *Liter* м. и ср. рода, *Meter* м. и ср. рода, *Münster* м. и ср. рода. Это стоит, повидимому, в связи с тем, что слова при заимствовании зачастую меняют свой род по сравнению с языком, из которого они взяты. Происходит это либо сразу, либо через некоторое время после заимствования. Возможность таких переходов обусловливает нечеткость и колебание в языке. Так, в немецком языке *Büro*, *Detail*, *Genie*, *Journal*, *Konzert*, *Komitee*, *Manöver*, *Niveau*, *Papier*, *Projekt*, *Protokoll*, *Repertoire* и много других имеют средний род в отличие от французского языка, из которого они заимствованы, где род их — мужской. Слова *Büste*, *Uniform*, *Rolle*, *Zitrone* женского рода, тогда как во французском они мужского рода. Слова *Dutzend* (фр. *douzaine*), *Kotelett*, *Patent* среднего рода, *Marsch*, *Trupp* мужского рода, тогда как во французском языке эти слова принадлежат к женскому роду.

§ 159. Категория грамматического рода генетически не имеет ничего общего с категорией биологического пола, хотя в ряде случаев между ними наблюдается совпадение. „Раньше это не только не указатель пола, но и не признак самого предмета, а симптом класса, к которому предмет принадлежит, это классовый признак, перешедший в родовый“ (Н. Я. Марр). Это видно хотя бы из наличия кроме мужского и женского рода еще и категории среднего рода. В немецком языке лица женского пола или животные самки обозначаются иногда существительными среднего рода (примеры см. в § 155, 1 и 2). Кроме того, бывают случаи, когда какой-нибудь из грамматических родов обозначает безразлично существа как мужского, так и женского пола (примеры см. в § 154, 2).

Категория грамматического рода в современном немецком языке может быть понята только при учете закономерностей мышления более древних стадий. В современном языке она представляет собой явление

пережиточного порядка. Грамматический род существительных может быть различен для слов, обозначающих одни и те же понятия в разных языках. Так напр.: нем. *der Fisch* м. р. — франц. *le poisson* м. р. — русск. *рыба* ж. р.; нем. *der Tisch* м. р. — франц. *la table* ж. р. — русск. *стол* м. р.; нем. *das Pferd* ср. р. — франц. *le cheval* м. р. — русск. *лошадь* ж. р.

В некоторых языках категория грамматического рода может отсутствовать вообще, как, например, в языке армянском; может отсутствовать, далее, какой-нибудь из трех родов, как, например, средний род во французском языке (имеются только мужской и женский роды: *le champ* (*das Feld* „поле“), *la mer* (*das Meer* „море“).

Род может испытывать колебания, переходы из одной группы в другую. Колебания такие могут быть истолкованы иногда, очевидно, и как диалектные варианты, например, в древних памятниках немецкого языка: *ahd. rato* м. р. и *rata* ж. р. — соврем. *Ratte* ж. р.; *ahd. bluoma* м. р. и *bluoma* ж. р. — соврем. *Blume* ж. р. В современном языке такая двойственность выравнивается в пользу одного из вариантов, причем за отсутствием в эту эпоху критериев мышления, позволяющих причислять понятия к той или иной категории рода, критерием могли являться формальные признаки — окончания (окончание *-e* в *Blume*, *Ratte* сыграло роль в закреплении женского рода). Иногда же играл роль диалект, на который в своем становлении опиралась лексика новонемецкого языка. В ряде случаев существительные меняют род только в современном языке. Причиной тут также иногда были формальные явления — окончания, напр.: *mhd. site* до 17 в. мужского рода, теперь *Sitte* ж. р. (окончание *-e* позволило осмыслить это слово как слово женского рода); *mhd. strâle* ж. р., еще в 15 в. сохраняется женск. род, теперь *Strahl* м. р. (здесь наоборот отпадение *-e* помогло осмыслить слово, как слово мужского рода). Род меняется также иногда вследствие стремления уничтожить разрыв между грамматическим и биологическим родом. Так, в разговорной речи уменьшительные от женских имен (формально ср. р.) употребляются в женск. роде: *mit der Mariechen* и т. д. Слова *Fräulein* или *Mädchen* (формально среднего рода) могут заменяться личным местоимением женского рода.

б) СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

§ 160. Склонением называется изменение имени в зависимости от функции, которую оно выполняет в предложении.

Образование множественного числа явление не синтаксического порядка, и поэтому мы рассматриваем его отдельно от склонения. Тем не менее, не следует считать это явление фактом словообразования, так как множественное число от любого существительного является формой того же слова, а не новым словом.

В современном немецком языке склонение имен существительных характеризуется лишь небольшим количеством флексий.

Как в единственном, так и во множественном числе мы имеем четыре падежа. Функции, например, именительного падежа, как субъекта или

именного предиката предложения, одинаково свойственны единственному и множественному числу. То же можно сказать и о родительном падеже, как атрибуте имени в предложении (подробнее см. § 470). Характерной особенностью склонения в современном немецком языке является то, что в единственном числе существуют различные типы, а во множественном числе склонение идет всегда одинаково (так как падежным окончанием является только окончание дательного падежа); различия же коренятся лишь в образовании множественного числа. Поэтому возможно и необходимо рассматривать изменение слов в единственном числе отдельно от числа множественного.

В единственном числе можно наметить три основных типа изменения существительного.

Тип I	пример	Тип II	пример	Тип III	пример
N. —	Tag	— (e)	Mensch, Genoss-e	—	Frau
G. — (e)s	Tag-(e)s	— (e)n	Mensch-en, Genoss-en	—	Frau
D. — (e)	Tag-(e)	— (e)n	Mensch-en, Genoss-en	—	Frau
A. —	Tag	— (e)n	Mensch-en, Genoss-en	—	Frau

§ 161. Первый тип, или, по терминологии Я. Гримма, „сильное склонение“ (starke Deklination), характеризуется флексией *-(e)s* в родительном падеже и необязательной, но иногда присутствующей, флексией *-e* в падеже дательном.

-e во флексии родительного и дательного падежа, обязательно присутствовавшие в старом языке, отсутствует всегда в словах с суффиксами *-el*, *-er*, *-en*, *-chen*, *-lein*, *-e* и обычно в словах двух- и многосложных, напр.: *des Zirkels, dem Zirkel; des Arbeiters, dem Arbeiter; des Bodens, dem Boden; des Mädchens, dem Mädchen; des Gebirges, dem Gebirge; des Reichthums, dem Reichthum; des Frühlings, dem Frühling; des Beispiels, dem Beispiel; des Indikativs, dem Indikativ.*

Отсутствует *-e* также в определенных оборотах речи, фразеологическихращениях, напр.: *Tags darauf, von Rechts wegen, mit Weib und Kind, mit Leib und Seele, mit Rat und Tat, von Haus zu Haus, von Jahr zu Jahr.* Далее в родительном падеже существительных, застывающих в наречные образования, напр.: *flugs, keineswegs, allerdings.* В дательном падеже, напротив, в подобных случаях сохраняется *-e*; *zu Hause, nach Hause.* При именах вещественных *-e* в дательном падеже тоже не употребляется, напр.: *die Uhr ist aus Gold, das Wasser wird zu Eis.*

Вообще же нормой для односложных слов является наличие *e* в окончании родительного падежа, напр.: *des Tag-es, des Rat-es, des Arm-es.* Как правило *-e* присутствует в родительном падеже после комбинаций согласных и после шипящих и свистящих, напр.: *des Tisch-es, des Haus-es, des Wald-es.* Для дательного падежа „сокращенные формы чаще в многосложных и сложных словах, чем в словах, состоящих из одного слога“ (Г. Пауль). Напр.: *dem Tag-e, dem Rat-e, dem Arm-e.* Однако *-e* дательного падежа постепенно употребляется все реже и в живом разговорном современном языке ощущается как архаизм.

В ряде случаев присутствие *-e* в указанных окончаниях стоит в зависимости от ритмических условий предложения и от фонетического окружения слова. Большое значение имеет также диалектальная принадлежность автора данного текста (южные диалекты легче отбрасывают *-e* флексий, чем более северные).

К первому типу склонения принадлежат все существительные среднего рода (кроме *das Herz*, см. § 163) и огромное большинство слов мужского рода, исключая ту группу, которая входит в тип II.

§ 162. Второй тип, или по терминологии Я. Гримма „слабое склонение“ (*schwache Deklination*), характеризуется флексией *-en* (или просто *-n*, если слово оканчивается на гласный) во всех падежах, кроме именительного, где может быть окончание *-e*. Этот вид склонения можно сравнить с таким же типом склонения в русском языке, где *-н-* появляется в косвенных падежах, напр.: *время — времени, знамя — знамени, пламя — пламени, стремя — стремени*.

Ко второму типу в современном немецком языке принадлежат слова только мужского рода, причем все эти слова обозначают одушевленные существа (людей и животных). Мы различаем здесь следующие группы:

а) слова, оканчивающиеся на *-e*, напр.: *der Affe, der Ochs(e), der Bote, der Bursche, der Genosse, der Geselle, der Falke, der Hase, der Knabe, der Kollege, der Löwe, der Matrose, der Philolog(e), der Sklave* и др.;

б) слова, хотя и не имеющие в современном немецком языке этого окончания, но обладавшие им на предыдущих этапах языковой истории и утратившие его, став односложными, напр.: *Der Ahn* (mhd. *ane*), *der Mensch* (mhd. *mensche*), *der Tor* (mhd. *töre*).

Важнейшие из этих слов: *der Ahn, der Held, der Herr, der Hirt, der Kamerad, der Mensch, der Mohr, der Oberst, der Bär, der Spatz, der Narr, der Tor, der Vorfahr, der Fürst, der Graf, der Prinz*.

Примечание. Слова *Bauer, Nerv, Untertan, Nachbar* имеют параллельно как формы сильного склонения (I), так и слабого (II): *des Bauers* и *des Bauern, des Nachbars, des Nachbarn*. Слова эти стремятся к переходу в единственном числе к первому типу. Граматики современного языка указывают на колебания и в других словах, напр.: *Bär, Ochs, Spatz*.

Процесс отпадения окончания можно видеть на таких случаях, как *Ochs* || *Ochse, Falk* || *Falke*. Отметим, что слова *Bauer* и *Herr* при склонении не имеют в окончании гласного, несмотря на то, что корень их в качестве исходного звука имеет согласный. Ед. число: *G. des Bauer-n, des Herr-n, D. dem Bauer-n, dem Herr-n, A. den Bauer-n, den Herr-n*.

в) Большинство слов иностранного происхождения с ударением на конце, служащих для обозначения лиц, напр.: *der Kommunist, der Sozialist, der Student, der Aspirant, der Photograph, der Philosoph, der Demokrat, der Prolet, der Artist, der Patriarch, der Architekt, der Agropom* и т. д. Однако, ряд подобных слов принадлежит к сильному склонению, напр.: *der Ingenieur, der Pionier, der Militär, der Dekan, der Koloss*; также *der Dialog, der Epilog, der Monolog* и т. п.

§ 163. В целой группе слов в родительном падеже ед. числа имеется кроме **-n** еще окончание **-s**, а в именительном падеже часто колебание между формой на **-e** и на **-n**. Таким образом, это склонение носит переходный и в известном смысле „смешанный“ характер. Так, напр.: ед. число N. Name || Namen, G. Namens, D. A. Namen; N. Schade || Schaden, G. Schadens, D. A. Schaden. Аналогично этому примеру склоняются: der Friede, der Glaube, der Haufe, der Same, der Wille, der Funke, а также der Buchstabe, der Gedanke, с той разницей, что в них не встречаются в именительном падеже формы с **-n**.

Слово Herz ср. рода, первоначально слабого склонения, также имеет форму родительного падежа ед. числа на **-ens**: Herzens, при прочем последовательно слабом типе изменения.

Случаи, подобные Name и др., объясняются тем, что ряд слов, принадлежавших ранее к слабому склонению, получает по аналогии с косвенными падежами **-n** и в именительном падеже, а в родительном добавочную флексию **-s**, переходя тем самым к сильному склонению; таковы, напр.: N. Garten, G. Gartens (старое mhd. N. garte, G. garten), N. Knochen, G. Knochens (mhd. N. knoche, G. knochen) и т. п. В описанной нами группе слов типа Name процесс этот не закончен, так как именительный падеж еще колеблется или сохраняет старую форму.

В прошлом группа слов, принадлежавшая к слабому склонению, была значительно обширнее. Это видно из только что изложенного и, кроме того, из таких сложных слов, как, например, Hahnschrei, der Schwanenhals и др., сохранивших старую флексию **-en**. Действительно, слова Hahn (mhd. N. hane, G. hanen) и Schwan (mhd. N. swane, G. swanen) принадлежали к слабому типу и только впоследствии перешли в сильную категорию.

§ 164. Третий тип характеризуется полным отсутствием в единственном числе каких бы то ни было флексий.

К этому типу принадлежат все без исключения существительные женского рода.

С исторической точки зрения в этом типе объединяются различные группы склонения женского рода. Действительно, к периоду средневерхнемецкого языка в склонении в единственном числе только одна группа основ на **ö** совпала во всех падежах (Sg. N.G.D.A. sache, Pl. N.A. sache, G.D. sachen). Другая группа сильного склонения (основы на **i**) имела в косвенных падежах флексии и кроме того характеризовалась умлаутом в дательном и родительном падежах единственного числа и во всем множественном (Sg. N.A. kraft, G.D. krefte, Pl. N.G.A. krefte, D. kreften). Наконец слабое склонение имело флексию **-en** во всех падежах кроме именительного ед. числа (Sg. N. zunge, G.D.A. zungen, Pl. N.G.D.A. zungen). В дальнейшем происходит выравнивание по первому типу и закрепление флективных признаков, как показателей множественного числа (**-en** в одном случае, **-e** и умлаут в другом). Сложные слова типа die Hosentasche, der Sonnenschein, die Zungenspitze, с одной стороны, и der Bräutigam, die Nachtigall, der Gänsebraten, с другой, свидетельствуют нам о флексии старого типа (ср. Gänsebraten со склонением N. kraft, G. krefte, Zungenspitze со склонением N. zunge, G. zungen). Отметим, что остатки старой флексии в примерах, подобных Sonnenschein и т. д., воспринимаются как соединительный элемент двух частей сложного слова и поэтому **-en** может встретиться и в таких словах, которые прежде не принадлежали к слабому склонению, напр.: das Ehrengelcit, die Ehrensache, der Farbenstift.

§ 165. Во множественном числе тип склонения всегда один и тот же. Единственная флексия, присущая множественному числу, — это **-n** в дательном падеже, все же остальные падежи между собой совпа-

дают. Таким образом, разница в словоизменении во множественном числе зависит лишь от типа его образования, т. е. от того суффикса, которым данное слово характеризуется при переходе во множественное число. Обилие типов склонения, которые мы встречаем в различных старых и современных грамматиках (иногда свыше 20), пестрота и необозримость этих схем объясняются господствующим в грамматиках смещением понятий склонения и образования множественного числа.

Образцы склонения во множественном числе.

N. Wege	Tafeln	Kinder	Arbeiter
G. Wege	Tafeln	Kinder	Arbeiter
D. Wege-n	Tafeln	Kinder-n	Arbeiter-n
A. Wege	Tafeln	Kinder	Arbeiter

§ 166. Склонение собственных имен. Имена собственные (имена лиц и названия городов и стран), как правило, изменяются только в родительном падеже, где имеют флексию -s, напр.: Annas Zimmer, die Vereinigten Staaten Nordamerikas, die Arbeiter Spaniens, Stalins Rede, Leningrads Museen.

Иногда к именам собственным присоединяются окончания -en в дательном и винительном падеже и -ens в родительном. Окончание -en в дат. и вин. (напр. м. р. Goethen, Fritzen, ж. р. Luisen, Augusten) — ограничено в своем употреблении, будучи свойственно в основном разговорной речи, а также речи литературной в качестве известного архаизма. Ср. напр.: Der Sieg auf dem Weißen Berge, setzte *Ferdinanden* in den Besitz aller seiner Staaten (Schiller). Ich habe ihn aufgemuntert, *Herdern* zu schreiben (Goethe).

Отметим, что это -n в дат. и вин. пад. в разговорном просторечии употребительно не только в именах собственных, но и в словах, близких к таковым (отец, мать в кругу семьи), напр.: Ich habe das *Vatern* zu liebe getan. Ich werde das *Muttern* sagen. Ich werde darum *Großmuttern* bitten. Любопытно, что существительные Vater, Mutter и т. п. употребляются в данном случае естественно без артикля. Окончание родительного падежа -ens употребляется для образования родительного падежа от имен мужского рода на -s (на письме s, x, z), потому что иначе окончание родительного падежа не могло бы быть четко выражено в произношении, напр.: Franz — Franzens, Hans — Hansens, Felix — Felixens. Однако, чаще всего окончание в таких словах вовсе отсутствует; родительный падеж тогда может быть заменен предложной конструкцией с von. На письме родительный падеж в указанных случаях обозначается также апострофом в конце слова, напр.: Marx' Werke, Engels' Schriften, Demosthenes' Reden или die Werke von Marx, die Schriften von Engels, die Reden von Demosthenes (ср. § 471).

Имена женского рода на -ie и -e тоже принимают окончание -ns, напр.: Marie — Mariens, Helene — Helenens.

Если название города или страны оканчивается на свистящий, то для передачи родительного падежа используется только предлог von, который и в вышеуказанных случаях служит заменой этого падежа, напр.: die Straßen von Paris, das Klima von Los-Angelos.

На основании всего вышеуказанного, склонение имен собственных может оформляться следующим образом:

<i>Мужской род.</i>			<i>Женский род.</i>		
N. Karl	Franz	Goethe	Klara	Marie	
G. Karl-s	Franz-ens	Goethe-s (Goethe-ns)	Klara-s	Marie-s (Marie-ns)	
D. Karl	Franz	Goethe (Goethe-n)	Klara	Marie (Marie-n)	
A. Karl	Franz	Goethe (Goethe-n)	Klara	Marie (Marie-n)	

Если перед именем собственным стоит артикль или определяющие слова, выражающие падеж, то оно не изменяется и в родительном падеже, напр.: *das Buch des kleinen Paul; die Versuche des Professors Pawlow; der Dichter des Tell.*

Однако в классической литературе можно встретить иные формы, ср. напр. *die Leiden des jungen Werthers.*

Если же подобного рода определение в родительном падеже предшествует определяемому слову, то родительный падеж имени собственного обязательно выражен, напр.: *des großen Lomonossows Werke.*

Слова, означающие звание, должность и употребляющиеся без артикля, когда они относятся к имени собственному, в родительном падеже не изменяются, а окончание *-s* тогда принимается именем собственным, напр.: *Professor Timirjaseffs Werke.*

Если к одному лицу относится несколько имен, то склоняется только последнее из них, напр.: *Friedrich Schillers Gedichte, Karl Liebknechts Rede.*

в) ОБРАЗОВАНИЕ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА.

§ 167. Большинство слов могут иметь как единственное, так и множественное число. Исключение составляют слова, обозначающие вещество, как *Geld, Milch*, и абстрактные понятия, как напр.: *der Hunger, die Güte, die Eifersucht*, которые во множественном числе не мыслятся. Такие слова могут быть названы *Singularia tantum*. В русском языке слова этого типа также являются *Singularia tantum*, напр.: *железо, золото; голод, кротость* и т. п.

Другие слова, наоборот, имеют форму только множественного числа (*Pluralia tantum*). Грамматическому определению эта группа не поддается. Чаще всего это слово со значением множественности, парности, коллективности, напр.: *die Eltern, die Ferien, die Geschwister, die Gliedmaßen, die Kosten, die Leute, die Masern, die Trümmer* и т. п. В русском языке такие *pluralia tantum* также встречаются, напр.: *ворота, ножницы, очки, каникулы, часы*. В немецком и русском языках в отношении *pluralia tantum* могут наблюдаться расхождения, ср. например, немецк. *die Uhr* — русское *часы*; *der Schlitten* — русское *сани*; *das Tor* — русское *ворота*.

§ 168. Основных типов образования множественного числа в немецком языке четыре по числу наиболее распространенных суффиксов (об умлауте см. § 173).

	I	II	III	IV
Окончание:	-e	-(e)n	-er	—
Пример:	Tag-e	Frau-en, Tafel-n	Bild-er	Zirkel-.

Тип I (суффикс **-e**) присущ подавляющему большинству существительных мужского рода и поэтому может быть назван типичным для множественного числа мужского рода, напр.: *der Arm — die Arme*, *der Brief — die Briefe*, *der Fisch — die Fische*, *der Hund — die Hunde*, *der Tisch — die Tische*, *der Weg — die Wege*, *der Ingenieur — die Ingenieure* и много других. **-e** прибавляется также к ряду односложных существительных женского рода. Употребительнейшими являются: *die Axt — die Äxte*, *die Bank — die Bänke*, *die Braut — die Bräute*, *die Brust — die Brüste*, *die Faust — die Fäuste*, *die Frucht — die Früchte*, *die Gans — die Gänse*, *die Gruft — die Grüfte*, *die Hand — die Hände*, *die Haut — die Häute*, *die Kluft — die Klüfte*, *die Kraft — die Kräfte*, *die Kuh — die Kühe*, *die Kunst — die Künste*, *die Laus — die Läuse*, *die Luft — die Lüfte*, *die Maus — die Mäuse*, *die Nacht — die Nächte*, *die Not — die Nöte*, *die Sau — die Säue*, *die Schnur — die Schnüre*, *die Stadt — die Städte*, *die Wand — die Wände*, *die Wurst — die Würste*, *die Zunft — die Zünfte*.

Примечание. В слове *Stadt — Städte* чередуются кроме того краткий и долгий согласный — «*st*at — *ʰst*e:tə».

Суффикс **-e** принимают также и ряд существительных среднего рода, из которых наиболее употребительными являются: *das Bein — die Beine*, *das Heft — die Hefte*, *das Jahr — die Jahre*, *das Lineal — die Lineale*, *das Pferd — die Pferde*, *das Reich — die Reiche*, *das Schaf — die Schafe*, *das Tier — die Tiere*, *das Werk — die Werke*.

Суффиксом **-e** характеризуются, далее, все слова на **-nis** независимо от того, какого они рода — женского или среднего. При этом в написании множественного числа **s** удваивается, напр.: *die Kenntnis — die Kenntnisse*, *das Gefängnis — die Gefängnisse*.

§ 169. Тип II (суффикс **-en**) характерен для существительных женского рода; по этому типу изменяется подавляющее большинство их, за исключением слов, употребительнейшие из которых указаны в § 168. Относящиеся к этому типу многосложные слова, оканчивающиеся на **-er**, **-el** и на **-e**, имеют окончание **-n**, остальные **-en**, напр.: *die Beschreibung — die Beschreibungen*, *die Frau — die Frauen*, *die Resolution — die Resolutionen*; *die Fahne — die Fahnen*, *die Feder — die Federn*, *die Regel — die Regeln*, *die Sprache — die Sprachen*, *die Tafel — die Tafeln*.

К этому типу относятся также существительные мужского рода так называемого слабого склонения, идущие в единственном числе по типу II. Примеры: *der Mensch — die Menschen*, *der Genosse — die Genossen*, *der Knabe — die Knaben*.

К типу II множественного числа принадлежит далее ряд существительных мужского рода, склоняемых в единственном числе по типу I. Слова мужского рода, относящиеся к этой группе: *der Mast — die Masten*, *der See — die Seen*, *der Staat — die Staaten*, *der Strahl — die Strahlen*, *der Schmerz — die Schmerzen*. Из слов среднего рода сюда относятся:

das Auge — die Augen, das Bett — die Betten, das Ende — die Enden, das Hemd — die Hemden, das Leid — die Leiden, das Ohr — die Ohren.

Примечание. Сюда можно отнести также такие слова, как der Bauer, der Nachbar, der Nerv, der Untertan, колеблющиеся в единственном числе между слабым и сильным склонением, во множественном же имеющие обязательно (-ен), ср. § 162, прим.

Так же изменяются и некоторые иностранные слова, напр. существительные мужского рода: der Akt — die Akten в значении „грамота, документ“, der Aspekt — die Aspekten в значении „виды, перспективы“, слова на -or: der Doktor — die Doktoren, der Professor — die Professoren, причем в этих словах одновременно происходит чередование ударения: Doktor — Dok'toren; среднего рода: das Insekt — die Insekten, das Statut — die Statuten, das Interesse — die Interessen и т. п.

Суффикс -en получают и слова мужского рода латинского происхождения на -us, -ismus и среднего рода на -um, причем особенно характерным здесь является то, что они во множественном числе эти суффиксы отбрасывают, напр.: der Typus — die Typen, der Genius — die Genien, der Radius — die Radien, der Gallizismus — die Gallizismen, das Museum — die Museen, das Zentrum — die Zentren, das Auditorium — die Auditorien, das Studium — die Studien.

Суффикс -ien принимают и другие слова среднего рода латинского происхождения, напр.: das Material — die Materialien, das Prinzip — die Prinzipien.

§ 170. Тип III. Суффикс -er характерен для существительных среднего рода; он распространяется на большинство принадлежащих к этому роду слов, напр.: das Bild — die Bilder, das Ei — die Eier, das Feld — die Felder, das Gesicht — die Gesichter, das Weib — die Weiber.

Однако и небольшое количество слов мужского рода может принимать этот суффикс: der Geist — die Geister, der Leib — die Leiber, der Mann — die Männer, der Rand — die Ränder, der Reichtum — die Reichtümer, der Strauch — die Sträucher, der Wald — die Wälder, der Wurm — die Würmer.

Слова женского рода суффикса -er никогда не принимают.

Остаточные формы, как zu Häupten, географические названия вроде Saalfelden (застывший дат. мн. числа), Waltershausen (то же) свидетельствуют нам о том, что некоторые слова среднего рода, которые мы привыкли соединять с -er, принадлежали первоначально к другим типам. Действительно, суффикс -er исторически принадлежал лишь небольшой группе слов среднего рода, включавшей преимущественно слова со значением детенышей (Kalb, Lamm, Rind, Ei и др.); в дальнейшем он распространяется далеко за старые пределы, становясь обычным показателем множественного числа. Суффикс этот не только стал присоединяться почти ко всем словам среднего рода и к группе вышперечисленных слов мужского рода, но в ряде случаев может прибавляться и к заимствованным словам, как, напр. mer, das Regiment — die Regimente.

В диалектах -er захватывает еще большую область и присоединяется, например, к словам das Bein — die Beiner, das Roß — die Rosser (где в литературном языке принято Beine, Rosse), das Gewölbe — die Gewölber (лит. яз. Gewölbe), das Hemd — die Hemder (лит. язык Hemden). В этом случае, как и во многих других, о которых нам придется говорить ниже, в диалекте проявляется более последовательно стремление к морфологической унификации.

В некоторых словах среднего рода мы имеем колебание между множественным числом на *-er* и на *-e*. Это связано с тем, что слова среднего рода первоначально никакого показателя множественного числа в большинстве случаев не имели, когда же возникла потребность в обозначении множественного числа, то был использован либо суффикс мужского рода *-e*, либо *-er*, принадлежавший первоначально лишь к ограниченному кругу слов среднего рода. В результате могли создаваться дублиеты, параллельные формы. Обычно в таких случаях устанавливается в конечном счете семантическая дифференциация этих слов, напр.:

das Band — die Bande „оковы“, die Bänder „ленты“, das Wort — die Worte „слова“ (в связной речи), die Wörter „слова“ (отдельные), das Gesicht — die Gesichte „видения“, die Gesichter „лица“, das Tuch — die Tuche „сукна“, die Tücher „платки“.

§ 171. Тип IV. Никакого суффикса во множественном числе не принимают, во-первых, существительные мужского и среднего рода на *-er*, *-el*, *-en*, напр.: der Arbeiter — die Arbeiter, das Fenster — die Fenster; der Nagel — die Nägel, das Mittel — die Mittel; der Boden — die Böden, das Zeichen — die Zeichen. Из слов женского рода сюда относятся только два: die Mutter — die Mütter и die Tochter — die Töchter.

Без изменения остаются далее слова среднего рода с уменьшительными суффиксами *-chen* и *-lein*, напр.: das Mädchen — die Mädchen; das Büchlein — die Büchlein, а также слова с суффиксом *-e* и префиксом *ge-*, напр.: das Gebäude — die Gebäude, das Gebirge — die Gebirge.

Тип этот объединяет с исторической точки зрения ряд различных мелких подгрупп, в которых отсутствие какого бы то ни было показателя множественного числа вызвано различными причинами. Некоторые существительные, как например, Nagel — Nägel и др., теряют в третьем слове после сонорного согласного *-e*, бывшее у них признаком множественного числа (mhd. pägele > nagel). Другие, как, например, Vater — Väter, Mutter — Mütter, сохраняют здесь старинную форму, так называемого, согласного склонения, не имевшего во множественном числе окончаний. То же можно сказать о Sg. Gebirge — Pl. Gebirge, не имевшем и прежде, как почти все слова среднего рода, окончания множественного числа (ср. 170).

§ 172. Кроме этих основных суффиксов множественного числа имеются еще несколько типов, объединяющих небольшие группы существительных. 1. Суффикс *-s* (по происхождению французский) прибавляется к иностранным словам, заимствованным из французского языка или через него, причем флексия *-n* в дательном падеже в этих словах отсутствует, напр.: das Billet — die Billets, das Café — die Cafés, der Chef — die Chefs, das Komitee — die Komitees, das Sofa — die Sofas.

При этом надо отметить тенденцию к замене этого *-s* более обычным немецким окончанием множественного числа *-e*, напр. вместо Koteletts — Kotelette, вместо Porträts — Porträte.

Однако, в разговорном языке и в немецких словах можно встретить это *-s*, напр.: das Mädels — die Mädels, der Kerl — die Kerls. Окончание *-s* присоединяется и к фамилиям для обозначения семейного коллектива: Müllers haben Besuch; zu Wolkows gehen и т. п. *-s* во множественном числе получают и субстантивирующиеся неизменяемые слова, напр.: die Achs, die Lebewohls, die A's, die B's.

2. Некоторые существительные среднего рода, заимствованные из латыни или греческого, принимают во множественном числе латинское или греческое окончание. Однако, оно всегда конкурирует с другим, приспособляющим слово к нормам немецкого языка, напр.: das Datum — die Data (параллельно с Daten), das Verb(um) — die Verba (параллельно с Verben), das Thema — die Themata (параллельно с Themen).

§ 173. Образование множественного числа усложняется и разнообразится еще внутренней флексией, — изменением коренного гласного слов, называемым умлаутом (Umlaut) (ср. §§ 102, 103).

В современном языке умлаут в качестве показателя множественного числа появляется при окончании *-e*. При этом в односложных словах женского рода, входящих в эту группу, он наличествует всегда, напр.: die Hand — die Hände, die Stadt — die Städte, die Wand — die Wände. В существительных среднего рода этого типа умлаут не появляется, напр.: das Jahr — die Jahre, das Schaf — die Schafe; однако мы имеем иногда колебания, напр.: das Boot — die Boote и die Böte, das Brot — die Brote и die Bröte.

В существительных мужского рода односложных при суффиксе *-e* умлаут обычен, но не обязателен, напр.: der Ast — die Äste, der Gast — die Gäste, der Stuhl — die Stühle, но der Arm — die Arme, der Grad — die Grade, der Hund — die Hunde, der Laut — die Laute, der Ort — die Orte, der Pol — die Pole, der Punkt — die Punkte, der Schuh — die Schuhe, der Stoff — die Stoffe, der Tag — die Tage и др. Многосложные слова умлаута не имеют, напр.: der Abend — die Abende.

При суффиксе *-er* умлаут обязателен, напр.: das Buch — die Bücher, das Dach — die Dächer, das Haus — die Häuser, das Loch — die Löcher; der Mann — die Männer, der Wald — die Wälder.

При суффиксе *-en* умлаут не встречается.

У существительных мужского рода, которые суффикса множественного числа не имеют, умлаут встречается часто, но не обязательно, напр.: der Apfel — die Äpfel, der Bruder — die Brüder, der Ofen — die Öfen. Но: der Schatten — die Schatten, der Balken — die Balken. В среднем роде он, как правило, отсутствует: das Opfer — die Opfer, das Ufer — die Ufer; только одно слово имеет умлаут: das Kloster — die Klöster. Оба слова женского рода, принадлежащие к этой группе, умлаут имеют: die Mutter — die Mütter, die Tochter — die Töchter.

Нередко можно наблюдать колебания в проведении умлаута, напр.: der Boden — die Boden и Böden, der Bogen — die Bogen и Bögen, der Faden — die Faden и Fäden, der Luchs — die Luchse и Lühse, der Schacht — die Schächte и Schächte.

§ 174. Для того, чтобы понять явление умлаута и его зачастую противоречивый характер, приходится обратиться к его истории. О причинах, вызывающих умлаут, и о его перерастании из категории фонетической в категорию морфологическую, говорилось в §§ 102, 103. Для имен существительных умлаут первоначально не являлся признаком множественного числа, а появлялся в зависимости от фонетических условий, т. е. при наличии в суффиксе *-i* или *-j*. В дальнейшем умлаут во флексии существительных осмысливается как признак множественного числа, т. е. он морфологизуется. Он начинает употребляться только во множественном числе, так что формы, имевшие этот признак и

в единственном (напр. в древневерхненемецком N. Sg. kraft, G. D. krefti, A. kraft), теряют его, уподобляясь именительному падежу, где умлаута не было (перехитком умлаута в единственном числе подобных слов можно считать уже приведенные выше: Bräutigam, Gänsebraten). Умлаут, как признак множественного числа, получают далее в целом ряде случаев и те слова, которые не имели к этому никаких фонетических предпосылок, т. е. слова, не имевшие никогда *-i* в окончании. Так, например, Schatz звучит во множественном числе Schätze (ahd. scaz — scaza), так же как Gast — Gäste (ahd. gast — gesti). Таким образом, умлаут из явления чисто фонетического, каким он был на древних ступенях языкового развития, превращается в явление морфологическое в современном языке. Сторона семантико-морфологическая оказывается здесь решающей, ведущей. Однако, поскольку процессы эти совершаются в языке с известной постепенностью без полной последовательности, то в ряде случаев мы сталкиваемся с противоречиями и колебаниями в использовании умлаута, как показателя множественного числа, противоречиями, которые были показаны в § 173 и которые объясняются историей этого явления. Так, в мужском роде при окончании *-i* присутствие или отсутствие умлаута объясняется тем, что, во-первых, часть слов восходит к основам на *-a* (Tag, Arm и др.), а другая часть к основам на *-i* (Gast, Ast), во-вторых, тем, что некоторые из них поздние заимствования (Pol, Punkt). Разумеется, и для заимствований не исключена возможность приспособления к немецкой языковой структуре, напр.: der Pass — die Pässe, der Plan — die Pläne. При словах мужского рода без окончания во множественном числе отсутствие умлаута у Balken, Schatten объясняется тем, что они сравнительно поздно перешли в эту группу из слабого склонения, где не существовало предпосылок для ассимиляции гласного: окончание *-en*, не имея *i*, не могло вызывать умлаута и т. п.

Интересно, что диалект идет дальше литературного языка в смысле унификации умлаута, как единого морфологического признака множественного числа, и изменяет Arm — Ärm, Tag — Täg и Wagen — Wägen.

§ 175. Если отвлечься от более редких случаев склонения существительных, от колебаний в образовании той или иной формы, которые все были указаны выше, то изменение имен существительных можно представить в схематических таблицах, следующих ниже. Это не будут типы склонения (типов склонения, как сказано выше, в единственном числе 3, а во множественном 1), а лишь конкретные случаи оформления имени существительного в зависимости от группы склонения, к которой оно принадлежит, и от способа, которым оно образует множественное число.

Мужской род.

Единственное число.

N. Tag	Gast	Mann	Apfel
G. Tag-(e)s	Gast-es	Mann-(e)s	Apfel-s
D. Tag-(e)	Gast-(e)	Mann-(e)	Apfel
A. Tag	Gast	Mann	Apfel

N. Schatten	Staat	Mensch
G. Schatten-s	Staat-(e)s	Mensch-en
D. Schatten	Staat-(e)	Mensch-en
A. Schatten	Staat	Mensch-en

Множественное число.

N. Tag-e	Gäst-e	Männ-er	Äpfel
G. Tag-e	Gäst-e	Männ-er	Äpfel

D. Tag-e-n	Gäst-e-n	Männ-er-n	Äpfel-n
A. Tag-e	Gäst-e	Männ-er	Äpfel
N. Schatten		Staat-en	Mensch-en
G. Schatten		Staat-en	Mensch-en
D. Schatten		Staat-en	Mensch-en
A. Schatten		Staat-en	Mensch-en

Средний род.

Единственное число.

N. Land	Jahr	Zeichen	Auge
G. Land-es	Jahr-(e)s	Zeichen-s	Auge-s
D. Land-(e)	Jahr-(e)	Zeichen	Auge
A. Land	Jahr	Zeichen	Auge

Множественное число.

N. Länd-er	Jahr-e	Zeichen	Auge-n
G. Länd-er	Jahr-e	Zeichen	Auge-n
D. Länd-er-n	Jahr-e-n	Zeichen	Auge-n
A. Länd-er	Jahr-e	Zeichen	Auge-n

Женский род.

Единственное число.

N. Frau	Hand	Mutter
G. Frau	Hand	Mutter
D. Frau	Hand	Mutter
A. Frau	Hand	Mutter

Множественное число.

N. Frau-en	Händ-e	Mütter
G. Frau-en	Händ-e	Mütter
D. Frau-en	Händ-e-n	Mütter-n
A. Frau-en	Händ-e	Mütter

§ 176. Словоизменение на нынешнем этапе развития немецкого языка обнаруживает прежде всего ряд противоречий между формой и содержанием. Одна грамматическая форма может передавать различные падежи; так, все падежи совпадают в одной форме для слов женского рода в единственном числе, для слов мужского и среднего рода совпадают падежи именительный и винительный, зачастую и дательный, во множественном числе совпадают именительный, родительный и винительный падежи всех имен существительных и т. п. Таким образом, характерной чертой склонения существительных является отрицание флексий: по существу единственным остатком в этом отношении является -s в родительном падеже „сильного“ склонения и -n в дательном падеже множественного числа. С другой стороны одинаковое значение может быть выражено различными способами, как например, при образовании множественного числа, а также нагромождением разных признаков, как, например, суффикс и умлаут. Такое состояние словоизменения в немецком языке, характеризующееся противоречиями в образовании падежных форм и распадом флексий, является результатом длительного исторического развития. То, что на данной стадии языка регистрируется описательной грамматикой, как исключение, раскрывается,

с точки зрения исторической, как пережиток закономерностей предшествующих стадий языкового развития или как зарождение новых закономерностей, еще не получивших общего значения".¹ Противоречия в образовании падежных форм связаны с тем, что в один тип склонения вливаются первоначально отчетливо дифференцированные группы слов, объединенные в прошлом единой семантикой (группы основ). Уничтожение смысловой дифференциации между группами слов вызывает смешение и аналогизацию старых типов склонения. Образовавшиеся новые группировки объединяют поэтому зачастую противоречивые признаки. Процесс этот связан с формальным разрушением флексий, редукцией и отмиранием окончаний, утрачивающих свое дифференцирующее семантико-морфологическое значение, так как на место падежного склонения с помощью изменения окончаний выдвигается новый способ выражения синтаксических отношений — предлог (*Präposition, Verhältniswort*).

С другой стороны, категория множественного числа, не могущая быть выражена синтаксически, отнюдь не утрачивает своих формальных признаков. Наоборот, можно наблюдать тенденцию к уточнению и стабилизации признаков множественного числа, что зачастую приводит даже к нагромождению излишних признаков (так наз. *Übercharakterisierung*). Ср. напр. развитие умлаута § 174, приобретение словами среднего рода признаков множественного числа, ранее им не свойственных (§ 170), судьбу склонения существительных женского рода (§ 164).

2) ПРЕДЛОГ И ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ.

§ 177. Наступление предлога на падежную систему можно проследить с самых древних памятников; оно стоит в связи с общей тенденцией к развитию аналитического строя в языке. В современном немецком языке предлог занимает значительное место как средство выражения синтаксических отношений в предложении. Предлог выступает в ряде случаев в качестве замены падежа, дифференцируя его значение. Он дает возможность языку выражать различные новые синтаксические отношения, различать оттенки одного и того же понятия, детализировать мысль, согласно потребностям развивающегося и усложняющегося мышления. Так например, с помощью предлога создается возможность выражения ряда абстрактно-логических отношений языка (отношений причины и следствия, условия, противопоставления и др.), которые до того недифференцированно выражались имеющимися в языке многозначными падежами. Предлог позволяет уточнить различные типы косвенного объекта, передаваемые дательным падежом (см. § 461). Отношение инструментальности детализируется и дифференцируется с помощью предлога. Предлоги *mit, von, durch* позволяют выразить три различных случая этого инструментального значения (см. § 464 и 486) и т. п.

Таким образом, синтаксические отношения, не выражаемые или недостаточно выражаемые падежом, передаются предлогом. Особенно ясно это видно на употреблении предлога при нефлектируемых словах; предлог в современном языке постоянно связывается с местными и временными наречиями, напр.: *von oben, von unten, von links, von hier, von dort, von wo, von heute, von jetzt, von morgen; nach oben, nach rechts; bis übermorgen; auf immer; für heute; seit wann, seit vorgestern* и т. п.

¹ В. М. Жирмунский. Развитие строя немецкой речи, 1936, стр. 5.

Предлог приходит следовательно на смену старой флексии, редуцирующей и отмирающей в языке; однако, он не просто заменяет ее, он представляет собой новую ступень в развитии склонения. Замена эта не означает обеднения по сравнению с падежной системой, наоборот, система выражения синтаксических отношений становится значительно богаче.

§ 178. Предлоги современного языка возникли из наречий, служивших для конкретизации и уточнения значения глагола. Первоначально имя существительное зависит очевидно непосредственно от глагола, который управляет им соответственно данному синтаксическому отношению между ними. Лишь потом наречия превращаются в предлоги, вступая в связь с прежними приглагольными дополнениями и обстоятельствами. Можно представить себе дело таким образом, что в предложении типа *er strebt dem Ziele zu*, *zu* первоначально конкретизирует глагол *streben*, а *dem Ziele* управляется непосредственно глаголом.

В предложении *er ritt manches Land durch* — *durch* лишь указывало направление, конкретизуя глагол, а *manches Land* управлялось непосредственно глаголом (ср. винительный пространственного объекта, § 186). Лишь потом *durch* переосмысливается, вступая в непосредственное отношение с дополнением *Land*; в результате развивается *er ritt durch manches Land*.

В современном языке мы утратили сознание близости и генетической связанности предлога и наречия: *aus*, *durch*, *nach*, *vor* для нас как будто исключительно предлоги. Однако в выражениях *das Spiel ist aus*, *nach wie vor*, *nach und nach*, *durch und durch* — слова эти являются наречиями.

Пережитками изначальной связи этих категорий являются те случаи, когда предлог, еще близкий к наречию, не предшествует управляемому им имени, а следует за ним. В этих случаях его правильнее было бы называть послелогом.

Так употребляется *durch* и *über* при обозначениях времени, напр.: *drei Tage durch*, *den Tag über*. *Nach* может ставиться после имени тогда, когда оно значит „согласно, по“, напр.: *dieser Methode nach*, *dem Anschein nach*, *meiner Meinung nach*. Так же употребляется и *gemäß*, напр.: *dem Gesetz gemäß*. *Zu* стоит в постпозиции в случаях, когда оно обозначает цель движения, напр.: *er strebt dem Ziele zu*.

Занимать положение после имени могут также *entgegen*, *gegenüber*, *zuwider*, *zufolge*, *wegen*, *ungeachtet*, напр.: *dem Freunde entgegen*, *der Gefahr gegenüber*, *seinen Gewohnheiten zuwider*, *des Vorteils wegen*, *aller Ermahnungen ungeachtet*.

Halber всегда стоит после имени, напр.: *der Gesundheit halber*, *der Klarheit halber*.

§ 179. Возникая из локальных наречий, предлоги имеют первоначально чисто локальный характер. Естественно, что натиску предлогов уступают первыми старые пространственные падежи (местный — в истории германских языков и творительный — в древнейших памятниках). Однако первоначальные локальные значения переходят во временные и далее в абстрактно-логические. Предлоги становятся носителями все более сложных и отвлеченных значений.

Выражению абстрактно-логических отношений служат, во-первых, старые предлоги, значение которых при этом переосмысливается. Сравни, напр., употребление пространственных предлогов во временном значении: *vor* einem Monat, *nach* der Stunde, *in* der Nacht; в значении модальном: *auf* diesem Wege, *in* grossem Masse, *unter* Umständen, *mit* deiner Hilfe; в причинном значении: *aus* Furcht, *aus* Eifersucht, *vor* Schrecken; в целевом значении: *zu* diesem Zwecke и т. п.

С другой стороны, в более позднюю эпоху возникают так называемые *uneigentliche Präpositionen*, служащие для выражения самых разнообразных логических отношений. Развиваются они из именных форм и употребляются поэтому с родительным падежом. Таковы: *kraft*, *laut*, *dank*, *infolge*, *mittels*, *mangels*, *zwecks*, *behufs*, *wegen*, *halber*, *trotz*, *ungeachtet*, *während*, *anstatt* и т. п.

В процессе дальнейшего развития старые предлоги становятся также способными заменять логические падежи (дат., род.), напр. *Mangel an* Geld, *die Entdeckung von* Amerika.

Классификация предлогов по семантическому принципу весьма затруднительна и в известной мере бесплодна, так как целый ряд предлогов, значение которых подвергалось переосмыслению и расширению, являются многозначными, неся различные функции. Так, предлог *vor* должен согласно такой классификации попасть и в раздел пространственных предлогов, и временных, и причинных.

§ 180. Так как центр тяжести выражения синтаксических отношений в предложении переносится с падежа на предлог, то характерным признаком новой стадии является смешение падежей при предлогах. Это ведет в конечном счете к полному отмиранию флексии (ср. английский и французский языки). Но и в современном немецком языке можно заметить частое колебание в употреблении того или иного падежа при одном и том же предлоге (напр.: *trotz*, *längs*, *laut*, *zufolge*, *gemäß* с род. и дат. и т. п.). Присутствие в том или ином случае какого-нибудь конкретного падежа большей частью не объясняется ни какой-либо грамматической необходимостью, ни семантическими закономерностями. Поэтому управление предлогов в большинстве случаев не относится собственно к компетенции грамматики, а должно фиксироваться словарем.

Исключение составляет лишь группа предлогов с двойным управлением: *an*, *in*, *auf*, *hinter*, *neben*, *über*, *unten*, *vor*, *zwischen*. Эти предлоги, как и аналогичные русские *в*, *на*, *под*, при передаче значения направления (на вопрос *wohin?* *куда?*) употребляются с винительным падежом; при значении покоя (на вопрос *wo?* *где?*) — с дательным падежом.

Примеры: *Ich lege meine Mütze auf den Tisch. Meine Mütze liegt auf dem Tisch. Ich habe meinen Bleistift unter den Tisch fallen lassen. Der Teppich liegt unter dem Tisch.* Ср. русск. *в клуб* и *в клубе*, *на стол* и *на столе*, *под окно* и *под окном*.

В ряде случаев там, где мы ожидали бы падежа винительного, в классической литературе можно встретить дательный падеж. Здесь, следовательно, делается упор не на момент направления к предмету, а на достижение его. Особенно часты такие колебания в тех случаях,

когда значение предлога отдалается от пространственного, делаясь более абстрактным.

Примеры: Alles Menschliche barg sich *in tiefem Schweigen* (Freitag). So gelangen wir *in einem Vorhof* (Herder). Tauchen Leib und Geist *im Feuerbade* (Goethe). *Unter den Gegnern* Goethes gehörte auch Müllner (Heine).

Общепринято управление дательным падежом у глагола ankommen, напр.: Er kam *in der Krim* an.

Здесь мы прилагаем для справок таблицу управления предлогов.

Винительным падежом управляют:

bis*	für	ohne	um
durch	gegen	sonder**	wider,

* чаще всего bis соединяется с zu, an или auf, соответственно управляя дат. или винит. падежом.

** устарел.

а также

an	hinter	neben	unter
auf	in	über	vor
			zwischen,

если они обозначают направление, отвечая на вопрос *куда*.

Дательным падежом управляют:

aus	entgegen	nach	seit
außer	gegenüber	nächst	von
bei	gemäß *	nebst	zu
innen	mit	samt	zuwider,

* может употребляться и с род. пад.

а также

an	in	unter
auf	neben	vor
hinter	über	zwischen,

если они обозначают местонахождение, отвечая на вопрос *где*.

Родительным падежом управляют:

außerhalb	innerhalb	statt	vermöge
behufs	kraft	trotz *	während
betreffs	längs *	ungeachtet	wegen
diesseits	laut *	unfern	um — willen
halber (halben)	mittels	unterhalb	zufolge *
jenseit(s)	oberhalb	unweit	

* может употребляться и с дат. пад.

в) ФУНКЦИИ ПАДЕЖЕЙ.

§ 181. Как указывалось выше (см. §§ 176 и 180), синтаксические отношения в предложении выражаются в немецком языке не только падежом, но и предложными сочетаниями. В последних падеж, как правило, утрачивает полноту своего значения, и употребление его зависит только от традиционного управления предлога.

Функцией падежей является выражение различных синтаксических отношений в предложении. Каждый падеж имеет одну основную функцию, которая определяет его характер, что не исключает, конечно, возможности наличия у него и других важных функций. Таким образом функции падежа всегда будут многосторонни, но одна сторона его употребления является ведущей.

В примерах, следующих ниже, мы даем употребление падежей не только имен существительных, но и субстантивированных частей речи: местоимений, прилагательных, так как функции их в предложении одинаковы.

§ 182. Именительный падеж (Nominativ, Werfall) играет в предложении главным образом роль подлежащего. Это подлежащее может быть как логическим субъектом при активном характере глагола, так и логическим объектом при пассивной форме глагола.

Примеры: *Diese Reise* hat mir eine große Freude bereitet. — *Dichter* lieben nicht zu schweigen, Wollen sich der Menge zeigen (Goethe). *Das Schauspiel* dauerte sehr lange (Goethe). Ja, *du* bist elend, und *ich* grolle nicht (Heine).

Er wurde zum Sekretär gewählt. — *Der Waffenstillstand* wurde natürlich nicht lange gehalten (Engels, Bauernkrieg).

§ 183. Именительный падеж выступает далее в качестве именного сказуемого, соединяясь с подлежащим каким-нибудь глаголом-связкой.

Примеры: *Dieser Arbeiter* ist *Kommunist*. — *Brot* ist *Freiheit*, *Freiheit* — *Brot* (Herwegh). *Die Geschichte* aller bisherigen Gesellschaft ist *die Geschichte* von Klassenkämpfen (Komm. Man.). *Aller Tod* wird *neues Leben* (Herder). Sie werden auf der Welt *das Teuerste* mir bleiben (Schiller).

§ 184. Винительный падеж (Akkusativ, Wenfall) в своей основной функции является прямым дополнением глагола в предложении, играя роль логического объекта, на который распространяется действие, который охватывается действием глагола, называемого в этом случае переходным, или транзитивным (ср. § 250).

Примеры: *Ich* fragte darüber *meinen Vater*. — *Siehst, Vater*, *du den Erlkönig* nicht? (Goethe). *Bedecke deinen Himmel*, Zeus, mit *Wolken* — *dunst* (Goethe). *Konnt' denn dein Herz das mein'ge* nicht umklammern? *Hat selbst dein Auge mich* nicht halten können? (Heine). *Die Bourgeoisie* hat *das Land* der Herrschaft der Stadt unterworfen (Komm. Man.).

Объект, выражаемый винительным падежом, может быть по своему содержанию двоякого характера: объект, так сказать, результативный, т. е. возникающий в результате глагольного действия, и объект внешний, т. е. такой, на который действие сказуемого только распростра-

няется, воздействуя на него, но не создавая. Как правило глаголы могут иметь либо один, либо другой объект, так, например, глаголы *schaffen, bewirken* могут иметь только объект первого типа, глаголы *betrachten, lesen* — только объект второго типа. Однако, в ряде случаев возможны оба типа отношений, напр.: *einen Kranz binden* и *die Hände binden, den Zopf flechten* и *die Haare flechten, Gesichter schneiden* и *Brot schneiden, Kugeln gießen* и *Wasser gießen*.

§ 185. Особый характер имеет так называемый винительный внутреннего содержания (Akkusativ des Inhalts), обозначающий объект, содержание которого как бы уже заключено в содержании глагола. Глагол при этом или вовсе непереходный в обычном смысле слова (ср. дальше *leben*) или же не может связываться с данным типом объекта (ср. дальше *lieben*, который может соединяться только с внешним объектом, ср. § 184). Слово, передающее объект внутреннего содержания, может быть однокоренным с глаголом или синонимичным ему. В современном языке этот тип синтаксического отношения ограничивается известным числом условных оборотов, застывших срощений. Напр.: *bittere Tränen weinen, Galopp reiten, einen Tanz tanzen, ein glückliches Leben leben*.

На более древней ступени развития объект внутреннего содержания встречается очень часто, напр.: mhd. *den slac slagen* — буквально „ударить удар“, *den schuz schiezen* — „выстрелить выстрел“, *strit striten* „спорить спор“ и т. д. В поэтической речи 18—19 веков этот оборот тоже сравнительно распространен, напр.: *den längsten Seufzer, der je geseufzt worden* (Wieland); *Hat man die Liebe durchgeliebt* (Heine); *das Leben frei und kräftig fort zu leben* (Tieck); *daß sie ein heiteres Alter gelebt*. (Goethe).

§ 186. Употребление винительного падежа для передачи логического объекта, какое мы имеем в современном немецком языке, явление повидимому сравнительно позднее. На более древней ступени языковой истории можно видеть более конкретное употребление этого падежа, которое быть может и явилось источником последующего. Такое конкретное значение имеет „винительный места“ (Accusativus loci), выражающий пространственное распространение действия, пространственный объект, при глаголах непереходных с значением движения. В современном языке это употребление сохранилось опять-таки в отдельных застывших оборотах: *seinen Pfad wandeln, seine Straße ziehen, einen Weg gehen* и т. п.

Эти обороты близки, с одной стороны, к адвербиальному определению (ср. русское ити *своим путем*), с другой, они для современного языка соприкасаются с вышеописанным объектом внутреннего содержания.

В старом языке оборот этот свободнее и шире по своему употреблению, напр.: ahd. *floug er sunnûn pfad, sterrôno strâza, wegâ wolkôno* „он летел (по) тропе солнца, (по) дороге звезд, (по) путям облаков“; mhd. *fuorten si in berge und tal* „повели они его (через) горы и долины“. В современном немецком, а также и в русском языке употребляются в таких случаях уточняющие предлоги.

§ 187. Кроме конкретно-местного значения винительный падеж имеет и значение временное (Accusativus temporis). Временной винительный означает распространение действия на известный отрезок времени. Напр.: *den ganzen Tag arbeiten, einen Monat auf dem Lande verleben, die Nacht hindurch wachen, eine Weile warten, die letzte Zeit fehlen* и т. п. Винительный падеж, служащий временным определением, первоначально был четко отграничен от дательного и родительного, имеющих значение не временного отрезка, а временной даты, точки во времени, причем в настоящее время родительный падеж в этой функции, застывший в

виде наречий, отличается от дательного тем, что он выражает не просто временную дату, а подчеркивает повторяемость действия во времени. Таким образом: *Mein Freund ist am abend* angekommen (дат.) значит: „мой друг приехал вечером“ — констатация факта во времени. *Die Post kommt abends* an „почта приходит по вечерам“ — повторяемость действия во времени. *Ich habe den Abend gearbeitet* „я проработал вечер“ — распространение действия на определенный отрезок времени.

Однако, ясность границ между винительным и дательным падежами стирается, и в современном языке можно одинаково употребить *am vorigen freien Tage* и *den vorigen freien Tag* в значении временной даты. Так же *am 1. Mai* и *den 1. Mai*.

§ 188. Дательный падеж (Dativ, Wemfall). Основной функцией дательного падежа является выражение так называемого косвенного дополнения в предложении, т. е. объекта, на который ориентировано действие (§ 447 и 448).

Примеры: *Es war ein König in Thule, Gar treu bis an das Grab, Dem sterbend seine Buhle Einen goldenen Becher gab* (Goethe). *Sie ward den Männern vorgestellt und gleich mit besonderer Achtung als Gast behandelt* (Goethe). *Und sah die Schlang', die dir am Herzen frißt* (Heine).

Der ostindische und chinesische Markt, die Kolonisierung von Amerika, der Austausch mit den Kolonien, die Vermehrung der Tauschmittel und der Waren überhaupt, gaben dem Handel, der Schifffahrt, der Industrie einen nie gekannten Aufschwung (Komm. Man.).

§ 189. Наряду с зависимым дательным, объектом ориентировки действия, в немецком языке имеется и более свободный дательный, менее тесно связанный с глаголом. Дательный падеж такого типа в грамматике называется *dativus commodi*. Он обычно выражает то лицо, которое имеет отношение к данному факту, в чьих интересах или во вред кому происходит действие. Свободный дательный почти всегда имеет прономинальный характер. Конструкция эта может быть выражена и фактически часто выражается предложным сочетанием с *für* (русск. *для*), которому она приблизительно равнозначна, напр.: *einem etwas kaufen* и *für einen etwas kaufen*.

Разницу между этим свободным дательным (*dativus commodi*) и дательным объекта провести не всегда легко: она зачастую очень текуча. Иллюстрировать ее можно на следующих параллельных примерах:

Das Mädchen leuchtete mir (зависимый дательный объекта). *Wie herrlich leuchtet mir die Natur* (Goethe) (свободный дательный). *Er schlug ihm eine tiefe Wunde* (завис. дат.). *Die Uhr schlägt keinem glücklichen* (Schiller) (своб. дат.).

Особенно часто подобный свободный дательный мы встречаем тогда, когда какой-нибудь из членов предложения представляет собой часть или принадлежность лица, выраженного дательным падежом (*sympathetischer Dativ*), напр.: *Der Kopf tut dem Kinde weh*. *Die Augen fallen mir zu*. *Das Bild schwebt mir vor den Augen*. *Mir blutet das Herz*. *Mir tötete ein Schuß das Pferd* (Schiller).

Примеры на свободный дательный: *Die Sprache selbst erhebt sich ihm zum Lied* (Schiller). *Es grünt uns kein Halm, es wächst keine*

Saat (i d e m). *Dir* blüht gewiß das schönste Glück der Erde (i d e m). Daß ich König einst sein werde, ist ebenso unglaublich, da *dem Dunkan* zwei Söhne leben (i d e m). In gärend Drachengift hast du die Milch der frommen Denkart *mir* verwandelt (i d e m).

§ 190. В некоторых случаях дательный падеж еще более свободен от глагола и выражает только некую личную заинтересованность в происходящем (dativus ethicus). Этот тип дательного встречается только от личных местоимений 1 и 2 лица и от неопределенного местоимения *einer*. Употребляется подобная конструкция в речи разговорного стиля.

Примеры: Falle *mir* nur nicht, сравни русское — *ты мне, смотри, не упади*. Glaubt *mir* nicht den Leuten (Goethe). Verliebt ja, wie ein Käfer, bist du *mir* (Kleist). Das war *dir* eine Lust! Fall *einem* nicht immer mit der Tür ins Haus.

§ 191. Возвратный дательный падеж (reflexiver, rückbezüglicher Dativ) встречается при некоторых глаголах, напр.: *sich* etwas ansehen (ich sehe *mir* die Stadt an); *sich* etwas überlegen (ich werde *mir* die Sache überlegen); *sich* etwas betrachten, merken и др.

§ 192. Дательный падеж может зависеть и от прилагательных, причём и тут он выражает приблизительно те же отношения, что и приглагольный датив.

Датив может сочетаться с прилагательными как атрибутивными, так и предикативными, напр.: gleich, ähnlich, gemein, nahe, fern, vorteilhaft, nützlich, schädlich, gehorsam, dankbar, erklärlich, fühlbar и др.

Некоторые прилагательные сочетаются с дат. падежом только при предикативном употреблении, напр. lieb, hold, wert, teuer и т. д. (примеры см. § 462).

§ 193. Адвербиальный дательный падеж имеет характер временного определения, выражая временную дату, момент времени (dativus temporis), напр.: am Tag, in der Nacht, am Morgen, am Abend, am Nachmittag.

В современном языке в этом случае не употребляется датив без предлога, он всегда входит в предложную конструкцию. О дифференциации значений дательного и винительного падежа, функционирующих как временные определения, см. § 187.

§ 194. Родительный падеж (Genitiv, Wessenfall). Основной функцией родительного падежа имени существительного является определение другого имени. Отношения между этими двумя именами суть в широком смысле отношения принадлежности, но в зависимости от содержания обоих понятий эти отношения между ними могут быть различны. Мы можем поэтому различать:

а) Родительный падеж владения в узком смысле слова (Genitivus possessivus), напр.: das Buch *des Studenten*, das Feld *der Kollektivwirtschaft*.

б) Родительный падеж принадлежности, напр.: die Mauer *des Hauses*, das Kapitel *des Buches*, die Ecke *zweier Straßen*.

в) Родительный падеж, объясняющий, конкретизирующий слово с широким значением, требующим дополнения (Genitivus expletivus), напр.: das Glück *des Wiedersehens*, das Laster *der Trunksucht*.

г) Так называемый субъективный родительный падеж (Genitivus subjektivus), зависящий от отглагольного существительного и служащий ему субъектом, напр.: *der Kampf des Proletariats, die Liebe der Mutter*.

д) Так называемый объективный родительный падеж (Genitivus objektivus), зависящий от отглагольного имени и служащий ему объектом, напр.: *die Erhöhung des Arbeitslohnes, die Erbauung der Fabrik*.

е) Родительный разделительный (Genitivus partitivus), выражающий либо часть целого, часть количества или же предмет, выделенный из большего числа других. Примером первой возможности может служить, напр.: *die Hälfte seines Verdienstes*. При обозначениях мер родительный падеж в современном немецком языке мало употребителен и встречается только, если речь идет о части какого-нибудь определенного количества, напр.: *3 Kilo des gekauften Brotes*. Конкурировать с подобной конструкцией может предлог *von*.

Исторически область разделительного генитива была гораздо шире: он употреблялся без ограничения при обозначении мер, напр.: mhd. *ein pfunt fleisches, ein stücke brotes*. Еще у Гере: *den besten Becher Weines*. Ср. с русским языком: *кило хлеба, литр молока, десяток лиц*, где тоже употребляется родительный падеж. Во всех этих случаях в новонемецком языке мы имеем форму существительного, в которой падеж никак не выражен: *1 Liter Milch, 1 Kilo Brot*. Лучше сохраняется родительный падеж при прилагательных, напр.: *1 Flasche guten Rheinweins, 1 Kilo getrockneter Früchte*.

Однако и эта форма для современного разговорного языка является устаревшей.

При числовых прилагательных и наречиях также употреблялся родительный падеж. Напр.: mhd. *genug brötes „genug Brot“, vil fleisches „viel Fleisch“, wēnes wines „wenig Wein“*. Еще у Лессинга: *viel Glücks, у Гере: viele der Veilchen zusammengeknüpft*. Ср. это с русским языком: *довольно хлеба, много мяса, мало вина*, тоже с родительным падежом. И тут в новонемецком языке установилась нефлектированная форма: *viel Brot, genug Geld, wenig Glück*.

Далее при местоимениях *was, etwas*, напр.: mhd. *swaz guotes geschicht*; еще у Виланда: *was Leides ihm geschah*. Ср. с русским: *что хорошего*, тоже с родительным падежом. В современном немецком языке застывшее *was wunders*. В прочих случаях здесь употребительна конструкция с предлогом: *was für ein...*

При отрицании, например, mhd. *niht mannes*; еще у Лютера *nichts Glücks*; ср. в русском языке употребление родительного падежа при отрицании, напр.: *нет опасности, нет препятствий*.

В ряде случаев форма генитива, зависящая в прошлом от слов, подобных *viel* и т. д., переосмысливается, воспринимаясь как винительный падеж, напр.: *viel Aufsehens machen, Einsehens haben, Rühmens machen*. В литературе XIX в. употребительно *jemandem ein Leids antun*, напр.: *Erkönig hat mir ein Leids getan* (G o e t h e). Сейчас более принято уже *ein Leid antun*, т. е. вин. падеж.

Второй случай разделительного родительного падежа ограничивается в современном языке двумя возможностями: он ставится тогда, когда выделяется один или несколько предметов или лиц из большего их количества, напр. *einer der Studenten, einer der Anwesenden, keiner der Gäste, einige unserer Nachbarn*. Он ставится также тогда, когда выделяется лицо или предмет, наделенный наивысшей сравнительно с другими степенью какого-нибудь качества, напр.: *der beste der Freunde, die schönste der Frauen*. Эти случаи особенно важны, так как отличаются от русского употребления, где принят предлог *из*, напр.: *ни один из гостей, один из студентов, лучший из друзей, прекрас-*

нейшая из женщин. В немецком языке тенденция развития в этих случаях идет к замене родительного падежа конструкцией с предложением *von*, напр.: *jeder von diesen Studenten, der jüngste von allen Brüdern*.

Для современного языка все вышеизложенные типы генитива являются вариацией одного значения — значения принадлежности. Разница между ними зависит исключительно от семантики участвующих в данной синтаксической конструкции слов. Неправильен поэтому взгляд на родительный падеж, как на выражение совершенно разнородных по своему характеру синтаксических отношений. С точки зрения грамматической как родительный поссесивный, так и партитивный выражает единое грамматическое отношение — отношение атрибутивности.

§ 195. Перечисленными типами исчерпываются в основном отношения между управляющим словом и словом в родительном падеже. В прошлом можно отметить еще ряд возможностей, в частности, например, такое отношение, при котором родительный падеж выражает вещество, характер, свойство определяемого слова (*genitivus qualitativus*). Так, еще у Гете можно встретить: *den Schlafrock echt ostindischen Stoffes, ein Jüngling edlen Gefühls*. В русском языке такой родительный падеж весьма принят, ср. *материал чистой шерсти, прекрасной души человек*. В немецком же языке мы встречаем теперь подобную конструкцию только в поэтической речи. В речи разговорной в такой функции употребителен только родительный падеж от слов *Art, Charakter, Gattung, Ursprung* и других с аналогичными значениями, напр.: *Ein Wort dunklen Ursprunges, Tiere verschiedener Art*. В прочих случаях употребителен предлог *von*.

§ 196. Кроме функции приименного определения, являющейся ведущей для родительного падежа, этот последний может играть в немецком языке также роль приглагольного дополнения, объекта действия. Функция эта является пережитком; первоначально значительное количество глаголов, управляющих родительным падежом, сводится в современном языке к небольшой группе. Напр.: *Diese These bedarf keines Beweises. Sein bedarf man, leider, meiner nicht* (Goethe). *Er gedachte der vergangenen Zeit*. — *Du denkst der kindlich froher Laute, du denkst der sel'gen Blicke noch* (Uhland). Только в классической литературе: *Wir harren deines Winkes* (Goethe). *Hättest du meiner Jugend, meiner Unschuld geschont* (Goethe). *Des süßen Lichts entbehren* (Rückert). *Er spottet ohnmächtigen Zorns* (Schiller). В современном разговорном языке в этих случаях употребляются предлоги или другие падежи (подробнее см. § 454 и след.).

Аналогично употребление родительного падежа при прилагательных, напр.: *bedürftig, gewiß, kundig, mächtig, quitt, schuldig, verdächtig, verlustig, würdig* (примеры см. § 457).

§ 197. Родительный падеж может в некоторых очень немногочисленных случаях играть роль подлежащего или сказуемого в предложении. Такие обороты являются для современного языка устаревшими или представляют собой застывшие фразеологические сращения.

Примеры родительного падежа в роли подлежащего: *Seines Gesanges erschallet noch*.

Пример на родительный падеж в роли сказуемого: *Er ist des Todes. Er ist guter Laune. Er ist derselben Meinung*.

§ 198. Родительный падеж может функционировать далее в качестве адвербиальных определений, образуя застывшие обороты. Таков, например, локальный, пространственный, генитив (Genitivus loci). Больше всего распространены в современном языке обороты с *Weg*, напр.: *Gehe deines Weges. Wohin des Weges?* Аналогично употребление с словом *Straße, Pfad*, напр.: *Und geht seines gewohnten Pfades* (Goethe).

Б) МЕСТОИМЕНИЕ (PRONOMEN, FÜRWORD).

§ 199. По их роли в предложении местоимения могут быть разделены на две группы: местоимения субстантивного характера, функционирующие в качестве существительного и играющие во всех отношениях его роль (ср. § 422), и местоимения характера адъективного, функционирующие в качестве имен прилагательных, что не мешает им однако, как и всем именам прилагательным, в известных случаях подвергаться субстантивизации.

К первой группе мы относим: 1) личные местоимения (Personalpronomen, persönliches Fürwort) *ich, du, er, sie, es, wir, ihr, sie*; 2) возвратные (reflexives Pronomen, „rückbezügliches Fürwort“) *sich*; 3) вопросительные (Interrogativpronomen, fragendes Fürwort) *wer, was*; 4) относительные (Relativpronomen, beziehendes Fürwort) *der, welcher, wer, was*; 5) неопределенные (Indefinitpronomen, unbestimmtes Fürwort) *man, jemand, niemand, etwas, jedermann, einer*; 6) безличные (unpersönliches Pronomen) *es*; 7) отрицательные *nichts, niemand*.

Ко второй: 1) указательные местоимения (Demonstrativpronomen, hinweisendes Fürwort) *der, dieser, jener, derjenige, derselbe, solcher*; 2) вопросительные *welcher, was für ein*; 3) притяжательные (Possessivpronomen, besitzanzeigendes Fürwort) *mein, dein, sein, unser, euer, ihr*; 4) отрицательное (Negativpronomen, verneinendes Fürwort) *kein*; 5) неопределенные *mancher, jeder, etlicher, jeglicher, all, viele, wenige*.

Местоимения первой группы играют в предложении роль субъекта, объекта различных типов, обстоятельства. Местоимения второй группы определяют имя существительное (ср. § 467 и сл.); субстантивируясь, они целиком совпадают по своим функциям с местоимениями первой группы.

а) СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМИЕЙ.

§ 200. Местоимения атрибутивного употребления могут выступать в трех различных формах, соответственно трем грамматическим родам: мужскому, женскому и среднему. Согласно с этим оформляется и их склонение. Во множественном числе формы всех трех родов совпадают. Мы начинаем изложение со склонения указательного местоимения *dieser*, ибо оно является наиболее типичным и может служить образцом для прочих.

Единственное число.

	Мужск. род.	Средн. род.	Женск. род.
N.	dies-er	dies-es	dies-e
G.	dies-es		dies-er
D.	dies-em		dies-er
A.	dies-en	dies-es	dies-e.

Множественное число

всех родов.

N.	dies-e
G.	dies-er
D.	dies-en
A.	dies-e.

По этому образцу склоняются прежде всего указательные местоимения *jener, solcher*, далее — неопределенные *jeder, mancher, etlicher, jeglicher* и вопросительное *welcher*.

§ 201. Склонение притяжательных местоимений. Притяжательные местоимения склоняются по следующему образцу.

Единственное число.

Множественное число

	Мужск. род.	Средн. род.	Женск. род.	всех родов.
N.	mein	mein	mein-e	mein-e
G.	mein-es		mein-er	mein-er
D.	mein-em		mein-er	mein-en
A.	mein-en	mein	mein-e	mein-e

По этому образцу склоняются все притяжательные местоимения: *mein, dein, sein, ihr, unser, euer, Ihr* и отрицательное местоимение *kein*.

Примечание. Если притяжательное местоимение 2 лица множественного числа имеет -е во флексии, то -е в корне местоимения выпадает, напр.: *euer-es, euer-e* (ср. *euer*). То же может иметь место с местоимением 1 лица множ. числа, напр.: *unser-es, unser-e* (ср. *unser*), но тут это явление отнюдь не обязательно.

Склонение притяжательного местоимения и слов, примыкающих к нему по форме, как мы видим, совершенно аналогично склонению указательного местоимения *dieser*, приведенного выше. Разница заключается только в том, что в именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода нет родовой дифференциации: оба рода имеют краткую форму *mein, mein* и т. д. В некоторых случаях, однако, употребляется и полная форма этих местоимений: *meiner, mein(e)s, keiner, kein(e)s* и т. п., где окончания ясно дифференцируют род. Это имеет место при самостоятельном употреблении (при субстантивизации), а не в атрибутивном соединении с существительным.

Примеры: *Keiner von ihnen bemerkte mich* (здесь *keiner* — *nemand* — никто). *Hast du ein Buch?* — *Ich habe keines.* — *Es sind achtzehn kleine Gesellen zur Welt gekommen, Von Angesicht gar säuberlich, Keiner doch*

dem andern glich (Rätsel). Ein Ohr zu hören meine Klage, Ein Herz wie *mein's*, Sich des Bedrängten zu erbarmen (Goethe).

Форму *ein* с родовым окончанием можно встретить только при местоименном употреблении этого слова со значением неопределенно-личным (аналогичным значению местоимения *man*, см. § 212).

Примеры: *Da ist einer* gekommen. Ich habe kein Buch; hast du *eines*? — *Geh eines* hin und nehme ihr die Maske ab (Goethe).

Кроме того, формы *einer*, *ein(e)s* встречаются также при употреблении этих слов в качестве числительных, о чем см. § 241.

Если притяжательное местоимение в самостоятельном употреблении имеет перед собой артикль, то склонение местоимения совпадает со склонением слабого прилагательного: *der meine* — *die meinen* (ср. § 225).

Однако, эти формы принадлежат скорее книжному стилю; разговорный обиходный язык предпочитает вышеприведенные формы *meins* и т. п.

Примеры: *Wenn du ein Buch hast, so hole es*; ich habe *das meine* zu Hause liegen lassen.

В той же функции употребляется производное местоимение с суффиксом *-ig*: *meinig*, *deinig* и т. д.

Примеры: *Er drückte das Herz an das meinige* (Goethe). *Juliane wird die Ihrige* (Lessing). Ich habe *das meinige* getan, tun Sie *das Ihre* (Schiller).

§ 202. Склонение указательных местоимений *derselbe*, *derjenige* представляется в следующем виде:

	Единственное число.			Множественное число
	<i>Мужск. род.</i>	<i>Средн. род.</i>	<i>Женск. род.</i>	<i>всех родов.</i>
N.	derselbe	dasselbe	dieselbe	dieselben
G.	desselben		derselben	derselben
D.	demselben		derselben	denselben
A.	denselben	dasselbe	dieselbe	dieselben

Сложные местоимения *derselbe* и *derjenige* склоняются в обеих частях: первая часть склоняется по образцу указательного местоимения, как определенный артикль (см. § 219), вторая как прилагательное с определенным артиклем (слабое склонение, см. §§ 225—226), т. е. с прибавлением *-en* во всех падежах, кроме именительного ед. ч. всех родов и винит. падежа ед. числа среднего и женского рода, где окончание будет *-e*.

§ 203. Указательное и относительное местоимение *der*, *das*, *die* склоняется в основном по образцу *dieser*. В ряде падежей оно совпадает с артиклем, генетически связанным с ним; отличается склонение местоимения наличием окончания *-en* в родительном падеже единственного числа всех родов и в родительном и дательном падеже множественного числа всех родов. Склонение *der* как относительного и указательного местоимения имеет следующий вид.

Единственное число.				Множественное число
	<i>Мужск. род.</i>	<i>Средн. род.</i>	<i>Женск. род.</i>	<i>всех родов.</i>
N.	der	das	die	die
G.	dess-en		der-en	der-en (der-er)
D.	dem		der	den-en
A.	den	das	die	die

Указательное местоимение *der, das, die* встречается в современном языке главным образом в самостоятельном употреблении в роли существительного, напр.: *die Ergebnisse seiner Versuche sind mit denen seines Nachfolgers nicht zu vergleichen*. Атрибутивно употребляемое *der* склоняется нормально, выделяясь лишь ударением. Сравни, напр., *das ist das Werk des Dichters, welchen das ganze Land verehrt* и *das ist das Werk dessen, den das ganze Land verehrt*.

Прежде (вплоть до XVIII века) флексию с присоединением *-en* можно было встретить и в местоимении, употребленном в качестве атрибута, в тех случаях, когда было необходимо подчеркнуть его указательный смысл.

Примеры: *Eine von denen Gelegenheiten, wo unsere Klugheit am wenigsten ausrichtet* (Goethe) (мы бы написали *den*). *Von denen Fähigkeiten, die in mir ausgebildet sind* (Schiller).

Примечание. Форма *derer* вместо *deren* в родительном падеже множественного числа принадлежит только указательному местоимению. В современном языке она встречается лишь в тех случаях, когда за местоимением следует придаточное предложение, напр.: *Ich nenne die Namen derer, die mit Orden ausgezeichnet wurden*. Тип склонения, изложенный в таблице и позволяющий дифференцировать различные случаи употребления местоимения *der*, возникает лишь в новонемецкий период.

Относительное местоимение *welcher* склоняется как вопросительное *welcher* (т. е. по образцу, указанному в § 200), однако форма родительного падежа заимствуется от относительного местоимения *der*. Таким образом, склонение имеет следующий вид:

Единственное число.				Множественное число
	<i>Мужск. род.</i>	<i>Средн. род.</i>	<i>Женск. род.</i>	<i>всех родов.</i>
N.	welch-er	welch-es	welch-e	welch-e
G.	des-sen		der-en	der-en
D.	welch-em		welch-er	welch-en
A.	welch-en	welch-es	welch-e	welch-e.

§ 204. Вопросительное и относительное местоимения *wer, was* склоняются по образцу *dieser*; только в родительном падеже к падежному окончанию прибавляется *-en*.

N.	wer	was
G.	wessen	
D.	wem	
A.	wen	was

§ 205. Неопределенные местоимения *jemand, niemand, jedermann* склоняются в основном только в родительном падеже, принимая окончания *-s*. В дательном и винительном падежах местоимений *jemand, niemand* окончания (D. *-em(-en)* и A. *-en*) могут отсутствовать и фактически часто отсутствуют. Дифференциации по родам неопределенно-личные местоимения не имеют, как не имеют и множественного числа.

Пример склонения:

N.	<i>jemand</i>
G.	<i>jemand(-e)s</i>
D.	<i>jemand(-em)</i>
A.	<i>jemand(-en)</i> .

Местоимения *man* и *etwas* не склоняются.

§ 206. Склонение личных местоимений. Местоимения личные в 1 и 2 л. ед. и множ. числа и в 3 л. множ. числа не различаются по родам. Местоимение же 3 л. ед. числа имеет различные формы в зависимости от рода.

Единственное число.

	I лицо.	II лицо.	III лицо.		
			Мужск. р.	Средн. р.	Женск. р.
N.	<i>ich</i>	<i>du</i>	<i>er</i>	<i>es</i>	<i>sie</i>
G.	<i>meiner, mein</i>	<i>deiner, dein</i>	<i>seiner, sein</i>		<i>ihrer</i>
D.	<i>mir</i>	<i>dir</i>	<i>ihm</i>		<i>ihr</i>
A.	<i>mich</i>	<i>dich</i>	<i>ihn</i>	<i>es</i>	<i>sie</i>

Множественное число.

	I лицо.	II лицо.	III лицо всех родов.	форма
				вежливости.
N.	<i>wir</i>	<i>ihr</i>	<i>sie</i>	(Sie)
G.	<i>unser</i>	<i>euer</i>	<i>ihrer</i>	(Ihrer)
D.	<i>uns</i>	<i>euch</i>	<i>ihnen</i>	(Ihnen)
A.	<i>uns</i>	<i>euch</i>	<i>sie</i>	(Sie)

Примечание. В родительном падеже единственного числа рядом с формами *meiner, deiner, seiner* существуют сделавшиеся архаичными *mein, dein, sein*, которые можно встретить в поэзии.

Падежные формы личного местоимения всех лиц принадлежат разным корням; такие формы называются супплетивными (ср. § 235). Подобное склонение личных местоимений обычно для многих языков, ср. русск. им. я, род. *меня*, дат. *мне*, вин. *меня*; латинск.: N. *ego*, G. *mei*, D. *mihi*, A. *me*.

Склонение местоимения третьего лица отличается, кроме того, тем, что формы его аналогичны формам указательного местоимения *der*. Сравни. напр. *er—der, sie—die, ihm—dem, ihn—den, ihnen—den* и т. п.

Такая формальная близость свидетельствует о генетической связи

между этими двумя местоимениями и об их семантической близости (см. также § 209).

§ 207. Возвратное местоимение имеет в немецком языке только одну форму *sich*, в которой исторически совпали падежи винительный и дательный (ср. совпадение падежей личного местоимения D. A. *ich*, *euch*), тогда как в русском языке мы имеем налицо обе формы: дат. *себе*, вин. *себя*.

б) ОСОБЕННОСТИ В УПОТРЕБЛЕНИИ МЕСТОИМЕНИЙ.

§ 208. Личные местоимения. В качестве простой формы обращения к одному лицу (соответственно *ты* русского языка) употребляется местоимение *du*. При обращении к нескольким лицам, из которых к каждому в отдельности обращаются *du*, употребляется местоимение *ihr*. Обращение *ihr* употребляется, кроме того, и в тех случаях, когда обязательно соблюдение этикета; так, например, в парламенте принято употребление *Sie* (см. ниже), на народном митинге *ihr*. *Ihr* применяется также при широких обобщениях, напр. *Ihr Männer*. Для обращения вежливого, официального к одному или нескольким лицам употребляется местоимение 3 л. множ. числа *Sie*, которое в этих случаях пишется с большой буквы. Старой формой вежливого обращения является *Er*, *Sie* для обращения к одному лицу. В XVIII веке форма 3 л. ед. числа потеряла это значение и применялась в феодальной Германии в обращении дворянства к представителям иных общественных групп, а также среди этих последних. Мы можем встретить эту форму, например, у Лессинга: *Herr Wachtmeister, braucht Er keine Frau Wachtmeisterin? — Zöge Sie wohl auch mit nach Persien? — Wohin Er will!*

§ 209. Местоимение 3 лица (*er*, *sie*, *es*, мн. ч. *sie*) может относиться не только к лицу, но и к предмету, которым и определяется в каждом данном случае его конкретное содержание. Оно всегда указывает на то, о чем говорилось или что подразумевалось раньше, являясь тем самым по происхождению местоимением анафорическим. Этим оно отличается от собственно личных местоимений *ich*, *du*, *wir*, *ihr*, *Sie*. В случаях, когда могла бы возникнуть неясность, к какому из названных предметов следует отнести местоимение, это последнее принято соотносить с подлежащим предшествующего предложения; при указании на другие члены предложения личное местоимение 3-го лица заменяется указательными *der*, *dieser*, *derselbe*, *der letztere*, причем последние два принадлежат литературно-книжному стилю и обиходной речью избегаются.

Примеры: *Sie konnte mit ihrer Aufgabe nicht fertig werden, obgleich diese (dieselbe) nicht schwer war* (при употреблении *sie* возникла бы неясность). *Als der Knabe seinen Bruder darüber fragte, machte der große Augen.*

В русском языке мы употребляем личные местоимения 3 л. тоже только там, где это не может затруднить понимания текста. Для большей ясности употребляются указательные местоимения *тот*, *этот*, *последний*, напр.: *она не справилась со своим заданием, хотя оно и не было трудно. Когда мальчик спросил об этом своего брата, тот сделал удивленное лицо.*

§ 210. Личные местоимения встречаются в форме всех падежей. Однако, родительный падеж употребляется сравнительно редко, потому что для выражения possessивного отношения может быть употреблено притяжательное местоимение *mein, dein*, и т. д. (по происхождению притяжательное местоимение и восходит к родительному падежу личного). Таким образом, употребление родительного падежа личных местоимений ограничивается некоторыми глаголами, сохранившими поныне управление генитивом и некоторыми предлогами, напр.: *gedenke meiner*; *er bedarf deiner nicht*; *statt meiner*.

§ 211. Местоимение *es* употребляется:

1. Как обычное местоимение 3 лица среднего рода.

Примеры: *Das Kind spielt im Garten. Es hüpfet und singt.*

В этом же значении *es* может также употребляться, заменяя инфинитив или именное сказуемое.

Примеры: *Er gibt nach, ich werde es nicht. Du bist glücklich, er ist es nicht.*

2. Как указательное местоимение (=das).

Примеры: *Es ist ein Buch „это книга“. Es ist schwer „это трудно“.*

3. Как „подлежащее“ безличного предложения.

Примеры: *es regnet, es schneit; es gibt; es ist heiß; es hungert mich, es überläuft mich kalt* (ср. § 427).

4. В качестве формально-служебного элемента, служа выдвиганию глагола на первое место, напр.: *Es wurden viele Gäste eingeladen*. Ср. в этом отношении § 501.

Что роль *es* в этом случае чисто формальная, доказывается тем, что глагол согласуется не с *es*, а с действительным подлежащим предложением, в данном примере с *Gäste*.

Аналогично употребление *es*, предвещающего подлежащее („препаративное“ *es*), в предложениях типа: *Es ist leicht, diesen Plan durchzuführen* (подлежащим служит здесь инфинитивная конструкция).

§ 212. Местоимение *man* употребляется для выражения неопределенно-личного подлежащего, напр.: *man sagt* „говорят“, *man glaubt* „полагают“. Подробнее см. § 427. Аналогично значение местоимения *einer*, употребляемого для мужского рода, и *eins*, употребляемого для мужского, женского и среднего рода, что для современного языка является архаизмом и может быть встречено лишь в литературе XVIII—XIX веков (ср. § 241). Разница между *man* и *einer* состоит в том, что это последнее употребляется по отношению к неопределенному, но единичному отдельному лицу, тогда как число *man* так же неопределенно, как и его лицо.

Поэтому мы видим существенную разницу в смысле предложений: *Im Klub spielt man Schach, dort liest man Zeitungen* и *Einer kommt in den Klub, um dort Schach zu spielen, Zeitungen zu lesen*.

Но также в таком предложении, которое демонстрирует, по мнению ряда грамматистов, полное совпадение *man* и *einer*, мы находим между ними различие: *So was erinnert einen manchmal, woran man nicht erinnert sein will*. В первой части высказывание отнесено к неопределенному, но несомненно единичному лицу, как к примеру; во второй его

части высказано общее суждение, отнесенное ко всякому человеку, ко всем людям. Отношение *man* и *einer* напоминает, таким образом, соотношение в русском языке неопределенно-личной формы с множественным числом глагола и формы с глаголом во втором лице. Ср. *в клубе играют в шахматы, читают газеты; в клуб приходишь, чтобы почитать газету. Бывает, вспомнишь о том, о чем вспоминать вообще не любят.*

Мы не придерживаемся поэтому распространенного взгляда, что *man* в косвенных падежах имеет формы *einem*, *einen* и т. п., а считаем эти местоимения самостоятельными, хотя и близкими по значению.

Примеры на употребление *einer*: *Davon wird einem ganz traurig zu Mute. Solch eine Erklärung könnte einen völlig irreführen. So etwas erinnert einen an lang vergessene Zeiten.*

Will einer in der Welt was erjagen, mag er sich rühren und mag sich plagen (Goethe). Nun sag mir eins, man soll kein Wunder glauben! (Goethe).

§ 213. Местоимение *sich*, как указано выше, имеет значение как винительного, так и дательного падежа. Сравни напр.: *Er wäscht sich und kleidet sich an. Er putzt sich die Zähne.* Употребляется оно при этом только в сочетании с неопределенным наклонением и с 3-м лицом глагола. В остальных лицах употребляются соответствующие личные местоимения винительного или дательного падежа. В русском же языке *-ся, -сь (себя)* или *себе* относится ко всем лицам.

Нем.

Русск.

sich ankleiden
ich kleide *mir* an
du kleidest *dir* an
er kleidet *sich* an
wir kleiden *uns* an
etc.

одеваться
я одеваюсь
ты одеваешься
он одевается
мы одеваемся
и т. д.

Или соответственно:

sich die Zähne putzen
ich putze *mir* die Zähne
du putzest *dir* die Zähne
er putzt *sich* die Zähne
etc.

чистить себе зубы
я чищу себе зубы
ты чистишь себе зубы
он чистит себе зубы
и т. д.

Возвратное местоимение в винительном падеже иногда опускается при формах причастия настоящего времени и при субстантивированном инфинитиве. Общеприняты случаи: *herablassend, ausnehmend, hingebend, das Befinden, Benehmen, Betragen, Entzücken, Entsetzen, Sträuben*, т. е. случаи, где глагольный характер этих слов бледнеет. В литературе XVIII и начала XIX века можно найти это явление и в более широком употреблении.

Примеры: Amalia kommt zurück und blickt ihn *verwundernd* an (Schiller). Mit *sträubenden* Haaren (Kleist). Sein besonderes persönliches *Erstaunen* und *Erfreuen* (J. Paul).

§ 214. Употребление вопросительных местоимений *wer, was*. Местоимения *wer, was* употребляются как в вопросительном предложении и косвенном вопросе, так и в предложении относительном в качестве относительного местоимения.

Примеры:

Вопросительное употребление: *Wer* half mir gegen der Titanen Übermut? (Goethe). „*Was* wollt ihr“, ruft er vor Schrecken bleich (Schiller). Ich weiß nicht, *was* soll es bedeuten (Heine).

Относительное употребление: Mit *wem* ich mich traute, das sag' ich euch nicht (Goethe). *Wer* wagt—gewinnt („тор, кто“). Ich habe alles verstanden, *was* sie gesagt haben.—Fühle, *was* dies Herz empfindet (Goethe).

Исторически вопросительное местоимение mhd. *waz, wër* и относительное *swaz, swër* имели разную форму.

Часто в современном языке употребляется *was* (*wer*) в значении неопределенного местоимения, приблизительно соответствующего русскому *что-то, что-нибудь, кое-что, кто-нибудь, кое-кто* (irgendwer, irgendwas). Свойственно это, главным образом, разговорному просторечию, а также диалекту, но может встречаться даже в классической литературе.

Примеры: Hast du *was* zu sagen, dann los damit! Hast du *was* darüber gehört? Hast du *wen* gesehen? Ist *wer* da gewesen?

Hast du mir *was* mitgebracht (Goethe). Es wäre göttlich, meinte *wer* aus der Gesellschaft (Chamisso).

§ 215. Местоимение *welcher* встречается как в вопросительных предложениях и косвенных вопросах, так и в восклицаниях и в предложениях атрибутивных (ср. § 556, примеры этого последнего).

Примеры вопросительного употребления: In *welchem* Fach arbeiten sie?—*Welch* tiefes Summen, *welch* ein heller Ton Zieht mit Gewalt das Glas von meinem Munde? (Goethe).

Примеры восклицаний: *Welcher* Tag! *Welche* Kraft! *Welch* ein Wunder!

Аналогично вопросительному и восклицательному *welcher* употребляется *was für ein*.

Примеры: *Was für einen* Hut haben Sie gekauft? *Was für ein* Glück!

Однако, вопросительное *welcher* по функции не совпадает с *was für ein*. *Welcher* спрашивает об определенном единичном предмете или признаке, *was für ein* о характере, свойстве этого последнего.

Примеры: Es ist ein Baum in unserem Garten gefällt worden. *Was für einer?* Ein Apfelbaum. *Welcher?* Der große, alte Baum, *welcher* rechts am Wege stand.

На вопрос *Was für ein* Buch? может быть дан ответ: ein gutes, interessantes, altes Buch. На вопрос *Welches?*— das auf dem Fenster dort, das uns empfohlen ist.

Welcher может, подобно was, wer, употребляться в качестве неопределенного местоимения, приблизительно соответствующего русскому кое-какой.

Примеры: Hast du Bücher? — Ja, ich habe *welche*.

§ 216. Употребление указательных местоимений. Наиболее общий указательный характер имеет местоимение *der, das, die*, множ. ч. *die*, с которым генетически связан артикль. В артикле, однако, указательное значение сильно побледнело, местоимение же *der* и т. д. сохраняет его неослабленным. При употреблении его в предложении, оно всегда несет на себе ударение, тогда как артикль всегда неударен, напр.: *ich mache es aus den Gründen, die ich ihnen eben aufgezählt habe*. Однако, употребление этого указательного местоимения с существительным (в атрибутивном смысле) мы встречаем главным образом в устной речи; в письменном языке его в этой функции заменяют более специализированные местоимения (*derjenige* и др.). Указательное местоимение *der* встречается в литературном языке в самостоятельном субстантивном употреблении, заменяя ранее названное существительное. Склонение в этом случае отличается от нормального склонения указательного местоимения, хотя формальные различия эти — явление сравнительно позднее (см. § 203).

Примеры: *Ich habe meine Folgerungen mit denen meiner Vorgänger genau verglichen. Das ist meine Meinung und auch die meiner Freunde.* — Neben der Weberei hatte sich besonders jene an die Kunst anstrebende Industrie gehoben, die in dem geistlichen und weltlichen Luxus des späteren Mittelalters ihre Nahrung fand: *die* der Gold- und Silberarbeiter, der Bildhauer und Bildschnitzer (*Engels, Bauernkrieg*).

§ 217. Указательные местоимения *dieser* и *jener* более специализированы, чем *der*. *Dieser* всегда указывает на что-нибудь более близкое к говорящему, *jener* — на более отдаленное.

Примеры: *Von jenen Zeiten bis auf diesen Tag.* — Sie wundern sich über die Veränderung meines Aufenthalts und beklagen sich über mein Stillschweigen. Der Grund von *diesem* liegt in *jener*; der Grund von *jener* aber in hundert kleinen Zufällen (*Lessing*).

В. АРТИКЛЬ.

§ 218. В современном немецком языке перед каждым существительным, как правило, ставится артикль (грамматический член). Столь широкое распространение и обязательность артикля явление отнюдь не первоначальное, а представляет собой продукт позднейшего языкового развития и окончательно устанавливается в течение средневерхнемецкого периода. Широте применения артикля способствует среди других причин и разрушение флексии имени существительного, которой он составляет известную замену.

Артикль в немецком языке может быть двух типов: определенный и неопределенный:

Определенный артикль (*der, das, die*, множ. число *die*) происходит из так называемого анафорического местоимения, т. е. из местоимения,

ссылающегося на упомянутый ранее член предложения и генетически связанного с местоимением указательным. В русском языке этот артикль не имеет соответствия.

Неопределенный артикль (м. р. ein, ср. р. ein, ж. р. eine, множ. числа нет) происходит из числительного ein „один“. Из значения „один“ развивается значение „какой-то“, „некий“, а отсюда неопределенный артикль. Неопределенный артикль возникает значительно позднее определенного. В русском языке его можно сравнить с употреблением слова *один* в случаях: *мне это рассказал один человек, один знакомый*. В русском языке возможно даже множественное число от слова *один*: *я был у одних знакомых*.

§ 219. Склонение артикля. Определенный артикль склоняется совершенно аналогично склонению указательного местоимения, приведенному в § 200 на образце *dieser*.

	Единственное число.			Множественное число
	Мужск. род.	Средн. род.	Женск. род.	всех родов.
N.	der	das	die	die
G.	des		der	der
D.	dem		der	den
A.	den	das	die	die

Формы падежей артикля (местоимения) в ряде случаев совпадают, так же как в существительном, напр.: N. A. ед. числа среднего рода, N. A. женского рода ед. числа и N. A. множ. числа, G. D. женского рода ед. числа и G. множ. числа всех родов и т. п.

Это также результат редукции флексии, о которой говорилось выше; на более древних этапах отдельные падежные формы местоимений были гораздо более четко дифференцированы, ср. склонение в ahd. Формы G. D. ед. числа женск. рода и G. множ., совпадающие сейчас в форме *der*, звучали в ту эпоху так: G. ед. ч. женск. рода *dera*, D. ед. ч. женск. рода *deru*, G. множ. числа *dero*, т. е. были вполне отличны.

Однако, и теперь артикль и местоимение более ясно, чем существительное, выражают содержание соответствующего падежа, так что основная тяжесть флексий в немецком языке лежит на артикле и местоимении.

§ 220. Неопределенный артикль склоняется по образцу притяжательных местоимений (ср. § 201).

Неопределенный артикль формы множественного числа не имеет, но самое отсутствие артикля в этих случаях выражает ту же неопределенность, как и его присутствие в единственном числе, напр.: *Das ist ein Haus. Das sind Häuser*.

§ 221. Определенный артикль, согласно своему происхождению, употребляется для обозначения предмета, уже названного ранее, упомянувшегося, определенного, или предмета, наличие которого предполагается обязательным в данной ситуации. Определенный артикль служит для выделения, отделения одного понятия от других, с ним сходных.

Неопределенный артикль стоит при названии предмета неизвестного, называемого в первый раз, неопределенного. Неопределенный артикль

служит не для выделения понятия, а для обозначения одного из многих ему подобных понятий, напр.: *Das ist ein Tisch*, т. е. „это стол“ без более точной его характеристики, стол, как безразлично выбранный из множества, представитель определенного типа предметов. *Der Tisch ist groß und rund* — „стол (о котором только что говорилось и именно этот, а не просто стол, как таковой) большой и круглый“. *Während des Vortrages machte der Professor eine Bemerkung; die Bemerkung war treffend, ich merkte sie mir an.*

Ein Gespenst geht um in Europa — das Gespenst des Kommunismus (К о м м. М а н.).

Определенный артикль предшествует также таким единственным в своем роде, вполне определенным, понятиям, как *die Sonne, die Erde, der Mond*.

С определенным артиклем употребляется согласно вышесказанному почти всегда превосходная степень прилагательного, числительные порядковые, ибо эти понятия четко выделяются из остальных, не нуждаясь в особой характеристике, напр.: *Das schönste Land* — „самая прекрасная страна“ (другой такой страны не может быть). *Der zweite Band*.

§ 222. Кроме этого значения, более частого и исторически первоначального, как определенный, так и неопределенный артикль могут иметь обобщающий, генерализирующий характер. Тогда артикль определенный употребляется при существительных, выражающих общее понятие.

Примеры: *Der Mensch ist sterblich* — „человек (не тот, о котором говорилось раньше, определенный, конкретный человек, и не какой-нибудь безразлично выбранный из множества ему подобных, а человек, как общее понятие, т. е. все люди) смертен“. *Die Katze frißt Fleisch*.

Неопределенный же артикль употребляется при понятии, выражающем любое из множества других.

Примеры: *Ein Kind würde das begreifen* — „ребенок понял бы это“ (не определенный, названный выше ребенок, не какой-то ребенок, выбранный из других, а любой, каждый из детей).

Когда какое-нибудь представление приравнивается другому, более общему и широкому понятию, когда нужно следовательно выразить единство частного и общего, то для обозначения понятия более частного употребляется определенный, а для общего понятия неопределенный артикль.

Примеры: *Der Hund ist ein Tier. Die Rose ist eine Blume*.

§ 223. Артикль отсутствует: 1. Перед именами собственными и географическими названиями, если перед ними не стоит прилагательное, напр.: *Moskau ist die Hauptstadt der UdSSR*, но: *das rote Moskau. Karl ist ein guter Junge*, но: *der kleine Karl*.

В разговорном просторечии возможен артикль перед собственным именем и без прилагательного, напр.: *der Max, die Lise*. В литературной речи с артиклем иногда употребляются иностранные имена в косвенном падеже, очевидно в целях большей точности передачи синтаксической связи при отсутствии флексии, напр.: *den Laokoon, den Homer, der Julia (Winkelmann), des Drako, des Solon (Schiller)*.

Имя собственное, служащее нарицательным, сопровождается артиклем, напр.: Sie ist *eine* wahre Xanthippe.

С определенным артиклем употребляются, далее, собственные имена, служащие названиями произведений живописи, скульптуры, поэзии и т. п., напр.: die Aufführung *der* Emilia Galotti, *die* Venus von Tizian, а также названиями планет, кораблей, животных и пр., напр.: *die* Venus (планета Венера), an Bord *des* Marat.

Из географических названий с определенным артиклем употребляются названия рек, гор, озер и некоторых стран и местностей женского и мужского рода, напр.: *die* Newa, *der* Rhein; *der* Elbrus, *die* Jungfrau; *der* Baikal; *die* Schweiz, *die* Türkei, *die* Krim, *die* Mandschurei, *die* Slowakei, *die* Pfalz, *die* Moldau, *die* Ukraine, *der* Kaukasus. Из городов с артиклем употребляется *der* Haag.

2. Артикль отсутствует далее перед некоторыми словами, которые в известном отношении приближаются к собственным именам. Например, в канцелярско-судебном языке: Kläger, Beklagter; в канцелярском стиле: Unterzeichneter, Überbringer, Verfasser.

3. Перед именами существительными, обозначающими не предмет, а вещество, и притом неопределенное его количество.

Примеры: Ich trinke Milch und esse Brot. Ich kaufe im Laden Fleisch. Meine Uhr ist aus Silber.

Однако при каком-нибудь определении, уточнении артикль необходим.

Примеры: Das Kind trinkt *die* Milch, welche seine Mutter gekocht hat. Das Wasser der Donau. Sein Vater hat ihm Geld gegeben, aber er hat *das* Geld schon verbraucht.

Так же при определении сорта, качества.

Примеры: *der* beste, *der* bessere Wein, *eine* sehr feine Seide.

Употребляется артикль также при необходимости выразить падеж формальным признаком, например, в дательном и винительном падежах.

Примеры: Dieses Metall ist *dem* Silber ähnlich. Die Eigenschaften *des* Eisens.

В современном разговорном языке принято говорить *ein* Kaffee, *ein* Bier в значении „порции“.

4. При отвлеченных существительных, употребленных в общем значении, артикль часто не ставится.

Примеры: Not kennt kein Gebot. Schönheit vergeht, Tugend besteht. Bewegung ist dem Menschen gesund. Rauchen verboten. Brot ist Freiheit, Freiheit Brot (Herwegh).

Однако, если эти же слова получают какую-нибудь конкретизацию, путем определения, ограничения их, то артикль необходим.

Примеры: *Die* Not, welche das Proletariat in der bürgerlichen Gesellschaft leidet, ist groß. Er bewunderte *die* Schönheit des Mädchens. *Die* Bewegung und *die* frische Luft ermunterten ihn. Das ist *eine* Tugend.

Так же в случаях, когда понятие мыслится как нечто целое.

Примеры: Er haßt *das* Laster. Er hat *die* Hoffnung verloren.

5. При перечислении часто не употребляется артикль.

Примеры: Er raffte vom Tisch Bleistift, Papier, Buch und Heft zusammen und war davon.

6. При обращении.

Примеры: *Genosse Iwanow, kommen Sie mit?*—Den Dank, *Dame, begehre ich nicht* (Schiller). О *Mädchen, Mädchen, wie lieb' ich dich* (Goethe).

7. Часто в заглавии книги, статьи, главы, в надписях, на вывесках.

Примеры: Н. Paul. *Deutsche Grammatik. Band IV. Syntax.*—Goethe. *Lieder.*—*Neue Rheinische Zeitung.*—Heine. *Reisebilder.*—E. Kant. *Kritik der reinen Vernunft.*—*Bäckerei.*—*Eisengießerei.*

8. Перед предикативным именем, обозначающим профессию, занятие, дающим характеристику субъекту предложения.

Примеры: *Er ist Student, Mitglied der Partei, Ingenieur, Verfasser vieler Romane, Vater zweier Kinder.*

9. В поговорках, застывших оборотах.

Примеры: *Morgenstunde hat Gold im Munde. Leib und Seele. Jung und Alt. Hab und Gut.*

Заметим здесь особенно обороты с предложными сочетаниями, где часто отсутствует артикль.

Примеры:

zu: zu Tische sitzen, zu Bette gehen, zu Kreuze kriechen, zu Ohren kommen, zu Worte kommen, zu Liebe machen.

an: an Bord, an Hand, an Stelle.

auf: auf Erden.

bei: bei Leibe nicht, bei Tische.

in: in Zorn, in Not geraten, in Stand setzen, in Angriff nehmen.

über: über Stock und Stein.

von: von Hause aus, von Kind auf, von Kopf zu Fuß, von Zeit zu Zeit.

В современном языке это привычные обороты, фразеологические сращения, сочетания, близкие к наречиям и частично превратившиеся в таковые, напр.: *zu Hause, nach Hause gehen, zuliebe machen, instandsetzen.* Раньше же артикль мог опускаться и в других случаях, с теми же предлогами, напр.: *zu Eröffnung des Spielhauses* (Goethe), *zu Ausführung desselben* (Schiller) и т. д.

10. Соответственно природе определенного артикля, задачей которого является выделение понятия, он отсутствует, если данному существительному предшествует числительное или местоимение, уже служащее такому выделению, напр.: *zwei Freunde, dieser Genosse, unser Werk.* Определенный артикль может стоять перед притяжательным местоимением в самостоятельном, субстантивном употреблении, напр.: *das Meine, das Eure, er hat das Seine getan.*

Не ставится артикль и перед существительным, которому предшествует определение в родительном падеже (это последнее может иметь артикль), напр.: *des Wirtes Sohn, Leningrads Museen, mein Bruder und dessen Sohn.*

Г. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ (ADJEKTIV, BEIWORT).

а) СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

§ 224. Имя прилагательное, употребляющееся в функции определения и сказуемого, может иметь либо неизменяемую, либо изменяемую форму (подробнее см. ниже § 228 и след.).

Несклоняемая форма не изменяется ни по родам, ни по падежам, ни по числам, напр. M.N.F. Sg. Pl. N.G.D.A. rot, gut, müde.

Изменяемое имя прилагательное дифференцируется по грамматическим родам и по числам в соответствии с родом и числом существительного, с которым оно согласуется при атрибутивном употреблении. Таким образом подобная дифференциация прилагательных в отличие от имен существительных имеет чисто синтаксический характер. В современном языке это находит себе выражение только в единственном числе, ибо во множественном числе все три рода совпадают по форме.

§ 225. В современном немецком языке склонение прилагательных может быть двух типов. Первый из них называется и м е н н ы м, второй м е с т о и м е н н ы м. Иначе их называют в соответствии с именем существительным слабым и сильным склонением.

Таблицы окончаний обоих типов склонения

Слабое (именное) склонение.

Единственное число.			Множественное число
Мужск. род.	Средн. род.	Женск. род.	всех родов.
N. — e	— e	— e	— en
G. — en	— en	— en	— en
D. — en	— en	— en	— en
A. — en	— e	— e	— en

Слабое склонение (или именное) характеризуется окончанием -en во всех падежах обоих чисел, за исключением имен. пад. ед. числа всех родов и винит. пад. среднего и женского рода, где окончание будет -e. Таким образом этот тип флексии прилагательного очень напоминает слабое склонение существительных, которое изложено нами в § 162, и поэтому может быть названо именным или слабым.

Сильное (местоименное) склонение.

Единственное число.			Множественное число
Мужск. род.	Средн. род.	Женск. род.	всех родов.
N. — er	— es	— e	— e
G. — es (— en)	— en	— er	— er
D. — em	— em	— er	— en
A. — en	— es	— e	— e

Сильное (или местоименное) склонение характеризуется теми же окончаниями, которые можно видеть в указательных местоимениях (ср. § 200), и следовательно по праву может быть названо местоименным. Об окончании -en в родительном падеже ед. числа мужского и среднего рода будет сказано ниже.

Примечание. В прилагательных с суффиксом -el, -er, напр.: eitel, edel, finst-er, mun-er, при наличии флексии гласный -e в суффиксе выпадает, напр.: edl-er, edl-s, edl-er, muntr-es, muntr-er и т. п. Только при флексии -(e)n „е“

выпадает либо в суффиксе, либо в окончании (напр.: edeln и edlen, muntren и muntern, причем более частой является форма с сохраненным -е суффикса. При прилагательных с суффиксом -ен, как eben, eigen, „е“ в суффиксе при склонении может наличествовать или отсутствовать, напр.: eben-em и ebn-em, eigen-es и eign-es.

§ 226. Наличие того или иного типа склонения зависит от того, употребляется ли прилагательное с артиклем (местоимением) или без него, и какого типа будет склонение этого местоимения. Основной принцип изменения прилагательного состоит в том, что падеж и род передаются либо артиклем или местоимением, если они наличествуют и способны к такой передаче, либо самим прилагательным. Таким образом, если в местоимении или артикле четко дифференцируются падеж и род, то прилагательное принимает недифференцированные окончания слабого склонения. Если же местоимения или артикля почему-либо нет, или в них неясно выражаются признаки падежа и грамматического рода, то прилагательное принимает ясно дифференцирующие окончания сильного склонения.

Примером первого случая может служить склонение прилагательного с определенным артиклем или местоимением, изменяющимся так же, как он. Склонение прилагательного будет слабым.

Единственное число.

<i>Мужск. род.</i>	<i>Средн. род.</i>	<i>Женск. род.</i>
N. der rot-e Stern	das rot-e Tuch	die rot-e Fahne
G. des rot-en Stern(e)s	des rot-en Tuch(e)s	der rot-en Fahne
D. dem rot-en Stern	dem rot-en Tuch	der rot-en Fahne
A. den rot-en Stern	das rot-e Tuch	die rot-e Fahne.

Множественное число

всех родов.

N. die rot-en Sterne,	Tücher, Fahnen
G. der rot-en Sterne,	Tücher, Fahnen
D. den rot-en Sternen,	Tüchern, Fahnen
A. die rot-en Sterne,	Tücher, Fahnen

Другой случай мы будем иметь тогда, когда перед прилагательным не стоит никакого местоимения. Склонение имени прилагательного будет сильным (местоименным).

Единственное число.

<i>Мужск. род.</i>	<i>Средн. род.</i>	<i>Женск. род.</i>
N. gut-er Wein	gut-es Metall	gut-e Suppe
G. gut-en Weines	gut-en Metalles	gut-er Suppe
D. gut-em Wein	gut-em Metall	gut-er Suppe
A. gut-en Wein	gut-es Metall	gut-e Suppe

Множественное число

всех родов.

N. gut-e	Weine,	Metalle,	Suppen
G. gut-er	Weine,	Metalle,	Suppen
D. gut-en	Weinen,	Metallen,	Suppen
A. gut-e	Weine,	Metalle,	Suppen

Окончание **-en** в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода вместо **-es**, свойственного местоимению, является лишь кажущимся исключением и подтверждает общее правило: в родительном падеже, где флексия **-(e)s** имени существительного ясно выражает падеж, окончание в прилагательном становится излишним. Поэтому прилагательное принимает нейтральное окончание **-en**. Если перед прилагательным стоит какое-нибудь местоимение, в склонении которого падеж или род может быть нечетко выражен (напр., притяжательное местоимение или неопределенный артикль), то в тех случаях, где это имеет место, прилагательное берет на себя функцию быть выразителем падежных отношений и принимает местоименные окончания, в прочих случаях окончания прилагательного будут именные. Поэтому при склонении прилагательного с неопределенным артиклем или притяжательным местоимением именительный падеж ед. числа прилагательного всех родов и винительный в среднем и женском роде получит окончания сильного склонения, другие падежи — окончания слабого.

Единственное число.

*Мужск. род.**Средн. род.**Женск. род.*

N. ein gut-er	Arbeiter	ein gut-es	Buch	eine gut-e	Erklärung
G. eines gut-en	Arbeiters	eines gut-en	Buches	einer gut-en	Erklärung
D. einem gut-en	Arbeiter	einem gut-en	Buch	einer gut-en	Erklärung
A. einen gut-en	Arbeiter	ein gut-es	Buch	eine gut-e	Erklärung

Естественно, что во множественном числе, где артикль отпадает, склонение происходит по местоименному типу. При притяжательных местоимениях и отрицательном местоимении *kein*, которые во множественном числе ясно выражают падеж, — наоборот, по именному, слабому типу.

Из вышеизложенного видно, что определяемое срastaется, таким образом, с определением в одно целое, образуя как бы синтаксическую группу с одним морфологическим признаком.

Колебание в употреблении той или иной формы замечается после местоимений и прилагательных с количественным значением: *alle, meh- gere, manche, etliche, viele, wenige, keine, einige, sämtliche*. Мнения грамматиков, а также практика писателей в этом отношении расходятся. Имеется тенденция к употреблению сильной формы прилагательного в именительном и винительном падежах множественного числа при прочем последовательно слабом склонении, т. е. напр.: N. Sg. *alles neue Mauerwerk* — N. Pl. *alle neue(n) Häuser*, N. Sg. *manches bittere Wort* — N. Pl. *manche bittere(n) Worte* и т. п.

Колебания в этих случаях вполне понятны, так как, с одной стороны, слова эти являются местоимениями или имеют ясно выраженный местоименный характер. Склонение прилагательных при них поэтому должно быть слабым (см. предыдущий параграф). С другой стороны, эти же слова могут быть восприняты как имена прилагательные, и в этом случае склонение следующего за ними прилагательного должно быть таким же, как их склонение, т. е. сильным (см. следующий параграф).

Нормативная школьная грамматика, стремящаяся дать вполне определенные неизбывные правила, преподает в этом отношении следующее: после слов с более определенным числовым значением (*alle, keine, beide, sämtliche*) прилагательное получает в им. пад. множ. числа слабое окончание **-n**, после всех прочих — окончание сильного склонения **-e**.

§ 227. Если перед существительным стоят два или больше прилагательных, то тут приходится различать два случая.

1. Оба прилагательных равноправны и оба в одинаковой мере определяют существительное (между ними мыслим союз *und*, в случае его отсутствия стоит запятая); тогда прилагательные склоняются одинаково, по сильному или слабому склонению (в зависимости от местоимения).

Примеры: *Die hohen und schattigen Bäume. Dieser warme, sonnige Tag. Guter, alter Wein. — Des Vaters liebstem, lange gehegtem Wunsche zu widerstreben (Goethe).*

2. Одно из прилагательных тесно связано с существительным, образуя с ним одно понятие, другое — их определяет. Г. Пауль называет это отношение *Verhältnis der Einschließung*, т. е. включением. Тогда в дательном и родительном падежах второе прилагательное имеет слабую форму (окончание **-en**), первое — слабую или сильную (в зависимости от местоимения). В именительном и винительном падежах оба прилагательных склоняются одинаково, напр.: *N. guter roter Wein*, но *D. mit gutem roten Weine (roter Wein* представляет собою одно понятие, сорт вина — красное). *N. große körperliche Schmerzen*, но *G. wegen großer körperlichen Schmerzen. N. schweres geistiges Leiden*, но *D. nach schwerem geistigen Leiden* (*geistiges Leiden* и *körperliche Schmerzen* представляют собой каждый одно понятие — „психическая болезнь“ и „физические страдания“).

б) ФУНКЦИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

§ 228. Прилагательное может выступать в функции атрибута и в функции сказуемого. Кроме того, прилагательное, субстантивируясь, может нести все функции существительного (см. выше § 181 и след.).

Склоняемая форма прилагательного употребляется в основном в качестве атрибута к имени существительному (ср. § 465). В этой роли встречается как слабая (именная), так и сильная (местоименная) форма. Употребление слабой или сильной формы определяется в современном языке присутствием или отсутствием артикля (или местоимения, близкого к нему по типу склонения) (см. §§ 225, 226).

Примеры: *Sein ruhiges Benehmen und sein offener Blick erweckten Vertrauen. — Deine klaren Veilchenaugen schweben vor mir Tag und*

Nacht (Heine). Aus *meinen großen* Schmerzen Mach' ich *die kleinen* Lieder (Heine). Dort liegt sie wohl in *schöner* Ruh und glüht in *süßem* Traum (Uhland). Er kommt mit *offnem heitrem* Blick (Goethe). *Die proletarische* Bewegung ist *die selbständige* Bewegung *der ungeheuren* Mehrzahl im Interesse *der ungeheuren* Mehrzahl (Komm. Man.).

В классической литературе мы встречаем случаи употребления местоименных окончаний в прилагательном после различного рода местоимений, т. е. в случаях, где современная грамматика требует как нормы слабого склонения.

Примеры. После определенного артикля: *die mechanische* Unterkräfte (Schiller), *die bisherige unerträgliche* Unordnungen (Goethe). После *dieser, jener*: alle *diese* liebenswürdige Grausamkeiten (Goethe), *jene* unwahrscheinliche Verbrechen (Lessing). После *alle*: *alle* dramatische Arbeiter (Hoffmann). После *solcher, welcher*: *solcher* guter Geister (Goethe). После притяжательных местоимений: für *meine* noch zu schwache Schultern (Goethe). После *kein*: *keine* höhere Schönheiten, и т. п.

Первоначально (отзвуки такого употребления мы встречаем в готском яз.) слабое и сильное склонения прилагательного отличались друг от друга своими синтаксическими функциями: местоименное (сильное) склонение было первоначально свойственно атрибутивному прилагательному, именное (слабое) склонение играло роль аппозиции, синтаксически более самостоятельного приложения. Зависимость от артикля устанавливается лишь постепенно, и механическое правило чередования окончаний в зависимости от предшествующего местоимения, каким мы его имеем, появляется на сравнительно позднем этапе языкового развития. Устанавливается оно, несомненно, не сразу, в этом отношении существуют длительные колебания, которыми и объясняется наличие в ряде случаев указанных выше противоречивых форм.

§ 229. Иногда склоняемая форма прилагательного играет в предложении роль сказуемого (ср. § 439).

Примеры: Dieser Winkel ist ein *rechter*. Eine rasche Antwort ist nicht immer eine *richtige*. — Mein Glück wär' ein *Vollkommenes* ohne diesen Zufall (Schiller).

§ 230. Краткая форма прилагательного употребляется главным образом для выражения сказуемого (ср. § 439).

Примеры: Mein Aug' ist *naß* und *trüb* (Heine). Die Nacht war *lang*, die Nacht war *kalt* (Heine). Dies alles ist mir *untertänig* (Schiller). Aus dem hohen Adel waren die Fürsten hervorgegangen. Sie waren schon fast ganz *unabhängig* vom Kaiser (Engels, Bauernkrieg).

Однако в некоторых случаях несклоняемая форма выступает и в виде атрибута (ср. § 466).

Примеры: Röslein *rot*. Das Alter ist ein *höflich* Mann (Goethe). Die weißen Lilien der Händchen *klein*, die blühen und blühen noch immerfort (Heine).

Это свидетельствует о периоде в истории языка, когда синтаксические функции полной и краткой формы вовсе не были дифференцированы. Еще в средневерхненемецком языке постоянно употребляется неизменяемая форма в качестве атрибута, напр. der *degen* *guot*, ein *arm* *man*, наоборот сильная склоняемая форма прилагательного функционирует в качестве сказуемого, напр.: er ist *blinder*. Аналогичное явление наблюдается и в современных диалектах.

§ 231. Некоторые прилагательные в немецком языке встречаются только в предикативном употреблении и имеют поэтому только нефлектируемую форму. Это, напр.: *abhold, getrost, gewahr, gram, habhaft, kund, leid, quitt, teilhaftig, verlustig*.

Напротив, другие употребляются только как определения и поэтому только в изменяемой форме, напр.: *der obere, untere, linke, heutige, dortige, hiesige, besondere*.

Некоторые прилагательные, имеющие на первый взгляд несклоняемую, неизменяемую форму, сделались таковыми лишь в результате специфического развития. Например, прилагательное *voller* в сочетаниях типа *der Schrank voller Bücher, die Straße voller Menschen, das Haus voller Leute, die Augen voller Tränen*. По происхождению это сильная форма прилагательного мужского рода (ср. *gut-er, klein-er*), стоявшая после существительного (положение прилагательного в старом языке было свободно) или же употреблявшаяся в качестве сказуемого (о полной форме прилагательного в этой функции см. предыдущий параграф). Прилагательное в этой форме переосмыслилось как неизменяемая форма и было перенесено со слов мужского рода (напр.: *der Schrank voller Bücher*) на слова женского рода (напр.: *die Straße voller Leute*) или среднего рода (напр.: *das Haus voller Menschen*).

§ 232. Другой случай — это обороты типа: *der Leningrader Hafen, Pariser Ausstellung*, где первое слово воспринимается теперь как прилагательное, не согласующееся с существительным ни в роде, ни в числе. По происхождению эти прилагательные представляют собой родительный падеж множ. числа существительного со значением этнического названия, т. е. *Pariser Straßen* — значило первоначально *die Straßen der Pariser* (парижан). Затем это сочетание было переосмыслено и превратилось как бы в обычное прилагательное с застывшей формой: *der Leningrader Hafen* переводится „ленинградский порт“.

Сюда же относятся застывшие сочетания *allerhand, allerlei, mancherlei, keinerlei*. Эти слова также воспринимаются нами как несклоняемые прилагательные, на самом деле это сочетание местоименных прилагательных со старыми существительными *mhd. Pl. hande, leie* „Arten“ в родительном падеже. Таким образом, первоначально *allerlei Menschen* = „разных родов люди“, где *allerlei* играет роль *genitivus qualitativus* при *Menschen* (ср. § 195).

в) СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (STEIGERUNGSSTUFEN, KOMPARATIONSSTUFEN).

§ 233. Прилагательное может иметь две степени сравнения: сравнительную (Komparativ) при сравнении качеств или свойств двух предметов и превосходную (Superlativ), когда происходит сравнение по меньшей мере между тремя предметами.

Сравнительная степень образуется с помощью суффикса *-er*, причем имеет несклоняемую, краткую и склоняемую формы, напр.:

<i>breit-er</i>	<i>der breit-er-e Fluß,</i>	<i>ein breit-er-er Fluß</i>
<i>interessant-er</i>	<i>das interessant-er-e Buch,</i>	<i>ein interessant-er-es Buch</i>

richtig-er	die richtig-er-e Antwort,	eine richtig-er-e Antwort
schön-er	das schön-er-e Bild,	ein schön-er-es Bild
weit-er	der weit-er-e Weg,	ein weit-er-er Weg

Примечание. Прилагательные с суффиксами **-er**, **-el**, **-en** теряют **-e** суффикса в форме сравнительной степени, напр. *munter* — *muntrer*, *edel* — *edler*, *eben* — *ebner*.

Превосходная степень образуется с помощью суффикса **-(e)st**, напр.:

faul-st-:	der faul-st-e Schüler
rein-st-:	das rein-st-e Wasser
richtig-st-:	die richtig-st-e Antwort
schön-st-:	das schön-st-e Land.

Наряду с этой изменяемой формой имеется неизменяемая форма превосходной степени: *am faulsten*, *am reinsten*, *am richtigsten*, *am schönsten*.

Эта форма представляет собой застывшее сочетание дательного падежа прилагательного с предлогом *an*, сочетание, которое по своему происхождению является первоначально наречием.

После переднеязычных согласных (**d**, **t**, **s**, **sch**, **z**) суффикс имеет форму **-est**, напр.:

rund-est-:	das rund-est-e Gesicht
breit-est-:	die breit-est-e Straße
krass-est-:	der krass-est-e Unterschied
rasch-est-:	die rasch-est-e Bewegung
kürz-est-:	der kürz-est-e Weg.

В слове *beste* происходит слияние **s**, принадлежащего корню, и **s** суффикса.

Гласный звук первоначально обязательно входил в суффикс превосходной степени (в форме древневерхненемецкого **-isto** или **-ōsto**). Затем он из суффикса выпадает, сохраняясь в случаях группировки однородных согласных, т. е. тогда, когда переднеязычный согласный корня попадает перед переднеязычным суффикса (ср. это явление с „**e**“ в суффиксе прошедшего времени слабого глагола, в окончании настоящего времени 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. множ. ч., § 279 и след.).

§ 234. В сравнительной и превосходной степени прилагательных во многих случаях коренной гласный изменяется (умлаут), напр.:

	<i>Сравн. ст.</i>	<i>Превосх. ст.</i>
<i>grob</i>	<i>größer</i>	<i>am größten</i>
<i>groß</i>	<i>größer</i>	<i>am größten</i>
<i>kalt</i>	<i>kälter</i>	<i>am kältesten</i>
<i>klug</i>	<i>klüger</i>	<i>am klügsten</i>
<i>lang</i>	<i>länger</i>	<i>am längsten</i>

Другие прилагательные этого изменения не испытывают, напр.:

<i>laut</i>	<i>lauter</i>	<i>am lautesten</i>
<i>rasch</i>	<i>rascher</i>	<i>am raschesten</i>
<i>rund</i>	<i>runder</i>	<i>am rundesten</i>

Непоследовательность в проведении умлаута объясняется суффиксами, образующими степени сравнения, и различиями в них. В древневерхнемецком языке такими суффиксами являлись *-igo* и *-igo* для сравнительной, *-isto* и *-osto* для превосходной. Суффикс с гласной *i* естественно вызывал умлаут, суффикс с *ö* умлаута не вызывал (ср. § 103).

В ряде случаев мы имеем колебания между формой с умлаутом и без него, напр.:

Сравн. ст.

gesund	gesünder	и	gesunder
naß	nässer	и	nasser
schmal	schmäler	и	schmaier

Колебания эти объясняются тем, что с течением времени умлаут как фонетическая закономерность стал на службу морфологии. Границы его действия поэтому расширяются, захватывая частично и формы, для которых в прошлом был характерен суффикс *-bro-*, *-bsto-* и, следовательно, отсутствие умлаута. Эти слова получают умлаут уже не в результате фонетической необходимости, а как морфологический признак степени сравнения. В таких случаях в течение известного времени могут существовать колебания.

В современном языке умлаута не имеют слова: 1. с дифтонгом *au*, напр. *laut*, *taub*, *grau*;

2. с суффиксами *-er*, *-en*, *-el*, *-bar*, *-sam*, *-haft*, *-ig*, *-lich*, с окончанием *-e*, напр.: *munter*, *offen*, *mager*, *dankbar*, *langsam*, *boshaft*, *mutig*, *stattlich*, *gerade*;

3. отдельные односложные слова, из которых важнейшими являются: *brav*, *bunt*, *dumpf*, *falsch*, *flach*, *froh*, *hohl*, *hold*, *kahl*, *klar*, *lahm*, *matt*, *nackt*, *plump*, *rasch*, *roh*, *rund*, *sanft*, *schlank*, *starr*, *stolz*, *stumm*, *voll*, *wahr*, *wund*, *zahn*;

4. причастия.

Колеблются прилагательные: *blaß*, *bang*, *dumm*, *gesund*, *glatt*, *naß*, *schmal*, *knapp*, *zart*.

§ 235. Некоторые прилагательные имеют супплетивные формы степеней сравнения, формы, образованные от разных корней. Таковыми являются:

Сравн. ст. Превосх. ст.

gut	besser	am besten
viel	mehr	am meisten
wenig	minder	am mindesten

Интересно, что прилагательные с аналогичным значением и в других языках тоже имеют супплетивные формы степеней сравнения, ср. русский язык: *хороший* — *лучше*, *плохой* — *хуже*, *много* — *больше* и т. п. Французский язык: *bien* — *mieux* „хороший — лучше“, *beaucoup* — *plus* „много — больше“, *mauvais* — *pire* „плохой — хуже“ и т. п. Английский язык: *good* — *better* „хороший — лучше“, *bad* — *worse* „плохой — хуже“. Латинский язык: *bonus* — *melior* „хороший — лучше“, *malus* — *peior* „плохой — хуже“ и т. п. Перечисленные слова принадлежат к самым абстрактным представлениям о качестве и количестве. Можно представить себе, что различные корни эти представляли собой первоначально просто различные характеристики, различные виды одного и того же качества. Они не были степенями сравнения в собственном смысле слова, ибо ресурсы мышления были недостаточны для сравнительного соизмерения столь абстракт-

ных величин, как понятия о чистом количестве и чистом качестве. Лишь впоследствии они были приведены в систему, грамматизованы и заняли свое место в общей схеме степеней сравнения. Быть может суффиксы, которые они разделяют с нормальными степенями сравнения (-er-, -st-), явление уже вторичное, результат грамматизации. Мы можем назвать параллельно с формой *besser* старую форму наречия *baß* со значением „лучше“, характеризующуюся отсутствием суффикса сравнения. Отметим, что наиболее абстрактный из всех глаголов — глагол бытия *sein* тоже имеет супплетивные формы прошедшего времени: *sein* — *war* — *gewesen* (см. также § 298).

Супплетивность в степенях сравнения — явление пережиточного порядка и постепенно ограничивает область своего распространения. Так, в древневерхне-немецком языке *ubil* имело сравнительную форму *wirsiro* (ср. англ. *worse*), от чего в современном языке не осталось никакого следа, новонемецкий язык имеет форму *übel* — *übler*. *Wenig* имеет старую форму сравнения *minder*, которая еще сохраняется в языке параллельно с вытесняющей ее новой типичной формой *weniger* и обнаруживается главным образом в образованных от этого корня производных: *vermindern*, *mindestens*, *Minderheit*.

§ 236. В следующих прилагательных формальные различия в образованиях степеней сравнения основаны на чередовании согласных корня, объясняющемся разным фонетическим развитием отдельных форм (ср. § 64):

	Сравн. ст.	Превосх. ст.
<i>nah</i>	<i>näher</i>	<i>am nächsten</i>
<i>hoch</i>	<i>höher</i>	<i>am höchsten</i>

§ 237. Склонение прилагательного в форме степеней сравнения совершенно аналогично склонению обыкновенного прилагательного.

§ 238. Употребление степеней сравнения. Некоторые имена прилагательные не могут быть употреблены в форме степеней сравнения. Это прилагательные, имеющие вещественное значение или значение столь определенно ограниченное, что не поддаются сравнению, напр.: *golden*, *silbern*, *eisern*, *ganz*, *stumm*, *blind*, *tot*, *schneeweiß*, *schriftlich*, *einsilbig*.

Напротив, другие имена прилагательные выступают только в форме сравнительной или превосходной степени сравнения, напр.: *der untere* — *der unterste*, *der obere* — *der oberste*; *der erste*, *der letzte*. Однако, ввиду позитивного значения последних двух форм, от них могут быть образованы как бы вторично степени сравнения, напр.: *der erstere*, *der letztere*.

От причастий степени сравнения образуются только, если они имеют более адъективную, чем глагольную природу, выражая просто какое-либо свойство, напр.: *rührend* — *rührender*, *bedeutend* — *bedeutender*; *die ausgesuchteste Gesellschaft*, *geliebtester Freund* и т. п.

§ 239. Степени сравнения прилагательных употребляются в предложении как в роли атрибута, так и в роли сказуемого. При этом склоняемую форму сравнительной и превосходной степени прилагательного мы встречаем преимущественно в атрибутивной роли.

Примеры: *Er bekommt einen besseren Platz.* — *An dem reinsten Frühlingmorgen ging die Schäferin und sang* (Goethe). *Daß ich von solchem Lieb konnt' weichen, War der dümmste von meinen dummen Streichen* (Heine).

Склоняемая форма также играет иногда роль сказуемого (ср. § 441). Несклоняемая форма степеней сравнения выступает исключительно как предикат (ср. § 441).

Примеры: *Es ist mir nichts unerträglicher, als so ein alter Kram von Besitztum (Goethe). Die Augen sinken zu, die Sinne werden stumm (Wieland).* — *Am schwersten* ist die letzte Übung.

§ 240. Прилагательное в форме степеней сравнения может выражать не сравнение, а лишь усиленное или ослабленное свойство. Превосходная степень в этой функции, обычно называемая элативом (Elativ), встречается и в русском языке; ср. нем. *bester Freund*, русск. *милейший друг*. Сравнительная же степень в русском языке аналогии не имеет.

Пример: *Ein älterer Mann* „пожилой человек“.

Д. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ (NUMERALE, ZAHLWORT).

§ 241. Склонение числительных количественных (Kardinalia). Полностью склоняется только числительное *ein*, которое может иметь и сильное и слабое склонение.

Сильное склонение

Слабое склонение

Мужск. род.	Средн. род.	Женск. род.	Мужск. род.	Средн. род.	Женск. род.
N. ein-er	ein-(e)s	ein-e	(der) ein-e	(das) ein-e	(die) ein-e
G. ein-es		ein-er		ein-en	ein-en
D. ein-em		ein-er		ein-en	ein-en
A. ein-en	ein-(e)s	ein-e	ein-en	ein-e	ein-e

Полными формами сильного склонения в им. падеже мужского и среднего рода (с родовыми окончаниями *-er* и *-es*) пользуются при самостоятельном субстантивном употреблении числительного.

Примеры: *Wieviel Studenten sind zur Konsultation gekommen? Heute nur einer. Haben Sie alle Bücher mitgebracht? Eins habe ich zu Hause gelassen* (ср. также *ein, kein, mein* и др. в § 201).

В случаях, когда числительное служит определенным существительного, может стоять лишь краткая форма, напр.: *ein Staat, ein Land*.

Числительные *zwei* и *drei* склоняются по местоименному склонению в родительном и дательном падежах, однако только в том случае, когда числительное употребляется самостоятельно или при атрибутивном употреблении, когда ему не предшествует артикль (местоимение) или предлог; в прочих случаях числительное остается неизменным.

Примеры: *Die Verbindung zweier Elemente. Was zweien zu weit, ist dreien zu enge. Zu zweien, zu dreien* — „двоём, троём“. Ср. с этим *Die Verbindung dieser zwei Elemente. Der Verfasser von drei Romanen*.

Остальные числительные количественные могут склоняться только в случае самостоятельного употребления, напр.: *auf allen vieren kriechen, mit sechsen fahren. Hundert und tausend* — в самостоятельном (субстантивном) употреблении склоняются как существительные.

§ 242. Склонение числительных порядковых. (Ordinalia, Ordnungszahlwort.) Порядковые числительные склоняются как прилагательные по двум типам склонения, притом преимущественно по слабому, так как почти всегда употребляются с определенным артиклем.

Е. ГЛАГОЛ (VERB, ZEITWORT).

а) Общая часть.

а) КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ.

§ 243. С морфологической точки зрения глаголы в немецком языке могут быть разделены на сильные (starke), слабые (schwache), смешанные (gemischte), глаголы praeterito-praesentia, неправильные (unregelmäßige) глаголы.

Термины „сильные“ и „слабые“ глаголы, введенные Яковом Гриммом, ничего не говорят о сущности этих классов глаголов; существует поэтому тенденция заменить их другими терминами. Так, в некоторых советских учебниках слабые глаголы именуются „типичными“, сильные — „нетипичными“; однако и эти термины не раскрывают особенностей обозначаемых ими глаголов; более того: слово „типичный“ в русском языке имеет между прочим значение „характерный“, что может подсказать ложную мысль, будто бы сильные глаголы не характерны для немецкого языка. Таким образом, ради столь несовершенной новой терминологии нет основания отказываться от привычной старой.

§ 244. К классу сильных относятся глаголы, корень которых в инфинитиве (и в настоящем времени) и в претерите оформлен по-разному, что прежде всего и обязательно сказывается в различии гласных, и второе причастие которых имеет суффикс *-en*. В значительном большинстве сильных глаголов разница между указанными формами корня определяется только чередованием коренного гласного (аблаут, см. § 104), напр.: корень в Inf. *nehm-*, корень в Praet. *nahm-*; Inf. *find-*, Praet. *fand* и т. п. В некоторых глаголах чередуются также и конечные согласные корня (нуль — «g»; «ts» — «s»), напр.: Inf. «tsi:» *zieh-*, Praet. «tso:k» *zog*; Inf. «ge:» *geh-*, Praet. «giŋ» *ging*; Inf. «zi:ts» *sitz-*, Praet. «za:s» *saß*. Что касается формы корня (в основном — коренного гласного) во втором причастии, то она в одних сильных глаголах совпадает с формой корня в претерите, в других — с формой корня в инфинитиве, в третьих отличается и от той и от другой, напр.: Inf. *kommen* — Part. II *gekommen*, Praet. *blieb* — Part. II *geblieben*, Inf. *binden* — Praet. *band* — Part. II *gebunden* и т. п.

Слабые глаголы характеризуются неизменяемостью корня, прибавлением суффикса *-te* в претерите и суффикса *-t* в причастии втором, напр.: *fragen* — *frag-te* — *gefrag-t*.

Система окончаний, а также схема образования времен в глаголах обоих классов одинаковы.

§ 245. Класс сильных глаголов представляет собой в основном старую непополняющуюся группу, состоящую из небольшого числа

глаголов (приблизительно 150), не считая производных глаголов, значительно увеличивающих это число.

Класс слабых глаголов гораздо более обширен; он постоянно пополняется новыми глаголами, которые обязательно примыкают именно к этому классу, а не к классу сильных глаголов.

Принадлежность глагола к сильному или слабому классу определяется исключительно историей данного слова: ни значение глагола, ни звуковой состав его не могут служить надежным признаком его принадлежности к тому или иному классу. Правда, сильные глаголы, представляющие древнейший слой глаголов (речь идет только о простых глаголах, а не о производных от них), обозначают прежде всего простейшие конкретные действия, напр.: *gehen, stehen, geben, tragen, nehmen* и т. п., тогда как слабые глаголы, более новые, имеют преимущественно более отвлеченное значение, напр.: *leben, lieben*, все глаголы с суффиксом *-ieren* и т. п. Однако и сильные глаголы могут иметь абстрактное значение (напр.: *werden*), а слабые — конкретное, обыденное (напр.: *zeigen, fragen*).

Совершенно естественно поэтому, что на протяжении истории немецкого языка имел место переход глаголов из одного класса в другой. Наибольшим числом случаев засвидетельствован переход из класса сильных глаголов в класс слабых; так, к сильным относились следующие слабые в настоящее время глаголы: *falten, schalten, spannen, bellern, hinken, schmerzen* и мн. др. В диалектах это явление распространено гораздо шире; такие глаголы, как *leiden, scheinen, schreien, liegen* и мн. др., которые являются сильными в литературном языке, в ряде диалектов перешли в класс слабых.

Значительно реже случаются переходы глаголов из класса слабых в класс сильных; в качестве примеров здесь могут служить глаголы: *gleichern, preisen, weisen*. Увеличение класса слабых глаголов за счет класса сильных объясняется, во-первых, пережиточностью последних в отношении способов словоизменения их (аблаута), во-вторых, незакономерностью аблаута, затрудняющей образование претерита и причастия II сильных глаголов. Все приведенные выше глаголы окончательно определились в настоящее время в литературном языке как сильные или как слабые; такому состоянию предшествовал период колебания, т. е. существования сильного и слабого варианта одного и того же глагола. Целый ряд глаголов еще и сейчас находится на этой стадии. В таких глаголах, как *saugen, sieden, melken*, формы: *sog* и *saugte, sott* и *siedete, molk* и *melkte* различаются лишь стилистически, а не по значению: сильные формы архаичны, слабые более современны (в причастии II встречается только сильная форма). Напротив, в некоторых других глаголах различие между сильными и слабыми формами использовано для дифференциации значений. Так, *wiegen* как сильный глагол (*wog, gewogen*) означает „весить, взвешивать“, как слабый глагол (*wiegte, gewiegt*) — „качать, баюкать“; *schaffen* как сильный глагол (*schuf, geschaffen*) означает „создавать“, как слабый глагол (*schaffte, geschafft*) — „работать, действовать“ и т. п.

§ 246. Смешанными называют группу глаголов, в которых подобно

сильным глаголам имеет место чередование коренного гласного, а иногда также и согласных корня, и подобно слабым глаголам в претерите прибавляется суффикс *-te*, а в причастии II суффикс *-t*. Это глаголы *kennen, nennen, senden, wenden, denken, bringen, brennen, rennen*.

С точки зрения исторической грамматики только глагол *bringen* является действительно смешанным глаголом, все же остальные должны быть отнесены к классу слабых глаголов. Дело в том, что чередование гласных, встречающееся в этих глаголах, является чередованием по умлауту, а не по аблауту, как это имеет место в сильных глаголах.

Гласный *e* в инфинитиве этих глаголов возник в древневерхненемецком языке из гласного *a* в результате умлаута, имевшего место под влиянием звука *j* в суффиксе *-jan* (см. § 103), характерного для так называемого первого класса слабых глаголов. В претерите же умлаут имел место лишь в незначительной части глаголов, а именно в тех, перед суффиксом претерита которых был гласный *i*, вызывавший умлаут. Большинство глаголов, однако, этого гласного перед суффиксом не имело, а следовательно, не могло иметь и умлаута. В древневерхненемецком различались таким образом два типа глаголов: 1) глаголы с умлаутом в инфинитиве и в претерите, напр.: *zellen* (из **zaljan*),¹ *zelita* (из **zalita*) и 2) глаголы с умлаутом только в инфинитиве, напр.: *nennen* (из **nannjan*), *nannta* (из **nannnta*). Отсутствие умлаута в претерите глаголов второго типа Яков Гримм неверно понимал как утрату его и потому обозначил термином „*Rückumlaut*“, принятым и до сих пор в исторической грамматике.

Большинство слабых глаголов, имеющих умлаут в инфинитиве, восходит к глаголам первого класса (с суффиксом *-jan*), и большая часть их еще в средневерхненемецком имела *Rückumlaut*. Так, претерит от глагола *hören* „*hören*“ был *hörte* „*hörte*“; от глагола *träumen* „*träumen*“ — *troumte* „*träumte*“; от *füllen* — *fülte* „*füllte*“; от *grüenen* „*grünen*“ — *gruonte* „*grünzte*“; от *decken* — *dahite* „*deckte*“ и мн. др. По аналогии с этими глаголами, большая часть которых является производными от имен существительных и прилагательных, новые отыменные глаголы тоже имеют умлаут, напр.: *wärmen* (от *warm*), *löhnen* (от *Lohn*) и т. д.

В нововверхненемецкую эпоху почти все из этой многочисленной группы глаголов утратили *Rückumlaut*, так как чередование гласных — признак не характерный для слабых глаголов. Процесс этот, однако, еще не закончен: в двух глаголах мы можем наблюдать переходную стадию, допускающую оба варианта (с умлаутом в претерите и без него), это *wenden* — *wendete*, но и *wandte*; *senden* — *sendete*, но и *sandte*; глаголы же *kennen, brennen, rennen, nennen, denken* имеют претерит обязательно с *Rückumlaut*'ом.

§ 247. Под глаголами *Praeterito-praesentia* подразумевают глаголы, у которых в качестве настоящего времени выступает форма, соответствующая сильному претериту. К этой группе относятся глаголы: *wissen, dürfen, können, sollen, mögen, müssen* и *wollen*.

Что настоящее время этих глаголов представляет собой по форме претерит, видно из следующих фактов: 1) отсутствие окончаний в первом и третьем лице ед. ч. настоящего времени (*weiß, darf, kann* и т. д.); 2) отличие коренного гласного гласного формы ед. ч. наст. вр. от коренного гласного формы множ. числа. Исключение составляет глагол *sollen*, в котором гласный во всех формах одинаков; однако, такое положение вещей является результатом позднейшего развития: перво-

¹ Звездочкой отмечаются формы, не засвидетельствованные в памятниках, а установленные на основании сравнительно-грамматических данных.

начально (в древневерхненемецком языке) ед. число имело гласный *a* — *scal „soll“*, а множ. число — гласный *u* — *sculun „sollen“*.

С точки зрения исторической грамматики различие гласного в ед. ч. и множ. ч. наст. вр. (*weiß — wissen, mag — mögen* и т. п.) свидетельствует о том, что мы здесь имеем дело с формой претерита. Вплоть до нововверхненемецкого периода почти все сильные глаголы (кроме глаголов так наз. VI и VII рядов аблаута, см. § 105) имели в единственном и во множественном числе претерита различные гласные, напр., средневерхненемецкое *bôt — buten, „bot — böten“, warf — wurfen, „warf — warfen“* и т. п. Эта особенность сильных глаголов в современном литературном языке сохранилась в качестве рудимента в глаголах *Praeterito-praesentia* благодаря их особому месту в системе глаголов и кроме того — в глаголе *werden*.

В глаголе *werden* наряду с новой формой ед. ч. *wurde*, образованной по аналогии с мн. ч. *wurden*, сохранилась и старая форма ед. ч. *ward*, не употребительная в разговорном языке, но нередко встречающаяся в языке книжном.

Примеры: *Außerhalb Frankreichs ward dieser gewaltsame Bruch mit dem traditionellen Volksglauben, diese ungeheure geistige Revolution wenig beachtet und noch weniger begriffen (Marx). Die große Unruhe, welche Charlotten durch diesen Besuch erwuchs, ward ihr dadurch vergütet (Goethe).*

В диалектах различие вокализма в единственном и множественном числе претерита сохранилось в довольно большой группе глаголов, например: *greif — griffu, zog — zugn, sang — sungen, starb — storben* и т. п.

Глаголы *Praeterito-praesentia*, подобно рассмотренным в предыдущих параграфах, не представляют собой раз навсегда замкнутой группы. Так, еще до начала XVIII века к ним относился и глагол *taugen*, который затем перешел в класс слабых глаголов; несколько ранее такую же эволюцию проделал глагол *gönnen*. Напротив, лишь в поздний период средневерхненемецкого языка в группу *Praeterito-praesentia* переходит глагол *wollen*, который первоначально имел особое спряжение и еще в ранний период средневерхненемецкого языка имел в 1 и 3 л. ед. ч. окончание *-e (wile)*.

Семантически эта группа глаголов объединяется модальностью их значения. Исключение в этом отношении составляет только глагол *wissen*.

§ 248. Благодаря особенностям в образовании основных форм, а также в спряжении приходится рассматривать как „неправильные“, т. е. не подходящие ни под какой из основных типов, глаголы *sein, haben, tun* и *werden*.

§ 249. Все глаголы по своему значению подразделяются на личные (*Personalia, persönliche*) и безличные (*Impersonalia, unpersönliche*).

К безличным глаголам относятся прежде всего глаголы, обозначающие явления природы, поскольку в них немислим субъект действия, а также и некоторые другие глаголы.

Примеры: *regnen, schneien, donnern, mangeln* и др.

Другую группу безличных глаголов составляют так называемые *verba sentiendi*, обозначающие ощущения.

Примеры: es hungert mich, es dürstet mich, es freut mich, es verdrießt mich, es graut mir.

§ 250. Переходные (transitive) и непереходные (intransitive) глаголы. В синтаксическом отношении все глаголы можно разделить прежде всего на транзитивные, или переходные, и интранзитивные, или непереходные; первые допускают наличие объекта действия (прямого дополнения), вторые не допускают его. Глагол lesen, например, может иметь прямое дополнение (ein Buch, eine Zeitung и т. п.), тогда как, например, при глаголе sitzen никакой объект действия немислим. Такое же отношение мы имеем и в соответствующих русских глаголах *читать*, *сидеть*.

§ 251. Переходность и непереходность глаголов — понятия, которые могут не совпадать в разных языках и которые могут также меняться в одном и том же языке в разные эпохи. Так, например, глагол rennen, равнозначный в современном языке с глаголом laufen и являющийся непереходным, в средневерхненемецком языке употреблялся как переходный глагол, напр.: *daз pfert rennen* — „laufen lassen“. Он находился, таким образом, в том же отношении к глаголу rinnen „laufen“, как trinken к trinken, legen к liegen, т. е. был глаголом каузативным. То же можно сказать о mhd. sprengen (перех. глагол) по сравнению с springen (неперех. глагол).

Глаголы непереходные, интранзитивные, соединяясь с приставкой, зачастую становятся в немецком языке транзитивными (ср. kämpfen — bekämpfen, schießen — erschießen). Меняя несколько свою семантику, они меняют и свою роль в предложении. В ряде таких случаев немецкий язык расходится с русским языком, не имеющим зачастую подобных возможностей транзитивизации; в русском языке в таких случаях прямое дополнение выражается предложными конструкциями. Ср., напр.: *etwas beeinflussen* — „влиять на что-нибудь“, *er wird beeinflusst* — „он испытывает влияние“ (подробнее см. § 450).

§ 252. Целый ряд глаголов могут быть и транзитивными и интранзитивными; при этом они соответственно имеют разные значения, а иногда, кроме того, относятся к разным классам глаголов (к сильным или слабым). К этим глаголам относятся, напр.: *anfangen, beginnen, baden, enden, fahren, jagen, kleben, stecken, trocknen, wiegen, ziehen* и мн. др. Так, *kochen* как интранзитивный глагол означает „кипеть“, как транзитивный — „варить“, напр.: *das Wasser kocht*; — *sie kocht Suppe*. Глагол *erschrecken* как интранзитивный является сильным глаголом и означает „пугаться“, как транзитивный он является слабым и означает „пугать“, напр.: *Der Knabe erschrak bei dem Donner*; — *der Donner erschreckte den Knaben*.

§ 253. Интранзитивные глаголы с возвратным местоимением (*mich, dich, sich* и т. д.) иногда выделяются в грамматиках в особую группу глаголов „среднего залога“ (media), напр.: *sich freuen, sich schämen, sich fürchten, sich wundern* и мн. др. По своему значению они ничем не отличаются от других интранзитивных глаголов. Не следует смешивать эти глаголы с глаголами возвратного залога, с которыми они совпадают по форме (см. § 254).

б) ЗАЛОГИ.

§ 254. Всякий транзитивный глагол позволяет выразить то или иное отношение объективной действительности двояким образом: 1) в качестве подлежащего принимается субъект действия; 2) в качестве подлежащего принимается объект действия. Грамматическая категория, позволяющая соответственным образом построить сказуемое, называется *залогом*.

В немецком языке, равно как и в русском, в спряжении всех транзитивных глаголов различаются два залога: действительный (Aktiv) и страдательный (Passiv). Латинские термины Aktiv и Passiv очень удачно выражают сущность этих залогов: действительный залог употребляется тогда, когда подлежащее является субъектом действия, т. е. когда оно активно; страдательный — тогда, когда подлежащее является объектом действия, т. е. когда оно пассивно. Напр.: глагол *waschen*, как и русское *мыть*, глагол *schreiben*, как и русское *писать*, спрягаются в обоих залогах: *die Mutter wäscht das Kind* „мать моет ребенка“ (Aktiv), *das Kind wird von der Mutter gewaschen* „ребенок моется матерью“ (Passiv); *der Student schreibt einen Brief* „студент пишет письмо“ (Aktiv), *der Brief wird vom Studenten geschrieben* „письмо пишется студентом“ (Passiv).

При некоторых транзитивных глаголах субъект действия может оказаться в то же время и объектом его; такие глаголы имеют еще и третий залог — возвратный (Reflexiv). Такого рода глаголом является, например, *waschen*, как и соответствующий ему русский глагол „мыть“, напр.: *das Kind wäscht sich* „ребенок моется“. В современном русском языке в большинстве глаголов форма возвратного залога совпадает с формой страдательного; в немецком языке они четко различаются.

Примечание I. Так наз. средние глаголы не имеют возвратного значения, хотя совпадают по форме с возвратным залогом и спрягаются одинаково (см. § 312).

Примечание II. Интранзитивные глаголы, не имея объекта, естественно не могут иметь и страдательного залога (однако см. § 309). Может быть правильнее было бы сказать, что в этих глаголах залогов вообще не различаются. Что же касается спряжения интранзитивных глаголов, то оно полностью совпадает со спряжением транзитивных глаголов в действительном залоге; поэтому мы их будем рассматривать вместе.

в) НАКЛОНЕНИЯ (MODI, AUSSAGEWEISEN).

§ 255. Немецкому языку, как и русскому и многим другим языкам, свойственна категория наклонения (модальности). Сущность ее заключается в том, что в глаголе всегда наличен признак, показывающий, идет ли речь о реальном факте¹ или только о возможном, желательном, необходимом и т. д. В первом случае употребляется изъявительное наклонение (Indikativ), в остальных — сослагательное (Konjunktiv) или

¹ Говоря о реальном факте, в данном случае имеют в виду лишь характер подачи этого факта, а не адекватность его объективной действительности.

повелительное (Imperativ), напр.: ich lese „я читаю“, ich läse „я читал бы“, lies „читай“, и т. д.

Изъявительное наклонение можно было бы назвать объективным, так как говорящий, употребляя его, лишь констатирует определенные факты, хотя бы еще предстоящие (например, в будущем времени), не выражая при этом своего отношения к ним.

Напротив, употребляя сослагательное наклонение, говорящий как бы указывает, что данный факт он считает возможным, желательным и т. п.; это наклонение можно было бы поэтому охарактеризовать как субъективное.

Субъективным является также и повелительное наклонение, употребляющееся с совершенно особым оттенком, а именно, для того, чтобы подчеркнуть, что говорящий требует выполнения какого-либо желательного или необходимого действия.

§ 256. Субъективное отношение к высказываемому может быть выражено не только посредством конъюнктива, но и с помощью так называемых модальных глаголов, которыми в первую очередь являются глаголы wollen, sollen, mögen, können, dürfen, müssen, lassen. Модальную функцию могут выполнять также и некоторые другие глаголы, имеющие, кроме того, еще иное употребление; к ним относятся в первую очередь — sein, haben, scheinen, brauchen и glauben. Обороты с этими глаголами, употребляющимися как в индикативе, так и в конъюнктиве, позволяют гораздо больше дифференцировать различные оттенки модальности, чем это имеет место в конъюнктиве: за суммарным по значению выражением ich hätte gesagt скрывается и ich konnte (könnte) sagen, и ich wollte sagen, и ich mußte (müßte) sagen и т. д.

Разнообразие значений модальных глаголов используется там, где конъюнктив оказался бы совершенно беспомощным.

Примеры: Ich *kann* und *darf* nicht hinterhältig sein, fuhr Eduard fort: ich *muß* dir meine Gesinnungen und Vorsätze sogleich entdecken (Goethe). Unruhig wie er war, *sollte* er einen ruhigen Brief schreiben (Goethe).

§ 257. Долженствование, выражаемое настоящим временем конъюнктива (см. § 314), может быть выражено также посредством глаголов sollen и müssen; причем каждый из них имеет особый оттенок значения: sollen — обозначает долженствование как выполнение чужой воли или как нравственную необходимость, müssen — по вынужденности внешними обстоятельствами.

Примеры: Er *sollte* es mir sagen. Er *mußte* früh fortgehen, weil er noch viel zu tun hatte. Bei Tafel *mußte* er neben ihr seinen Platz nehmen (Goethe).

Долженствование может быть выражено также глаголами haben и sein с инфинитивом соответствующего глагола (ср. § 432). Глагол haben употребляется в активных конструкциях, т. е. при подлежащем-субъекте, глагол sein в пассивных, т. е. при подлежащем-объекте. В русском языке аналогичное значение имеет сочетание глагола *иметь* с инфинитивом, но оборот этот очень редок и употребляется только в канцелярском языке, напр.: *заседание имеет быть завтра* и т. п. С глаголом *быть* встречаются только обороты типа — *что тут было делать?*

Примеры: Er *hat* diese Arbeit selbständig *zu machen*. Diese Arbeit *ist zu machen*. Drei Dinge, fing er an, *sind* bei einem Gebäude *zu beobachten* (Goethe). Das *ist wohl zu überlegen* und von mehr als einer Seite *zu betrachten*, versetzte Charlotte (Goethe). Nur eines *habe* ich *zu erinnern*, setzte er hinzu: die Hütte scheint mir *zu eng* (Goethe). Ich *habe* hier nicht die schmachliche Geschichte ihrer Auflösung *zu erzählen* (Marx). Sie *haben* eben nur das Signal *zu geben*, damit das Volk mit allen seinen unerschöpflichen Ressourcen über die Dränger herfalle (Marx).

Глагол *brauchen* служит для выражения смягченного долженствования; он сходен в известной мере с русским глаголом *стоить*, в безличном употреблении (*stoum*); в этой функции глагол *brauchen* употребляется только в вопросительных и отрицательных предложениях, в последнем случае почти обязательно.

Примеры: Du *brauchst* mich nur zu rufen. Er *braucht* heute nicht zu kommen. *Brauchen* wir die Bourgeois zu nennen, die auch von dieser Verleugnung ihrer eigenen Vergangenheit uns kürzlich wieder Beispiele gegeben haben? (Engels). Sie *brauchen* ihre eigenen Mittel nicht allzu bedenklich abzuwägen (Marx).

Уступительное значение имеет глагол *mögen*.

Примеры: *Mag* er reden soviel er will, ich bleibe doch meiner Meinung.

§ 258. Возможность выражается большей частью глаголом *können*.

Примеры: Ich *kann* dir dieses Buch geben. — Dies *konnte* man leicht verstärken und erweitern (Goethe). So *konnte* sie lange sitzen, ohne etwas anderes als den Kopf zu bewegen (Goethe). Ich *kann* nicht kämpfen gegen Sturm und Wellen (Schiller).

При подлежащем-объекте действия возможность может быть выражена глаголом *sich lassen*. В русском языке такой оборот соответствия не имеет.

Примеры: Diese Erscheinung *läßt sich* leicht erklären. — Diese Wirkung *ließ sich* augenblicks in der Gesellschaft empfinden (Goethe).

В немногочисленных случаях возможность выражается глаголом *mögen*.

Примеры: Wie lange *mages* her sein (Goethe). Ich *mag's* und will's nicht glauben, daß mich der Max verlassen kann (Schiller).

Особый оттенок возможности, дозволенность, выражается глаголом *dürfen*.

Примеры: *Darf* ich fragen? Sie war nun einmal zu dem Glücke gelangt, ein Pferd besteigen *zu dürfen* (Goethe). Nur erbat ich mir, in der äußeren Galerie bleiben *zu dürfen* (Goethe).

Наконец, возможность бывает выражена, как и долженствование, глаголами *sein* и *haben* с инфинитивом *с zu* (см. § 257).

Примеры: Diese Aufgabe *ist leicht zu erfüllen*. — Die Proletarier *haben* nichts in ihr *zu verlieren*, als ihre Ketten. Sie *haben* eine Welt *zu gewinnen* (Комм. Ман.). Dorf und Schloß hinterwärts *waren* nicht mehr *zu sehen* (Goethe).

§ 259. Желание может быть выражено в первую очередь глаголом

wollen и затем глаголом *mögen*; последним — особенно в форме претерита конъюнктива (*möchte*).

Примеры: *Ihr werft uns mit einem Worte vor, daß wir Euer Eigentum aufheben wollen*. Allerdings, das *wollen* wir (Komm. Man.). Man *wollte* vorher noch schreiben, abreden, näher bestimmen (Goethe). Dahin, dahin *möcht'* ich mit dir, oh mein Geliebter, ziehn! (Goethe). Ich *möcht'* mich rüstig in die Höhe heben, Doch *kann* ich's nicht! (Heine).

Er hat diese Speise nicht essen *mögen*.

§ 260. Для выражения смягченного приказания (ср. настоящее время конъюнктива) служат глаголы *mögen*, *lassen*, *sollen*.

Примеры: Er *mag* sie nur gleich bringen, rief Luciane (Goethe). Hier *soll* meine Wohnung stehen und nirgends anders (Goethe). Ich will ihn aber gewiß auch malen lassen, und er *soll* mir nicht von der Seite kommen (Goethe). Kommt, Dunois, *laßt* uns der Heldin folgen (Schiller).

§ 261. При помощи модальных глаголов могут быть переданы кроме того различные оттенки вероятности, неуверенности, сомнения; они ставятся при этом преимущественно с инфинитивом вторым, но изредка и с первым; последнее свойственно главным образом разговорной речи. По-русски этим оборотам соответствуют обычные сказуемые с модальными словами, напр.: *пусть, пускай, надо* и др.

Вероятность объективная, вытекающая из обстоятельств, сопутствующих факту, выражается глаголом *scheinen* с инфинитивом. Инфинитив I при этом обозначает действие, одновременное с временем глагола *scheinen*, а инфинитив II — действие, предшествующее ему; напр.: er *scheint* nichts zu verstehen означает „кажется, он ничего не понимает“, er *schien* nichts zu verstehen — „казалось, что он ничего не понимает“, er *scheint* nichts verstanden zu haben „кажется, что он ничего не понял“, er *schien* nichts verstanden zu haben „казалось, что он ничего не понял“.

Примеры: Auch hier *scheint* bereits einige Demoralisation unter den Bauern *ingerissen zu sein* und die militärische Zuverlässigkeit des Haufens *vernichtet zu haben* (Engels, Bauernkrieg). Münzer selbst *scheint* die weite Kluft zwischen seinen Theorien und der unmittelbar vorliegenden Wirklichkeit *geföhlt zu haben* (Engels, Bauernkrieg).

Вероятность, заключенная с чужих слов, выражается глаголом *sollen* обычно с инфинитивом вторым, но иногда и с первым.

Примеры: Er *soll* es ausdrücklich *hervorgehoben haben*. Der Vortrag *soll* interessant *gewesen sein*. Er *soll* krank *sein*. Er *soll* recht *haben*. — An 60000 *sollen* teils *gefallen*, teils *massakriert sein* (Engels, Bauernkrieg).

Вероятность, высказываемая говорящим самим, выражается будущим вторым (см. § 307), а в разговорной речи подчас и будущим первым.

Примеры: Er *wird* schlafen. Er *wird* krank *sein*. Er *wird* alles *zugestanden haben*. — Ach, freilich *werden* sie ihn haben *umbringen wollen* (Lessing). Indes *wird* er, was ich fürchte, *getan*, und was ich wünsche, weit abwärts *gelenkt haben* (Goethe). Es *wird* was anders wohl *bedeutet haben* (Schiller).

Вероятность с оттенком уверенности выражается глаголом *müssen* с инфинитивом вторым.

Примеры: Er *muß* es diesem Buch *entnommen* haben. Er *muß* schon *zurückgekommen* sein.

Сомнительная возможность, неуверенность может быть выражена глаголом *können* и *mögen*.

Примеры: Es *kann* sein. Er *kann* Recht haben. Er *kann* es aus den Zeitungen *erfahren* haben. Es *mag* sein. Er *mag* Recht haben. Der älteste Sohn *möchte* einige Jahre mehr haben als ich (Goethe).

Большая степень сомнения выражается глаголом *dürfen* в форме конъюнктива претерита.

Примеры: Er *dürfte* sich irren. Er *dürfte* es ohne Absicht *gemacht* haben.

Утверждение, исходящее от субъекта данного предложения, в котором сомневается говорящий, выражается глаголами *wollen* с инфинитивом вторым, *lassen* с инфинитивом первым и *glauben* с обоими инфинитивами (о временной дифференциации в последнем обороте см. выше).

Примеры: Er *will* es *gelesen* haben („он утверждает, будто он это читал“). Diese Gelehrten *lassen* alle Sprachen aus einer Ursprache entstehen. Er *glaubt* alles zu wissen. Er *glaubte* sie zu erkennen. Er *glaubte* sie *erkannt* zu haben.

2) ВИДЫ (AKTIONSARTEN).

§ 262. Категория вида, играющая столь важную роль в русском языке, была присуща и древнегерманским языкам. В нововерхненемецком вид как грамматическая категория оказался утраченным (см. § 276). Если глаголы *erblinden*, *erschießen*, *erschließen* и др. и имеют значение совершенного вида, а глаголы *schießen*, *schließen* — значение несовершенного вида, то это теснейшим образом связано с различием в значении этих глаголов и должно быть отнесено к явлениям лексического порядка, а отнюдь не грамматического. Чтобы уяснить себе это, достаточно обратиться к русским глаголам: сравнивая, например, глаголы *идти*, *писать* с глаголами *пойти*, *написать*, мы видим, что приставки *по-*, *на-* только перфективируют указанные глаголы, несколько не меняя их основного значения (это, разумеется, не исключает и того, что эти приставки в других глаголах могут менять их значение, напр.: *падать* — *нападать* и др.). Никакой аналогии этому мы в немецком языке не найдем; приставки *er-*, *ver-*, *be-* и др., игравшие в древние периоды истории немецкого языка такую же роль, как и русские приставки (см. § 276), могут в современном языке придавать глаголу оттенок перфективности, но вместе с этим они обязательно меняют и основное значение глагола. Различие между *schießen* „стрелять“ и *erschießen* „застрелить“ отнюдь не может быть сведено к чисто грамматическому различию.

§ 263. В известном смысле видовое значение имеют обороты с глаголами *pflügen*, *beginnen*, *anfangen* и инфинитивом. Первый обозначает длительное (Durativ) или, точнее говоря, обычное действие, напр.: *man pflegt zu fragen* „обычно спрашивают“. Второй и третий имеют начинательное значение (Inchoativ), напр.: *er begann (fang an) zu reden* „он

заговорил". Эти обороты, однако, никак не могут быть поставлены в один ряд с русскими видами, так как они не входят в систему спряжения глаголов: *er pflegt zu fragen*, например, не является формой глагола *fragen*.

а) ИНФИНИТИВ И ПРИЧАСТИЕ (INFINITIV UND PARTIZIP).

§ 264. Инфинитив, или неопределенная форма. В немецком языке инфинитив и по своему значению и по своей функции занимает промежуточное положение между глаголом и именем существительным. Инфинитив как глагольная форма имеет времена, залогов и т. д., а также участвует в некоторых формах спряжения; как существительное он имеет род и может склоняться. Как существительное инфинитив обозначает преимущественно процесс действия, напр.: *sehen* „видеть“ — *das Sehen* „видение“, *sprechen* „говорить“ — *das Sprechen* „говорение“ и т. д. Как глагольная форма инфинитив является безличной формой.

Примечание. Инфинитив в элементарных грамматиках называется неопределенным „наклонением“. Это, однако, лишено всякого основания, так как неопределенная форма никакой модальности не выражает (см. § 256).

§ 265. Инфинитив II, называемый обычно инфинитивом перфекта, коренным образом отличается от первого. Прежде всего, это чисто глагольная, не субстантивиремая форма. Кроме того, инфинитив II имеет определенное значение прошедшего времени: предложение *er soll geschrieben haben*, несмотря на настоящее время глагола *sollen*, имеет значение прошедшего „он, должно быть, писал“, что обуславливается соответствующим значением инфинитива II (... *geschrieben haben*). С инфинитивом I последний имеет только один общий признак: отсутствие личных форм.

Инфинитив II образуется из причастия II спрягаемого глагола и инфинитива I вспомогательного глагола *haben* или *sein*, напр.: *geschrieben haben, gekommen sein*. Выбор вспомогательного глагола регулируется теми же правилами, что и в сложных формах прошедшего времени (см. § 300 и след.).

§ 266. Транзитивные глаголы имеют, кроме того, два пассивных инфинитива, первый и второй. Разница между ними заключается в том же, что и между инфинитивами действительного залога, т. е. во временном значении. Субстантивироваться пассивные инфинитивы не могут.

Инфинитив I страдательного залога образуется из причастия II спрягаемого глагола и инфинитива I глагола *werden*, напр.: *gefragt werden, geschrieben werden* и т. п.

Инфинитив II страдательного залога образуется из причастия II спрягаемого глагола и инфинитива II глагола *werden*, напр.: *gefragt worden sein, geschrieben worden sein* и т. п.

§ 267. Функции инфинитива в русском и в немецком языке в общем сходны, хотя его употребление в последнем несколько шире, ср. напр.: винительный падеж с инфинитивом (см. § 434).

Прежде всего инфинитив может употребляться в качестве подлежащего и определения (примеры в §§ 424 и 472), даже если в его значении ясно ощущается вербальность.

Далее инфинитив употребляется для обозначения обстоятельства цели (см. § 491). Наконец, инфинитив употребляется при образовании некоторых сложных глагольных форм (будущее первое и второе, инфинитив второй, кондионалис, см. §§ 306, 307, 308, 331, 332), а также в модальных оборотах с глаголами *wollen, sollen, müssen, dürfen, können, mögen, lassen, scheinen, brauchen, sein, haben*.

§ 268. В предложении инфинитив употребляется в двух формах: без *zu* (*der bloße Infinitiv*) и с *zu* (*der präpositionale Infinitiv*). Грамматически разграничить употребление этих форм не представляется возможным, так как почти во всех функциях инфинитив может фигурировать в обеих формах. Инфинитив всегда стоит с *zu* только в качестве определения к существительному, а также как дополнение к именованному сказуемому. Форма с *zu* не употребляется при образовании сложных глагольных форм. Преимущественно с *zu* употребляется инфинитив, служащий для обозначения цели (примеры см. в §§ 472, 491).

§ 269. Конструкция инфинитива с предлогом *zu* восходит к так называемому герундию — отглагольному существительному, засвидетельствованному в родительном и в дательном падежах (средневерхнемецкое *gebennes* — *gebenne*). Первоначально дательный падеж герундия с предлогом *zu* (средневерхнемецкое *ze*, напр.: *ze gebenne*) служит соответственно значению этого предлога для обозначения цели. Впоследствии герундий утратил свое окончание *-ne* и был отождествлен с инфинитивом; конструкция с *zu* получила широкое распространение.

Инфинитив с *zu*, представляющий собой генетически обстоятельство цели, естественно, не мог употребляться после глаголов *wollen, sollen* и других модальных глаголов, так как после них он был прямым дополнением.

§ 270. Причастия представляют собой отглагольные прилагательные; как глагольные формы они имеют залоги, могут иметь времена; как в прилагательных в них различается род, они склоняются. Первое и второе причастия в различной степени связаны с системой глагола. Если причастие II вследствие его участия в образовании ряда сложных форм глагола теснейшим образом связано с последним и рассматривается как одна из основных форм глагола, то причастие I объединяет с глаголом главным образом его семантика.

Различие в значении обоих причастий связано с интранзитивностью или транзитивностью соответствующего глагола.

В причастиях от транзитивных глаголов это различие заключается в залоге: причастие I имеет значение действительного залога, причастие II¹ — страдательного залога, напр.: *der schreibende Schüler, der geschriebene Brief, der fragende Lehrer, der gefragte Lehrer*.

Аналогичное мы имеем и в русском языке, но только с той разницей, что в каждом залоге по-русски различаются два причастия: настоящего и прошедшего времени, напр.: *спрашивающий учитель* — *спрашивавший учитель*; *спрашиваемый учитель* — *спрошенный учитель*. В немецком же языке в причастиях от транзитивных глаголов временное значение почти

¹ Мы здесь, разумеется, имеем в виду причастие II в его самостоятельном употреблении, ибо как часть сложной глагольной формы оно играет лишь роль носителя значения соответствующего глагола. Таким образом, мы не касаемся здесь причастий, которые не могут употребляться самостоятельно (см. § 271).

отсутствует: das liebende Kind и das geliebte Kind различаются только по залого, а не по времени.

Существующие в школьных грамматиках термины „причастие настоящего времени“ (Partizip Präs.) и „причастие прошедшего времени“ (Partizip Perf.) искажают действительное значение этих форм (по крайней мере от транзитивных глаголов) и должны быть отвергнуты. Можно привести много примеров, которые свидетельствуют о вневременном характере причастий транзитивных глаголов. Так, ein besetzter Platz имеет скорее значение настоящего времени; der vom Lehrer gefragte Schüler может быть понято двояко: „ученик, спрашиваемый учителем“ и „ученик, спрошенный учителем“; точно так же двоякое значение имеет das von vielen Säulen getragene Dach; точнее его определяет только время сказуемого, напр.: das von vielen Säulen getragene Dach stürzte ein означает: „крыша, поддерживавшаяся многими колоннами, рухнула“, das von vielen Säulen getragene Dach ist rot означает: „крыша, поддерживаемая многими колоннами, имеет красный цвет“. То же самое можно показать на причастии I: ich sah einen langsam schreibenden Schüler „я видел медленно писавшего ученика“; dort sitzt ein langsam schreibender Schüler „там сидит медленно пишущий ученик“. Таким образом, оба разбираемые причастия могут обозначать действие, одновременное с действием сказуемого.

Иначе дело обстоит с причастиями от интранзитивных глаголов, поскольку оба причастия от этих глаголов имеют значение действительного залога. В данном случае различие между причастиями заключается отчасти во временных отношениях: причастие I имеет значение действия, одновременного со сказуемым, причастие II — предшествующего (по времени) сказуемому, напр. er sieht die aufgehende Sonne — er sah die aufgehende Sonne; er sieht die aufgegangene Sonne — er sah die aufgegangene Sonne и т. п. Из этого, однако, вытекает и чисто видовое различие между двумя причастиями; так, причастие I в этом аспекте имеет значение несовершенного вида, причастие II — совершенного; русским предложениям: „я видел отцветающую розу“ и „я видел отцветавшую розу“ по-немецки соответствует только одно: ich sah die abblühende Rose; предложение же: ich sah eine abgeblühte Rose — означает только „я видел отцветшую розу“.

§ 271. Причастия, являющиеся отглагольными прилагательными, имеют в общем те же функции, что и последние. Вместе с тем в употреблении причастий существует и известное своеобразие.

Причастие I в современном языке употребляется только в атрибутивной функции. Об утраченной ныне предикативной функции его см. § 440.

Причастие II имеет разнообразные функции, зависящие в ряде случаев от характера данного глагола. Причастие II от всех без исключения глаголов может служить для образования сложных глагольных форм; иначе, однако, обстоит дело с употреблением причастия в атрибутивной функции. Здесь следует различать причастие от интранзитивных (в том числе от так называемых средних) и от транзитивных глаголов. Последнее, имеющее пассивное значение, всегда может служить определением; первое встречается в этой функции только от таких гла-

голов, которые всегда имеют или могут иметь перфективное значение (см. § 262), причастие же от имперфективных глаголов в качестве определения, как правило, не употребляется. Так, нельзя сказать: ein *geschlafenes* Kind, der *gegangene* Mann, ein *gelaufener* Hund, eine *geblühte* Blume, но можно сказать: das *ingeschlafene* Kind, die *aufgegangene* Sonne, der *entlaufene* Hund, die *abgeblühte* Blume.

Такое ограничение в употреблении причастия II указанных глаголов объясняется тем, что в древнейший период истории немецкого языка этого причастия от них не существовало вовсе, так как его видовая характеристика (перфективность), четко воспринимавшаяся в ту эпоху, не допускала образования этой формы от имперфективных интранзитивных глаголов.

Отсутствие грамматической категории вида в современном немецком языке, разумеется, должно было обусловить известную неустойчивость этого правила; и, действительно, можно встретить (правда, в виде редких исключений) случаи атрибутивного употребления причастия от интранзитивных глаголов, не имеющих перфективного значения.

Примеры: Eduards lange *bestandene* Verhältnis (Goethe). Das ihm bisher *Wahrgeschienene* (Goethe). Ins *brachgelegene* Saitenspiel (Schiller). Tugendhaft *geschehene* Handlungen (Schiller).

Причастие II всех интранзитивных глаголов, независимо от оттенка их значений, не может быть употреблено как самостоятельное сказуемое; подробнее об этом, а также о предикативной функции причастия транзитивных глаголов см. ниже § 440.

Отсюда видно, что причастие второе от интранзитивных глаголов, не имеющих перфективного значения, употребляется только в качестве составной части сложных глагольных форм.

§ 272. Только в атрибутивной функции может употребляться причастие I с предлогом zu. Ввиду того, что при этом оно имеет значение страдательного залога, причастие от интранзитивных глаголов с предлогом zu не употребляется.

Благодаря предлогу zu причастие не только становится из активного пассивным, но и приобретает значение долженствования или возможности. Так, ein *zu lesendes* Buch — означает не только „читаемая книга“, но и „книга, которая может или должна быть прочитана“. Модальный оттенок значения этого оборота придаст ему также значение будущего времени; он называется поэтому в некоторых грамматиках Partizipium Futuri.

Своим происхождением этот оборот обязан тому же герундию, к которому восходит сочетание инфинитива с zu (см. § 269). Связь между этими двумя оборотами не только генетическая, она ощущается и в современном языке. Причастию с zu соответствует инфинитивное сказуемое с zu, напр.: ein *zu lesendes* Buch — das Buch ist zu lesen; die *zu verbessernden* Fehler — die Fehler sind zu verbessern и т. п.

§ 273. Причастие I образуется от всех глаголов одинаково: к основе инфинитива прибавляется суффикс -(e)nd, напр.: sagend, schreibend, ausstellend, wissend, bringend, werdend, sammelnd и т. п.

§ 274. Причастие II сильных глаголов имеет суффикс **-en**, а коренной гласный соответственно чередованию по аблауту может быть сходным с коренным гласным инфинитива или претерита, но может и отличаться от обоих (см. § 104). Примеры: *fahren* — *gefahren*, *schreiben* — *geschrieben*, *beginnen* — *begonnen*.

Причастие II слабых глаголов имеет суффикс **-t**, коренной гласный остается без изменения, напр.: *gesagt*, *gemacht* и т. п.

Причастие II смешанных глаголов имеет суффикс **-t**, а форма корня совпадает с формой корня в претерите, напр.: *gekannt*, *gedacht*, *gebracht*.

Причастие II глаголов *praeterito-praesentia* может иметь двоякую форму. Либо оно образуется как причастие слабых глаголов с суффиксом **-t**, причем коренной гласный совпадает с коренным гласным претерита; напр.: *gedurft*, *gewußt* и т. п., либо оно совпадает по форме с инфинитивом (см. § 304 прим.).

Причастие II неправильных глаголов имеет следующую форму: *gewesen*, *gehabt*, *getan*, *(ge)worden*.

§ 275. Кроме суффикса причастие II всех глаголов, имеющих ударение на первом слоге, независимо от принадлежности данного глагола к тому или иному классу, характеризуется префиксом **ge-**. При этом в причастии II от простых глаголов префикс **ge-** стоит перед корнем, т. е. в начале слова, напр.: *gemacht*, *getragen*, *gebrannt*. В причастии сложных глаголов с отделяемыми приставками префикс **ge-** также стоит непосредственно перед корнем, т. е. в середине слова, напр.: *aufgenommen*, *abgesagt*, *abgebrannt*, *stattgefunden* (об отклонениях типа *gekennzeichnet* вместо *kenngezeichnet* см. § 276). В обоих случаях ударение в глаголе стоит на первом слоге.

В причастии II глаголов, не имеющих ударения на первом слоге, префикс **ge-** отсутствует вовсе. Здесь следует различать две группы: глаголы с неотделяемыми приставками и глаголы с суффиксом **-ier-** (преимущественно иностранные заимствования), напр.: *zerlegt*, *verstanden*, *erkannt*, *bedurft*, *durchzogen*, *übersetzt*, *studiert*, *marschiert* и т. п.

§ 276. Наличие или отсутствие префикса **ge-** в причастии II, регулируемое в современном языке чисто ритмическим правилом наличия или отсутствия ударения на первом слоге, первоначально было обусловлено причинами семантического порядка.

Дело в том, что, как указывается в § 262, в древних германских языках, в том числе и в древневерхненемецком, существовало аналогично славянским языкам различие совершенного и несовершенного вида. Приставки **be-**, **er-**, **ver-**, **zer-**, **ent-**, **ge-** и другие неотделяемые приставки, представляющие собой наиболее древние глагольные приставки, утратившие в исторические времена свое самостоятельное значение, придавали глаголу значение совершенного (перфективного) вида. Такая роль приставок станет совершенно понятной, если вспомнить, что и по-русски приставки часто перфективируют глагол, напр.: *писать* — *написать*, *искать* — *отыскать* и т. п.

Приставка **ge-** отличалась от остальных приставок тем, что она была семантически ослаблена и не меняла или почти не меняла основного значения глагола; благодаря этому она легко превратилась в чисто служебную приставку, служащую для перфективирования имперфективных глаголов. Для этой цели она могла прибавляться к любой глагольной форме: к инфинитиву, к настоящему времени и т. п. Так, например, в средневерхненемецком *trösten* „утешать“ — *getrösten* „утешить“; *hören* „слышал“ — *gehörte* „услышал“; *tuon* „делать“ — *getuon* „сделать“ и т. п.

Таким образом, первоначально приставка **ge-** вовсе не была ограничена причастием II. Более того, в готском языке она могла быть в причастии только тех глаголов, которые имели ее и в других формах; так, от глагола *saihwan* „видеть“ причастие II было *saihwans*, а от глагола *gasaihwan* „увидеть“ причастие II было *gasaihwans*.

В древневерхненемецком и особенно в средневерхненемецком приставка **ge-** стала присоединяться к причастию II (в силу его специфического значения) всех глаголов; таким образом, в средневерхненемецком причастие II и от глагола *hœren* „слышать“ и от глагола *gehœren* „услышать“ было одинаково *gehört*.

Что же касается глаголов с приставками, то **ge-** в причастии от них было совершенно излишним, поскольку оно перфективировалось уже основной приставкой. Такое положение вещей сохранилось и до настоящего времени, хотя и оказалось переосмысленным.

Так как перфективирующая роль приставки **ge-**, равно как и категория вида вообще, оказались утраченными, то причину отсутствия **ge-** в причастиях от глаголов с неотделяемыми приставками стали видеть в чисто фонетическом явлении — в месте ударения. Приставку **ge-** стали опускать не только в причастии от глаголов со старыми неотделяемыми приставками, но также и в причастии от глаголов с новыми приставками *über-*, *um-*, *durch-* и др. (см. § 407) в том случае, когда они оказывались неударяемыми, и, наконец, в причастии простых глаголов, если только ударение в них не стоит на первом слоге (примеры см. в конце предыдущего параграфа).

Исключение из нового правила представляют прежде всего причастия от глаголов типа *anerkennen*, *aufbewahren*, т. е. от глаголов с отделяемой приставкой перед неотделяемой. Несмотря на наличие ударения на первом слоге, причастие II от этих глаголов не имеет приставки **ge-**: *anerkannt*, *aufbewahrt* и т. п. В этом играют роль, повидимому, два обстоятельства: 1) непривычность употребления **ge-** перед неотделяемыми приставками и 2) непривычность скопления приставок.

Особый случай представляют также причастия от глаголов, в которых первой частью являются многосложные наречия с ударением не на первом слоге (*hin'auf*, *her'ab*, *ausei'lander*, *zu'stande* и т. п.); в них, несмотря на неударенность 1-го слога, приставка **ge-** в причастии обязательна и стоит перед корнем глагола (*hinaufgegangen*, *herabgefallen* и т. п.). Это обусловлено тем, что указанные наречия сохраняют еще в полной мере свое адвербиальное значение, а также нередко и самостоятельное существование; некоторые из них, например, не всегда пишутся вместе с глаголом; так *zustandekommen* пишется также *zustande kommen* и даже *zu Stande kommen*.

Излишней была приставка **ge-**, кроме того, в причастии некоторых простых глаголов, которые уже по своему основному значению были перфективными; к этим глаголам относятся: *werden* „стать“, *kommen* „прийти“, *bringen* „принести“ и некоторые другие. В современном языке сохраняется в качестве переклика только в пассиве форма *worden* (напр., *es ist gesagt worden*).

Отделяемые глагольные приставки (*an-*, *auf-* и т. п.) гораздо позже утрачивают свое значение самостоятельных наречий. Лишь в средневерхненемецком языке они становятся глагольными приставками, хотя в это время они еще сохраняют в известной степени свою самостоятельность. Последняя выражалась между прочим в раздельном написании приставки — наречия и глагола во всех формах, причем место ее в предложении не было предопределено, напр.: *man hiez binden an*, *man hiez an binden*.

Таким образом, когда к концу средневерхненемецкого периода отделяемые приставки, утратив свое адвербиальное значение, окончательно закрепились за глаголом, то они застали в причастии II префикс **ge-** и оказались поэтому перед ним. По аналогии с этими глаголами образуется причастие от глаголов с новыми приставками или от сложных глаголов, первой частью которых является существительное, прилагательное и т. п.

Некоторые глаголы, как например *kennzeichnen*, *ratschlagen* и др., формально также являются сложными глаголами; по существу же это производные глаголы от сложных существительных (*Kennzeichen*, *Ratschlag* и т. п.), поэтому в причастии II от них префикс **ge-** стоит в самом начале, а не непосредственно перед корнем.

β) Спряжение глаголов (Konjugation).

а) ИНДИКАТИВ (INDIKATIV).

1) Действительный залог (Aktiv).

§ 277. Настоящее время (Präsens) служит в основном для обозначения действия, происходящего в момент, одновременный с данным высказыванием. Наряду с этим оно употребляется и как вневременное в общих суждениях, напр. *der Mensch ist sterblich; die Katze ist ein Tier* (ср. русск. *человек смертен, кошка — животное*) и т. п. Как вневременное оно широко используется в научной литературе, где оно служит для обозначения категорического утверждения. Говоря: „*Die Reaktion geht dabei rascher vor sich*“ (ср. русское — *Реакция при этом протекает быстрее*), автор желает подчеркнуть, что не только в описанном им единичном опыте, а всегда в данных условиях реакция должна протекать быстрее. Вневременный характер настоящего времени сказывается и при обозначении постоянного занятия: *er arbeitet in einer Fabrik, ich studiere Philologie* (ср. русск. *он работает на фабрике, я изучаю филологию*) или какого-нибудь специального умения; *er spricht deutsch*, как и русское *он говорит по-немецки*, означает, что он вообще умеет говорить по-немецки, хотя в данный момент может быть и не говорит. Мы видим, что употребление настоящего времени во вневременном значении в немецком и в русском языке целиком совпадает.

Настоящее время далее нередко, особенно в разговорной речи, функционирует в смысле будущего времени; так, например, *ich komme* означает не только „я прихожу“, но и „я приду“; больше того: без обстоятельственных слов (напр.: *immer, jeden Tag* и т. п.) *ich komme* — скорее имеет смысл будущего, а не настоящего времени. Аналогичное, хотя и в меньшей степени, мы наблюдаем и в русском языке; так, например, предложение *я иду в театр* подобно немецкому *ich gehe ins Theater* может означать „я пойду в театр“.

В древневерхнемецком, как и в других древних германских языках, особой формы будущего времени не существовало, она заменялась формой Präsens. Отзвуки этого состояния мы и находим в современном языке. Особенно четко значение будущего времени сказывалось в форме настоящего времени от перфективных глаголов. Интересно отметить, что в русском языке простое будущее (*возьму, скажу* и т. п.) это не что иное, как настоящее время глаголом совершенного вида. Глагол *kommen* — старый перфективный глагол, поэтому-то *ich komme* и имеет прежде всего значение „я приду“.

Настоящее время, кроме того, в немецком языке, как и в русском, может употребляться вместо прошедшего; это так называемое *Praesens historicum*, т. е. „исторический Praesens“. Это употребление настоящего времени, свойственное и литературному и разговорному языку, имеет чисто стилистическое значение; повествуя о прошедшем, оно как бы переносит его в настоящее и делает этим более живым, эмоционально более ярким.

Примеры: *Aufs äußerste über diese Wortbrüchigkeit entrüstet, doch von ihrer Geistesgegenwart nicht verlassen, befiehlt sie ihrer ganzen Diener-*

schaft sich in aller Geschwindigkeit und Stille zu bewaffnen und die Schloßpforten wohl zu verriegeln; sie selbst *begiebt* sich wieder nach dem Saale, wo die Fürsten noch bei Tische *sitzen*. Hier *klagt* sie ihnen in den beweglichsten Ausdrücken, was ihr eben hinterbracht worden (Schiller).

§ 278. Все сильные, слабые и смешанные глаголы имеют в настоящем времени одну и ту же систему личных окончаний, которая приводится в следующей таблице:

Окончания глаголов в настоящем времени.

Лицо	Число	
	Единств.	Множеств.
1-е	-e	-[e]n
2-е	-(e)st	-(e)t
3-е	-(e)t	-[e]n

Гласный *e*, поставленный нами в круглые скобки, в средневерхне-немецком языке обязательно присутствовал во всех глаголах; в нововерхнемецком он сохранился по условиям чисто фонетического порядка только в ограниченном числе глаголов; большинство же их утратило этот гласный. Утверждение, что гласный *e* вставляется в некоторых глаголах „для благозвучия“, встречающееся в учебниках грамматики, не соответствует действительности; гласный *e* не вставляется ни для какой цели, он сохраняется по определенным причинам.

Гласный *e* в окончаниях 1 и 3 л. множ. ч. заключен в таблице в квадратные скобки, потому что он хотя и налицен в большинстве глаголов, но не во всех; в ряде глаголов, о которых речь будет ниже (см. § 282), он опускается.

§ 279. Гласный *e* сохраняют в окончаниях 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. множ. ч. следующие глаголы.

1. Слабые и смешанные глаголы, основа которых оканчивается согласными «*d*, *t*» и сочетаниями согласных «*gn*, «*çn*, «*fm*, «*dn*», напр.: *redest*, *redet*; *wendest*, *wendet*; *wartest*, *wartet*; *begegnest*, *begegnet*; *zeichnest*, *zeichnet*; *ordnest*, *ordnet*; *atmest*, *atmet*.

2. Сильные глаголы, основа которых оканчивается согласными *d* и *t*, если при этом коренной гласный не имеет умлаута или преломления, напр.: *schneidest*, *schneidet*; *schreitest*, *schreitet*; *findest*, *findet*.

Если во 2 л. ед. ч. в разговорном языке *e* может и отсутствовать, то в 3 л. ед. ч. и 2 л. множ. ч. это невозможно. Причины этого следует искать не в фонетике, а в морфологии и семантике. При отсутствии гласного *e* в окончании указанные формы теряли бы свою выразительность; согласный *t* окончания сливался бы с конечным *t* основы, и, таким образом, эти формы совпадали бы с последней.

Иначе дело обстоит в сильных глаголах, основа которых оканчивается на те же согласные, если коренной гласный этих глаголов чередуется в настоящем времени по умлауту или преломлению, т. е. если в инфинитиве корень их имеет гласные *a* или *e*. В этих глаголах гласный *e* в окончании 2 и 3 л. ед. ч. не сохранился, потому что благодаря

чередованию коренного гласного форма третьего лица сохраняет свою выразительность; так в формах *tät, hält, tritt* признаком третьего лица являются гласные, отличающиеся от гласных других форм *taten, halten, treten*. Напротив, во 2 л. множ. ч. *e* в окончании сохраняется ввиду того, что коренной гласный в этой форме не имеет ни умлаута, ни преломления, напр.: *tatet, haltet, treten*.

§ 280. Кроме случаев, рассмотренных в предыдущем параграфе, существует тенденция сохранить *e* в окончании 2 л. ед. ч. сильных и слабых глаголов, имеющих в конце основы согласные *<z, s, ts>*. Эта тенденция, обусловленная стремлением отличить 2 л. от 3 л., не осуществляется полностью: наряду с формами *kreisest, liesest, stößest, heizest*, сохраняющимися главным образом в письменном языке, существуют господствующие в разговорном языке формы *kreist, liest, stößt, heizt*, являющиеся одновременно также формами 3 лица.

§ 281. Гласный *e* в окончании 2 л. ед. ч. может сохраниться, наконец, в глаголах с конечным согласным основы *<f>*. Так, наряду с *wächst, kreischst* — существует и *wäschest, kreischest*.

Примечание. Кроме всех этих случаев, следует особо отметить, что в поэтической речи архаические формы с гласным *e* перед флексией употребительны от всех глаголов; отчасти это может быть вызвано условиями стиха.

Примеры: *Jeder treibt sich an dem andern rasch und fremd vorüber und fraget nicht nach seinem Schmerz (Schiller)*. *Über allen Gipfeln ist Ruh; In allen Wipfeln Spürest du Kaum einen Hauch; Die Vögelein schweigen im Walde. Warte nur, Balde ruhest du auch (Goethe)*. *Liebchen, wie du dich auch wehrest, Weiß ich doch, was du erlaubst! Glauben will ich, was du schwörest, Schwören will ich, was du glaubst. (Heine)*.

§ 282. Часть слабых глаголов утратила гласный *e* не только в окончаниях 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. множ. ч., но также и в 1 и 3 л. множ. ч. и, следовательно, в совпадающем с ними инфинитиве и, кроме того, в Partizip I. Это глаголы, основа которых оканчивается на *-el, -er*, напр.: *sammeln, vergößern*.

§ 283. Определенная группа сильных глаголов имеет в настоящем времени наряду с флексией чередование коренного гласного, умлаут или преломление (см. §§ 102 и 107). Так, в глаголах с коренными гласными *a, o, e, au* во 2 и 3 л. ед. ч. имеет место чередование этих гласных с *ä, ö, i(ie), äu*, напр.: *falle — fällst — fällt; fahre — fährst — fährt; stoße — stößest — stößt; laufe — läufst — läuft; werfe — wirfst — wirft; nehme — nimmst — nimmt; sehe — siehst — sieht* и т. п.

Примечание I. Некоторые сильные глаголы с указанными коренными гласными не имеют чередования; это, во-первых, ряд глаголов, которые находятся на стадии перехода из класса сильных в класс слабых, а именно: *saugen, schaffen, stecken, pflügen, bewegen*; во-вторых, глаголы, которые в силу особых причин не имели преломления в древневерхненемецком языке (см. § 107) и сохраняют эту особенность до настоящего времени. К этой группе относятся глаголы *gehen* и *stehen*, которые имели особую систему личных окончаний (без гласного *i* во 2 и 3 л. ед. ч., вызывающего преломление), и глаголы *heben* и *weben*, в которых коренное *e* не является исконным, а возникло в результате умлаута под влиянием *j* (исконными формами инфинитива этих глаголов были **hafjan, *wabjan*).

Примечание II. В ряде диалектов указанные чередования не имеют места; в них встречаются в 3 л. ед. ч., например, следующие формы: *fahrt, fallt, stoßt, drescht, lest, stellt* и т. п.

Сильные глаголы, имеющие иные коренные гласные, чем перечисленные выше, а также все слабые и смешанные глаголы независимо от их коренного гласного не знают чередований в настоящем времени.

Только от сильных глаголов с гласными *i* в *Infinitiv'e* (из средневерхненемецкого дифтонга *ie*) можно встретить преимущественно в старых текстах, а также в диалектах формы настоящего времени с дифтонгом *ei* «*ei*» (из обязательного в этих формах средневерхненемецкого *iu*); особенно прочно сохраняются *zeugst, zeugt, kreuchst, kreucht, fleugst, fleugt*, наряду с принятыми в литературном языке *ziehst, zieht; kriechst, kriecht; fliegst, fliegt*.

Примеры: *Was da kreucht und fleugt* (Schiller).

От глагола *kommen*, наряду с общепринятыми формами, встречаются формы *kömmst, kömmt*.

§ 284. Слабые глаголы с окончанием основы на *-el, -er*, напр.: *zweifeln, erbittern* могут иметь в 1 л. ед. ч. *-l, -r* и *-el, -er* — *zweifele* и *zweifle, erbittere* и *erbittre*. Для разговорного языка более обычна сокращенная форма.

§ 285. В настоящем времени первая часть (в большинстве случаев приставка) всех сложных глаголов, если на ней стоит ударение, в главном предложении отделяется.

Связь этого явления с ударением (см. § 116) вещь новая. Генезис его следует искать в том, что отделяемые приставки как самостоятельные наречия искони существовали отдельно. Проблемой, следовательно, является не то обстоятельство, что приставки отделяются, а то, что они в некоторых глагольных формах существуют нераздельно с глаголом. Истории этого вопроса посвящена часть § 276.

По соображениям, изложенным там же, не отделяется первая часть глаголов типа *kennzeichnen, ratschlagen* и т. п. Настоящее время от них будет: *es kennzeichnet, ich ratschlage* и т. п.

Напротив, глаголы с ударяемыми приставками перед неударяемыми подчиняются в данном случае общему правилу: настоящее время от глаголов типа *anerkennen, aufbewahren* — будет *ich erkenne an, ich bewahre auf*, хотя в разговорном языке могут встретиться также формы *ich anerkenne, ich aufbewahre*.

§ 286. Мы приводим в следующих таблицах образцы основных типов спряжения сильных, слабых и смешанных глаголов.

I. Глаголы без чередования коренного гласного с окончанием основы на губные, среднеязычные и заднеязычные согласные или на гласные, а также сонанты:

sag-e	ruf-e	dreh-e	kenn-e
sag-st	ruf-st	dreh-st	kenn-st
sag-t	ruf-t	dreh-t	kenn-t
sag-en	ruf-en	dreh-en	kenn-en
sag-t	ruf-t	dreh-t	kenn-t
sag-en	ruf-en	dreh-en	kenn-en

II. Глаголы без чередования коренного гласного с окончанием основы на переднеязычные смычные согласные:

red-e	find-e	wend-e
red-est	find-est	wend-est
red-et	find-et	wend-et
red-en	find-en	wend-en
red-et	find-et	wend-et
red-en	find-en	wend-en

III. Глаголы с окончанием основы на переднеязычные, щелевые и аффрикаты:

hass-e	blas-e	reiz-e
hass-est или haß-t	bläs-est или bläst	reiz-est или reiz-t
haß-t	bläs-t	reiz-t
hass-en	blas-en	reiz-en
haß-t	blas-t	reiz-t
hass-en	blas-en	reiz-en

IV. Глаголы с чередованием коренного гласного с окончанием основы на губные, среднеязычные и заднеязычные согласные или на гласные:

geb-e	sprech-e	trag-e	seh-e
gib-st	sprich-st	träg-st	sieh-st
gib-t	sprich-t	träg-t	sieh-t
geb-en	sprech-en	trag-en	seh-en
geb-t	sprech-t	trag-t	seh-t
geb-en	sprech-en	trag-en	seh-en

V. Глаголы с чередованием коренного гласного с окончанием основы на переднеязычные смычные:

halt-e	lad-e	tret-e
hält-st	läd-st	tritt-st
hät-t	läd-t	tritt-t
halt-en	lad-en	tret-en
halt-et	lad-et	tret-et
halt-en	lad-en	tret-en

VI. Глаголы с окончанием основы на **-el, -er**:

zweifel-e или zweif-e	wandr-e или wander-e
zweifel-st	wander-st
zweifel-t	wander-t
zweifel-n	wander-n
zweifel-t	wander-t
zweifel-n	wander-n

VII. Сложные глаголы с отделяемой первой частью:

nehm-e teil	zeig-e an	denk-e aus
nimm-st teil	zeig-st an	denk-st aus

nimm-t teil	zeig-t an	denk-t aus
nehm-en teil	zeig-en an	denk-en aus
nehm-t teil	zeig-t an	denk-t aus
nehm-en teil	zeig-en an	denk-en aus

§ 287. В диалектах южной Германии, наряду с простой формой настоящего времени, существует и сложная форма, образованная из инфинитива спрягаемого глагола и настоящего времени вспомогательного глагола, каковым в данном случае является *tun*. В этих диалектах, наряду с *ich schreibe, du schreibst* и т. п. (а иногда и вместо этого), говорят *ich tu schreiben, du tust schreiben* и т. п. Любопытно отметить, что в этих же диалектах отсутствует и претерит, последовательно замененный перфектом (см. § 292).

§ 288. Как уже было указано в § 247, особенность глаголов *praeterito-praesentia* заключается в том, что они в настоящем времени имеют окончания претерита (см. § 294) и, кроме того, в единственном и во множественном числе большинства из них гласный корня не одинаков (исключение — глагол *sollen*); при этом следует указать, что во множественном числе он совпадает с коренным гласным инфинитива соответствующего глагола.

will-	kann-	muß-	soll-	darf-	mag-	weiß-
will-st	kann-st	muß-t	soll-st	darf-st	mag-st	weiß-t
will-	kann-	muß-	soll-	darf-	mag-	weiß-
woll-en	könn-en	müss-en	soll-en	dürf-en	mög-en	wiss-en
woll-t	könn-t	müß-t	soll-t	dürf-t	mög-t	wiß-t
woll-en	könn-en	müss-en	soll-en	dürf-en	mög-en	wiss-en

§ 289. Неправильные глаголы спрягаются в настоящем времени следующим образом:

bin	werde	tue	habe
bist	wirst	tust	hast
ist	wird	tut	hat
sind	werden	tun	haben
seid	werdet	tut	habt
sind	werden	tun	haben

Примечание. Таким образом глагол *tun* в настоящем времени спрягается правильно.

В глаголе *werden* неправильно только 2 л. ед. ч.

§ 290. Прошедшее время. В пемецком языке имеются три формы прошедшего времени: претерит, перфект, плюсквамперфект. Семантику этих трех форм, а также их соотношение с разными формами прошедшего времени в русском языке удобнее всего показать на истории их развития.

В древнейший период истории немецкого языка существовала только одна форма прошедшего времени — претерит. Сочетания глаголов *haben* и *sein* с причастием имели место в древневерхненемецком языке, но там оба элемента этих сочетаний сохраняли самостоятельное значение; *ich habe (hatte) es gefunden* означало „*ich habe (hatte) es als Gefundenes*“; *er ist (war) gekommen* означало „*er ist (war) ein Gekommener*“.

В конце древневерхнемецкого периода эти свободные сочетания осмысляются как единые глагольные формы с определенным видовым значением. Сочетания с вспомогательным глаголом в настоящем времени получили значение совершенного вида, при котором результат действия налицо в настоящем: *ich habe es gefunden* „я имею это найденным“, т. е. „я нашел это и имею сейчас“. Сочетания же с вспомогательным глаголом в претерите стали означать, что результат действия был в прошлом, напр.: *ich hatte es gefunden* „я имел это найденным“, т. е. „я нашел это и имел раньше“.

Итак, вновь возникшая глагольная форма, именуемая перфектом, служила для обозначения действия, совершившегося в прошлом и закончившегося к настоящему времени; форма плюсквамперфекта служила для обозначения действия, совершившегося в прошлом и закончившегося в прошлом же.

В нововержнемецком периоде грамматическая категория вида была утрачена. В современном языке перфект только в определенном контексте может еще толковаться как форма совершенного или результативного вида, сам же по себе он этого значения не имеет. Коренное различие между русским глаголом и немецким в том и заключается, что последнему чужда категория вида.

§ 291. Плюсквамперфект (Plusquamperfekt). Ближе к старому значению стоит плюсквамперфект, наиболее четко отличающийся по своей семантике и по употреблению от претерита и перфекта.

Он и сейчас может употребляться для обозначения действия, закончившегося в прошедшем (в немецких грамматиках его называют *vollendete Vergangenheit*); так, в диалоге: *Anna kam aus dem Theater zu mir. — Und Peter? — Er war nach Hause gegangen*, сказуемое последнего предложения имеет определенно перфективное значение. *Er war nach Hause gegangen* значит „он ушел домой“, а не „он шел домой“.

Однако в основном плюсквамперфект употребляется в современном языке как относительное время, как предпрошедшее. Законченность в прошедшем переосмыслена как обозначение прошедшего, происшедшего до другого прошедшего; последнее обозначается претеритом, предпрошедшее — плюсквамперфектом.

Примеры: *Als sie die Straße vor unserem Hause erreicht hatten, machte der Karren halt* (Sto rm). *Das feine Dirnchen war zwischen den Kisten aufgestanden, streckte das Köpfchen aus der Kapuze ihres Mäntelchens und sah mit ihren großen Augen auf mich herab* (Sto rm).

Таким образом плюсквамперфект встречается преимущественно в слитном или сложном предложении; в последнем случае — большей частью в придаточном, реже встречается обратная последовательность времен с претеритом в придаточном предложении.

Примеры: *Am 22. zogen die Bauern wieder ab, nachdem sie eine kleine Besatzung hinterlassen hatten* (Engels, Bauernkrieg). *Als er blind geworden war für deine Züge, durch sein taubes Ohr, trug er noch immer dein Bild im Herzen* (Grillparzer). *Aber seine Furcht war früher da, als die Gefahr, und er war ruhig im Tumult, weil er in der Ruhe gezittert hatte* (Schiller).

§ 292. Претерит и перфект (Praeteritum und Perfekt). В грамматиках немецкого языка для русских как старых, так в значительной части и новых претерит отождествляется с русским прошедшим временем несовершенного вида, перфект — с прошедшим совершенного вида. Такая трактовка поддерживается и терминологией, введенной

в школьную немецкую грамматику еще в XVI веке по образцу грамматики латинского языка. Претерит (термин, принятый в научной грамматике) по этой терминологии называется имперфектом (Imperfekt), что означает „несовершенный“ в противоположность перфекту, означаемому „совершенный“.

Достаточно сколько-нибудь внимательно проанализировать немецкий текст, чтобы убедиться в несостоятельности отождествления претерита или перфекта с тем или иным видом русского глагола. Так, в следующем отрывке из „Эгмонта“ Гете: Ich *liebt'* ihn nicht. Er *war* der reiche Mann und *lockte* des Armen einziges Schaf zur besseren Weide *herüber*. Ich *habe* ihn nie *verflucht*, претериту lockte über по-русски будет соответствовать совершенный вид („он переманил“), а перфекту Ich habe ihn nie verflucht — несовершенный („Я никогда не проклинал его“). Значение совершенного вида имеет с русской точки зрения претерит *verfiel* в следующем предложении: Endlich, als der Morgen zu grauen *begann*, *verfiel* ich in einen Zustand zwischen Wachen und Schlummern (K. F. Meyer) („впал в состояние“).

Во всех школьных немецких грамматиках и в некоторых научных грамматиках игнорируются те существенные сдвиги в строе немецкого языка, которые имели место на протяжении нововерхненемецкого периода. Исходя из первоначального значения перфекта (см. § 290), его называют „настоящим временем совершенного вида“ (vollendete Gegenwart), желая выразить этим, что действие, обозначаемое этой формой, закончено в прошлом и результат его существует в настоящем времени. Не говоря уже о том, что перфект в современном языке не является настоящим временем, множество примеров можно привести в опровержение утверждения, будто он выражает связь с настоящим. Вот один такой пример из Шиллера: Seid mir willkommen, Sir, in England. Ihr *habt* den großen Weg *gemacht*, *habt* Frankreich *bereit* und Rom und Euch zu Rheims *verweilt*. В Ihr *habt* zu Rheims *verweilt* („Вы пребывали в Реймсе“) никакой связи с настоящим установить невозможно, как нельзя установить в этом обороте значения совершенного или результативного вида.

Совершенно неправильным является также определение претерита как „прошедшего времени несовершенного вида“ (unvollendete Vergangenheit). Так, в следующем примере из Шиллера: Vor diesem Hause hielt er wundernd an, Doch ich *erhub* mich schnell und unterwürfig, Wie sich's gebührt, trat ich dem Herrn entgegen — форма претерита употреблена со значением совершенного вида („я поднялся“).

Все это, разумеется, не исключает того, что во многих случаях претерит действительно имеет значение несовершенного вида, а перфект совершенного вида.

Примеры: Ungeheure Berge *umgaben* mich, Abgründe *lagen* vor mir, und Wettenbäche *stürzten* herunter (Goethe). *Verlassen* hab ich Feld und Auen (Goethe). Man *hat* von meinen treuen Kammerfrauen, von meinen Dienern mich *getrennt* (Schiller), („Горы окружали меня“, „Я покинул...“, „меня разлучили“).

Сохранение в том или ином конкретном случае старого значения не

говорит еще, однако, о том, что это значение присуще данной морфологической категории как таковой.

Итак, в современном немецком языке нет разницы в значении между перфектом и претеритом: *ich habe gesagt* и *ich sagte*, например, взятые вне контекста, означают одно и то же. Отсутствие различия между этими формами прошедшего времени подтверждается, между прочим, и тем, что в некоторых диалектах южной Германии перфект совершенно вытеснил претерит. То же наблюдается и в разговорном языке (*Umgangssprache*) южных городов. В северной Германии, наоборот, существует тенденция к вытеснению перфекта. Само собой разумеется, что это могло произойти только вследствие однозначности этих форм. Формы, имеющие разное значение, не могли бы заменять одна другую.

В литературном языке прочно сохраняются обе формы; однако, различие между ними следует искать не в значении, а в употреблении. Правило употребления перфекта и претерита было вскрыто еще в конце XVIII века крупнейшим грамматиком того времени Аделунгом. Он пишет: „Перфект стоит, если прошедшее изображается само по себе и без связи с другим событием. Поэтому перфект может употребляться и тогда, когда несколько событий представляются поставленными отдельно рядом, а не следующими друг за другом“. „Имперфект (мы бы сказали претерит) употребляется в связных повествованиях, где вещи изображаются следующими друг за другом“.

Отсюда пошло распространенное в наших советских учебниках определение претерита как прошедшего повествовательного и перфекта как прошедшего разговорного. В отношении перфекта это определение отходит от правила Аделунга и является ошибочным, так как употребление этой формы вовсе не ограничивается областью разговорного языка. Перфект широко распространен как в художественной, так и в научной литературе. Если повествование ведется в настоящем времени и в него необходимо вставить прошедшее, тогда почти всегда употребляется перфект, а не претерит. Наряду с последовательностью времен: плюсквамперфект — претерит (см. § 291) можно, таким образом, установить последовательность: настоящее время — перфект. Напр.: *Noch hat man sich kaum niedergesetzt, als ein Eilbote die Gräfin (Katherine von Schwarzburg) aus dem Saale ruft (Schiller)*.

Нужно сказать, что правило Аделунга, вскрывая самое существо дела, представляет все же только тенденцию, а не твердый закон, действующий во всех случаях. Нередко в одном и том же предложении (сложном или слитном) можно встретить и претерит и перфект. Иногда это можно объяснить соображениями стилистического порядка. Так, Герман Пауль считает, что Шиллер в предложениях: *wir waren Troer! Troja hat gestanden* — употребляет разные формы, чтобы получить нужный порядок слов. Этим же он объясняет, между прочим, и то, что он сам одну из своих работ назвал *Gab es eine mhd. Schriftsprache?* Повидимому, ритмическими соображениями нужно объяснить различие форм в последнем предложении Вертера: *Handwerker trugen ihn, kein Geistlicher hat ihn begleitet*.

Таким образом, необходимо еще раз подчеркнуть, что в современ-

ном немецком языке различие между претеритом и перфектом сводится в общем к употреблению этих форм, а не к их значению. В современном литературном языке существует тенденция (а не правило) употреблять претерит в связном повествовании о прошедших событиях, а перфект в тех случаях, когда о прошедшем только упоминается в связи с настоящим.

§ 293. Основа претерита сильных глаголов отличается от основы настоящего времени благодаря чередованию корня (большой частью гласного в корне, напр.: *kom-*—осн. наст. вр., *ka-*—осн. прет. и т. п.).

Основа претерита слабых глаголов характеризуется прибавлением суффикса *-(e)te* к основе настоящего времени, напр.: *red-*, *begegn-*, *sag-*—осн. наст. вр.; *redete*, *arbeitete*, *begegnete*, *sagte*—осн. претерита. Сохранение поставленного в скобки гласного *e* определяется тем же правилом, что и сохранение того же гласного в окончаниях настоящего времени (см. об этом § 279).

Основа претерита смешанных глаголов отличается от основы настоящего времени благодаря чередованию корня и прибавлению суффикса *-te*.

§ 294. Система личных окончаний претерита, одинаковая во всех глаголах, может быть представлена в следующей таблице:

Лицо	Число	
	Единств.	Множеств.
1-е	—	-(e)n
2-е	-[(e)]st	-[(e)]t
3-е	—	-(e)n

Гласный *e* поставлен в круглые скобки, так как он отсутствует во всех слабых и смешанных глаголах, поскольку их суффикс *-te* оканчивается таким же гласным. В окончаниях 2 л. ед. и множ. ч. *e* заключено кроме круглых еще и в квадратные скобки, так как оно отсутствует не только в слабых, но и в большинстве сильных глаголов. Только в некоторых сильных глаголах *e* может сохраняться, но и в них его присутствие не обязательно.

Во 2 л. ед. ч. гласный *e* обычно встречается в глаголах с переднеязычным щелевым согласным в конце корня: *las(e)st*, *aß(e)st* и менее распространен в глаголах с соответствующим смычным *fand(e)st*, *riet(e)st*; в этих глаголах зато гласный *e* почти всегда встречается во 2 л. множ. ч.

§ 295. В претерите, как и в настоящем времени, первая часть сложных глаголов, если на ней стоит ударение, в главном предложении отделяется. О некоторых частных случаях см. § 276.

§ 296. Образцы спряжения слабых, сильных и смешанных глаголов в претерите:

<i>sagte-</i>	<i>zog-</i>	<i>las-</i>	<i>riet-</i>
<i>sagte-st</i>	<i>zog-st</i>	<i>las-(e)st</i>	<i>riet-(e)st</i>
<i>sagte-</i>	<i>zog-</i>	<i>las-</i>	<i>riet-</i>
<i>sagte-n</i>	<i>zog-en</i>	<i>las-en</i>	<i>riet-en</i>

sagte-t	zog-t	las-t	riet-et
sagte-n	zog-en	las-en	riet-en
	brachte-	nahm- teil	
	brachte-st	nahm-st teil	
	brachte-	nahm- teil	
	brachte-n	nahm-en teil	
	brachte-t	nahm-t teil	
	brachte-n	nahm-en teil	

§ 297. От глаголов praeterito-praesentia, форма сильного претерита которых получила значение настоящего времени, был образован новый претерит по образцу слабых глаголов, т. е. с суффиксом **-te**. Кроме того основа претерита отличается от основы настоящего времени благодаря чередованию коренного гласного, исключение в этом отношении представляют только глаголы *wollen* и *sollen*. Таким образом, основа претерита этой группы глаголов имеет следующий вид: *konnte*, *mußte*, *durfte*, *mochte*, *wußte*, *wollte*, *sollte*.

Система окончаний глаголов praeterito-praesentia совпадает с системой окончаний других глаголов (см. § 294).

§ 298. Неправильные глаголы имеют в претерите следующую основу: *war*, *wurde*, *tat*, *hatte*. Система окончаний у них обычная (см. § 294).

Если при образовании форм *wurde* и *tat* имеют место в общем незначительные отклонения от нормы, то в *war* мы имеем дело с совершенно новым корнем по сравнению с инфинитивом (*sein*) и настоящим временем (*bin*, *ist*, *sind*). Такое объединение разных корней в единую систему называется супплетивностью. Сущность последней легко понять, если обратиться, например, к русскому глаголу *брать*, от которого простое будущее заимствуется от другого корня: *беру* — *брал* — *возьму*, и наоборот — настоящее время от *взять* будет *беру*. Такое положение вещей оказывается возможным благодаря сходству значений глаголов *брать* и *взять*. Разница между русскими *беру* — *возьму* и немецким *bin* — *war* заключается лишь в том, что в русском языке оба корня только в некоторых случаях дополняют друг друга, тогда как в общем они существуют самостоятельно (*брать* — *взять*, *брал* — *взял*) благодаря наличию известной дифференциации значения; в немецком же самостоятельность отдельных корней утрачена. Последнее следует объяснить большой древностью объединения соответствующих корней, полностью утративших различие в их значении (ср. § 235).

§ 299. Перфект и плюсквамперфект. Обе эти формы образуются, как уже указывалось выше, из сочетания причастия второго с вспомогательным глаголом *haben* или *sein*. Разница между ними заключается в том, что в перфекте вспомогательный глагол имеет форму настоящего времени, а в плюсквамперфекте — форму претерита.

Примечание. Глаголы *lassen*, *heißen*, *sehen*, *hören*, *brauchen*, *helfen*, *machen*, *lehren*, *lernen*, *fühlen* могут иметь в перфекте и плюсквамперфекте вместо причастия инфинитив. Это возможно, хотя отнюдь не является обязательным, в том случае, если в предложении от этих глаголов зависит инфинитив другого глагола.

Примеры: Der Graf *hat* mich sitzen *sehen* (Goethe). Die Batavier *hatten* ihm diese Inseln erobern *helfen* (Schiller). *Hab'* ich vom Reich ganz anders denken *lernen* (Schiller). Ihr *habt* mich weidlich schwitzen *machen* (Goethe) и т. д. (ср. § 304).

§ 300. Основным вопросом в отношении способа образования расматриваемых сложных форм прошедшего времени является вопрос о выборе вспомогательного глагола. Для того, чтобы правильно ответить на него, нужно прежде всего поставить в этом отношении резкую границу между транзитивными и интранзитивными глаголами.

В школьных грамматиках упорно держится правило о выборе вспомогательного глагола, минуя понятие транзитивности. По этому правилу глаголы, обозначающие перемену места или перемену состояния, образуют сложные формы прошедшего времени при помощи глагола *sein*, остальные — при помощи *haben*. В несостоятельности этого правила не трудно убедиться на примерах глаголов *führen*, *bewegen* и т. п., обозначающих перемену места и тем не менее спрягающихся с помощью глагола *haben*, и глаголов *bleiben* и *sein*, вопреки этому правилу спрягающихся с *sein*.

§ 301. Все транзитивные глаголы образуют перфект и плюсквамперфект при помощи вспомогательного глагола *haben*.

Это правило приложимо в одинаковой степени и к литературному (письменному) языку, и к разговорному языку различных частей Германии. Такая последовательность в поведении транзитивных глаголов обусловлена тем, что причастие их может употребляться не только в сочетании с *haben* (которое и является перфектом), но и в сочетании с *sein* с совершенно иным значением. В последнем случае причастие употребляется предикативно и сохраняет свое самостоятельное значение. Второе причастие транзитивных глаголов имеет значение страдательного залога (см. § 271), поэтому причастие этих глаголов в сочетании с глаголом *haben* (т. е. перфект) и причастие в сочетании с глаголом *sein* (т. е. причастие как самостоятельное сказуемое) четко дифференцируются по значению. Заменяя в сочетаниях *ich habe geschlagen*, *ich habe getragen* вспомогательный глагол *haben* на *sein*, мы получим совершенно противоположный смысл: *ich bin geschlagen*, *ich bin getragen*.

Вот почему для образования перфекта транзитивных глаголов правило выбора вспомогательного глагола может быть сформулировано совершенно четко.

§ 302. Иначе обстоит дело с интранзитивными глаголами. Второе причастие от этих глаголов имеет значение действительного залога; оно кроме того не может употребляться предикативно с сохранением своего самостоятельного значения, чем оно коренным образом отличается от причастия транзитивных глаголов.

Аналогичное мы наблюдаем и в русском языке: причастие транзитивного глагола *взять*, например, употребляется предикативно — *он взял*, совершенно так же, как немецкое *er ist genommen*; причастие же интранзитивного глагола, например, *прийти*, предикативно не употребляется в литературном языке. Если же в некоторых диалектах (например, в диалектах Ленинградской области) и говорят *он пришелши*, то это,

подобно немецкому *er ist gekommen*, равнозначно прошедшему времени *он пришел*.

Не удивительно поэтому, что твердого правила для выбора вспомогательного глагола при образовании перфекта и плюсквамперфекта от интранзитивных глаголов не существует. Так, в южной Германии говорят и пишут (так писал, между прочим, и Шиллер): *ich bin gesessen, ich bin gestanden, ich bin gelegen*, а в северной — *ich habe gesessen, ich habe gestanden, ich habe gelegen*. Такое положение вещей вполне терпимо, поскольку замена *haben* на *sein* в северной Германии (и обратное — в южной) хотя и будет воспринята как неправильность, но значения всего сочетания в целом она не нарушит. Нормативная грамматика придерживается у названных глаголов северной формы (с *haben*).

Первоначально выбор вспомогательного глагола при образовании сложных форм от интранзитивных глаголов определялся принадлежностью данного глагола к тому или иному виду: перфективные глаголы спрягались с помощью *sein*, имперфективные — с помощью *haben*, напр.: *ich habe geschlafen, ich bin gekommen*. В дальнейшем вспомогательные глаголы сами стали как бы признаками перфективности или имперфективности тех интранзитивных глаголов, которые не имели ясно выраженного видового значения, напр.: средневерхнемецкое *er hatte gevarn durch die lant* и *sit Fridebrant ist hin gevarn*; в первом случае *varn* имеет имперфективное значение — „он ездил по странам“, во втором — перфективное — „с тех пор как Фридебрант поехал туда“.

С утерей категории вида старое правило в основном сохранилось, так как перфективные глаголы попрежнему спрягаются с помощью *sein*, но они объединяются сейчас не как глаголы, относящиеся к одной грамматической (видовой) категории, а как глаголы определенного семантического круга. Эти глаголы обычно делят по их значению на две группы: 1) глаголы, обозначающие перемену состояния, напр.: *ich bin eingeschlafen, das Haus ist abgebrannt*, в противоположность, напр.: *ich habe geschlafen, das Haus hat gebrannt* и 2) глаголы, обозначающие перемену места, напр.: *ich bin gelaufen, ich bin gefahren*.

Глаголы второй группы могли, как мы видели, спрягаться и с помощью *haben*; это имеет место и сейчас, хотя осмысляется по-иному, а именно: если в данном конкретном случае указывается определенное место или вернее цель передвижения, то в качестве вспомогательного глагола употребляется *sein*, в противном случае — *haben*, напр.: *der Knabe hat viel gesprungen — der Knabe ist ins Wasser gesprungen; er hat lange geritten — er ist nach Hause geritten* и т. п. Нужно, однако, сказать, что глагол *sein* стремится распространиться на все случаи употребления этих глаголов независимо от оттенка значения, приобретаемого ими в том или ином контексте. Так, глагол *gehen*, например, всегда спрягается только со вспомогательным глаголом *sein*.

Если ко всему сказанному прибавить, что глаголы *bleiben* и *sein*, не обозначающие ни перемены места, ни перемены состояния, все же спрягаются с помощью глагола *sein*, то придется констатировать, что для интранзитивных глаголов не существует твердого правила выбора вспомогательного глагола в перфекте и плюсквамперфекте. Можно говорить только о том, что существует тенденция спрягать глаголы, обо-

значающие перемену места или состояния, с помощью *sein*, а остальные — с помощью *haben*.

§ 303. Образцы спряжения глаголов в перфекте и плюсквамперфекте.

Транзитивные глаголы.

<i>Перфект.</i>		<i>Плюсквамперфект.</i>	
habe	} gesagt	hatte	} gesagt
hast		hattest	
hat		hatte	
haben		hatten	
habt		hattet	
haben		hatten	

Интранзитивные глаголы.

<i>Перфект.</i>				<i>Плюсквамперфект.</i>			
habe	} geschla-	bin	} gekom-	hatte	} geschla-	war	} gekom-
hast		bist		hattest		warst	
hat		ist		hatte		war	
haben		sind		hatten		waren	
habt		seid		hattet		wart	
haben		sind		hatten		waren	

§ 304. Глаголы *praeterito-praesentia* спрягаются в перфекте и плюсквамперфекте с вспомогательным глаголом *haben*.

Все модальные глаголы этой группы (т. е. кроме глагола *wissen*) имеют в перфекте и плюсквамперфекте инфинитив вместо причастия II в тех случаях, когда они употребляются не самостоятельно, а с инфинитивом какого-либо глагола, т. е. когда они служат вспомогательными глаголами наклонения, напр.: *ich habe (hatte) dir sagen wollen*. При самостоятельном употреблении этих глаголов сложные формы от них имеют причастие II — *ich habe (hatte) es gewollt*.

Примеры: *Was ich gesollt hab' ich gesungen (U h l a n d)*.

Следует отметить, что последний случай встречается гораздо реже, чем первый.

Таким образом, глаголы *praeterito-praesentia* имеют в перфекте и плюсквамперфекте следующие формы:

<i>Перфект.</i>	<i>Плюсквамперфект.</i>
habe ... wollen, habe gewollt	hatte ... wollen, hatte gewollt
habe ... sollen, habe gesollt	hatte ... sollen, hatte gesollt
habe ... können, habe gekonnt	hatte ... können, hatte gekonnt
habe ... mögen, habe gemocht	hatte ... mögen, hatte gemocht
habe ... müssen, habe gemußt	hatte ... müssen, hatte gemußt
habe ... dürfen, habe gedurft	hatte ... dürfen, hatte gedurft
habe ... gewußt	hatte ... gewußt.

Примечание. Аналогичным образом спрягаются и другие глаголы, не относящиеся к группе *praeterito-praesentia* (см. § 299, прим.).

Присутствие инфинитива в перфекте и плюсквамперфекте — явление непонятое, и, действительно, оказывается, что *wollen, sollen, können* и т. д. в этом случае с исторической точки зрения представляют собой не инфинитив, а причастие II. Глаголы *praeterito-praesentia* первоначально не имели причастия вовсе, оно появляется в сравнительно более позднюю эпоху, причем образуется то с суффиксом *-t* и с коренным гласным, равным гласному претерита, то с суффиксом *-en* и с коренным гласным, равным гласному индикатива (*gewollt* и *gewollen*), с приставкой *ge-* и без нее (*mocht* и *gemögen*).

Обе эти формы (слабая и сильная) сохранились и до настоящего времени, но только слабая употребляется всегда с приставкой *ge-*, а сильная без нее.

Наличие инфинитива вместо причастия в других упомянутых выше глаголах (*ich habe ihn sprechen hören* и т. п.) объясняется, повидимому, аналогией с претерито-презентными глаголами, обусловленной сходством синтаксической функции.

§ 305. Неправильные глаголы имеют в перфекте и плюсквамперфекте следующие формы: *habe gehabt, bin (ge)worden, bin gewesen, habe getan, hatte gehabt, war (ge)worden, war gewesen, hatte getan*.

Причастие II без *ge-* от глагола *werden* встречается тогда, когда он является вспомогательным глаголом при образовании пассива (о форме *worden* см. § 276).

§ 306. Будущее время (*Futurum*). Для образования будущего времени в современном немецком языке служит прежде всего сочетание инфинитива I с настоящим временем глагола *werden*, напр.: *ich werde sagen, ich werde kommen* и т. д. Эта форма носит название „будущего первого“ (*Futurum I*).

Наряду с этим будущее время может быть обозначено формой настоящего, что, как уже указывалось в § 277, является наследием старого положения вещей, при котором настоящее время функционировало как будущее, поскольку последнее не имело особой формы.

Наконец, в качестве будущего времени могут употребляться также обороты с настоящим временем глаголов *sollen* и *wollen* (вместо *werden*) и инфинитивом спрягаемого глагола. Наиболее распространено будущее, образованное при помощи *wollen*; будущее с *sollen* встречается реже.

В изолированном положении, т. е. вне контекста, обороты с *wollen* и *sollen* не имеют ясного значения будущего времени. *Wollen* и *sollen* сохраняют в них свое модальное значение. Этим они отличаются от обычной формы *Futurum I*; только в определенном контексте они могут утрачивать это значение. Так, в выражении *wir wollen antworten* сказуемое хотя и может быть понято просто как будущее время „ответим“, однако скорее означает „хотим ответить“. Гораздо более четко выступает значение будущего в контексте предложения; толкование таких предложений, как *Wir wollen bald eine Ursache wider ihn haben* (Goethe) и *Wir wollen freundlich durch die Finger sehn* (Goethe), не вызывает никакого сомнения.

Такое употребление *wollen* и *sollen* не является новым в немецком языке; напротив, мы здесь имеем дело с остатками ранее развитой грамматической категории. В древневерхненемецкий период для обозначения будущего времени стали использовать наряду с настоящим временем сочетания инфинитива с модальными *sollen* и *wollen*. Такое использование их для замены отсутствовавшей в то время формы будущего времени было совершенно естественным, поскольку эти глаголы вообще (не только в немецком языке) вносят с собой оттенки

будущего: выражения *он должен, хочет прийти* подразумевают, что действие совершится в будущем.

Обороты с глаголом *werden* + инфинитив, встречающиеся с XIII—XIV веков, в это время обозначали начало действия, как это и вытекает из значения глагола *werden*. Последний мог стоять при этом не только в настоящем времени, но и в претерите. Выражения — „*er wird laufen, er ward laufen*“ — означали „*er beginnt zu laufen, er begann zu laufen*“. Однако, поскольку настоящее время вообще могло функционировать как будущее, а в перфективных глаголах, каковым был и *werden*, по существу и является будущим (ср. § 277), постольку естественно, что настоящее время *werden* с инфинитивом другого глагола было впоследствии переосмыслено, как будущее время последнего. Это легко понять, если буквально перевести соответствующие обороты на русский язык: *er wird laufen* „он станет бежать“. В дальнейшем глагол *werden* оказался победителем в конкуренции с *wollen* и *sollen*.

§ 307. Наряду с только что рассмотренной формой будущего времени существует еще и будущее второе, так называемое *Futurum II*, которое, правда, сравнительно редко, встречается в современном языке во временном значении.

Будущее второе, отличающееся по форме от первого тем, что вместо инфинитива I в него входит инфинитив прошедшего времени, является подобно плюсквамперфекту относительным временем; оно употребляется в этом смысле для обозначения будущего, предшествующего другому будущему, напр.: *Sobald sich der Groß-Cophta wird offenbart haben, wird er fragen* (Goethe).

В указанной функции будущее второе все больше и больше вытесняется перфектом, напр.: *Sobald ich angekommen bin, werde ich dich besuchen*. Это станет тем более понятным, если вспомнить, что перфект сочетается обычно с настоящим временем (см. § 292), а последнее может функционировать вместо будущего первого, напр.: *Wenn ich gefrühstückt habe, komme ich zu dir*.

Более употребительно будущее второе в другой функции, а именно для выражения вероятности (см. § 261). Это особенно характерно для разговорного языка; напр., *er wird dieses Buch gelesen haben* означает „он вероятно читал эту книгу“. В этом же смысле, хотя и реже, употребляется также будущее первое, напр.: *Das kann nicht sein, du wirst dich irren*; в этом контексте *wirst dich irren* никак не может быть истолковано как будущее время; оно означает здесь: „ты вероятно ошибаешься“. Разница между двумя будущими в этой функции заключается в том, что будущее первое обозначает в этом случае настоящее время, будущее второе — прошедшее, напр.: *er wird wohl krank sein* = *er ist wahrscheinlich krank*; *er wird wohl krank gewesen sein* = *er war wahrscheinlich krank* (другие примеры см. § 261).

§ 308. Образцы спряжения глаголов в будущем времени:

Будущее первое.

werde	} sagen
wirst	
wird	
werden	
werdet	
werden	

Будущее второе.

werde	} gesagt	} haben	} werden	} gekom-							
wirst					} wirst	} werden	} men				
wird								} wird	} werdet	} sein	
werden											} werden
werdet											
werden											

Точно так же образуются формы будущего времени глаголов *praeterito-praesentia* и неправильных глаголов, напр.:

werde wissen	werde gewußt haben
werde sein	werde gewesen sein
werde werden	werde (ge)worden sein
werde tun	werde getan haben

Примечание. Выбор вспомогательного глагола (*haben* или *sein*) в будущем втором регулируется теми же правилами, что и при образовании сложных времен прошедшего времени (см. §§ 301, 302).

2) Страдательный залог (*Passiv*).

§ 309. Значение пассива было рассмотрено в § 254; формы пассива образуются из второго причастия спрягаемого глагола и вспомогательного глагола *werden*. Время пассива определяется соответствующим временем глагола *werden*, напр.: *werde gefragt* — наст. вр., *wurde gefragt* — претерит и т. п. Функции времен пассива совпадают с функциями времен актива.

Пассив имеет в немецком языке гораздо более широкое распространение, чем в русском. Целый ряд транзитивных глаголов не имеет в современном русском языке страдательного залога, тогда как в немецком языке всякий транзитивный глагол может быть употреблен в пассиве, напр.: *ich werde gefragt, ich werde getragen* придется перевести на русский язык: „меня спрашивают, меня носят“. Отсутствуют в русском языке также некоторые безличные обороты в пассиве, напр.: *dort wird getrunken* по-русски будет означать „там пьют“, тогда как вообще страдательный залог от глагола *пить* вполне употребителен, напр.: *вода пьется с удовольствием*.

В оборотах последнего типа специфическое значение пассива ослаблено: в них особо подчеркивается самый процесс действия безотносительно к субъекту или объекту. Благодаря этому оказались возможными безличные обороты также и с интранзитивными глаголами в пассивной форме, напр.: *es wird Schritt gefahren, es wird Schlittschuh gelaufen*. Эти выражения интересно сопоставить с соответствующими неопределенноличными оборотами: *man fährt Schritt, man läuft Schlittschuh*. Если последние обороты означают, что кто-то едет шагом, кто-то катается на коньках, то первые означают, что происходит езда шагом, происходит катание на коньках.

§ 310. Спряжение в пассиве можно представить следующей табличкой:

<i>Präsens.</i>	<i>Präteritum.</i>
ich werde gefragt	ich wurde gefragt
<i>Perfekt.</i>	<i>Plusquamperfekt.</i>
ich bin gefragt worden	ich war gefragt worden
<i>Futurum I.</i>	<i>Futurum II.</i>
ich werde gefragt werden	ich werde gefragt worden sein

Примечание I. В таблице дано только I лицо, так как в остальном спряжение сводится к спряжению вспомогательного глагола *werden*.

Примечание II. О форме *Partizip II* — *worden* см. § 276.

§ 311. В таких предложениях, как: *gestern sind (waren) wieder einige Bäume gefällt*, сказуемые *sind (waren) gefällt* воспринимаются как перфект и плюсквамперфект пассива с опущенным причастием *worden*; последнее может быть и поставлено, без того чтобы смысл предложения изменился; предложение *Gestern sind (waren) wieder einige Bäume gefällt worden* означает совершенно то же, что и первое предложение. В предложениях же типа — *die Tür ist (war) geschlossen* — сказуемые *ist (war) geschlossen* не допускают прибавления *werden* без изменения смысла и поэтому не могут быть отождествлены с пассивом. Суть дела заключается в том, что в предложениях первого типа сказуемое и без *worden* обозначает действие: „вчера (были) срублены несколько деревьев“, что обуславливается в значительной мере наличием обстоятельного слова *gestern*; в предложениях же второго типа сказуемое без *werden* обозначает свойство, состояние: *die Tür ist geschlossen* „дверь заперта“; *die Tür war geschlossen* „дверь была заперта“, а сказуемое с *worden* (т. е. пассив) обозначает действие: *die Tür ist (war) geschlossen worden* „дверь запиралась“ или „была заперта“. Если в предложение без *worden* вставить обстоятельство или дополнение, то сказуемое в нем станет обозначать действие; напр.: *die Tür war gestern geschlossen* или *die Tür war von mir geschlossen*.

3) Возвратный залог (*Reflexivum*).

§ 312. Спряжение глаголов в возвратном залоге (а также и средних глаголов) совпадает в отношении флексии и образования сложных форм со спряжением глаголов в действительном залоге. Разница заключается только в том, что в возвратном залоге к глаголу прибавляются местоимения: в третьем лице единственного и множественного числа — возвратное местоимение *sich*; в первом и втором лицах обоих чисел — соответствующие личные местоимения в винительном падеже.

Сложные формы прошедшего времени возвратного залога, а также и средних глаголов имеют в качестве вспомогательного глагола *haben*.

Образцы спряжения.

Настоящее время.

<i>wasche mich</i>	<i>waschen uns</i>	<i>freue mich</i>	<i>freuen uns</i>
<i>wäschst dich</i>	<i>wascht euch</i>	<i>freust dich</i>	<i>freut euch</i>
<i>wäscht sich</i>	<i>waschen sich</i>	<i>freut sich</i>	<i>freuen sich</i>

Претерит.

<i>wusch mich</i>	<i>freute mich</i>
и т. д.	и т. д.

Перфект.

<i>habe mich gewaschen</i>	<i>habe mich gefreut</i>
и т. д.	и т. д.

Плюсквамперфект.

<i>hatte mich gewaschen</i>	<i>hatte mich gefreut</i>
и т. д.	и т. д.

Будущее I.

werde mich waschen
и т. д.

werde mich freuen
и т. д.

Будущее II.

werde mich gewaschen haben
и т. д.

werde mich gefreut haben
и т. д.

б) КОНЪЮНКТИВ.

1) Общие замечания.

§ 313. Конъюнктив в современном немецком языке имеет несравненно большее распространение, чем в русском. Причины этого кроются в следующем: во-первых, в немецком языке конъюнктив располагает большим разнообразием форм. Формально конъюнктив имеет те же времена, что и индикатив, и кроме того особую форму — так наз. кондиционалис; однако, функция их не временная: они служат прежде всего для выражения различных оттенков модальности. Из этого вытекает вторая особенность немецкого конъюнктива, а именно — возможность передачи большего многообразия модальных значений, которые в русском языке выражаются аналитически при помощи уточняющих элементов. Наконец, в-третьих, употребление конъюнктива в немецком языке значительно расширяется благодаря тому, что он имеет и чисто формальную функцию, а именно — в ряде типов подчиненного предложения.

Сказанное можно иллюстрировать следующими примерами: немецкое *er komme* (конъюнктив наст. врем.) соответствует русскому *пусть он придет* (аналитический оборот с индикативной формой глагола), *man sagt, er komme bald* (формальный конъюнктив в косвенной речи) соответствует в русском языке обороту *говорят, он скоро придет* (индикатив); и только немецкое *er käme* или *er wäße gekommen* (претерит и плюсквамперфект конъюнктива) соответствует в русском языке тоже сослагательному наклонению: *он пришел бы*.

§ 314. Многообразие употребления конъюнктива в конечном счете может быть сведено к трем случаям; представленным в следующей схеме:

Оптативная функция (выражение желания)	Потенциальная функция (выражение возможности, условности)	Формальная функция
Может быть выражена формой: 1. Praesens 2. Praeteritum 3. Plusquamperfekt	Может быть выражена формой: 1. Praeteritum 2. Plusquamperfekt 3. Konditionalis	Может быть выражена формой: 1. Präsens 2. Perfekt 3. Futurum 4. Praeteritum 5. Plusquamperfekt 6. Konditionalis

Мы видим, таким образом, что различные времена конъюнктива перекрещиваются в своих функциях, и, следовательно, конъюнктив нужно рассматривать не как сумму разных наклонений, а как одно наклонение, единство которого семантически выражается в оттенке субъективности, присущем всем формам его (см. § 255).

В приведенной схеме функции конъюнктива представлены лишь суммарно; оттенки значений детально рассматриваются в следующих параграфах.

§ 315. Конъюнктив в опативной функции может иметь в простом предложении целый ряд значений.

Выражение желания осуществляется как при помощи настоящего, так и при помощи претерита и плюсквамперфекта. При этом первое означает всегда исполнимое пожелание, последние же часто имеют значение неисполнимого или неисполненного желания и кроме того отличаются большей эмоциональностью. В этом случае претерит имеет значение настоящего и будущего времени, плюсквамперфект — значение прошедшего времени. Форма настоящего времени встречается только в формулах типа *es lebe* и в патетической речи. Претеритальные формы обычны и в разговорном языке.

Сравни например: *Es lebe die Oktoberrevolution. Es freue sich, Wer da atmet im rosigten Licht (Schiller). Ich sei, gewährt mir die Bitte, In eurem Bunde der dritte (Schiller). Des rühme der blut'ge Tyrann sich nicht, Daß der Freund dem Freunde gebrochen die Pflicht (Schiller).*

С другой стороны: *Lebte er noch! Káme er doch bald. Hätte er mir darüber früher geschrieben.— Wenn nur die Ohrring meine wären (Goethe). Ach, aus dieses Tales Gründen, die der kalter Nebel drückt, könnt' ich doch den Ausgang finden (Goethe). Hätte ich doch immer geschwiegen (Goethe). Daß ich ihren Namen nie gehört hätte (Lessing). O, wär' ich nimmer über Meer hierher geschifft (Schiller). Frommer Stab, o hätt' ich nimmer mit dem Schwerte dich vertauscht (Schiller).*

Предложение, смягченное приказание может быть выражено только настоящим временем конъюнктива.

Примеры: *Er komme. Er bleibe hier.— Er schlachte der Opfer zweie und glaube an Liebe und Treue (Schiller).*

Встречается подобная форма сравнительно редко.

В письменном языке довольно часто встречается еще один вид опативного конъюнктива, а именно конъюнктив, выражающий долженствование. Распространен этот вид опатива, употребляющийся в неопределенно-личной форме настоящего времени, в литературе учебного, рецептурного характера, напр. при описании химических опытов, изложении рецептов, в грамматических заданиях.

Примеры: *Man nehme gleiche Teile von Na und Ca. Man wiederhole den Versuch. Man setze die Pflanze dem Lichte aus. Man bilde zum Text 10 Fragen. Man verwandle diesen Satz in einen Nebensatz.*

Сходными в семантическом отношении являются безличные обороты с причастием и связкой, распространенные в научной прозе в виде формул типа: *Es sei hier erwähnt... Es sei hinzugefügt... Es sei betont...*

Настоящим же временем передается и значение допущения, особенно часто в языке точных наук.

Примеры: Man *nehme an*... Die Linie AB *sei* die kürzeste zwischen den Punkten A und B.

Альтернативное допущение выражается с помощью оборота *sei es*...

Примеры: Ich tue es, *sei es* schwer oder leicht. — Noch mehr, ... in demselben Maße nimmt auch die Masse der Arbeit zu, *sei es* durch Vermehrung der Arbeitsstunden, *sei es* durch Vermehrung der in einer gegebenen Zeit geforderten Arbeit, beschleunigten Lauf der Maschinen usw. (K o m m. M a n.).

§ 316. Вторая из обозначенных в нашей схеме функций конъюнктива, а именно обозначение действия, возможного при известных условиях (Potentialis), является наиболее существенной в современном немецком языке и имеет самую широкую сферу употребления. В этом случае мы имеем наибольшее совпадение между немецким конъюнктивом и русским сослагательным наклонением.

Соответственно его семантике этот вид конъюнктива встречается преимущественно в сложных предложениях, но не исключен и в простых; для его выражения служат прежде всего претерит и плюсквамперфект. При этом форма претерита обозначает настоящее и будущее время, форма плюсквамперфекта — прошедшее время.

Примеры: Ohne Einladung *käme* ich nicht zu dir. Du *könntest* die Reise auch ohne Begleiter machen. Er *hätte* dir mit Freude geholfen. — Wohl *wär'* es besser, überall dem Herzen zu folgen (S c h i l l e r).

Если условие для выполнения данного действия дано в самом предложении (обычно оно выделяется в придаточное), то вместо конъюнктива может стоять кондиционалис, напр.: ohne Geld *ginge* ich nicht auf die Reise — ohne Geld *würde* ich nicht auf die Reise *gehen*; ohne deine Hilfe *wäre* ich *ertrunken* — ohne deine Hilfe *würde* ich *ertrunken sein*.

К этому типу предложений примыкают предложения с наречием *beinahe*, напр.: ich *hätte* es *beinahe vergessen*, er *hätte* mich *beinahe überredet* и т. п.

§ 317. Подобно русскому сослагательному претерит и плюсквамперфект конъюнктива употребляются при осторожных, неуверенных высказываниях: ich *dächte*, mir *deuchte*, man *sollte* sagen и т. п. (ср. русск. я считал бы, мне казалось бы, следовало бы сказать), а также, если предлагается что-нибудь не императивно.

Примеры: Riemer *käme* etwa den 9. zu Schillers Gedächtnißfeier. Ihr *brächtet* ihn Sonnabend wieder zurück. Wir *blieben* den Sonntag zusammen, und dann *ging* ich Montag oder Dienstag fort (G o e t h e).

Далее, эти формы употребляются в вопросительных предложениях для выражения сомнения.

Примеры: Du *wärst* so falsch *gewesen*? (S c h i l l e r). Wer *hätte sich* auf meiner Schäfertrift zu mir *gesellt*, das kind'sche Hirtenmädchen in königlichen Dingen einzuweihen (S c h i l l e r).

§ 318. Особый случай, наконец, представляет употребление конъюнктива (претерита и плюсквамперфекта) при иронической констатации какого-либо неожиданного факта. Это употребление встречается крайне

редко, соответствующие предложения можно, пожалуй, рассматривать как фразеологические сращения.

Примеры: Da *hätten* wir die Bescherung. Da *wären* wir also. Da *säßen* wir. So *wäre* endlich der schöne Tag gekommen.

§ 319. В третьей из функций, обозначенных на нашей схеме (функции формальной), конъюнктив встречается в подчиненном предложении, прежде всего в косвенной речи, но также и в ряде других типов придаточного предложения. Поэтому, естественно, конъюнктив в этой функции менее устойчив и часто заменяется индикативом. (Подробно смотри в описании отдельных типов придаточных предложений, § 536 и след.)

2) Действительный залог.

§ 320. Основа настоящего времени конъюнктива слабых, сильных и смешанных глаголов характеризуется прежде всего суффиксом *-e*, прибавляемым к корню, имеющему ту же форму, что и в инфинитиве, напр.: инф. *sag-en* — основа конъюнктива *sage-*; инф. *trag-en* — основа конъюнктива *trage-*; инф. *bring-en* — основа конъюнктива *bringe-*.

Настоящее время конъюнктива сильных глаголов отличается от настоящего времени индикатива отсутствием чередования корня: в конъюнктиве не имеет места ни умлаут, ни преломление.

Это объясняется тем обстоятельством, что в древневерхненемецком языке в окончаниях настоящего времени конъюнктива в отличие от индикатива не было гласного *i*, вызывавшего изменение коренного гласного, напр.: инф. *fagan*, 2 л. наст. вр. инд. *feris*, 2 л. наст. вр. кон. *farès*, инф. *geban* 2 л. наст. вр. инд. *gibis*, 2 л. наст. вр. кон. *gebès*.

К основе прибавляются соответствующие личные окончания, система которых сходна с системой окончаний претерита индикатива; она может быть представлена в следующей таблице:

Лицо.	Число.	
	Единств.	Множеств.
1-е	—	-n
2-е	-st	-t
3-е	—	-n

В настоящем времени конъюнктива, так же как и индикатива, первая часть сложных глаголов, если на ней стоит ударение, в главном предложении отделяется (см. § 285).

§ 321. Образцы спряжения слабых, сильных и смешанных глаголов:

<i>finde-</i>	<i>kenne-</i>	<i>sage-</i>	<i>fahre-</i>	<i>gebe-</i>	<i>rede-</i>
<i>finde-st</i>	<i>kenne-st</i>	<i>sage-st</i>	<i>fahre-st</i>	<i>gebe-st</i>	<i>rede-st</i>
<i>finde-</i>	<i>kenne-</i>	<i>sage-</i>	<i>fahre-</i>	<i>gebe-</i>	<i>rede-</i>
<i>finde-n</i>	<i>kenne-n</i>	<i>sage-n</i>	<i>fahre-n</i>	<i>gebe-n</i>	<i>rede-n</i>
<i>finde-t</i>	<i>kenne-t</i>	<i>sage-t</i>	<i>fahre-t</i>	<i>gebe-t</i>	<i>rede-t</i>
<i>finde-n</i>	<i>kenne-n</i>	<i>sage-n</i>	<i>fahre-n</i>	<i>gebe-n</i>	<i>rede-n</i>

Из этих примеров видно, что формально в настоящем времени индикатива и конъюнктива существует целый ряд полностью совпадающих форм. Это относится в особенности к глаголам типа *gehen* и *finden*, у которых только в 3 л. ед. ч. имеется четкое различие (*redet* — *rede*, *findet* — *finde*).

Тем не менее указанное совпадение является совпадением не по существу, а только формально. Гласный *e*, который мы имеем в 1 л. ед. ч. (равно как и во всех других лицах ед. и множ. ч.) конъюнктива в отношении выполняемой им морфологической функции, не может быть отождествлен с тем же гласным в 1 л. ед. ч. индикатива. В первом случае *e* является личным окончанием 1 л.; в других лицах, характеризующихся другими окончаниями, этот гласный в большинстве глаголов отсутствует (*sage*, *sag-st*, *sag-t* и т. п.). Во втором случае *e* представляет собой суффикс, сохраняющийся во всех лицах, так как он является признаком конъюнктива.

На морфологическую многозначность той или иной фонемы или их сочетания уже указывалось в § 139. В гласном *e* слов *sage*, *gebe*, *redet* и т. п. мы, однако, имеем дело с особым случаем. Если, например, значение сочетания *-er* выясняется уже из самого слова (*guter* не оставляет сомнения в том, что это падежное окончание, *Kinder*, что это суффикс множ. ч., *Arbeiter*, что это суффикс действующего лица), то в данном случае (*sage* и т. п.) значение *e* становится ясным только из контекста.

§ 322. Глаголы *praeterito-praesentia* спрягаются в конъюнктиве точно так же, как и все другие глаголы, и, следовательно, совершенно отлично от индикатива. Чередование корня в единственном и множественном числе настоящего времени, характерное для индикатива, в конъюнктиве не имеет места. В основе настоящего времени конъюнктива, характеризующейся суффиксом *-e*, форма корня совпадает с формой корня в инфинитиве и во множественном числе индикатива.

Спряжение этих глаголов представляется в следующем виде:

wolle-	könne-	müsse-	solle-
wolle-st	könne-st	müsse-st	solle-st
wolle-	könne-	müsse-	solle-
wolle-n	könne-n	müsse-n	solle-n
wolle-t	könne-t	müsse-t	solle-t
wolle-n	könne-n	müsse-n	solle-n
dürfe-	möge-	wisse-	
dürfe-st	möge-st	wisse-st	
dürfe-	möge-	wisse-	
dürfe-n	möge-n	wisse-n	
dürfe-t	möge-t	wisse-t	
dürfe-n	möge-n	wisse-n	

В этих глаголах формальное совпадение с индикативом имеет место в 1 и 3 л. множ. ч.

§ 323. Неправильные глаголы *werden*, *haben* и *tun* спрягаются в конъюнктиве так же, как правильные; отклоняется от общего правила глагол *sein*:

werde-	habe-	tue-	sei-
werde-st	habe-st	tue-st	sei(e)-st
werde-	habe-	tue-	sei-
werde-n	habe-n	tue-n	seie-n
werde-t	habe-t	tue-t	seie-t
werde-n	habe-n	tue-n	seie-n

Примечание. Гласный е во 2 л. ед. ч. глагола sein большей частью опускается.

§ 324. Основа претерита конъюнктива сильных глаголов образуется путем прибавления суффикса -е к основе претерита индикатива; кроме того, претерит конъюнктива отличается от претерита индикатива благодаря чередованию коренного гласного; исключение составляют только гласные <i:, ɪ>, не подверженные чередованию в данном случае.

Примеры: sang — sänge, kam — käme, half — hülfe, zog — zöge, fuhr — führe; но ließ — liebe, schnitt — schnitte.

Мы имеем здесь два типа чередований: во-первых — умлаут, во-вторых — аблаут, перекрещивающийся с умлаутом (см. § 108).

Умлаут и в данном случае играет в современном языке морфологическую роль, позволяя различать такие формы, как, например, kamen — kämen; восходит же он в конечном счете к тому же чисто фонетическому чередованию, обусловленному наличием после корня гласного i, напр.: в древневерхненемецком nam — nāmi, half — hulfi, fuog — fuori и т. п.

Что же касается аблаута, то в древне-, и в средневерхненемецком, как уже указывалось выше, в большей части сильных глаголов единственное и множественное число претерита индикатива имели различные гласные; а гласный претерита конъюнктива как в единственном, так и во множественном числе совпадал с гласными множ. числа претерита индикатива, напр.: древневерхненем. 1 л. ед. ч. прет. инд. nam, 1 л. множ. ч. прет. инд. nānum — основа прет. кон. nāmi; 1 л. ед. ч. прет. инд. half, 1 л. множ. ч. прет. инд. hulfum — основа прет. кон. hulfi и т. п.

В период нововержненемецкого гласный корня в единственном и множественном числе претерита индикатива унифицировался. Там, где победителем оказался гласный множественного числа, гласный конъюнктива совпал с гласным индикатива, напр.: древневерхненем. прет. инд. geit — ritum, прет. конъюнктива riti; нововержненем. прет. инд. ritt — ritten, прет. кон. ritte. В глаголах же, где победил гласный единственного числа, гласный конъюнктива, как показывают вышеприведенные примеры, отличается от гласного индикатива не только по умлауту, но и по аблауту.

В современном немецком языке существует тенденция свести это различие только к умлауту. Так, наряду с основной претерита конъюнктива hülfe существует форма hälfte, чередующаяся с индикативом half только по умлауту. Аналогичное наблюдается в глаголах beginnen, gewinnen, rinnen и др., в которых со старыми формами begänne, gewönne, göpne конкурируют новые формы begänne, gewänne, gänne (ср. begann, gewann, gann).

Совершенно вытеснены старые формы конъюнктива глаголов типа binden, trinken, singen; вплоть до XVIII века претерит конъюнктива от них был bünde, trünke, sünge вместо современных bände, tränke, sänge, образованных по образцу band, trank, sang.

§ 325. Основа претерита конъюнктива слабых глаголов совпадает с основой претерита индикатива. Это происходит оттого, что суффикс

последнего оканчивается на *e* и, таким образом, суффикс конъюнктива как бы сливается с ним; что же касается корня, то чередование его, как известно, не свойственно слабым глаголам.

Примеры: *sagte, stellte, begegnete, redete* и т. п.

§ 326. В смешанных глаголах суффикс претерита является в такой же степени двусмысленным, как и в слабых глаголах. Различие между основами индикатива и конъюнктива обнаруживается только благодаря чередованию коренного гласного — умлауту. В орфографии этот умлаут обозначается по-разному: *dächte, brächte*, но *kennte, pennte, wendete* и т. п. За этим различием в написании не кроется никакой фонетической реальности; в нем повинна только непоследовательность орфографии.

§ 327. Основа претерита конъюнктива глаголов *praeterito-praesentia* образуется не во всех этих глаголах одинаково. В глаголах *wollen* и *sollen* она полностью совпадает с основой претерита индикатива: *wollte, sollte*. В остальных глаголах она отличается от последней благодаря чередованию по умлауту: *wüßte, müßte, könnte, dürfte, möchte*.

§ 328. Основа претерита конъюнктива неправильных глаголов образуется от основы претерита индикатива с помощью умлаута коренного гласного; глаголы *sein* и *tun* имеют кроме того суффикс *-e* (*wäre, täte*); в глаголах же *haben* и *werden* (*würde, hätte*) *e* наличествует и в индикативе.

§ 329. В конъюнктиве система окончаний претерита ничем не отличается от системы окончаний настоящего времени (см. § 320), а следовательно сходна с системой претерита индикатива.

Образцы спряжения

<i>sagte-</i>	<i>bände-</i>	<i>würfe-</i>	<i>ließe-</i>
<i>sagte-st</i>	<i>bände-st</i>	<i>würfe-st</i>	<i>ließe-st</i>
<i>sagte-</i>	<i>bände-</i>	<i>würfe-</i>	<i>ließe-</i>
<i>sagte-n</i>	<i>bände-n</i>	<i>würfe-n</i>	<i>ließe-n</i>
<i>sagte-t</i>	<i>bände-t</i>	<i>würfe-t</i>	<i>ließe-t</i>
<i>sagte-n</i>	<i>bände-n</i>	<i>würfe-n</i>	<i>ließe-n</i>
<i>kennte-</i>	<i>wendete-</i>	<i>dächte-</i>	<i>brächte-</i>
<i>kennte-st</i>	<i>wendete-st</i>	<i>dächte-st</i>	<i>brächte-st</i>
<i>kennte-</i>	<i>wendete-</i>	<i>dächte-</i>	<i>brächte-</i>
<i>kennte-n</i>	<i>wendete-n</i>	<i>dächte-n</i>	<i>brächte-n</i>
<i>kennte-t</i>	<i>wendete-t</i>	<i>dächte-t</i>	<i>brächte-t</i>
<i>kennte-n</i>	<i>wendete-n</i>	<i>dächte-n</i>	<i>brächte-n</i>
<i>sollte-</i>	<i>wüßte-</i>	<i>möchte-</i>	
<i>sollte-st</i>	<i>wüßte-st</i>	<i>möchte-st</i>	
<i>sollte-</i>	<i>wüßte-</i>	<i>möchte-</i>	
<i>sollte-n</i>	<i>wüßte-n</i>	<i>möchte-n</i>	
<i>sollte-t</i>	<i>wüßte-t</i>	<i>möchte-t</i>	
<i>sollte-n</i>	<i>wüßte-n</i>	<i>möchte-n</i>	
<i>wäre-</i>	<i>hätte-</i>	<i>würde-</i>	<i>täte-</i>
<i>wäre-st</i>	<i>hätte-st</i>	<i>würde-st</i>	<i>täte-st</i>
<i>wäre-</i>	<i>hätte-</i>	<i>würde-</i>	<i>täte-</i>

wäre-n	hätte-n	würde-n	täte-n
wäre-t	hätte-t	würde-t	täte-t
wäre-n	hätte-n	würde-n	täte-n

Из таблицы видно, что в слабых глаголах претерит конъюнктива полностью совпадает с претеритом индикатива; различие этих форм возможно, следовательно, только по контексту (подробнее об этом смотри в синтаксисе § 531 и след.).

§ 330. Форма перфекта и плюсквамперфекта конъюнктива отличается от соответствующих форм индикатива только тем, что вспомогательный глагол в них спрягается в конъюнктиве.

Образцы спряжения.

<i>Перфект.</i>	<i>Плюсквамперфект.</i>
habe gesagt	hätte gesagt
habest gesagt и т. д.	hättest gesagt и т. д.
habe gekannt	hätte gekannt
habest gekannt и т. д.	hättest gekannt и т. д.
habe wollen, gewollt	hätte wollen, gewollt
habest wollen, gewollt и т. д.	hättest wollen, gewollt и т. д.
sei (ge)worden „	wäre (ge)worden „
sei gewesen „	wäre gewesen „
sei gekommen „	wäre gekommen „

§ 331. Будущее первое и второе. От соответствующих форм индикатива они отличаются только тем, что вспомогательный глагол спрягается в конъюнктиве.

Образцы спряжения.

<i>Будущее первое.</i>	<i>Будущее второе.</i>
werde sagen	werde gesagt haben
werdest sagen и т. д.	werdest gesagt haben и т. д.
werde kommen	werde gekommen sein
werdest kommen и т. д.	werdest gekommen sein и т. д.
werde können	werde gekonnt haben
werdest können и т. д.	werdest gekonnt haben и т. д.

§ 332. Кондиционалис I и II (Konditionalis I, II). По своему значению эти формы сходны с претеритом и плюсквамперфектом конъюнктива. Между собой они различаются тем, что кондиционалис I относится к настоящему или будущему времени; кондиционалис II — к прошедшему, напр.: ich würde sagen означает „я сказал бы (сейчас или впоследствии)“, ich würde gesagt haben — „я сказал бы (раньше)“.

Кондиционалис возник в начале нововерхненемецкого периода в качестве описательной формы конъюнктива, заменяющей этот последний,

поскольку, как мы видели, он в целом ряде случаев совпадает с индикативом. Его употребление, однако, ограничено определенными синтаксическими условиями, о которых речь будет ниже (см. § 531 и далее).

Кондиционалис I образуется из претерита конъюнктива вспомогательного глагола *werden* и инфинитива I спрягаемого глагола; кондиционалис второй отличается от первого только тем, что при его образовании используется инфинитив II вместо инфинитива I.

Образцы спряжения.

<i>Кондиционалис I.</i>		<i>Кондиционалис II.</i>	
würde sagen	и т. д.	würde gesagt haben	и т. д.
würde kommen	„	würde gekommen sein	„
würde nennen	„	würde genannt haben	„
würde sein	„	würde gewesen sein	„
würde tun	„	würde getan haben	„

3) Страдательный залог.

§ 333. В пассиве конъюнктива имеются все встречающиеся в активе времена, и значение их такое же, как и в этом последнем. Принцип образования отдельных форм такой же, как и в индикативе; отличие же заключается в том, что вспомогательный глагол *werden* спрягается в конъюнктиве.

Образцы спряжения.

<i>Настоящее время.</i>	<i>Претерит.</i>
werde gefragt	würde gefragt
werdest gefragt...	würdest gefragt...
и т. д.	и т. д.
<i>Перфект.</i>	<i>Плюсквамперфект.</i>
sei gefragt worden	wäre gefragt worden
и т. д.	и т. д.
<i>Будущее первое.</i>	<i>Будущее второе.</i>
werde gefragt werden	werde gefragt worden sein
werdest gefragt werden	werdest gefragt worden sein
и т. д.	и т. д.

е) ИМПЕРАТИВ.

§ 334. Повелительное наклонение не имеет ни обычной для других наклонений системы времен, ни полной системы лиц. Простая форма его имеет только второе лицо единственного и множественного числа.

Единственное число слабых и смешанных глаголов образуется от основы настоящего времени путем прибавления окончания *-e*, напр.: *sage*, *peppe* и т. п. Это окончание, обязательное в книжном языке, в разговорном языке нередко опускается. В глаголах типа *wandern*, *wandeln* — форма ед. ч. повелительного наклонения будет *wandre*, *wandle* и т. п. (см. § 282).

При образовании ед. ч. императива от сильных глаголов следует различать две группы: 1) глаголы, у которых коренным гласным в инфинитиве является *e* (долгое или краткое), если этот гласный чередуется в настоящем времени с *i*, напр.: *gebe* — *gibst*; 2) глаголы, имеющие в инфинитиве любой другой гласный, а также и *e*, если последнее не чередуется в настоящем времени с *i*, напр.: *gehe* — *gehst*. В глаголах первой группы имеет место чередование гласного по преломлению; окончания же они никакого не принимают, напр.: *geben* — *gib*, *nehmen* — *nimm* и т. п. Исключение составляет только глагол *sehen*, который часто имеет наряду с чередованием коренного гласного окончание *e*; форма *siehe* вместо *sieh* встречается, во-первых, в поэтическом языке, во-вторых, в очень распространенных формулах типа *siehe oben*, *siehe unten* и т. п.

Глаголы второй группы образуют императив так же, как и слабые глаголы; однако, окончание в них чаще опускается, чем в последних; напр.: *halt(e)*, *ruf(e)*, *steh(e)*, *bind(e)* и т. п. Никогда не имеют окончания формы *kom* и *laß*.

Из глаголов *praeterito-praesentia* повелительное наклонение имеют только *wissen* и *wollen*, а именно: *wisse* и *wolle*.

Неправильные глаголы имеют в повелительном наклонении следующую форму: *sei*, *habe*, *werde*, *tu(e)*.

Множественное число императива совпадает со 2 л. множ. ч. наст. вр. индикатива (см. § 278), напр.: *nehmt*, *bringt*, *stellt*, *seid*, *werdet*, *hebt*, *tut* и т. п. В поэтическом языке часто сохраняется старая форма с гласным *e* перед окончанием, напр.: *O, tönet fort, ihr süßen Himmelslieder* (Goethe).

Примечание. В глаголах с отделяемыми приставками последняя в императиве отделяется, напр.: *stehe auf* и т. д.

§ 335. Наряду с простой формой 2 л. множ. ч. существует еще особая форма вежливости, употребляющаяся всегда с местоимением *Sie* и совпадающая с 3 л. множ. ч. наст. вр. индикатива, напр.: *sagen Sie*, *nehmen Sie* и т. п.

В императиве существует, кроме того, 1 л. множ. ч., образуемое из 1 л. множ. ч. индикатива глагола *wollen* и инфинитива спрягаемого глагола; эта форма также употребляется всегда с личным местоимением (*wir*), напр.: *wollen wir gehen*, *wollen wir lesen* и т. п.

Образцы спряжения.

Ед. ч.	<i>sage</i>	<i>halt(e)</i>
Множ. ч. 1 л.	<i>wollen wir sagen</i>	<i>wollen wir halten</i>
Множ. ч. 2 л.	<i>sag(e)t</i>	<i>haltet</i>
" " " "	<i>sagen Sie</i>	<i>halten Sie</i>
Ед. ч.	<i>nimm</i>	<i>geh(e)</i>
Множ. ч. 1 л.	<i>wollen wir nehmen</i>	<i>wollen wir gehen</i>
Множ. ч. 2 л.	<i>nehm(e)t</i>	<i>geh(e)t</i>
" " " "	<i>nehmen Sie</i>	<i>gehen Sie</i>
Ед. ч.	<i>sei</i>	<i>werde</i>
		<i>tu</i>

Множ. ч. 1 л.	—	wollen wir werden	wollen wir tun
„ „ 2 „	seid	werdet	tu(e)t
„ „ „	seien Sie	werden Sie	tu(e)n Sie
Ед. ч.	stehe auf		tritt ein
Множ. ч. 1 л.	wollen wir aufstehen		wollen wir eintreten
Множ. ч. 2 л.	steh(e)t auf		treten ein
„ „ „	stehen Sie auf		treten Sie ein

Примечание. Наряду с формой вежливости типа sagen Sie существует оборот с глаголом wollen (wollen Sie sagen), употребляемый сравнительно редко.

4. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.

А. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

§ 336. Различают два типа слов: коренные слова и производные. Коренные слова (немецкие: Tag, Fall, Streit, dort, schön и т. п.; русские: *день, стол, там, этот* и т. п.) представляют собой в основном старый лексический слой языка, расширение которого, как правило, возможно в пределах чередования корня.

Коренные слова, морфологически нерасчленимые в современном языке, представляющие собой в последнем одну морфему — корень, в результате исторического анализа нередко могут быть разложены на несколько морфем; такие слова, следовательно, генетически представляют собой основу. Так, напр., русское слово *здесь* восходит к древнерусскому *сдесь*, в котором *с* является префиксом; немецкое *Last* с исторической точки зрения разлагается на *Las + t*, где корень *Las-* оказывается связанным с *laden*, а *-t* представляет собой довольно распространенный суффикс существительного (см. § 374).

Некоторые слова, рассматриваемые с точки зрения современного языка как коренные, возникли из сложных слов; так, *Wimper* — восходит к средневерхненемецкому *wint — bräwe* „изогнутая бровь“; *Adler* восходит к *adel — ar* „благородный орел“; *Eimer* восходит к *ein — bar* „сосуд с одной ручкой“; *Zuber* восходит к *zwi — bar* „сосуд с двумя ручками“ (ср. § 591).

Исходя из этих фактов, большинство немецких грамматик вовсе избегает термина *Wurzel* (корень) и употребляет вместо него *Stamm* (основа); они не различают, таким образом, понятия корня и основы (см. § 138). Такая точка зрения, базирующаяся на фактах истории языка, отрицает по существу историческое развитие языка, она считает невозможным признать, что в процессе развития языка одна категория может перейти в другую, основа — в корень. Эта псевдо-историческая точка зрения мешает правильному пониманию явлений современного языка.

§ 337. В современном языке новые слова возникают почти только как производные слова от старых слов и из старых морфем. Новые коренные слова образуются в основном из сокращения широко распространенных названий; эти сокращения называются аббревиатурами; таковы

русские ЦИК, ВКП (б) и др., которые, правда, не всегда склоняются (а некоторые — как ВКП — никогда не склоняются) и пишутся еще не так, как обыкновенные старые слова; напротив *чека* и особенно производное от этого нового корня *чекист* создается и пишется уже как обычное слово. Аналогичные по форме образования существуют с довольно давнего времени и в немецком языке, напр.: *Narag* (слово женского рода — *die Narag*), составленное из первых звуков всех слов, входящих в сложное название „Hamburg-Amerikanische Paketfahrt-Aktien-Gesellschaft“. В современном немецком языке распространены аббревиатуры — советизмы, заимствованные из русского языка, напр. *die UdSSR, der Zik, die Komintern, der Komsomol* и т. п. (см. § 635).

Наконец, новые коренные слова возникают из стремления к звукоподражанию. Само собой разумеется, что звукоподражательность этих слов весьма относительна и условна, ибо нечленораздельные звуки, встречающиеся в окружающем мире, данный язык расчленяет, используя в качестве субститутов имеющиеся в его распоряжении фонемы. При этом один и тот же звук может в разных языках истолковываться по-разному, так, например, русскому *кукареку*, немецкому *kikeriki* «ki:ke:ri:ki:» соответствует английское *cock-a-doodle-doo* «'kɔkədu:dl'du:».

Звукоподражательными словами по происхождению являются, например, *Kuckuck, Uhu, mugen, summen* и т. д. Звукоподражательным является также и новое шуточное название автомобиля *Töffttöf*.

§ 338. Основных способов образования производных слов различают обычно два: 1) аффиксация (*Ableitung*) и 2) словосложение (*Zusammensetzung*).

Аффиксация, т. е. словообразование посредством префиксов и суффиксов, — способ, одинаково распространенный и в немецком и в русском языках, напр.: немецкие — *Urwald, Erzdieb, besprechen, unweit, Entstehung, Freiheit, zweifellos, buchstabieren, frösteln, tags*; русские — *востход, преступить; верность, развигие, древний, близко* и т. п.

В морфологическом отношении особенно важную роль играет суффиксация, при помощи которой различаются части речи, напр.: *fragen, fraglich, Frage* и т. д.

Словосложение, встречающееся и в русском языке (*водопровод, паровоз, моторостроение, воздухоплавание*), несравненно шире распространено в немецком, где можно найти соединения из трех, четырех и более слов, напр.: *Generalmusikdirektor, Dampfstraßenbahngesellschaft* и т. п.

Примечание. В конечном счете всякое сложное слово, даже если оно состоит из трех, четырех и т. д. слов, распадается только на две части (см. § 342).

§ 339. Между образованием слов посредством аффиксов и посредством словосложения нет резких границ; это безусловно справедливо с точки зрения исторической, но может быть выведено и из ряда фактов современного языка.

Вторая часть сложных слов иногда играет роль, приближающуюся к роли суффикса. Таковы, например, слова *Mann* и *voll*; *Mann, утра-*

чивая свое основное значение, служит для образования существительных, обозначающих действующее лицо, и совпадает в этом смысле с суффиксом **-er**; *voll*, утрачивая свое самостоятельное значение, превращается в средство для образования имен прилагательных от существительных. В некоторых случаях сложное существительное с *Mann* и существительное с суффиксом **-er** могут иметь одно и то же значение, напр.: *Arbeitsmann* — *Arbeiter*, *Handwerksmann* — *Handwerker* и т. п. Не отличаются и некоторые сложные прилагательные с *voll* от прилагательных с суффиксом, напр.: *angstvoll* и *ängstlich* (см. § 393).

Если слова *Mann* и *voll*, как и некоторые другие слова, о которых речь будет ниже, еще и сейчас находятся на пути превращения их в суффиксы, то для других слов этот процесс закончился в более ранние периоды истории языка; так суффикс существительных **-heit** (*Schönheit*) в древневерхненемецкий период был еще самостоятельным словом со значением „Wesen“; суффикс прилагательных **-sam** имел самостоятельное значение („ebenso wie“) еще в средневерхненемецкий период. Промежуточное положение занимает суффикс дробных числительных — **-tel**; хотя он имеет редуцированную форму, но связь его со словом *Teil*, из которого он произошел, еще довольно ясно ощущается.

История большинства суффиксов нам не известна; однако, не подлежит сомнению, что все они возникли аналогичным путем, т. е. из самостоятельных слов. Неясность происхождения таких суффиксов обусловлена тем, что процесс их развития из самостоятельных слов относится к доисторическому периоду развития немецкого языка.

Выше мы указывали на то, что и префиксы были первоначально самостоятельными словами, наречиями. Интересно отметить, что *voll* в качестве первой части сложного слова превращается в префикс, напр.: *vollkommen*, *vollbringen* и т. п.

Таким образом, с исторической точки зрения между словообразованием посредством аффиксации и словообразованием посредством словосложения нет принципиального различия; всякий аффикс восходит в конечном счете к самостоятельному слову. Это, разумеется, не означает, что в каждом производном слове, встречающемся в современном языке, суффикс первоначально был самостоятельной частью сложного слова; напротив, в большинстве случаев мы имеем новообразования, в которых суффикс с самого начала играл роль аффикса. Речь идет, следовательно, не о каждом конкретном слове, а о типе образования, а с этой точки зрения образование производных слов генетически всегда является словосложением.

§ 340. Сложные слова могут иметь два значения. Во-первых, они выполняют функцию синтаксических сочетаний, в основном — сочетаний определения с определяемым, напр.: *Vaterhaus* — *das Haus des Vaters*, *Schreibtisch* — *der Tisch zum Schreiben*, *Eisentor* — *das Tor aus Eisen*, *Geheimrat* — *geheimer Rat* и т. п. (ср. § 478). Конечно, сложные слова, как правило, не покрывают полностью значения соответствующих синтаксических сочетаний; из приведенных примеров это особенно четко видно на словах *Schreibtisch*, *Geheimrat*, которые ясно отличаются от указанных сочетаний: *Schreibtisch* — это стол особой формы, а не просто стол, предназначенный для писания; *Geheimrat* — это определенный чин, а не всякий, дающий советы тайно. Не исключено и полное совпадение значений сложного слова и синтаксического сочетания, напр.: *grüner Kohl*, *Grünkohl* и т. п. (см. § 355). Во-вторых,

сложные слова могут служить терминами для простых понятий (Geheimrat приближается к этому типу); в таком случае они не могут быть разложены на соответствующие синтаксические сочетания, напр.: Backfisch, Sauerstoff, Vaterland и т. п.

Нередко сложное слово сохраняет все признаки синтаксических отношений между отдельными его элементами, напр.: achtgeben, hochschätzen, Tageslicht, Volksrecht, Völkerbund, Bundesrat, jederzeit и т. п., где первый элемент сохраняет признаки падежа и числа. В некоторых случаях сохраняется склонение обоих элементов, а не только второго; это всегда имеет место в сложных местоимениях derselbe, derjenige (Gen. desselben, desjenigen) и т. п., а также в некоторых существительных, напр.: Langeweile (aus Langerweile), Hohelied (des Hohenliedes) и т. п. Совершенно особый тип представляют сложные слова, в которых мы имеем сложные синтаксические сочетания, подчас целые предложения, таковы: Vergißmeinnicht, Springinsfeld, Rührmichnichtan, nichtsdestoweniger и т. п. Само собой понятно, что для возникновения слов этого типа необходимо, чтобы они приобретали новое совершенно определенное значение, резко отличающее их от соответствующей синтаксической группы; и действительно, Rührmichnichtan, как существительное („недотрога“), никак не покрывает по своему значению предложения rühr mich nicht an („не тронь меня“).

§ 341. Сложные слова типа Vaterhaus, в которых грамматическая связь между составными элементами не выявлена, обычно называются в немецких грамматиках *eigentliche* или *echte Zusammensetzung* (полносложные), а также просто *Zusammensetzung*; слова же типа Tageslicht, в которых налична грамматическая связь между отдельными частями, называются *uneigentliche*, *unechte Zusammensetzung* или же *Zusammenrückung* (неполносложные).

Различение этих двух типов является чисто формальным, так как по существу мы и в том и в другом случае имеем одинаковые синтаксические отношения.

Причину формального различия обоих типов следует искать в истории языка. Они возникли на разных стадиях развития языка, и поэтому оформлены по-разному, хотя оба они восходят к синтаксическим сочетаниям; речь идет, конечно, о типе словосложения, а не о каждом конкретном сложном слове современного немецкого языка; только древнейшие такие образования происходят непосредственно из синтаксических сочетаний; большинство же было образовано и образуется сейчас по аналогии со старыми сложными словами, а не из соответствующей синтаксической группы.

Наиболее древним типом словосложения является, т. наз., *Zusammensetzung* или *eigentliche Zusammensetzung*. Он восходит, повидимому, к такой стадии развития языка, когда синтаксические отношения не оформились еще в определенных морфологических категориях (падежа и т. п.), характеризующих теми или иными окончаниями. Синтаксическая роль слова определялась только его местом по отношению к другому слову, порядком слов. При этом первое слово служило для конкретизации более общего значения второго слова, т. е. было определением к последнему (такое положение вещей полностью сохраняется в большинстве сложных слов и в современном языке). Так, тип Augapfel формально сложен как „глаз яблоко“, однако, положение слова Aug' „глаз“ в отношении другого существительного превращало его в определение „глазной“.

Тип *Zusammenrückung* (или *uneigentliche Zusammensetzung*) возник тогда, когда синтаксические отношения стали выражаться в языке определенными

флексиими; порядок слов при этом отступил на задний план; атрибутивная функция Tag в слове Tageslicht определялась не столько тем, что оно стоит перед Licht, сколько окончанием родительного падежа („дня свет“ = „дневной свет“). Тем не менее сохраняется и старый порядок слов, при котором определяющее слово стоит впереди определяемого.

Порядок слов при словосложении подчиняется старому правилу также и в современном языке; благодаря ему возможна дифференциация значений множества слов, напр.: Ölbaum — Baumöl, Federstahl — Stahlfeder, Zuchtvieh — Viehzucht и т. п. Что же касается падежного окончания, то оно утратило свое значение и воспринимается теперь, как своего рода соединительный элемент, аналогичный русскому о (например, *пароход*). Причина этого явления заключается в том, что в современном языке родительный падеж не в состоянии выразить всего многообразия синтаксических отношений, выражаемых, как мы увидим ниже, сложными словами. Кроме того, при этом играет роль также утрата падежных окончаний существительными женского рода (см. § 164).

§ 342. Наряду с двучленными сложными словами в современном языке, как уже указывалось выше, имеют довольно большое распространение и многочленные соединения, особенно субстантивные. Важно всегда иметь в виду, что в отношении выражаемых ими синтаксических связей они, независимо от числа составляющих их членов (слов), распадаются на две части аналогично двучленным соединениям. Так, слово Dampfstraßenbahn разлагается не на Dampf + Straßen + Bahn, а на Dampf + Straßenbahn; последние два слова представляют единое целое; в слове Schriftstellerverband такое единство составляют первые два (Schriftsteller + Verband).

Особо следует отметить сложные слова типа Altweibersommer, Siebenmeilenstiefel; первые два элемента их представляют собой свободные синтаксические сочетания (alte Weiber, sieben Meilen), не встречающиеся без третьего элемента, как сложные слова.

§ 343. Словосложение в целом ряде случаев перекрещивается с суффиксацией; в таких случаях словосложение может быть осуществлено только при помощи соответствующего суффикса; без него же вместо сложного слова может функционировать только синтаксическое сочетание, из которого оно образовано. Так, Außerachtlassung существует как одно слово только благодаря суффиксу -ung; без него возможна только синтаксическая группа außer Acht lassen; точно так же kurzarmig образовано благодаря суффиксу -ig из сочетания kurzer Arm. Такого рода образования довольно широко распространены, напр.: Gesetzgebung, Inbetriebsetzung, augenfällig, schwerhörig, hochgradig, zweisprachig, hochzülig и т. п.

§ 344. В очень большом числе случаев суффиксации сопутствует чередование корня по умлауту и по преломлению, напр.: Wärme, Bäcker, Schwächling, gründlich, völlig, städtisch, Gebirge, irdisch, träumen и т. п. Однако, чередование по умлауту и по преломлению в отличие от чередования по аблауту не является самостоятельным способом словообразования, хотя умлаут иногда может служить для дифференциации значений слов, образованных посредством одного и того же суффикса, напр.: sachlich „вещественный“ — sächlich „среднего рода“.

§ 345. При рассмотрении способов словообразования следует различать „живые“, производительные способы, т. е. такие, посредством

которых можно и в современном языке образовать новые слова, и способы „неживые“, бывшие производительными в более ранние периоды истории языка.

Такое различие необходимо по двум соображениям: во-первых, для практических целей: чтобы указать, можно ли воспользоваться тем или иным из них для образования нового слова; во-вторых, для того, чтобы показать язык в развитии, в исторической перспективе.

В курсе современного языка основное внимание естественно должно быть уделено производительным способам. Основное различие между производительными и непроизводительными способами словообразования можно показать на следующем примере. Существительное *Zeigung*, образованное от глагола *zeigen* посредством живого суффикса **-ung**, не существует в немецком языке, но если бы оно было употреблено кем-нибудь, то оно безусловно было бы понято как „показывание, указание“ и т. п.; слово же *Zeicht*, образованное от того же глагола посредством неживого суффикса **-t** (ср. *Tracht* от *tragen*, а также § 374), не вызвало бы никаких смысловых ассоциаций и даже не было бы принято как существительное.

§ 346. Каждый аффикс, будучи по происхождению самостоятельным словом, имеет первоначально вполне определенное значение; это можно видеть на таких примерах, как указанные выше *Mann* и *voll*, являющиеся аффиксами в становлении, или **-tel**, который представляет собой суффикс недавнего происхождения. В дальнейшем аффиксы могут совершенно изменить свою семантику и начинают употребляться в различных значениях и функциях (см. напр., префикс **un-** § 378; суффикс **-ung** § 365). Различные аффиксы могут приобретать одинаковое значение и одинаковые функции, напр.: префиксы **un-** и **erz-** в усилительном значении (см. §§ 378, 379), суффиксы **-schaft** и **-tum** в собирательном значении (см. §§ 368, 369); семантически недифференцированными являются особенно суффиксы прилагательных. Употребление того или иного из однозначных суффиксов следует просто традиции (напр.: *Jungfernschaft*, но *Mädchentum*; *kräftig*, но *köstlich*). Иногда возможно наличие различных суффиксов при одном и том же корне, большей частью с семантической дифференциацией, напр.: *bildlich* „образный“, — *bildbar* „пригодный к изображению“, — *bildsam* „мягкий“; *sittlich* „нравственный“ — *sittig* „вежливый“, „благонравный“, — *sittsam* „благонравный“; *Eigenschaft* „свойство“ — *Eigentum* „собственность“; реже встречается употребление различных суффиксов без дифференциации значения, напр.: *löslich* — *lösbar*. Этот случай вполне возможен вследствие отсутствия четкого различия значений отдельных суффиксов.

§ 347. Как особый способ словообразования можно рассматривать употребление одной части речи в функции другой (см. § 141). Так, в немецком языке чрезвычайно широко распространена субстантивация самых различных частей речи. Потенциально всякое слово может быть употреблено как существительное; в некоторых же случаях такое употребление становится настолько обычным, что можно говорить о полной субстантивации данного слова, напр.: *der Stumme*, *das Dunkel*,

das Aber, das Ach, das Ich, das Wie, das Ja, eine Drei, eine Vier и т. п.

Наконец, тесная связь существует между прилагательными (в том числе и отглагольными прилагательными — причастиями) и наречиями. Прилагательное в несклоняемой форме в процессе исторического развития совпало по форме с наречием, а вследствие синтаксической близости между этими частями речи несклоняемая форма прилагательного почти всегда может функционировать и как наречие.

Б. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

а) КОРНЕВЫЕ СЛОВА.

§ 348. Живые способы образования корневых слов крайне ограничены; все существительное было сказано о них выше.

Из неживых способов следует указать на чередование корня по аблауту (см. § 104), которое имеет место только в корнях, встречающихся в сильных глаголах. Признаком существительного в этих случаях будет не только особая форма корня, но и отсутствие суффикса, напр.: Griff — greifen; Trieb — treiben; Bug — biegen; Zug — ziehen; Fluß, Floß — fließen; Band, Bund — binden; Klang — klingen; Trank, Trunk — trinken; Bruch — brechen; Wurf — werfen; Fraß — fressen; Tritt — treten; Wuchs — wachsen, Stand — stehen.

Наряду с этим имеются существительные, связанные по корню как с сильными, так и со слабыми глаголами (во многих случаях и образованные от этих глаголов), признаком которых является только отсутствие суффикса, напр.: Schein — scheinen, Befehl — befehlen, Schlag — schlagen, Schlaf — schlafen, Spiel — spielen, Schmied — schmieden, Spalt — spalten и т. п.

В сущности, неживым в этом способе словообразования является только характер чередований, обусловленных старым законом аблаута. Вообще же образование существительных без помощи суффиксов вполне возможно; правда, только от производных глаголов, напр.: Ausflug, Abschnitt, Zutritt, Einbruch, Beistand, Verbrauch, Aufbruch и т. п.

В перечисленных здесь примерах могло иметь место образование путем словосложения: приставка + старое корневое существительное (Flug, Schnitt, Tritt и т. д.).

В таких же словах, как Abschied, Ertrag, Nachweis, Versuch, мы несомненно имеем дело с производными от глаголов abscheiden, ertragen, nachweisen, versuchen, ибо существительных „Schied, Trag“ и т. д. нет в немецком языке.

б) СУБСТАНТИВАЦИЯ.

§ 349. Субстантивироваться, т. е. иметь значение существительного и выполнять его функцию, могут прилагательные (включая и причастие и степени сравнения), сохраняя при этом флексию имени прилагательного. Субстантивации может подвергаться каждое прилагательное, напр.: der Gute, der Starke; die Spröde; das Gekochte; der Älteste, der Jüngste. Однако, лишь некоторые становятся обычными, общеупотребительными

существительными, причем это сопровождается известным семантическим сдвигом, известной смысловой изоляцией по сравнению с односторонним прилагательным. Обычными субстантивациями являются, напр.: *der Arme* „нищий“, *der Bediente* „слуга“, *der Fremde* „чужестранец“, *der (die) Geliebte* „возлюбленный (ая)“, *der Gesandte* „посланник“, *der Gelehrte* „ученый“, *der Nächste* „ближний“, *der Reiche* „богач“, *der Verwandte* „родственник“, *der Vorsitzende* „председатель“, *das Ganze* „целое“. Так, напр.: *der Gelehrte* „ученый, исследователь, научный работник“ никак нельзя отождествить по его значению с прилагательным *gelehrt* от глагола *lehren*. Еще яснее семантический сдвиг в словах *der Vorsitzende*, *der Nächste*.

Существительные эти, однако, еще крепко поддерживают свою формальную связь с прилагательными, склоняясь как атрибутивное прилагательное по двум типам склонения — сильному и слабому. Так, мы имеем *der Verwandte* и *ein Verwandter*; *der Arme* и *ein Armer*.

Известная же группа существительных целиком порвала эту связь с близким ему по происхождению прилагательным, принимая склонение по тому или иному типу склонения имен существительных. Семантический сдвиг тут, конечно, очень значителен, и языковое сознание не воспринимает эти слова как прилагательные. Так, напр., мужск. род: *der Junge* „мальчик“ (слаб. склонения, ср. прил. *jung*), *der Kunde* „покупатель“ (слаб. скл., ср. прил. *kund*), *der Greis* „старец“ (сильн. склонение), *der Oberst* „полковник“ (слаб. склон.). Еще старее субстантивации *Herr* (слаб. склонение, по происхождению сравнит. степ. от *hêr* „*vornehm*“, „*hehr*“ — *hêiro* > *hêiro* > *herr*), *Mensch* (слаб. склонение, прилагательное *mennisco* к существительному *man* „*Mann*“) и др. Средн. род: *das Gut* „добро, имение“ (сильн. скл., к прилагательному *gut*), *das Mittel* „средство“ (сильн. скл., к прилагательному *mittel*) и др.

Субстантивация является чрезвычайно производительным способом образования существительных от глаголов; любой инфинитив может быть субстантивирован, причем он становится существительным среднего рода, служащим почти всегда для обозначения процесса действия: напр.: *sehen* — *das Sehen*, *gehen* — *das Gehen*, *schreiben* — *das Schreiben* и т. п.

в) СЛОВСОЖЕНИЕ.

§ 350. Вторым членом сложного существительного (мы говорим здесь только о двучленных словах, поскольку и многочленные принципиально не отличаются от них (см. § 342), если оно не представляет собой застывшего фразеологического сращения вроде *Taugenichts*, *Stell-dichein* и т. п., всегда является существительное же, так как именно второй член является основным, определяемым словом. Первым членом могут быть различные части речи: имя существительное, прилагательное, глагол, наречие и др.

§ 351. Существительные с существительным могут соединяться следующим образом: 1) Первое существительное присоединяется ко второму непосредственно, оно при этом может стоять либо в форме корня, напр.: *Erdbeben*, *Augapfel*, *Handwerk*, либо в форме основы, напр.: *Wärmegrad*, *Heideland*, *Schneidergeselle*. 2) Между обоими членами стоит,

т. наз., соединительное (e)s, примыкающее в отношении слогоделения к первому из них, напр.: Wirtshaus, Kindespflicht, Arbeitslohn, Geburtstag, Freiheitskrieg, Liebeszeichen и т. п.; установить какую-нибудь закономерность в отношении наличия гласного е перед соединительным s невозможно; одно и то же сложное слово может быть употреблено в двойной форме, напр.: Manneshöhe и Mannshöhe. После одного и того же первого слова в одних сочетаниях ставится s, в других es, напр.: Landsmann — Landesmann — Landesgenosse. 3) Между обоими членами стоит, т. наз., соединительное (e)n, также примыкающее к первому, напр.: Frauenschule, Studentensprache, Sonnenschein, Bauernhaus. 4) Первое существительное ставится во множественном числе, напр.: Kinderheim, Mäusegift, Gänsebraten, Pferdestall. 5) Особые случаи, напр.: Tageblatt, Bräutigam, Nachtigall, Herzenswunsch.

Между первым и вторым способом нет четкого разграничения; во многих случаях одно и то же сложное слово может иметь соединительное (e)s и может не иметь его, напр.: Mittagessen и Mittagessen; Meereswasser и Meerwasser; Tabaksdose и Tabakdose; Gesichtssinn и Gesichtssinn и т. п. Нередко одно и то же существительное присоединяется к одному существительному непосредственно, к другому — посредством соединительного (e)s, напр.: Kalbleder, но Kalbsleber; Jahrgang, но Jahreszeit и т. п.

Как правило (e)s отсутствует в сложных словах, первой частью которых являются существительные с окончанием основы на -en, напр.: Magenkrebs, Regenguß, Wagenpark, Kartenhaus и т. п. Соединительное (e)s может отсутствовать и в том случае, если между второй и первой частью существуют аккузативные отношения, напр.: Arbeitgeber, Kriegführung, Ratgeber и др. Однако, это не всегда имеет место и, кроме того, как видно из ряда приведенных выше примеров, (e)s отсутствует также и во многих других случаях, не поддающихся ни грамматическому, ни фонетическому определению.

Соединительное s налично всегда в словах, первая часть которых является существительным с суффиксами -ung, -heit, -keit, -schaft, -tät, -tion, напр.: Bildungskraft, Dichtungsart, Einheitsfront, Freiheitskampf, Fruchtbarkeitsgrad, Dichtigkeitsmesser, Wirtschaftsplan, Gesellschaftskunde, Universitätsprofessor, Revolutionskrieg и т. п.

Иногда наличие разбираемых двух способов образования используется для дифференциации значения сложных слов; так Landsmann означает „земляк“ (Landesgenosse), а Landmann — „сельский житель“; Rechtsschrift означает „юридический документ“, Rechtschrift — „орфография“, Wassersnot означает „бедствие от наводнения“, а Wassernot — „недостаток воды“ и т. п.

Между первым и третьим способом образования сложных существительных точно так же нельзя провести четких границ. И здесь возможны колебания вроде Mailuft — Maienluft; и здесь после одного и того же слова в различных сочетаниях соединительное en может отсутствовать или быть налицо, причем это не стоит ни в какой связи с фонетическими особенностями второго слова, напр.: Augapfel, но Augenarzt, Augenernhaut; Erdschicht, но Erdenschoß и т. п.

В качестве тенденции (но не в качестве твердого правила) можно установить, что при существительных мужского рода, склоняющихся по второму типу (см. § 162), если они служат первой частью сложного слова, стоит „соединительное“ *en*, напр.: *Menschenalter*, *Knabenstreich*, *Bärenhaut*, *Studentensprache* и т. п.

Второй и третий способы образования сложных слов четко разграничены между собой. Это значит, что одно и то же сложное существительное не может быть образовано и при помощи (*e*)*s* и при помощи (*e*)*n*.

В точности определить, какие именно существительные присоединяются посредством (*e*)*n*, невозможно. Можно только указать, что к существительным, не теряющим после себя (*e*)*s*, относятся, во-первых, слова мужского рода, склоняющиеся по второму типу (примеры смотри выше), во-вторых, слова женского рода, состоящие из одного слога, а также огромное большинство двусложных с окончанием на *-e*, напр.: *Frauenkleid*, *Zungenspitze* и т. д.

Четвертый способ словообразования существительных часто смешивается с первым и со вторым, о чем подробнее речь будет в следующем параграфе, напр.: *Gänsebraten* и *Gansbraten*; *Kindermädchen* и *Kindsmädchen*; *Männerstimme*, но *Manneswort* и т. п.

§ 352. Причину смешения различных способов образования сложных существительных можно объяснить следующим образом. Как уже указывалось выше, не только т. наз. соединительное (*e*)*s*, но и соединительное (*e*)*n* было первоначально всегда окончанием родительного падежа первого члена сложного существительного. Таким образом, наличие того или иного из этих окончаний или отсутствие всякого окончания зависело от формы родительного падежа соответствующего существительного; в некоторых случаях это сохраняется и до настоящего времени, напр.: *Jahreszeit*, *Knabenalter*, *Kraftwerk*, *Herzensfreude* и т. п.

Однако, с разрушением флективной системы *es* и *en* утрачивают свое значение падежных окончаний, превращаясь в „соединительный“ элемент. Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, наличие сложных слов старого дофлективного образования (первый способ), в которых первая часть, несмотря на отсутствие падежных окончаний, может выражать те же синтаксические отношения, что и первая часть с падежным окончанием в новых словах. Во-вторых, утрата слабого склонения существительными женского и среднего рода, благодаря которой *en*, например, в словах *Frauenzimmer* и *Augenblick*, перестало пониматься как окончание родительного падежа. Правда, в ряде случаев *en* можно бы трактовать как окончание родительного падежа множественного числа (напр., *Frauenzimmer*), но такие слова, как *Sonnenschein* и т. п., не допускают такого толкования.

Превратившись в соединительный элемент, (*e*)*s* стало присоединяться и к таким словам, которые не имели и не могли иметь его в качестве падежного окончания, а именно к существительным женского рода, напр.: *Liebeslied*, *Heiratsgut*, *Hilfszeitwort*, *Geschichtsforscher* и др. (см. выше). Любопытно, что присутствие (*e*)*s* обязательно как раз в существительных женского рода с перечисленными в предыдущем параграфе суффиксами. Прибавление (*e*)*s* оказалось возможным и в тех случаях, когда первая часть сложного слова имеет совершенно отчетливое значение множественного числа, напр.: *Freundeskreis*, *Schiffsverkehr* и т. п.

Первый член некоторых слов, воспринимаемый сейчас как множественное число, генетически также представляет собой ныне утраченные формы родительного падежа, напр.: *Gänse* и *Hände*; (в словах *Gänsebraten*, *Händedruck*) это старые формы родительного падежа существительных женского рода основ на *-i* (см. § 164).

Точно такие же формы мы имеем и в словах *Nachtigall, Bräutigam*, здесь сохранился даже без изменения гласный *i*. Последнее, повидимому, стоит в связи с тем, что эти слова воспринимаются как единое целое, так как *gatt* и *gall* в современном языке не существуют сами по себе.

Родительный падеж действительно множественного числа налицо в первой части таких слов, как *Kindergarten, Männerchor* и т. п. В современном языке падеж больше не ощущается, но множественное число свое значение сохраняет. В таких словах, как *Völkerbund, Völkerwanderung*, в противоположность *Volksheerrschaft, Volksredner*, а также в указанных выше *Kindergarten, Männerchor* и мн. др. множественное число вполне уместно; но, например, в *Männerstimme, Kinderzeit* в противоположность *Manneswort, Kindesalter* множ. число ничем не оправдано. Такая непоследовательность в употреблении и обусловила в дальнейшем чередование единственного и множественного числа в одном и том же слове.

§ 353. Выше уже указывалось, что первое слово в огромном большинстве случаев служит для более узкого (видового) определения второго. Это определение может быть самым разнообразным. 1) Первое слово выражает, принадлежностью чего или кого (принадлежность здесь понимается в самом широком смысле) является предмет, обозначаемый вторым словом, напр.: *Vaterhaus, Sonnenstrahl, Hühnerrei, Torflügel, Bienenkorb, Bucheinband, Baumkrone, Meereswasser* и т. п. 2) Первое слово указывает место или время, с которым связано второе, напр.: *Bergadler, Inselbewohner, Waldpflanze, Feldblume, Wanduhr, Kopfschmerz, Knochenmark, Morgenstern, Tagewerk, Sommerregen, Winterweizen, Abendrot, Mittagspause* и т. п. 3) Первое слово служит для обозначения того, из чего сделан или состоит предмет, обозначенный вторым, напр.: *Glasglocke, Steinbau, Marmorsäule, Eisenstock, Eierkuchen, Kartoffelsuppe, Gummischuhe* и т. п. 4) Первое слово указывает, для чего или для кого служит предмет, обозначенный вторым, напр.: *Tintenfaß, Brieftasche, Bierflasche, Tiergarten, Pferdestall, Tabaksdose, Teelöffel, Bücherschrank, Tischtuch, Knabenschule, Kindergarten, Waisenhaus, Mädchenkleid* и т. п. 5) Первое слово указывает, против кого или против чего служит предмет, обозначенный вторым словом, напр.: *Regenschirm, Staubmantel, Gasmaskе, Mäusegift, Diebstahlversicherung, Pockenimpfung* и т. п. 6) Второе слово обозначает целое, первое — характерный видовой признак его, напр.: *Apfelbaum, Nadelholz, Huftier, Rosenbusch, Nußtorte* и т. п. 7) Первое слово указывает, чем или кем производится то, что выражено вторым, напр.: *Maschinenarbeit, Kanonenschuß, Orgelspiel, Schifffahrt, Donnerschlag, Faustkampf, Vogelgesang, Knabenstreich* и т. п. 8) Первое слово уточняет, чем занимается и что производит лицо, обозначенное вторым, напр.: *Kohlenarbeiter, Bildhauer, Baumeister, Leinweber, Kammmacher, Goldschmied* и т. п. 9) Первое слово обозначает то, с чем сравнивается (на что похож) предмет, выраженный вторым словом, напр.: *Riesenschlange, Zwergholz, Goldkäfer, Glaskirsche, Staubzucker* и т. п.

Перечисленные девять типов, разумеется, не исчерпывают всех семантических связей, которые существуют между обоими членами сложного слова, но они являются наиболее распространенными; каждый из них мог бы быть дополнен множеством других примеров.

§ 354. Кроме сложных существительных, в которых первый член играет роль определения, имеется сравнительно небольшая группа,

т. наз., копулятивных соединений, в которых оба члена имеют одинаковое значение, напр.: Elsaß-Lothringen, Hessen-Nassau и т. п.

К копулятивным соединениям причисляются иногда и словосочетания типа Schritt und Tritt, Grund und Boden, Haus und Hof, Sturm und Drang, Rat und Tat и т. п. Они сходны с сложными существительными в том отношении, что первое слово не может иметь падежных окончаний.

§ 355. Сложные существительные с прилагательными в качестве первого члена не имеют столь большого распространения. Это объясняется тем, что прилагательное в данном случае выполняет свою обычную функцию определения; таким образом, сложное существительное Bitterbier семантически совпадает с сочетанием bitteres Bier; Grünkohl совпадает по значению с grüner Kohl. Вследствие этого, как устойчивые сложные существительные закрепились только такие, которые служат для обозначения особого понятия или предмета и которые, следовательно, отличаются по значению от соответствующих сочетаний прилагательного с существительным; таковыми являются, напр.: Sauerstoff (ср. saurer Stoff), Bittersalz, Freistadt, Großmutter. Кроме того, устойчивыми сложными существительными являются такие, которым вовсе не соответствует никакое синтаксическое сочетание, напр.: Frühjahr (сочетание frühes Jahr невозможно), Hochzeit и т. п.

К сложным существительным примыкают с семантической точки зрения сочетания, являющиеся по существу именами собственными, напр.: das Schwarze Meer, der Stille Ozean, der Dreißigjährige Krieg, или приближающиеся к последним по своему значению, напр.: der Gordische Knoten и т. п.

При словосложении прилагательное стоит в несклоняемой форме, напр.: Feinblech, Frühreif, Tiefland, Schwermut и т. п. (см. также вышеприведенные примеры).

В некоторых случаях, занимающих промежуточное положение между сочетаниями типа der Stille Ozean и сложным существительным, прилагательное имеет падежное окончание: Langeweile, Feinsliebchen, Hoheslied.

§ 356. Особую группу в семантическом отношении образуют сложные существительные (преимущественно с прилагательным в качестве первого члена), служащие для обозначения лиц или существ, но представляющие собой названия характерных для них признаков, напр.: Troitzkopf, Langohr, Blaustrumpf, Schöngeist. Аналогичное мы имеем и в русском языке, но только не в виде сложных слов, а в виде синтаксических сочетаний, напр.: *упрямая голова, синий чулок* и т. п.

Этот способ словообразования, распространенный в разных индоевропейских языках, обозначается термином „bahuvrihi“, заимствованным из санскритской грамматики.

§ 357. Сложные существительные с глаголом в качестве первой части имеют большое распространение. Глагол, фигурирующий в данном случае в форме основы инфинитива, присоединяется ко второму слову либо непосредственно, либо посредством соединительного гласного е. Последний встречается, как правило, только в том случае, если

основа глагола оканчивается на согласные «b, d, g, z»; однако и после этих согласных наличие *e* не всегда обязательно, напр.: *Lebewesen*, *Heberolle*, но *Schreibtisch*, *Lebtag*; *Fragebogen*, *Zeigefinger*, но *Steigleiter*, *Schlagwort*; *Rennpferd*, *Ladeplatz*, но *Bindfaden*; *Lesebuch*, но *Lesart*, а также *Leseart* и т. п.

Глагол, как первая часть сложного существительного, большей частью указывает на цель, для которой предназначается предмет, обозначенный второй частью, напр.: *Gießkanne*, *Nähmaschine*, *Schlafzimmer*, *Rennpferd*, *Schreibtisch*, *Lehrbuch*, *Haltestelle*, *Hängeriemen*, *Klebstoff*, *Reißen*, *Webstuhl*, *Druckpapier* и т. п.

Далее глагол может указывать способ действия, совершаемого предметом, обозначенным посредством второго слова, напр.: *Dreharm*, *Drucktelegraph*, *Schneidezahn*, *Nagetier*, *Sprengstoff* и т. п.

Кроме того, глагол может указывать и на свойство предмета, обозначаемого вторым словом, напр.: *Hängebahn*, *Flüsterton*, *Lachtaube* и т. п.

Использование глагола в необычной для него атрибутивной функции восходит, повидимому, к доисторической стадии развития языка, когда возник тип словосложения, именуемый „*eigentliche Zusammensetzung*“ (см. § 341). Действительно первая часть рассматриваемых здесь сложных существительных вовсе не оформлена как глагол; в таких словах как *Baustein* и многих подобных трудно сказать, является ли *Vau* существительным или основой глагола. Первоначально в словах этого типа первый член, в сущности говоря, и не был глаголом, поскольку в ту эпоху не было оформленных частей речи вообще.

§ 358. Местоимения и числительные очень редко используются при образовании существительных. Ко второму слову они присоединяются в несклоняемой форме без соединительного элемента, напр.: *Ichform*, *Ichsucht*, *Einhufener*, *Zweikampf*, *Zweirad*, *Zweiteilung* и т. п. Наряду с новой формой *zwei* встречается также старая — *zwie*, напр.: *Zwiespalt* и др.

§ 359. Сложные существительные, имеющие своим первым членом предлог, весьма многочисленны. По существу, во всех таких словах следовало бы говорить о наречиях; однако, многие старые наречия, как мы уже видели выше (см. § 276, 178), утратили свое наречное значение и превратились в приставки или в предлоги. В слове *Fürwort* формально считаем „*für*“ за предлог (наречия *für* в современном языке нет), но по своему значению оно не является таковым. Слово *Fürwort* никак нельзя развернуть в предложную группу „*für das Wort*“, оно означает „*das Wort steht für (ein anderes)*“; в современном языке мы вынуждены прибавить *ein anderes*, так как *für* не функционирует в качестве наречия. Если же мы возьмем, например, слово *Umwelt* (*um* в современном языке является и предлогом и наречием), то адвербиальное значение первого элемента станет еще более очевидным. Это слово можно было бы представить синтаксически так — „*die Welt, welche um (uns) ist*“.

Генетически связь предлога с наречием видна между прочим из следующего факта: предлог *in* встречается в крайне ограниченном числе сложных слов (*Inbegriff*, *Inbrunst*, *Ingesinde*, *Inhaber*, *Inhalt*, *Inland*, *Inlaut*, *Insaß*, *Inzucht*); напротив, чрезвычайно распространен соответ-

ствующий ему по значению префикс *ein-* (напр.: *Einband, Eindruck, Einfluß, Eingang, Einlage, Einschub* и многие другие), который является старым наречием.

Вследствие большей абстрактности значения предлогов, а также вследствие сложности синтаксических отношений, скрывающихся в такого рода сложных существительных, значение предлога, как первого члена их, трудно определить. Предлоги сходны в этом отношении с префиксами, которые в общем только модифицируют значение основного слова; их можно было бы рассматривать поэтому не в разделе словосложения, а в разделе префиксации.

Что же касается наречий, которые и в современном языке сохраняют свое самостоятельное значение, то они, будучи первыми членами сложных существительных, имеют, в общем, ту же семантику, что и прилагательные. Однако, они почти вовсе не встречаются в этом употреблении; исключение составляют только *wohl, außen, innen, wieder*, но и они очень редки.

Предлоги и наречия присоединяются ко второму члену сложного существительного непосредственно, без каких-либо соединительных элементов, напр.: *Abbild, Abart, Gegenstand, Ausweg, Ansicht, Mitglied, Nachdruck, Nachteil, Vorteil, Vormund, Nebensache, Nebenfach, Ausflug, Fürsorge, Beiwort, Auftrag, Durchbruch, Durchgang, Hintergrund, Hintertreppe, Umkreis, Umschrift, Widerspruch, Untergang, Untersee, Überbleibe, Überstrich, Zwischenraum, Zwischenspiel, Wohltat, Wohlgeruch, Außenseite, Außenwelt, Innenkraft, Innenleben, Wiederdruck, Wiedergeburt* и т. п.

§ 360. Путь становления некоторых из перечисленных слов (*Ausflug, Durchbruch, Widerspruch, Untergang* и др.), а также очень многих им подобных может быть двояким. Можно представить себе, что они были образованы путем присоединения того или иного предлога или наречия к существительному; но они могли быть образованы и от соответствующих сложных глаголов благодаря чередованию корня. Решить, какой из этих способов был использован в том или ином конкретном случае, не представляется возможным (см. § 348).

2) СУФФИКСАЦИЯ.

§ 361. Живыми, производительными суффиксами существительных в немецком языке являются следующие: *-er, -ner, -aner, -ler, -ling, -in, -ung, -heit, -keit (-igkeit), -schaft, -tum, -ei (-erei), -chen (-elchen), -lein*.

Из интернациональных суффиксов, присоединяемых также к немецким корням, важнейшими являются: *-ismus, -ist, -ant*. Широко распространен, кроме того, суффикс *-tion*, правда, только в словах заимствованных.

Наконец, функцию суффиксов могут выполнять и самостоятельные существительные *Mann, Zeug, Werk* и др.

§ 362. Для образования имен существительных, служащих для обозначения лиц, используются следующие суффиксы:

1. Суффикс *-er*, который, повидимому, восходит к латинскому *-arius* (ср. *архивариус*) и соответствует русскому «-ар', -ар» (*-арь, -яр*) (*пе-*

карь, столяр), употребляется главным образом для образования отглагольных существительных. В большинстве случаев они служат для обозначения действующего лица (nomen agentis) или представителя определенной профессии. Суффикс **-er** в большинстве случаев вызывает умлаут коренного гласного, если только данный гласный подвержен этому чередованию. Примеры: Bäcker, Arbeiter, Jäger, Lehrer, Leser, Schreiber, Flieger, Drucker, Maler, Weber, Schneider и т. п. С тем же суффиксом и с аналогичным значением могут быть образованы существительные и от существительных, напр.: Fleischer, Glaser, Schlosser, Gärtner, Köhler, Maurer, Wagner, Techniker и т. п.

От географических названий посредством этого суффикса образуются наименования жителей соответствующих местностей, напр.: Engländer, Schweizer, Europäer, Kölner, Moskauer и т. п.

2. Суффикс **-ner** употребляется в случаях, аналогичных употреблению суффикса **-er**, но он гораздо менее распространен, чем этот последний, напр.: Klempner, Schaffner, Florentiner и т. п.

3. Суффикс **-aner**, сходный по функции с русским **-анец (-нец, -ец)**, служит, во-первых, для обозначения жителей соответствующих стран, городов, напр.: Amerikaner, Afrikaner, Indianer, Venetianer (ср. *американец, индеец*), во-вторых, для обозначения приверженцев данной доктрины, напр.: Hegelianer (с соединительным *i*), Lutheraner и т. п.

4. Суффикс **-ler** употребляется редко; посредством него образуются только отыменные существительные; коренной гласный обычно имеет умлаут, напр.: Künstler, Tischler, Dörfler, Häusler и т. п.

5. Суффикс **-ling** имеет более узкое значение, чем предыдущие; он не употребляется при образовании существительных, обозначающих носителей профессии или жителей определенной местности. Он служит для обозначения лица вообще, иногда придавая существительному презрительный оттенок. Пособством этого суффикса существительные могут быть образованы от существительного же, от прилагательного и от глагола; коренной гласный имеет умлаут, напр.: Schwächling, Dichtering, Söldling, Mischling, Lehrling, Liebling, Häuptling и т. п.

6. Суффикс **-ist** имеет значение, сходное со значением **-er, -aner**; он также часто служит для образования существительных, обозначающих приверженцев того или иного учения. В общем он в немецком языке играет такую же роль, как и в русском. К исконно-немецким корням он прибавляется чрезвычайно редко, напр.: Sozialist, Kommunist, Marxist, Linguist, Hornist и т. п.

7. Суффикс **-ant** (встречается и в русском языке) по своему значению ближе к суффиксу **-er** и встречается почти только в иностранных или интернациональных словах. Вообще, он играет в немецком языке гораздо меньшую роль, чем суффикс **-ist**, напр.: Aspirant, Sekundant, Lieferant и т. п.

В функции суффикса, служащего для обозначения действующего лица, употребляется также существительное **Mann**, напр.: Bergmann, Amtmann, Seemann, Zimmermann и т. п.

Примечание I. Суффиксы **-ner** и **-ler** с точки зрения истории немецкого языка входят к суффиксу **-er**. Они возникли из слияния этого суффикса

с предшествующими ныне не производительными суффиксами **-п**, **-l**. Однако, когда **-п** и **-l** утратили свое значение, их стали объединять с суффиксом **-er** (*Falk-ner, Säck-ler*), а впоследствии новые суффиксы **-ner** и **-ler** стали присоединяться к таким словам, в которых **-п** и **-l** не имели места (*Tischler, Blech-ner*).

Примечание II. Для обозначения жителей соответствующих местностей существуют кроме указанных выше еще и другие суффиксы, встречающиеся в ограниченном числе слов, напр.: *Jen-enser, Hall-enser* и т. п.

§ 363. Для образования названий лиц и существ женского пола служит суффикс **-in**, покрывающий по своему значению все многочисленные соответствующие русские суффиксы (*-ница, -ша, -ка, -аха* и др.). Этот суффикс прибавляется к соответствующему названию лиц и существ мужского пола, причем, обычно, ему сопутствует умлаут коренного гласного, напр.: *Löwin, Hündin, Störchin, Bäckerin, Lehrerin, Doktorin, Amerikanerin, Berlinerin* и т. п.

§ 364. Для образования существительных, служащих для обозначения вещи, орудия действия („инструмента“ в широком смысле слова), употребляется суффикс **-er** и в очень незначительной степени суффикс **-ling**, т. е. те же суффиксы, при помощи которых образуются названия действующего лица, напр.: *Bohrer, Zeiger, Schalter, Leuchter, Fäustling, Schnittling, Silberling* и т. п.

В этой же функции употребляются и приобретающие значение суффиксов существительные **Zeug** и **Werk**; последнее, правда, чаще употребляется для образования имен собирательных (см. § 376, прим. 2), напр.: *Flugzeug, Grünzeug, Drehzeug, Fischzeug, Spielzeug, Fahrzeug, Schreibzeug, Werkzeug, Fuhrwerk, Gehwerk* и т. п.

§ 365. Для образования существительных, обозначающих название действия или результата действия, служит суффикс **-ung**; он совпадает, таким образом, по своему значению с русским суффиксом **-ние**. При помощи **-ung**, являющегося одним из самых производительных суффиксов в современном языке, можно образовать существительные почти от всех сложных глаголов, и, во всяком случае, от всех новых глаголов, имеющих суффикс **-ier-**, напр.: *Bildung, Sitzung, Sammlung, Erklärung, Erscheinung, Ladung, Schattierung, Lautierung, Elektrisierung* и т. п.

С суффиксом **-ung** совпадает по функции интернациональный суффикс **-tion** (в русском языке он имеет форму **-ция**), очень распространенный и в немецком языке, но только в интернациональных словах, напр.: *Revolution, Funktion, Operation, Publikation, Information* и т. п.

Примечание. Как указывалось, существительные с суффиксом **-ung** могут обозначать и результат действия, т. е. в конечном счете вещь (в широком смысле слова). Первоначально суффикс **-ung** имел именно эту функцию и служил для образования отыменных, а не отглагольных существительных. Примерами такого рода образований в современном языке являются такие слова, как *Zeitung, Waldung, Niederung, Teuerung* и т. п.

В ряде случаев, если необходимо обозначить самый процесс действия, суффикс **-ung** оказывается недостаточно выразительным, и вместо существительных с этим суффиксом употребляют субстантивированный инфинитив. Получается противоположение *die Bildung* — *das Bilden*, которое по-русски большей частью остается невыраженным, так как обоим этим словам по-русски соответствует одно — „образование“. В некоторых случаях, однако, такое противоп-

ложение имеет место и в русском языке, напр.: die Anpassung — das Anpassen „приспособление“ — „приспосабливание“.

§ 366. Для образования существительных, обозначающих названия свойств, абстрактных понятий и т. д., служат суффиксы **-heit**, **-keit**, **-igkeit**. Последние два, как мы увидим, восходят к первому (**-heit**). По своему значению они совпадают с русскими суффиксами **-ость**, **-ство**. Никакого различия в значении существительных, образованных при помощи того или иного из них, как правило, не существует, хотя некоторая тенденция к дифференциации образований с **-heit** и **-igkeit** намечается (см. ниже). Все три суффикса служат для образования существительных от прилагательных (в том числе и от причастий); выбор того или иного из них зависит от суффикса соответствующего прилагательного.

Суффикс **-igkeit** прибавляется к прилагательным с суффиксами **-los** и **-haft**, напр.: **Fühllosigkeit**, **Kraftlosigkeit**, **Krankhaftigkeit**, **Schalkhaftigkeit** и т. п.

Суффикс **-keit** прибавляется к прилагательным, оканчивающимся суффиксами **-ig**, **-lich**, **-bar**, **-sam**, **-er** (если это не суффикс сравнительной степени, да и то не без исключений), напр.: **Ewigkeit**, **Fertigkeit**, **Menschlichkeit**, **Fröhlichkeit**, **Fruchtbarkeit**, **Hörbarkeit**, **Langsamkeit**, **Aufmerksamkeit**, **Bitterkeit**, **Lauterkeit** (но **Sicherheit**), **Düsterkeit** (но и **Düsterheit**) и т. п.

Суффикс **-heit** прибавляется к прилагательным, оканчивающимся на **-el**, **-er** (суффикс сравнительной степени), а также и к причастиям, напр.: **Dunkelheit**, **Minderheit**; **Verworrenheit**, **Verliebtheit**, **Gebundenheit** и т. п.

От прилагательных, не имеющих суффикса, существительные образуются большей частью при помощи суффикса **-heit**, напр.: **Freiheit**, **Gleichheit**, **Gesundheit**, **Kühnheit**, **Zufriedenheit**, **Weisheit**. Иногда с этим суффиксом конкурирует **-igkeit** (**Dichtheit** и **Dichtigkeit**, **Leichtheit** и **Leichtigkeit**), который в некоторых случаях оказывается единственно возможным, напр.: **Genauigkeit**, **Schnelligkeit** и т. п.

Суффиксы **-heit** и **-igkeit** позволяют иногда дифференцировать значение слова, придавая последнему различные оттенки, напр.: **Kleinheit** и **Kleinigkeit**, **Neuheit** и **Neuigkeit**.

Примечание. Суффикс **-heit** оказывается в некоторых словах присоединенным к существительному, напр.: **Kindheit**, **Menschheit** и т. п. Такого рода образования являются, однако, редкими. Немногочисленны также образования с суффиксом **-heit** от числительных, напр.: **Einheit**, **Zweiheit** и т. п.

§ 367. Суффикс **-heit** еще в исторические времена, а именно в древневерхнемецкую эпоху, был самостоятельным словом, означавшим „образ, вид, способ“. Тем самым, с исторической точки зрения, производные существительные, имевшие этот суффикс, должны быть отнесены к сложным словам. Считать же их за словосложение в современном языке, как это нередко имеет место в грамматиках, неправильно.

Суффикс **-keit** возник в переходный период от средневерхнемецкого к новеверхнемецкому благодаря слиянию начального согласного суффикса **-heit** с конечным согласным прилагательных с суффиксом **-ek**; из прежнего **ewekheit** получилось **ewekheit** или **ewikeit**. Впоследствии, когда **-ek** или **-ik** стали произносить как **«ç»** (**-ig**), **-keit** обособился от **-heit**, как самостоятельный суф-

фикс, и была восстановлена старая схема построения соответствующих слов (Ew(ig)keit подобно éw(ek)heit) с сохранением суффикса прилагательного.

Вследствие многочисленности существительных, образованных посредством суффикса **-keit** от прилагательных с суффиксом **-ig**, сочетание **-igkeit** стало восприниматься как единое целое и превратилось в конце концов в особый суффикс.

§ 368. Суффикс **-schaft** имеет менее четкую семантику, чем рассмотренные выше. Он по своему значению может быть отождествлен с русским суффиксом **-ство**, также весьма многозначным.

Прежде всего он служит для образования существительных, главным образом от существительных же, но и от прилагательных. Слова на **-schaft** часто являются названиями коллективов. Таковы, напр.: *Gesellschaft, Gewerkschaft, Genossenschaft, Botschaft, Studentenschaft* и т. п. Однако, некоторые слова, образованные при помощи данного суффикса, имеют значение абстрактных понятий, или обозначают состояние, свойство и т. д., напр.: *Bruderschaft, Mutterschaft, Freundschaft, Eigenschaft, Bereitschaft, Verwandtschaft, Leidenschaft, Wissenschaft* и т. п.

§ 369. Суффикс **-tum** имеет в значительной степени те же функции, что и **-schaft**, и, следовательно, также сходен с русским суффиксом **-ство**. В ряде случаев он служит для образования наименований общественных классов, сословий, напр.: *Bürgertum, Rittertum*. Посредством него образуются, кроме того, слова с абстрактным значением, сходным со значением слов, образованных при помощи **-schaft**, напр.: *Altertum, Kaisertum, Reichtum, Heidentum, Heldentum* и т. п.

§ 370. Суффиксы **-tum** и **-schaft**, подобно суффиксу **-heit**, были в древневерхненемецком самостоятельными словами. Существительные, образованные посредством них, были, следовательно, первоначально сложными существительными. Это сказывается и сейчас в том, что они иногда присоединяются к существительному не непосредственно, а так же как и второй член сложных существительных — посредством т. наз. соединительных (e)п и (e)s, напр.: *Volks-tum, Witwentum, Menschentum, Studentenschaft* и т. п.

Как самостоятельное слово **tum** (древневерхненемецкое *tuom*) означало „Stand“, „Verhältnis“; **schaft** как производное от глагола *schaffen* (сравни *Schlacht* от *schlagen*) означало „Beschaffenheit“.

§ 371. Суффикс **-ei** (**-erei**) имеет различные функции; большую часть он служит для образования существительных, обозначающих название занятия. Некоторые из таких существительных имеют пренебрежительный оттенок, напр.: *Lauferei, Malerei, Liebelei, Spielerei, Zauberei, Prügelei, Tändelei, Spöttelei* и т. п.

При помощи этого же суффикса образуются, кроме того, существительные, которые служат для обозначения названий учреждений, или, чаще, производственных заведений, напр.: *Abtei, Kanzlei, Bäckerei, Gießerei, Druckerei, Weberei, Klempnerei* и т. п.

Суффикс **-ei**, как это соответствует его семантике, часто присоединяется к существительным, являющимся названиями действующего лица и часто имеющим поэтому суффикс **-er** (см. вышеприведенные примеры). Благодаря этому возникает (аналогично случаю с суффиксом **-igkeit**) особый вариант суффикса **-ei**, **-erei**, напр.: *Schweinererei, Molkerei, Schelmerei* и т. п.

§ 372. Суффикс **-ei** генетически оказывается тождественным с суффиксом **-ie**, встречающимся только в иностранных заимствованиях. Последний был заимствован из французского языка еще в средневерхненемецкую эпоху. Так как в нем было долгое *i* (средневерхненемецкое *ie*), то он по правилу дифтонгизации превратился в новеверхненемецком в дифтонг **-ei**. Уже в новое время суффикс **-ie** вновь попал в немецкий язык с французскими заимствованиями и сохраняет в них свою форму. Архаическое, поэтическое *Melodei* и обычное новое *Melodie* могут служить иллюстрацией двух этапов этого процесса.

§ 373. Для обозначения существительных уменьшительных служат суффиксы **-chen (-elchen)**, **-lein**. Уменьшительные, образованные с помощью этих суффиксов, кроме того, характеризуются умлаутом коренного гласного; исключение в этом смысле составляют только уменьшительные от существительных, основа которых оканчивается на **-er** (напр.: *Ruderchen* и т. п.), если только это **-er** не является старым суффиксом, служившим для обозначения родства (ср. русские *матерь, деверь*); так, уменьшительные от *Mutter, Bruder* будут *Mütterchen, Brüderchen*. Семантически оба суффикса **-chen** и **-lein** не различаются между собой. В разговорном языке они дифференцируются географически: **-chen** употребляется в Северной и в Центральной Германии, **-lein** в Южной. В литературном языке встречается и тот и другой, чаще **-chen**. Последний обязателен в том случае, если существительное оканчивается на **l**, напр.: *Höbelchen, Ställchen* и т. п. Он, напротив, недопустим, если существительное оканчивается на **ch, g** или **ng**, напр.: *Büchlein, Tüchlein, Krüglein, Jünglein* и т. д. Однако, суффикс **-chen** вытесняет **-lein** из этой позиции посредством своего варианта **-elchen**, напр.: *Büchelchen, Tüchelchen, Krügelchen, Jüngelchen* и т. п.

§ 374. Из непронизводительных суффиксов широко распространены следующие: **-nis, -e, -t, -el, -sal (-sel)**.

Значение суффикса **-nis** весьма разнообразно и не четко в современном языке. Будучи прибавлен к глагольной основе, он сходен с суффиксом **-ung**, напр.: *Ereignis, Erlaubnis, Hindernis, Verderbnis* и т. п. В сочетании с прилагательными он сходен с суффиксом **-heit**, напр.: *Finsternis, Gleichnis* и т. п. В соединении с существительными он в сущности не меняет значения последнего, напр.: *Ärgernis, Bildnis, Bündnis* и т. п.

Суффикс **-e** имеет две функции, из которых одна очень ясно ощущается и в современном языке. Существительные, образованные при помощи этого суффикса (и умлаута коренного гласного) от прилагательных, имеют то же значение, что и существительные с суффиксом **-heit**, который и вытеснил в этой функции старый суффикс **-e**. Напр.: *Kälte, Wärme, Größe, Güte, Menge* (ср. *manch*) и т. п. Некоторые из таких образований, еще встречающиеся в архаизирующей поэзии (напр.: *Schöne, Heitere*), заменены в современном языке новыми (*Schönheit, Heiterkeit*). Существительные, образованные посредством суффикса **-e** от глаголов, отчасти сходны с существительными с суффиксом **-ung**, но чаще служат названиями вещей, напр.: *Lehre, Reise, Hilfe; Binde, Schere, Wage* и т. п.

С суффиксом **-t**, служившим для образования отглагольных существительных преимущественно со значением названия действия, сохрани-

лось значительное количество слов. При образовании этих слов кроме суффикса часто имеет место чередование корня, напр.: Geburt (ср. gebären), Kunst (ср. können), Flucht (ср. fliehen), Schlacht (ср. schlagen), Saat (ср. säen), Glut (ср. glühen), Pflicht (ср. pflegen), Schrift (ср. schreiben) и т. п.

Немногочисленную группу составляют первоначально тоже отглагольные существительные с суффиксом **-sal**, **-sel** (это два фонетических варианта одного и того же суффикса), напр.: Schicksal, Trübsal; Rätsel, Überbleibsel и т. п.

Существительные, образованные при помощи суффикса **-el**, служат, главным образом, для обозначения инструментов, напр.: Deckel, Flügel, Schlüssel, Sesse! и т. п.

д) ПРЕФИКСАЦИЯ.

§ 375. Производительными префиксами имен существительных в современном немецком языке являются следующие: **ge-**, **ur-**, **un-**, **miß-**, **erz-**. Что же касается префиксов **be-**, **ent-**, **er-**, **ver-**, **zer-**, то, хотя они и встречаются в существительных, но все же не могут считаться префиксами существительных. Дело в том, что большинство таких существительных образовано от соответствующих глаголов с префиксами (см. § 348).

§ 376. Префикс **ge-** служит для образования существительных, являющихся собирательными именами (Kollektiva). Эти существительные образуются прежде всего от существительных же, но нередко и от глаголов. Кроме префикса в образовании их иногда участвует и суффикс **-e**, а коренной гласный обычно имеет умлаут или преломление, напр.: **Gebäck**, **Gewässer**, **Gehölz**, **Gewürm**, **Gestirn**; **Gelände**, **Getöse** и т. п.

Наличие или отсутствие суффикса **-e** может быть использовано для семантической дифференциации. Это имеет место в отглагольных образованиях; наличие в таких словах суффикса **-e**, если им противопоставляются слова без суффикса, придает этим словам пренебрежительный оттенок, напр.: **Gebrüll** — **Gebrülle**, **Geheul** — **Geheule**, **Gestöhn** — **Gestöhne**, **Gesumm** — **Gesumme**.

Примечание I. Значительное число существительных с префиксом **ge-** является именами собирательными; мы имеем в этих случаях не изначальные значения слова, а дальнейшую эволюцию их, напр.: **Gesetz**, **Gericht**, **Gewicht**, **Gehör**, **Gesicht**, **Gehirn** и т. п.

Примечание II. Функцию суффикса для образования имен собирательных выполняет также существительное **Werk**, утрачивающее во многих сложных словах свое самостоятельное значение, напр.: **Backwerk**, **Buchwerk**, **Hängewerk**, **Schuhwerk**, **Riemenwerk**, **Wurzelwerk** и т. п.

§ 377. Префикс **ur-** служит для образования существительных (от существительных же), обозначающих нечто давнее, первобытное. Он тождественен по своему значению с русским префиксом **пра-**, напр.: **Urgroßvater**, **Urahne**, **Urwald** и т. п.

Генетически **ur-** является ударенным вариантом неударенного **er-**, ср. напр.: **Urlaub** — **erlauben**, **Urteil** — **erteilen** (см. § 114). Однако, этот

способ образования современному языку несвойственен. С точки зрения современного языка **ur-** в указанных словах, имеющий совершенно иное значение, чем **ur-** в таких словах, как, например, **Urwald**, не связан с живым префиксом **ur-**.

§ 378. Префикс **un-** употребляется в трех функциях. 1) В значении отрицания, напр.: **Undank, Unschuld, Ungeduld, Unglück, Unruhe** и т. п. 2) Для обозначения чего-либо отрицательного в моральном отношении, напр.: **Unart, Unwesen, Unmensch**. Сюда же относятся слова **Ungeheuer, Ungeziefer** и некоторые другие, не существующие без префикса **un-**. 3) Для усиления основного значения слова, напр.: **Unmenge, Unzahl, Untiefe**. В последнем слове отражены 1-я и 3-я функции; оно имеет двойное значение: „небольшая глубина“ и „бездна“.

§ 379. Усилительное значение имеет также префикс **erz-**, он восходит к греческому *ἀρχι*, которое и в русском языке (архи-) получило усилительное значение (ср. *архиплут* и т. п.). Как и в русском языке, он служит, кроме того, для обозначения лиц высшего ранга, преимущественно служителей культа; здесь собственно и сохраняется его первоначальное греческое значение, напр.: **Erzbischof** „архиепископ“ и т. п. В качестве же усилительного префикса **erz-**, как и русское *архи*, присоединяется только к названиям, имеющим морально отрицательный характер, напр.: **Erznarr, Erzschem, Erzdieb, Erzlügner, Erzheuchler** и т. п.

§ 380. Префикс **miß-** может, подобно префиксу **un-**, выражать отрицание (напр.: **Mißernte, Mißachtung**), но кроме того он придает существительному значение неудачности или отрицательности в моральном отношении, напр.: **Mißgeburt, Mißgriff, Mißbrauch, Missetat** (*misse* старая форма этого префикса).

В. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

а) СЛОВСОЖЕЕНИЕ.

§ 381. В прилагательных словосложение играет гораздо меньшую роль, чем в существительных. В качестве первого члена сложного прилагательного чаще всего бывает существительное, реже прилагательное, глагол и другие части речи. Существительное присоединяется к прилагательному либо непосредственно, либо (что бывает реже) посредством соединительных (**e)s** или (**e)n**) (см. § 351). Прилагательное присоединяется всегда в несклоняемой форме, глагол в форме основы инфинитива, иногда с соединительным **e** (см. § 357).

§ 382. Существительное в качестве первого члена сложного прилагательного служит большей частью для уточнения свойства, выраженного вторым членом (прилагательным), благодаря сравнению со свойством, характерным для первого члена (существительного), напр.: **zuckersüß, kirschrot, Daumendick, bildschön, riesengroß, kerzengerade, gasartig, gasförmig** и т. п.

Нередко такого рода слова могут пониматься просто как обозначающие усиленное свойство; момент сравнения затушевывается в них,

напр.: turmhoch, pudelnaß, haarscharf, lammfromm, glockenhell, hundsgemein и т. п.

Наконец, такие прилагательные могут скрывать в себе и другие сложные синтаксические отношения, напр.: wasserhaltig, stickstoffhaltig, arbeitsfähig, bildungsfähig, gesetzmäßig, zweckmäßig, ordnungsgemäß, luftleer, blutarm, brandfest, gasdicht и т. п.

§ 383. Соединение прилагательного с прилагательным имеет, во-первых, копулятивное значение (см. § 354), напр.: taubstumm, süßsauer, deutsch-russisch и т. п. Во-вторых, прилагательное в качестве первого члена может иметь атрибутивное значение, напр.: braunlockig, gelbreif, hartherzig, freiwillig и т. п.

§ 384. Глагол в качестве первого члена сложного прилагательного встречается редко; его значение в этом случае определить трудно, напр.: merkwürdig, siedewarm, denkfähig, stinkfaul.

§ 385. Существует много сложных прилагательных, имеющих в качестве первого члена предлоги или наречия, однако, большей частью они являются производными от соответствующих сложных существительных или глаголов, напр.: annehmlich, abwegig, abzählbar, ausführlich, auflöslich, anscheinlich, nachträgerisch, nachträglich, unterschiedlich, vorstellig, fortschrittlich и т. п.

Наряду с этим немало сложных прилагательных образовано путем словосложения наречия или предлога с прилагательным, напр.: außerordentlich, außergewöhnlich, unterirdisch, hinterhältig, überirdisch, wohlfeil, hochdeutsch, hochsinnig и т. п. Наречия hoch и wohl особенно часто присоединяются к причастиям, напр.: hochfahrend, hochgeehrt, hochgeboren, wohlriechend, wohltuend, wohlgebildet, wohlverfahren и т. п. (об усилительном значении этих наречий, а также и предлога über, см. ниже § 397). С причастиями же часто встречаются также наречия weit и tief, напр.: weitgehend, weiblickend, weitgereist, weitverbreitet, tiefdringend, tiefgreifend, tiefgeföhlt и т. п.

б) СУФФИКСАЦИЯ.

§ 386. Производительными суффиксами прилагательных в современном языке являются -ig, -lich, -isch, -ern, -bar, -sam, -haft. Функцию суффиксов выполняют, кроме того, некоторые прилагательные, прежде всего -voll, затем -los, -frei, -fach, -mäßig, -gemäß.

§ 387. Наиболее распространенными суффиксами являются -ig и -lich, служащие преимущественно для образования прилагательных от существительных. Между этими суффиксами существует только некоторое функциональное различие, да и то только частичное; заключается оно в том, что при помощи суффикса -ig прилагательные могут быть образованы только от названия вещей (исключение составляют gesellig, riesig и еще несколько мало употребительных слов), тогда как посредством -lich образуются прилагательные и от названий лиц, напр.: bergig, körnig, duftig, feurig, mutig, silberig, freudig, vorsichtig; häuslich, schriftlich, sprachlich, gesellschaftlich, einheitlich, altertümlich, но и menschlich, freundlich, väterlich и т. п.

Для образования прилагательных от существительных, обозначающих время, употребляется, главным образом, суффикс **-lich**, напр.: *sommerlich, nächtlich, wöchentlich, monatlich, zeitlich, jährlich, augenblicklich*; не исключены, однако, и параллельные образования с **-ig**.

Наличие двух суффиксов может быть использовано для дифференциации значения прилагательных, напр.: *jährig* „годовой“ — *jährlich* „ежегодный“; *herzig* „милый, славный“ — *herzlich* „сердечный“; *geistig* „духовный, интеллектуальный“ — *geistlich* „духовный“ (в смысле культа, ср. *Geistlicher* — „священник“) и т. п. И с тем и с другим суффиксом возможны образования от глаголов, напр.: *abhängig, durchgängig, dämmerig; sterblich, empfindlich, tauglich, möglich, trefflich*. Посредством суффикса **-lich** образуются прилагательные от инфинитива (см. примечание I), напр.: *hoffentlich, wissentlich* и т. п.

Суффикс **-ig** позволяет образовать прилагательные от наречий, напр.: *innig, obig, übrig, bisherig, heutig, jenseitig* и т. п.

С суффиксом **-lich** возможны также образования от прилагательных; они обозначают большей частью меньшую степень свойства по сравнению со свойством, выраженным основным прилагательным. Суффикс **-lich** сходен в этом отношении с русским суффиксом **-оватый** (*кисловатый*), напр.: *gütlich, gelblich, säuerlich, bitterlich, rundlich, schwächlich* и т. п. Однако, такой оттенок значения не обязателен, ср. напр.: *öffentlich, reichlich, güttlich* и т. п.

Примечание I. Между словами, оканчивающимися на **en**, и суффиксом **-lich** возник согласный **t**; это явление, относящееся к новонаемецкому периоду, имеет чисто фонетическую природу. Оно объясняется тем, что переходу смычной артикуляции к щелевой (l) предшествует опускание нёбной занавески, что и вызывает появление неносового смычного **-t**. Аналогичное можно наблюдать и в русском языке, с той только разницей, что формы *ндрав, ндравитесь* недопустимы в литературном языке, тогда как немецкие *wesentlich, gegenföhtlich* и все прочие являются литературными формами.

Примечание II. Суффикс **-lich** в древневерхнемецком был самостоятельным словом, обозначающим „образ“, „тело“; этим и объясняется то, что **-lich** присоединяется первоначально преимущественно к существительным и притом со значением названия лица, а не вещи.

§ 388. Суффикс **-isch** совпадает этимологически, а отчасти и по употреблению, с русским **-(ич)еский**. Как русский **-(ич)еский**, так и немецкий **-isch** служат для образования прилагательных от интернациональных терминов, напр.: *logisch, psychisch, linguistisch, politisch, mathematisch* и т. п. В частности посредством него образуются прилагательные от существительных с суффиксом **-ist**, обозначающих лицо; напр.: *materialistisch, marxistisch, sozialistisch* и т. п.

Он же встречается и в образованиях от географических названий и от названий народностей, напр.: *römisoh, moskauisch, kölnisch, rheinisch, russisch, französisoh, chinesisch, niederländisch, afrikanisch, europäisch* и т. п.

Суффикс **-isch** служит, кроме того, для образования прилагательных от названий лица, как имеющих суффикс **-er**, так и бессуффиксных, напр.: *rednerisch, dichterisch, gärtnerisch, seemännisch, diebisch, schelmisch* и т. п. Встречается он еще и в некоторых других, трудно опре-

делимых случаях, напр.: *städtisch, himmlisch, höllisch, irdisch, spöttisch* и т. п. В некоторых случаях **-isch** имеет уничижительное значение, напр.: *kindisch* „ребяческий“ и т. п.

Наконец, суффикс **-isch** является единственным средством для образования прилагательных от собственных имен, напр.: *hegelisch, home-risch* и т. п.

Примечание. В прилагательных, образованных от имен собственных, суффикс **-isch** может употребляться без гласного **-i**. Это имеет место после сонантов (см. § 38), преимущественно, если последний слог неударный, напр.: *Schiller(i)sch, Lachmann(i)sch*, а также и в некоторых иных единичных случаях, напр.: *Grimmsch*. От имен, оканчивающихся на гласный **e**, прилагательное образуется двояко: с сохранением этого **e** и без **i** в суффиксе и с утратой **e**, но с сохранением **i**, напр.: *Goethesch* и *Goethisch, Heinesch* и *Heinisch*.

§ 389. Для образования прилагательных от имен вещественных служит суффикс **-ern**, напр.: *gläsern, hölzern, zinnern, stählern* и т. п.

Суффикс этот развился из старого суффикса **(e)n** по аналогии с прилагательными: *kupfern, silbern*, где **-er** относится, собственно говоря, к основе существительного, а суффиксом прилагательного является лишь **-n**. Старый суффикс **-en** сохранился в целом ряде слов, напр.: *golden, rapieren, wollen, metallen* и т. п., но он не является производительным в современном языке.

§ 390. Суффикс **-bar** служит для образования отглагольных прилагательных с пассивным значением: по-русски ему обычно соответствует суффикс **-мый**, напр.: *hörbar, teilbar, denkbar, trinkbar* и т. п. Эти прилагательные имеют, кроме того, оттенок возможности: *hörbar* *слышимый*, т. е. „могущий быть услышанным“.

Образования от существительных (*fruchtbar, ehrbar*) весьма немногочисленны, хотя первоначально именно они были характерными для суффикса **-bar**. Это явствует из того, что суффикс **-bar** генетически связан с древне- и средневерхненемецким глаголом *beran* (*bern*) и означал „носящий“ (*fruchtbar* „плодоносящий“).

§ 391. Преимущественно для образования прилагательных от имен существительных служит суффикс **-haft**, напр.: *fehlerhaft, mangelhaft, zweifelhaft, märchenhaft, musterhaft* и т. п.

В нескольких словах имеется сложный суффикс **-haftig**, а именно: *wahrhaftig, teilhaftig, leibhaftig*.

Суффикс **-haft** еще в средневерхненемецком был самостоятельным словом со значением „снабженный“. Прилагательные с этим суффиксом восходят таким образом к словосложениям. Это сказывается в современном языке в том, что в некоторых словах перед суффиксом имеется „соединительное“ (**en**), напр.: *heldenhaft, sagenhaft* и т. п.

§ 392. Суффикс **-sam** имеет ограниченное употребление, хотя и позволяет образовать прилагательные и от существительных, и от прилагательных, и от глаголов, напр.: *furchtsam, sorgsam, ratsam, gerecht-sam, duldsam, empfindsam* и т. п. Почти от всех этих корней имеются прилагательные и с другими суффиксами; большей частью они различаются в той или иной степени по своему значению (*furchtbar* „страшный“ — *furchtsam* „боязливый“, *sittlich* „нравственный“ — *sitt-*

sam „благоденственный“), а иногда бывают совершенно тождественными (**sorglich** — **sorgsam**).

Суффикс **-sam** восходит к самостоятельному слову (древневерхненемецкое **sama, samo**; средневерхненемецкое **same, sam**), означавшему „так же как“.

§ 393. Сложные прилагательные со словом **voll** в качестве второго члена имеют чрезвычайно большое распространение. Благодаря этому **voll** в таких словах в значительной степени теряет свое самостоятельное значение, превращаясь в суффикс. Иногда **voll** является единственным средством для образования прилагательного от данного существительного, напр.: **talentvoll, planvoll, bedeutungsvoll, wortvoll, vorwurfsvoll** и т. п. **Voll** позволяет образовать прилагательное, более близкое к значению соответствующего существительного, и в тех случаях, когда семантика старого прилагательного получила какое-либо специфическое развитие, напр.: **künstlich** — **kunstvoll, taktisch** — **taktvoll** и т. п.

Благодаря тому, что **voll** существует как самостоятельное слово, образование прилагательных посредством него возможно только, как это вытекает из его значения „полный“, от имен существительных. В этом также заключается его отличие от подлинных суффиксов, которые, будучи семантически более абстрактными, могут обычно служить для образования прилагательных от различных частей речи.

В известном смысле сходны с **voll**, хотя и не столь употребительны, как оно, прилагательные **reich, gemäß**, которые также присоединяются только к существительным, напр.: **erfolgreich, siegreich, sachgemäß, pflichtgemäß** и т. п.

В большей степени обособился от соответствующего прилагательного суффикс **-mäßig**, означающий „сообразный“ (сравни значение прилагательного **mäßig** „умеренный“), напр.: **regelmäßig, gesetzmäßig** и т. п.

§ 394. Для образования прилагательного, обозначающего отсутствие данного свойства или признака, употребляется суффикс **-los**. По функции он сходен с русским префиксом **без**. Сообразно его значению („свободный“) **-los** присоединяется только к существительным, напр.: **arbeitslos, bedeutungslos, fruchtlos** и т. п.

Такую же функцию выполняет и прилагательное **frei**, но образования с ним встречаются гораздо реже, так как его самостоятельное значение гораздо более четко, напр.: **wasserfrei, stickstofffrei, einwandfrei** и т. п.

§ 395. Для образования прилагательных от числительных со значением множительных (*multiplicativa*) служит играющее роль суффикса существительное **Fach**, напр.: **dreifach, vierfach** и т. п. Прилагательное **einfach** приобрело специфическое значение „простой“.

е) ПРЕФИКСАЦИЯ.

§ 396. Префиксы **ur-**, **erz-** и **un-** (в значении отрицания) играют в прилагательных такую же роль, как в существительных (см. §§ 377 — 378), напр.: **uralt, ur eigen, unverwandt; unmöglich, untröstlich, unverzeihlich, unlösbar, unrecht, unratsam; erzdumm, erzfaul** и т. п.

§ 397. Как уже указывалось выше, целый ряд слов в сложении с прилагательными может утрачивать свое самостоятельное значение, превращаясь как бы в префикс с усилительным значением; таковы наречия **hoch, wohl, über**, существительные **Grund, Stein, Blut, Kreuz, Stock**, местоимение **all**. Примеры: **hochfein, hochrot, hochwichtig, wohl-edel, wohlloblich, überalt, überklug, übergroß, allgütig, allhöflich, all-weise; grundverschieden, grundgelehrt; steinalt, steinreich; blutjung, blut-wenig; stockblind, stockfinster; kreuzdumm, kreuzbrav** и т. п.

Префиксальный характер первых членов этих сложных прилагательных подчеркивается своеобразным расположением ударения. В отличие от обычных для сложных слов главного и второстепенного ударений здесь, как уже указывалось в § 119, оба члена имеют одинаковое ударение. Это позволяет дифференцировать значение соответствующих сложных прилагательных 'stein'reich „очень богатый“, 'stein,reich „богатый камнем“.

Примечание. Местоимение **all** в префиксальной функции встречается часто в форме родительного падежа множественного числа (**aller**). Это имеет обязательный характер при соединении с превосходной степенью, напр.: **allerbest, allerhöchst** и т. п.

Г. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ.

§ 398. До „двенадцати“ количественные числительные представляют собою корневые слова: **ein, zwei, drei, vier, fünf, sechs, sieben, acht, neun, zehn, elf, zwölf**. Корневыми же словами являются **hundert** и **tausend**.

Наряду с **ein** существует форма **eins**, употребляемая при счете (**eins, zwei, drei** и т. д.), а также в независимом положении, напр.: **es hat eins geschlagen** (см. § 241).

Числительные **elf** и **zwölf**, воспринимаемые в настоящее время как простые слова, восходят к старым сложным словам; первую часть их (ныне редуцированную) составляют числительные **ein** и **zwei**, вторую часть — слово **lif**, означавшее „излишек“; в древневерхненемецком эти слова имели форму **einlif** и **zweilif**, т. е. „один лишний“ и „два лишний“ (по сравнению с десятью).

§ 399. Числительные от 13 до 19 образованы путем словосложения из числительных первого десятка и числительного **zehn** (ср. русское *тринадцать* „три на десять“ и т. д.): **dreizehn, vierzehn, fünfzehn** и т. д.

Незначительные отклонения имеют место в **sechzehn** (не **sechszehn**) и в **siebzehn** (не **siebenzehn**).

§ 400. Путем словосложения образуются также названия сотен, тысяч и названия чисел от 21 до 99.

Названия сотен и тысяч образуются из названий чисел первого десятка и слов **hundert** и **tausend**, напр.: **zweihundert, dreihundert; zweitausend, dreitausend** и т. д.

Названия чисел от 21 до 99 образуются следующим образом: на первом месте стоит название единицы, затем союз **und**, затем название десятка;

при этом вся группа пишется в одно слово: *zweiundzwanzig*, *dreiundfünfzig*, *siebenundneunzig* и т. д.

§ 401. Названия десятков образованы из названия чисел первого десятка с прибавлением суффикса *-zig*, напр.: *vierzig*, *fünfzig* и т. д.

Некоторые отклонения от этого имеются в *zwanzig* (не *zweizig*), *sechzig* (не *sechszig*), *siebzig* (не *siebenzig*) и *dreißig* (не *dreizig*); последнее объясняется положением суффикса после гласного (см. § 96).

Суффикс *-zig* (*Big*) первоначально представлял собой самостоятельное слово со значением „десяток“. Таким образом, названия десятков аналогично этим числительным в русском языке (*пятьдесят*, *шестьдесят* и т. д.) были образованы путем словосложения.

§ 402. Порядковые числительные до 19 включительно образуются путем присоединения к количественному числительному суффикса *-t-*, а начиная с 20 — суффикса *-st-*, напр.: *der sieben-t-e*, *der elf-t-e*, *der neunzehn-t-e*, *no der einundzwanzig-st-e*, *der vierzig-st-e*, *der hundert-st-e*, *der tausend-st-e* и т. д.

Отклонения представляют: *der dritte* (не *dreite*), *der achte* (не *achte*) и *der erste*. Последнее числительное образовано от другого корня, чем *ein*; *erste* старая форма превосходной степени к *ehe*, *eher* „раньше“ (древневерхненемецкое *êristo*); таким образом первоначально *erste* обозначало „самый ранний“.

§ 403. Дробные числительные образуются от порядковых числительных (ср. русские *пятая*, *шестая* и т. п.) путем прибавления суффикса *-tel*; согласный *-t* этого суффикса сливается при этом с суффиксом порядкового *-t*, *-st*, напр.: *drittel*, *fünftel*, *achtel*, *zwanzigstel*, *hundertstel* и т. п. Дробь, таким образом, читается: *ein viertel*, *zwei fünfzehntel*, *drei dreißigstel* и т. п.

Как уже указывалось выше, суффикс *-tel* восходит к существительному *Teil*, утратившему в числительных свое значение и потому подвергнутому редукции в неударенном слого.

Дроби $\frac{1}{2}$ и $1\frac{1}{2}$ обозначаются, как и в русском языке, особыми словами: $\frac{1}{2}$ — *halb* (*ein halb*), $1\frac{1}{2}$ — *anderthalb*.

Десятичные дроби читаются по-немецки следующим образом: целое число, запятая, число десятых (сотых и т. д.), напр.: *12,5* — *zwölf komma fünf*; *30,75* — *dreißig komma fünfundsiebzig* и т. д.

Д. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ.

а) СЛОВОСЛОЖЕНИЕ.

§ 404. Словосложение в глаголе играет гораздо меньшую роль, чем в имени существительном и прилагательном, если не принимать во внимание наречий (*an*, *auf* и т. д.), составляющих первый член огромного количества глаголов. Выше уже указывалось на то, что наречия в большинстве своем превратились в современном языке в приставки, и поэтому образование глаголов при их помощи следует рассматривать в разделе префиксации. Этот случай еще раз подтверждает, что между различными способами словообразования нет незыблемых границ.

§ 405. В качестве первого члена сложного глагола встречаются существительные, прилагательные и глаголы; последние две категории крайне редки. И существительное и прилагательное присоединяются без каких-либо падежных окончаний или соединительных элементов, напр.: *teilnehmen, stattfinden, freisprechen, gutheißen* и т. п. Глагол присоединяется в форме инфинитива, напр.: *kennenzulernen, stehenbleiben* и т. п.

б) ПРЕФИКСАЦИЯ.

§ 406. В качестве живых, производительных префиксов в современном языке служат наречия и предлоги (в сущности тоже наречия), а также особые префиксы, не функционирующие в качестве самостоятельных слов: *be-, er-, ver-, zer-, ent-, miß-*. Префиксы *ge-* и *emp-* относятся к числу непроизводительных.

Префикс *emp-*, встречающийся в глаголах *empfehlen, empfangen, empfinden*, возник уже в новонаемецкий период из префикса *ent-* вследствие ассимиляции переднеязычных согласных *nt* губному *f*.

Семантическая роль префиксов-наречий в общем связана с их основным значением, напр.: *abgehen, ausnehmen, hineingehen, eingießen, fortfahren, mitbringen* и т. п. Некоторые из них имеют, однако, специфические функции; они, равно как и собственно префиксы, будут рассмотрены ближе.

Префикс *be-* служит для образования глаголов¹ со значением „снабдить чем-нибудь“, „покрыть чем-либо“, „распространить действие, выраженное основным глаголом, на определенное пространство“, напр.: *beflügeln, behaaren, begrasen, bepudern, beschuldigen, bedecken, begleiten, bereisen, bewerfen, beladen, bezeichnen* и т. п.

Префикс *be-* кроме того служит для транзитивирования глаголов (см. § 450), напр.: *besteigen, beherrschen, behandeln, beeinflussen* и т. п.

Префикс *er-* придает глаголу начинательное или завершительное значение, что, однако, не делает его однозначным грамматическим средством, напр.: *erblühen, ertönen, erwachen, erwarmen, erblassen, erleben, erraten, ergreifen, erschießen, ertrinken, erfrieren* и т. п.

В этих значениях, кроме префикса *er-*, употребляется также и *auf-*, напр.: *aufblühen, aufwachen, aufschreiben, aufbrechen, aufbauen, aufwachsen; aufsuchen* и т. п.

Префикс *ent-* служит прежде всего для обозначения действия, противоположного действию, выраженному основным глаголом, напр.: *entkleiden, entbinden, entfalten, entschuldigen, entschädigen, entsiegeln* и т. п.

Этот префикс употребляется также в значении, сходном с *fort-, ab-*, напр.: *entfallen, entfliehen, entlaufen, entsagen, entfließen* и т. п.

Префикс *zer-* служит для обозначения разделения, напр.: *zerfallen, zerlegen, zerreißen, zerkochen, zerfleischen, zerstören, zerteilen* и т. п.

¹ Напоминаем, что речь идет здесь о производительных функциях, а не о всех частных значениях, которые возникли в результате развития старых образований.

В последних двух словах он только усиливает значение основного глагола.

Префикс *ver-* очень многозначен, и его функция в современном языке не может быть четко формулирована (о его роли при образовании глаголов от прилагательных см. § 408). В основном он служит как-будто для обозначения завершенного и иногда вместе с тем неудачного действия; в таких случаях он до некоторой степени сходен в этом смысле с русской глагольной приставкой *про*, напр.: *verspielen, verschlafen, vertun, vertanzen, verblühen, versinken, verhallen, vergehen* и т. п. Он употребляется также для обозначения действий, противоположных действиям, выраженным глаголами с префиксом *ent-*, напр.: *entbinden — verbinden; enthüllen — verhüllen* и т. п.

Префикс *miß-* имеет в глаголе те же значения, что и в существительном (см. § 380), напр.: *mißlingen, mißachten, mißbrauchen, mißfallen, mißhören, mißraten, mißhandeln, mißglücken* и т. п.

§ 407. Префиксы *um-, über-, durch-, unter-, wider-* и прилагательное *voll* имеют двоякое употребление: с одной стороны, они могут сохранять в большей или меньшей степени свое самостоятельное значение в качестве наречий, с другой стороны, они могут утрачивать его, превращаясь таким образом в префиксы. В первом случае ударение стоит на первом элементе, т. е. на префиксе. Во втором случае, напротив, ударение, как это и следовало ожидать, стоит на втором элементе, т. е. на глаголе (см. § 116), напр.: *umsehen, umschränken, unterschieben, unterjochen, überfliegen, überfragen, widerklingen, widerlegen, durchtreiben, durchtränken, vollgießen, vollenden* и т. п.

Такое положение вещей, с одной стороны, обуславливает появление таких пар, как *übersetzen — übersetzen* (см. § 117), имеющих большое распространение, а с другой стороны, вызывает колебания в постановке ударения и связанной с ней отделимости приставок.

К этой группе примыкает также префикс *wieder-*, представленный как неотделяемый лишь в одном слове — *wiederholen*.

в) СУФФИКСАЦИЯ.

§ 408. Основными производительными суффиксами для образования глаголов как от существительных, так и от прилагательных являются *-(e)n, -ieren*. Все новые глаголы относятся к классу слабых. Гласный *e* в суффиксе *-(e)n* отсутствует, если он присоединяется к основам *-er, -el*, напр.: *nähern, zweifeln* и т. п. Коренной гласный может при прибавлении суффикса *-(e)n* претерпевать умлаут (см. § 103); однако, это не всегда имеет место, напр.: *färben, äffen, gründen, tönen, stählen, härten, höhlen, krümmen; bahnen, fruchten, funken, planen, rosten, runden, trocknen, verlangsamem* и т. п.

В глаголах на *-ieren*, которые образуются как от немецких, так и от интернациональных слов, умлаут не наблюдается, напр.: *amtieren, gastieren, grundieren, maskieren, probieren* и т. п.

При образовании глаголов от прилагательных нередко участвует кроме суффикса еще какой-нибудь префикс, большей частью *er-* или

ver-, напр.: **erhellen, erhöhen, erfrischen, erklären, verewigen, vergüten, verschönern, verengen, abändern, verändern, umändern** и т. п.

Особенно распространен префикс **ver-** при образовании глаголов от сравнительной степени, напр.: **verkleinern, vergrößern, verlängern, verschönern, verbessern, vermehren** и т. п.

Кроме **-(e)n** и **-ieren** к живым суффиксам следует отнести, правда, мало употребительный **-zen**. Он служит в основном для образования глаголов от местоимений и неизменяемых частей речи, напр.: **duzen, ihrzen, ächzen** и т. п.

Примечание. Из образований от прилагательных с суффиксом **-ig** + суффикс глагола (**kräftigen, nötigen**) развился суффикс **-igen**, посредством которого впоследствии стали образовывать глаголы и от существительных и от прилагательных без **-ig**, напр.: **züchtigen, sättigen, befestigen** и т. п.

§ 409. Роль суффиксов для образования глаголов от предложных групп (преимущественно с предлогом **zu**) играют в известном смысле глаголы **kommen** и **bringen**. При этом первый служит для образования интранзитивных глаголов, второй — транзитивных. Действительно, если вникнуть в такие выражения, как **zum Ausdruck bringen** и **zum Ausdruck kommen**, то становится очевидным, что глаголы совершенно потеряли здесь свое самостоятельное значение. Нужно сказать, что структурно здесь следовало бы говорить не о суффиксации, а о словосложении, так как в причастии глаголы принимают префикс **ge-** (**zum Ausdruck gekommen, gebracht**), а в главном предложении предложная группа, подобно первой части сложного глагола, стоит в конце, напр.: **es kam zum Ausdruck, er brachte es zum Ausdruck** и др.

Наряду с этими глаголами существует и ряд других, выполняющих аналогичную функцию; к ним относятся, например, **setzen, ziehen, gelangen** и некоторые другие (сравни **in Bewegung setzen, in Betracht ziehen, zum Verkauf gelangen** и т. п.). Однако эти обороты имеют скорее характер фразеологических сращений, тогда как обороты с **kommen** и **bringen** грамматикализованы в гораздо большей степени.

Функцию суффикса для образования особого рода транзитивных глаголов, так называемых каузативных или фактитивных, выполняет глагол **lassen**, напр.: **laufen lassen, fallen lassen** и т. п. Он заменил старый способ образования таких глаголов путем чередования гласных (напр.: **trinken — tränken, fallen — fällen**). Надо, однако, отметить, что в образованиях с **lassen** субъект действия менее активен, чем в старых каузативных глаголах, ср. напр.: **fallen lassen** и **fällen**.

§ 410. Из непроизводительных глагольных суффиксов следует указать суффикс **-ern**, служащий отчасти для обозначения повторяющегося действия, напр.: **kichern, meckern, stottern, stolpern, klettern, flattern** и т. п.

Далее к непроизводительным относится суффикс **-eln**, имеющий в основном уменьшительное значение, напр.: **lächeln, klingeln, tänzeln, kränkeln, tröpfeln** и т. п.

Небольшую группу составляют глаголы с суффиксом **-sen**, напр.: **grausen, hopsen, drucksen**. Одинокое стоит **herrschen**, в котором суффикс **(-schen)** восходит также к **-sen**.

Е. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ.

а) СЛОВСОЛЖЕНИЕ.

§ 411. Наречия образуются путем словосложения в основном из предложных групп, которые в предложении часто выполняют адвербиальные функции. Это обычно находит отражение в орфографии; так, например, наречия *zu Hause*, *nach Hause* пишутся как два слова, причем слово *Hause* продолжает писаться с большой буквы. В других случаях орфография не установилась, напр.: *in Begriff* и *inbegriff*, *in Folge* и *infolge*, *zu Tage* и *zutage* и т. п. Всегда вместе пишутся только старые образования, укрепившиеся в языке, отражающие старые формы слов и получившие специфическое семантическое развитие, напр.: *zufrieden*, *zuerst*, *zuhanden*, *überhaupt* и т. п.

Предложными сочетаниями с местоимениями являются *allenthalben*, *meinenthalben* и т. п.

Наречия *vielleicht*, *vielmehr*, *sozusagen* и т. п. представляют собой застывшие синтаксические группы.

Наречия могут возникать из сочетания предлога не только с существительным, но и с местоимением в соответствующем падеже, напр.: *indem*, *außerdem*, *trotzdem*, *unterdessen*, *währenddessen*, *überdies*, *deshalb*, *demnach* и т. п. Многие из этих слов могут функционировать как союзы.

§ 412. Наречия образуются, кроме того, путем слияния двух наречий или предлогов, напр.: с *hin*, в качестве первого или второго члена: *hinweg*, *hinauf*, *hinab*, *hinunter*, *immerhin*, *schlechthin*, *weiterhin*; с *her* в качестве первого или второго члена: *herauf*, *herab*, *herunter*, *heran*, *nebenher*, *nachher*, *vorher*, *daher*, *bisher*; с *vor* в качестве первого члена: *voraus*, *vorbei*, *voran*; с *so* в качестве первого члена: *sogar*, *sofort*, *soeben*, *sogleich*, *sobald*. Существует много и других сочетаний, напр.: *wiederum*, *bevor*, *zuwider*, *alsdann*, *mitunter*.

§ 413. Особую группу представляют т. наз. местоименные наречия типа *dabei*, *darauf*, *wobei*, *wogauf*, *hierauf*, *hierbei*, которые могут функционировать и как союзы. Они образуются путем прибавления **da(r)** и **wo(r)** к любому предлогу. Соединительное **r** ставится в том случае, если предлог начинается с гласного.

Ассоциирующиеся в современном языке с местоимениями *das* и *was*, **da(r)** и **wo(r)** с исторической точки зрения являются, подобно *hier*, наречиями места, и согласный **r** в них исконный. Наречие **dar** сохранилось и до настоящего времени в качестве глагольной приставки, напр.: *darbieten*, *darbringen*, *darstellen* и т. п.

К местоименным наречиям относятся, кроме того, наречия, образованные путем словосложения со сложным местоимением *einander*, напр.: *auseinander*, *miteinander*, *nebeneinander* и т. п.

б) СУФФИКСАЦИЯ.

414. Для образования наречий от существительных и от прилагательных служит суффикс **-s**, напр.: *abends*, *morgens*, *nachts*, *bereits*, *eilends*, *öfters* и т. п. Этот суффикс присоединяется часто к предложным группам

и к другим синтаксическим сочетаниям, напр.: *unterwegs, abseits, diesseits, mcinerseits, neuerdings* и т. п.

От превосходной степени прилагательных и от порядковых числительных наречия образуются посредством суффикса *-ens*, напр.: *wenigstens, bestens, schönstens, erstens, zweitens, drittens* и т. п.

Для образования наречий, обозначающих направление, служит суффикс *-wärts*, напр.: *vorwärts, rückwärts, anderwärts, seitwärts, nordwärts, talwärts* и т. п.

Суффикс *-s* представляет собой по происхождению окончание родительного падежа. Превращение последнего в адвербиальный суффикс связано с тем, что многие наречия возникли из родительного падежа существительных, т. наз. адвербиального генитива. Из вышеуказанных таковыми являются *abends, morgens, nachts*.

§ 415. Для образования наречий от числительных служит суффикс *-mal*, соответствующий русскому *-жды*, и суффикс *-erlei*, соответствующий русскому *-який*, напр.: *einmal, zweimal, dreimal* и т. д.; *einerlei, zweierlei, dreierlei* и т. д.

§ 416. Функцию суффиксов для образования наречий выполняют существительные *Weise, Weg, Maß* и *Ding*; *Maß* при этом имеет форму *-maßen*; *Ding* принимает еще суффикс наречия *-s*, напр.: *ausnahmsweise, schrittweise, folgendermaßen, gewissermaßen, allerdings, neuerdings, leichtweg, schlechtweg* и т. п.

СИНТАКСИС (SYNTAX, SATZLEHRE).

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

§ 417. Синтаксисом называется часть грамматики, занимающаяся изучением строя предложения, единицы человеческой речи, выражающей какую-либо мысль, грамматически оформленную.

В предложении различают следующие члены: подлежащее (Subjekt), сказуемое (Prädikat), дополнение прямое и косвенное (direktes und indirektes Objekt, Ergänzung), определение (Attribut), обстоятельства (Adverbiale, Umstandsbestimmung) и служебные члены. В функции того или иного члена предложения употребляются различные части речи, однако, для каждого из этих членов типична какая-нибудь одна из них.

Хотя предложение и складывается из перечисленных выше членов, однако эти последние редко выступают независимо друг от друга. Гораздо чаще члены предложения образуют определенные группы, представляющие собой смысловое и структурное единство. Такие группы называются группами слов (Wortgruppen) или синтагмами. Наиболее ясные группы образуют определяемое с его определением, глагол с характеризующим его обстоятельством, служебное слово со связанным с ним самостоятельным словом. Напр., в русском языке предложение: *Светлое осеннее небо | весело синело | над темнобурой грядой | обнаженных лип* (Тургенев) делится, как это показано вертикальными черточками, на четыре синтагмы. Немецкое предложение: *Die Fabel von dem fliegenden Holländer | ist euch gewiss bekannt* (Heine) делится на две синтагмы.

Сложнее бывает определить, всегда ли составляет одну группу глагол с относящимся к нему прямым дополнением. Так, в предложении: *Он вел за руку | нарядно одетую девочку | с пушистыми, почти белыми локонами* (Тургенев) трудно сказать составляют ли слова — *вел за руку нарядно одетую девочку* одну или две синтагмы. Точно так же в предложении: *Auf runden Beeten | stehen Blumen | und bewegen traumhaft ihre schönen Häupter* (Heine) неясно, отделяется ли *ihre schönen Häupter* от *bewegen traumhaft* или нет.

Эта неопределенность является результатом недостаточной разработанности учения о группах слов, вследствие чего нам представляется пока невозможным построить синтаксис простого предложения в полном согласии с этим учением.

§ 418. С точки зрения выраженного в них содержания предложения могут быть:

1. Повествовательные (Aussagesatz).

Примеры: *Der Herbstwind rüttelt die Bäume, Die Nacht ist feucht und kalt; Gehüllt im grauen Mantel, Reite ich einsam im Wald.* (Heine).

2. Вопросительные (Fragensatz).

Примеры: Wer reitet so spät durch Nacht und Wind? (Goethe).
Bist du wirklich mir so feindlich, Bist du wirklich ganz verwandelt? (Heine).

3. Восклицательные (Ausrufesatz).

Примеры: O Mädchen, Mädchen, wie lieb ich dich! (Goethe).
O Meer, Mutter der Schönheit, der Schaumentstiegenen! (Heine).

4. Модальные (Heischesatz), т. е. предложения повелительные, желательные.

Примеры: Proletarier aller Länder, vereinigt euch! (Komm. Man.).
Auf, zum letzten Gefecht! (Internationale).

Классификация эта, хотя и является традиционной и общепринятой в грамматике, однако схематична, так как намечает семантику предложения только в общих чертах, не учитывая всех оттенков, которые могут существовать внутри каждого раздела. Так, напр., внутри повествовательных предложений можно различать предложения утвердительные, отрицательные, собственно-повествовательные и т. п.

§ 419. В отношении строя различают предложения простые (einfacher Satz) и сложные (zusammengesetzter Satz).

Простое предложение, состоящее только из главных членов (подлежащего и сказуемого), называется собственно простым (rein-einfacher Satz).

Примеры: Der Frühling kommt. Der Mensch ist sterblich.

Примечание I. Особым видом простого предложения являются так наз. одночленные предложения (eingliedriger Satz), напр.: Feuer! Aufstehen! Komm! Unsinn!

Примечание II. С точки зрения наличия подлежащего в предложении или его характера различают: личные предложения (с полнозначным подлежащим), напр.: *Der Mensch arbeitet*, неопределенно-личные (с неконкретизированным подлежащим), напр.: *man arbeitet* и безличные, напр.: *es regnet*.

Если в предложении имеются какие-либо другие второстепенные члены, кроме подлежащего и сказуемого, его называют простым распространенным предложением (erweitert-einfacher Satz).

Пример: *Gar schöne Spiele spiel ich mit dir* (Goethe).

В структурном отношении следует различать предложения глагольные и предложения связочные. К первым относятся такие, у которых сказуемое выражено полнозначным глаголом, ко вторым — предложения, в которых глагол играет формальную роль связки между подлежащим и сказуемым, выраженным какой-нибудь другой частью речи.

Примеры первого типа: *Die Sonne ging auf. Die Nebel flohen wie Gespenster beim dritten Hahnenschrei* (Heine).

Примеры второго типа: *König ist der Hirtenknabe, Grüner Hügel ist sein Tron* (Heine).

Предложения, в которых имеются два или несколько одинаковых членов, называются слитными (zusammengezogener Satz) или предложениями с однородными членами.

Примеры: *Habe nun, ach! Philosophie, Juristerei und Medizin Durchaus studiert, mit heißem Bemüh'n* (Goethe).

Сложные предложения, представляющие сочетание нескольких

предложений, делятся на сложно-сочиненные (Satzreihe), равноценные в грамматическом отношении, и сложно-подчиненные (Satzgefüge), состоящие из самостоятельного (главного) и подчиненного (придаточного).

Примеры: Sie sah noch immer wunderschön und entzückend verdrießlich aus und es zog mich unwiderstehbar zu ihr hin und endlich stand ich hinter ihrem Sessel, brennend vor Begier mit ihr zu sprechen, jedoch zurückgehalten von zagender Delikatesse (Heine).

Wähntest du etwa, ich sollte das Leben hassen, In Wüsten fliehen, Weil nicht alle Blühtträume reifen? (Goethe).

2. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

А. ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

а) ПОДЛЕЖАЩЕЕ.

§ 420. Подлежащее может совпадать логически либо с субъектом действия (конструкция с активом), либо с объектом действия (конструкция с пассивом). В обоих случаях подлежащее в немецком языке выражается именительным падежом.

§ 421. В функции подлежащего выступает главным образом имя существительное.

Примеры: *Wilhelm* hatte indessen die kleine Reise vollendet (Goethe). Tausend fleiß'ge *Hände* regen, Helfen sich im muntern Bund (Schiller). *Ein Fichtenbaum* steht einsam Im Norden auf kahler Höh' (Heine). — *Die Kommunisten* verschmähen es, ihre Ansichten und Absichten zu verheimlichen (Komm. Man.). *Das Theater* ward wieder aufgestellt — und das Stück wiederholt (Goethe). *Der Kommunismus* wird bereits von allen europäischen Mächten als eine Macht anerkannt (Komm. Man.). — Unsere *Deputierten* wurden einstimmig gewählt.

§ 422. Широко употребляются в качестве подлежащего и местоимения. В первую очередь это личные местоимения, вопросительные wer, was, неопределенные jemand, niemand, etwas, т. е. местоимения субстантивного характера (ср. § 199). Однако и все прочие местоимения (кроме solcher, welcher, was für ein) могут играть эту роль, вследствие чего они приближаются по значению к первым. Относительно формы притяжательных местоимений и местоимения kein в функции подлежащего см. § 201.

Примеры: Ich kam zu meinem Freund; *dieser* war aber abwesend. *Mancher* hätte es leisten können. — *Er* hatte einen sehr verständigen Brief vorausgeschickt, *der* Charlotten völlig beruhigte (Goethe). Werft *ihr* uns vor, daß *wir* die Ausbeutung der Kinder durch ihre Eltern aufheben wollen? *Wir* gestehen dieses Verbrechen ein (Komm. Man.).

Dieser stieg nun die Terrassen hinunter (Goethe). *Alles* mußte auswendig gelernt werden (Heine). Aber *wer* zum zweiten Male Glücklos liebt, *der* ist ein Narr (Heine).

§ 423. Другие части речи также могут служить подлежащим при

условии субстантивации, опредмечивания их; в первую очередь имена прилагательные, числительные.

Примеры: *Muß ist eine harte Nuß, Das Grelle blendet. Drei ist ungerade. Zweimal zwei ist vier.*—Hier fand nun *der Herantretende* einen weiten sauberen Raum, außer Bänken und Tischen völlig leer (Goethe). *Das Beste, was ich getan habe, ist mein Zeichnen* (Goethe). Da scholl vom Kirchturm „Eins“ herab, Da stürzten die Geister sich heulend ins Grab (Heine).

В той же роли выступают и неизменяемые части речи, напр.: *Das Für* wird besprochen.—Half ihm doch kein *Weh* und *Ach!* (Goethe).

§ 424. Подлежащим, наконец, может быть и глагол в форме инфинитива. Эта функция сама собой очевидна, когда речь идет об инфинитиве субстантивированном.

Примеры: *Lieben* und *Hassen, Hassen* und *Lieben* Ist alles über mich hingegangen (Heine). *Handeln* ist leicht, *denken* schwer, nach dem Gedanken *handeln* unbequem (Goethe). Ist es besser ruhig *bleiben?* Ist es besser sich *zu treiben?* (Goethe).

Kapitalist sein heißt nicht nur eine rein persönliche, sondern eine gesellschaftliche Stellung in der Production einnehmen (Komm. Man.).

§ 425. В более древние периоды развития языка подлежащее могло, правда в очень редких случаях, иметь форму родительного падежа. Например, средневерхненемецкое *mir kam so lieber geste* не „мне никогда не приходило таких дорогих гостей“. В качестве пережитка можно встретить такие формы вплоть до XIX в., напр.: *Seines Gesanges* erschallet noch. В отдельных выражениях и в наше время: Da ist *unseres Bleibens* nicht.

Такого рода подлежащее имело, повидимому, партитивный смысл, ср. § 194.

§ 426. При отсутствии в предложении полнозначного подлежащего в функции такового выступает неопределенное местоимение *man* (встречающееся только в именительном падеже). Оно придает предложению характер неопределенно-личный, что отличает его от безличного *es*. Под *man* всегда подразумевается субъект, только субъект этот не назван (см. также § 212). *Man* соединяется согласно своему происхождению¹ всегда с 3 л. единственного числа глагола, в то время как в русском языке неопределенно-личная конструкция передается обычно 3 л. множественного числа без подлежащего, напр.:

Нем.	Русск.
<i>man sagt</i>	<i>говорят</i>
<i>man klopft</i>	<i>стучат</i>
<i>im Winter läuft man Ski</i>	<i>зимой бегают на лыжах</i>

§ 427. В роли подлежащего выступает как бы и местоимение *es* в безличных предложениях. Однако, на самом деле в такого рода предло-

¹ Из слова *Манн* — „человек“ с ослаблением семантики.

жениях никакого субъекта не мыслится, напр.: *es ist kalt*. Очевидно, эти предложения являются пережитком более древнего языкового строя. Безличные предложения служат прежде всего для обозначений явлений природы, для которых субъект действия в современном мышлении отсутствует, напр.: *es regnet, es schneit, es dunkelt*. Существуют, кроме того, обороты и иного типа, напр.: *es hungert mich, es scheint mir*. Эти обороты могут употребляться и без *es*, напр.: *mich hungert, mich friert* и т. п.

От этого *es* следует отличать формально-служебное *es* в оборотах типа: *es wohnen Arbeiter in diesem Haus* (ср. § 501).

Разница между безличными и неопределенно-личными предложениями четко выявляется при их сопоставлении, напр.:

man klopft и *es klopft*
man friert и *es friert*

В первом случае за *man* ощущается какой-то субъект действия, во втором мыслится только самое действие.

§ 428. От безличных предложений отличаются эллиптические предложения с опущенным подлежащим. Это возможно лишь в тех случаях, когда подлежащим должно бы быть местоимение. Как правило, подлежащее (местоимение 2 лица) отсутствует в форме повелительного наклонения, напр.: *Komme! Kommt! Sieh! Seht!*

Отсутствует подлежащее (местоимение 1 лица ед. ч.) в формулах, подобных, напр.: *danke, bitte, empfehle mich, habe die Ehre* и т. д. Личное местоимение 1 л. множественного числа выпускается в *wollen sehen!* Можно встретить случаи отсутствия местоимения и в других лицах, причем формы эти, встречающиеся и в литературе, свойственны в основном разговорной речи.

Примеры: *Habe nun ach! Philosophie ... durchaus studiert ... (Goethe). Füllest wieder Busch und Tal still mit Nebelglanz (Goethe). Nennen dich den großen Dichter (Goethe). Halten zu Gnaden! (Schiller).*

Эти случаи являются пережитками того периода языкового развития, когда личное местоимение при глаголе вообще не стояло или стояло лишь в известных случаях.

§ 429. Иногда при наличии подлежащего можно встретить плеонастическое повторение его с помощью местоимения. Для такого повторения, подхватывания подлежащего служит в первую очередь указательное местоимение *der*. Больше всего это свойственно разговорной речи, народной поэзии, встречается и в литературе.

Примеры: *Der erste, der schlug den Schleier zurück (Uhland). Der Türmer, der schaut zu Mitten der Nacht Hinab auf die Gräber in Lage; Der Mond, der hat alles ins Helle gebracht ... (Goethe). Der Mond, der ist ihr Buhle (Heine). Der Sohn, der starret ins Licht (Heine).*

В такой же функции употребительно и личное местоимение 3 лица. Примеры: *Das Wunder, es dauert zum morgenden Tag (Goethe).*

б) СКАЗУЕМОЕ.

§ 430. Сказуемое может быть выражено либо глаголом (глагольное сказуемое), либо другими частями речи: именем существительным, прилагательным, числительным, местоимением, наречием (неглагольное

сказуемое). Для выражения глагольного сказуемого употребляются личные (спрягаемые) формы глагола как простые, так и сложные.

Примеры: Ihr goldnes Geschmeide *blitzet*, Sie *kämmt* ihr goldenes Haar (Heine). Der Gärtner *entfernte sich* eilig und Eduard *folgte* bald (Goethe). — Sie *haben* daher höchst wertvolles Material zur Aufklärung der Arbeiter *geliefert* (Комм. Ман.). Die französische Revolution zum Beispiel *schaffte* das Feudaleigentum zugunsten des bürgerlichen *ab* (Комм. Ман.).

§ 431. Сказуемое может выражаться не только одним глаголом, но и сочетанием глагола с инфинитивом. К такого рода сказуемым относится прежде всего сочетание инфинитива с глаголами модального значения (ср. § 256 и след.).

Такое сказуемое, которое может быть названо сложным, следует четко отличать от сказуемого, выраженного какой-нибудь сложной формой глагола, напр. перфектом или будущим временем. Это последнее будет всегда простым сказуемым, ибо представляет собой единую глагольную форму.

Примеры: *Mögen* und *können* Sie mir *erklären*? (Goethe). Ich *mags* und *wills* nicht *glauben*, daß mich der Max *verlassen kann* (Schiller). Durch diese hohle Gasse *muß* er *kommen* (Schiller). ... Das *will* mir schier das Herz *verbrennen* (Goethe). Geschwind kommen Sie, *lassen* Sie uns den Rechten *suchen* (Lessing). Drum hab' ich mich der Magie ergeben ... Daß ich nicht mehr mit saurem Schweiß *zu sagen brauche*, was ich nicht weiß (Goethe). Nach Tische *sollten* und *mußten* Pfänder *gespielt werden* (Goethe). Ich *glaubte* meinen Abend recht gut *zugebracht zu haben* (Goethe).

Сложное сказуемое с инфинитивом образуется и с помощью других глаголов, как *anfangen*, *beginnen*, *helfen*, *hoffen*, *aufhören*, *bleiben* и др., напр.: Wer (kann) der Puppe, die am Boden liegt, die zarte Schale *helfen durchzubrechen* (Goethe). *Heiß* mich nicht *reden*, *heiß* mich *schweigen!* (Goethe). Wenn ich einmal *zu fürchten angefangen*, *hab* ich *zu fürchten aufgehört* (Schiller). Fräulein Luise *blieb* bei der Mutter *sitzen* (Goethe). O, daß sie ewig *grünen bliebe* Die schöne Zeit der jungen Liebe (Schiller).

Соответствующие вышеприведенным русские глаголы тоже употребляются в сочетании с инфинитивом, ср., например, *хотеть что-либо сделать*, *начать что-либо делать*, *помочь*, *приказать что-либо сделать* и т. п.

§ 432. Сложным сказуемым является также и оборот, выражающий необходимость или возможность и строящийся с помощью глаголов *haben* или *sein* с инфинитивом (ср. § 257, 258).

Примеры: Wenn er sich äußerlich in jedem Momente *zu beherrschen* weiß, so *hat* niemand eine weitere Forderung *zu machen* (Goethe). Dorf und Schloß hinterwärts *waren* nicht mehr *zu sehen* (Goethe). Du siehst wohl, daß das alles für mich nur auf dem Theater *zu finden ist* (Goethe). Das ist die bitterste Arznei, doch auch die letzte Und *ist zu haben* überall und wohlfeil (Heine).

Die Proletarier *haben* nichts in ihr *zu verlieren*, als ihre Ketten. Sie *haben* eine Welt *zu gewinnen* (Комм. Ман.).

§ 433. Своеобразной инфинитивной конструкцией в немецком языке является также оборот с глаголом *scheinen* (см. § 261).

Примеры: *Man war aufgestanden, es war schon spät, man schien auseinander gehen zu wollen* (Goethe). *Er hörte noch die letzten Worte des Horatio ... der fast seine Rolle vergessen zu haben schien* (Goethe). *Die Lust und der Mut der Schauspieler schien mit jeder Szene zuzunehmen* (Goethe) ... *Eine Hungersnot, ein allgemeiner Vernichtungskrieg scheinen ihr (der Gesellschaft. Авт.) alle Lebensmittel abgeschnitten zu haben* (Комм. Ман.).

В русском языке во всех этих случаях нужно было бы употребить личную форму глагола с модальным наречием. Ср. напр.: нем. *er scheint nicht zu verstehen*; русск. *он как будто не понимает*.

§ 434. Подобно ряду других европейских языков, кроме русского, в немецком языке после глаголов *sehen, hören, fühlen* (так наз. глаголов *sentiendi*) употребляется особый оборот, так наз. *Accusativus cum infinitivo* (винительный падеж с неопределенным наклонением); суть его заключается в том, что дополнение к сложному сказуемому, состоящему из одного из упомянутых глаголов и инфинитива, является субъектом действия, выраженного этим инфинитивом.

Так, в предложении *ich höre den Vogel singen* — *den Vogel* является дополнением к сказуемому и в то же время логическим подлежащим к инфинитиву *singen*. По-русски это отношение соответствующим образом и развертывается в сложное предложение: *я слышу, как птица поет*, в придаточном которого *птица* является подлежащим, а *поет* (нем. *singen*) представлено личной формой спрягаемого глагола.

Примеры: *Hörst du nicht das Waldhorn blasen? Jäger sich des Weidwerks freuen, Fromme Lämmer seh' ich grasen, Schäfer spielen auf Schalmeyen* (Heine). *Aus dem gebrochenen Herzen fühl ich fließen heißes Blut, ich fühle mich ermattet* (Heine). *Man hörte einen Wagen fahren* (Goethe).

§ 435. Инфинитив как составная часть сказуемого может употребляться с *zu* и без него. Грамматически разграничить употребление этих форм в современном языке не представляется возможным. Существуют, правда, некоторые глаголы, которые не терпят после себя формы с *zu*, и наоборот такие, которые всегда с ней сочетаются, но поскольку эта группа грамматически не объединяется, постольку можно сказать, что это явление чисто лексического порядка и должно найти себе отражение в словаре. Для справок приводим группу глаголов, не требующих после себя формы с *zu*: *wollen, sollen, müssen, dürfen, können, mögen, lassen, heißen, sehen, hören, fühlen, helfen, fahren, gehen*.

Отсутствие *zu* после большинства из этих глаголов исторически объясняется тем, что инфинитив, точнее герундий, в данном случае служил прямым дополнением, а не обстоятельством цели, каковым является форма инфинитива с *zu*. Однако с течением времени в связи с утратой инфинитивом герундиального употребления, разграничение обеих форм инфинитива теряет свою четкость. Вследствие этого непереходный глагол, как *gehen*, не допускающий прямого дополнения, оказывается в той же группе, тогда как еще в XIX веке можно встретить его употребление с *zu*, напр.: *Und der Knabe ging zu jagen* (Schiller). С другой стороны, после *beginnen* сейчас употребляется инфинитив с *zu*,

несмотря на то, что по содержанию он представляет собой прямое дополнение к глаголу и употреблялся поэтому прежде без *zu*, напр.: средневерхненемецкое *er begunde werben schoeni wip „er begann um schöne Frauen zu werben“*.

§ 436. Неглагольное сказуемое в немецком языке присоединяется к подлежащему посредством глагола-связки. В качестве связки выступает прежде всего глагол *sein*, который наиболее подходит к этой функции, ввиду того, что его глагольное (так сказать, вещественное) значение глагола существования (*Verbum substantivum*) почти совершенно утрачено. Если в предложениях *Jene Menschen sind nicht mehr* (Schiller) или *Er ist im Hause sein* может пониматься как глагол, то в случаях *Er ist klug* и т. п. такое понимание исключено. Обязательное употребление связки в неглагольном сказуемом отличает строй немецкого языка от строя языка русского. Ср., например, нем. *die Nacht ist kühl* — русск. *ночь прохладна*.

Однако, это различие не является принципиальным. Связка, как таковая, не противоречит, повидимому, строю русского языка, что видно из того, что в прошедшем и будущем времени и в русском языке нельзя обойтись без связки, напр.: нем. *die Nacht war kühl* — русск. *ночь была прохладна*. Таким образом правильнее пожалуй формулировать это так, что в русском языке мы имеем нулевую связку, ибо отсутствие связки имеет определенную семантическую функцию, а именно служит признаком настоящего времени. В некоторых случаях можно встретить в русском языке употребление связки и в настоящем времени, напр.: *Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся...* (Ленин, XXIV, 311).

Кроме глагола *sein* в функции связки могут выступать и другие глаголы, в разной степени освобождаясь от своего предметного значения и превращаясь в служебные слова. К ним в первую очередь относятся глаголы *werden* и *bleiben*, придающие сказуемому видовое значение (первый — инкоативное, начинательное, второй — дуративное, длительное), *scheinen* с модальным значением. Кроме того и другие глаголы могут употребляться иногда с ослабленным значением, в копулятивной функции, напр.: *kommen, gelten, heißen, stehen, liegen* и др.

В предложениях *die Wohnung steht lehr* или *Leningrad liegt an der Newa* (ср. также § 437) вещественное значение глаголов *stehen* и *liegen* настолько ослаблено, что они приближаются к связке.

§ 437. Неглагольное сказуемое выражается различными частями речи, в первую очередь именем существительным и прилагательным.

Имя существительное в качестве сказуемого стоит, как правило, в именительном падеже.

Примеры: *Er ist Arbeiter*. — *Ein heiliger Bezirk ist ihm die Szene* (Schiller). *Die Geschichte aller bisherigen Gesellschaft ist die Geschichte von Klassenkämpfen* (Komm. Man.). *Von allen Klassen, welche heutzutage der Bourgeoisie gegenüberstehen, ist nur das Proletariat eine wirklich revolutionäre Klasse* (Komm. Man.). *Jeder Klassenkampf ist aber ein politischer Kampf* (Komm. Man.). *Die kommunistische Revolution ist das*

radikalste *Brechen* mit den überlieferten Eigentumsverhältnissen (Komm. Man.).

Es *wird* mir glühend *Feuer* in den Händen (Schiller). Die geistigen Erzeugnisse der einzelnen Nationen *werden Gemeingut* (Komm. Man.).

Er *ist* und *bleibt ein* redlicher *Mensch*. Sein Benehmen *bleibt* mir immer *ein Rätsel*. — Sie *blieben* selbst noch *Mensch* (Schiller).

Er *scheint* mir *ein* treuer *Freund*. — Wenn es mir gelänge selbst *der Schuldige zu scheinen* (Schiller).

В современном языке вместо именительного падежа при werden встречается часто предложное сочетание zu с дательным падежом.

Примеры: Er *wird zu einem* guten *Spezialisten*. — Der Arbeiter (в буржуазном обществе. *Asm.*) *wird zum Pauper*, und der Pauperismus entwickelt sich noch schneller als Bevölkerung und Reichtum (Komm. Man.). Der parlamentarische Sturm *wird zu einem Sturm* in einem Glase Wasser, *der Kampf zur Intrige*, die Kollision *zum Skandal* (Marx, 18 Brum.).

При некоторых глаголах копулятивного типа предикативный именительный падеж присоединяется при помощи als.

Примеры. *Kommen: Komm* ich als *Gattin* (Goethe).

Gelten: Dieser Satz galt lange als *eine* unumstößliche *Wahrheit*.

В старом языке именительный падеж мог тут выступать без als, напр.: *Ein Feind* kommst du zurück dem Orden (Schiller).

§ 438. Именное сказуемое может в редких случаях употребляться и в форме родительного падежа.

В современном языке это застывшие обороты, фразеологические сращения. Значение такого сказуемого будет соответствовать основным значениям родительного падежа вообще.

Предикативный генитив possessивного значения: *des Todes sein, des Teufels sein* (ср. § 194). Предикативный генитив со значением качества, свойства, состояния (см. § 197): *guter Laune sein, guten Mutes sein, derselben Meinung, andrer Ansicht sein, guter Hoffnung sein*.

В прошлом оба типа были в своем употреблении свободнее и шире.

Примеры: Possessивный генитив: Das Haus da drüben *ist wohl der Dame* (Goethe)... daß sie *eines andern ist* (Hebel).

Генитив качества, свойства: *Sind* alle dort so bang wie du und also *mädchenhafter Scheu?* (Grillparzer). Ihr *wart* sonst immer so *geschwinder Zunge* (Schiller). Das Kind *ist stiller Natur* (Goethe).

§ 439. Имя прилагательное в роли сказуемого преимущественно употребляется в несклоняемой форме.

Примеры: Die Welt *ist* so *schön* und der Himmel so *blau* (Heine). In seiner Armen das Kind *war tot* (Goethe). Er *ist* nicht *häßlich* und *ist* nicht *lahm*, Er *ist* ein lieber charmanter Mann (Heine). *Schwarz* und *stürmisch war* die Nacht (Goethe). Ja, du *bist elend* und ich *grolle nicht* (Heine). Seine Gesinnungen *waren edel*, seine Absichten *lauter*, und seine Vorsätze *schienen* nicht *verwerflich* (Goethe). Die Berge *wurden wärmer* und *glänzender*, ich sah schon Weinreben (Heine). Du *bliebst* mir *treu* am längsten (Heine). Ihr (der Bourgeoisie. *Asm.*) Untergang und der Sieg des Proletariats *sind* gleich *unvermeidlich* (Komm. Man.).

В склоняемой форме прилагательное как сказуемое употребляется лишь в следующих случаях: 1) когда это прилагательное сохраняет в своем значении атрибутивный оттенок, т. е. к нему примысливается определяемое существительное, напр.: *Diese Fläche ist eine ebene* (подразумевается *Fläche*). *Mein Glück wär' ein vollkommenes ohne diesen Zufall* (Schiller). 2) Когда прилагательное не может употребляться иначе как в изменяемой форме, напр.: *Dieser Kampf ist der letzte*. *Seine Versicherung war eine eidliche*. 3) Когда сказуемое определяет принадлежность к какому-нибудь определенному виду или сорту, напр.: *Diese Trauben sind kaukasische*.

§ 440. Для выражения сказуемого может быть употреблено и причастие II транзитивных глаголов, представляющее собой отглагольное прилагательное и имеющее в этой функции подобно последнему преимущественно несклоняемую форму. Связкой при этом могут служить глаголы *sein*, *bleiben*, *scheinen*. Так как это причастие имеет пассивное значение, то и все сказуемое приобретает как бы характер пассива (по принятой в грамматиках и мало удачной терминологии *Zustandspassiv*, „пассив состояния“). Однако в большинстве случаев оборот этот ничем не отличается от обычного именного сказуемого. Ср., например: *das Haus ist groß* и *das Haus ist getüncht*. О возможностях иного толкования такой конструкции см. § 311.

Примеры предикативного причастия: *Meine Ruhe ist nun verloren* (Goethe). *Ach, des Hauses zarte Bande sind gelöst auf immerdar* (Schiller). *Leer gebrannt ist die Stätte* (Schiller). *Vergiftet sind meine Lieder* (Heine). *Die burgundische Flagge war gefürchtet in allen Meeren* (Schiller). — *Dieses Brot ist ein frischgebackenes*.

Причастие от интранзитивных глаголов в современном языке не образует именного сказуемого; сочетание такого причастия с *sein* представляет собой глагольное время (ср. § 299).

Причастие первое, вследствие того, что в его значении вербальность обычно преобладает над адъективностью, в современном языке также не употребляется в качестве сказуемого. Это вполне понятно, так как, например, выражение *der Lehrer ist fragend* означало бы совершенно то же, что и *der Lehrer fragt* и т. п. В классической литературе еще встречается причастие I как предикат, но только от небольшого числа глаголов: *vermuten*, *vermögen*, *erwarten*, *verlangen*.

Примеры: *Ergebenheit war ich mir von Domingo und Herzog Alba wirklich nicht vermutend* (Schiller). *Am wenigsten aber sind sie vermögend, ihrem Originale nachzudenken* (Lessing). *Ich bin sehr erwartend, von ihrer gegenwärtigen Beschäftigung zu hören* (Schiller). *Ich bin auf die Folge sehr verlangend* (Goethe).

В новейшее время в качестве сказуемого можно встретить только такое причастие, которое ближе стоит к прилагательному, чем к глаголу, и в сущности является причастием только по форме, напр.: *das Bild ist reizend*, *die Frage ist dringend* и т. п.

§ 441. В функции сказуемого употребляется также и форма сравнительной и превосходной степени прилагательного как в склоняемой, так и в несклоняемой форме, причем первая всегда сопровождается артиклем.

Несклоняемая форма сравнительной степени: Seine Erklärung *ist einfacher und einleuchtender*. Moskau *ist größer als* Leningrad. Dieses Kapitel *ist viel länger als* das vorhergehende. — Niemand *war ihm aber gefährlicher gewesen als* Jarno (Goethe). Heller *wird es schon im Osten durch der Sonne kleines Glimmen (Heine)*.

Несклоняемая форма превосходной степени: Diese Straße *ist am breitesten*. Jener Weg *ist am längsten*. Es *ist am besten*, wenn du davon gehst. *Am schwersten ist* die letzte Übung.

Склоняемая форма: Dieses Buch *ist das bessere*. Dieser Fluß *ist der breitere*. — Dieser Gedanke *ist der richtigste*. Es *ist das beste*, wenn du davon schweigst.

И склоняемая и несклоняемая формы часто употребляются на равных основаниях, хотя вторая более обычна. Однако, есть случаи, когда можно употребить для выражения сказуемого в превосходной степени только склоняемую форму. Это те случаи, когда к именному сказуемому присоединяется какое-нибудь обстоятельство, предложная конструкция и т. п. для выражения того, с чем происходит сравнение.

Примеры: Die Stadt *ist die schönste* unter allen andern (не „am schönsten“). Es *ist das beste* in der ganzen Welt (не „am besten“). Dieser Sturm *ist der heftigste*, den ich erlebt habe.

То же зачастую мы имеем в случаях, когда факт сравнения с другим предметом или лицом подчеркивается контекстом, напр.: Es liegen noch viele andere Burgruinen in dieser Gegend. Der Hardenberg bei Nörten *ist die schönste* (Heine).

Несклоняемую форму с *am*, напротив, обязательно употреблять в том случае, когда дело идет о разных степенях качества у одного лица или предмета, напр.: Der Sturm *war am heftigsten* gegen Abend (не „der heftigste“!). *Am lebenswürdigsten* *war sie mit mir* и т. п.

Примечание. Само собой разумеется, что если в именное сказуемое входит составной частью существительное, то определяющее его прилагательное употребляется, как правило, в склоняемой форме, напр.: Er *ist ein guter Student*. Er *ist der beste Student*, однако см. § 466.

§ 442. Реже употребляются в качестве сказуемого местоимения, главным образом личные, притяжательные, указательные, напр. derselbe, derjenige.

Примеры: Das *bin ich*. Das *ist er*. Du *bist mein*, ich *bin dein*. — Der Herbst, die Jagd, der Markt *ist nicht mehr mein* (Schiller). Alle Güter und alle Leben *waren sein* (Schiller).

§ 443. В качестве сказуемого могут, наконец, употребляться и наречия, а также адвербиальные предложные конструкции.

Примеры: Das Lied *ist aus*. Die Tür *ist zu*. Der Zug *ist weg*. Bist du *von Sinnen?* — Jene Zeiten *sind vorbei* (Schiller). Hier *war der Stapel aller nordischen Produkte für den Süden* (Schiller). Das Hauptquartier *war in Bermatingen* (Engels, Bauernkrieg). Diese *blieben in Bewegung* (Engels, Ibidem). — Sie *ist bei Jahren*. Er *ist außer sich*.

§ 444. Глагол-сказуемое или связка согласуются с подлежащим в лице и в числе, напр.: das Kind *lacht*, die Kinder *lachen*, ich *bin froh*, die Nächte *werden heller* и т. п.

Как правило это имеет место и при именах собирательных; однако в этом случае существуют некоторые отклонения: несмотря на единственное число подлежащего — имени собирательного, глагол может стоять во множественном числе (согласование по значению).

Примеры: *Daneben wohnt die fromme Pilgerschar, sie wechseln gehend, kommend Jahr für Jahr* (Goethe). *Gegen elf kam die ganze Gesellschaft an und ließen ihm sagen* (Goethe). *Ich griff sogleich nach dem Beutel, in welchem eine gute Menge sich befanden* (Goethe). *Da kommen ein paar aus der Küche* (Schiller). *Wahrlich! wären mir nun der Mädchen ein Dutzend im Hause, niemals wär' ich verlegen um Arbeit* (Goethe). *Eine Anzahl Soldaten hatten sich gesetzt* (Goethe).

Прилагательное в предикативной функции не согласуется с существительным ни в падеже ни в роде. В русском же языке, тоже имеющем особую краткую форму прилагательного для передачи сказуемого, согласование его с существительным всегда имеет место. Ср. напр.:

Нем.	Русск.
Der Schrank ist offen	<i>шкаф открыт</i>
Das Fenster ist offen	<i>окно открыто</i>
Die Tür ist offen	<i>дверь открыта</i>
Die Türen sind offen	<i>двери открыты</i>

Причастие в предикативном употреблении также не согласуется с подлежащим; и в этом отношении между немецким и русским языком существует расхождение, ср. напр.:

Нем.	Русск.
Der Kulturpalast ist gebaut	<i>Дворец культуры построен</i>
Das Haus ist gebaut	<i>Здание построено</i>
Die Fabrik ist gebaut	<i>Фабрика построена</i>
Die Werke und die Fabriken sind gebaut	<i>Заводы и фабрики построены</i>

§ 445. В некоторых случаях в предложениях с неглагольным сказуемым отсутствует связка.

Примеры: *Träume — Schäume. Ein Mann — ein Wort. Sprichwort — wahr Wort. Gleiche Brüder — gleiche Karpen.*

Такая конструкция является пережиточной, свидетельствуя о более примитивном строении предложения в прошлом. Встречается такая структура в современном языке в эмоционально окрашенной речи, в поговорках, фразеологических оборотах. В художественной литературе подобный тип предложения был особенно излюбленным в эпоху „бури и натиска“.

Примеры: *Ritterpflicht — Kinderspiel! Lumpenhunde — die Reiter!* (Goethe). *Die See sein Gewerbe, eine freie Armut sein höchstes Gut* (Schiller). *Die ganze Welt eine Familie... ich allein der Verstoßene* (Schiller).

Отсутствие связки нередко имеет место, кроме того, в одной из частей сложного предложения.

Примеры: Kein Wunder, daß in ihrem Entwicklungsgang am radikalsten mit den überlieferten Ideen gebrochen wird (Komm. Man.). Ich sah den Helm, daß er so blank und schön und würdig eines ritterlichen Haupts (Schiller). Ob's ein Teufel oder Engel, weiß ich nicht (Heine). Selig, wer sich von der Welt ohne Haß verschließt (Goethe).

§ 446. Отсутствие личной формы значащего глагола в предложении в немецком литературном языке явление редкое. Оно имеет место в эмоционально-насыщенных предложениях, императивных по содержанию.

Примеры: Zu Boden Oheim und Neffen (Schiller). Schlaf aus den Augen (Goethe). Dem Verdienste seine Kronen, Untergang der Lügenbrut (Schiller). Diesen Kuß der ganzen Welt (Schiller). В разговорном языке такого рода обороты очень многочисленны. Примеры: Hut ab, Hand auf Herz, gute Nacht, glückliche Reise и т. п.

Наконец, нередко в литературном языке в придаточном предложении опускается вспомогательный глагол в сложных формах.

Примеры: Ach! daß Ihr damals mir Gehör geschenkt! (Schiller). Sie erinnerten sich gern früherer Zeiten, wo sie einander gesehen (Goethe). Sie hätte dazu setzen können: weil er so lebhaften Eindruck auf sie gemacht, weil er ihr gar so wohl gefallen (Goethe). Wenn's nur dein Spiel gewesen (Schiller). Es war, als ob die Erd' ihn eingeschluckt (Schiller). Wir verließen den Truchseß bei Ulm, wohin er sich Ende März wandte, nachdem er bei Kirchheim unter Teck in Beobachtungskorps unter Dietrich Spät zurückgelassen (Engels, Bauernkrieg).

в) ДОПОЛНЕНИЕ.

§ 447. Под дополнением понимают обычно член предложения, непосредственно подчиненный глаголу.

По характеру связи между действием и объектом различают прямое дополнение и дополнение косвенное. Прямое дополнение служит для обозначения непосредственного объекта, на который распространяется действие. Косвенное дополнение выражает объект, на который действие только ориентировано. Разницу между обоими объектами иллюстрирует употребление глаголов treffen (с вин. пад.) и begegnen (с дательным). Очевидно глагол treffen имел в прошлом более активное значение, что видно из словоупотребления: der Schlag traf ihn, — буквально „удар настиг его“. Ich traf ihn соответственно имеет значение „я встретил его“, против ich begegnete ihm, что можно было бы перевести „я встретился с ним“. Аналогичным является пример с глаголом rufen. Ich rufe dich значит „я зову, призываю тебя“; ich rufe dir — „я кричу тебе, зов мой направлен в твою сторону“.

В предложении er verehrt ihn — ihn оформлено винительным падежом, так как представляет собой прямой объект предложения „он почитает его“. В предложении же er verehrt mir sein Buch, винительным падежом оформлено sein Buch — объект действия в данном случае,

а тот, кого „почитают подарком“, представляет собой уже не прямой объект, а объект ориентировки действия.

Разница между обоими дополнениями яснее всего в таких предложениях, где от глагола зависят оба типа дополнения, напр.: *ich schreibe meinem Freunde einen Brief*, где *einen Brief* (вин. пад.) является прямым объектом, на который направлено, который охватывает действие, *meinem Freunde* (дат. пад.) выражает ориентировку действия.

Прямое дополнение часто бывает теснейшим образом связано с глаголом и составляет с последним неделимую в смысловом отношении единицу, одну синтагму. Так, в предложении *Wir studieren Philologie* ни глагол *studieren*, ни дополнение *Philologie* не являются в смысловом отношении самостоятельными.

§ 448. Форма дополнения в основном зависит от характера его: прямое дополнение, как видно из вышеприведенных примеров, обозначается, как правило, винительным падежом как имен существительных, так и других частей речи, косвенное дополнение — дательным падежом. Однако нередко встречаются и другие формы (родительный падеж, предложные конструкции и др.), употребление которых определяется установившейся в этом отношении традицией. Зависимость формы дополнения от данного глагола называется управлением. Управляет ли данный глагол винительным или дательным падежами, или же другими формами и какими именно, грамматически определить невозможно; так, например, средний глагол *sich beklagen* требует после себя предлога *über*, а такой же глагол *sich entschließen* — предлога *zu*. Управление, таким образом, явление индивидуальное, характеризующее глагол как слово, и поэтому оно должно быть отнесено в словарь.

§ 449. Управление глаголов в русском и немецком языке не совпадает. Так напр.:

Нем.		Русск.
<i>Pflegen</i>	с вин. пад.	<i>ухаживать за кем-либо</i> с твор. пад.
<i>fürchten</i>	„ „ „	<i>бояться</i> с род. пад.
<i>meiden</i>	„ „ „	<i>избегать</i> „ „ „
<i>zuvorkommen</i>	с дат. пад.	<i>опережать</i> с вин. пад.
<i>auf... warten</i>	с вин. пад.	<i>ждать</i> с род. пад.
<i>an... sich erinnern</i>	с вин. пад.	<i>вспомнить</i> с вин. пад. (и с предлогом о...)

§ 450. Особенно четко выявляется такое несоответствие между этими двумя языками при глаголах с некоторыми приставками. Управление глагола в этом случае зависит от того наречия, из которого произошла данная приставка (ср. § 276). Например, некоторые глаголы с приставкой *be-* (ср. предлог *bei*, mhd. *bî*, который раньше мог употребляться с винительным и дательным падежом) требуют винительного падежа; соответствующие им русские глаголы требуют предложной конструкции или другого падежа.

bekämpfen „бороться с“, напр.: *eine Idee bekämpfen* „бороться с какой-либо идеей“;

beeinflussen „оказывать влияние на“, напр.: *Das Klima beeinflusst in starkem Maße die Vegetation* eines Gebietes;

bewachsen — глагол непереводаим на русский язык. *Die Bäume bewachsen den Bergabhang* в русском языке выражается совершенно иной конструкцией „склон горы порос деревьями“;

bezweifeln „сомневаться в“, напр.: *ich bezweifle seine Aufrichtigkeit* „я сомневаюсь в его искренности“.

beherrschen „господствовать над чем-нибудь, владеть чем-нибудь“, напр. *das Land beherrschen* „господствовать над страной“.

betreten „войти в“, напр.: *das Zimmer betreten* „войти в комнату“.

В других случаях и в русском языке имеются аналогичные транзитивные приставки (русс. о-), напр.: *bearbeiten* „обрабатывать“, *bedenken* „обдумывать“, *belachen* „осмеивать“, *beleuchten* „освещать“, *beweinen* „оплакивать“.

Глаголы с приставкой *ver-* (приставка *ver* по происхождению связана с предлогом *für*, управляющим винительным падежом): *verfechten* „ратовать за“, *verbürgen* „ручаться за“.

В других случаях имеет место совпадение управления: *verdienen* „заслужить“, *verfluchen* „проклинать“.

Глаголы с приставкой *er-*: *ersteigen* „подняться“, напр.: *einen Berg ersteigen* „подняться на гору“.

Глаголы с приставкой *an-* (ср. предлог *an*, могущий иметь и управление винительным падежом), напр.: *anbellen* „лаять на“, *anfallen* „нападать на“.

§ 451. Несоответствие между русским и немецким языками наблюдается и в отношении управления дательным падежом. Некоторые глаголы, требующие в немецком языке дательного падежа, сочетаются в русском с винительным (т. е. являются переходными) или с предложной конструкцией. Здесь, очевидно, налицо разное осмысление синтаксического отношения: ведь и в одном языке управление глагола в разные эпохи может изменяться.

Нем.		Русск.	
<i>danken</i>	с дат. пад.	<i>благодарить</i> с вин. пад. ¹	
<i>gratulieren</i>	„ „ „	<i>поздравить</i> „ „ „	
<i>folgen</i>	„ „ „	<i>следовать за</i> с твор. пад.	

Особенно четко это проявляется при сочетании глаголов с приставками. Ряд немецких глаголов с приставками, требующими дательного падежа, соответствует в русском языке глаголам, управляющим предложной конструкцией или другим падежом. Управление этих глаголов в немецком языке связано с синтаксической ролью тех наречий, которые послужили созданию приставок.

Приставка *aus-* (ср. предлог *aus*, требующий дат. падежа): *ausweichen* по-русски „избегать“ с род. пад., напр.: *einer Begegnung ausweichen* „избегать встречи“;

ab- (ср. старый предлог *ab*, требовавший дательного падежа): *ablernen* по-русски „перенять у ...“, напр.: *dem Freunde eine Gewohnheit ablernen* „перенять у приятеля привычку“; *abnötigen* „вынудить у ...“, напр.: *jemandem ein Geständnis abnötigen* „вынудить у кого-нибудь признание“. Однако, *absagen* по-русски „отказывать“ тоже с дат. падежом.

bei- (ср. предлог *bei*, требующий дательного падежа): *beimischen* по-русски „примешать к ...“ напр.: *der Lösung ein neues Element beimischen* „примешать к раствору новый элемент“; *beistimmen* „согласиться с ...“, напр.: *dem Vorsitzenden beistimmen* „согласиться с председателем“.

nach- (ср. предлог *nach*, требующий дательного падежа): *nachlaufen* по-русски „бежать за ...“, напр.: *er läuft dem Kinde nach* „он бежит вслед за ребенком“; *nachschicken* „посылать вслед за ...“, напр.: *man schickte ihm das Mädchen nach* „вслед за ним послали девушку“. Однако, *nachäffen* по-русски „подражать“ тоже с дат. падежом.

zu- (ср. предлог *zu*, требующий дательного падежа); *zureden* по-русски „уговаривать“ с вин. пад., напр.: *dem Kinde leise zureden* „тихо уговаривать ребенка“; *zusetzen* „прибавлять к“... напр.: *setzen Sie der Speise Salz zu* „прибавьте к кушанью соли“. Однако, *zuwinken* по-русски „кивать“ тоже с дат. падежом.

Особенно многочисленны относящиеся сюда глаголы с приставкой *ent-*, выражающие отделение, освобождение от чего-нибудь. В немецком языке с ними связывается всегда дательный падеж (сравнительная грамматика считает этот тип дательного наследником вымершего аблатива — отложительного падежа), тогда как в русском мы имеем в этих случаях предложную конструкцию или другой падеж, напр.: *entfliehen* по-русски „избегать“ с род. пад., „убегать от...“, напр.: *einer Gefahr entfliehen* „избегать опасности“; *entleihen* „заимствовать из, у...“, напр.: *einer Sprache ein Wort entleihen* „заимствовать из какого-нибудь языка слово“; *entnehmen* „брать из“, напр.: *das Zitat einem Werke entnehmen* „взять цитату из произведения“; *entziehen* „извлекать из“, напр.: *der Erde Wasser entziehen* „извлекать из земли воду“.

§ 452. Прямое дополнение, как указано выше, выражается в общем винительным падежом.

Примеры: *Der Nebel bedeckt die See* (Heine). *Sie geben mir einen sonderbaren und bedenklichen Auftrag*, *versetzte Wilhelm* (Goethe).

Sie drückt mich и *sie preßt mich*, *Und tut mir fast ein Weh* (Heine). *Ich liebe dich, mich reizt deine schöne Gestalt* (Goethe). *Uns rührt die Erzählung jeder guten Tat* (Goethe). *Ein alter Bedienter empfing ihn an der Tür* (Goethe). *Ich liebe alleine die Kleine, die Feine, die Reine, die Eine* (Heine). *Wir haben nicht geweinet*, *Wir seufzten nicht „Weh“ und „Ach“* (Heine). *Sie* (die Bourgeoisie. *Asm.*) *produziert vor allem ihren eigenen Totengräber* (Komm. Man.). *Die große Industrie hat den Weltmarkt hergestellt, den die Entdeckung Amerikas vorbereitete* (Komm. Man.). — *Er hat eine Drei gekriegt*.

§ 453. Глаголы *bedürfen* и *gedenken* в современном немецком языке требуют родительного падежа в функции прямого объекта.

Примеры: *bedürfen*: Diese These bedarf *keines Beweises*. Ich bedarf *deiner Hilfe* nicht. — *Sein* bedarf man, leider, *meiner* nicht (Goethe).

Es bedarf aber bloß *der Verbindung*, um die vielen Lokalkämpfe von überall gleichem Charakter zu einem nationalen, zu einem Klassenkampf zu zentralisieren (K o m m. M a n.).

gedenken: Er gedachte *der vergangenen Zeit*. Er hat *seiner* in der Vorrede gedacht.

Laßt mich hoffen, daß Ihr *meiner* nicht mit Haß gedenkt! (Schiller).

Эти глаголы, хотя и редко, в своем управлении колеблются. Так, *gedenken* может соединяться в отдельных случаях с винительным падежом или предложом ап. Встречается это в текстах XVIII—XIX вв.

Примеры: Wenn ich *mein Objekt* anfangе zu gedenken... (Kant). Wenn wir *die Spiralgefäße*, die uns wirklich als elastische Federn erscheinen, in ihrer höchsten Kraft gedenken... (Goethe). Ich gedenke gar fleißig *an ihn* (Knebel).

bedürfen может управлять иногда винительным падежом, напр.: *alles*, was es etwa *zu meiner Abreise* bedarf.

§ 454. Ряд глаголов имеет управление родительным падежом только в высоком стиле, в обыденной же речи управляет наряду с родительным в подавляющем большинстве случаев винительным падежом или предложной конструкцией:

entbehren обычно с винительным падежом, напр.: Ich kann *diesen Luxus* leicht entbehren. — Er glaubt, du könntest *ihn* entbehren (Goethe). Ho: *des süßen Lichts* entbehren (Rückert). ... da ich ... *der Dichtung* nicht gern entbehren mag (Goethe).

harren обычно с предложом auf (как warten), напр.: Er harrete *auf eine Antwort*. Ho: Wir harren *deines Winkes* (Schiller). Laß ihn lang *deiner* harren (Schiller). *Ihrer* an einem bezeichneten Platze zu harren (Grillparzer).

schonen обычно с винительным падежом, напр.: Du schonst *deine Kräfte* nicht. — Sie ist erhascht, Ich schonе *sie* nicht länger (Schiller). Ho: weil sie *unserer Empfindlichkeit* schonst (Schiller). Hättest du *meiner Jugend*, *meiner Unschuld* geschont (Goethe). Er schonte *ihrer* (Storm).

spotten обычно с предложом über, напр.: Mein Freund spottete *über meine Worte*. Ho: das spottet *aller Beschreibung*, *aller Bemühungen* (оборот обыденной речи). — Spottet auch er nicht *eines ehrlichen Geschichtschreibers* (Lessing). — Er spottet *ohnmächtigen Zorns* (Schiller).

§ 455. Другие глаголы, имевшие в прежние эпохи управление родительным падежом, в современном языке управляют другими падежами или предложениями. Отдельные застывшие обороты свидетельствуют нам о прежнем управлении:

genießen теперь с винительным падежом, напр.: er genießt *großes Ansehen*. Можно встретить в высоком стиле и генитив. Раньше употреблялся родительный падеж, напр.: Sie genießen *der Ehre* (Wieland).

vergessen теперь с винительным падежом, напр.: er vergaß *seine Versprechung*. Родительный падеж можно изредка встретить в поэтической речи. Застыл он в *Vergißmeinnicht*. Раньше употреблялся всегда

родительный падеж, напр.: Wir vergessen *aller Beleidigungen, aller Eifersucht und Rache* (Wieland).

walten теперь с предлогом *über*. Родительный падеж застыл в: *seines Amtes walten*. Раньше употреблялся родительный падеж, напр.: *Wohl waltest du mein, wie ein Vater des Sohnes* (Voss).

Наконец, при некоторых глаголах родительный падеж утрачен полностью, так что от прежнего их управления не осталось и следа; это, напр.: *bekommen* (теперь с вин. пад.), *empfinden* (теперь с вин. пад.), *entgehen* (теперь с дат. пад.), *leugnen* (теперь с вин. пад.), *sorgen* (теперь с предлогами *um, für*), *wünschen* (теперь с вин. пад.). О возвратных глаголах с родительным падежом и о глаголах с двойным объектом см. § 459.

§ 456. Объект в родительном падеже первоначально отличался от объекта в падеже винительном. Его основным значением было очевидно неполное, частичное овладение объектом, т. е. он, имел характер партитивности, разделительности, о котором говорилось выше (ср. § 194). Так можно понимать генитив при глаголах *bedürfen, entbehren, gedenken, genießen, wünschen* и др. Партитивность объекта в родительном падеже видна гораздо лучше на глаголах, совершенно и бесследно утративших управление родительным падежом, которое существовало у них параллельно с винительным, при дифференциации значений этих объектов. Это, например, глагол *essen* (Luther: *iß des Brotes*). Значение здесь отлично от сочетания с винительным падежом (ср. русское *съешь хлеба* и *съешь хлеб*). Ср. также *bringen* в предложении: *Sorgsam brachte die Mutter des klaren, herrlichen Weines* (Goethe) и *bringen* с винит. падежом (ср. русское *принес воды* против *принес воду*). Аналогичны глаголы *kosten, nehmen, geben* и т. п. Современный немецкий язык, не отмечая разницы между обоими типами субъектно-объектных отношений, употребляет в обоих случаях падеж винительный. При желании особенно оттенить, подчеркнуть партитивность, частичность объекта, мы употребляем предлог *von*: *aß vom Brote, trank vom Wasser*.

Другое значение, которое можно встретить в генитивном объекте—причинное; родительный падеж выражает причину действия. Сюда относятся, напр.: *spotten, sterben* и др.

§ 457. Дополнение в родительном падеже употребляется также при неглагольном сказуемом, выраженном прилагательным. Лишь немногие прилагательные имеют управление исключительно родительным падежом. Таковы, напр.: *bedürftig, gewiß, kundig, mächtig, quitt, schuldig, verdächtig, verlustig, würdig*.

Примеры: *Ich bin der Hilfe nicht bedürftig. Ich bin meiner Sache gewiß. Wir sind seiner Zustimmung gewiß. Er ist vieler Sprachen kundig. — Schon kundig des Planes* (Mörke). — *Er ist seiner Sinne nicht mächtig. — Wie wurdet Ihr der Burgen mächtig* (Schiller). *Aller Hoffnung quitt* (Goethe). *Seines Eides quitt und ledig* (Schiller). — *Er ist eines Diebstahls verdächtig. Einer Sache verlustig gehen. Diese Kleinigkeit ist des Dankes nicht würdig.*

Во многих случаях с родительным падежом конкурируют предлоги

или другой падеж, причем эти последние формы все больше вытесняют архаическую конструкцию с генитивом.

müde с род. падежом или предлогом *von*, напр.: Ich bin *von der langen Reise* müde.—Ich fange an *der Sonne* müd zu sein (Schiller). Ich bin *des Lebens* und *des Herrschens* müd (Schiller).

fähig с род. падежом или предлогом *zu*, напр.: Er ist *dazu* *fähig*.—Ich kenne meinen Sohn *zu genau*, als daß ich ihn *zu kahlen Entschuldigungen* *fähig* halten sollte (Grimm).

Er ist eines *Betruges* nicht *fähig*.—Solche Augenblicke sind *keiner Beschreibung* *fähig* (Wieland).

gewahr с род. падеж. и винит. падеж., напр.: Hurtig! *zaudre* nicht lang, laß alles dal und daß kein *Aug dich* *gewahr* wird (Schiller).

Man wird *des Lebens* weder *gewahr* noch *froh* (Goethe). Jetzt wird der hochfahrende Despot *seiner Menschlichkeit* *gewahr* (Schiller).

überdrüssig с род. и вин. падежом, напр.: Das schlimmste aber ist, daß ihr *das Eine* als wohl *das Andre* *überdrüssig* werdet (Lessing). *Die Farce* war ich lange *überdrüssig* (Ludwig).—Ich bin *dieses Spafes* *überdrüssig*.

В других случаях управление родительным падежом совершенно исчезло. О прежнем построении с генитивом говорят отдельные случаи словообразования, фразеологические сочетания:

arm теперь с предлогом *an*. Слова типа *geistesarm* свидетельствуют о вымершей конструкции; до раннего новонемецкого с родительным падежом.

frei теперь с предлогом *von*; ср. однако *vorwurfsfrei*. До раннего новонемецкого и позже в поэтической речи с генитивом, напр.: Denn bist du *deines Dienstes* *frei* (Goethe).

froh теперь с предлогом *über*; ср. однако *lebensfroh*. Еще у Гете, Шиллера с род. падежом, напр.: *froh des* noch erlebten *Tag's* (Schiller). *Des schönsten Augenblicks* wird mein Auge *froh* (Ibidem).

los теперь с вин. падежом или с предлогом *von*; ср. однако *anspruchlos*. Прежде с род. падежом, напр.: Durch ihn bin ich *der Sorgen los* und *der Schmerzen, der Furcht* und jedes ängstlichen *Gefühls* (Goethe).

reich теперь с *an*; ср. однако *inhaltsreich, segensreich*. До XVI века с род. падежом.

voll теперь с предлогом *von*; однако *lebensvoll, anspruchsvoll*. До раннего новонемецкого и позже в поэтическом языке с родит. падежом, напр.: Herzen *voll Gefühls* (Wieland).

Родительный падеж стоял раньше при различных прилагательных, выражая известную меру. Об этой конструкции свидетельствуют слова *lebenslang, mannshoch*. Теперь для таких случаев употребляется винительный падеж: *einen Meter lang, eine Hand breit, zwei Klafter tief*.

Иногда, наконец, не остается никаких следов старого управления родительным падежом, напр.: *begierig* теперь с предлогом *nach, für; empfindlich* теперь с предлогом *gegen, für* и т. п.

§ 458. При наличии в предложении двух прямых дополнений, выражение их обоих винительным падежом (т. наз. двойной винительный — *doppelter Akkusativ*) в современном языке очень редко. Они

сводятся в основном к конструкциям с глаголами heißen в значении „называть“ и nennen.

Примеры: Er hieß *ihn einen Lügner*. Er nannte *ihn einen Veräter*.

Более часты случаи употребления такого двойного винительного на прежних этапах языкового развития. Еще до XVII—XVIII века мы находим случаи употребления двойного винительного, современному языку не свойственные:

при глаголе machen: Mein Hertze... machte mir *einen Tag ein ganzes langes Jahr* (Opitz). Macht *dies Mitleid Mode* (Tieck);

при глаголе achten: daß er *den Ruhm die höchste Würde* achtet (Tieck);

при глаголе fühlen: Schon föhl ich *mich ein* abgestorbnes *Glied* (Goethe) и т. п.

Современный язык при двойном объекте чаще употребляет вместо второго винительного предложное сочетание и т. п., оставляя прямой объект в винительном падеже. Так, при глаголе machen употребляется предложная конструкция с zu, напр.: die Langeweile macht *Minuten zu Stunden, Stunden zu Tage*. При achten предлог für: Achten Sie *mich für ihren Feind?* При fühlen конструкция с als: Er föhlte *sich als den glücklichsten Menschen* in der ganzen Welt.

§ 459. Одно из дополнений может также выражаться родительным падежом. Это имеет место особенно при глаголах возвратных с рефлексивным объектом, напр.:

sich annehmen: Er nahm *sich der Sache* an. — Nahm *sich*, gleich Epicurs Göttern, *keines Dinges* an (Wieland).

sich bemächtigen: Er bemächtigte *sich meiner Hand*.

sich enthalten: Ich enthielt *mich der Rede*.

sich schämen: Du darfst *dich deiner Wahl* nicht schämen (Schiller).

sich erinnern имеет наряду с управлением родительным падежом, напр., Ich erinnere mich *meiner Jugend*, управление предлогом an: Ich erinnere mich *an meine Jugend*.

Такое же явление можно наблюдать и при глаголах с личным прямым объектом в винительном падеже (Accusativus personae, Genitivus rei), напр.:

berauben: Diese Nachricht beraubte *sie der letzten Hoffnung*. — Geheimnisvoll am lichten Tag Läßt *sich Natur des Schleiers* nicht berauben (Goethe).

beschuldigen: Man beschuldigte *ihn eines Mordes*.

entledigen: Er föhlt *sich seines Wortes* entledigt.

würdigen: Sie würdigte *ihn keines Blickes*. Er würdigt *mich seines Vertrauens*.

Zeihen: jemanden eines Verbrechens zeihen. — Des Undanks zeiht man *mich* (Schiller). Welcher Sünde zeiht *dich* dein Gewissen (Schiller).

§ 460. Косвенное дополнение выражается в основном дательным падежом.

Примеры: Dem dunkeln Schoß der heil'gen Erde Vertrauen wir der Hände Tat (Schiller). Dem Glück bezahlt ich meine Schuld (Schil-

1er). Die Kleine gleicht *der Geliebten* (Heine). Kaum wird man es *dem Geschichtsschreiber* glauben (Schiller). Sie haben *dir* Viel erzählt Und haben Viel geklagt (Heine). Der Weltmarkt hat *dem Handel, der Schifffahrt, den Landkommunikationen* eine unermessliche Entwicklung gegeben (Komm. Man.). Die Bourgeoisie hat das Land *der Herrschaft* der Stadt unterworfen (Komm. Man.).

§ 461. С дательным падежом как косвенным объектом конкурируют предложные конструкции. С зависимым дательным падежом при некоторых глаголах конкурирует предлог *zu* (в современном языке редко), напр.:

Ich sagte *ihm*... и ich sagte *zu ihm*...

Свободный дательный падеж (dativus commodi или incommodi) может заменяться конструкцией с предлогом *für*, напр.:

<i>einem</i> etwas kaufen	и	<i>für einen</i> etwas kaufen
<i>einem</i> etwas machen	и	<i>für einen</i> etwas machen
<i>einem</i> etwas nähén	и	<i>für einen</i> etwas nähén
es ist <i>mir</i> eine Freude	и	es ist <i>für mich</i> eine Freude.

Примечание. В случае, когда в таких предложениях нет прямого дополнения, конструкция с дательным падежом невозможна, а употребительна только предложная конструкция, напр.: Sie näht *ihrem Kinde* (или *für ihr Kind*) ein Kleid, но (без прямого дополнения) только: Sie näht *für ihr Kind*.

Конструкция с падежом без предлога обозначает здесь отношение к лицу. Поэтому при предмете неодушевленном она невозможна. Можно сказать Er baut ein Haus *seinen Eltern* или *für seine Eltern*. Но в случае „он строит сарай для повозки“ возможно дополнение только в форме *für den Wagen*.

С помощью предлога достигается таким образом дифференциация двух типов отношений (зависимое дополнение и дополнение более свободное), нерасчлененно выражаемых прежде одним дательным падежом.

§ 462. Косвенное дополнение в дательном падеже стоит также при именном сказуемом, выраженном как существительным, так и прилагательным.

Примеры на косвенное дополнение, зависящее от сказуемого-существительного: Das ist *dem Kinde* eine Freude. Das ist *mir* ein wahres Vergnügen. — Ich bin ein Diener *dem Gebot* des allergrößten Mannes (Schlegel-Tieck).

Более часты случаи зависимости косвенного дополнения от предикативного прилагательного.

Примеры: Ich bin *ihnen* herzlich dankbar. Ich bin *diesem Gedanken fern*. — Sieht er *seinem Bruder* nicht recht ähnlich? (Goethe). Ich bin *ihr nah* und wär ich noch so fern (Goethe). Wie du *mir* oft, geliebtes Kind, Ich weiß nicht wie, so *fremde* bist (Goethe). Die Kunst der Rede ist *dem Munde fremd* (Schiller). Stella, Stella, Wie *lieb* du *mir* bist! (Goethe). Dieses Ufer ward *dir hold* und *freundlich* (Goethe). Was ihn *Euch widrig* macht, macht ihn *mir wert* (Schiller). Es blieb *ihm* nichts übrig, als die Sache durch Unterhandlungen in die Länge zu ziehen (Engels, Bauernkrieg).

§ 463. И в данном случае с дательным падежом конкурируют предложные сочетания. При косвенном дополнении, зависящем от предикативного имени существительного, часто употребляется предлог *für*.

Примеры: Das ist *mir* eine Freude, eine Last и das ist *für mich* eine Freude, eine Last. — Er ist *mir* ein wertvoller Gehilfe и er ist *für mich* ein wertvoller Gehilfe.

При предикативных прилагательных можно встретить предлог *gegen*, напр., при прилагательных: *feindselig, gnädig, treu* и др.; предлог *mit*, напр.: при прилагательном *verwandt* и др.; предлог *für*, напр., при прилагательных: *angenehm, nützlich, schädlich, verständlich* и много других.

§ 464. Особым типом дополнения является дополнение при конструкции с пассивом, выражающее субъект действия, в то время как объект в этой конструкции служит подлежащим. Выражается это дополнение в немецком языке прежде всего предлогом *von* с дательным падежом, а также предлогом *durch* с падежом винительным (этот случай употребления конструкции с *durch* не следует смешивать с рассматриваемым в § 486, где этот оборот имеет значение обстоятельства действия).

Примеры: Dieses Haus ist *von einem* unserer besten *Architekten* gebaut worden. Die Nachricht wurde *von allen Anwesenden* besprochen.

Сие (рабочие массы в буржуазном обществе. *Авт.*) sind nicht nur Knechte der Bourgeois-klasse, des Bourgeoisstaates, sie sind täglich und stündlich geknechtet von der *Maschine, von dem Aufseher* und vor allem *von den einzelnen fabrizierenden Bourgeois selbst* (K o m m. M a n.). Das Lumpenproletariat, diese passive Verfaulung der untersten Schichten der alten Gesellschaft, wird *durch eine* proletarische *Revolution* stellenweise in die Bewegung hineingeschleudert (K o m m. M a n.).

2) ОПРЕДЕЛЕНИЕ.

§ 465. Определение может относиться к любому члену предложения, выраженному именем существительным. Определение с определяемым постоянно образует неразрывную смысловую синтаксическую группу.

Определение может быть выражено прежде всего именем прилагательным, в том числе и отглагольным прилагательным — причастием. При этом в атрибутивной роли как правило употребляется склоняемая форма прилагательного как местоименная (сильная), так и именная (слабая), что стоит в связи с наличием и формой артикля и местоимения (ср. § 225, 228). Так как между определениями различных членов предложения (подлежащего, именного сказуемого, дополнения и т. д.) нет никакой принципиальной разницы, то они и не рассматриваются отдельно.

Примеры: Ein *junger, untersetzter, muntre, neuangekommener* Jüngling erhielt die Rolle des Horatio (Goethe). Man glaubt, daß ich mich gräme In *bitterm* Liebesleid (Heine). Und ein Arm und ein *glänzender* Nacken wird bloß Und es rudert mit Kraft und mit *emsigem* Fleiß (Schiller). *Wildes* Wetter! Sturmeswüten Will das *arme* Schiff zerschellen, Ach, wer zügelt diese Winde Und die *herrenlosen* Wellen (Heine). Du kühlst den *brennenden* Durst meines Busens, *Lieblicher* Morgenwind (Goethe). Ein *feuchter* Windzug kräuselt die *graue* Wasserbahn (Heine). Unter den *holden* Sternen hingestreckt, war ihm sein Dasein wie ein *gold-*

ner Traum (Goethe). Wandle mit *verhülltem* Schritte Durch den *öden finstern* Wald (Goethe). Manch Bild *vergessener* Zeiten Steigt auf aus seinem Grab (Heine). Sie (die Bourgeoisie. *Asm.*) hat *enorme* Städte geschaffen, sie hat die Zahl der *städtischen* Bevölkerung gegenüber der ländlichen in *hohem* Grade vermehrt, und so einen *bedeutenden* Teil der Bevölkerung dem Idiotismus des Landlebens entrissen (Komm. Man.).

§ 466. Имеются, однако, случаи употребления краткой несклоняемой формы прилагательного в качестве атрибута, например, *Rot Front*; подобные обороты обычно встречаются в народной поэзии или при подражании ей.

Примеры: *Schön* Rotraut. Röslein *rot*. — *Lieb* Knabe, bist mein (Schiller). Zurückе ritt der *jung* Roland (Uhlанд).

Форму эту можно встретить и в застывших оборотах, пословицах, поговорках, где она однако относится всегда только к существительному предного рода.

Примеры: Sich *lieb* Kind machen. Ein *gut* Gewissen ist ein sanftes Ruhékissen. *Bayrisch* Bier, *bar* Geld, ein *gut* Stück, auf *gut* Glück, ein *klein* Wenig.

§ 467. Широко употребляются в качестве определений местоимения адъективного характера.

Примеры: Ich sagte, daß *meine* Seele Dir gänzlich ergeben sei (Heine). Herz, *mein* Herz, sei nicht beklommen, Und ertrage *dein* Geschick (Heine). Seit *jener* Stunde verzehrt sich *mein* Leib (Heine). *Diese* Stadt liegt alt und gebrochen, in einem weiten Kreise von blühend grünen Bergen (Heine). Viel *solcher* Lieder klangen durch *mein* Herz. Die traulichen Tannenwälder rauschten mir so *manch* vergessenes Liebeswort ins Gedächtnis zurück (Heine).

§ 468. Употребление притяжательных местоимений в немецком языке существенно отличается от употребления их в русском. Обусловливается это тем, что в немецком языке нет возвратного притяжательного местоимения, каким является русское *свой, своя, свое*. Последнее употребляется по отношению к обладателю, играющему роль подлежащего, независимо от того, выражено ли оно первым, вторым или третьим лицом; в немецком же языке, не имеющем возвратного притяжательного, всегда употребляется притяжательное местоимение соответствующего лица. Для 1 л. ед. числа употребляется *т. mein, n. mein, f. meine, Pl. meine*; для 1 л. множ. числа *т. unser, n. unser, f. unsere, Pl. unsere*; для 2 л. ед. числа *т. dein, n. dein, f. deine, Pl. deine*; для 2 л. множ. числа *т. euer, n. euer, f. eure, Pl. eure*; для 3 л. ед. числа мужск. и средн. рода *т. sein, n. sein, f. seine, Pl. seine*; женск. рода *т. ihr, n. ihr, f. ihre, Pl. ihre*; для 3 л. множ. числа всех родов *т. ihr, n. ihr, f. ihre, Pl. ihre*, сравни:

Русск.	Нем.
Я выполняю <i>свой</i> план	Ich erfülle <i>meinen</i> Plan
„ <i>свое</i> обещание	„ <i>mein</i> Versprechen
„ <i>свою</i> обязанность	„ <i>meine</i> Pflicht
„ <i>свои</i> обязанности	„ <i>meine</i> Pflichten

ты выполняешь *свой* план
 он выполняет *свой* план
 она выполняет *свой* план
 мы выполняем *свой* план
 вы выполняете *свой* план
 они выполняют *свой* план.

du erfüllst *deinen* Plan etc.
 er erfüllt *seinen* Plan etc.
 sie erfüllt *ihren* Plan etc.
 wir erfüllen *unseren* Plan etc.
 ihr erfüllt *euren* Plan etc.
 sie erfüllen *ihren* Plan etc.

В случае если обладатель является не подлежащим, а другим членом предложения, разницы между обоними языками не будет, сравни:

Русск.

Нем.

Он не поверил *моему* сообщениюEr hat *meinem* Bericht nicht geglaubt, *моему* обещанию, *meinem* Versprechen ,, *моей* искренности, *meiner* Aufrichtigkeit ,, *моим* словам, *meinen* Worten ,я возвращаю тебе *твою* книгуich gebe dir *dein* Buch zurückты не знаком с *его* братомdu bist mit *seinem* Bruder nicht bekanntты проверил *ее* работу.du hast *ihre* Arbeit kontrolliertон отклонил *нашу* помощьer lehnte *unsere* Hilfe abмы сидим в *вашей* комнатеwir sitzen in *eurem* Zimmerисполнил ли он *их* просьбу?hat er *ihre* Bitte erfüllt?

По вопросу о выражении притяжательности особыми грамматическими формами ср. § 201.

§ 469. Определением служат также числительные.

Примеры: *Zwei* bis *drei* Häuser standen in vollen Flammen (Goethe). Diese *vier* Haufen nahmen alle die Memminger Artikel an (Engels, Bauernkrieg). Ungefähr *fünfzig* Jahre nach der Unterdrückung der hussistischen Bewegung zeigten sich die *ersten* Symptome des aufkeimenden revolutionären Geistes unter den deutschen Bauern (ibidem).

§ 470. Определение выражается также именем существительным в родительном падеже. Семантические связи между определяемым и определяющим могут быть весьма различны. Перечень основных случаев см. в § 194.

Примеры: Ein jeder sucht im Arm *des Freundes* Ruh (Goethe). Inzwischen hatte sich in *Wilhelms* Abwesenheit eine Veränderung vorbereitet (Goethe). Du, Geist *der Erde*, bist mir näher (Goethe). Verborgne Träne trübt *des Auges* Schein (Heine). Viele merkwürdige Ereignisse *jener Zeit* sind gar nicht aufgeschrieben und leben im Gedächtnisse *des Volkes*. Ich wandelte noch bis spät nach Mitternacht durch die Straßen *Verona's* (Heine). Die Gewinnung *der Rohprodukte* hatte sich ebenfalls bedeutend gehoben (Engels, Bauernkrieg). Der Verlauf *des Kampfes* selbst ist bekannt (Engels, ibidem).

§ 471. Определение со значением принадлежности в широком смысле слова, выражаемое родительным падежом, может передаваться также предлогом. Особенно часто в этой роли выступает предлог von. Пред-

лог von употребляется преимущественно там, где формальные признаки падежа недостаточно четко обозначены. Это имеет место:

1. Во множественном числе, когда слово взято в неопределенном значении (в единственном числе здесь был бы неопределенный артикль), напр.: *die Wahl von Deputierten, die Untersuchung von verschiedenen Pflanzenarten, die Bestattung von Toten.*

2. При словах, обозначающих какое-нибудь вещество, напр.: *Verkauf von Fleisch, Zufuhr von Milch.*

3. При именах собственных: *die Werke von Lenin, die Straßen von Moskau, die Proletarier von Spanien.*

При тех именах, которые кончаются на «s, ts» (на письме s, x, z, ср. § 166), ввиду недифференцированности в устной речи их родительного падежа, конструкция с предлогом von является единственно возможной, напр. *die Werke von Engels.*

4. Предлог von употребляется далее при нагромождении нескольких слов в родительном падеже, напр.: *die Geschichte von der Gründung der Hauptstadt der Republik.*

5. Предлог von конкурирует далее с родительным падежом при передаче отношения партитивности. Так, например, мы можем сказать: *einer der Studenten* и *einer von den Studenten.* *Die schwerste aller Aufgaben* и *die schwerste von allen Aufgaben.*

Во всех случаях предпочтительно употребление конструкции с предлогом von в обиходной разговорной речи, напр.: *das Ende vom Lied, der Vater von meinem Freund* и т. п.

Об отмирании родительного падежа и его замене предлогом von см. § 194.

Кроме предлога von можно найти и случаи употребления других предлогов, конкретизирующих в каждом случае отношение между именами, недифференцированно передаваемое родительным падежом.

Примеры: *der Schlüssel zum Tor* (вместо *des Tores*), *die Bäume im Walde* (вместо *des Waldes*), *die Haare auf dem Kopf* (вместо *des Kopfes*).

§ 472. К целому ряду существительных в качестве определения употребляется инфинитив.

При этом последний встречается чаще всего не изолированно, а сопровождаемый целой группой слов, которые образуют с ним вместе одну синтагму. Инфинитивное определение встречается, например, при следующих существительных: *Fähigkeit, Kunst, Freude, Versuch, Recht, Pflicht, Brauch, Bitte, Verbot, Wunsch, Grund, Zeit, Ursache, Macht* и т. п.

Примеры: *Es unterliegt in den Versuchen, sich der Administrativgewalt wieder zu bemächtigen* (Marx). *Der Kommunismus nimmt keinem die Macht, sich gesellschaftliche Produkte anzueignen, er nimmt nur die Macht, sich durch diese Aneignung fremde Arbeit zu unterjochen* (Komm. Man.). *Je mehr ich das alles betrachte, je mehr ich es fühle, desto lebhafter wird der Wunsch, ihn bei uns zu sehen* (Goethe).

§ 473. Часто встречаются случаи определения имен посредством наречия или адverbiallyных предложных групп.

Примеры: Das Nest *droben*. — Dorf und Schloß *unterwärts* waren nicht mehr zu sehen (Goethe). Der Knabe *am Bach* (Schiller). Das Mädchen *aus der Fremde* (Schiller). Ein Märchen *aus alten Zeiten*. Das kommt mir nicht aus dem Sinn (Heine). Im Januar 1525 war das ganze Land *zwischen Donau und Lech* in voller Gärung ... (Engels, Bauernkrieg).

§ 474. Все рассмотренные здесь типы определений могут встречаться в различных комбинациях при одном определяемом, образуя сложные группы слов. Так, напр.: 1) окружение определяемого прилагательным с одной стороны и определением другого типа с другой стороны; примеры: Das *neue* Buch *von Scholochow*. Er hatte einen *heißen* Wunsch, *diese Reise zu machen*. Das *rote* Haus *auf dem Berge*. 2) Соподчинение определений, напр., два генитива, зависящих друг от друга, или определение к генитиву, являющемуся в свою очередь определением, и т. п. Примеры: Das Werk *unseres besten Dichters*. Die Rede *des vorsitzenden des Schulrats*.

§ 475. Особым типом определения является, т. наз., приложение (Apposition), которое присоединяется с атрибутивным значением к другому существительному. Аппозиция всегда имеет тот же падеж, что и определяемое существительное; связь между нею и этим существительным более свободная, чем обычно у атрибута с определяемым членом. Сравни напр.: das rote Moskau и Moskau, die rote Hauptstadt.

Различают два вида аппозиции: более самостоятельную, свободную аппозицию, образующую как бы особый член предложения, и несамостоятельную, тесно связанную с существительным, превращающуюся в его обязательный придаток.

Самостоятельная аппозиция состоит обычно кроме существительного из зависимых слов. Она следует за определяемым и отделяется от него запятой.

Примеры: Es breitet sich lustig und glänzend aus, *das zusammengefaltete Leben* (Schiller). Plötzlich aus der Felsenspalte tritt der Geist, *der Bergesalte* (Schiller). Du rings mich anglühst, *Frühling, Geliebter* (Goethe). Wir heften uns an seine Sohlen, *Das furchtbare Geschlecht der Nacht* (Schiller). Das Lumpenproletariat, *diese passive Verfaulung der untersten Schichten der alten Gesellschaft*, wird durch eine proletarische Revolution stellenweise in die Bewegung hineingeschleudert (K o m m. M a n.).

Несамостоятельная аппозиция обычно присоединяется к собственному имени, обозначая титул, прозвище, положение, родственное отношение и т. п. Такая аппозиция предшествует определяемому или следует за ним и тесно с ним срастается. Запятой между ними соответственно не ставится, напр.: Bruder Peter, *Die Insel Elba*, *Der Monat Mai*, Peter *der Große*, Wilhelm *der Eroberer*, Karl *der Kahle*, Nathan *der Weise*.

Несамостоятельная аппозиция может иметь определение только, если она предшествует своему определяемому, напр.: *Meine kleine Schwester Marie*. *Die schöne Stadt Venedig*.

Если атрибут присоединится к аппозиции, стоящей после определяемого, то она получает более самостоятельный характер (самостоятель-

ная аппозиция), напр.: Leningrad, *die schöne Stadt*; Wilhelm, *der Eroberer von England* и т. п.

Аппозиция может относиться и ко всему предложению в целом (т. наз. Satzapposition).

Примеры: Ein Schriftsteller wird von seinen Zeitgenossen nicht gelesen; *ein Unglück, aber kein Beweis wider seine Güte* (Lessing). Jetzt aber erschien eine kaiserliche Armee in Deutschland; *eine schreckenvolle Erscheinung für die Protestanten, eine nicht viel erfreulichere für die Katholischen* (Schiller).

§ 476. В немецком языке, особенно в языке научной прозы, широко встречается, т. наз., распространенное определение (ср. § 498), в котором кроме определяющего слова наличествуют зависящие от этого последнего слова (типа обстоятельства и дополнения). Распространенное определение часто называют „причастным оборотом“, что не совсем точно, т. к. в нем могут участвовать в качестве основного определяющего слова не только причастия, но и обычные имена прилагательные.

а) Зависимые слова типа дополнения могут выражаться винительным и родительным (прямое дополнение) и дательным падежом (косвенное дополнение).

Примеры: Es war *ein den vorhergehenden ganz ähnlicher* Brief. Zu große Mengen dieses Stoffes rufen *eine den Pflanzen schädliche* Wirkung hervor. Das ist *eine mir längst bekannte* Sache. — Den näher verwandten größeren Gruppen fiel *ein bestimmter* Bezirk zu, worin wieder *die einzelnen, eine Anzahl Familien umfassenden* Geschlechter sich dorfwise niederließen (Engels, Die Mark). Und *das allen Franken, auch den Niederländern, gemeinsame* baten (bessern, nützen, von bat, besser) ist in der Pfalz gebräuchlich (Engels, Fränkischer Dialekt). — Das ist *ein des Dankes nicht würdiger* Mensch.

б) Зависимые слова типа обстоятельства могут выражаться наречиями или адвербиальными предложными конструкциями.

Примеры: Und bunte Menschenwoge sich ergoß Durch *labyrinthisch* vielverschlungne Zimmer (Heine). Unterdessen ergab sich Gent, und *diese unerwartet schnelle* Eroberung riß den Herzog auf einmal aus seiner Verlegenheit (Schiller).

So rächte sich *das mit dem Proletariat alliierte* Pariser Kleinbürgertum für seine Niederlage am 13 Juni 1849 (Marx, 18. Brum.). Gleichzeitig intrigierte *der seit 1519 aus Württemberg vertriebene* Herzog Ulrich, um mit Hilfe der Bauern wieder in den Besitz seines Landes zu kommen (Engels, Bauernkrieg).

Иногда распространенное определение может комбинироваться еще с атрибутивным прилагательным, непосредственно относящимся к существительному. Примеры см. § 498.

Распространенное определение часто трактуется в школьной грамматике и в практике преподавания как „сокращенное придаточное предложение“. Такое понимание является неверным по существу, ибо фактически в этом случае никакого „сокращения“ не произошло. Вся структура распространенного определения аналогична структуре атрибута

в простом предложении, тесно с ней связана. Называть такое определение „сокращенным предложением“ только на том основании, что по содержанию оно соответствует определительному предложению, так же неверно и методически бесплодно, как трактовать любое прилагательное, например *das rote Tuch*, как сокращенное предложение: *das Tuch, das rot ist*.

§ 477. Особым случаем определения с помощью имени прилагательного является, по терминологии Г. Пауля, „предикативный атрибут“ (*prädikatives Attribut*). Здесь прилагательное стоит в атрибутивном отношении к существительному (субъекту предложения или объекту его), но в то же время образует как бы обстоятельство, относящееся к глаголу. В этой функции употребляется несклоняемая форма прилагательного, в то время как в русском языке здесь принята склоняемая форма.

Примеры: *er kam müde an* „он приехал *усталым*“. *Die Zusendung erfolgt frei und unentgeltlich*. *Ich trinke meinen Kaffee gern warm*. *Ich sah ihn noch frisch und gesund*.

Чем более ослаблено значение глагола, чем ближе он таким образом подходит к связке, тем ближе и предикативный атрибут к обычному именному сказуемому, ср. напр. *das Zimmer steht leer*.

В роли предикативного атрибута может выступать также и причастие. В этом случае причастие, так же как и прилагательное, может иметь только неизменяемую форму. В русском языке, напротив, в этих случаях употребляется склоняемое причастие.

Примеры: *betrübt* ging er davon „он ушел *огорченным*“. *Der Buchhändler liefert das Buch nur gebunden*. *Fest gemauert* in der Erde steht die Form, aus Lehm *gebrannt* (Schiller). *Drei Elemente, Innig gesellt*, *Bilden das Leben, Bauen die Welt* (Schiller).

§ 478. Функцию определения выполняет в известном смысле и словосложение (см. § 340), конкурируя при этом с определением, выраженным родительным падежом имени существительного или предложной конструкцией с *von*. Так, напр., наряду с конструкцией *der Klub der Studenten* широко употребительно заменяющее его сложное слово *der Studentenklub*; аналогично *die Haustür* вместо *die Tür des Hauses* и *das Meeresufer* вместо *das Ufer des Meeres*.

д) ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

§ 479. Глагол-сказуемое может сопровождаться определяющими его словами, именуемыми обстоятельствами. В качестве обстоятельств служат, во-первых, наречия, во-вторых, предложные конструкции адвербиального характера. Различают обстоятельства места, времени, образа действия, причины, следствия, цели.

§ 480. В качестве обстоятельств места могут служить, во-первых, наречия: *hier, dort, überall, irgendwo, oben, darin, herab, hinauf, vorwärts, hinterwärts, beiderseits, linker Hand* и др.

Примеры: *Der Name Lenin ist überall bekannt*. — *Da droben auf jenem Berge, Da steht ein feines Schloß* (Heine). *Hier* sitz ich, forme Menschen nach meinem Bilde (Goethe). *Die schönste Jungfrau* sitzt

Dort oben wunderbar (Heine). — Hegel bemerkt *irgendwo*, daß alle großen weltgeschichtlichen Tatsachen und Personen sich sozusagen zweimal ereignen (Marx).

§ 481. Обстоятельствами места служат, во-вторых, сочетания с предлогами *bei, in, auf, hinter* и др.

Примеры: Doch zerschmettert nur rangen sich Kiel und Mast Hervor *aus dem* alles verschlingenden Grab (Schiller). Nahe *bei* diesem Platze steht ein Haus (Heine). Wo seid ihr her, hochgelehrter Herr? Von Frankfurt am Main (Goethe). Sie dreht *um die* schnurrende Spindel den Faden (Schiller). — Der Rest des Haufens zog nun zunächst *gegen Heilbronn* (Engels, Bauernkrieg). Zu Tausenden hingen die Bauernleichen *die Straßen entlang...* (*ibidem*).

§ 482. Обстоятельства времени обозначаются наречиями: *heute, jetzt, bald, längst, seitdem, immer, selten, endlich, augenblicks, oft* и т. п.

Примеры: *Heute* beginnt die Vorlesung um acht. *Bald* kommt der Frühling. — Das weiß ich *längst*, ich sah dich ja im Traum (Heine). Die Rollen hatte man *schon früher* ausgeteilt (Goethe). Doch *endlich*, da legt sich die wilde Gewalt (Schiller). Diese Wirkung ließ sich *augenblicks* in der Gesellschaft empfinden (Goethe).

§ 483. Обстоятельства времени выражаются также предложными группами, причем временные отношения большей частью передаются старыми пространственными предлогами, напр.: vor einem Monat, nach der Stunde, in der Nacht. Есть, однако, и специальные предлоги, чисто временного значения, напр.: *seit, während, binnen*.

Примеры: *Nach einigen Tagen*, die er in der Einsamkeit zugebracht hatte, kam Wilhelm mit frohem Blicke zurück (Goethe). Ihr Widerwillen gegen Philinen nahm *mit jedem Tage* zu (Goethe). *Seit jener Stunde* verzehrt sich mein Leib (Heine). Er ritt *am 21. Juni* mit seinen Rittern und Räten nach Tübingen (Engels, Bauernkrieg). Wie *vor vier Jahren* wurden wieder Versammlungen auf dem Kniebis gehalten (*ibidem*). Von 1518 bis 1523 folgte ein lokaler Bauernaufstand im Schwarzwald und in Oberschwaben nach dem andern (*ibidem*). Ich habe hier nicht die Geschichte ihrer gesetzgeberischen Tätigkeit zu schreiben, die sich *während dieser Periode* in zwei Gesetzen resümiert (Marx, 18. Brum.).

§ 484. Обстоятельствами образа действия могут быть наречия: *so, sehr, ganz, zu, fast, folgenderweise, höchstens, wohl, gut, schön* и другие наречия одного корня с прилагательными.

Примеры: Dein Brief ist *so wohl* geschrieben, und *so geschickt* und *klug* gedacht, daß sich nichts mehr dazu setzen läßt (Goethe). Innsbruck selbst ist eine *unwohnliche* blöde Stadt. Vielleicht mag sie im Winter *etwas geistiger* und *behaglicher* aussehen (Heine). Und atmete *lang* und atmete *tief* Und begrüßte das himmlische Licht (Schiller).

§ 485. В той же функции употребляются причастия в несклоняемой форме.

Примеры: Und *schweigend* umarmt ihn der treue Freund (Schiller). Und sieh, aus dem Felsen, geschwätzig, schnell, springt *murmelnd* hervor ein lebendiger Quell (Schiller). Mit deinen schwarzbraunen Augen siehst du mich *forschend* an (Heine). Sie folgt dem Gerippe, das *singend*

Und *fiedelnd* schreitet voraus (Heine). Sehnsüchtig umflattert sie die rote Rose, und stürzt sich *begeistert* in die geliebten Dornen, und blutet und singt (Heine).

§ 486. В качестве таких обстоятельств выступают и предложные группы. При этом могут опять быть использованы старые пространственные предлоги, напр.: auf diese Weise, auf verschiedenem Wege, in großem Maße, unter Umständen, mit deiner Hilfe и т. п. С другой стороны, имеются и более специализированные предлоги, выражающие образ действия, как *betreffs*, *mittels*, *anlässlich*, *gemäß*.

Примеры: Die Diebe öffneten das Schloß *mittels eines Dietrichs*. — Er trank zum Beispiel lieber *aus der Flasche* als *aus dem Glase* und offenbar schmeckten ihm die Speisen *aus der Schüssel* besser als *von dem Teller* (Goethe). *Unter diesen Zögerungen* verstrich der Winter (Schiller).

Особое место среди обстоятельств образа действия занимают предложные конструкции инструментального значения с предлогами *mit* и *durch*; они соответствуют в русском языке творительному падежу, а в немецком являются наследниками вымершего инструментального падежа.

Инструмент, орудие действия (в буквальном или переносном смысле) передается предлогом *mit* (с дат. пад.).

Примеры: Er arbeitet *mit einem Instrument*. Wir sehen *mit den Augen*. Ich schreibe *mit Kreide*. *Mit* deinen schönen *Augen* Hast du mich gequälert so sehr (Heine).

Способ действия, посредством которого последнее осуществляется, передается предлогом *durch* (с вин. пад.). В русском языке здесь тоже наблюдается тенденция к употреблению предлога (*путем*, *благодаря*).

Примеры употребления *durch*: Ich habe es *durch diesen Brief* erfahren. Er benachrichtigte ihn *durch einen Boten*. Wir wurden *durch* gewichtige *Gründe* überzeugt. — Herrscht er nur erst *durch mich*, so herrsch ich bald *durch ihn* (Lessing).

§ 487. Обстоятельства причины и следствия обозначаются наречиями *daher*, *demnach*, *deshalb*, *darum*, *warum*, *weshalb* и т. п. При этом надо заметить, что наречия эти тесно увязывают содержание предложения с предыдущим, имеют характер, близкий к союзам, и зачастую с трудом от них отграничиваются.

Примеры: Er führte *deshalb* seine Partie sehr ungleich aus (Goethe). *Madurch* geriet der Herzog von Parma aufs Neue ins Gedränge (Schiller). Feins Liebchen weint; ich weiß *warum* (Heine).

§ 488. Для выражения обстоятельств причины и следствия служат отчасти старые пространственные предлоги, развивающиеся в сторону абстрактных значений, напр.: *durch* „через“ и „благодаря“, *aus*, в выражениях типа *aus Furcht*, *aus Eifersucht*, *vor* и др. Однако, основная масса предлогов этого типа, т. наз. *uneigentliche Präpositionen*, новые предлоги логического содержания, напр.: *infolge*, *wegen*, *um... willen*, *dank*, *laut*, *kraft*, *vermöge*.

Примеры: Da steht auch ein Mensch und starrt in die Höhe Und ringt die Hände *vor Schmerzengewalt* (Heine). Doch nicht er allein,

sondern alle Personen, die sich in ihrer Nähe befanden, litten *durch ihre Unruhe und Sonderbarkeit* (Goethe). Ich habe *durch Gunst und Mühe* guter Freunde alles gesehen und gehört (Goethe). *Wegen der herrschenden Vorurteile* will ich meinen Namen verändern (Goethe). Wißt ihr noch, wie ihr *um des Pfalzgrafen willen* Konrad Schotten feind wart? (Goethe). Aber als die Sache sich in die Länge zog, verliefen sich die meisten Insurgenten wieder *aus Mangel* an Lebensmitteln und der Rest ging *infolge eines* zweideutigen *Vertrags* mit einigen Landtagsabgeordneten ebenfalls heim (Engels, Bauernkrieg).

§ 489. Обстоятельства цели могут обозначаться наречиями: *zugute, zuliebe, zugunsten, meinethalben, deinethalben, seinetwillen* и др.

Примеры: Ich hatte selbst *um seinetwillen* an manchè tätige Freunde geschrieben (Goethe).

§ 490. В предложных конструкциях, выражающих обстоятельства цели, участвуют опять-таки старые пространственные предлоги, как напр., *für, zu* и новые логические предлоги: *um... willen, wegen, behufs*.

Примеры: Und hast mich mit Wäsche versorget, und mit dem Paß *für die Reise* (Heine). *Beispiels willen* gedenken wir des Buches Ruth (Goethe). *Um Leben oder Sterbens willen* bitt ich mir ein Paar Zeilen aus (Goethe). Nicht *Streitens wegen* kam ich hierher (Schiller). Sie (die sozialistischen und kommunistischen Schriften. Авт.) haben daher höchst wertvolles Material *zur Aufklärung* der Arbeiter geliefert (Komm. Man.).

§ 491. Для обозначения обстоятельства цели служит, наконец, также инфинитив, ср. § 267—269, напр. Ich komme Sie darum *zu bitten*. Er geht ihn *abzuholen*. Ich lege mich *schlafen*. — Und der Knabe ging *zu jagen* (Schiller). Leg mich hin, wo kein Liebender kommt *weinen* (Herder).

Б. ПОРЯДОК СЛОВ (DIE WORTFOLGE).

§ 492. Порядок слов в современном немецком языке является относительно более связанным, менее свободным, чем, например, в языке русском. Однако, если вычесть несколько совершенно незабываемых правил расположения слов, касающихся, главным образом, места сказуемого и определения, то и немецкий язык допускает известную свободу группировки слов в предложении.

Твердое и неизменное место занимает в предложении сказуемое. Положением глагола или связки и определяется в основном структура предложения в его различных типах: повествовательном или вопросительном, самостоятельном или придаточном. Сказуемое может занимать в предложении 3 различных позиции, а именно: 1) первое место, 2) второе место, 3) последнее место.

Речь идет здесь об изменяемой части сказуемого. О прочих частях его см. § 497.

§ 493. Глагол стоит на первом месте, главным образом, в предложении вопросительном. При этом относится это только к тому разряду вопросов, когда под сомнение ставится сказуемое, выраженное

глаголом, и тем самым все высказывание в целом (т. наз. Satz- или Entscheidungsfrage) в отличие от вопроса, где определению, конкретизации в ответе подлежит только один какой-нибудь элемент высказывания и где, соответственно, имеется вопросное слово — местоимение или наречие (т. наз. Wort- или Bestimmungsfrage).

Ср. напр., *Fährst du in diesem Jahre in die Krim?* в отличие от *Wohin fährst du in diesem Jahre?*

Примеры вопросительных предложений с глаголом вначале: *Hast du die Schmerzen gelindert je des Geängsteten?* (Goethe). *Ist keiner, der sich hinunter wagt?* (Schiller).

Глагол стоит на первом месте также в предложениях повелительного значения.

Примеры: *Kommen Sie morgen so früh wie möglich! Laß mich in Ruhe! Bedecke deinen Himmel, Zeus, mit Wolkendunst* (Goethe).

Такое же положение глагола мы имеем в предложениях, выражающих желание.

Примеры: *Wäre er schon zurück! Kāme der Frühling bald!*

То же иногда в восклицательных, напр.: *War meine Mutter zornig!* Особенно это касается утверждений с наречием *doch*, соответствующих в русском языке оборотам с *ведь*.

Примеры: *Hab' ich den Markt und die Straßen doch nie so einsam gesehen! Ist doch die Stadt wie gekehrt, wie ausgestorben!* (Goethe).

Об условных предложениях с глаголом на первом месте см. § 549.

На первом месте стоит глагол и в главных предложениях, следующих за придаточным, а также в предложениях, следующих за прямой речью. Однако положение глагола диктуется здесь особыми соображениями, о которых см. в следующем параграфе.

§ 494. На втором месте стоит глагол в нормальном повествовательном главном предложении. Надо оговориться при этом, что „первое место“, „второе место“ не следует понимать математически, как первое и второе слово. Дело идет о первой или второй синтагме, части предложения, представляющей собой единство (см. § 417). Таким образом „первое место“ может занимать целая группа слов, напр.: атрибут + подлежащее (или дополнение), предложная группа.

Примеры предложений с глаголом на втором месте: *Meinen Urlaub verbringe ich auf dem Lande. Er gab mir eine ausführliche Antwort. — Wilhelm konnte nun nicht länger den Besuch bei seinen Handelsfreunden aufschieben* (Goethe). *Er stand auf seines Daches Zinnen, Er schaute mit vernünftigen Sinnen Auf das beherrschte Samos hin* (Schiller). *In einem Tal bei armen Hirten erschien mit jedem jungen Jahr... Ein Mädchen schön und wunderbar* (Schiller). *Sie war nicht in dem Tal geboren, Man wußte nicht, woher sie kam* (Schiller).

Второе место занимает глагол и в вопросе, если это, как мы указывали, *Wortfrage* и начинается, следовательно, с вопросного слова.

Примеры: *Wozu hast du diese Bücher mitgebracht? Wo haben Sie studiert? Wie ist dein Name? — Wer wagt es, Rittersmann oder Knapp zu tauchen in diesen Schlund?* (Schiller). *Warum sind doch die Rosen so blaß...?* (Heine).

Такой же порядок обнаруживают и восклицания, возникшие из вопроса.

Примеры: Was kann man nicht alles erleben! Wie schön ist diese Gegend!

В главных предложениях, являющихся частью сложно-подчиненного комплекса и следующих за придаточным, а также в предложениях, следующих за прямой речью, глагол стоит формально на 1 месте (иногда после союза), однако, по существу, высказывание, заключенное в придаточном предложении или в прямой речи, образует как бы первый член, развернутый в целое предложение (ср. также § 527). Глагол и следует за ним согласно тому правилу, о котором была речь выше.

Примеры: 1) Da er selbst nicht kommen konnte, schickte er mir einen freundlichen Brief zu. — Wenn ich nur ihre schwarze Augen sehe, ist mir es schon wohl (Goethe). Indem er noch in seines Zornes Wut Die Peitsche schwingt, kommt flink und wohlgemut Ein lustiger Gesell die Straße hergezogen (Schiller).

2) Ist Peter zu Hause? fragte er. — Was wollt ihr? ruft er vor Schrecken bleich (Schiller). Ich bitte um Vergebung, sagte sie (Goethe).

§ 495. Глагол стоит на конце в подчиненном предложении, о чем см. § 527.

Часто такое положение можно встретить в восклицаниях изумления, напр.: Was die Neugier nicht tut!

§ 496. Несмотря на существование совершенно твердой нормы в отношении места, занимаемого глаголом, в литературном немецком языке можно встретить случаи, где в самостоятельном предложении глагол будет в начале или в конце. Обычно здесь имеет место известная стилизация под народный язык; в других случаях речь носит архаический оттенок. Встречается подобная конструкция и в диалекте.

Примеры: Sah ein Knab' ein Röslein stehn, ... War so jung und morgenschön, Lief er schnell es nah zu sehn usw. (Goethe — стилизация под народную песню). Weiß kein Mensch, was aus den Dingen werden kann (Goethe). Gibt auch Gesellen unter ihnen, denen man nicht gerne begegnet (Rosegger — речь с диалектным оттенком). Je mehr sie ihn besah, je mehr sie Reize fand (Wieland). Und Flut auf Flut sich ohn' Ende drängt (Schiller).

Такие случаи свидетельствуют о том, что несвободное положение глагола, его прикрепленность к определенному месту в различных типах предложения — явление сравнительно позднее в истории немецкого, как и ряда других флективных языков. В периоды более древние сказуемое в утвердительном предложении могло, как и прочие его члены, занимать любое место. Порядок слов становился все менее свободным, по мере того, как разрушалась флексия, как возрастала необходимость компенсировать ее в выражении синтаксических отношений предложения. Такой компенсацией может служить в языке раз навсегда определенный порядок членов предложения. Отголосок прежнего состояния относительно большей свободы и представляют пережиточные типы предложений, приведенные выше.

§ 497. Все сказанное о сказуемом-глаголе и об его месте в предложении касается только изменяемых его форм, неизменяемая же часть

сказуемого стоит на конце предложения, независимо от его типа (за исключением придаточного). На конец самостоятельного предложения попадают, следовательно, инфинитив или причастие сложных глагольных форм, именная часть сказуемого (существительное или прилагательное).

Примеры: Der Weltmarkt hat dem Handel, der Schifffahrt, den Landkommunikationen eine unermeßliche Entwicklung *gegeben* (Komm. Man.). Die deutsche Industrie hatte im vierzehnten und fünfzehnten Jahrhundert einen bedeutenden Aufschwung *genommen* (Engels, Bauernkrieg). — Er will uns zu seinem Geburtstag *einladen*. — Werd ich zum Augenblicke *sagen*: Verweile doch! du bist so schön! Dann magst du mich in Fesseln *schlagen*, Dann will ich gern zu Grunde *gehn* (Goethe). Im großen Zimmer wurde eine Abendmahlzeit *gehalten* (Heine). Und die Treue, sie ist doch kein leerer *Wahn* (Schiller). — Diese erstaunlichen Resultate wurden von der I. Brigade *erzielt*. Sie hielten die Fahne in allen Kämpfen *hoch*. Dieser Student ist ein guter *Sportler*. Es war für mich außerordentlich *schwer*.

Если в предложении мы имеем два зависимых инфинитива, то инфинитив, непосредственно связанный со спрягаемым глаголом, ставится на конце, зависящий от него — перед ним.

Примеры: Er wird den Auftrag *erfüllen können*. Du kannst das Kind *gehen lassen*.

Причастие, зависящее от инфинитива, также ставится перед ним, на второе место с конца. Это имеет место при пассивном инфинитиве или инфинитиве перфекта.

Примеры: Er wird in diesem Kampfe *überwunden* sein. Dieser Fehler kann leicht *verbessert* werden. Der dritte Fünfjahrplan wird *erfüllt* werden. Er soll ganz anders *gehandelt* haben.

При наличии двух причастий, на конец ставится то, которое непосредственно связано с вспомогательным глаголом, а перед ним причастие, зависящее от него. Эта конструкция, в частности, встречается при сложных прошедших временах пассива (Перфект и Plusquamperfekt).

Примеры: Das Kind war in unsere Familie *aufgenommen worden*. Der Brief ist lange Zeit *unbeantwortet geblieben*.

На конце главного предложения ставится и отделяемая прчставка глагола, видоизменяющая его значение.

Примеры: Diese Worte riefen eine allgemeine Empörung *hervor*. Die Pflanze nimmt aus dem Boden Nährstoffe *auf*. — Nicht in ohnmächt'gen Tränen goß ich die Kraft des heißen Schmerzens *aus* (Schiller). Und wenn Natur dich unterweist, Dann geht die Seelenkraft dir *auf* (Goethe). Die französische Revolution z. B. schaffte das Feudaleigentum zugunsten des bürgerlichen *ab*. (Komm. Man.).

Сказуемое охватывает, таким образом, предложение подобно рамке, которая растягивается или сжимается в зависимости от числа членов во фразе. Эта рамочная структура является одной из характернейших черт немецкого синтаксиса, отличая структуру предложения в немецком языке от русского, где положение неспрягаемой части сказуемого совершенно свободно. По-русски можно сказать, напр.:

Я забыл принести Вам книгу.
 Я забыл Вам принести книгу.
 Я Вам забыл принести книгу.
 Я забыл Вам книгу принести.
 Я книгу Вам принести забыл и т. п.

Порядок расположения частей сказуемого, изложенный выше, является нормой для письменного литературного языка. Однако строгая закономерность в постановке неспрягаемой части сказуемого на последнее место предложения может в отдельных случаях нарушаться. Это имеет место главным образом при более сложных предложениях, длинных периодах, при наличии обстоятельств и дополнений, от которых зависит придаточное предложение. Таким образом нарушение правила вызывается стремлением к большей ясности и прозрачности структуры.

Примеры: Er wollte sein Recht *sicherstellen* vor allen Anfechtungen, denen dasselbe ausgesetzt werden könnte. — Der Augenblick war daher möglichst unglücklich *gewählt* für den nochmals gemachten Versuch, gütlich zwischen den Parteien zu vermitteln (Blatz). — Der Aufschwung der nationalen Produktion Deutschlands hatte indes noch immer nicht Schritt *gehalten* mit dem Aufschwung anderer Länder (Engels, Bauernkrieg).

В обиходном разговорном языке особенно ясно заметна тенденция к сокращению дистанции между отдельными частями сказуемого. Сравни напр.: Er fuhr fort nach dem Süden. Es war heiß in diesem Sommer и т. п. Совершенно аналогично положение и в диалекте.

§ 498. Определение-прилагательное (причастие) обычно предшествует определяемому, причем местоимение (артикль) ставится перед этим прилагательным.

Примеры: Die *kleine* Marie pflückte im Garten eine *schöne* Rose. Ich trinke gern *kalt* *reines* Wasser. Wir besitzen eine *reichentwickelte* Industrie. — Und die Sonne versendet *glühenden* Brand, Und von der *unendlichen* Mühe ermattet sinken die Knie (Schiller). Den *Blumensingenden*, *Honiglallenden*, *Freundlichwinkenden* Theokrit (Goethe). Manch' *bunte* Blumen sind an dem Strand, Meine Mutter hat manch *gülden* Gewand (Goethe). Alle *bisherige* Gesellschaft beruhte, wie wir schon gesehen haben, auf dem Gegensatz *unterdrückender und unterdrückter* Klassen (Komm. Man.).

Иногда от атрибута (прилагательного или причастия) зависит целый ряд второстепенных членов предложения (ср. § 476). Безотносительно к количеству зависимых слов и длине всего распространенного определения в целом, оно стоит перед существительным, причем, если имеется артикль (местоимение), то он предшествует всему атрибуту в целом. Самое прилагательное (причастие), управляющее зависимыми словами, располагается непосредственно перед определяемым существительным. Таким образом и здесь получается рамка: артикль (местоимение)... прилагательное (причастие) + существительное (ср. о глагольной рамке § 497).

Примеры: Die Bourgeoisie hat *alle* *bisher* *ehrwürdigen* und mit

frommer Scheu betrachteten Tätigkeiten ihres Heiligenscheins entkleidet (K o m m. M a n.). Auf dieser Stufe bilden die Arbeiter *eine über das ganze Land zerstreute und durch die Konkurrenz zersplitterte* Masse (K o m m. M a n.). Welche Form sie aber auch immer angenommen, die Ausbeutung des einen Teiles der Gesellschaft durch den anderen ist *eine allen vergangenen Jahrhunderten gemeinsame* Tatsache (K o m m. M a n.).

В том случае, когда к существительному относится еще одно прилагательное, не связанное никакой зависимостью с прочим определением, оно ставится либо после артикля, предшествуя тем самым всему определению, либо перед определяемым существительным. В первом случае это прилагательное отделено от последующего распространенного определения запятой.

Примером первой возможности может служить: Diese *unselbstständige*, nach unseren Begriffen spärliche Literatur hat einen tiefgreifenden Einfluß ausgeübt auf die Sprache selbst (S o c i n).

Пример второй возможности: Die aus dem Untergang der feudalen Gesellschaft hervorgegangene *moderne bürgerliche* Gesellschaft hat die Klassengegensätze nicht aufgehoben, sie hat nur neue Klassen, neue Bedingungen der Unterdrückung, neue Gestaltungen des Kampfes an die Stelle der alten gesetzt (K o m m. M a n.).

Такого типа определения строятся в русском языке совершенно иначе, так что понимание и анализ немецкого текста в этом отношении может создавать трудности. В русском языке прилагательное и зависимые от него слова либо следуют за определяемым именем, представляя обособленный член предложения, либо предшествуют ему, как в немецком языке, с той разницей, что причастие (прилагательное) оказывается на 1-м месте всего оборота, который замыкается определяемым словом. Зависимые слова стоят тогда между ними.

Таким образом немецкое определение обязательно строится по следующему образцу: Der um acht Uhr vom Moskauer Bahnhof abgehende Zug; по-русски оно может звучать двояко. Либо: *поезд, отходящий с Московского вокзала в восемь часов*, либо: *отходящий с Московского вокзала в восемь часов поезд*.

Die zur Vollendung der angefangenen Arbeit nötigen Materialien звучит по-русски либо: *материалы, нужные для окончания начатой работы*, либо: *нужные для окончания начатой работы материалы*.

§ 499. В литературном языке и особенно при намеренной стилизации под народную речь можно встретить и иное положение прилагательного, чем описанное выше, а именно, положение после существительного. В этом случае употребляется всегда несклоняемая форма прилагательного (тоже признак особого стилистического оттенка, ср. §§ 230, 466).

Примеры: Mein Vater *selig*. — Röslein *rot* (G o e t h e). Die Bäuerin schöpft an dem Brunnen *frisch*. (U h l a n d). Er setzt die Krone *golden* ihr ins nußbraune Haar (U h l a n d). Herrliche Söhne, ewig *rüstig* und *jung* (G o e t h e). Ein Mädchen *schön* und *wunderbar* (S c h i l l e r).

Такие случаи свидетельствуют о большей свободе постановки прилагательного в прошлом.

§ 500. В противоположность атрибутивному прилагательному атрибутивный родительный падеж в современном языке как норма следует за определяемым членом.

Примеры: Ich hörte die Stimme *meines Freundes*. — An dem einen Ende *des Dorfes* liegt das Wirtshaus (Goethe). Der König spricht es und wirft von der Höh' *Der Klippe...* den Becher (Schiller). — In den früheren Epochen *der Geschichte* finden wir fast überall eine vollständige Gliederung *der Gesellschaft* in verschiedene Stände (K o m m. M a n.).

Перед существительными родительный падеж стоит обычно только в случае собственных имен, напр.: *Goethes Faust*, *Schillers Räuber*. В других случаях, однако, тоже можно встретить такое положение: *meines Vaters Haus*; правилом оно является для указательного и относительного *der*, напр. *mein Freund, dessen Vater gestorben ist*.

В поэзии примеров такого положения генитива чрезвычайно много: Und wie er tritt an *des Felsen Hang* Und blickt in den Schlund hinab... (Schiller). Ich fühle Mut, mich in die Welt zu wagen, *Der Erde Weh, der Erde Glück* zu tragen (Goethe). Zephyr, nimm's auf deine Flügel, Schling's um *meiner Liebsten Kleid* (Goethe).

Нормой является кроме того непосредственное примыкание генитива к определяемому слову, что и видно из приведенных примеров. Можно встретить, однако, и случаи отрыва атрибута, напр.: Hast du die Tränen gestillet je *des Geängsteten* (Goethe).

Другого типа определения, например предложные сочетания и наречия, также следуют за определяемым словом.

Примеры: Die Werke *von Goethe*. Das Leben *auf dem Lande*. Das Fenster *oben*.

Адвербиальные члены, определяющие наречие и прилагательное, всегда предшествуют этим последним; генитивные атрибуты, как правило, тоже.

Примеры: Besuche mich *recht bald*. Es war *sehr* lange her. Er ist *des Lobes wert, seiner Pflicht getreu* и т. д.

Напротив, предложные сочетания обязательно следуют за определяемым предикативным прилагательным.

Примеры: Er ist glücklich *im Spiele*. Sie ist schön *von Gesicht*.

§ 501. Все прочие члены предложения сравнительно свободны в своем расположении, хотя и можно наметить ряд ориентирующих в этом вопросе закономерностей. Одним из основных правил является то, что в немецком языке наибольшее значение принадлежит первому и последнему элементу предложения.

Какой член предложения занимает первое место, зависит от нашей познавательной установки. Если мы говорим: In diesem Hause wohnen Studenten, то исходной точкой нашего суждения (называемой в немецких грамматиках психологическим подлежащим) является тут понятие *das Haus*. Во фразе же: Unsere Studenten wohnen in jenem Hause dort этой исходной точкой будет *unsere Studenten*. Первый элемент предложения поэтому тесно увязан с предшествующим речевым отрывком, зачастую предыдущий текст и определяет постановку того или иного члена в начале предложения. Поэтому-то в начале так часты наречия

типа *da*, *dann*, *darauf*, которые связывают высказывание с предыдущим, образуя исходную точку для дальнейшего.

Логическое ударение не связано с порядком слов в предложении; оно может падать на любое слово, независимо от его места во фразе. Так, в предложении *Diese Worte habe ich oft von ihm gehört* можно, не меняя порядка слов, поставить логическое ударение и на *Worte*, и на *oft*, и на *ihm*, и на *gehört* (ср. § 120).

Теоретически на первом месте может стоять любой член предложения, ср. напр.:

Ich habe diese Worte oft von ihm gehört.

Diese Worte habe ich oft von ihm gehört.

Oft habe ich diese Worte von ihm gehört.

Von ihm habe ich oft diese Worte gehört.

Gehört habe ich oft diese Worte von ihm.

В том случае, когда исходной точкой высказывания делается глагол, употребляют конструкцию с *es*, позволяющую выдвинуть глагол на первое место (ср. § 211).

Примеры: *Es wohnen in diesem Hause Arbeiter* „живут в этом доме рабочие“. *Es lebe die Revolution* „да здравствует революция“. — *Es werden ferner, wie wir sahen, durch den Fortschritt der Industrie ganze Bestandteile der herrschenden Klasse ins Proletariat hinabgeworfen* (Комм. Ман.).

§ 502. Последнее место в предложении занимает элемент, наиболее важный по значению, на который делается наибольший упор, который несет в себе основное и не подготовленное предыдущим текстом значение. Таким образом, чем значительнее для общего содержания члены предложения, тем дальше отходят они на конец. Законом этим объясняется отодвижение значимых частей сказуемого на конец предложения, постановка туда же приставок, меняющих и определяющих значение глагола, место отрицания на последнем или предпоследнем месте предложения. Поэтому-то, при наличии нескольких прилагательных то из них, которое наиболее характерно, наглядно и важно для определяемого, стоит к нему ближе, т. е. за прочими определениями, например, лучше сказать: *mein alter, treuer Freund*, чем *mein treuer, alter Freund*.

Примеры: *Der Erde schöner, grüner Teppich* (Goethe), *ein alter verdienter Kriegsmann* (Schiller).

Теоретически можно представить себе ряд возможностей группировки слов по отношению к концу фразы. Каждый раз значение высказывания от этого будет меняться.

Примеры: *Die Studenten des III. Kursus haben im Deutschen große Fortschritte gemacht*. *Die Studenten des III. Kursus haben große Fortschritte im Deutschen gemacht*. *Im Deutschen haben große Fortschritte die Studenten des III. Kursus gemacht*.

В предложениях — *ich trinke nach Tisch meinen Kaffee* и *ich trinke meinen Kaffee nach Tisch* — в первом случае главный смысловой упор делается на характере напитка, который выпивается после обеда (*Kaffee*,

nicht Tee), а во втором на времени, когда этот напиток выпивается (nach Tisch, nicht später).

С таким использованием в языке порядка слов для выражения важности и семантической весомости одного из членов предложения в разговорной речи конкурирует ударение: наиболее значительный элемент предложения несет самое сильное фразовое ударение (логическое ударение в предложении).

§ 503. Учитывая все вышесказанное, т. е. то обстоятельство, что расположение слов в предложении диктуется, с одной стороны, познавательной установкой, с другой, смысловой значимостью этих элементов, можно, однако, дать следующие нормативные указания об отдельных членах предложения.

Подлежащее занимает чаще всего первое или третье место в предложении. Если оно предшествует глаголу, то порядок слов называется прямым (*direkte oder gerade Wortfolge*), если же оно следует за глаголом — обратным (*invertierte oder versetzte Wortfolge*).

Примеры на прямой порядок слов. *Das Wetter ist heute prächtig. Der Leiter der Schule wurde zu einer Lehrerkonferenz delegiert. — Er hält in den Armen das ächzende Kind (Goethe). Der Kommunismus wird bereits von allen europäischen Mächten als eine Macht anerkannt (Комм. Ман.).*

Обратный порядок слов: Heute ist *das Wetter prächtig.*

Das hörte *die Tochter* mit weichem Gefühl (Schiller). Da steh *ich nun*, ich armer Tor! (Goethe). In der bürgerlichen Gesellschaft ist *die lebendige Arbeit* nur ein Mittel, die aufgehäuften Arbeit zu vermehren (Комм. Ман.).

Наконец, подлежащее может стоять и на каком-нибудь другом месте, ближе к концу. Случается это сравнительно редко.

Примеры: In einem Tal bei armen Hirten Erschien mit jedem jungen Jahr, Sobald die ersten Lerchen schwirrten, *Ein Mädchen schön und wunderbar* (Schiller).

§ 504. При наличии двух объектов в предложении, прямой объект (прямое дополнение в винительном падеже) обычно стоит ближе к концу, чем объект косвенный (косвенное дополнение в дательном падеже).

Примеры: Die Reise brachte den Kindern eine große Freude. Ich lese meinem Vater regelmäßig die Zeitung vor.

Объект в родительном падеже, а также предложные конструкции объектного значения или со значением направления следуют как правило за аккумулятивным объектом.

Примеры: Der Zeuge hat den Angeklagten *des Mordes* beschuldigt. Wir erinnerten den Vater *an seinen abwesenden* Sohn. Ich schreibe diese Arbeit *für dich*. Ich warf den Stein *ins Wasser*.

Если объектом является не полнозначное слово, а местоимение, неизбежно ослабленное в своем значении, то оно придвигается по возможности ближе к началу, к вспомогательному глаголу.

Примеры: Ich schreibe *es* meinem Vater (аккумулятивный объект оказывается впереди дативного). Man hat *ihn* dem Gericht übergeben.

§ 505. Обстоятельства времени обычно предшествуют обстоятель-

ствам места, обстоятельства образа действия могут то предшествовать им, то следовать за ними.

Примеры: Peter wird nächstes Jahr in der Schule tüchtig lernen müssen. Er verbrachte mit Vergnügen zwei Monate in Moskau. — Hans Müller von Bulgenbach zog vom 30. September bis Mitte Oktober durch den Schwarzwald bis Urach und Furtwangen (Engels, Bauernkrieg).

Однако тут особенно имеет значение сказанное выше о роли последнего элемента в предложении. В расположении этих членов предложения можно встретить большую пестроту и разнообразие, диктуемые каждый раз конкретным значением текста.

§ 506. Отрицание *nicht* в предложении стоит после глагола, который оно отрицает, в противоположность русскому языку, где оно всегда ему предшествует, напр.:

ich schreibe *nicht* я не пишу

ich will *nicht* я не хочу.

Обычно *nicht* отодвигается по возможности на конец предложения.

Примеры: Ich tue das entschieden *nicht*. Er bemerkte den vorübergehenden Bekannten *nicht*. — Die goldne Kette gib mir *nicht* (Goethe).

В случае, если сказуемое имеет сложную форму, *nicht* ставится перед неизменяемой частью его.

Примеры: Er hat seine Erklärung *nicht* verstanden. Diese Aufgabe ist gar *nicht* schwer. — Diese Freiheit kannst du mir *nicht* nehmen (Schiller). Mein Leben ist für Gold *nicht* feil (Bürger).

Порядок слов в отрицательном предложении с *nicht* объясняется происхождением этого последнего. Наречие *nicht* происходит из застывшего винительного падежа имени существительного древневерхненем. *wiht* „вещь, существо“ (ср. *Böse-wicht*, *wicht-ig*), употребленного с отрицанием. *Niowiht* превратилось постепенно в *niht*, которое употреблялось первоначально в качестве второго отрицания, служащего для усиления (ср. напр.: средневерхненемецкое *ine kap in niht verdagen* „я не могу от вас скрыть“, т. е. буквально „я не могу от вас ничего скрыть“). Служа по существу дополнением к глаголу, оно и занимало место аккузативного глагольного дополнения (ср. § 504).

Если отрицание *nicht* отрицает не сказуемое, а другой член предложения, оно ставится непосредственно перед ним.

Примеры: Das eigentliche Resultat ihrer Kämpfe ist *nicht* der unmittelbare Erfolg, sondern die immer weiter um sich greifende Vereinigung der Arbeiter (Komm. Man.). Sie (die Mittelstände. *Авм.*) sind also *nicht* revolutionär, sondern konservativ (Komm. Man.).

Таким образом предложения: Er hat meinen Bruder *nicht* begrüßt и Er hat *nicht* meinen Bruder begrüßt — имеют разное значение. В первом случае отрицается самый акт привета, во втором — его объект.

Отрицание *kein*, будучи местоимением, естественно стоит перед существительным, которое оно отрицает.

Примеры: Ich hatte *keine* Möglichkeit Ihre Bitte zu erfüllen.

3. ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ (СЛИТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ).

§ 507. Предложение, в котором при одном сказуемом имеется два и больше подлежащих, напротив, при одном подлежащем — два и больше сказуемых и т. п., называется предложением с однородными членами или слитным предложением (*zusammengezogener Satz, Satz mit gehäuf-ten Satzgliedern*).

Слитным может быть как самостоятельное, так и подчиненное предложение. Соединяться члены слитного предложения могут либо помощью союза, причем тогда используются сочиняющие союзы копулятивного (соединительного) характера (чаще всего *und*, но также и другие, напр.: *sogar, sowohl — als, weder — noch, teils — teils, bald — bald, nicht allein — sondern auch* и др.), иногда союзы адверсативного (противительного) характера (напр.: *entweder — oder*; примеры см. ниже, § 508 и след.). В других случаях союз может отсутствовать (асиндетическое соединение); тогда связь между однородными членами выражается только интонационно.

Примеры: *Ich kaufte im Laden Fleisch, Mehl und Butter. — Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne, Die lieb' ich einst alle in Liebeswonne* (Heine). *Der Gedanke, das Entwerfen Die Gestalten, ihr Bezug Eines wird das andre schärfen...* (Goethe).

§ 508. Можно наметить следующие типы слитного предложения.

1) Предложение с несколькими подлежащими.

Примеры: *Sein Vater und seine Mutter sind abwesend. — Jeder Baum, jede Hecke ist ein Strauß von Blüten* (Goethe). *Was weder Gold, noch Schwert, noch Klugheit, noch Beharrlichkeit erzwingen kann* (Goethe). *Freier und Sklave, Patrizier und Plebejer, Baron und Leibeigener, Zunftbürger und Gesell, kurz, Unterdrücker und Unterdrückte standen in stetem Gegensatz zueinander...* (K o m m. M a n.).

Известную трудность представляет для этого типа предложений вопрос о согласовании глагола с несколькими подлежащими. При нескольких субъектах в единственном числе глагол, как правило, стоит во множественном числе, если объекты эти мыслятся как разные, как множественность.

Примеры: *Sonne und Mond leuchten. Die Arbeiter und die Bauern bauen den Sozialismus. — Markt und Straße werden stiller* (Schiller). *Schmuck und Geschmeide sind nicht mein* (Goethe).

Если же они мыслятся как единство, глагол стоит в единственном числе.

Примеры: *Groll und Rache sei vergessen. Alt und jung freut sich. Salz und Brot macht Wangen rot.*

В случае, если глагол предшествует подлежащим, он стоит часто в единственном числе, даже если субъекты не мыслятся как нечто единое, так как сказуемое сразу связывается с первым из них.

Примеры: *Hier liegt ein Heft und ein Bleiftift.*

Es sollte Meer und Land nicht einem dienen (Schiller). *Und so war ihr Sitzen, Aufstehen, Gehen, Kommen, Holen, Bringen, wieder*

Niedersitzen ohne einen Schein von Unruhe (Goethe). С другой стороны: Doch an dem Herzen *nagten* mir Der Unmut und die Streitbegier (Schiller).

Если глагол стоит в середине между подлежащими, то, соотносясь лишь с одним из них, он всегда будет в единственном числе.

Примеры: Meister *rührt* sich und Geselle (Schiller).

Если хотя бы один из субъектов стоит во множественном числе, то глагол соответственно этому обычно ставится в том же числе.

Примеры: Ein schöner Park und zahlreiche grüne Anlagen *schmücken* die Stadt.

Однако и тут, если глагол предшествует подлежащим и если первое из них стоит в единственном числе, то глагол с ним согласуется.

Примеры: An der einen Seite *stand* ein Tisch, ein Sessel, mehrere Stühle (Goethe).

При соединении не союзом *und*, а союзом *oder*, или коррелирующими союзами типа *sowohl — als auch, teils — teils, weder — noch, nicht nur (allein) — sondern auch* и т. п. глагол обычно будет в единственном числе.

Примеры: Sieg oder Tod *war* ihre Lösung. Dir *hilft* dein Bruder oder deine Schwester. Sowohl Unglück als Glück *vergeht*. Nicht allein die Vorsichtigkeit, sondern auch eine unüberwindliche Furcht *hielt* ihn zurück. Weder der Morgen noch der folgende Tag *brachte* mir Erholung. — Kein Laut noch Geräusch von Redenden *wurde* durch die Versammlung gehört (Klopstock).

Бывают, однако, исключения из этого правила.

Примеры: Weder die Schärfe des Aristoteles, noch die Fülle des Plato *fruchteten* bei mir (Goethe).

Именное сказуемое в виде существительного, нарицательное в подобных предложениях, обязательно согласуется со связкой, в каком бы числе она ни стояла.

Примеры: Mein Mann und mein Bruder *sind* Ingenieure.

При подлежащих различного лица глагол согласуется предпочтительно с первым лицом против второго и третьего и предпочтительно со вторым перед третьим.

Примеры: *Ich* und du *haben* vieles zusammen erlebt. *Du* und dein Bruder *seid* mir willkommen.

Однако при постановке глагола перед подлежащими, а особенно между ними, согласование по числу и лицу происходит обычно с первым из подлежащих.

Примеры: In dieser Sache *irrst* du und ich. *Er* *verwahrt* sich dagegen und ich auch.

Имена, хотя и связанные союзом, но образующие одно понятие, вариацию в обозначении одного предмета, не могут считаться координированными, и предложение поэтому не будет слитным, напр.:

Der Leiter der Schule und *Delegierte* zur Konferenz *hielt* vor der Versammlung einen Vortrag.

§ 509. 2) Слитное предложение с несколькими сказуемыми.

Примеры: *Er kam* aus dem Erholungsheim *zurück* und *ging* mit

neuen Kräften zu arbeiten *an*. — Alles *rennet, rettet, flüchtet* (Schiller). Wohltätig ist des Feuers Macht, Wenn sie der Mensch *bezügelt, bewacht* (Schiller).

При одинаковой конструкции обоих глаголов только неизменяемая часть будет разной, вспомогательный глагол будет общим.

Примеры: Ich *habe* den Auftrag *erfüllt* und meinen Bericht darüber dem Direktor *eingereicht*. — Die Bourgeoisie *hat* dem Familienverhältnis seinen rührend-sentimentalen Schleier *abgerissen* und es auf ein reines Geldverhältnis *zurückgeführt* (K o m m. M a n.).

§ 510. 3) Слитное предложение с несколькими дополнениями в винительном или дательном падеже.

Примеры: Ich erwarte *dich* und deine *Schwester*. Er hat *mir* und meinem *Vater* einen langen Brief geschrieben. — Nicht deinen *Arm* bloß will ich, auch dein *Auge* (Schiller).

Двойной винительный падеж (см. § 458) нельзя считать двойным координированным объектом, так как роль этих двух зависимых слов в предложении не одинакова. Поэтому предложение *er lehrt mich die russische Sprache* ни в коем случае нельзя отнести к слитным.

§ 511. 4) Слитное предложение с несколькими определениями к одному имени.

Примеры: Sie hatte *schöne* und *große* Augen. Der Weg führte rechts in eine *weite, ruhige* und *sonnige* Gegend. — Ich fühle *junges, heil'ges* Lebensglück Neuglühend mir durch Nerv' und Adern rinnen (Goethe).

В вышеприведенных случаях прилагательные находятся в одинаковых отношениях к определяемому слову. В этом случае их связывает либо союз *und*, либо разъединяет запятая.

Бывают, однако, случаи, когда одно прилагательное сливается с существительным в одно понятие, а другое определяет это понятие как целое (Einschließung, включение). Ни запятая, ни союз здесь неуместны (ср. также § 227, 2).

Примеры: Man trieb in die Wand einen *starken eisernen* Nagel ein. — Der Fremde erkundigte sich nach den Besitzern *verschiedener großen* Gebäude (Goethe).

Такой тип предложения не может считаться слитным.

§ 512. 5) Слитное предложение с несколькими обстоятельствами.

Примеры: Wir arbeiten *im Garten* und *auf dem Felde*. Er studiert *fleißig* und *mit Vergnügen*. — Frei will ich sein *im Handeln* und *im Dichten* (Goethe).

Предложения такого типа только тогда могут считаться слитными, когда обстоятельства будут однородными как вышеприведенные, отвечая на один вопрос, внося определение одного характера. В противном случае, т. е. при разном содержании обстоятельств или в случае, если одно из них более общего, другое более частного характера, слитного предложения мы не получим, напр.: *Im Hofe in der Ecke* befindet sich ein Brunnen. Ich saß *am Fuße eines großen Baumes* in *tiefer Nachdenken*.

§ 513. Перечисленные основные типы слитного предложения могут быть значительно увеличены в числе, так как в языке встречаются самые

различные их комбинации, например, при двух субъектах могут быть два и больше предиката, два объекта и т. п.

Примеры: *Meine Arbeit und meine Studien sind für mich von großem Interesse und nehmen alle meine Zeit in Anspruch.*

§ 514. Этот последний пример образует переход к другому роду предложений, где имеет место как бы слияние нескольких синтаксических единиц (предложений) — в одно целое. В этом типе все члены разные, кроме одного, осуществляющего это их слияние.

Таким общим членом может быть:

а) Подлежащее:

Zürnende Worte sind brennende Pfeile, Töten die Ruhe der Seele so leicht (Wieland).

б) Сказуемое (целиком или частично):

Meine Schwester fuhr nach Saratow, mein Bruder in die Krim. Schwer ist die Aufgabe, aber groß der Lohn. Der eine wurde bestraft, der andere freigelassen. — Die Kunst ist lang, das Leben kurz, das Urteil schwierig, die Gelegenheit flüchtig (Goethe).

в) Дополнение:

Dem dunkeln Schoß der heiligen Erde Vertrauen wir der Hände Tat, Vertraut der Sämann seine Saat (Schiller).

г) Обстоятельства:

Aus der Wolke quillt der Segen, Strömt der Regen (Schiller).

Предложения такого рода приближаются к предложениям сложно-сочиненным.

4. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

А. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

§ 515. Наша речь состоит не из одних простых предложений. Простые предложения могут образовывать сложные комплексы, передавая не простое суждение, а сложную логически расчлененную мысль.

Предложения, связанные более или менее тесно по своему содержанию, но все же самостоятельные в своем существовании, равноценные друг другу в грамматическом отношении, образуют сложно-сочиненное предложение (Parataxe).

Предложения, связанные друг с другом настолько тесно, что одно из них не может существовать без другого, представляя зависимое, грамматически несамостоятельное предложение, образуют сложно-подчиненное предложение (Hypotaxe).

В немецком языке, как и во многих других, подчинение возникает на сравнительно более позднем этапе из сочинения предложений, как более примитивного способа синтаксической связи. В современном языке наличие подчинительных форм распределено далеко не одинаково по различным жанрам речи. Так, подчинение присуще скорее логически более стройной письменной речи, чем языку разговорному, в письменной речи — более свойственно прозе, чем поэзии, в поэзии — реже в стихах, стилизующихся под народную поэзию. Поэтому так трудно встретить формы подчинения в балладах Гете и Шиллера, в песнях Гете и Гейне, стилизованных под народные.

Б. СЛОЖНО-СОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

§ 516. Связь между отдельными частями сложно-сочиненного предложения отмечается различными способами. Иногда внешних языковых средств сочинения может не быть вовсе. Такое соединение называется асиндетическим. Сочинение двух предложений определяется тогда той внутренней логической связью, которая между ними существует.

Примеры: *Ich trat ins Zimmer hinein, er sah mich an.* — *Alles rennet, rettet, flüchtet, Taghell ist die Nacht gelichtet* (Schiller). *Für diesmal schließ ich; die Augen sind mir zwei-, dreimal zugefallen; es ist schon tief in der Nacht* (Goethe).

Очевидно, что с исторической точки зрения это наиболее древний, наиболее примитивный способ связи.

§ 517. Внешним признаком сочинения являются иногда указательные элементы различного типа, присутствующие во втором из сочиненных предложений.

Примеры: *Er flüsterte etwas seinem Nachbar zu; dieser stand schweigend auf und ging hinaus.* — *Da schlug der Greis die Saiten, er schlug sie wundervoll* (Uhland). *Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll, Ein Fischer saß daran* (Goethe). *Mein Mädchen ward mir ungetreu, Das machte mich zum Menschenhasser* (Goethe).

Таким же признаком будет и повторение какого-либо общего обеим частям сложного предложения элемента, осуществляющего, таким образом, связь между сочиняемыми предложениями.

Примеры: *Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll. . .* (Goethe). *Halb zog sie ihn, halb sank er hin* (Goethe). *Er trägt ein kleines Hütchen, Er trägt ein einfach Kleid, Und einen kleinen Degen Trägt er an seiner Seit* (Zedlitz). *Der Friede wohnt in diesem Kleide, in Euren Zügen wohnt der Friede nicht* (Schiller).

§ 518. Наконец, наиболее совершенным, грамматизованным средством сочинительной связи являются союзы (Konjunktion, Bindewort), выражающие не только самый факт сочинения, но и характер его.

Происхождение союзов сочинения в подавляющем большинстве идет по двум линиям, указанным выше, т. е., с одной стороны, по линии возникновения из указательных наречий (напр.: *außerdem, darum, somit, dennoch* и т. п.), с другой стороны, из повторяющихся соотносящихся друг с другом наречий (напр.: *halb — halb, teils — teils, bald — bald* и т. п.).

§ 519. Внешним признаком сочинения предложений является также порядок слов. Некоторые союзы влияют на порядок слов в смысле перестановки глагола, который тогда ставится после союза.

Союзами, не влияющими на порядок слов, являются *und, aber, allein, sondern, oder, denn, nämlich*.

Примеры: *Da hebet sich's schwanenweiß, Und ein Arm und ein glänzender Nacken wird bloß, Und es rudert mit Kraft und mit emsigen Fleiß; und er ist's. . .* (Schiller). *Sein rasches Wesen brachte manches Gute hervor, aber seine Übereilung war Schuld an manchem Mißlingen* (Goethe). *Nach und nach stellten viele Gäste sich ein; denn man hatte*

die Einladungen weit umher geschickt (Goethe). Verwaiste Väter sind beklagenswert; *allein* verwaiste Kinder *sind* es mehr (idem).

При союзах *doch*, *jedoch*, also может иметь место инверсия глагола.

Примеры: Ein jeder hört, *doch* jeder *fragt* (Bürger) — прямой порядок слов; Vom Kaiser freilich hab ich diesen Stab; *doch* *führ* ich jetzt ihn als des Reiches Feldherr (Schiller) — здесь инверсия: после союза сразу стоит глагол. Ich glaube es wohl, *jedoch* ich *kann* es mir nicht deutlich vorstellen — прямой порядок слов. Er sah seinen Fehler ein, *jedoch* *verbesserte* er sich nicht — инверсия.

Entweder и *auch* в большинстве случаев влекут за собой инверсию.

Примеры: *Entweder* *kommt* er heute, oder er *kommt* gar nicht.

Постоянную инверсию в живой речи вызывают все союзы адвербиального характера, начинающие предложение, как *darum*, *außerdem*, *daher*, *dagegen*, *ferner*, *teils* — *teils* и т. п.

Примеры: Er kann nur geringe Fortschritte machen, weil er die Schule unregelmäßig besucht; *ferner* *widmet* er den Lehrstunden nicht die gehörige Aufmerksamkeit und *endlich* *wird* er zu Hause durch Zerstreuungen aller Art verhindert, seine Aufgaben vollständig auszuarbeiten. — Ich muß' ihn ehren, *darum* *liebt* ich ihn (Goethe). Der Deutsche hat Freiheit der Gesinnung; *daher* *merkt* er es nicht, wenn es ihm an Geschmacks- und Geistesfreiheit fehlt (Goethe).

Напротив, при положении не в начале фразы: Du denkst nur anders, und du *glaubst* *deswegen* schon recht zu denken (Goethe).

§ 520. Соответственно характеру логической связи между предложениями, входящими в сложно-сочиненный комплекс, можно наметить различные типы сочиненных предложений. В основном их три:

1. Копулятивная, соединительная связь (kopulative Satzverbindung), при которой одно предложение просто присоединяется к другому. Иногда эти предложения равноценны (а), иногда второе выражает известное усиление, более важную мысль (б), иногда присоединение это имеет характер временной последовательности (в), иногда же соединяемые предложения имеют значение соотносительных частей, сторон целого (г). Примеры см. § 521.

2. Противопоставление (adversative Satzverbindung), при котором второе предложение противопоставляется первому.

При этом дело может идти о простом противопоставлении (а) или об отрицании одного факта в пользу другого, противоположного (б), о взаимном исключении (в), об ограничении (г). Примеры даны в § 522.

3. Причинно-следственная связь (kausativ-konsekutive Satzverbindung), при которой второе предложение служит известным причинным объяснением первому (а), или же следствием, вытекающим из первого (б). Причинно-следственная зависимость между сочиненными предложениями такого типа, однако, несравненно менее тесна, чем в подчиненных предложениях причинного значения. Здесь предложение, несущее в себе причину или следствие, относительно более самостоятелно, более свободно (см. § 523). О союзе *denn* , однако, см. также § 546.

Каждый из этих типов может быть (см. выше) выражен тремя способами: асиндетически, помощью указательных элементов и союзами.

§ 521. Предложения копулятивного характера передаются соответственно вышеуказанному следующими союзами:

а) und, auch, wie, sowie (auch), zudem, desgleichen, außerdem, überdies, sowohl — als, weder — noch.

Примеры: Es donnerte abseitswärts, *und* der herrliche Regen säuselte auf das Land, *und* der erquickendste Wohlgeruch stieg in aller Fülle einer warmen Luft zu uns auf (Goethe). Nichts im Leben, außer Gesundheit und Tugend, ist schätzenswerter, als Kenntnis und Wissen; *auch* ist nichts so leicht zu erreichen und so wohlfeil zu erhandeln (Goethe). Sechzehnmal Bin ich zu Feld gezogen mit dem Alten; *Zudem* — ich hab sein Horoskop gestellt, Wir sind geboren unter gleichen Sternen (Schiller).

б) sogar, ja, selbst, besonders, nicht nur (allein, bloß) — sondern auch и др.

Примеры: Der Rhythmus hat etwas Zaubерisches; *sogar* macht er uns glauben, das Erhabene gehöre uns an (Goethe). Den silbernen Streifen des Flusses erblickte man deutlich; ja *selbst* die Türme der Stadt wollte einer gewahr werden (Goethe). Die Porträtmaler sollen *nicht bloß* darstellen, wie sie einen Menschen fassen, *sondern* wie jeder ihn fassen würde (Goethe).

в) erstens, zweitens, zuerst, dann, ferner, hierauf, endlich, zuletzt, bald — bald, jetzt — jetzt и др.

Примеры: *Anfänglich* duldete Ottilie die Begleitung des Kindes; *dann* faßte sie selbst Neigung zu ihm; *endlich* trennten sie sich nicht mehr (Goethe). Die Menschen leben ein nachlässiges Schlaraffenleben: *erstlich* haben die Türen keine Schlösser; *zweitens* sind die Fenster mit Ölpapier statt Glasscheiben geschlossen; *drittens* fehlt eine höchst nötige Bequemlichkeit (Goethe). Das (Bild) zaudert *bald*, *bald* wird es weggerissen, Undeutlich *jetzt und jetzt* im reinsten Strahlen (Goethe).

г) teils — teils, halb — halb, einerseits — anderseits.

Примеры: Es fehlte mir *teils* an Zeit, *teils* hatte ich auch wenig Lust zu dieser Arbeit: daher ließ ich sie liegen. — *Halb* zog sie ihn, *halb* sank er hin (Goethe). *Einesteils* hatte ich an diesen Dingen manche Lust, *anderseits* aber konnte ich mir ein geheimes Mißfallen nicht verbergen (Goethe).

§ 522. Предложения противительного значения вводятся союзами:

а) hingegen, dagegen, иногда aber.

Примеры: Antonio geht frei umher und spricht mit seinem Fürsten; Tasso *dagegen* bleibt verbannt in seinem Zimmer und allein (Goethe). Die Sinne trügen nicht; *aber* das Urteil trägt (Goethe).

б) nicht — sondern, vielmehr.

Примеры: Sie ließ mir die Zeit *nicht*, das einzelne näher zu betrachten, *sondern* nahm den einen Kasten unter den Arm, und ich packte den andern auf (Goethe)... hatte er sich gewöhnt, in der Unterredung niemand zu widersprechen, *vielmehr* die Meinung eines jeden freundlich anzuhören (Goethe).

в) oder, entweder — oder, sonst, andernfalls.

Примеры: Du lügst oder du bist selbst betrogen.

Entweder das Gegenwärtige hält uns mit Gewalt an sich, *oder* wir

verlieren uns in die Vergangenheit (Goethe). Mach Frieden mit dem Herzog von Burgund: *Sonst* kenn ich keine Rettung mehr für dich (Schiller).

г) aber, allein, doch, jedoch, dennoch, nur, gleichwohl, indessen, nichtsdestoweniger, dessenungeachtet.

Примеры: Verwaiste Väter sind beklagenswert; *allein* verwaiste Kinder sind es mehr (Goethe). Ihr wart noch zarte Knaben, *aber* schon entzweite euch der jammervolle Zwist (Schiller). Fürwahr, ich muß dich glücklich schätzen, *Doch*, spricht er, zittr' ich für dein Heil (Schiller).

523. Предложения причинно-следственные вводятся союзами: а) denn, ja, nämlich.

Примеры: Zweifle nicht länger, du hast es *ja* mit eigenen Augen gesehen. Das Schloß haben die Alten mit Vernunft hierher gebaut; *denn* es liegt geschützt vor Winden und *nah* an allen täglichen Bedürfnissen (Goethe). Hiernach müßte die bürgerliche Gesellschaft längst an der Trägheit zugrunde gegangen sein: *denn* die in ihr arbeiten, erwerben nicht, und die in ihr erwerben, arbeiten nicht (Komm. Man.).

б) daher, darum, deswegen, um deswillen, deshalb, so, also, somit, sonach, mithin, folglich.

Примеры: Die Erde ist eine Kugel; *daher* ist stets nur ein Teil derselben von der Sonne beleuchtet. — Diese wußte zwar um die Ankunft Lucianens; im Hause hatte sie *deshalb* die nötigsten Vorkehrungen getroffen (Goethe).

§ 524. Сочиненными могут быть и придаточные предложения, зависящие от главного. Такое сложное образование называется периодом (о периодах другого типа см. § 567). При сочинении придаточных предложений подчиняющий союз может повторяться каждый раз, а может и опускаться, будучи употребленным один раз. При этом кроме подчиняющих может иметься сочиняющий союз; если этот последний отсутствует, сочинение будет асиндетичным.

Примеры: Ich fuhr nach meiner Heimat, *wo* ich meine Kinderjahre verbracht hatte *und wo* noch meine alte Mutter lebte.

Wenn ich, o Kindlein, vor dir stehe, *Wenn* ich im Traum dich lächeln sehe, Da ahne ich mit süßem Grauen... (Hebbel). *Wenn* das liebe Tal um mich dampft, *und* die hohe Sonne an der Oberfläche der undurchdringlichen Finsternis meines Waldes ruht... dann... (Goethe). Werner bemerkte seit einiger Zeit, *daß* Wilhelms Besuche seltener wurden, *daß* er in Lieblingsmaterien kurz und zerstreut abbrach, *daß* er sich nicht mehr in lebhafter Ausbildung seltsamer Vorstellungen vertiefte (Goethe).

При сочинении одного и больше относительных предложений союз опять-таки может отсутствовать (асиндетическое сочинение).

Примеры: Die Warnung, *die* ihm sein Freund unermüdlich wiederholte, *die* er ihm noch beim Abschied zuflüsterte, hatte er doch außer Acht gelassen.

Чаще же всего сочинение осуществляется помощью союзов, разобранных выше.

В случае если в обоих сочиненных предложениях имеется одна и та

же конструкция, т. е. относительное местоимение стоит в одном и том же падеже, то его повторение не обязательно.

Примеры: Er arbeitet an einem Thema, *das* er im Frühling zu untersuchen angefangen hat und im Herbst zu beenden beabsichtigt.

С другой стороны: ... einige wechselbare und veränderliche Farben, *welche* man emphatische und erscheinende nennt, und *welche* ich die glänzenden zu nennen pflege (Goethe).

В случае же различных падежей, относительное местоимение должно повторяться.

Примеры: Mir ist wie einem, *der* aller seiner Ehren entsetzt, und *dem* der Degen entnommen ist (Goethe).

Однако мы встречаем в классической литературе ряд различных отклонений от этого правила, принятого современной нормативной грамматикой. Так, например, на место второго местоимения ставится иногда элемент указательного характера (указательное местоимение, местоимение личное и др.).

Примеры: Einen Komponisten, *den* ich so ganz verstehe, so ganz von *ihm* durchdrungen bin (Tieck). Da droben ist die Taube, nach *der* Francesco so lange geschossen und *sie* niemals getroffen hat (Goethe). Wir stellten eine durch Umstände und guten Willen geschlossene Gesellschaft vor, *die* wohl jeder andere zufällig berühren, aber sich nicht in *diese*le eindrängen konnte (Goethe). Mir blieben doch gar manche Eigenheiten, *die* ich mit Behagen hervorhob und mir *dadurch* jedesmal einen strengen Verweis zuzog (Goethe).

Местоимение может далее совсем отсутствовать, знаком же относительности второго предложения будет тогда только порядок слов.

Примеры: Ein alter Turm, den er besehen und auf die Spitze hinauf klettern muß (Tieck). Die Bücher... worin man jedesmal den Grundriß der Gegend... gezeichnet sah, sodann auf andern Blättern die Veränderung vorgestellt fand (Goethe).

В. СЛОЖНО-ПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

§ 525. В грамматической литературе классификация придаточных предложений строится на основании различных принципов. Одни авторы (ср. напр. грамматику Гейзе-Лиона) кладут в основу классификации синтаксическую функцию, которую придаточное предложение играет в сложно-подчиненном комплексе, различая таким образом субъектные, объектные, предикативные, атрибутивные и обстоятельственные предложения. Другие (ср. напр. грамматику Пауля) классифицируют предложения по формальному признаку, по вводящему предложению слову, различая относительные предложения, вводимые относительными местоимениями и наречиями, союзные предложения, т. е. *daß*-Sätze, *weil*-Sätze, *da*-Sätze, асиндетические предложения, т. е. предложения без внешнего признака подчинения и т. п.

Оба эти принципа по существу не противоречат друг другу, поскольку отправляются от разных исходных точек и характеризуют раз-

ные стороны одного и того же явления. Так, субъектное по своей функции предложение может быть и союзным, напр., *Daß du mir nicht geschrieben hast, macht mir Sorgen*, и относительным — *Wer wagt, gewinnt* и асиндетическим, напр., *Es ist besser, man lerne in der Jugend*.

Однако, ни та, ни другая классификация не говорят ничего о выражаемом придаточным предложением содержании. Между тем это последнее оказывается весьма существенным, ибо говорящий, строя предложение, должен в первую очередь учесть, хочет ли он что-нибудь сообщить или же о чем-нибудь спросить. Так, в предложениях *Es ist klar, daß er recht hat* и *Sage mir, ob ich Recht habe*, придаточные различаются прежде всего не тем, что первое из них является субъектным, а второе объектным, а тем, что одно из них повествовательное, а другое вопросительное. В соответствии с этим мы рассматриваем повествовательные и вопросительные предложения раздельно. В дальнейшей классификации мы используем оба вышеописанных принципа классификации, отнюдь не исключаяющие, как мы видели, один другой.

§ 526. Связь и зависимость между двумя предложениями сложно-подчиненного комплекса может выражаться различными внешними языковыми средствами. Важнейшими из них являются следующие: 1) порядок слов, а также и предложений, 2) наклонение в придаточном предложении и 3) союзы (относительные местоимения, наречия) подчиненного предложения и коррелирующие с ними частицы в главном. Часто придаточное предложение характеризуется всеми признаками, например, предложение цели с союзом *damit* и глаголом в форме конъюнктива, стоящим на конце предложения, напр.: *Er tat alles, damit sein Name unbekannt bleibe* (дальнейшие примеры см. § 548). В других случаях может присутствовать только один или два из этих признаков, например, условные предложения без союза в изъявительном наклонении, зависимость которых от главного выражается только порядком слов, т. е. инверсией глагола, напр.: *Hast du gelogen, werde ich dir nimmermehr glauben* (дальнейшие примеры см. § 549). Или предложения, представляющие собой косвенную речь, в которых при отсутствии союза *daß* и порядка слов самостоятельного предложения только наклонение выражает их зависимость от главного, напр.: *Er sagte, alle Hoffnung sei vergebens* (дальнейшие примеры см. § 540).

В ряде случаев всех этих внешних признаков может не быть, и все же предложение мы будем считать за сложно-подчиненное. Их взаимоподчиненность определяется тогда внутренней логической связью и в произнесенной речи фразовой интонацией. Примером может служить: *er sagte, sie wird bald kommen*.

§ 527. Порядок слов в сложно-подчиненном предложении. В этом отношении основным признаком для подчиненного предложения является постановка глагола на последнее место.

Примеры: *Wenn ich Sie sehe, freue ich mich immer*. — *Sein Diener bemerkte, als Werther nach Hause kam, daß seinem Herrn der Hut fehlte* (Goethe). *Wenn meine Leidenschaft Sünde ist, so mögen die Enden von Tugend und Laster in einander fließen* (Schiller). *Alle früheren Klassen, die sich die Herrschaft eroberten, suchten ihre schon erworbene*

Lebensstellung zu sichern, indem sie die ganze Gesellschaft den Bedingungen ihres Erwerbes *unterwarfen* (Komm. Man.).

В случае, если форма глагола является сложной, то последнее место должна занять спрягаемая часть.

Примеры: Nachdem alle nötigen Maßregeln getroffen *waren*, schritt man zur Durchführung des Plans. — Die Waffen, womit die Bourgeoisie den Feudalismus zu Boden geschlagen *hat*, richten sich jetzt gegen die Bourgeoisie selbst (Komm. Man.).

Однако в некоторых случаях правило это нарушается, и глагол в подчиненном предложении не отодвигается на последнее место. Конечное положение во фразе занимает тогда либо объект, либо предложная конструкция, либо предикативное имя. Встречается такого рода явление главным образом в разговорном языке, но иногда и в литературе.

Примеры: ...wenn sie nun *daliegt* in dem erbärmlichsten Ermatten (Goethe). ...daß euch die Schuppen *fielen* vom Auge (Schiller). ...daß ich nicht *sehen kann* das Volk! (Goethe). ...daß es *würde* der Spiegel deiner Seele (Goethe).

Чаще всего это имеет место в тех случаях, когда к какому-нибудь члену предложения примыкают еще дальнейшие определения, развернутые в предложение. Тогда в целях ясности глагол передвигается ближе к началу; в противном случае он оказался бы слишком отодвинутым и затерянным после вводного придаточного предложения (см. § 497):

Примеры: Ich habe ihm mein Leben lang *geholfen* in allem, was in meinen Kräften stand.

...daß ich nicht dir mit tausend Tränen und Entzückungen *ausdrücken kann*, mein Bester, die Empfindungen, die mein Herz bestürmen (Goethe).

Отклонения могут встречаться и в отношении того правила, что спрягаемая часть глагола должна следовать за неспрягаемой. В ряде случаев, особенно при наличии инфинитива, неспрягаемая часть занимает последнее место, а изменяемая ей предшествует. Это имеет место, таким образом, в конструкциях с модальными глаголами, в конструкциях с инфинитивом и винительным падежом.

Примеры: Wir wissen, daß er *hat kommen wollen*. Er sagte, daß er sie *hat singen hören*. — ...damit wir es können *färben*, und die Exemplare *drucken und malen lassen* (Goethe)... wenn's nicht wär durch *falsche Leut' verraten worden* (Goethe).

О положении отдельных элементов неспрягаемой части глагола см. в § 497. Правила здесь остаются теми же.

Возможность отклонений, приведенных выше, объясняется тем, что в прошлом место глагола в придаточном предложении, как и в самостоятельном, было более свободным. Порядок слов, характерный для придаточного предложения с глаголом на конце, закрепляется только в ранненовонемецком языке (XV—XVI вв.), хотя и в предыдущие эпохи тенденция к установлению такого порядка слов несомненно уже существовала.

Глагол может стоять в придаточном предложении и на первом месте. Такая позиция его обязательна в условных и уступительных предложениях без союза, возникающих из вопросительного оборота (см. § 549).

Примеры: *Hätte er das gewußt, so würde er anders gehandelt haben.* — *Müßt ich zehn Reiche mit dem Rücken schauen, ich rette mich nicht mit des Freundes Leben* (Schiller).

В бессоюзных субъектных, объектных придаточных предложениях (в том числе и в косвенной речи) глагол всегда находится на втором месте. Примеры см. в § 540.

Союз в придаточном предложении стоит всегда на первом месте, как видно из всех нижеприведенных примеров. Только иногда при сложном союзе, напр.: *wie auch*, вторая часть его оказывается в середине подчиненного предложения.

Пример: *Er kam nicht, wie man ihn auch bat.*

Относительные местоимения (наречия) также занимают первое место. В большинстве случаев немецкая конструкция, таким образом, полностью совпадает с русской; расхождение имеет место только там, где относительное местоимение в родительном падеже служит определением к другому члену предложения. По-русски в этом случае местоимение ставится на втором месте, по-немецки же сохраняется обычный порядок слов.

Примеры: *Die Schriftsteller, deren Werke hier genannt werden... Ein Mann, dessen Name überall bekannt ist* и т. п.

Второе место относительное местоимение может занять в немецком языке только, если оно входит составным элементом в предложную конструкцию.

Пример: *Die Methode, nach der wir arbeiten, ist richtig.*

О порядке прочих членов см. § 498 и след. Правила, данные там, распространяются и на подчиненное предложение.

Порядок слов в главном предложении претерпевает изменение только, когда придаточное ему предшествует. В этом случае все придаточное предложение, представляя собой один развернутый член, по существу занимает первое место сложно-подчиненного комплекса. Глагол главного предложения, формально занимаемая в этом последнем первое место, фактически в системе всего предложения в целом стоит на 2-м месте, напр. *als er mich sah, wurde er ganz verwirrt* (ср. также § 497).

§ 528. Порядок следования предложений в сложно-подчиненном комплексе может быть различен. При этом решающей является здесь формальная структура подчиненных предложений.

Относительные предложения, как правило, следуют непосредственно за тем членом, который они определяют.

Примеры: *Das Buch, das du mir geliehen hast, habe ich mit großem Interesse gelesen.*

Изменение в этом порядке возможно в тех случаях, когда глагол или другой член предложения оказался бы благодаря продвижению придаточного предложения слишком далеко отодвинутым от связанных с ним смысловым единством слов.

Примеры: *Ich habe es durch den Brief erfahren, den mir meine Mutter gesendet hat.* Тут относительное предложение следует не непосредственно за словом *Brief*, которое оно определяет, а примыкает к концу всего предложения.

Предпозиция относительного предложения возможна лишь при предложениях с местоимениями (наречиями) вопросительными.

Примеры: *Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht. Wer wagt, gewinnt. Was du kannst, das kann ich auch. Was du scheinst, das bist du nicht.*

Очень редко, и только в классической литературе, встречается такое предложение при местоимениях *der* и т. д., напр.: *Die uns das Leben gaben, herrliche Gefühle erstarren in dem irdischen Gewühle (Goethe).*

Предложения союзные занимают любое положение по отношению к главному: предшествуют ему, следуют за ним или вклиниваются в его середину, т. е. занимают то же место, как и соответствующие обстоятельства в простом предложении.

Примеры: *Er machte sich, als er mich erblickte, sofort aus dem Staube. Als er mich erblickte, machte er sich sofort aus dem Staube. Er machte sich sofort aus dem Staube, als er mich erblickte.*

Сеhen Sie dieses Manuskript durch, *wenn Sie Zeit haben. Wenn Sie Zeit haben, sehen Sie dieses Manuskript durch. Sehen Sie, wenn Sie Zeit haben, dieses Manuskript durch.*

Тут следует, однако, отметить следующее: предложения с *daß*, играющие роль субъекта или объекта предложения, могут предшествовать главному или следовать за ним; вклиниваться в него они не могут.

Примеры: *Ich glaube nicht, daß er zurückgekommen sein sollte. Daß er zurückgekommen sein sollte, glaube ich nicht.*

Предложения с *daß*, определяющие какой-нибудь член в главном предложении, следуют непосредственно за своим определяемым.

Примеры: *Die Furcht, daß er am Leben nicht bleiben würde, war allgemein. Der Zweifel, ob er Recht hätte, beunruhigte ihn sehr.*

При наличии в главном предложении указательного элемента, соотнесенного с придаточным, обычна предпозиция этого последнего.

Примеры: *Ob er dies mit Absicht gemacht hat, darüber kann kein Zweifel bestehen. Daß er wieder kommen werde, diese Hoffnung lebte in allen Herzen.*

Причина постановки отдельных предложений, составляющих сложно-подчиненное целое, на то или иное место в основном та же, что и причина изменения порядка членов внутри простого предложения: Здесь играет роль и общий контекст, и то, что принимается за исходный момент высказывания, и логическое ударение (см. § 501 и след.).

§ 529. Предложение, зависящее не непосредственно от главного, а от другого придаточного (т. наз. придаточное предложение второго порядка — *Nebensatz zweiter Ordnung*), может быть вдвинуто внутрь этого последнего, или следовать за ним.

Примеры: *Ich bin überzeugt, daß er, bevor er die Ergebnisse seiner Versuche veröffentlichte, sie einer genauen Prüfung unterworfen hatte. Ich bin überzeugt, daß er die Ergebnisse seiner Versuche einer genauen Prüfung unterworfen hatte, bevor er sie veröffentlichte.*

§ 530. Иногда в сложно-подчиненном предложении можно наблюдать явление, которое Г. Пауль называет *Satzverschlingung*, — один член придаточного предложения стоит перед главным, в то время как остальная часть его следует за этим последним.

Причина такого выдвижения одного из членов та же, что отмечена раньше при обсуждении порядка членов предложения вообще (§ 501).

Примеры: *An den eigentümlichen Talenten zum epischen Gedichte*, glaub ich nicht, daß es mir fehlt (Schiller). *Auch auf dem Theater*, glaube ich, daß sie ihr Glück machen werde (Goethe).

§ 531. Наклонение в придаточном предложении. Наклонением, служащим для выражения зависимости между двумя предложениями, является конъюнктив. Об его употреблении удобнее будет говорить при обсуждении отдельных типов предложения (§ 536 и след.). Отметим только, что если в прошлом значение конъюктива в придаточном предложении соответствовало его значению в предложении самостоятельном, то в современном языке оно зачастую является формальным способом выражения подчинения (ср. § 319).

То же можно сказать и о времени конъюнктивных форм глагола в придаточном предложении. В современном языке временные различия потеряли свою семантику и часто несут чисто формальные функции. Хорошо сохраняют свою семантику претерит, плюсквамперфект и кондигоналис, выражающие условие, возможность, желание. Презенс, перфект и футурум, напротив, в значительной мере утратили свою семантику, превратившись в средство выражения подчиненности предложения. В этом употреблении они могут быть заменены в случае их формальной неясности и двусмысленности претеритом, плюсквамперфектом или кондигоналисом. Таким образом можно наблюдать следующую закономерность:

Er meint, sie *komme*. Но er meint, sie *kämen*, потому что множественное число настоящего времени конъюктива совпадает с индикативом.

Er meint, sie *habe verstanden*. Но er meint, sie *hätten verstanden*.

Er meint, er *werde schweigen*. Но er meint, sie *würden schweigen*.

Примечание. Однако надо заметить, что для глаголов *haben*, *sein* и модальных безразлично употребляется и настоящее время и претерит. Поэтому можно наряду с er meinte, es sei leicht встретить er meinte, es wäre leicht в том же значении.

Наряду с er meinte, Peter *habe* recht — er meinte, Peter *hätte* recht.

Наряду с er meinte, sie *könne* nicht helfen — er meinte, sie *könnte* nicht helfen и т. п.

§ 532. Союзы и относительные местоимения (наречия). Союзы, являясь одним из признаков подчиненности предложения, служат одновременно и одним из средств дифференциации различных типов этого подчинения. Союз выражает характер связи между обоими предложениями. Современный язык имеет сложную систему подчиняющих союзов, позволяющих точно передавать различные оттенки синтаксических отношений. В немецком языке употребляются следующие союзы и относительные местоимения (наречия):

- а) Союзы, вводящие субъектные и объектные предложения: daß, wie.
- б) Союзы временные: als, wenn, bevor, ehe, nachdem, seit(dem), indem, während, solange, sobald, so oft, bis.
- в) Союзы причинные: weil, da.
- г) Союзы следствия: so daß, dergestalt daß, daß.

- д) Союзы цели: *damit, daß, auf daß*.
- е) Союзы условия: *wenn, falls, soweit*.
- ж) Союзы уступительные: *obgleich, obschon, obwohl, obzwar, ob auch, wiewohl, wie auch, so auch, wenn schon, wenn auch, wenn gleich, trotzdem, ungeachtet*.
- з) Союзы модальные: *indem*.
- и) Союзы сравнительного значения: *wie, als, als ob, als wenn, je-desto, so — so*.
- к) Союзы со значением исключения: *aüßer, ausgenommen, geschweige (denn)*.
- л) Союз косвенного вопроса: *ob*.
- м) Местоимения и наречия, вводящие относительные предложения, которые несут самые разнообразные функции, напр. функцию предикативного предложения, локального, атрибутивного и т. д.: *der, welcher, wer, was; wo, wohin, wodurch* и т. п.

§ 533. Столь разветвленная, дифференцированная система союзов, способная к передаче сложнейших оттенков мысли, создается в языке на сравнительно позднем этапе. Бурный рост подчиняющих союзов относится к новонемецкому языковому периоду, в основном к его началу (ранненовонемецкому). В предыдущие эпохи языкового развития семантика союзов подчинения характеризуется большой многозначностью. Ряд союзов, абстрактные значения которых развились из старых конкретных (пространственных, временных), совмещают эти функции. Зачастую один союз служит выразителем множества самых различных отношений. Так, союз *weil*, возникающий из временного *weil* (ср. пословицу *Man muß das Eisen schmieden, weil es warm ist*), связанный с существительным *die Weile* „время“, употреблялся в течение значительного периода как во временном, так и в причинном значении (ср. употребление этого союза в форме *dieweil* с временным значением в литературе XVIII в. *Deswegen kehren Sie um, dieweil es noch Zeit ist* (Schiller)). Союз средневерхненемецкого языка *sit* (новонемецкое *seit*), из первоначально временного значения которого развилось причинное, употреблялся в обеих функциях. Союз *ob*, развивающийся из частицы косвенного вопроса, имел значение как условное, так и уступительное. Союз *so* еще в средневерхненемецком имеет значение временного, сравнительного, условного, причинного, дополнительного союза, относительного местоимения и др. Союз *daß* выступает в средневерхненемецком во всех возможных функциях, являясь как бы показателем подчинения вообще. С развитием национального письменного языка происходит перестройка этих отношений. С ростом и развитием новых союзов, четко дифференцированных и ограниченных по своему значению, старые многозначные союзы сужают диапазон своего употребления: *weil* получает значение только причинного союза, *seit* только временного, *ob* сохраняет только функции союза косвенного вопроса, *so* как союз не употребляется, сохраняя первоначальное употребление в качестве указательного наречия, *daß* сужает свое употребление до союза, вводящего субъектное и объектное предложения. Однако вплоть до современного периода языкового развития остатки прежней многозначности отражаются на употреблении союзов. Это будет видно при обсуждении, например, уступительных предложений (с *ob*), это видно из того, что союз *daß* кроме основной своей функции (а) может нести дополнительно еще и функции следственного союза (г) и целевого (д), а иногда и причинного (в). Однако то, что в современном языке имеет место в архаизирующем стиле или в разговорной речи, не стремящейся к чрезмерному строго-логическому построению предложений, то на предыдущих этапах было нормой письменного языка.

§ 534. Наряду с союзами в придаточном предложении могут иметься в главном предложении соотносительные частицы, уточняющие или повторяющие содержание подчиняющего союза.

В главном предложении, управляющем объектным, субъектным или предикативным придаточным, возможны коррелаты (соотносительные элементы) — указательного характера наречия, местоимения: *es, der, das, dessen, davon, darauf* и т. д., особенно если придаточное имеет форму относительного предложения.

Примеры: *Ich weiß es wohl, daß er nachlässig ist. Was ich ihnen antworten soll, daß weiß ich nicht. Du wirst dafür sorgen, daß alle Vorbereitungen getroffen werden. Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht. — Des rühme der blut'ge Tyran sich nicht, Daß der Freund dem Freunde gebrochen die Pflicht (Schiller). Darin bin ich dir vorzuziehen, daß ich dein Glück mehr als du selber kenne (Goethe). Es ist nicht wahr, daß ich ihn verachte. Der wird die halbe Welt bekriegen, wer allen Wahn der Welt entzieht (Gelbert). — Du bist nicht das, was du scheinst.*

Локальному обстоятельному предложению часто соответствуют в главном указательные наречия *da, dahin* и т. п.

Примеры: *Ich fand ihn da, wo ich ihn suchte, Geh dahin, wohin die Pflicht dich ruft.*

При временных предложениях иногда (не часто), особенно, когда придаточное предшествует главному, в этом последнем встречаются в виде коррелатов временные наречия: *da, damals, dann, darauf, jetzt* и т. п.

Примеры: *Und eh' ihm noch das Wort entfallen, Da sieht man's von den Schiffen wallen (Schiller). Jetzt, da der Erfolg gesichert ist, da fängst du an zu zögern (Schiller).*

Если придаточное предложение времени предшествует главному, то в главном часто стоит коррелат *so*, напр.: *Wenn du zu Peter gehst, so sage es mir.*

В следственных предложениях коррелат главного предложения обычно переходит в придаточное, образуя прочные союзы: *so daß, dergestalt daß*. Но иногда этот процесс мы застаем неоконченным и коррелат, уточняющий *daß*, еще находится в главном предложении.

Примеры: *Er ist so krank, daß ich für sein Leben fürchte. Es hat so stark gefroren, daß alles mit Eis bedeckt ist.*

При предложениях причины с союзами *weil, da* коррелатом могут быть наречия *darum, daher, deswegen, deshalb, davon, dadurch* и др.

Примеры: *Er hatte die Dienste seines Hofes deswegen verlassen, weil nicht alles nach seinem Sinne ging (Goethe). Ein solches Verfahren kommt daher, weil man den Künstler nicht zu Rate zieht (Goethe).*

Обязательным является уточняющий коррелативный элемент (*dadurch, damit, darum*) в том случае, когда причинное предложение вводится союзом *daß*.

Если придаточное предложение предшествует главному, то в этом последнем коррелирующей частицей может быть *so*.

Примеры: *Da wir wenig Zeit haben, so müssen wir eilen. — Weil die Weltgeschichte von dem Reichtum und der Armut an Quellen abhängig ist, so müssen Lücken in der Weltgeschichte entstehen (Schiller).*

При целевых предложениях иногда (не часто) можно встретить в главном предложении коррелирующие частицы: *darum, dazu, deshalb,*

deswegen. Особенно это имеет место при союзе *daß*, вводящем финальное предложение.

Примеры: *Und dazu ward ihm der Verstand, Daß er im innern Herzen spüret, Was er erschafft mit seiner Hand (Schiller). Drum eben leiht er keinem, damit er stets zu geben habe (Lessing).*

При условном предложении, предшествующем главному, в этом последнем обычно стоит коррелирующий элемент *so*.

Примеры: *Wenn Sie frei sind, so kommen sie zu mir. — Und falls Frau Mutter mich nicht länger hält, So möcht ich weiter ziehen in die weite Welt (Chamisso). Und schaffst du den Becher mir wieder zur Stell', So sollst du der trefflichste Ritter mir sein (Schiller).*

При уступительном предложении коррелатами могут служить *doch, dennoch, gleichwohl, dessenungeachtet, nichtsdestoweniger*. Кроме того, если придаточное предшествует главному, то это последнее обычно начинается с *so*.

Примеры: *Wenn es ihm auch schwer fällt, wird er nichtsdestoweniger sein Wort halten. — Ob man gleich über den erfochtenen Sieg das Tedeum anstimmte, so gestand doch Wallenstein selbst seine Niederlage (Schiller).*

В атрибутивном предложении соотносительным элементом служит, как правило, то самое существительное, которое определяется придаточным предложением. Напр.: *Ich muß immer an die Worte denken, die Sie mir damals gesagt haben* и т. п.

§ 535. Повествовательные придаточные предложения могут играть в сложно-подчиненном комплексе разную роль, в зависимости от синтаксической функции, которую они выполняют. Это имеет существенное значение для понимания их структуры и поэтому должно лечь в основу классификации этого вида придаточных предложений. Мы будем различать, следовательно, предложения субъектные, объектные, предикативные, обстоятельственные и атрибутивные.

§ 536. 1) Предложения субъектные (Subjektsätze). Субъектные предложения играют в сложно-подчиненном комплексе роль субъекта предложения. Вводится этот вид обычно союзом *daß*.

Примеры: *Gut ist, daß er noch nichts weiß. Sein Wunsch ist, daß ich mit ihm bleibe. Es ist klar, daß er gelogen hat. Daraus folgt, daß man ihm kein Vertrauen schenken darf. — Das eben ist der Fluch der bösen Tat, Daß sie fortzeugend, immer Böses muß gebären (Schiller).*

Другим способом выражения субъектных предложений может быть относительное предложение. При этом форма с местоимением вопросительного корня будет иметь тут значение известного обобщения:

Примеры: *Wer wagt, gewinnt. Wer A sagt, muß B sagen. Wer Pech angreift, besudelt sich. Was glänzt, ist für den Augenblick geboren. Was часто встречается без такого обобщающего значения:*

Примеры: *Was du gesagt hast, ist unrichtig. — Was ich dir neulich von der Malerei sagte, gilt gewiß auch von der Dichtkunst (Goethe).*

Местоимение *der* в этой функции имеет, наоборот, определенно личное значение.

Примеры: *Der die Verwirrung sandte, wird sie lösen (Schiller). Im Grabe ruht, der euch gewaltsam bändigte (idem).*

Можно встретить также асиндетическое присоединение субъектного предложения (без служебных элементов), напр. *es wäre besser, du gingst mit uns*.

В литературном письменном языке в субъектных предложениях с *daß* довольно часто (но не обязательно) употребляется конъюнктив.

Примеры: *Es ist nicht genug, daß der Schauspieler ein Stück nur so obenhin ansehe* (Goethe). *Es ist unmöglich, daß irgend Einer allein ein Werk schaffe* (Hoffmann). *So ist es nötig, daß er zuweilen aus seinen Illusionen heraustrete, daß seine Phantasie von ihrem Gegenstande erkalte* (Schiller).

§ 537. 2) Объектные предложения (Objektsätze) играют в сложно-подчиненном комплексе роль объекта предложения.

Объектные предложения вводятся обычно союзным словом *daß*.

Примеры: *Meine Ansprache bewirkte, daß die Sache noch einmal untersucht wurde. Gestatten Sie, daß ich Sie begleite. Er erkennt, daß ich Recht habe. Diese Maßnahme verhindert, daß es zu einem Streit kommt. Darauf erhob sich Genosse A. und sagte, daß diese Geschichte ein Unsinn wäre. — ... kann man auf das deutlichste gewahr werden, daß der Mensch sich das am wenigsten zuzueignen vermag, was ihm ganz eigens angehört* (Goethe). *Man glaubt, daß ich mich gräme in bitter'm Liebesleid* (Heine).

К глаголам, имеющим значение высказывания или чувствования (*Verba sentiendi et dicendi*), придаточное предложение присоединяется иногда не с помощью *daß*, а союзом ирреального сравнения *als ob*, *als wenn* (см. § 553) или *als* с инверсией глагола. Это вызвано, конечно, содержанием этих глаголов, которое и подчеркивается таким образом союзом.

Примеры: *Er erzählte, als ob sie nicht bald zurückkommen würden.*

... die ihm zu verstehen geben, als wenn ihr übel von ihm gesprochen hätte. — *Ich hatte sie anfangs im Verdacht, als wollten sie uns zum Besten haben* (Goethe).

В качестве союза объектного предложения может выступать еще *wie*, что для современного языка устарело и встречается только в литературном языке прошлых времен.

Примеры: *Beide hatten es gefühlt, wie sie für einige Zeit sich entfernen müßten* (Tieck). *Er gestand mir auch, wie er jetzt selbst einsähe* (Schiller). *Caro gab zu erkennen, wie er von meinen guten Absichten vollkommen überzeugt sei* (Spielhagen).

Объектные предложения могут, так же как и субъектные, вводиться относительным местоимением вопросительного корня.

Примеры: *Ich habe nicht verstanden, was er gesagt hat. Ich weiß nicht, wen du damit meinst. Wem nicht zu raten ist, ist auch nicht zu helfen.* — *Wem ich ein Lamm schenken will, laß ich's durch keinen Wolf überliefern* (Schiller).

Объектные предложения могут, наконец, быть асиндетически присоединяемыми к главному предложению, не имея, следовательно, никакого внешнего формального признака подчинения.

Примеры: *Man fürchtet, er sei verunglückt. — Du wahnst, ein näher Band werd' uns zum Glück vereinen* (Goethe).

§ 538. В отношении употребления наклонений при объектных предложениях следует отметить следующее: конъюнктив в придаточном предложении стоит в современном языке чаще при претеритальной форме сказуемого в главном предложении, независимо от семантики глагола. Ср. с вышеприведенными примерами следующие:

Er sagte, daß er sogleich *kommen werde*. Ich glaubte, daß er mich mit einem anderen *verwechselt habe*. Ich merkte bald, daß er einem Gegner *gegenüberstehe*. Er wollte, daß ich bald *käme*. Sie sagte nicht, wem sie den Kasten schenken *wolle*. — Etwas ganz besonders schreckbares lag für mich in dem Gedanken, daß von jetzt an mein Leben verwirrt sei (Schiller).

Кроме этой общей тенденции при выборе наклонения в придаточном предложении известное значение имеет и характер глагола главного предложения. Если глагол т. наз. объективного характера, т. е. выражает объективный факт, уверенность в чем-либо и т. п. (напр., wissen, anerkennen, schließen, erfahren, bemerken и др.), то сослагательное наклонение будет встречаться относительно реже. Примеры таких объективных глаголов даны выше. Правда, и тут не исключена возможность появления конъюнктива.

Примеры: Er sieht selbst ein, daß dieser Grund nicht *zureiche*. — Durch Schiller erfahre ich von Zeit zu Zeit, daß es ihnen wohl *gehe* (Goethe). Freilich weiß jedermann, daß Wärme die Fibern *ausdehne* oder *erschlafe* (Goethe).

При глаголах субъективного характера, т. е. при выражении сомнения, неуверенности (напр.: denken, hoffen, glauben, zweifeln, fürchten и т. п.), сослагательное наклонение употребляется гораздо чаще.

Примеры: Ich *fürchte*, daß er diesen Auftrag nicht *annehmen werde*. — Denk nicht, daß sein Verlust mir *schmerze* (Schiller). O, *glaube* nicht, daß leere Furcht mich *täusche* (Schiller). Ich *zweifle*, daß die Denissche Übersetzung diesem Charakter getreu *bleibe* (Herder) ... daß die Gegend außerordentlich schön *sei*, *darf* ich Ihnen nicht *sagen* (Goethe).

Конъюнктив, наличествующий в приведенных случаях в письменном языке, в разговорной речи вытесняется индикативом, да и в письменном языке становится все реже. Так, Бехагель указывает на то, что в последнее время конъюнктив после объективных глаголов не встречается, а после субъективных и индифферентных (по обычной терминологии глаголы *dicendi*, глаголы „высказывания“) употребляется главным образом после главного предложения в 3 лице, между тем как при 1 и 2 лице возможен и обычен индикатив.

Примеры: Ich *vermute*, daß es Verwandte des Selbstmörders *sind* (Rosegger). Du *bildest* dir wirklich ein, daß er nicht sehr bald eine andere Freundin *finden wird* (Schnitzler).

После предложений с глаголами, выражающими просьбу, намерение, пожелание (Heischesätze), конъюнктив обычен.

Примеры: Ich *überrede* meinen Freund, daß er mit mir nach Moskau *fahre*. — Sie regte daher den Gehilfen klüglich an, daß er sich zu einer kleinen Exkursion auf das Schloß einrichten solle (Goethe). So *willst* du, daß es gleich *vollzogen werde* (Schiller). Die Natur des Drama *erfordert*, daß alles darin Bewegung und Handlung *sei* (Wieland). ...*schlage*

ich vor, daß Sylvester uns sogleich die Erzählung *vorlese* (Hoffmann). ...hatte er nicht *gewünscht*, daß die Fahrt lange *dauern möge* (Th. Mann).

Обязателен конъюнктив в случае, когда придаточное предложение содержит что-либо условное, ирреальное, предполагаемое. При этом употребляется, конечно, претерит и плюсквамперфект конъюнктива.

Примеры: Ich bin überzeugt, daß er bei weniger sorgfältiger Pflege *gestorben wäre*.

Ich gebe zu, daß die Künstler besser *getan hätten*, wenn sie statt des Ovid den Homer zu ihrem Handbuche gemacht hätten (Lessing).

Конъюнктив обязателен также в предложениях с *als ob*, *als wenn*, приведенных в § 537. Противоречивость тенденций в употреблении конъюнктива делает правила применения его в каждом случае в большей мере текучими, предоставляя известную свободу субъективному подходу в этом отношении.

§ 539. Очень близко к вышеприведенным предложениям стоит так наз. „косвенная речь“ (*oratio obliqua*, *indirekte Rede*). Косвенная речь зависит от глаголов высказывания; являясь передачей чужого мнения, чужой речи, косвенная речь очень часто заключает конъюнктив.

Употребление времен в косвенной речи подчиняется правилу в § 531, т. е. употребляются презенс, перфект и футурум, которые в случае двусмысленности заменяются соответственно претеритом, плюсквамперфектом и кондиционалисом, причем примечание к § 475 вполне сохраняет здесь свою силу. Повелительное наклонение передается описанием с *mögen* или *sollen* в конъюнктиве. При переходе прямой речи в косвенную происходит кроме того изменение лица глагола, поскольку меняется точка зрения высказывания. Обычным союзом, вводящим косвенную речь, является *daß*, однако часто союза вовсе нет, особенно, если передаваемая речь является более пространной.

Примеры перехода прямой речи в косвенную:

Прямая речь.

Eduard fuhr fort: Mein Schicksal und Ottiliens *ist* nicht zu *trennen*, und wir *werden* nicht zu Grunde *gehen*. *Sehen Sie* dieses Glas: Unsere Namenszüge *sind* darin *geschnitten*. Ein fröhlich Jubelnder *warf* es in die Luft.

Косвенная речь.

Eduard sagte, daß sein Schicksal und Ottiliens nicht zu *trennen seien* und daß sie nicht zu Grunde *gehen würden*. Er *solle* dieses Glas *sehen*: Ihre Namenszüge *seien* darin *geschnitten*. Ein fröhlich Jubelnder *habe* es in die Luft *geworfen*.

Man sagte mir, daß er krank *sei* (или *wäre*). — Seit gestern sprach er's deutlich aus, Daß mit der nächsten Morgensonne Strahl Ihr Schicksal sich entscheidend *werde lösen* (Schiller).

§ 540. В субъектных и объектных предложениях, в том числе и в косвенной речи, в которых союз отсутствует, конъюнктив является единственным признаком подчинения. Союза не бывает именно после таких глаголов, сочетание которых с конъюнктивом было в прошлом обязательно (после глаголов *dicendi* и глаголов субъективного характера) и которые этим наклонением выражали подчиненность. Бехагель говорит,

например, что „при субъективных глаголах, как *behaupten, denken, dünken, fürchten, glauben*, союз, как правило, отсутствует; при объективных же глаголах, как *feststellen, hören, wissen*, он, как правило, наличествует; при более объективном *erzählen* союз *daß* встречается чаще, чем при сравнительно более субъективном *erklären*; *sagen* приблизительно в два раза чаще употребляется без союза, чем с ним; при *meinen* — даже в значении *sagen* — бессоюзность является почти правилом“. Союз отсутствует также и в тех случаях, когда главное предложение имеет характер гипотетический, характер предпологаемости, ирреальности.

Примеры субъектного предложения: *Es ist besser, man lerne in der Jugend.* — *Es wäre kein Wunder, ich verlöre alle Geduld* (Lessing).

Объектные предложения: *Ich glaube, er sei dazu geeignet.* *Ich hoffe, er habe das getan.* — *Wir fühlen, der zarte Ton verhalte, die Rosenknospe entwickele sich und ersterbe* (Herder). *Ich muß denken, das Haus brenne* (Goethe).

Косвенная речь. Здесь эта конструкция особенно часта, а конъюнктив обязателен, напр.: *Er sagte, er komme gleich.* *Er meinte, die Arbeit wäre leicht.* *Er wäre bereit, sagte er, nur müßte ich ihm noch ein Zugeständnis machen.* — *Sie sei, hinterbrachte Nanette, mit einem Briefe beschäftigt (Mörrike).* *Nun fing er an, schwatzte allerlei verkehrtes Zeug, das darauf hinausging: Ihr hättet ihn übereilt, er sei euch keine Pflicht schuldig, und wolle nichts mit euch zu tun haben* (Goethe). *Sie verlangen ihren Oberst, Den Max, zurück, er sei hier auf dem Schloß, Behaupten Sie, du haltest ihn mit Zwang, Und wenn du ihn nicht losgebst, werde man ihn mit dem Schwerte zu befreien wissen* (Schiller).

§ 541. 3) Предикативные предложения (Prädikatsätze) встречаются очень редко и чаще всего имеют форму предложений относительных, вводимых местоимениями вопросительного корня; иногда они вводятся союзом *daß* или являются асиндетическими, причём в последнем случае конъюнктив обязателен.

Примеры: *Du bist nicht, was du scheinen willst.* *Er bleibt immer, was er ist.* *Mein einziger Trost ist, daß du mich nicht vergessen hast.* *Was er am sehnlichsten wünschte, war, er hätte dich noch einmal sprechen können.*

§ 542. Особым типом предикативного предложения в немецком является следующий случай, не имеющий аналогии в русском языке.

При необходимости выделения какого-нибудь понятия, несущего особо сильное логическое ударение, соответствующий член предложения вместе со связкой *sein* и формально-служебным *es* образует особое предложение, собственно же сказуемое и прочие члены входят в относительное по форме предложение.

Примеры: *Newton war es, der als erster diese Erscheinung bemerkte.* — *Die hohe Flut ist's, die das schwere Schiff von Strande hebt* (Schiller). *Der Zweifel ist's, der Gutes böse macht* (Goethe). *Du warst allein, der aus dem engen Leben zu einer schönen Freiheit mich erhob* (Goethe). *Mitten in der Wüste war es, wo wir nachts am Boden*

ruhten (Freiligrath). *Das ist's, warum mein blutend Herz nicht heilet* (Goethe).

Близкий к изложенному характер носят предложения, вводимые относительными *weg, was, wofür* и т. п. и служащие для выделения какого-нибудь члена главного. В этих случаях в предложении стоит прилагательное в превосходной степени (или усиливающее наречие обстоятельство).

Примеры: *Wer mich am besten verstand, das war mein Bruder. Was mich am meisten beleidigte, war sein herablassender, gleichgültiger Ton. Wofür ich das meiste Geld ausgab, war das Theater. — Was mich besonders interessierte, waren die gewirkten Tapeten* (Goethe).

Подобные предложения имеют соответствие в русском языке, а поэтому никакого затруднения для понимания не представляют, ср. напр.: *что меня больше всего обидело, был его пренебрежительный, равнодушный тон* и т. п.

§ 543. 4) Предложения обстоятельные (Umstandsnebensätze).

Локальные предложения (Lokalsätze, Ortbestimmende Sätze) представляют собой пространственное определение действия главного предложения. Вводятся локальные предложения относительными наречиями *wo, wohin, woher* и т. п.

Примеры: *Ich gehe dahin, woher du kommst. Ich fand ihn wo ich ihn suchte. — Wo viel Licht ist, ist starker Schatten* (Goethe). *Wohin er tritt, glaubt er mit Feinden sich umgeben* (Goethe). *Darum lasset mich gehen, wohin die Verzweiflung mich antreibt* (Goethe).

В прошлом подобные предложения могли вводиться помощью наречия *da* или сочетаний с ним, когда это *da* имело еще относительное значение.

Примеры: *Du findest dich vor einem Gewölbe, da wohl zwanzig Stufen hinabgehen* (Goethe). *Ihr, Quellen alles Lebens, ... dahin die welke Brust sich drängt* (Goethe).

Локальные предложения занимают особое место среди обстоятельных: все они по форме являются относительными, тогда как другие обстоятельные предложения всегда союзные (см. ниже). Немецкий язык не располагает ни одним специальным союзом места. Таким образом между локальным *darum lasset mich gehen, wohin die Verzweiflung mich antreibt* (Goethe), и атрибутивным *Tief in den Fels ist eine Grotte eingesprengt, wohin des Himmels Strahl nicht leuchtet* (Schiller) разница состоит в том, что во втором названо соотносительное слово (Grotte), которое определяется придаточным, а в первом это соотносительное слово подразумевается. Вследствие этого представляется возможным классифицировать с известной оговоркой локальные предложения и по-другому: не как обстоятельные, а как атрибутивные без соотносительного слова.

Наклонением локальных предложений является индикатив.

§ 544. Временные придаточные предложения (Temporalsätze) могут быть очень различных типов, представляя собой разнообразные развернутые временные определения. Для наиболее общей

характеристики временного отношения между главным и придаточным предложением служат союзы *als* и *wenn*, причем *als* употребляется при прошедшем времени, *wenn* при значении настоящего и будущего времени, а при действии многократном также и в прошедшем.

Примеры: *Als der Vortrag zu Ende war, fragte der Vorsitzende, ob jemand das Wort nehmen wolle.* — Die Sonne war noch eine Viertelstunde vom Gebirge, *als* wir vor dem Hofstore anfahren (Goethe). *Als* die Schildwachen am Schloßtor ihn außer Atem daher rennen sahen, feuerten Sie (Schiller).

Wenn ich nach Kiew fahre, werde ich alle Museen besuchen. *Wenn* ich von dir einen Brief bekam, war es für mich immer eine Freude. — Alles freut sich, und hoffet, *wenn* der Frühling sich erneuet (Schiller). *Wenn* schön Wetter ist, geht man spazieren, wie man tanzt, *wenn* aufgespielt wird (Goethe). *Wenn* die Trompete ruft, mir fährt's durch Mark und Bein (Goethe).

В литературе можно встретить в аналогичном неконкретизованно-временном значении союз *da*, что для современного языка является архаизмом.

Примеры: *Da* sie von Tische aufstanden, sahen sie Eduards Reisewagen unter dem Fenster (Goethe)... *da* ich die vorliegenden Treppen hinauf gestiegen war..., fiel mir das reizendste Schauspiel in die Augen, das ich je gesehen hatte (Goethe). *Da* noch alles lag in weiter Ferne, Da hättest du Entschluß und Mut (Schiller).

Несколько устарелым для литературного языка, но употребительным в разговорном языке и диалекте является союз *wie* в темпоральном значении.

Примеры: Die alte Susel hat ihn verwettert, *wie* sie die Stube fegte (Schiller). *Wie* ich die Lieder machte, da war ich ein anderer Kerl (Goethe). Und *wie* er sitzt und *wie* er lauscht, Teilt sich die Flut empor (Goethe).

Сравним это употребление *wie* с русским *как* в разговорном просторечии, напр.: *как он пришел, так и сели обедать.*

Неодновременность фактов, отраженных в обоих предложениях, передается союзами *nachdem*, *seitdem*, *bevor*, *ehe*.

Если действие, заключенное в придаточном предложении, предшествует главному, то употребляется союз *nachdem* „после того как“.

Примеры: *Nachdem* völlige Stille eingetreten war, sagte er... — Acht oder zehn Tage *nachdem* du diesen Brief erhältst, bin ich getraut. (Schiller). *Nachdem* sie das Lied zum zweitenmal geendigt hatte, hielt sie einen Augenblick inne (Goethe).

Если действие, заключенное в придаточном предложении, непосредственно предшествует главному, являясь при этом границей, сроком, с которого начинается действие главного предложения, то употребляется союз *seitdem* „с тех пор как“.

Примеры: *Seitdem* ihn jene grausame Entdeckung von der Seite Mariannens gerissen hatte, war er dem Gelübde treu geblieben... (Goethe). *Seitdem* der König seinen Sohn verloren, Vertraut er wenigen der Seinen mehr (Goethe).

Если событие, заключенное в придаточном предложении, следует за событием главного, мы употребляем союзы *ehe* и *bevor* „раньше чем“.

Примеры: *Doch eh' er noch den Feind gesehen, wendet er sich schleunig um* (Schiller). *Und eh' er noch das Wort gesprochen, Hat ihn der Jubel unterbrochen* (Schiller). *Ich hab' dein Wort, du wirst nicht eher handeln Bevor du mich, mich selber überzeugt* (Schiller).

Одновременность событий передается союзами *indem*, *während*, причем *während* отражает длительность одновременного действия, между тем как *indem* скорее передает одновременность момента действия (ср. русское *пока* и русск. *в то время как*).

Примеры: *Indem wir uns zu Tische setzten, hörten wir ein leises Klopfen.*—*Sie sah, indem sie so sprach, Wilhelmen, der ihr gegenüber saß, mit einem Blick in die Augen* (Goethe). *Indem Ferdinand alles tat, seine mißlichen Umstände zu verbessern, unterließ Friedrich nichts, seine gute Sache zu verschlimmern* (Schiller).

В тех случаях, когда субъект у обоих предложений один и тот же, придаточное предложение с *indem* соответствует в русском языке деепричастному обороту, напр.: *indem sie dieses sagte, errötete sie* „говоря это, она покраснела“. Но *indem er dieses sagte, errötete sie* „в то время как он это говорил, она покраснела“. Параллельно с *indem* в языке классической литературы существует более редкая форма *indef*, *indessen*.

Примеры: *Indeß nun auf unserer Bühne die Kunst in jugendlich lebendiger Tätigkeit fortblühte, ereignete sich ein Todesfall* (Goethe).

Примеры на употребление *während*: *Sie sah nach dem Kinde, während die Mutter abwesend war.*—*Ottillie schwieg und hatte, während er sprach, vor sich hingesehen* (Goethe).

В более старом языке вместо *während* часто встречается старая сложная форма этого союза: *während dem* (даß), *während dessen*, *während daß*.

Примеры: *Während dem, daß man... die große Frage abhandelte, ob die Nation elend werden sollte, oder nicht, während daß ihre beedigten Sachwalter alle Gründe der Vernunft aufboten, setzte sich ein Teil der Nation in Handlung* (Schiller). *Während daß Gustav Adolph den Krieg im Reiche mit solcher Überlegenheit führte, hatte das Glück seinen Bundesgenossen... nicht weniger begünstigt* (Schiller).

Während и редко *indem* (индесен) служат, кроме того, для выражения противопоставления, противоречия. Ср. в этом отношении русское „в то время как“, имеющее и временное и противительное значение.

Примеры: *Während ein französischer oder italienischer Nekromant von dem Mephistopheles das schönste Weib der Gegenwart gefordert hätte, begehrt der deutsche Faust ein Weib, welches bereits vor Jahrtausenden gestorben ist* (Heine). ... *daß er immer seinem eigenen Kopfe zu folgen glaubte, indem er bloß das Werkzeug des meinigen war* (Wieland). *Die Richtigkeit dieser Annahme ist zu bezweifeln, indeß die Wirksamkeit der Naturschönheiten offen liegt* (Kant).

Предел, до которого простирается действие главного предложения, передается союзом *bis*.

Примеры: *Ich bleibe mit dir, bis er kommt.*—*Ach! denkt das Veilchen, wär ich nur die schönste Blume der Natur, Ach, nur ein kleines*

Weilchen, *Bis* mich das Liebchen abgepflückt Und an dem Busen matt gedrückt (Goethe).

Совпадение длительности между действиями главного и придаточного предложения передается союзом *solange*, возникшим из сочетания старого многозначного *so* и наречия.

Примеры: *Wir bleiben, solange wir können. Ich habe ihn nie so erzürnt gesehen, solange ich ihn kenne.* — *Lehne, so lange noch Zeit ist, den guten Rat nicht ab* (Goethe). *So lang' er auf der Erde lebt, so lange sei dir's nicht verboten* (Goethe).

В XVIII веке функцию эту мог выполнять союз *weil*.

Примеры: *Verschieb's nicht länger die erliegende Natur zu stärken, weil die Lebensflamme noch brennt* (Schiller). *Alles schläft, weil er noch wacht* (Tieck).

Непосредственное следование одного действия за другим отражает союз *sobald*.

Примеры: *Sobald er mich sah, stand er auf und ging mir entgegen.* — *Da eilt ich fort, sobald es möglich war* (Goethe). *Sobald die Fürsten eingetreten sind, wird jeder Zugang zum Palast besetzt* (Goethe).

Повторяемость действия передает союз *so oft*.

Примеры: *So oft ich nach Peterhof komme, entzückt mich die Schönheit des Parks und der Paläste.* — *Ihr Bild strafte mich Lügen, so oft es mir wieder vorschwebte* (Goethe).

§ 545. Наклонением временных придаточных предложений является всегда индикатив. Некоторое исключение представляют случаи с *bis*, когда дело идет не о наступившем уже событии, а о предстоящем. В таких случаях в современном языке конъюнктив уместен только после претеритальной формы глагола, напр.: *er wollte nicht einwilligen, bis alle seine Forderungen erfüllt wären.*

В прошлом мы встречаем это наклонение и после настоящего времени, напр.: *Bis sie der Tod von dieser Marter befreie, will sie bei dem Bruder des Todes Linderung suchen* (Lessing).

§ 546. Предложения причины (Kausalsätze, Begründungssätze). Распространеннейшими союзами причины являются *da* и *weil*. По своему значению *da* представляет собой логическое основание, *als bekannt angenommener Grund* (= русск. *так как*), а *weil* реальную причину данного факта (= русск. *потому что*). Поскольку предложение с *da* представляет собой известную и вытекающую из каких-либо соображений причину, оно и стоит часто перед главным предложением, образуя исходный пункт высказывания. Такая позиция при *weil* значительно реже.

Примеры употребления *weil* и *da*: *Sie kann heute den Stunden nicht beiwohnen, weil ihr Vater krank ist.* — *Eduard stimmte gern bei, weil es mit seinen Absichten übereintraf* (Goethe). *Wähntest du etwa, Ich sollte das Leben hassen, In Wüsten fliehen, Weil nicht alle Blütenträume reiften?* (Goethe). *Die originalsten Autoren der neuesten Zeit sind es nicht deswegen, weil sie etwas Neues hervorbringen, sondern allein, weil sie fällig sind, dergleichen Dinge zu sagen, als wenn sie vorher niemals wären gesagt gewesen* (Goethe).

Da ihr Vater krank ist, wird sie augenscheinlich den Stunden nicht beiwohnen können. — Du bist doch glücklich? Ja, du mußt es sein, *da* du so groß bist und geehrt (Schiller). *Da* das lange Außenbleiben Altringers schon anfang, Verdacht bei dem Herzog zu erregen, so erbot sich Gallas, sich in eigener Person nach Trauenberg zu verfügen... *Da* auch Gallas an keine Rückkehr zu denken schien, so wagte es Piccolomini, die Leichtgläubigkeit des Herzogs noch einmal auf die Probe zu stellen (Schiller).

Придаточные предложения причины вводятся также союзом *indem*. Предложения с *indem* носят характер обуславливающего обстоятельства (ср. русск. *благодаря тому что; тем что*).

Примеры: Charlotte, ohnehin gewohnt die Gegenwart zu nutzen, fühlte sich, *indem* sie ihren Mann zufrieden sah, auch persönlich gefördert (Goethe). *Indem* er seine Schwäche sehr wohl kannte, konnte ihm der verdiente Beifall niemals fehlen (Mörrike). *Indem* er bedürftigen Talenten half, gewann er sich viele Freunde (Goethe).

Daß тоже может служить элементом, вводящим причинное предложение, ввиду того что в прежние эпохи языкового развития союз этот отличался большой многозначностью и широтой употребления. Однако в современном языке *daß* употребляется в такой роли лишь при некоторых, так наз., „глаголах аффекта“ и близких к ним.

Примеры: Er lobte mich, *daß* ich nicht nachgegeben habe. Er ärgerte sich, *daß* ich nicht bald zurückkommen werde.

В прочих случаях *da* получает соответствующее уточнение в виде коррелятивной частицы главного предложения: *darum, dadurch* и т. д. (см. § 534).

К числу союзов, вводящих придаточные предложения причины, исторические грамматики, например О. Бехагель, относят и *denn*. Дело в том, что *denn* (старая форма этого союза *dann*) возникает как союз подчиняющий; об этом можно судить как по значению соответствующих предложений, так и по тому, что глагол в них стоит на конце. Такое употребление *denn* (*dann*) можно встретить до XVII века, напр.: *Wo ich konnte einen Possen reißen, unterließ ich's nicht, dann mich weder Vater noch Mutter darum strafte* („Simplizissimus“). Параллельно, однако, *denn* служило и для более свободного присоединения, употребление, которое и побеждает в дальнейшем. Так в современном языке предложения с *denn* более свободны, более самостоятельны, чем придаточные причинные предложения. Они содержат скорее развернутое объяснение, развитие предшествующей мысли, чем логическую причину (примеры см. § 523). Порядок слов в предложениях с *denn* соответствует порядку слов предложения самостоятельного. Однако в современном языке *denn* может употребляться исключительно как союз, в отличие от прочих сочиняющих союзов, которые одновременно являются и наречиями. Зачастую грамматики указывают, что в ряде случаев *denn* употребляется совершенно в том же значении, что и *weil*. Так, например, *Blau* утверждает, что в предложении — *Alle Hände ruhen müde von dem tränenvollen Streit, Weil der herrliche Pelide Priams schöne Tochter freit* — можно было бы также употребить и *denn*.

Наклонением причинных предложений является индикатив.

§ 547. Предложения следствия (Konsekutivsätze, Folgesätze) вводятся обычно союзом *so daß*, возникшим из многозначного *daß*, уточненного наречным элементом. Соответственно этому *so* может быть отделено от *daß*, может стоять в главном предложении.

Примеры: Er ist *so* krank, *daß* er heute kaum zur Stunde kommen wird. Ich bin ganz verwirrt, *so daß* ich keine vernünftige Antwort geben kann. — Und will meine vielen Erfahrungen... *so* stellen, *daß* meine Arbeit andern nicht ganz unnütz bleibe (Goethe). ...ein großer Teil der lästigsten Geschäfte fiel auf meine Schultern, *so daß* ich ein halbes Jahr lang weder Tag noch Abend Ruhe hatte (Grimm).

Несколько устарелым является сочетание *derart daß*.

Примеры: Er war ein unangenehmer Mensch, *derart daß* man ihn mied.

Скорее коррелятом является сочетание *von der Art*; ср. напр. Schon sein Äußeres war *von der Art*, *daß* er Zutrauen einflößte (Goethe).

В функции следственного союза встречается также и старое многозначное *daß* без всякого уточнения.

Примеры: Er sprach mit einer Beredsamkeit, *daß* er alle mit sich fortriß. — Der Advokat zitterte, *daß* ihm die Zähne klapperten (Schiller). Er schlug, *daß* weit der Wald erklang (Uhland).

Союзом отрицательного предложения следствия служит *ohne daß*.

Примеры: Im hohen Norden wachsen südliche Arten von Bäumen, *ohne daß* sie zu richtigem Wuchs gelangen. — Sie schien aufmerksam auf das Gespräch, *ohne daß* sie daran teilgenommen hätte (Goethe).

Наклонением следственных предложений является в основном индикатив. Лишь после отрицания в главном предложении и кроме того в виде исключения можно встретить конъюнктив.

Примеры: Der seltsamste kann *so* seltsam nicht sein, *daß* es nicht natürlich scheinen *könnte* (Lessing). Nicht weniger werden die Schauspieler sich alle Mühe geben, was an Ausarbeitung ihrer Rollen noch fehlte, nachzubringen, *so daß* das Stück jährlich ... wieder erscheinen *könne* (Goethe).

§ 548. Предложения цели (Finalsätze, Absichtssätze). Основным целевым союзом является *damit*.

Примеры: *Damit* die Ergebnisse der Expedition nicht verloren gingen, wurden sie bearbeitet und veröffentlicht. — Eilt heim mit sorgender Seele, *Damit* er die Frist nicht verfehle (Schiller). Auf alle Fälle bitt' ich um Nachricht, *damit* ich mich darnach richten könne (Goethe).

Целевым союзом служит и старое многозначное *daß*, которому часто в таких случаях соответствует в главном предложении коррелятивное *darum, dazu, deshalb* и т. п. (ср. § 534).

Без таких коррелятов *daß* встречается реже.

Примеры: Den wirft mir in die Hölle dort, *daß* er zu Asche gleich vergehe (Schiller). Weg vom Rande deine Hände, *Daß* sich unser Kahn nicht wende (Grillparzer). Bleibt nicht in England, *daß* der Brite nicht sein stolzes Herz an eurem Unglück weide (Schiller).

Устаревшим союзом цели является *auf daß*.

Примеры: Dich hab ich zum Bewahrer meiner wundersamen Ge-

schichte erkoren, *auf daß* sie vielleicht manchem Erdebewohner zur nützlichen Lehre gereichen könne (Chamisso).

О конструкции *um* с инфинитивом см. § 568.

Наклонением целевых предложений является конъюнктив. Однако в современном языке это наклонение, как и в прочих типах предложения, начинает отступать перед индикативом. Это борьба живого языкового развития с традицией. Крепче держится конъюнктив после главного предложения, в котором глагол стоит в претеритальной форме.

Примеры: Er tat alles, damit sein Sohn eine gute Bildung *erhalte*. — Er ließ . . . eine große Geldsumme vorstrecken, damit die berühmte Windmühle in dem alten Zustande *bleibe* (Heine).

После настоящего времени, после перфекта, тоже возможен конъюнктив.

Примеры: Darum schicke ich dir Iphigenien, daß sich mein Geist mit dem deinigen *unterhalte* (Goethe an Jakobi). Sage mir's, damit ich mich des Lebens freuen *könne* (Schr. d. Goethe-Gesellsch.).

Однако постепенно он уступает место индикативу.

Примеры: Er tut alles, damit sein Sohn eine gute Bildung *erhält*.

Ich geb' sie dir, daß du nicht böse *wirst* (Goethe) . . . daß er den Menschen selbst erschaffen, damit er Fleischsuppen *essen* und kein Esel *sein soll* (Heine). Mit Absicht habe ich die ganze Stelle ausgeschrieben, damit man *erkennt* . . . (Horneffer).

§ 549. Условные предложения (Konditionalsätze, Bedingungssätze). Распространеннейшим союзом условия является *wenn*.

Примеры: Ich fahre heute fort, *wenn* ich eine Fahrkarte kriege. — Es kann der Frömmste nicht in Frieden bleiben, *Wenn* es dem bösen Nachbar nicht gefällt (Schiller). Das Tüchtige, *wenn's* wahrhaft ist, wirkt über alle Zeiten hinaus (Goethe). *Wenn* gute Reden sie begleiten, dann fließt die Arbeit munter fort (Schiller). *Wenn* ich mich gegen sie verpflichten soll, so müssen sie's auch gegen mich (Schiller).

Другим условным союзом является *falls*, *im Falle* (*daß*), причем условие имеет тогда характер известной случайности и исключительности (= русск. *в случае если*).

Примеры: *Falls* er seinen Aufenthalt über diesen Termin verlängert, soll er mir schreiben. — Und *falls* Frau Mutter mich nicht länger hält, so möcht ich weiter ziehen in die weite Welt (Chamisso). Da meine Frau auch eines bösen Hustens wegen nicht ausgeht, so haben sie wohl die Güte, *falls* es nötig, uns bei Serenissimo des Konzerts wegen zu entschuldigen (Schiller).

Союзы *wofern*, *insofern* вводят условие, являющееся в то же время ограничением высказанному в главном предложении (ср. русск. *поскольку, если только*).

Примеры: Am 15. werde ich in Leningrad ankommen, *wofern* ich mich in Moskau nicht aufhalte. — Jedes Vergnügen, *wofern* es aus sittlicher Quelle fließt, bessert den Menschen (Schiller). Ein Besonderes, *insofern* wir das Allgemeine in ihm anschauend erkennen, heißt ein Exempel (Lessing).

Такое же ограничивающее, исключаящее значение имеет и отрица-

тельное *wofern nicht*, напр.: *Er ist ein harmloser Mensch, wofern er nicht erregt ist.*

Аналогично значение устаревшей конструкции *es sei denn daß* или просто *denn* + Конъюнктив.

Примеры: *Befehle kann ich nicht ändern, es sei denn, daß ihr eure Schuld sogleich bezahlet* (Heine). *Ruhig bedenke ich mich zu verhalten; es sei denn, daß er sich an meiner Ehre oder meinen Gütern vergreife* (Schiller). *Und kommt man hin, um etwas zu erhalten, erhält man nichts, man bringe denn was hin* (Goethe).

Первоначально значение условности выражаясь именно конъюнктивом и отрицанием, *denn* служило уточняющим наречием, со значением „в этом случае, при этих обстоятельствах, тогда“, напр.: средневерхненемецкое *swaz lebete in dem walde | ez entrünne danne balde | ez waere zehant tót* „все, что обитало в лесу, если бы оно тогда поспешно не убежало, было бы мертво“. Затем *denn* становится просто формальным и необходимым признаком конструкции.

Устаревшим союзом условия является *wo*, довольно часто встречающееся прежде в литературе, распространенное и посейчас в диалекте.

Примеры: *Sie werden mich retten, und wo ich ohne Rettung verloren bin, um mich weinen* (Schiller). *Ich würde es nie gewagt haben, mich zur Lebensbeschreibung meines Bruders anheischig zu machen, wo ich mich nicht auch hierinn auf seinen Beistand verlassen könnte* (J. Schlegel).

Отражением прежнего условного употребления *wo* является *wofern*, о котором говорилось уже выше, далее выражение *wo nicht* „если нет“, *womöglich* „по возможности, если можно“.

Условные предложения вводятся очень часто без союза, причем признаком подчинения в них является порядок слов: инверсия глагола. Предложения эти, повидимому, произошли из вопросительных; соответствие такой конструкции можно найти и в русском разговорном языке, ср., например, немецкую конструкцию с аналогичной русской: *Kommst du nicht, so gehe ich selbst zu dir. Любишь кататься, люби и саночки возить.*

Примеры бессоюзного условного предложения: *Und bist du nicht willig, so brauch ich Gewalt* (Goethe). *Und sterb ich denn, so sterb ich doch Durch sie, durch sie, zu ihren Füßen doch* (Goethe). *Herr Ritter, ist eure Liebe so heiß, Wie ihr mir's schwört zu jeder Stund, Ei, so hebt mir den Handschuh auf* (Schiller).

Для выше охарактеризованных предложений в школьных грамматиках и практике преподавания принят термин: „сокращенные условные предложения“. На самом деле никакого „сокращения“ здесь не происходит. Предложения без союза по происхождению древнее предложений с *wenn*. Кроме того, разница между ними заключается не только в наличии или отсутствии *wenn*, но во всей структуре предложения, в порядке слов. Будучи неправильной по существу, эта трактовка не представляет также и заметных методических преимуществ.

Иногда форма условного предложения используется для передачи других значений, в частности значения сравнения или противоположности.

Примеры: *Bist du der verdammten Geister einer, wohl: ich bin der*

anderet (Goethe). Lag er eben noch so schwer im Sande des Ufers, so hebt er sich jetzt plötzlich leicht empor (Heine).

Сравним такую же конструкцию в русском языке, напр.: *Если я и не знаком с ним, то все же многое знаю о нем.*

§ 550. Наклонение в условном предложении зависит от его значения, но, как правило, всегда соответствует наклонению в главном предложении. Если условие реальное, осуществляющееся при известных обстоятельствах, то наклонение будет изъявительным.

Примеры: Wenn Sie rascher gehen, so können Sie ihn einholen. Wenn man jeden Tag turnt, so wird man gesund und kräftig. Legen wir Salz ins Wasser, so löst es sich auf.

Если же условие нереальное, или если оно только мыслится как возможное, то употребляется конъюнктив: претерит конъюнктива или кондиционалис I для передачи значения настоящего или будущего времени и плюсквамперфект конъюнктива или кондиционалис II для передачи значения прошедшего времени. При этом кондиционалис, как правило, стоит в главном предложении, конъюнктив — в придаточном. Однако возможно присутствие этого последнего и в обоих случаях. В условном предложении конъюнктив плюсквамперфект или кондиционалис II употребляется обычно при событиях прошедших, изменить течение которых не представляется возможным; часто встречается он и в других случаях.

Примеры на употребление плюсквамперфекта конъюнктива или кондиционалиса II. Wenn ich das gewußt hätte, so würde ich nie auf seinen Vorschlag eingegangen sein. — Und ich wär bald vor Ungeduld wieder heimgelaufen zum Schreibepult, Wenn nicht auf allen Straßen Der Friedländer hätte werben lassen (Schiller). Hätte er es erfahren, hätte er die Pferde gewiß nicht genommen (Tieck). Ist es Schnee wohl, oder sind es Schwäne? Wär es Schnee, er wäre weggeschmolzen; Wären's Schwäne, wären weggeflogen (Goethe).

Примеры на употребление претерита конъюнктива или кондиционалиса I. Wenn er Lust hätte, so würde er kommen. — Wenn ich eine Schwalbe wär, so flög ich zu dir mein Kind (Heine). Und wüßten's die Blumen, die kleinen, Wie tief verwundet mein Herz, Sie würden mit mir weinen... (Heine). Hätte sie Gedanken, wie ich denke, Hätte sie Gefühl, wie ich empfinde, Würde sie den Morgen nicht erwarten, Würde schon in dieser Stunde kommen (Goethe).

Вместо плюсквамперфекта конъюнктива в классической литературе можно встретить иногда вопреки господствующей норме индикатив претерита (реже плюсквамперфекта) со значением ирреального условия.¹

Примеры: Kamt ihr gestern zu mir, so stand die Summe wahrlich Euch zu Diensten (Tieck). Ich half mir selbst, glaub mir, erschienst du nicht (Grillparzer). Warf er das Schwert von sich, er war verloren (Schiller).

Конъюнктив встречается и только в одном из предложений.

Примеры: Mit diesem Pfeil durchschöß ich euch, wenn ich mein

¹ Для современного языка случаи эти являются абсолютно устаревшими.

liebes Kind *getroffen hätte* (Schiller). O, *wärst* du wahr *gewesen* und gerade, Nie *kam* es dahin, alles stünde anders (Schiller). *Hätte* er sich eilig nicht einer Höhle *erinnert*, so *war* es *geschehen* (Goethe). Es *wäre* umgekehrt, *nahm die* Frau die gebotene Hand *an* (Ludwig).

§ 551. Уступительные предложения (Konzessivsätze, Einräumungssätze). Уступительные предложения выражают то условие, несмотря на которое содержание главного предложения все же осуществляется. Вводятся они сочетаниями *ob* с уточняющими *wohl*, *gleich*, *schon*, *auch*, *zwar*; *wenn* — с уточняющими *gleich*, *schon*, *auch*; *wie* — с уточняющими *auch*, *wohl*, союзами *ungeachtet* и *trotzdem*.

Союзы *obgleich* и другие, образованные с *ob*, и *wiewohl* всегда вводят реальный, определенный факт.

Примеры: *Obgleich* ich ihn zurückhielt, verließ er die Stadt. — *Obgleich* man dem Feinde nur eine geringe Macht entgegensetzen hatte, so konnte man doch hoffen, sich zu behaupten (Schiller). Die Gärten lieferten die schönsten Muster, und *obschon* die Kränze sehr reich ausgestattet wurden, so kam man doch früher, als man gedacht hatte, damit zu Stande (Goethe). Sie gingen zusammen auf Wilhelms Zimmer, wo dieser, *wiewohl* mit einigem Zaudern, seinem Versprechen genüge leistete (Goethe).

В более старом языке элементы, из которых составлены эти союзы, встречаются раздельно.

Примеры: Gehorchen will ich, *ob* ich *gleich* hier noch manches sagen könnte (Goethe). *Ob* ich *schon* weiß, daß er vor Nacht nicht kommt, vermut ich ihn doch jeden Augenblick (Goethe). Denn *ob* es mir *zwar* an guten Freunden nicht fehlte, so waren wir doch immer die Minderzahl (Goethe).

Союзы *wenngleich*, *wennschon* и *wenn auch* могут вводить как реальный факт, так и предположение. Элементы союза *wenn auch*, представляющего собой сочетание двух слов, могут оказаться разделенными другими словами. В более старом языке могли употребляться раздельно и элементы союзов *wenngleich* и *wennschon*, поскольку они еще не вполне оформились как сложные слова.

Примеры. *Wenn es gleich* diesen Truppen an Tapferkeit gebrach, so reizten sie doch durch einen glänzenden Aufputz die Augen (Schiller). Auch ich begrüße dich, *wenn* ich *schon* zürne (Goethe). *Wenn auch* der Charakter verschiedener Weltgegenden von allen äußeren Erscheinungen zugleich abhängt... so ist es doch nicht zu leugnen, daß das Hauptbestimmende dieses Eindrucks die Pflanzendecke ist (A. Humboldt)... So ist es ausgemacht, daß, *wenn auch* das gewöhnliche Talent meßbar sein mag, das ungewöhnliche nur schwer gemessen werden kann, das Genie vollends gar nicht (Goethe). *Wenn auch* das Roß zerschmettert versinkt, der Reiter ist wohl erhalten (Körner). Ich weiß es wohl, noch bleibt es (das Gedicht) unvollendet, *wenn es auch* gleich geendigt scheinen möchte (Goethe). Warum sollten wir nicht wünschen, neben den Unsrigen zu ruhen, und *wenn es auch* nur für ein Jahrhundert wäre (Goethe).

Союзы *wie auch*, а также *so auch* имеют модально-уступительное

значение, соответствующее, с одной стороны, русскому *как бы ни*, с другой, русскому *хотя*. Элемент *auch* всегда отделен от *wie*.

Примеры: *Wie sehr er sich auch bemühte, konnte er es nicht leisten. So wenig dieser Unterschied auch von Bedeutung ist, kann er doch nicht unbemerkt bleiben.* — *Wie groß dich auch die Königin zu machen verspricht, Trau ihrer Schmeichelrede nicht* (Schiller). *Wie weit er auch die Stimme schickt, Nichts Lebendes wird hier erblickt* (Schiller). *Es muß heraus, wie gern ich es auch länger verschwiege* (Goethe).

Модально уступительными являются также все относительные предложения, вводимые местоимениями и наречиями *wer, was, wo* и т. п. с прибавлением элемента *auch* (= русск. *кто бы ни, что бы ни, где бы ни* и т. д.).

Примеры: *Was er auch sprechen mag, ich höre nicht auf ihn. Ich folge ihm, wohin er auch gehe. Man wird den Missetäter verfolgen, wer er auch sei.*

Союз *trotzdem* вводит предложение, содержащее более решительное противопоставление главному (= русск. *вопреки тому что...*).

Примеры: *Trotzdem es spät war, gingen wir spazieren.*

Союз *ungeachtet* вводит обстоятельство, которым можно пренебречь (ср. русск. *несмотря на то что...*).

Примеры: *Die Freunde hatten sich entfernt, und, ungeachtet man von ihnen auf eine sonderbare Weise berührt worden war, doch den Wunsch zurückgelassen, daß man sich irgendwo wieder antreffen möchte* (Goethe).

Наряду с союзными уступительными предложениями в немецком языке имеются и бессоюзные асиндетические обороты этого значения. С одной стороны, это предложения с инвертированным порядком слов, совершенно аналогичные предложениям условным, обычно с уточняющими *auch, gleich, schon* и конъюнктивом.

Примеры: *Wäre er auch frei, würde er dir doch nicht helfen.* — *Weiß ich gleich nichts von lateinischen Brocken, So weiß ich den Hund doch vom Ofen zu locken* (Bürger). *Und hätte er sich auch nicht dem Teufel übergeben, er müßte doch zu Grunde gehen* (Goethe). *Müßt ich zehn Reiche mit dem Rücken schauen, ich rette mich nicht mit des Freundes Leben* (Schiller).

С другой стороны, это предложения с прямым порядком слов, соответствующим порядку главного предложения, и с настоящим временем конъюнктива в качестве единственного показателя подчинения.

Примеры: *Die Finsternis sei noch so dicht, dem Lichte widersteht sie nicht* (Blatz). *Nichts wahres läßt sich von der Zukunft wissen, du schöpfest drunten an der Hölle Flüssen, du schöpfest droben an dem Quell des Lichts* (Schiller).

Часто вместо конъюнктива употребляется описание с *mögen*.

Примеры: *Die Katze mag fallen, wie sie will, stets erreicht sie mit den Beinen den Boden.* — *Von Herdern konnte man niemals eine Billigung erwarten, man mochte sich anstellen, wie man wollte* (Goethe).

Наклонением уступительного предложения является индикатив, за исключением бессоюзных предложений, приводимых выше, и предложений, выражающих не действительный факт, а лишь предположение. Это

возможно главным образом при союзе *wenn auch*, а также иногда при *wie auch* и т. п.

Примеры: Wenn auch ein Arzt gekommen *wäre*, hätte er den Kranken doch nicht retten können. — Wie die Welt auch wechselnd *gehe*, fest doch weiß ich, was mir bleibt (Blatz).

Часто встречается описание через *mögen*.

Примеры: Torheit, wie unschuldig sie auch *scheinen mag*, kann einen Freibrief gegen den Spott verlangen (Wieland).

§ 552. Предложения образа действия (Modalsätze, Sätze der Art und Weise) служат характеристикой того способа и тех обстоятельств, при которых протекает действие главного предложения. Вводятся они союзом *indem*.

Примеры: Der Lehrer leitet die Übungen, *indem* er jeden Laut mehrmals wiederholen läßt. — Sein eigener Ehrgeiz kam ihrer Schwäche zu Hilfe, *indem* er ihn nötigte, seine Macht zu teilen (Schiller).

§ 553. Ближе к предложениям образа действия стоят сравнительные предложения (Vergleichungssätze). Сравнительные предложения вводятся союзами *als* и *wie*. При этом *wie* употребляется при сравнении качества, свойства, *als* — при сравнении количества или степени.

Примеры: Der Redliche spricht, *wie* er denkt. — Wie sich die Neigung anders wendet, also steigt und fällt des Urteils wandelbare Wage (Schiller). So bindet der Magnet durch seine Kraft Das Eisen mit dem Eisen fest zusammen, *Wie* gleiches Streben Held und Dichter bindet (Goethe).

Es tat mir mehr Schaden, *als* es mir Nutzen brachte. — Ihm selbst gedenk ich diesmal redlicher zu dienen, *als* er mir aufgetragen hat (Schiller). Der Schlimme fürchtet den Schlimmen noch mehr, *als* er den Guten hasset (J. Paul). Man muß nie mehr scheinen wollen, *als* man ist (Hebel).

При наречии *so* (ebenso) с прилагательным в положительной степени наблюдается употребление как *als*, так и *wie*, так как тут одновременно происходит сравнение и качества и степени.

Примеры: Sie ist nicht *so* hübsch, *wie* ihre Schwester war. Lesen und Schreiben ist ihm nicht *so* geläufig, *wie* er es wünschte. — Der Mann verneigte sich *so* tief vor mir, *als* noch niemand vor mir getan hatte (Chamisso).

Колесание в употреблении приводит к контаминации *als* и *wie*: *als wie*, напр.: Der Held fühlt sich *so* stark und unversehrt, *als wie* er war in seinen besten Jahren (Wieland).

В прошлом вместо *wie* в указанных выше функциях было принято *als*, что и сохранилось в остатках до новонемецкого времени; напр.: Er ziert ihn schön, *Als* ihn der Lorbeer selbst nicht zieren würde (Goethe).

Теперь *als* употребляется в подобной конструкции не для сравнения, а при отождествлении для введения аппозиции. Поэтому предложения, напр.: Ich liebe ihn *wie* meinen besten Freund. Ich liebe ihn *als* meinen besten Freund — по смыслу будут различны. Первое значит „я люблю его как (= так же как) своего лучшего друга“. Второе „я люблю его как (= в качестве) своего лучшего друга“.

Вместо *als* после сравнения в прошлом употреблялось *denn*, что сохранилось до начала новонемецкого периода, а в отдельных случаях и позже, так напр. у Гете: *er war um so erstaunter, als er nichts weniger denn diese Vorwürfe zu verdienen glaubte*.

В разговорном языке, в диалекте, редко в литературном языке можно встретить в этой роли *wie*, напр.: *Machen sie sich nicht besser, wie sie sind* (Gutzkow).

При сравнении качества или свойства употребляется также союз *so* с коррелятивным *so* в главном предложении.

Пример: *So hoch er stand, so tief und schmachlich sei sein Fall* (Schiller).

Для нереального, условного сравнения (ср. русск. *как если бы*) употребляются союзы *als ob*, *als wenn*.

Примеры: *Sie schrie, als ob alle taub wären*. — *Er war stolz darauf, als ob die Erfindung sein gewesen wäre* (Goethe). *Der Schluß (des Briefes) war ganz als wenn er ihn selbst geschrieben hätte* (Goethe). *Keht' ich mein verirrt's Auge zur Sonne, Als wenn drüben wär' Ein Ohr zu hören meine Klage* (Goethe).

В этой же функции употребляется и простое *als*, употреблявшееся раньше многозначно и недифференцированно. Порядок слов в таких предложениях инвертированный, как в условном обороте.

Примеры: *Mir wird von alle dem so dumm, Als ging mir ein Mühlrad im Kopf herum* (Goethe). *Und will sich nimmer erschöpfen und leeren, als wollte das Meer noch ein Meer gebären* (Schiller). *Es ward mir, als stände ich hinter der Glastüre deines kleinen Zimmers* (Chamisso).

Пропорциональное сравнение осуществляется с помощью союза *je*, с коррелятом *desto*, *um so*, или тем же *je*, или с помощью союза *je nachdem*.

Примеры: *Je mehr du dazu beiträgst, desto interessanter werden die Ergebnisse deiner Arbeit sein*. *Je nachdem er jetzt handelt, wird die Sache ein gutes oder ein schlechtes Ende nehmen*. *Je lieberes Kind, je schärfere Rute*. — *Je geschwinder der Dichter seinen Zuhörern verständlich wird, desto geschwinder kann er sie interessieren* (Lessing). *Je eher du uns zurücke kehrt, je schöner wirst du uns willkommen sein* (Goethe). *Je reicher der Bauer ist, um so mehrere Jacken zieht er bei außerordentlichen Gelegenheiten an*. *Der Hofschulze besaß deren neun* (Immermann).

§ 554. Свообразными являются предложения, вводимые союзом *als daß*. Значение этих предложений близко к следственному. Зависят они от главного предложения, содержащего прилагательное в сравнительной степени, наречия *zu*, *allzu* *nichts*, местоимения *ein* *anderer*. Союз сравнения *als* в них в значительной мере имеет формальное значение.

Примеры: *Er war größer, als daß ihm der Neid schaden könnte*. — *Die Wirkung ist zu augencheinlich und zu stark, als daß wir an der außerordentlicher Ursache zweifeln sollten* (Lessing).

В аналогичной русской фразе сравнительный союз отсутствует, конструкцию эту мы передаем союзом „чтобы“, напр.: если перевести пример из Лессинга: „Действие было слишком очевидным и слишком

сильным для того, *чтобы* мы могли сомневаться в чрезвычайной ему причине“.

После nichts или ein anderer союз als daß будет иметь скорее значение исключения.

Примеры: Ich habe nichts hinzuzufügen *als daß* ich mich über Ihre Genesung herzlich freue. По-русски мы передадим это *кроме того*.

§ 555. Наклонением сравнительных предложений является в современном языке индикатив; конъюнктив употребляется лишь при ирреальном сравнении с als ob, als wenn.

Примеры: Er sprach mit mir so, *als wenn* er alles vergessen hätte. — Sie saßen da so feste, *als ob* sie angewachsen wären (Rückert).

Конъюнктив стоит также в случаях, когда сравнение происходит не с действительным явлением или предметом, а с мыслимым, предполагаемым (ирреальный конъюнктив: претерит — плюсквамперфект).

Примеры: Er machte es so gut, wie ich es selbst nicht *gemacht hätte*.

§ 556. 5) Атрибутивное предложение (Attributsatz) дает развернутое определение какого-нибудь члена главного предложения. Этот член можно назвать соотносительным словом (по-немецки его называют Bezugswort). По форме атрибутивные предложения являются чаще всего относительными. Обычными связующими средствами атрибутивного предложения являются относительные местоимения der и welcher. Местоимение der происходит из указательного, welcher из вопросительного. Первоначально значение их было несколько различно, в современном языке семантика их одинакова, так что употребление того или иного местоимения диктуется соображениями стилистического порядка: во избежание повторения используется то одно, то другое местоимение. Так, например, при наличии коррелата der, derjenige, solcher в главном предложении, в придаточном стоит welcher, напр.: *Derjenige* Fluß, *welcher* sich in einen anderen ergießt, wird Nebenfluß genannt. В современном языке местоимение der вообще гораздо употребительнее и чаще, чем welcher.

Относительное местоимение согласуется в роде и числе с соотносительным членом главного предложения, падежная же его форма определяется строем придаточного, напр.: der Rat, *den* du mir gegeben hast, ist prächtig (внимательный падеж den зависит от сказуемого).

Примеры атрибутивного предложения: Ich bringe die letzten *Worte* meiner Freundin, *die* Sie nicht ohne Rührung lesen werden (Goethe). Diesen Demant zog ich einem Finanzrat ab, *der* Ehrenstellen und Ämter an die Meistbietenden verkaufte (Schiller). Die roten Blumen hier und auch die bleichen, *Die* einst geblüht aus blut'gen Herzenswunden, Die hab' ich nun zum schmucken Strauß verbunden... (Heine): Aber die Bourgeoisie hat nicht nur die Waffen geschmiedet, *die* ihr den Tod bringen... (Komm. Man.). Eduard schlug einen Felspfad auf der anderen Seite des Baches vor, auf *welchem* die Teiche wieder zu Gesicht kamen... (Goethe). Es genügt, die Handelskrisen zu nennen, *welche* in ihrer periodischen Wiederkehr immer drohender die Existenz der ganzen bürgerlichen Gesellschaft in Frage stellen (Komm. Man.).

Вместо *das* может употребляться *was* при стоящих в главном предложении *etwas*, *nichts*, *alles*, *dasjenige*, напр.: *Ich habe dir etwas mitgebracht, was du schon lange begehrt. Ich kenne nichts, was er in dieser Gelegenheit nicht tun würde. Alles, was er tat, war umsonst.* В этом употреблении *was* еще хранит свое первоначальное обобщающее значение.

Was употребляется далее после субстантивированных прилагательных, напр.: *Es war das Gescheiteste, was Sie tun konnten.*

В немногих случаях можно встретить *was* соотносением с каким-нибудь существительным в главном предложении, напр.: *Das erste Papier, was Sie in die Hände nimmt, ist die Bittschrift des Grafen Felix (Lesing).* *Ottlie erinnerte sich jedes Wortes, was gesprochen ward (Goethe).*

Такое употребление в современном языке не встречается.

§ 557. При соотносении атрибутивного предложения с членом главного в 1 и 2 лице принято употреблять нормальное относительное местоимение, причем в классической литературе глагол часто все же согласуется в лице с определяемым членом главного предложения. Прежде в древневерхненемецком языке употребительно было в качестве относительного местоимения личное 1 или 2 лица.

Примеры предложений, где глагол согласуется с определяемым членом главного предложения: *Dich, die in meiner Lebenswildnis so schweigsam standest (Heine).* *Drum jammert ihr so ungeheuer, Unglückliche Verliebte, die, verschmäht, Verdrehten Halses nach der Liebsten späht (Goethe).* *Ich, der mit euch rede (Goethe).*

Напротив: *Zu mir, der weder um eure Gunst bittet, noch euren Haß fürchtet (Wieland).*

Параллельно с таким типом, но занимая постепенно главенствующее место, существует следующая конструкция: к относительному местоимению присоединяется соответствующее личное (*der du, die wir* и т. п.).

Пример: *Unter uns, jungen Leuten, die wir in Leipzig zusammen waren... (Goethe).*

§ 558. Атрибутивное предложение может вводиться и различными вопросительными наречиями, наречиями места, времени, модальности, приобретающими при этом значение относительных союзов, напр.: *wo, wohin, woher, wann, wie.*

Это имеет место в случаях, когда соотносительным словом в главном предложении является имя существительное, обозначающее время, место или способ действия.

Примеры: *Das ist die Stadt, wo ich geboren bin. Die Art, wie er darüber sprach, war befremdend. Teilen Sie mir die Stunde mit, wann sie fortfahren werden.—Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen? (Goethe).* *Auf diesem schönen Boden, wohin das Glück dich zu verpflanzen schien, gedeihst du nicht (Goethe).* *Tief in den Fels ist eine Grotte eingesprengt, wohin des Himmels Strahl nicht leuchtet (Schiller).* *Sie werden nicht in das Gebirg zurückkehren, von wo sie hergekommen sind (Chamisso).* *O schöner Tag, wenn endlich der Soldat ins Leben heimkehrt, in die Menschlichkeit (Schiller).*

Относительным словом служат также сочетания вопросительного корня *wo* с наречиями (предлогами). Вместо *durch welchen* по отношению к предметам употребляют *wodurch*, вместо *mit welchem* — *womit*, вместо *auf welchem* — *worauf* (местоименные наречия) и т. п.

Примеры: *Das Mittel, wodurch diese glänzenden Resultate erzielt wurden, war einfach. Der Raum, worin die Versammlung stattfand, war ein großer Saal.* — *Hier nun liegt mir etwas auf dem Herzen, worüber ich aufgeklärt zu sein wünschte* (Goethe). *Die Waffen, womit die Bourgeoisie den Feudalismus zu Boden geschlagen hat, richten sich jetzt gegen die Bourgeoisie selbst.* (Комм. Ман.).

В прошлом предложения этого типа могли вводиться и помощью *da*, *daher*, *dabei* и т. п., когда *da* имело еще относительное значение.

Примеры: *Eine Klage, dagegen ich verstummen muß* (Schiller). *Sechs tragen die Bahre darauf der Sarg steht* (Goethe).

§ 559. Определение к отглагольным именам, как, например, *Messung*, *Hoffnung*, *Furcht*, *Behauptung*, *Voraussetzung* и др., имеет, как правило, форму предложения, вводимого союзом *daß*.

Примеры: *Die Behauptung, daß er in diesem Jahre an der Expedition keinen Anteil nehmen wird, war falsch.* — *Wallenstein schmeichelte sich noch immer mit der Hoffnung, daß viele zu ihm umkehren würden* (Schiller). *Meine Voraussetzung, daß die Künstler dem Dichter nachgeahmt haben, gereicht ihnen nicht zur Verkleinerung* (Lessing).

§ 560. Иногда атрибутивное предложение относится не к какому-нибудь члену главного, а ко всему главному предложению в целом. Вводятся такие предложения при помощи *was* или сочетаний *wozu*, *worauf*, *wobei* и др.

Примеры: *Er hatte nicht Recht, was durch die nachfolgenden Ereignisse bestätigt wurde. Ich fand das nötige Buch in der Bibliothek nicht, was meine Arbeit bedeutend aufhielt.* — *Mit solchen Torheiten vergedeten wir die Zeit, wobei keinem ein Bedenken eingefallen wäre* (Goethe). *Dies alles geschah in Gesellschaft von Bekannten und Unbekannten, wobei es unsägliche oft widersprechende Bemerkungen gab* (Goethe). *Er schickte ihn nach der Grafschaft Burgund, wozi sich eben ein anständiger Vorwand fand* (Schiller).

В русском языке мы находим аналогичные предложения, относящиеся ко всему главному в целом, напр.: *Позвали обедать, что помешало мне закончить работу.*

Иногда такое же предложение вводится и местоимением *welcher*, (ср. русск. *каковой*), которое в этих случаях играет в придаточном предложении роль атрибута, напр.: *Er will fortfahren, welchen Entschluß ich nicht billigen kann.*

§ 561. В некоторых случаях атрибутивные по своей формальной структуре предложения представляют по своему значению не определения, а вполне самостоятельные высказывания, продолжающие начатую мысль.

Примеры: *Ich suche Tasso, den ich nirgends finde* (Goethe). *Der Wirt bereitete mir ein höchst wohlschmeckendes Gastmahl, das mir aber sehr übel bekam* (Goethe).

В русском языке можно представить себе совершенно аналогичные предложения: *я встретил товарища, которому и рассказал все произошедшее.*

§ 562. Наклонение в атрибутивных предложениях по большей части изъявительное.

Конъюнктив стоит, во-первых, после отрицания.

Примеры: *Da ist nichts, was den Menschen entsetze* (Schiller). *Bleibt mir zu Hause nichts, das mich ergötze* (Goethe). *Da stößt kein Nachen vom sichern Strand, der ihn setze an das gewünschte Land* (Schiller). *Es gibt kein einziges Blatt, das den Stempel eines höheren Geistes trüge* (Schiller). *Nichts ist, das die Gewaltigen hemmte* (Schiller).

То же наблюдается, когда придаточное предложение следует за вопросом, ответ на который ожидается отрицательный.

Примеры: *Wo wird ein Aeneas sein, der dein Grabmal baue* (Herder).

Конъюнктив ставится также в атрибутивных предложениях с целевым значением.

Примеры: *Hier sitz ich, forme Menschen Nach meinem Bilde. Ein Geschlecht, das mir gleich sei* (Goethe). *Ihr wünscht euch einen tugendhaften Sohn, der eures Hauptes heilige Locken ehre, Und euch den Stern des Auges fromm bewahre* (Schiller). *Lassen sie uns versuchen, eine mildere Formel zu finden, die das große Rätsel löse und die... Sphinx zum Sprung in den Abgrund bringt* (Goethe).

Уже из последнего примера видно, что в отношении употребления конъюктива даже в классической литературе господствует колебание. В современном языке конъюнктив и в этом случае уступает индикативу, особенно конъюнктив настоящего времени, вместо которого ставится конъюнктив претерита или описание с *können, sollen*. Так, в Шиллеровском предложении, приведенном выше, в современной прозе было бы сказано: *nichts ist, das die Gewaltigen hemmt* (индикатив) или *hemmte* (конъюнктив претерита).

Конъюнктив может употребляться еще в атрибутивном предложении, изложенном как бы с чужой точки зрения (подобно косвенной речи).

Примеры: *Harlequin... meldet den Fremden an, der mit Lucinde gekommen ist und mit ihr zu sprechen verlange* (Lessing). *Es schien ihm die einzige Stelle in der Welt, die seiner gegenwärtigen Verfassung taue* (Mörike).

§ 563. Вопросительные придаточные предложения (Interrogativsätze, Fragesätze). Вопросительные предложения зависят от слов, выражающих сомнение, неуверенность, вопрос, осведомление, от глаголов со значением говорения и чувствования.

Вопросительные предложения, так же как и повествовательные, могут играть в синтаксическом отношении разную роль в сложно-подчиненном комплексе и соответственно этому делятся на предложения субъектные, напр.: *Ob ich kommen werde, ist zweifelhaft. Wer das Verbrechen begangen hat, ist nicht ermittelt worden*; объектные, напр.: *Ich weiß nicht, ob er aufrichtig ist, Ich fragte sie, wohin sie gehe*; атрибу-

бутивные, напр.: Der Zweifel, ob sie aufrichtig gewesen wäre, war mir unerträglich и т. п. Однако в отличие от предложений повествовательных для вопросительных предложений это не играет существенной роли. То обстоятельство, что из предложений Es ist fraglich, ob er noch lebt и Ich fragte meine Mutter, ob er noch lebt одно субъектное, а второе объектное, ничего не говорит об их истинной сущности. Несомненно, специфика этих предложений состоит в том, что они передают косвенный вопрос, и абсолютно неважным является здесь то, играют ли они роль субъекта или объекта.

Косвенный вопрос, так же как вопрос прямой, может быть двух типов, т. наз. Satz- или Bestätigungsfrage и Wort- или Entscheidungsfrage (см. § 493). Различие это оказывает существенное влияние на форму этих предложений.

Satzfrage вводится союзным словом ob, соответствующим по значению и функциям русскому *ли*. Однако русское *ли* следует за глаголом, а в немецком языке об открывает предложение. Ср. напр.:

Нем.

Русск.

Er fragte mich, ob meine
Familie schon angekommen wäre.

Он спросил меня, приехала ли
уже моя семья.

Примеры на предложения с ob: Wir erkundigten uns darüber, ob diese Gegend wirklich malerisch wäre. Ich war dessen nicht gewiß, ob meine Zumutung allgemeine Geltung hätte. Ich zweifle daran, ob er Erfolg haben wird. Er kann am besten urteilen, ob sie die Wahrheit gesagt hat. — Und eh' der Tag sich neigt, muß sich's erklären, ob ich den Freund, ob ich den Vater soll entbehren (Schiller). Er war im Zweifel, ob dies seine eigene Melodie, oder ob sie jetzt erst so angepaßt sei (Goethe).

Wortfragen вводятся самыми различными вопросными относительными словами, смотря по тому, что надлежит осветить в ответе. Вопросительными подчиняющими элементами могут быть все вопросительные наречия и местоимения.

Примеры: Ich kann mich nicht besinnen, wer zuerst von der Sache gesprochen hat. Frage ihn, was er im Sommer getrieben hat. Ich fragte ihn, wo er so lange gewesen wäre. Es war ihm unklar, wodurch er seinen Fehler gutmachen könnte. — So sprich, wo sich die Brücke findet und wer sie künstlich hat gefügt (Schiller). Wie Kirschen und Beeren schmecken, muß man Kinder und Sperlinge fragen (Goethe). Man weiß nicht, von wo er kommt und braust (Schiller).

§ 564. В ряде случаев вопросительные предложения последнего типа очень близко сталкиваются с атрибутивными повествовательными предложениями, вводимыми теми же самыми вопросительными словами (ср. § 558). Разница между ними состоит в том, что содержанием косвенного вопроса является действительно то, что неясно, сомнительно, что стоит под вопросом при высказывании главного предложения. Атрибутивное же предложение, вводимое вопросительными местоимениями, определяет какой-нибудь член главного. Сравни, например, стих Гете: Kennst du das Land, wo die Zitronen blüh'n и предложение: Ich

fragte ihn, *wo* die Zitronenbäume gedeihen. — Sie werden nicht in das Gebirge zurückkehren, *von wo* sie hergekommen sind и Ich weiß nicht, *von wo* er kam.

§ 565. Наклонение в вопросительном предложении подчиняется примерно тем же правилам, по которым употребляется конъюнктив в объектных предложениях (ср. § 538). После претерита в главном предложении в придаточном употребляется почти исключительно конъюнктив.

Примеры: Er fragte mich, ob ich ihn begleiten *möchte*. Ich fragte ihn, wohin er *ginge*.

После настоящего времени в главном предложении конъюнктив почти не употребляется в разговорной речи, но может встречаться в речи литературной.

Примеры: Ich bin nicht klar darüber, ob er dies wirklich *beabsichtigt*. Ich weiß nicht, was er damit *meint*.

Ho: Fragen sie doch Herrn Doktor. ... , ob er nicht einen ... Apotheker *wisse*? (Goethe). Alles kommt darauf an, wo ein Gebäude *stehe* (Goethe).

Значение имеет также семантика предложения. Если имеется неопределенность, нереальность в выражаемом вопросе, то часто употребляется конъюнктив, независимо от времени главного предложения, напр.: Wir überlegen gerade, wer es sein *könnte*. Ich zweifle, ob er an deiner Stelle anders gehandelt *hätte*.

При определенности, реальности высказывания часто встречается индикатив, независимо от времени главного предложения, напр.: ich fragte wer der Schuldige *war*.

§ 566. Аналогично предложениям, охарактеризованным в § 514, подчиненные предложения тоже могут обнаруживать признаки как бы „слияния“ с управляющим ими главным. В таком случае член, общий для обоих, в придаточном отсутствует. Общим элементом этим всегда бывает глагол-сказуемое, а также связанное с ним подлежащее, и поэтому в результате получается, что подчиняющий союз вводит не предложение, а только отдельные его члены.

Особенно часто это имеет место при уступительных предложениях.

Примеры: Ich gehe, wenn überhaupt, erst morgen. — Sie glichen sich, wiewohl in einem sehr entfernten Grade (Goethe). Der Bruder ist der nächste dir der Menschen, Wie sehr entfernt in Worten und in Taten (Grillparzer).

§ 567. Сложные предложения, состоящие из одного или нескольких главных и нескольких придаточных или нескольких главных и одного или нескольких придаточных, называются периодами. Основные сведения о периодах даны в § 524.

Примеры грамматического периода: Während sich in dem ersten der drei großen Lager, im konservativ-katholischen, alle Elemente zusammenfanden, die bei der Erhaltung des Bestehenden interessiert waren, also die Reichsgewalt, die Geistlichen und ein Teil der weltlichen Fürsten, der reichere Adel, die Prälaten und das städtische Patriziat, sammeln sich um das Banner der bürgerlich gemäßigten lutherischen Reform die besitzenden

Elemente der Opposition, die Masse des niederen Adels, die Bürgerschaft und selbst ein Teil der weltlichen Fürsten, der sich durch Konfiskation der geistlichen Güter zu bereichern hoffte und die Gelegenheit zur Erringung größerer Unabhängigkeit vom Reich benutzen wollte (Engels, Bauernkrieg).

§ 568. Обособленные обороты. Инфинитив и причастие способны к образованию так называемых обособленных оборотов, которые, не будучи настоящими предложениями в полном смысле слова, представляют собой развернутые члены предложения, имеющие относительную самостоятельность. Такие обособленные обороты многими грамматиками называются „сокращенными предложениями“, что однако является как фактически неверным, так и недостаточно оправданным с методической точки зрения.

Распространеннейшим инфинитивным оборотом является оборот с *um* — *zu* + Infinitiv, имеющий финальное, целевое значение.

Примеры: *Er fährt nach Moskau, um dort zu arbeiten.* Ich ging aus, *um mir eine Mappe zu kaufen.* — Ein Teil der Bourgeoisie wünscht den sozialen Mißständen abzuweichen, *um den Bestand der bürgerlichen Gesellschaft zu sichern* (Комм. Ман.).

Оборот с *um* — *zu* предполагает тот же субъект, что и в главном предложении. Только когда исключена возможность недоразумения, субъект инфинитивного члена может являться объектом главного предложения, напр.: *das genügt mir, um in der Sache zu einem Urteile zu gelangen.*

Однако зачастую в литературных произведениях можно встретить несоблюдение этого правила, ведущее к затемнению конструкции и нежелательным ассоциациям, напр.: *Schlegel hatte dieses Stück für das Kopenhagensche Theater geschrieben, um auf demselben in einer dänischen Uebersetzung aufgeführt zu werden* (Lessing).

Тут речь идет несомненно о постановке написанной Шлегелем пьесы, а не самого Шлегеля, как можно было бы ошибочно подумать, если судить по структуре фразы.

В русском языке конструкция с *um* — *zu* + инфинитив имеет полную аналогию в обороте с *чтобы* + инфинитив.

В ряде случаев оборот *um* — *zu* + Inf. не имеет целевого значения, он употребляется формально, выражая лишь временную последовательность, напр.: *In der mittelhochdeutschen Epoche wurden viele Wörter dem-Französischen entlehnt, um später verloren zu gehen.*

§ 569. Обособленный оборот целевого значения может и не иметь союзного слова и выражаться инфинитивом с *zu*.

Примеры: *Und, zu enden meine Schmerzen, Ging ich einen Schatz zu graben* (Goethe). Hier sitz ich, forme Menschen Nach meinem Bilde, Ein Geschlecht, das mir gleich sei, *Zu leiden, zu weinen, Zu genießen und zu freuen sich* Und dein nicht zu achten, wie ich (Goethe).

Часто встречается такое употребление после *genug* („достаточно“) и *zu* („слишком“) при прилагательных и наречиях.

Примеры: *Ich bin nicht jung genug, vor Goetzen mich zu neigen, und Trotz mit Trotz zu bändigen, alt genug* (Goethe).

Обязательно оно после прилагательных и наречий с *so*, напр., *sei so gut, mir dieses Buch zu leihen*.

Инфинитив с *zu* имел раньше, как имеет и сейчас, частично целевое значение. Поэтому-то и возможно его употребление в вышеназванной функции. Инфинитив без *um* более древняя конструкция, остатки которой в языке мы находим и посейчас.оборот с *um* возникает благодаря синтаксической перегруппировке членов. В предложении *er ging aus, um Wasser zu holen*, *Wasser* зависит первоначально от *um* „за водой“, финальное *zu holen* первоначально самостоятельно и прибавляется в качестве дополнения, аппозиции.

§ 570. Другим распространенным инфинитивным оборотом является *ohne — zu + Inf.* со значением отрицательного модального предложения.

Примеры: *Er ging vorbei, ohne mich zu sehen*. *Peter liest viel, ohne das Gelesene zu behalten*.

Das Zettelchen fiel, ohne von ihm bemerkt zu werden, auf den Boden (Goethe).

В обособленном обороте с *ohne — zu + Inf.* субъектом является опять, как правило, подлежащее главного предложения, как это видно из вышеприведенных примеров. Но и здесь можно встретить отклонение от этого правила, напр.: *Ohne dies ganz zu verstehen, ging doch ein tiefes namenloses Grausen durch mein inneres* (Hoffmann).

По содержанию оборот с *ohne — zu* соответствует русскому деепричастию с отрицанием, например, сравни нем. *Sie ging davon, ohne sich nach uns umzusehen* и русск. *она ушла, не оглянувшись на нас*. По структуре в русском языке аналогии найти нельзя.

§ 571. Аналогичен оборот с *(an) statt — zu + Inf.*

Примеры: *Er schickt seinen Gehilfen, statt selbst dorthin zu fahren*. *Statt seine Aufgaben zu machen, treibt er sich umher*. — *Sie (die feudalen Eigentumsverhältnisse. Aem.) hemmten die Produktion, statt sie zu fördern*. (Komm. Man.).

§ 572. Причастия тоже образуют самостоятельные обособленные обороты, представляющие собой развернутые члены предложения. Распространенным оборотом такого типа является в немецком языке т. наз. абсолютное или самостоятельное причастие претерита. Причастие это не связано непосредственно ни с одним из членов предложения, не входит составной частью в сложную форму глагола, не играет и роли атрибута. оборот этот либо имеет характер обстоятельства образа действия, либо обладает временным значением, либо приближается к условному значению. В русском языке ему по содержанию, а также в известной мере и по форме соответствует деепричастие. Самостоятельное причастие соединяется, как правило, с винительным падежом существительного, который и носит в научных грамматиках название винительного абсолютного (самостоятельного), *Akkusativus absolutus*.

Примеры. Абсолютное причастие, имеющее характер обстоятельства образа действия: *Er saß am Fenster, die Augen in die Ferne gerichtet* (= „вперив взор“). — *...der, den Rücken ihnen zugewendet, auf einem Felsstücke saß* (Hoffmann). *Schild und Lanze weggeworfen, fliehn sie über Berg und Tal* (Uhland).

Винительный абсолютный встречается как обособленный оборот также и без причастия.

Примеры: Er stand, *die Mütze in der Hand*. — *Das Schwert im Herzen* ... Blickst auf zu deines Sohnes Tod (Goethe).

Временное определение более редкое по сравнению с выше-приведенным: *dies getan*, fühlte ich eine Ruhe (Hoffmann) (= „сделав это“...). Kaum *gedacht*, war der Lust ein End gemacht (Hauff).

Условное значение: *Das letzte Beispiel ausgenommen*, sind alle übrigen leicht zu verstehen (= „если исключить, исключая“...).

Und dies nun auf Laokoon *angewendet*, so ist die Ursache klar, die ich suche (Lessing). Seine Einkünfte wurden jährlich auf drei Millionen geschätzt, *die ungeheuren Summen* nicht *gerechnet*, die er zu erpressen wußte (Schiller).

ЛЕКСИКОЛОГИЯ.

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

§ 573. Лексикология занимается изучением словаря данного языка с различных точек зрения. Лексикология современного языка анализирует различные виды существующих в нем семантических связей, устанавливает различные слои словаря, исследует употребление тех или иных групп слов. Все эти проблемы не могут зачастую быть разрешены без изучения истории слов и развития их семантики, что составляет, прежде всего, предмет исторической лексикологии. Историческая лексикология, со своей стороны, теснейшим образом связана с этимологией, занимающейся отысканием генетических связей между словами.

Под этимологией понимают, кроме того, и самое генетическую связь. В этом случае необходимо четко различать живую и неживую этимологию. Под последней мы разумеем такие связи между словами, которые могут быть установлены только на основании исторического анализа. Под первой мы понимаем семантические связи, существующие между отдельными словами в современном языке. Только их и следует иметь в виду при всякой попытке классификации современного словаря. Это, разумеется, не значит, что мы отказываемся от привлечения данных, касающихся истории слов; напротив, эти данные необходимы и для объяснения многозначности слова, и для понимания возникновения омонимов и т. п. Важно только иметь в виду, что зачастую общность происхождения ни в какой мере не обуславливает связи между отдельными словами в современном языке. Так, несмотря на генетическую общность таких слов, как *на-доб-но*, *доб-рый* и *у-доб-ный* или *стел-ить* и *стол*, рассматривать их как представителей одной лексической группы в современном языке совершенно бесплодно. Точно так же для понимания семантических отношений современного немецкого языка ничего не даст сопоставление таких, несомненно, однокоренных с исторической точки зрения слов, как *fertig*, *gefährlich*, *fahren* или *Gebärg* и *Bahre* (ср. § 589 и 592).

§ 574. Слово, являющееся предметом изучения лексикологии, представляет собой понятие не столь простое, как это может показаться с первого взгляда. Часто приходится решать вопрос о том, имеем ли мы дело с разными значениями одного слова или же с разными одинаково звучащими словами. Так, например, *Pfeife* в значении „трубка“ и *Pfeife* в значении „свисток“ для современного языка представляют собой несомненно два различных слова, хотя с исторической точки зрения они оба восходят к одному источнику. Точно так же разными словами являются *Stock* в значении „этаж“ и в значении „палка“, *Stab* в значении „посох“

и „штаб“, Feder в значении „перо“ и „пружина“, Satz в значении „прыжок“, в значении „набор“ и в значении „предложение“, Schein в значении „сияние“ и „удостоверение, документ“, Pflaster в значении „мостовая“ и „пластырь“, Mark в значении „пограничная область“, „марка“ (монета и община), Absatz в значении „снижение“, „сокращение штатов“, „заточка“. Аналогичные примеры представляют в русском языке *коса* (женская) и *коса* (песчаная в море), *баба* (женщина) и *баба* (приспособление для заколачивания свай), *вал* (земляной) и *вал* (напр. коленчатый вал), *мешать* (= нем. mischen) и *мешать* (= нем. stören).

§ 575. В приведенных в предыдущем параграфе примерах, как из русского, так и из немецкого языка, связь между отдельными значениями совершенно или в большой мере утрачена. Однако есть множество случаев, когда эта этимологическая связь еще жива ощущается; тем не менее подобные слова следует считать разными лексическими единицами, потому что сфера их употребления настолько обособилась, что они выражают совершенно разные предметы или понятия. В реальном контексте они никогда не бывают двусмысленными и не вызывают неправильных ассоциаций. Так, говоря об *языке*, мы никогда не испытываем потребности в уточнении того, о каком *языке* идет речь: о *языке*, как понятии анатомическом, или о *языке*, как понятии лингвистическом. Предложения типа: *у него обложен язык, высунуть язык* и т. п. или *у Толстого хороший язык, изучить язык, язык чувств* не заключают в себе никакой двусмысленности. Следовательно, можно считать *язык* в значении Zunge и *язык* в значении Sprache разными словами.

Подлинную многозначность мы будем иметь, например, при слове *шелк*; хотя значения слова *шелк* могут быть очень различными, напр. *шелк ниточный* или *шелк — ткань*, но сфера их употребления в основном одна, значения близки, и поэтому приходится каждый раз уточнять то значение, которое подразумевается в данном случае. Фраза *я пойду купить себе шелку* или *я не нашла подходящего шелка* двусмысленна до тех пор, пока не выяснено то значение, которое имеется в виду, т. е. *шелк на платье* или *шелк для вышивания*. В качестве немецкого примера, аналогичного русскому *язык*, можно привести слово „Blatt“ в значении „лист“ и в значении „газета“; сравни предложения: die Blätter sind gelb и es steht in allen Blättern geschrieben.

§ 576. В очень многих случаях определение того, имеем ли мы дело с разными словами или с одним словом, представляет большие трудности, не позволяющие окончательно решить вопрос в том или другом смысле. Такой случай представляет, например, слово Wort в немецком языке — русское *слово*. С одной стороны, употребление в значении „речь“ можно рассматривать, как расширительное употребление Wort в смысле „слово“, тогда нам придется считать Wort многозначным словом; с другой же стороны, эти оба значения довольно четко дифференцируются, что дает нам право говорить о двух словах, звучащих одинаково (Wort); это, между прочим, подтверждается и их морфологией: Wort — „слово“ имеет, как известно, множественное число в форме Wörter, Wort — „речь“ — звучит во множественном числе Worte (ср. § 170).

2. СЕМАНТИКА.

А. ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ.

§ 577. Рассматривая семантику слов, составляющих словарь какого-нибудь языка, мы сталкиваемся прежде всего с их многозначностью.

Многозначность слов современного языка принципиально отличается от полисемантизма в палеонтологическом смысле, характерного для эпохи возникновения звуковой речи, как это показал Н. Я. Марр. Полисемантизм означает недифференцированность, диффузность значений, соответствующую диффузности первобытного мышления. На этой стадии развития речи одно какое-нибудь слово служит для обозначения различных предметов или явлений лишь потому, что они еще не были дифференцированы в человеческом мышлении.

Многозначность в современном языке имеет совершенно другой характер. Так, общеизвестно, что данное значение слова дается только контекстом; вне его слово, как правило, многозначно. Возьмем, например, слово *день*; чтобы установить его семантику, пришлось бы дать целый ряд определений, а именно, что это слово может означать и промежуток времени, равный двадцати четырем часам, т. е. „сутки“, и часть суток в противоположность вечеру и ночи и др. В контексте же слово приобретает одно, вполне определенное значение; сравни, например, следующие предложения: *Поезд из Ленинграда в Крым идет три дня* (т. е. трое суток); *Я читал эту книгу три дня* (т. е. три рабочих дня, не считая ночи); *Когда я вышел из лесу, был еще день* (т. е. было еще светло); *День становится длиннее* (т. е. время от восхода до захода солнца) и т. д.

Говоря о многозначности слова, следует иметь в виду, что одно из его значений, как правило, будет обычным, а остальные эвентуальными. Так, например, русское слово *хвост* вне контекста обозначает прежде всего хвост какого-либо животного, это основное значение; эвентуальными же будут, например: *Около газетчика стоял хвост в ожидании газеты* или *Он перешел на второй курс без единого хвоста*.

Многозначность хотя и характерна для большинства слов, но не присуща природе слова как такового. Слово возникает для обозначения какого-нибудь определенного предмета или понятия как термин, имеющий данное конкретное значение.¹ Многозначность является результатом более или менее длительного бытования слова и специфических условий его употребления. Если только удастся проследить историю данного слова по памятникам, то всегда оказывается возможным установить его первоначальное значение.

История слова показывает, что значение его развивается, что на протяжении времени одни значения могут утрачиваться, другие возникать; что в развитии значения всех слов можно установить некоторые общие закономерности, что это развитие, наконец, находится в зависи-

¹ Мы здесь имеем в виду не первобытную стадию развития языка, а позднейшие эпохи.

мости от развития человеческого общества, его материальной и духовной культуры.

Знакомство с историей слова часто бывает необходимо для понимания его различных значений в современном языке и различных случаев его употребления. Значение слова находится в развитии в каждый данный период времени. Чтобы суметь оценить это развитие, суметь определить, в какую сторону оно направлено, нужно знать конкретную историю данного слова и те общие закономерности в развитии значения слов, которые устанавливаются исторической лексикологией. Последняя различает следующие типы развития значения слова: расширение значения (*Bedeutungserweiterung*), сужение значения (*Bedeutungsverengung*) и перенос значения (*Übertragung der Bedeutung*); в последнем случае различают иногда более частные типы — метафору (*Metapher*), метонимию (*Metonymie*), гиперболу (*Hyperbel*), недооценку (*Litotes*), эвфемизм (*Euphemismus*).

Из перечисленных типов живым фактором, обуславливающим развитие семантики слова, являются только различные типы переноса значения, так как расширение и сужение значения имеют место лишь в результате переноса значения с одного предмета, явления или понятия — на другой. Таким образом, расширение и сужение значения, по существу говоря, не являются самостоятельными типами развития семантики слова, и если историческая лексикология рассматривает их как особые типы, то это в значительной степени зависит от того, что механизм развития семантики многих слов не всегда ясен; для того же, чтобы определить, имеем ли мы расширение или сужение значения, достаточно знать исходную точку и конечный результат.

§ 578. Распространеннейшим путем возникновения многозначности слова является метафора. Под метафорой (*meta* по-гречески „через“, „пере-“, *phero* „несу“) понимают употребление слова в переносном смысле, т. е. для обозначения такого предмета, явления или понятия, которое относится к иной семантической сфере, чем основное значение этого слова. Употребление слова для обозначения иного или нового предмета или понятия должно быть достаточно мотивировано: в противном случае слово не будет понятно. Такой мотивировкой будет известное сходство (пусть даже самое отвлеченное) между предметами или явлениями, сходство внешнее или по функции. Последнее, как показал Н. Я. Марр, играет в развитии значения слов исключительно большую роль, особенно на ранних стадиях развития языка (подробнее о „функциональной семантике“ по терминологии Н. Я. Марра см. ниже).

Термин „метафора“ заимствован лингвистами из поэтики, где метафора давно была изучена, так как именно она, главным образом, обуславливает „образность“ поэтического языка. Образность, как известно, свойственна и обиходному языку, который также пользуется метафорой; больше того, метафора в обиходном, или точнее говоря непэтическом, языке имеет гораздо более широкое значение, чем то, что обычно понимается под образностью. Когда мы говорим: *Павлов был звездой первой величины*, мы живо ощущаем образность этого выражения; в предложении же *Москва — важнейший железнодорожный узел* мы никакой образно-

сти не ощущаем, хотя слово *узел* здесь является такой же метафорой как и *звезда* в первом предложении. Возможность метафорического употребления слов необычайно широка, и мы постоянно пользуемся этой возможностью. Лексикология занимается не столько исследованием этой возможности использования метафоры, сколько изучением уже установившихся в языке значений слов, возникших благодаря метафоре.

§ 579. Начнем с наиболее очевидных примеров. Крайне многозначное существительное *Fuß* является очень древним словом, оно имеет общий корень с однозначными словами ряда других индоевропейских языков (ср. греч. *pos*, лат. *pes*); его первым конкретным значением было „нога человека“ или, может быть, также и „нога животного“. Обозначая опору тела, *Fuß* (точно так же как и русское *нога* или точнее *ножка*) по закону функциональной семантики Н. Я. Марра вместе с развитием техники стало обозначать опору различных предметов и орудий; кроме общеизвестных *Fuß eines Tisches, eines Stuhles, einer Lampe* и т. п., в технике множество предметов имеет „*Füße*“. Метафорой является также и *Fuß des Berges* как бы „опора горы“ (ср. русское *подножие*). Наконец, *Fuß* употребляется метафорически в абстрактном значении „опора“ и „основа“, напр.: *In den nördlichen Gegenden hatte die Herrschaft der Spanier noch immer keinen festen Fuß fassen können* (Schiller). *Ein solcher Versuch, sich auf seine Füße zu stellen, sich unabhängig zu machen* (Goethe). *Da er und unser Prinz... jetzt auf einem ziemlich guten Fuße zusammen stehen* (Schiller).

Подобно *Fuß* и многие другие названия частей тела служат для обозначения частей самых различных предметов, напр.: *Arm einer Wage, eines Leuchters, eines Flusses; Hals einer Flasche, eines Kolbens, einer Geige; Zahn einer Säge, einer Gabel, eines Kamms; Rücken der Nase, der Hand, eines Buches, eines Messers* и т. п. Любопытную историю имеет слово *Kopf*; его первоначальное значение было „сосуд для питья“ („ковш“, „кубок“), напр. в древневерхненемецком *silberine napfe, guldine copfe* и еще в ранневерхненемецком: *schöpfen den Osterwein aus hohen Köpfen* („Gargantua“). В средневерхненемецком *kopf* начинает употребляться в смысле „сосуд для мозга“, „черепная коробка“ (часто в соответствующей форме — *hirnkopf*). В этом употреблении *Kopf*, повидимому, очень скоро стало пониматься как метафора к обычному в то время слову *Haupt*. В современном немецком языке воспоминание о старом значении *Kopf* совершенно утрачено. По отношению к *Haupt*, слову более высокого стиля, *Kopf* — слово бесстилевое в современном языке (см. § 616); это сказывается отчасти и в метафорическом употреблении того и другого, сравни: *Kopf vom Kohl, Salat* (ср. русское *головка капусты* и т. п.), *der Kopf eines Nagels, eines Balkens, eines Knochens, eines Titelblattes, einer Zeitung* (ср. русское *заголовки*) и т. п. и *das Haupt einer Familie, Partei, eines Staates* и т. п. С другой стороны, в значении „ум“ (ср. *er hat einen klaren Kopf*; русск. *у него ясная голова*) в качестве метафоры употребляется только *Kopf*. Это, повидимому, является следствием того, что к значению „голова“ слово *Kopf* пришло через *hirnkopf*, т. е. „сосуд для мозга“. Что касается сложных слов *Tassenkopf* и *Schröpfkopf*, то, хотя с точки зрения исторической лексикологии *Kopf* в них упо-

треблено в старом значении, с точки зрения современного языка это метафоры, основанные, как и в *Kopf vom Kohl* (правда не столь очевидно), на сходстве по форме.

Примеров на „живую метафору“, т. е. на употребление слов, ясно ощущаемое в современном языке как метафорическое, можно было бы привести бесконечное множество. Мы приведем здесь еще только немногие из них с тем, чтобы затем перейти к рассмотрению метафор, которые совсем не ощущаются или не сразу ощущаются как таковые. Большую группу живых метафор составляют слова, являющиеся названиями предметов и служащие в качестве метафор для обозначения абстрактных понятий; например: *Zweige der Wissenschaft, der Technik; Blätter der Geschichte; Früchte seiner Arbeit, seiner Hände, seines Schweißes; die Wurzel des Wortes, des Übels, die Wurzeln des Mißvergnügens; Flügel der Liebe, der Sehnsucht, des Glücks; der Mund der Wahrheit (Schiller); die Stimme der Natur, des Gewissens, der Vernunft, der Wahrheit, der Zeit, der Presse; das Ohr der Neugier* и мн. др.

Чрезвычайно широко метафора используется в глаголах; например: *schlagen, сравни mit dem Hammer schlagen, и ins Auge schlagen, die Uhr schlägt и die Stunde schlägt; bilden: der Künstler bildet die Figur aus Wachs и der Lehrer bildet Sätze, der Fluß bildet ein Hindernis и die Straßen der Stadt bilden einen Stern; sagen: er sagte seine Meinung и dieses Buch sagt mir nichts и т. п.*

Любопытно отметить, что большинство приведенных здесь выражений имеет буквальное соответствие в русском, равно как и в других европейских языках. Мы имеем здесь дело с фактом интернационализации культуры, который все больше и больше дает себя знать, вопреки националистическим тенденциям капиталистических государств. Тот или иной оборот речи, то или иное слово или выражение, появившись в одном языке, быстро заносится или переводится на другой язык; этим облегчается рождение будущего единого мирового языка в бесклассовом обществе (см. § 26, 639). Сказанному здесь не противоречит то обстоятельство, что зачастую одинаковые явления возникают независимо в разных языках вследствие общности структуры мышления современного человечества.

§ 580. Как уже было указано выше, многие значения и слова современного языка возникли как метафоры, но больше не ощущаются как таковые. Так, слово *Zelle*, являющееся заимствованием из латинского языка (лат. *cella*), означало первоначально только „келья“; новые значения: „ячейка“ и „клетка“ — по происхождению метафоры. *Horn*, имевшее первоначально значение „рожек“ (инструмент из рога), по закону функциональной семантики стало обозначать и металлическую трубу как музыкальный инструмент. Глагол *sprühen*, производный от *Sprig*, первоначально означал только „итти по следам“, новое значение его „чувять“ возникло вследствие метафорического переноса. „Буква“ получила свое наименование *Buchstabe* соответственно закону функциональной семантики; как известно, древние германцы вырезали свои руны на палочках; техника письма изменилась, а письмена сохранили старое название („буковая палочка“).

В ряде случаев новое значение, возникшее как метафора, настолько разошлось со старым, что в современном языке приходится считать, что мы имеем дело с разными словами (см. § 575). Иногда они превращаются в два разных слова, различающиеся и фонетически. Наконец, есть случаи, когда конкретное основное значение данного слова утрачено, а осталось только метафорическое. Так, слово *Rappe*, являющееся названием черной лошади, генетически — не что иное как фонетический вариант слова *Rabe*. Черную лошадь, следовательно, метафорически называли вороном (ср. русское *вороной конь*). *Kran* по своему происхождению оказывается фонетическим вариантом слова *Kranich* (ср. средневерхненем. *kranē* — *kranesh*); первоначально они оба употреблялись метафорически для обозначения „крана“, впоследствии, ввиду неясности связи между старым и новым значением, они превратились в самостоятельные слова; при этом *Kranich* специализировался в значении „журавль“, а *Kran* — в значении „кран“. Благодаря внешнему сходству с пчелиными сотами (*Wabe*) соответствующее печенье стало называться *Waffel*. Глагол *schwänzen* означал шеголять своим платьем со шлейфом (ср. *Die Töchter Zion . . . treten einher und schwänzen* (Luther)), затем метафорически — „разгуливать“ и наконец „прогуливать“.

§ 581. К метафоре очень близко стоит метонимия (met(a) по-гречески „пере-“, опота „имя“). Под последней понимают употребление слова, являющегося названием данного предмета, явления или понятия, в качестве названия другого предмета или явления, находящегося с первым во взаимной связи. Метонимия, таким образом, является переносом значения несколько иного вида, чем метафора; подобно последней она может ясно сознаваться говорящим и слушающим, так что мы можем говорить о живой метонимии.

Установленный Н. Я. Марром второй закон семантики: перенос названия с целого на часть и обратно — с части на целое (*pars pro toto*) — один из важнейших видов метонимии.

В качестве примеров на перенос значений с части на целое и обратно, как осознаваемых, так и не осознаваемых в современном языке, можно привести следующие. Слово, употребляющееся как метафора, может быть использовано и как метонимия; например: *er ist ein kluger Kopf*. В отличие от вышеприведенного *er hat einen klaren Kopf*, где *Kopf* означает „ум“, здесь *Kopf* обозначает самого человека. Аналогичное значение слово *Kopf* имеет в сложных словах *Dummkopf*, *Kahlkopf*, *Strohkopf* и т. п., так как в них оно обозначает человека, а не его голову. В значении „человек“ употребляется также слово *Haut* (ср. *er ist eine brave, ehrliche Haut*) и т. п. В этом же значении метонимически употребляются и некоторые названия одежды; например, *Schürze*: *er läuft jeder Schürze nach* (ср. русское *юбка*), *Schlafmütze* (ср. русское *колпак*) и т. п. Слово *Stamm* употребляется (правда, редко) метонимически вместо *Baum*, напр.: *Die Blätter fallen vom Stamme* (Schiller).

§ 582. Метонимиями по происхождению являются следующие слова, не воспринимающиеся по тем или иным причинам как таковые в современном языке. Слово *Sulz*, связанное генетически с *Salz*, обозначало первоначально „соленый соус“, а сейчас „студень“, в котором этот

застывший соус является лишь составной частью. Слово *Bulle* „булла“ служило первоначально для обозначения печати на грамоте, а затем стало названием самой грамоты.

Аналогичный перенос значения с целого на часть (в данном случае с коллектива на отдельного индивидуума) имеет место, например, в следующих словах: *Frauenzimmer* в средние века означало „женская половина дома или замка“, отсюда метонимически — „женщины“ и, наконец, „женщина“; мы имеем здесь таким образом двойную метонимию. Точно такой же пример представляет и слово *Bursche*: сначала название дома, потом название коллектива, живущего в этом доме, и, наконец, отдельный представитель этого коллектива (подробную историю слова *Bursche* см. в § 593). Слово *Stute* до конца средневерхненемецкого периода означало „стадо племенных лошадей“, и только в новонемецком приобрело значение „кобыла“.

Метонимия может основываться и на других видах связи, например, на связи во времени или в пространстве и т. п. Слово *Sohle*, заимствованное из латинского языка (ср. лат. *solea*), первоначально означало „*Sohle des Schuhes*“ и только впоследствии стало названием и для нижней части ступни (ср. аналогичное развитие значения русского слова *подошва*). Обратное явление — от названия части тела к названию одежды мы имеем в словах *Bein* (*einer Hose*), *Rücken* (*eines Rockes*), *Leibchen*, *Ärmel* (ср. русское *рукав*) и т. п. Метонимией по происхождению оказывается и *Kragen*, которое первоначально означало „шея“; напр.: *Der Kranich... stieß seinen langen Kragen dem Wolf in den Rachen* (*Luther*).

На связи в пространстве основано метонимическое употребление слова *Haus* в значении „население дома“, „семья“; напр. *er brachte das ganze Haus in Aufregung* (ср. такое же употребление русского *дом*); то же мы имеем и в словах *Kabinett* в смысле „кабинет министров“, *Kammer* „палата депутатов“, *Universität* „университетский коллектив“ и т. д. Такой же перенос значения имел место и в слове *Kapelle* „певческая капелла“, история которого представляет целый ряд следующих друг за другом в хронологическом порядке метонимий. Пространственная связь, хотя и несколько иного характера, лежит также в основе развития значений слова *Knaster*, обозначающего коробку, в которой упакован табак, а затем и самый табак (ср. испанское *canasto* „корзинка“); слово *Mappe* первоначально означало только „географическая карта“, затем метонимически „футляр для карты“ и, наконец, благодаря функциональной семантике всякий футляр, „портфель“. Слово *Tisch*, точно так же как и русское *стол*, метонимически обозначает пищу (напр. *in diesem Hause wird ein schmackhafter Tisch geführt*).

Перенос значения благодаря связи во времени имел место, например, в следующих случаях. Слово *Mittag*, первоначально — только „полдень“ (буквально — „середина дня“), стало обозначать и „обед“ (напр.: *zu Mittag einladen*), поскольку последний происходит обычно в середине дня. Точно так же и *Mahlzeit*, как это отчетливо видно по его структуре, обозначало время еды, а сейчас обозначает самое еду. Слово *Messe* первоначально значило „месса“, затем метонимически стало обозначать

и тот праздник, во время которого служили мессу, а так как в праздничные дни обычно устраивалась ярмарка, то слово Messe стало в конце концов также и названием последней. Любопытно, что средневерхненемецкое слово *tult* „церковный праздник“, сохранившееся в баварских говорах в форме *Dult*, также стало означать в них „ярмарку“.

Существует, наконец, множество метонимий, основанных на самых различных видах логической связи между обозначаемыми ими предметами или явлениями. Мы приводим здесь только немногие из них. Слово *Stempel* обозначало первоначально только инструмент, а теперь также и то, что посредством него делается, т. е. „отпечаток“ (ср. русское *печать*). Обратный путь проделало слово *Zirkel* (ср. лат. *circulus* „круг“). Слово *Farbe* сначала означало „цвет“, а затем и „краска“; *Licht* — сначала только „свет“, а потом и „свеча“; *Rat* — „совет“ и затем „советник“; *Wette*, обозначавшее первоначально „залог“, означает теперь „пари“, при котором с „залогом“ вовсе не имеют дела (ср. русское *биться об заклад*); *Jugend* сначала означало только „юность“, а затем и „молодежь“.

Особым случаем метонимии является употребление имени автора для обозначения его произведений; это в одинаковой степени имеет место и в немецком и в русском языке: *Goethe, Schiller, Heine lesen* — *читать Пушкина, Гоголя, Толстого*.

От имен собственных метонимически возникло много нарицательных имен; вот некоторые из них: *Kupfer*, заимствование из латинского *cuprum*, получившего свое название от острова Кипра (*Cypern*); *Kaiser* получило начало от *Julius Caesar* (ср. русское *цесарь*); *Kirsche* из латинского *cerasus*, по имени города *Cerasus*, откуда вишни были вывезены Лукуллом в Рим; *Arfelsine* — означает „яблоко из Китая“ (*China*); *Gobelin* назван по имени мастера *Gobelin'a*; *Mausoleum* это первоначально надгробный памятник греческого царя *Mausolos* и т. п.

§ 583. Под гиперболой, или преувеличением, понимают обозначение данного предмета или явления словом, преувеличенно подчеркивающим какой-нибудь из его признаков; например: „стопудовый кулак“, „река слез“, „пылающий взор“ и т. п. Как и метафора, гипербола является одним из важных живых факторов, обуславливающих многозначность слов. В русском и немецком языке существует много одинаковых гипербол. Так, например: *Berge von Leichen* — *горы трупов*, *ein Strom von Tränen* — *реки слез*, *im Blute baden* — *купаться в крови*, *man hat sie seit einer Ewigkeit nicht gesehen* — *ее не видели целую вечность*, *ein Haufen Arbeit* — *куча работы*, *tausend Dank* — *тысяча благодарностей*, и т. п.

Гиперболой являются, конечно, также и *eine handvoll Leute*, *ein Paar Kirschen* (ср. русское *пара* в смысле „несколько“), *ich will nur ein paar Worte sagen*, *zu einer Tasse Tee einladen* и т. п., хотя формально слова *handvoll*, *Paar*, *zwei* и *Tasse* приуменьшают, а не преувеличивают реальные отношения.

Часто гиперболически употребляется прилагательное *himmlisch*: *ein himmlisches Antlitz*, *Gedicht*, *Gemälde*, *himmlische Musik*, *himmlisches Wetter*; так же прилагательное *fabelhaft* — *es ist fabelhaft billig*, *er war*

fabelhaft reich; прилагательное и наречие kolossal (особенно в разговорном языке) — das hat ihm kolossal imponiert, ich habe mich kolossal gefreut, er war kolossal liebenswürdig; наречие schrecklich — das dauert schrecklich lange, er hat schrecklich viel geschenkt bekommen и др.

§ 584. Наряду с такими живыми гиперболами в немецком языке имеется ряд застывших гипербола, слов, которые не ощущаются более как гиперболы; таковы, например, широко употребительные наречия gewiß и wohl, которые первоначально обозначали безусловную уверенность, а теперь употребляются и как выражение неуверенности: du hast gewiß alles gelesen, er handelt wohl klug. Точно так же и наречие ziemlich, производное от ziemen, означало „подобающим образом“ (т. е. „вполне“), а теперь означает „почти“, „довольно“: es ist ziemlich spät, ich kenne ihn ziemlich gut и т. п.

Гиперболическое употребление слов Narr, Tor, toll, обозначавших первоначально сумасшедшего человека, привело к тому, что они ослабили свое старое значение. Такое же явление имело место и среди слов, употребляющихся как ругательства или как грубые слова. Так, слово Dreck первоначально означало „Kot“ (ср. Mäusedreck); слово Schelm означало „падаль“, такое же значение имело и слово Luder; Racker имело значение „живодер“ (в буквальном смысле слова) и т. д.

§ 585. Противоположна гиперболе „недооценка“ (т. наз. Litotes), т. е. слово, приуменьшающее качества обозначаемого им предмета. Так, например, говорят sie ist nicht übel (ср. русское *она недурна собой*); ich mag ihn wohl leiden, ich kann ihn leiden, что означает „он мне нравится“; nicht unbedeutend, что означает „довольно значительно“.

§ 586. В каждом языке существуют слова, которые считаются неудобосказуемыми. Чаще всего это слова, служащие для обозначения тех или иных физиологических отправления человеческого или животного организма; они не употребляются, потому что считаются неприличными. Другие слова не употребляются в силу суеверия говорящих. Есть, наконец, слова, обозначающие дурные свойства человека и считающиеся грубыми. Все такие слова заменяются иносказательными словами или выражениями, которые носят название эвфемизмов (от греческого eu „хорошо“ и rhemi „говорить“). Например: *нечистый* вместо *чорт*; *сочинять, фантазировать* вместо *лгать, врать* и т. п.

Термин эвфемизм толкуется часто (и совершенно справедливо) более широко; под эвфемизмом понимают всякое выражение, употребленное с целью смягчения, облагорожения какого-нибудь грубого или неприятного факта; например: *оскорбить действием* вместо *побить, пограничный инцидент* вместо *пограничная стычка* и т. п.

Эвфемизмами могут быть как специальные слова, так и метафорически употребленные слова, имеющие и другое основное значение. Таким образом и эвфемизмы являются факторами развития многозначности слова. Эвфемизмы — очень подвижная, быстро меняющаяся часть словаря; это обуславливается, во-первых, тем, что с развитием человеческого общества, человеческой культуры ряд слов, произносить которые раньше считалось недопустимым, слов, на которых лежал запрет, табу, — со временем от такого табу освобождается. К таким словам

относятся, прежде всего, слова религиозного характера, напр. название бога, чорта. Подвижность эвфемизмов, во-вторых, объясняется их быстрой изнашиваемостью: слово, раньше считавшееся эвфемизмом, при постоянном употреблении в качестве иносказательной замены „неприличного“ слова само начинает ощущаться как неприличное.

Эвфемизмы суеверия, которые продолжают бытовать в немецком языке, большей частью употребляются с юмористической окраской; так, например, *der Böse*, *der Versucher*, *der Schwarze*, *Gottseibeins*, являющиеся эвфемизмами для *Teufel*; явно антирелигиозный характер имеет выражение *allmächtiger Strohsack*, вместо *allmächtiger Gott*. Некоторые эвфемизмы для *Gott* и *Teufel* превратились в междометия с ругательным оттенком; например: *Potz* (искаженное *Gottes*), *Teixel* или *Deixel* (искаженное *Teufel*). На суеверии базируются эвфемизмы, связанные со смертью; так, вместо *sterben* говорят *zur ewigen Ruhe gehen* (ср. русское *на вечный покой*); *zu seinen Vätern gehen* (ср. русское *отправиться к праотцам*); *vom Schauplatz abtreten* и т. п.; вместо *Tod* говорят *Trennung*, *Hinscheiden*, *der Abschied vom Leben*.

Из эвфемизмов приличия можно назвать *Abtritt*, *Abort*, *Gelegenheit* и *Kämmerchen* для обозначения уборной; *riechen* и *duften* вместо *stinken* (ср. русские *пахнуть* и *благоухать* вместо *вонять*); *Gesäß* вместо *Arsch* и т. п. Эвфемизмы часто употребляются для обозначения вора, кражи; например, вместо *Dieb* говорят *Langfinger* или *Er ist aus Tragsheim und Nimmsmit*. Про лгуна говорят, что он *dichtet* или *hat eine lebhaftige Phantasie*. Про пьяницу говорят, что он *hat zu tief ins Glas gesehen* и т. п.

В качестве эвфемизмов нередко используют иностранные слова, так, например: вместо *dick* говорят *korpulent*, вместо *schwitzen* — *transpirieren*, вместо *Lohn* — *Gage* и *Honorar*, вместо *Länderraub* — *Annexion* и т. д. Эвфемизмы последнего типа играют в языковой политике капиталистических государств немаловажную роль; выражаясь иностранными словами, либо совершенно непонятными для широких масс, либо неясными для них по внутренней форме, буржуазия пытается обманывать народ, затуманивать сущность тех или иных событий.

§ 587. Если мы станем оценивать значение того или иного слова, получившееся в результате употребления его в переносном смысле, сравнивая его с первоначальным значением, то мы найдем либо расширение либо сужение семантики.

Под расширением значения понимают развитие его от частного, единичного к общему, от конкретного к абстрактному. В немецкой исторической лексикологии исследовано много слов, семантика которых с течением времени стала шире, чем первоначально. Мы приводим здесь только некоторое количество их для иллюстрации сути дела, показывая иногда, какой тип переноса значения имел место в том или ином слове.

Существительное *Genosse* связано своим происхождением с глаголом *genießen* и служило соответственно для обозначения того, кто пользовался с другим общими благами; затем оно метонимически стало обозначать и тех, кто пользовался общими, одинаковыми правами (*Standes-*

genosse) и затем уже приобрело то широкое значение, которое оно имеет сейчас. Слово *Körrer*, являющееся заимствованием из латинского языка (лат. *corpus*), прошло тот же путь развития, что и русское слово *тело*; первоначально оно служило обозначением для тела человека или животного, а впоследствии вместе с развитием физики и химии стало абстрактным термином, в общем равнозначным слову „предмет“ *Gegenstand*. Очень древнее слово *Salz*, этимологически соответствующее русскому *соль*, как и последнее обозначало только поваренную соль; в современном языке оно имеет гораздо более общее значение; об этом свидетельствуют такие слова как *Bittersalz*, *Glaubersalz* (ср. русские *английская соль*, *глауберова соль*). Слово *Stube* обозначало первоначально печку для согревания воды для купанья (ср. английское *stove* „печь“), затем оно метонимически (целое по части) стало обозначать и самое комнату, в которой стояла такая печка, затем отапливаемую комнату и, наконец, в современном языке приобрело общее значение „комната“. *Speicher* означало первоначально „амбар“, как это и соответствует латинскому *spicarium* (ср. *spica* „колос“), от которого оно происходит. Затем *Speicher* стало обозначать „склад товаров“ вообще, а на юге и на западе Германии всякое подвальное помещение. Словом *Kram* обозначали в средневерхненемецком палатку для торговли, которую разбивали странствующие купцы, затем это слово приобрело значение „лавка, торговля мелким товаром“, а отсюда развилось обычное для современного языка значение „мелкий товар“ (метонимия — часть по целому).

Сложный путь семантического развития прошло слово *Laune*. Оно происходит от латинского *luna* „луна“ и означало в средневерхненемецком (*lûna*) „*Mondwechsel*“, затем оно через метафорическое употребление получило расширенное значение „смена, перемена“ и, наконец, „смена настроения“, „необоснованное настроение“.

Еще более сложный путь прошло слово *Sache*; первое его значение это „судебный спор“, а затем „спор“ вообще. Из употребления *die Sache jemandes führen*, *verteidigen* развиваются значения „*Geschäft*“, „*Angelegenheit*“, „*Vorgang*“. Эти значения существуют сейчас в выражениях „*die Sache geht gut*“, „*das tat nichts zur Sache*“. В конце концов оно начинает обозначать и материальную вещь, „предмет“. Аналогичное развитие прошло слово *Ding*, первоначально означавшее „*Gerichtsverhandlung*“ и „*Gerichtsversammlung*“, а также „*Verhandlung*“, „*Versammlung*“. Значение „*Verhandlung*“ ясно ощущается в однокоренных с *Ding* глаголах *dingen*, *bedingen*. Из этого значения развилось значение „дело“. *Ding* таким образом сблизилось по значению с *Sache* и подобно последнему оно стало обозначать и „вещь“.

Слово *Feier*, старое заимствование из латинского языка (лат. *feria*), первоначально означало в немецком „церковный праздник“, а в современном немецком языке имеет более широкое значение „праздника, торжества“ вообще. Латинское значение этого слова („день отдыха“) сохранился в *Ferien* (см. § 625). *Mütze*, также заимствованное из латинского языка (лат. *almutia*), из названия головного убора священника, благодаря расширению значения стало означать „шапка“ вообще. *Rede*

первоначально означало „отчет“ („Rechnung“, „Rechenschaft“); это значение можно встретить еще в оборотах с *stellen* и *stehen*, напр.: *Dir steh ich nicht zur Red' und Antwort hier* (Schiller). *Ich hatte ihn einmal zur Rede gestellt und ihm seine Laster vorgeworfen* (Goethe). Затем через значение „сообщение“ *Rede* приобрело широкое значение „речь“ и даже „беседа“.

Расширение значения имело место в прилагательном *fertig*; соответственно его этимологии (см. § 592) оно первоначально означало „zur Fahrt bereit“, а затем переносно „bereit“ в общем смысле. Прилагательное *garstig* означало „испорченный“, в частности в отношении продуктов питания, а сейчас через метафору приобрело значение — „противный“, „отвратительный“. Расширение значения мы имеем также в прилагательном *echt*; в средневерхненемецком оно имело форму *êhaft* и, следовательно, было производным от *ê* (современное *Ehe*), означавшего „закон“ (см. § 588); *echt*, таким образом, первоначально — „законный“.

Слово *Zweck* первоначально означало „колышек“; это старое значение сохранилось в сложном слове *Schuhzweck* „деревянный сапожный гвоздь“. Затем оно стало обозначать центр диска для прицела; потом метонимически стало обозначать „цель“ в конкретном смысле и, наконец, подобно русскому *цель* приобрело абстрактное значение. *Mittel* имеет первоначально конкретное значение, сходное с *Mitte* „середина“; например, еще у Лессинга: *Mittel und Erde dem Anfang vollkommen gemäß*; затем *Mittel* приобретает более общее значение „среднее“ и, наконец, абстрактное „средство“. Переход к последнему значению очень хорошо иллюстрирует следующий пример из того же Лессинга: *Ist denn kein Mittel? Muß denn der Mensch Eines von Beiden, hassen oder lieben?* — Слово *Elend*, как это явствует из его этимологии (др.-врх.-нем. *eilenti* — ср.-врх.-нем. *ellende*), первоначально означало чужую страну. Так, например, в Симплициссимусе *Die verwiez ich ins elend*. Уже в XVI веке развивается современное абстрактное значение. В классической литературе *Elend* иногда употребляется еще и в старом значении; напр. *Ins Elend übers Meer verbannst du mich* (Goethe). *Du, der mir in das Elend nachgefolgt* (Schiller). *Jedem ist das Elend finster, jedem glänzt sein Vaterland* (Uhland). Наряду с этим встречается, например, у Гете, и новое значение: *die das, was sie im Glücke zugesagt, aus tiefem Elend zu erfüllen strebt* (Goethe).

Расширение значения от конкретного к абстрактному имело место в глаголе *gehen*. Первоначально оно употреблялось только по отношению к людям и животным в значении „mit den Füßen schreiten“, а затем, начав метафорически обозначать передвижение всяким способом, стало употребляться и по отношению к предметам, например: *die Uhr geht, der Wagen geht, die Sonne geht, der Rauch geht* и т. п. В конце концов оно приобрело чрезвычайно общее абстрактное значение, которое можно иллюстрировать следующими примерами: *Die Jahre kommen und gehen* (Heine). *Besinn dich aber, wie weit du mündlich gingst mit dem Sesin* (Schiller). *Man lernt was, man geht mit der Zeit* (Goethe). *Ein Lächeln ging im Kreise* (K. F. Meyer). *Meine Fenster*

gehen auf einen schmalen Kanal (Goethe). Da es aber einmal nicht in unsern Plan geht (Goethe).

Глагол fliegen, будучи одного корня с Flügel, обозначал передвижение при помощи крыльев, а затем и всякое быстрое движение; примеры: Vom Gebirge fliegen... der Hirsche scheue Herden (Schiller). Zischend fliegt in den Baum die Axt (Schiller). Seine braunen Locken flogen mutwillig im Winde (Schiller). Alle Röcke flogen (Goethe). Mein Wunsch fliegt nicht so hoch (Wieland).

Глагол schenken, генетически связанный с Schenke „трактир“ и Schenk „виночерпий“ (см. § 592), означал первоначально „Getränk eingießen“ и только в конце средневерхненемецкого периода приобретает более широкое современное значение; в просторечьи schenken приобрело кроме того значение „давать ребенку сосать“ (ср. Schenkamme). Старое значение можно найти в классической литературе; напр.: Es schenkte der Böhme des perlenden Weins (Schiller). Глагол nachahmen восходит к средневерхненемецкому ânen, которое является производным от слова âne „сосуд“ (ср. современное Ohm); первоначальное значение этого глагола — „вымерять сосуд“, а отсюда „соразмерять“ и, наконец, „подражать“. Глагол schildern образован от средневерхненемецкого schiltære „Schildmacher“, „Schildbemaler“; таким образом, schildern сначала имело значение „Schilde bemalen“, потом „malen“, и, наконец, современное — „описывать словами“. Глагол hauen первоначально означал только „рубить“ и лишь приблизительно с XVI века стал означать также и „бить“. Глагол widmen имел первоначально конкретное значение „дарить невесте“ (от ср.-врх.-нем. wideme „подарок жениха невесте“), затем „дарить“ вообще и, наконец (через метафору), более абстрактное значение „посвящать“. Значение „дарить“ сквозит еще в следующих примерах из классиков: Die Liebe, die ich euch lange gewidmet (Goethe). Besitzest du ein still entferntes Landgut, so widm' es mir (Goethe). Treue Schwesterliebe widmet euch dies Herz (Schiller). Многозначность глагола schließen отражает весь длинный путь развития этого глагола. Сначала он означал durch Schloß und Schlüssel sperren; затем — „закрывать“ в общем смысле, как антоним к öffnen; затем он приобрел все прочие более отвлеченные значения, которые могут быть показаны на следующих примерах: Der... still sich freudig, ans Ende dieser schönen Reihe sich geschlossen sieht (Goethe). Mit dem Helm und Wehrgehäng schließt er sich an eine würdige Menge (Schiller). So eben schließe ich eine... Geschichte (Goethe). Tage der Weinlese, indem sie den Sommer schließen und zugleich den Winter eröffnen (Goethe). Gewisse gemeinschaftliche Pakta, die man geschlossen hat (Schiller). Woher schließen Sie das? (Goethe). Läßt sich aus diesem Bilde wohl der Charakter der Person schließen? (Lessing).

Наречие sehr первоначально означало „schmerzlich“, как это видно из следующего древневерхненемецкого примера: sie stechent unsih sêro joh wuntônt filu swâro (Otfrid) „они колют нас больно и ранят очень сильно“; затем оно стало употребляться гиперболически как усиление (ср. современные schrecklich, schauerhaft и русские *больно*, в значении „очень“, *страшно*, *ужасно*) и в этом употреблении утратило свое ста-

рое конкретное значение; последнее сквозит еще в генетически связанном с ним слове *inversehrt*. Наречие *schon* связано генетически с прилагательным *schön* и означало, следовательно, „прекрасно“; отсюда развилось значение „совершенно“, „законченно“ и потом „уже“. Расширение значения мы имеем и сейчас в целом ряде наречий, употребляющихся как эмоциональные усиления; конкретное значение таких усилений, как *furchtbar*, *schrecklich*, *schauderhaft*, *entsetzlich*, *ungeheuer* и т. п., продолжает существовать и в современном языке; оно ощущается даже в том случае, когда они употреблены только как гиперболы.

§ 588. Противоположным расширению является сужение значения, т. е. развитие его от общего к частному, единичному, от абстрактного к конкретному.

Этот тип развития значения можно иллюстрировать множеством примеров. Мы приводим здесь наиболее яркие. Слово *Doktor*, заимствованное из латинского языка, означает „ученый“ (лат. *docere* — „учу“); однако, в обиходном немецком языке оно, как и в русском языке, обозначает не всякого ученого, а только врача. Слово *Glas* первоначально обозначало вещество „стекло“, а затем, наряду с этим продолжающим существовать значением, благодаря метонимическому употреблению появляется новое, более узкое — „стакан“ (ср. также *Opernglas*, *Augen-Brillenglas* и т. п.).

Слово *Frucht*, являющееся заимствованием из латинского *fructus*, означает первоначально, как и это последнее, „плод“ вообще; в этом значении оно сохраняется и сейчас, особенно как биологический термин; в обиходном же языке (часто во множеств. числе *Früchte*) оно имеет преимущественно более узкое значение „Obst“ (ср. русское *фрукт*); на юге Германии *Frucht*, кроме того, означает *Getreide* (отсюда *Fruchthalle*, *Fruchtmarkt*, *Fruchtthandel*). *Getreide* также представляет пример на сужение семантики, но уже с утратой старого значения. Это слово связано этимологически с *tragen* и означало всякий доход, а не только „злаки“, т. е. „доход от обработки земли“.

Путь развития многозначности слова *Ногн* полностью совпадает с путем развития соответствующего русского *рог* — *рожок*, а именно: от названия материала — к названию изготовляемого из него предмета. Слово *Gut* наряду с исконно присущим ему абстрактным значением приобретает значение „имущество, добро“ (ср. *mit Hab' und Gut*), затем более специальное „поместье“, а в языках отдельных профессий через метафору получает и ряд других значений, напр.: *Frachtgut*, *Pas-sagiergut* „багаж, груз“; *Steingut*, *Glockengut* как обозначение материала и т. п. Сужение значения, и притом ясно ощущаемое, мы имеем в слове *Druck*; наряду со старым общим значением „давление“ через метафору возникло значение „печатание“ (ср. *Abdruck* и русское *оттиск*). Слово *Maß*, первоначально означавшее только „меру“ вообще, теперь имеет и более узкое значение „такт“ (ср. русское *чувство меры*). *Reiz*, производное от глагола *reizen*, означало первоначально „впечатление“, „раздражение“ в широком смысле слова; в современном языке, особенно в форме множественного числа (*Reize*), означает то же, что и русск.

prelesti; в XVIII веке в этом смысле употреблялось слово *Reizung*, ср.: *Das also sind die Reizungen, die ungestraft kein Mann erblickt* (Schiller). Аналогичную эволюцию проделал и сам глагол *reizen*, означающий и „раздражать“ (в широком смысле слова) и „привлекать“.

Во всех приведенных здесь случаях, наряду с новым более узким значением слова в современном языке, продолжает существовать и старое, более широкое; можно привести, однако, много примеров, когда старое значение оказывается утраченным. Слово *Faß* прежде означало не только бочку, но вообще всякий сосуд и даже шире „хранилище“; напр. в средневерхненемецком *weistu, wâ dñiu kleider sint? si ligent in dem vazze*; ср. также ранненоверхненемецкий *Hat nicht ein Töpfer Macht, aus einem Klumpen zu machen ein Fas zu Ehren* (Luther). Старое значение сохраняется в современном языке в ряде сложных слов, где оно воспринимается как метафора; например: *Tintenfaß*, *Butterfaß*, *Rauchfaß* и т. п. *Brunnen* первоначально означало не только „колодезь“, но и всякий источник воды, в частности „ключ“ (ср. *born*, являющееся диалектальным вариантом *Brunnen*); так, напр. в „Нибелунгах“: *dâ der brunne flôz*. Это старое значение можно встретить и у классиков; например: *wie... ihre Brunnen gleichförmig fließen* (Schiller). *Schon erquicket uns wieder das Rauschen dieser Brunnen* (Goethe).

Diele раньше означало „доска“; так, еще у Шиллера: *Rings herum an allen vier Wänden waren die Dielen weggehoben*, затем *Diele* стало специальным обозначением разных досчатых частей здания: „пол“, „потолок“, „прихожая“. Ср. также *Weindiele*, *Tanzdiele*. Общее значение „доска“ лежит также в основе слова *Laden*, досчатые предметы; „ставни“, „лавка“ и пр. слово *Laden* стало обозначать позднее. Слово *Zimmer*, означающее в литературном языке „комната“, в некоторых частях Германии сохранило еще старое значение „строительный лес“. Слово *Miete*, этимологически связанное с русским *мзда*, имело первоначально широкое значение, соответствующее современному *Lohn*; так, в древневерхненемецком: *daz er umbe mieta niomanne ne scadeta* (Notker) „чтобы он за мзду никому не повредил“; еще в XVIII веке: *Nimm nur, Fährmann, nimm die Miete* (Uhland). Старое значение слова *Stall*, связанного по происхождению с глаголом *stellen*, было „место, на котором, что-нибудь ставят“; оно сохранилось в устаревшем сложном слове *Burgstall* „место, на котором стоит замок“. Слово *Wild* первоначально служило названием для всякого дикого животного, а сейчас оно означает „дичь“.

List, генетически связанное с *lehren* и *lernen* (ср. готское *laisjan* „lehren“), означало первоначально „знание“, затем „мудрость“, „ум“, „искусство“; например: *ich wil dich lêren einen list* (Walther von der Vogelweide). Отзвуки этого старого значения слышны еще в следующем примере из Гете: *Man findet manchen kleinen Mann voll List und Weisheit, die manchem großen fremd ist*. Новое значение „хитрость“ появляется уже в ранненоверхненемецком. *Wahn*, означающее в современном языке „заблуждение“, вплоть до XVIII века имело более широкое значение — „мнение“, „предположение“; например: *Daß dein Sohn sei ohne Wahn und Witzen* (Opitz). (Относительно *Witz* см. § 593). Еще

у Шиллера в предложении *Wahres Unglück bringt der falsche Wahn* слово *falsche*, повидимому, не является плеоназмом. *Reue* в старом языке означало не „раскаяние“, а „огорчение“; например: *Unde brähtöst du sie in forhtun joh in riuwun* (Notker) „И ты привел их в состояние страха и огорчения“. Слово *Notdurft* означало первоначально „потребность“, а также и предметы, необходимые для удовлетворения ее; лишь потом оно стало обозначать „нужда“; например: *Nemet die notdurft fur ower haus, und ziehet hin* (Luther). *Sogar des Spiegels kleine Notdurft mangelt* (Schiller).

Hochzeit в средневерхненемецком и отчасти в ранненововерхненемецком служило для обозначения всякого празднества, а не только свадьбы. Своеобразное сужение значения произошло в слове *Ehe*, означавшем первоначально „закон“, „законная сделка“; это сужение имело место уже в древневерхненемецком, однако старое значение доживает до XVI века. Слово *Dach* связано генетически с глаголом *decken*, первоначально оно имело соответствующее широкое значение „das Deckende“; очень рано это слово приобрело то узкое значение, которое мы имеем и сейчас. Более широкое употребление, напр.: *Schmücke dich, du grün belaubtes Dach* (Schiller), следует рассматривать не как пережиток старого значения, а как поэтическую метафору. Старое значение можно найти еще в средневерхненемецком; например: „*Ez waren ir rocke unde ir dach von swarzem samite*“ (Hartman von Aue). „Ее платье и ее покрывало были из черного бархата“. Слово *Angel* первоначально служило для обозначения всякого заостренного предмета (шипа, колючки), сейчас ближе всего к старому значению стоит диалектальное значение „жало“ (насекомых), в литературном же языке оно специализировалось точно так же как русское *крючок* (ср. „крючок“ для ужения рыбы и для запирания дверей). Старое значение слова *Zeile* было не только „ряд букв“, как сейчас, но и всякий „ряд“ предметов; такое употребление его мы находим еще у классиков; например: *Durch der Straßen lange Zeile* (Schiller); *Der Völker lange Zeilen* (Goethe).

Сложный путь развития значения прошло слово *Rolle*; будучи заимствованным из латинского языка (лат. *rotulus*), оно соответственно означало „свиток“, например у Гете: *Auf dem Teppiche lag eine kleine Rolle. Hier ist Ihr Lehrbrief, sagte der Abbé.* Затем *Rolle* стало обозначать свернутый листок, на котором была записана роль актера, а потом и самое роль. Широкое значение слова *Rolle* в современном языке, как и русского „роль“, возникло из метафорического употребления. Слово *Gewehr*, имеющее в современном языке значение „винтовка“, первоначально обозначало всякое оружие защиты (ср. однокоренной глагол *wehren*), так, например: *übte er sich . . . in allen Gewehren* („Simplizissimus“). Старое значение сохраняется вплоть до конца XVIII века. *Nicht vergebens will ich dies tödtliche Gewehr bei mir verborgen haben* (er zieht einen Dolch hervor) (Lessing). *So sie noch besitzt, kann sie noch schaden; denn Alles wird Gewehr in ihrer Hand* (Schiller). Слово *Schirm*, как это отчетливо видно и в современном языке из таких сложных слов, как *Bettschirm*, *Fensterschirm*, *Mützenschirm*, *Ofenschirm*

и т. п., в основном означало „прикрытие“, „защита“ (в широком смысле слова), например: *unde tâte du mir schirm* (Notker) „и ты оказал мне защиту“; *Nie... soll der Freiheit Paradies, der Menschenwürde starker Schirm verschwinden* (Schiller). В современном языке, хотя и существуют специальные сложные слова *Regenschirm* и *Sonnenschirm*, *Schirm* само по себе означает только „зонт“; именно это значение заключено и в новом слове *Fallschirm* „парашют“. *Leiche* первоначально означало не „труп“, а „тело“, например: *Der roc..tete sich nâhe zuo der lich* („Tristan“) „Платье плотно прилегало к телу“. В современном языке старое значение сохранилось только в сложном слове *Leichdorn* „мозоль“. Слово *Lid* первоначально означало „крышка“, затем „ставни“ („крышка окна“), например: *Er machte an das Haus Fenster, die man mit Liden auf und zu thun kund* (Luther) „...которые можно было открывать и прикрывать ставнями“; любопытно отметить, что в изданиях после 1540 года слово *Liden* как непонятное было заменено. В новом узком значении „веко“ *Lid* сначала составляло часть сложного слова *Augenlid* („крышка глаза“), а затем, когда оно утратило старое значение, определенное *Augen* стало необязательным. Глагол *dichten*, заимствованный из латинского (*dictare* см. § 625), означал сочинять всякие произведения; например: *Dichtete er Briefe, als wann er in Liffland ..zu werben hätte* („Simplizissimus“); значение „сочинять стихи“ *dichten* приобретает в XVIII веке. Глагол *gerben* соответственно старому значению *gar*, от которого он образован, первоначально означал „готовить“, специализация значения „готовить кожу“ произошла лишь в новонемецкий период. Глагол *fahren* обозначал передвижение вообще без указания на способ его; как архаизм он употреблялся в этом значении в литературе и в нововерхненемецкий период, напр. *Mürbe Knochen, fahret in die Grube mit Freuden* (Schiller); ср. современные — *auffahren*, *zusammenfahren* и т. п.

Б. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВ.

§ 589. Все слова данного языка можно разделить на такие, в которых семантика отдельных морфем ясна с точки зрения современного языка (т. е. слова, имеющие живую этимологию, см. § 573), и такие, в которых эта семантика не ясна (т. е. слова, не имеющие живой этимологии). Первые называются, обычно, словами с живой внутренней формой, вторые — словами с мертвой или утраченной внутренней формой. К первым относятся, например: *Gebäude*, связанное с *bauen*; *Gewinnst*, связанное с *gewinnen*; *Wärme*, связанное с *warm*; *Hitze*, связанное с *heiß*; *Stickstoff*, связанное с *ersticken* и *Stoff*, и множество других.

Словами с утраченной внутренней формой являются, например, *Bürde* и *Vahne*, генетически связанные с глаголом *gebären* и с суффиксом *-bar*; все они восходят к древневерхненемецкому глаголу *beran*, означавшему „носить“. Не имеют внутренней формы также слово *Gespensst*, связанное по происхождению с *abspannen*, *abspensstig machen* (оба они восходят к ср.-врх.-нем. *sranen*, означавшему *verlocken*); *Kunst*, происходящее от *können*; *Zweifel*, связанное с *zwei*; *Argwohn*, связанное с *Wahn*, означавшим в средневерхненемецком „предположение“; *Marschall*, в котором

первая часть связана с Mähre „лошадь“, а вторая восходит к слову schalk „слуга“, сохранившемуся в современном языке в schalk „плут“; Ankunft и Zukunft, связанные с kommen; gefährlich, связанное с fahren, и мн. др.

§ 590. Утрата внутренней формы слова может произойти по различным причинам. В группе слов, связанных между собой по корню и через него по значению, может исчезнуть в силу специфического исторического развития как раз то слово, которое по своей семантике является объединяющим центром, на котором базируется существование семейства слов (см. § 598); такой случай мы имеем в вышеприведенной группе — Bürde, Bahre, gebären, -bar, где вследствие исчезновения began утратилась связь между отдельными членами группы, а вместе с этим и внутренняя форма их.

Не имеют внутренней формы также слова Gemahl, vermählen; лежащие в их основе слово mahel, существовавшее в средневерхненемецком, исчезло в новонемецком. Это слово означало „сговор, переговоры“; vermählen, таким образом, первоначально означало „вести переговоры, сговор“; Gemahl — обозначало того, с кем заключен сговор. Слово Mahl „трапеза“ в современном языке семантически не связывается с Gemahl и пр., да и этимология у него совершенно иная, оно восходит к древне- и средневерхненемецкому māl, обозначавшему некую точку в пространстве или во времени. Аналогичный случай мы имеем в группе слов Vormund „опекун“, Mündel „опекаемый“, mündig „совершеннолетний“, корень которых существовал в древне- и средневерхненемецком языке как самостоятельное слово (munt) со значением „защита, сила“. Современное слово Mund, если оно этимологически и связано с древневерхненемецким munt, по своему значению никак не может быть поставлено в связь с перечисленной группой слов.

С точки зрения современного языка неясна внутренняя форма слов Wergeld, Werwolf. Первый элемент этих сложных слов созвучен с вопросительным местоимением wer, но никак не связывается с ним по значению. В древневерхненемецком слово wer, утраченное в дальнейшем, означало „мужчина, человек“ (ср. латинское vir). Таким образом, Wergeld и Werwolf первоначально имели очень простую семантическую структуру: Wergeld „Mannsgeld“ „оплата за мужчину“ т. е. „выкуп“ (ср. древнерусское *вира*, этимологически родственное с wer и совпадающее по значению с Wergeld) и Werwolf „человек-волк“, т. е. „оборотень“.

Вследствие утраты в немецком языке второго элемента слова Bräutigam утратилась и внутренняя форма последнего. Как самостоятельное слово этот элемент существовал в древневерхненемецком языке в форме gomo и означал „муж“; отсюда brütigomo = Brautmann „муж невесты“.

Аналогичную историю имеет слово Nachtigall. Древневерхненемецкий глагол galan означал „петь“; таким образом, nahtigala = „певица ночи“.

Слова Frondienst „барщина“ и frönen „работать на барщине“ утратили свою внутреннюю форму вместе с утратой слова frō, существовавшего в древневерхненемецком языке и означавшего „господин“; сохранившееся от этого корня слово Frau с точки зрения живой этимологии

логии не связано с ним. К этой же группе относится также слово *Fronfeste*; первоначально оно означало „господская крепость“, а поскольку эта последняя служила часто и тюрьмой, то и слово *Fronfeste* получило значение „темница“.

В слове *Tarnkarre* „шапка-невидимка“ не имеет живой этимологии первая часть его. Она связана генетически с древневерхненемецким, утраченным в дальнейшем, глаголом *tarnen* „прятать, скрывать“. Любопытно, что в новейшее время глагол *tarnen* был вновь возрожден в военном языке, где имеет значение „маскировать“. Может быть правильнее было бы сказать не „вновь возрожден“, а „вновь создан“ из первого элемента слова *Tarnkarre*.

Antlitz „лик“ утратило внутреннюю форму очень давно; *litz* не имеет этимологии даже в древневерхненемецком языке, только в готском имелось слово *wlits*, совпадающее по значению с *Antlitz*. Что касается *Ant-*, то оно является вариантом *ent-*, сохранившем „а“ благодаря своему положению под ударением (ср. *Antwort*).

§ 591. Утрата словом внутренней формы может зависеть, далее, от особенностей фонетического развития этого слова, делающего его мало похожим на родственные с ним слова. Примером этому могут служить: *Kunst*, сохранившее старое *u*, в то время как *können* — *konnte* заменили его соответственно определенному звуковому закону на *o* (ср. средневерхненемецкое *sunne* — современное *Sonne*; средневерхненемецкое *gewinnen* — современное *gewonnen* и т. п.); в словах *Ankunft* и *Zukunft*, с одной стороны, и *kommen*, с другой стороны, мы имеем, во-первых, чередование гласных «*u|j*» по преломлению (см. § 107); во-вторых, различие в конечном согласном корня, возникшее вследствие диссимилиации *mf* > *pf* (ср. в русском просторечьи *трамвай* вместо *трамвай*); такой же случай диссимилиации представлен и в слове *Verpunft*, этимологически связанном с глаголом *vernehmen*. В слове *Argwohn*, восходящем к средневерхненемецкому *argwân*, мы имеем закономерное соответствие: средневерхненем. *â* перед *n* > «*o*:» (сравни *âne* — *ohne*, *mâne* — *Mond*), отсутствующее в слове *Wahn*.

Слово *Wimper*, хотя оно генетически связано с *Braue*, не вызывает у носителей современного немецкого языка никаких этимологических ассоциаций. Это объясняется сложным фонетическим развитием, которое прошло разбираемое слово; в древневерхненемецком оно имело форму *wintbrâwa* (*brâwa*-*Braue*), что буквально означало „изогнутая бровь“.

Сходное фонетическое изменение (такую же ассимиляцию) мы имеем в распространенном диалектальном *Nampfel*, соответствующем литературному *Handvoll*. Переднеязычные «*nt*» ассимилировались губному «*f*», а неударенное «*э*» редуцировалось в «*э*». Подобно *Wimper* слово *heute*, которое в современном языке является простым словом, по происхождению — слово сложное; оно образовалось из древневерхненемецкого сочетания *hiu tagu*, которое по своей внутренней форме полностью совпадает с русским *сегодня*.

Некоторая особенность семантики слова *erhaben* „возвышенный“, но главным образом необычное фонетическое оформление (гласный «*a*:», не встречающийся в корне *heb-*) лишает это слово внутренней формы.

По происхождению *erhaben* адъективированное второе причастие от глагола *erheben*. Гласный «а:» в нем исконный; основными формами от глагола *erheben* в древневерхненемецком были *erheffan* — *erhuob* — *erhaben*. В новонемецком гласный причастия, так же как и гласный претерита, звучит «о:»; слово *erhaben*, как обособившееся от причастия прилагательное, сохранило архаическую форму. В слове *Adler* как будто ощущается некоторая связь с *edel*, *Adel*; однако связь эта чрезвычайно непрочная; этимологически же она раскрывается очень отчетливо. Оно возникло как сложное слово *adel-ag* (ср. *Aag*), т. е. „благородный орел“; а затем вследствие редукции второго слова превратилось в простое слово, совпавшее по значению с *Aag* (ср. § 593). Последнее было совершенно вытеснено словом *Adler* в XVI—XVII вв. и только в XVIII веке было воскрешено преимущественно в поэтическом языке.

Слово *Mensch* воспринимается в современном языке как коренное, неразложимое на морфемы и не имеющее внутренней формы. По происхождению же это прилагательное, образованное при помощи суффикса *-isch* от существительного *Mann*; в древневерхненемецком оно имело форму *menisco*. Причина утраты этим словом внутренней формы лежит в том, что оно было субстантивировано, и суффикс *-isch*, потеряв вследствие этого свое значение, слился с корнем.

По чисто фонетическим причинам утратило внутреннюю форму слово *Kübel* „кадка“, по значению же оно очень близко к связанному с ним по происхождению *Kufe* „чан“. Оба эти слова заимствованы из латинского языка, но в разные периоды. *Kufe* заимствовано из древнелатинского *cupa* „бочка“ еще до 2-го перебора согласных, о чем свидетельствует наличие в нем «f» вместо «p» (см. § 96); *Kübel* же заимствовано из средневекового латинского *subellus*, являющегося уменьшительным от *cuba* (*cupa*).

§ 592. Указанные в предыдущих параграфах два пути истории слов, ведущие к утрате ими внутренней формы, менее распространены, чем третий путь, основанный на развитии значения слов. Значение того или иного слова может с течением времени настолько измениться, что, несмотря на фонетическое сходство его с этимологически родственными с ним словами, семантическая связь его с последними оказывается совершенно порванной.

Слово *Macht* утратило связь с *mögen*, повидимому, не из-за различия гласных (ср. *tag*, где мы, как и в *Macht*, имеем а) и, безусловно, не из-за различия согласных *g—ch* (ср. *tragen* — *Tracht*, *schlagen* — *Schlacht*), а из-за эволюции его значения. Первоначально оно означало „возможность“, и его связь с *mögen*, употреблявшимся в значении современного *können*, была совершенно очевидной.

Несмотря на фонетическую близость с *denken*, слово *Dank* в современном языке никак с ним не увязывается, этимологически же это родственные слова. Первоначально *Dank* означало „das verlangende Denken“ (*He u ne*) „желание, стремление“; затем — „приз, награда победителю в турнире, в поединке“; в этом смысле у Шиллера в балладе „*Handschuh*“ — *Den Dank, Dame, begehrt ich nicht*; и, наконец, оно приобретает более абстрактное значение „благодарность“.

Лишенное внутренней формы слово Giff „яд“ связано по происхождению с geben. В современном языке эта связь совершенно не осознается исключительно из-за специфического развития семантики Giff. Что фонетические несоответствия не играют при этом никакой роли, доказываемая, во-первых, тем, что чередования «e: || i» и «b || f» распространены в новонемецком (ср. §§ 107 и 99), во-вторых, тем, что слово Mitgift, полностью созвучное со словом Gift, никак не ставится в семантическую связь с последним, а воспринимается как родственное глаголу geben. Первоначальное значение слова Giff, как это и соответствует его этимологии, было „Gabe“ „дар“; дальнейшее развитие его неясно; возможно, что значение „яд“ возникло из иронического (метафора) употребления этого слова. Старое значение мы находим у Лютера: die Almoszen und Gift sammeln, а также как архаизм у Гете: Des Kaisers Wort ist groß und sichert jede Gift.

В современном языке не имеет этимологии слово behende. Генетически оно связано со словом Hand; первоначальное его значение, следовательно, — „находящийся под рукой“, отсюда метафорически — „быстрый“ и наконец — „проворный“.

Слово Schenke „корчма“ (ср. русское *шинок*) утратило первоначально существовавшую связь с глаголом schenken, потому что в последнем старое значение „наливать“ оказалось замененным значением „дарить“ (см. § 587).

Слово fertig утратило внутреннюю форму настолько давно, что даже орфография не сохранила следов его родства с глаголом fahren и пр. Исконным значением fertig было — „zur Fahrt bereit“, а затем уже „bereit“ в самом общем смысле (см. § 587).

Не сохранила указаний на этимологию и орфография слова gescheit (средневерхненем. geschide). Будучи связано с scheiden, gescheit служило обозначением того, кто „умеет различать“, а отсюда благодаря метафорическому употреблению и более общее современное значение „разумный“, не ассоциирующееся более с глаголом scheiden.

Несомненно лишено внутренней формы слово Gerät „утварь“. Если оно в какой-то мере (безусловно в самой незначительной) и ассоциируется со словами Vorrat, Unrat, то это еще не решает дела, так как и эти слова не имеют ясной живой этимологии. Слово Rat, лежащее в основе Gerät, Vorrat, Unrat, имело вначале значение, сходное с современным Vorrat. Это исконное значение сохранилось в рассматриваемой группе слов, семантика же самого Rat настолько эволюционировала, что с точки зрения современного языка трудно себе даже представить, какая связь могла бы существовать между значениями слов Rat и Gerät.

Специфическое развитие значения слова Kunde привело к тому, что оно оказалось в современном языке лишенным внутренней формы. Генетически оно связано с kund и, следовательно, означало первоначально „известный, знакомый“, затем оно, повидимому через торговый язык, получило в литературном языке значение „клиент“, распространенное же в просторечьи значение „Kerl“ обязано своим происхождением воровскому аргю.

Не вполне четкую внутреннюю форму имеет слово *Trift* в значении „пастбище“. Оно образовано от глагола *treiben* (ср. *schreiben* — *Schrift*); развитие его семантики совершенно аналогично развитию семантики русского *выгон*, образованного от *выгонять*; оно основано на метонимии.

§ 593. В предыдущих параграфах мы классифицировали слова, не имеющие в современном языке внутренней формы, соответственно с той причиной, которая привела их к утрате таковой. Мы этим, однако, отнюдь не хотели бы утверждать, что между этими причинами существуют абсолютные границы. Наиболее четко обособляется случай утраты словом внутренней формы вследствие утраты корня или слова, входящего в состав данного слова. Что же касается случая утраты внутренней формы по фонетическим причинам, то в них зачастую играет существенную (а иногда и доминирующую) роль семантическое развитие. Так, в разобранном выше первоначально составном слове *Adler* (см. § 591) редукция второго, слабее ударенного элемента оказалась возможной, повидимому, потому что двухсоставность его семантически мало оправдывалась: *Adler* (*adelar*) было в общем совершенно равнозначным с *Aar*. В справедливости такого утверждения нас убеждает то, что в таких словах как *Fischaar*, *Mausaar* и т. п. второй элемент, здесь семантически существенный, не редуцировался.

Существует кроме того ряд случаев, в которых утрата внутренней формы не может быть объяснена каким-нибудь одним способом. В слове *Urlaub*, например, причину отсутствия живой этимологии придется искать и в фонетическом и в семантическом развитии его. *Urlaub* связано своим происхождением с *erlauben*. Эта связь оказалась в современном языке порванной, во-первых, потому что *Urlaub* вместо старого значения „разрешение“ приобрело новое, более узкое, — „разрешение отсутствовать“ и, наконец, „отпуск“; во-вторых, потому что *Urlaub* сохранило ударение на первом слоге, а вместе с ним и нередуцированный гласный (см. § 114).

Совершенно аналогичный, а в фонетическом отношении прямо тождественный случай представлен в *Urteil*. Это слово, правда, имеет внутреннюю форму благодаря наличию глагола *urteilen*, но он связан генетически и с глаголом *erteilen*, что в современном языке совершенно не ощущается.

Слово *Bursche* лишено живой внутренней формы также благодаря фонетическим и семантическим его особенностям, отличающим его от *Börse*, с которым оно имеет общее происхождение. Оба они восходят к средневековому латинскому *bursa* (пришедшему в немецкий язык через французский), означавшему „кошелек“. В немецком языке это слово приобрело значение дома, общежития для людей (в частности студентов), живущих на коллективных началах. В XV веке оно стало обозначением коллектива молодых людей (*Bursche* см. § 582), с одной стороны, и биржи (*Börse*), с другой стороны; оба эти значения дифференцировались и фонетически. В XVII веке из первого значения развилось современное *Bursch(e)* как название молодого человека, чаще всего студента.

Сложный путь развития как в отношении формы, так и в отношении значения прошло слово *Welt*. В древневерхненемецком — это сложное слово *wergalt*, означавшее соответственно составляющим его элементам „человеческий возраст, поколение“ (см. § 590) и — возможно под влиянием латинского *saeculum* — также „весь человеческий род“. Позднее *Welt* приобретает новое значение „мир, вселенная“. В современном языке существуют оба значения, а может быть правильнее было бы сказать, что оба значения превратились в самостоятельные слова — омонимы. Аналогичный случай мы имеем в русском языке, где слово *мир* в значении „вселенная“ и слово *мир* в значении „люди“ находятся в таких же отношениях.

В слове *allmählich* отсутствие живой внутренней формы обусловлено теми же причинами: между *allmählich* и *gemach* мы не ощущаем никакого сходства, ни фонетического, ни семантического; только история этих слов раскрывает нам связь между ними. В средневерхненемецком *allmählich* имело форму *almechlich* и означало буквально „allbequem“. Любопытно, что оно затем приобретает значение „постепенно“, так же как и аналогично построенное более позднее *allgemach*.

Слово *Heirat*, являющееся по происхождению сложным словом, утратило свою внутреннюю форму благодаря тому, что первая часть его не существует в современном языке как самостоятельная единица, а вторая часть как отдельное слово изменила свое исконное значение. *Hei-* восходит к древневерхненемецкому *hiwo* — „супруг“ или *hiwa* „супруга“; относительно *-rat* см. § 592.

Фонетические и семантические особенности слова *hübsch* являются причиной того, что оно не имеет внутренней формы. Правда, *-sch* осознается, пожалуй, как суффикс прилагательного (*-isch*), но *hüb-* не имеет никакой этимологии. Слово это — одного корня с *Hof*; возникло оно в XII веке, т. е. в период развития рыцарской культуры, как калька (см. § 636) с французского *courtois*; появилось оно одновременно с *höfisch* и имело первоначально то же значение, что и последнее. В средневерхненемецком *hövesch* и *hübesch* были лишь диалектальными вариантами одного и того же слова. В новонемецкий литературный язык, смешанный в диалектальном отношении, вошли оба варианта, превратившиеся в два слова с разным значением. В некоторых диалектах, в частности в восточносредненемецких, *hübsch* сохранило свое старое значение.

Своеобразная фонетическая форма и значение слова *Witz* „остроумие“ лишают его в современном языке связи с глаголом *wissen*, с которым оно имеет общий корень. В древневерхненемецком *wizzi* означало *Verstand*; это значение сохранялось вплоть до XVIII века, а затем перешло в современное значение.

§ 594. Слова, лишенные внутренней формы, представляют известное неудобство; поэтому вполне понятна существующая во всех языках тенденция к „осмыслению“ таких слов. Переосмысление элементов, утративших внутреннюю форму, или замена их элементами, имеющими живую этимологию, носит в лингвистике название народной этимологии.

Случаев народной этимологии в немецком языке немало; мы приводим здесь только наиболее распространенные из них.

Простое переосмысление имело место в названиях дней недели Freitag и Donnerstag; названия эти восходят к дохристианским временам и означали первоначально „день богини Фрей“ и „день бога Донара“, сейчас же они осмысляются как „свободный день“ и „день грома“.

Прилагательное trübselig было переосмыслено как сложное слово, вторая часть которого — selig — связывается с Seele; на самом же деле это слово производное от Trübsal (относительно е вместо а см. § 103).

Слово Sucht этимологизуется в современном языке с suchen, ср. Sehnsucht, Eifersucht, Ehrsucht и т. п., тогда как оно восходит к средневерхнемецкому suht „болезнь“.

Слово Laube „беседка“ связывается в современном языке с Laub, что хорошо согласуется с его значением. По происхождению же эти слова не связаны между собой, не были связаны они и семантически: в древневерхнемецком Laube означало „Schutzdach, Halle, Vorbau“.

Первый элемент в словах Wahnwitz, Wahnsinn „безумие“ связывается в современном языке с Wahn; и в этом случае мы имеем дело с переосмыслением, обусловленным утратой существовавшего в средневерхнемецком прилагательного wân, „leer“ Wahnwitz, Wahnsinn, следовательно, означало „leer an Verstand“.

§ 595. Особенно распространена народная этимология в отношении заимствованных слов, лишенных внутренней формы в заимствующем языке. Так, заимствованное из французского языка hantieren „манипулировать“ (франц. hanter) связывается с Hand, что сказывается в прежних написаниях handtieren, handieren. Такое осмысление возможно, конечно, только потому, что оно не противоречит семантике заимствуемого слова. Слово Laute „лютя“ совершенно естественно осознается как родственное слову Laut; на самом же деле оно является заимствованным через французский язык арабским словом. Корень слова fallieren „обанкротиться“, также заимствованного из французского, отождествляют с корнем глагола fallen.

В обиходной речи многие иностранные слова, сохраняющие в литературном языке свой иностранный облик, подвергаются народной этимологии: непривычные и непонятные звукосочетания (иногда не все слово, а только часть его) заменяются фонетически близкими элементами родного языка; общий смысл слова при этом сохраняется. Таковы, например, русские *гульвар* вместо *бульвар*, *гувернянька* вместо *гувернантка* и т. п. Примером таких народных этимологий в немецком языке могут служить: Jungfernante вместо Gouvernante, zickzackziefe вместо sukzessive, Zanktippe вместо Xantippe, ratzenkahl или rattekahl вместо radikal, vermost вместо famos, Konzertvatorium вместо Conservatorium, futraschieren вместо fouragieren, Hängematte вместо Hamake и т. п.

§ 596. В ряде случаев народной этимологии наряду с переосмыслением имеет место фонетическое переоформление, которое и делает

возможным новое осмысление. Слово Dienstag, например, первая часть которого связывается в современном языке с *diēnen*, на самом деле восходит к *dingestag*. *Ding* имело значение „вече“ и, кроме того, было одним из вариантов имени бога *Ziu*; *dingestag* было построено, таким образом, аналогично *Donnerstag*, *Freitag* (см. § 594).

Слово *Friedhof* „кладбище“ этимологизуется с точки зрения современного языка со словом *Friede*. В средневерхненемецком это слово имело форму *frithof* (*frit* связывают с готским *freidjan* „schonen“), которое и дало в ранненововерхненемецком ожидаемое *Freithof*. Поскольку корень *frit* > *freit* не сохранился больше ни в одном слове, постольку *Freidhof* утратило внутреннюю форму и подверглось фонетическому изменению и переосмыслению.

Слово *Maulwurf* „крот“ генетически ничего общего не имеет с *Maul*, с которым его связывает живая этимология. *Maul* в этом слове восходит к древневерхненемецкому *molta* „Staub“, „Erde“ (ср. готское *mulda* с тем же значением); *moltwurf* или *moltwurf* соответственно и означало „выбрасывающий землю“. Утрата слова *molt* повлекла за собой переосмысление первого элемента *Maulwurf*.

Вторая часть слова *Leinwand* „полотно“ связывается в современном языке с *Gewand*; генетически же оно восходит к утраченному ныне ср.-врх.-нем. *wāt* „одежда“. Слово *wetterleuchten* „сверкать“ (о зарнице) связано генетически не с *leuchten*, а со ср.-врх.-нем. *leichen* „танцевать“; в средневерхненемецком оно имело форму *weterleich*.

Слово *Windhund* „борзая“ народная этимология связывает с *Wind*; в действительности же первая часть этого слова восходит к средневерхненемецкому *wint*, означавшему то же, что и современное *Windhund*.

Непонятное латинское заимствование *arcubalista* „Bogenwurfmaschine“ оформляется по созвучию как *Armbgust*. Простое слово др.-врх.-нем. *absida* (из латинского *absida*) также по созвучию осмысляется как сложное слово *Abseite*.

§ 597. К явлению народной этимологии примыкают, по справедливому замечанию Германна Пауля, такие случаи, когда к непонятному слову прибавляется новое слово, являющееся родовым понятием по отношению к первому. Таковы, например, *Auerochse* „зубр“ вместо средневерхненемецкого *ûr*; *Kebsweib* „наложница“ вместо ср.-врх.-нем. *kebse*; *Maultier* „мул“ вместо ср.-врх.-нем. *mûl*; *Schwiegermutter* „теща“ вместо ср.-врх.-нем. *swiger*; *Windhund* вместо ср.-врх.-нем. *wint*.

В. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ СЛОВ.

§ 598. С семантической точки зрения слова могут группироваться в различных направлениях. Во-первых, они образуют группы этимологически связанных между собой слов; вслед за немецкими лексикологами мы будем называть эти группы семействами слов (*Wortfamilien*), хотя мы вносим в этот термин свое понимание. Дело в том, что немецкие лексикологи не различают живую и неживую этимологию, и потому они нередко объединяют в одном семействе такие слова, которые, будучи одного происхождения, в современном языке семантически никак

не связаны между собой. Мы же понимаем под семейством такую группу слов, которая характеризуется не только формальной общностью корня или иной морфемы, но и известным семантическим единством. В немецком языке благодаря многообразию словообразовательных средств имеются очень большие семейства слов; особенно велики они, если в их основе лежит корень какого-либо сильного глагола, т. е. корень, подверженный аблауту. В качестве примера можно привести семейство слов, связанных с глаголом *binden*: *binden, einbinden, verbinden, Band, Bund, Binde, Verband, Einband, Bindung, Verbindung, Binder, Binderin, verbindlich, verbünden, Verbündete, Bündel* и т. д.

Своего рода семейства составляют также слова с общим суффиксом или префиксом, если последние имеют четкую семантику; опять-таки и здесь недостаточно формальное совпадение; так, слова *Unruhe* и *Untiefe* не входят в одну группу; в одно семейство с *Unruhe* входят — *Ungeduld, Unschuld, unbedingt, unbequem, Unmut, unmöglich* и т. п.; в одно семейство с *Untiefe* входят — *Unmasse, Unmenge, Unzahl* и др. Семейство слов образуют также *arbeitslos, mühelos, rastlos, regellos, schmerzlos* и т. д.

Сказанного достаточно, чтобы уяснить суть дела; перечисление всех семейств слов немецкого языка — задача специального словаря.

§ 599. Очень важной живой словарной категорией является антонимия, т. е. группировка слов, противоположных по смыслу. Наиболее четко антонимы ощущаются в прилагательных: *gut — schlecht, groß — klein, hart — weich, kalt — heiß, trocken — naß, roh — reif, dunkel — hell, früh — spät, hoch — niedrig, hoch — tief, tief — flach, sauer — süß, voll — leer, schwarz — weiß, beweglich — unbeweglich, endlich — unendlich, saftig — saftlos, talentvoll — talentlos, wasserreich — wasserarm, zuckerhaltig — zuckerfrei*.

Распространены антонимы и в наречиях; кроме перечисленных выше наречий, совпадающих по основе с прилагательными, можно привести еще следующие примеры: *oben — unten, vorn — hinten, rechts — links, aufwärts — abwärts, außen — innen, hin — her*.

Менее распространены антонимы среди существительных; однако и они достаточно многочисленны. Во-первых, можно указать, например, на префикс **Un-** в значении отрицания (см. § 378), служащий специально для образования антонимов, например: *Ruhe — Unruhe, Schuld — Unschuld, Einigkeit — Uneinigkeit, Friede — Unfriede, Ordnung — Unordnung*.

Аналогичную функцию имеет и префикс **Miß-**; например: *Erfolg — Mißerfolg, Kredit — Mißkredit, Vergnügen — Mißvergnügen* и т. п. В качестве примеров формально необозначенных антонимов могут служить: *Nutzen — Schaden, Reichtum — Armut, Angriff — Abwehr, Prolet — Kapitalist, Mangel — Überfluß, Frost — Hitze, Friede — Krieg, Tag — Nacht, Morgen — Abend, Sommer — Winter, Norden — Süden, Westen — Osten, Meer — Festland, Bewegung — Ruhe, Leben — Tod* и др.

Среди глаголов также существуют формально обозначенные антонимы; так, для образования глаголов-антонимов служат отчасти префиксы: **ent-**, с одной стороны, и **ver-**, **be-**, с другой стороны; например: *falten —*

entfalten, färben — entfärben, fesseln — entfesseln, vergiften — entgiften, kleiden — entkleiden, kräftigen — entkräftigen, satteln — entsatteln, täuschen — enttäuschen, wickeln — entwickeln, vergraben — ausgraben, belästen — entlasten, bevölkern — entvölkern, bewaffnen — entwaffnen, bewässern — entwässern, sich bewölken — sich entwölken, verhüllen — enthüllen, verschleiern — entschleiern, versiegeln — entsiegeln, verwirren — entwirren и т. п.

Аналогичную функцию имеют также некоторые другие приставки; например: *eingehen* — *ausgehen*, *zunehmen* — *abnehmen* и т. п. Так же как и в существительных и даже чаще чем в последних префикс *miß-*служит для образования антонимов; например: *achten* — *mißachten*, *gefallen* — *mißfallen*, *gelingen* — *mißlingen*, *trauen* — *mißtrauen*.

Из формально не обозначенных, но очевидных антонимов можно привести: *heben* — *senken*, *geben* — *nehmen*, *vergrößern* — *verkleinern*, *kaufen* — *verkaufen*, *bejahen* — *verneinen*, *schließen* — *öffnen* и т. п. Более сложные антонимические отношения имеются в: *stehen* — *gehen* — *sitzen* — *liegen*; *schweigen* — *schreien* — *sprechen* и др.

Некоторое количество антонимов имеется и среди предлогов, например: *vor* — *nach*, *über* — *unter*, *innerhalb* — *außerhalb*, *in* — *aus*, *mit* — *ohne*.

§ 600. Чисто внешние формальные причины лежат в основе объединения омонимов, т. е. слов, одинаково звучащих, но имеющих разные значения. Выше в § 574 говорилось о сложности определения омонима; там имелись в виду омонимы, образовавшиеся вследствие сложного развития семантики одного слова.

Существуют однако омонимы, являющиеся результатом чисто фонетического развития разных слов, в итоге которого они в звуковом отношении совпали. Так, омонимы *Saite* „струна“ и *Seite* „сторона“ восходят: первый к ср.-врх.-нем. *seite*, второй — к средн.-врх.-нем. *site*. Точно так же *Waise* „сирота“ происходит от средн.-врх.-нем. *weise*, а *Weise* во всех его значениях — от *wise* (относительно *Weise* „мудрец“ и *Weise* „образ“ см. ниже). Слово *acht* „восемь“ соответствует древн.-врх.-нем. *ahto*, *Acht* „внимание“ — древн.-врх.-нем. *ahta*, *Acht* „преследование“ — древн.-врх.-нем. *âhta*. Слово *Fest* „праздник“ восходит к ср.-врх.-нем. *fest* (из латинского *festum*), *fest* „крепкий“ к средн.-врх.-нем. *veste*. Слово *Hut* „шляпа“ восходит к средн.-врх.-нем. *huot*, а *Hut* „охрана“ — к ср.-врх.-нем. *huote*. Слово *Kiefer* „челюсть“ известно еще из средневерхненемецкого, где оно имело форму „*kiver*“, слово же *Kiefer* „сосна“ появляется впервые в XVI веке; предполагают, что оно восходит к древн.-врх.-нем. *kienforha* „*Kienföhre*“. *Laib* „каравай“ соответствует средн.-врх.-нем. *leip*, *Leib* „тело“ — ср.-врх.-нем. *lip*; *Mark* „мозг“ восходит к ср.-врх.-нем. *marc*, *Mark* „марка“ — к ср.-врх.-нем. *marke*. Существительное *Rain* „межа“ восходит к ср.-врх.-нем. — *gein*, прилагательное *gein* „чистый“ — к ср.-врх.-нем. *geine*. Слово *Reis* в значении „рис“ является заимствованием из итальянского языка (итал. *riso*), засвидетельствованным в немецком лишь со средневерхненемецкого периода, *Reis* же в значении „ветка“ — старое слово, встречающееся в разных древних германских языках (ср.-др.-врх.-нем. *rîs*, англосаксонское и древнеисландское *hrîs*). *Rost* в значении „ржавчина“ восходит

к средн.-врх.-нем. *rôst*, *Rost* в значении „решетка для поджаривания мяса“ — к средн.-врх.-нем. *rost*. Слово *Schauer* „наблюдатель“, производное от *schauen*, соответствующего средн.-врх.-нем. *schauwen*; *Schauer* „ужас“ — соответствует средн.-врх.-нем. *schûr*. Слово *Span* „стружка“ восходит к средн.-врх.-нем. *spân*, а *Span* „раздор“ — к средн.-врх.-нем. *span*. Слово *Tor* в значении „ворота“ соответствует ср.-врх.-нем. *tor*, а в значении „дурак“ — средн.-врх.-нем. *tôre*. *Weide* как название дерева восходит к средн.-врх.-нем. *wîde*, а *Weide* „пастбище“ — к средн.-врх.-нем. *weide*. Глагол *dichten* „сгущать“ является производным от *dicht* (средн.-верхн.-нем. *dihite*), а *dichten* „сочинять“ восходит к др.-верхн.-нем. *tihîton*, заимствованному из латинского (*dictare*). Слово *Lid* „веко“ соответствует ср.-врх.-нем. *lit*, а *Lied* „песнь“ — ср.-врх.-нем. *liet*; слова эти совпали в произношении, так как *i* в первом слове подверглось удлинению перед простым согласным, а дифтонг *ie* был монофтонгизирован в долгое *i*. *Leiter* „лестница“ восходит к ср.-врх.-нем. *leiter*, *Leiter* „руководитель“ — новообразование, производное от *leiten*.

§ 601. Омонимы, восходящие к одному слову, гораздо более многочисленны, но не всегда вполне очевидны. В качестве бесспорных омонимов, возникших благодаря особому развитию значения исходного слова, можно привести, например, следующие. Слово *Schloß*, связанное по корню с глаголом *schließen*, означало первоначально только „запор“, „замок“; значение „замок“, появившееся в XIV веке, возникло, повидимому, как метонимия; впоследствии метонимическая связь между этими значениями перестала ощущаться и они превратились в разные слова. Слово *Fuß* „фут“ точно так же возникло как метонимическое значение слова *Fuß* „стопа“. В современном языке эти значения обособились как самостоятельные слова не только семантически, но и грамматически: множественное число первого слова — *Füße*, второго *Füße*, напр.: *In der neuern Zeit sind die Füße in den verschiedenen Ländern nach dem französischen Längenmaß bestimmt (Sander s-Wülfing)*.

Омонимы *Schild* „щит“ и *Schild* „вывеска“, которые в современном языке относятся к разным грамматическим родам и по разному образуют множественное число (см. § 170), восходят к одному слову. В средние века слово *Schild* означало только „щит“; так как у рыцарей на щите обычно был изображен герб, то *Schild* стало метонимически обозначать всякое условное изображение, а затем и вывеску. Выше (см. § 576) мы приводили слова *Wort* „слово“ и *Wort* „речь“, сейчас различающиеся и грамматически, а первоначально представляющие собой два метонимически связанных значения одного и того же слова. Омонимы *Stab* „палка, посох“ и *Stab* „штаб“, как это ни странно с точки зрения современного языка, восходят к одному слову. Исходным в слове *Stab* является его значение „палка, посох“: значение „жезл“ — простая, достаточно ясная метафора. Как известно, жезл был атрибутом высшего военного начальства (ср. *Kommandostab* и русское *фельдмаршальский жезл*), а так как при нем всегда находился круг приближенных, то последний метафорически стали обозначать словом *Stab*. От одного слова происходят также омонимы *Stock* „палка“ и *Stock* „этаж“; этим словом было *Stock*, имевшее значения „палка“,

„бревно“, „ствол“. Так как обычно только нижний этаж дома строился из кирпича, верхние же строились из бревен, то эти последние и получили соответствующее наименование. Слово Stockwerk, где Werk имеет собирательное значение (см. § 376), равно как существующее в некоторых частях Германии слово Gestock с собирательным Ge- (см. § 376), не требует дальнейших объяснений; что же касается простого Stock, то мы имеем здесь метонимию типа — целое по части. В омонимах Weise „род“, „вид“, „образ“ и Weise „мелодия“, второй представляет собой по происхождению суженное значение первого; первоначально, таким образом, „вид песни“, затем с утратой связи со старым словом — „мелодия“. Омонимы Band „лента“ и Band „том“ образованы несколько своеобразно; оба они являются специализированными (друг от друга независящими) значениями слова Band, имеющего широкое значение и того, „что связывает“, и того, „что связано“. Своеобразный случай мы имеем в словах Preis „награда“, „приз“ и Preis „цена“. Первое из них было заимствовано из французского языка в средневерхненемецкий период (ср. средн.-врх.-нем. *prîs*; франц. *prix* „награда“); в XVII веке это слово начинает употребляться также и в значении „цена“ в соответствии с развитием этого значения у французского *prix*.

Ряд омонимов обязан своим происхождением т. наз. функциональной семантике (см. § 578). Слово Feder, например, точно так же, как и русское *перо*, первоначально означало только „перо птицы“; так как первоначально писали гусиными перьями, то слово Feder (и русское *перо*) стало метонимически обозначать и „писчее перо“; название это закрепилось не столько за предметом, сколько за его функцией; поэтому хотя мы пишем стальным пером, а не птичьим, мы продолжаем называть его словом Feder („перо“). Слово Rohr первоначально обозначало только „тростник“, затем изготовленную из тростника трубку, а потом и всякую трубку.

Число примеров можно было бы, разумеется, увеличить во много раз, но и сказанного достаточно, чтобы получить представление о тех многообразных путях развития значения слов, которые приводят к образованию омонимов.

§ 602. В лексикологии обычно уделяется большое внимание синонимике. Синонимами называют слова одинаковые или близкие по значению; примером последних могут служить „мороз“ и „холод“; примером первых „здание“ и „дом“. Эти слова можно назвать одинаковыми только в отношении их предметного значения; эмоционально же и стилистически они далеко не однородны. Существование в одном языке двух или нескольких слов, адекватных во всех отношениях, представляется исключительно редким. Уже это одно делает сомнительным наличие в языке синонимических групп, аналогичных группам антонимов. В этом убеждает нас также следующий очень простой эксперимент: любой человек, владеющий русским языком как родным, не задумываясь, скажет, что слову „хороший“ противоплагается слово „плохой“, но каждому придется приложить некоторые усилия, чтобы найти синонимы к этим словам. Таким образом, синонимы приходится рассматривать несколько в ином плане, чем антонимы и семейства слов.

Может быть не случайно лексикология и лексикография больше занимаются синонимикой, чем антонимикой (последней они занимаются крайне мало); говорящему и пишущему помощь в отыскании синонимов оказывается нужнее; не от того ли, что синонимы не составляют групп, подобных антонимическим?

Синонимические связи занимают в системе языка совсем особое место, поэтому они рассматриваются в разделе „слои словаря“ в связи с учением о стилях (см. § 615).

3. СОСТАВ СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.

А. СЛОИ СЛОВАРЯ.

§ 603. При рассмотрении всего словаря немецкого языка становится ясно, что он не представляет собой некоей однородной лексической массы. Напротив, в нем можно обнаружить ряд лексических слоев, различных как по своему отношению к литературному языку, так и по своему социальному смыслу.

При подобном анализе словаря в первую очередь отслаивается вся область т. наз. профессиональной лексики (нем. Berufssprachen), присущей определенным профессиональным группам. Далее отделяется слой жаргонной лексики, характерной также для некоторых профессиональных групп и замкнутых корпораций. В виде одной из разновидностей жаргонов отпадает далее т. наз. аргот, т. е. тайная лексика деклассированных слоев общества. Все эти лексические слои являются проявлением социальной дифференциации в языке. Так как в основном дифференциация происходит здесь в области лексики, а в остальном, т. е. в отношении фонетики, морфологии и синтаксиса, как „профессиональные говоры“, так и жаргон и аргот ничем не отличаются от общего национального языка, то правильнее несомненно словоупотребление „профессиональная лексика“, чем употребительные в западной лингвистике „профессиональные языки“, „тайные языки“ и т. п. (ср. нем. Berufssprachen, Standesprachen, Studentensprache, Geheimsprachen и т. п.).

При дальнейшем исследовании из словаря выделяется слой слов, принадлежащих специальной научной и технической терминологии, сравнительно узко употребляемой в пределах какой-либо науки или области техники.

В результате, после отделения лексического запаса различных социальных групп, с одной стороны, и узкой научной терминологии, с другой, остается тот лексический состав, который можно назвать „общим немецким словарем“. Общий словарь, в свою очередь, тоже неоднороден, но неоднородность эта иного порядка — в основном стилистического. В общем словаре мы можем дифференцировать слова высоко-литературного стиля, разговорного, слова грубые, слова устарелые, неологизмы. Весь этот материал используется в речи в разное время и в разных случаях, в зависимости от данной ситуации и от содержания высказываемого.

§ 604. Создание особой профессиональной лексики исторически связано с разделением труда внутри общества и с цеховой замкнутостью производственных групп, характерной для феодального строя. С усложнением производства происходит и обогащение и усложнение производственного словаря; одновременно с этим в связи с развитием национального языка начинается обобщение территориально дифференцированной профессиональной лексики, которая, однако, в известной мере сохраняет все же свои диалектальные особенности.

Профессиональная лексика пользуется определенной профессиональной группой. Наиболее архаичный и замкнутый характер носит лексика старых ремесел и специальных занятий, как, например, рыбаков, охотников, моряков, плотников, рудокопов и т. п. Более интернациональной, менее изолированной является лексика рабочих промышленных предприятий.

Главное отличие профессиональной лексики от лексики общелитературного языка — это необычайная дифференцированность терминологии. Там, где литературный язык знает только один многозначный и широкий термин, профессиональная лексика обладает десятком выражений, точно дифференцирующих конкретный характер данного процесса или узкое применение данного предмета. Так, например, несведущий в охотничьем деле человек одинаково обозначит хвост лисицы, зайца и какой-нибудь птицы словом русск. *хвост*, нем. Schwanz. Однако, охотник-специалист, для которого оказывается существенным различать хвосты разных животных, употребляет для каждого из них особый термин; напр. немецк. Lunte — хвост у лисы, Rute — у собаки, Fahne — у белки, Blume — у зайца и т. п. Для характеристики звуков, издаваемых различными животными и птицами, мы скажем *кричать*, schreien. У специалиста же всякий крик зверя или птицы, имея определенное для него значение, получит дифференцированное название: tucksen (о диком голубе), spissen (о рябчике), quagen (о бекасе), knappen, schnalzen, schleifen (о глухаре, разные звуки его пенья), rufen (о куропатке), schackern (о сером дрозде), schnippen (о дрозде), zippen (о фазане); trenzen (об олене), bellen или keckern (о лисице), schmälen, melden, schrecken (о серне) и т. п. Для обывателя существуют слова Axt и Veil для обозначения топора, Nobel для обозначения рубанка. У плотника есть ряд слов для дифференциации разных видов топора: Ax, Deissel, Querax, Breitbeil, Handbeil, Stoßax; рубанков: Schlichthubel, Putzhubel, Schrubhubel, Simshubel, Schlichtbank, Ruhbank, Plattbank, Runks, Dübel и много других. То, что мы назовем Segel „парус“, то для моряка представляется множеством совершенно разнородных по функции предметов, имеющих соответствующие специальные термины, для создания которых использованы очень сложные способы словообразования: Achtersegel, Ballonsegel, Beisegel, Obersegel, Untersegel, Vorsegel, Großstengestagssegel, Großbramstagssegel, Großoberleesegel, Großbramleesegel, Großgaffeltoppsegel, Kreuzstengestagssegel, Vormarsleesegel и т. д. и т. п.

§ 605. Профессиональная лексика отличается большой наглядностью, особенно, конечно, в тех ее элементах, которые являются архаичными, а не новообразованиями, использующими более отвлеченные слова.

Наглядность эту можно хорошо заметить на уже приведенных примерах: большинство слов, обозначающих крик животных в охотничьем языке, явно звукоподражательны (см. § 337). Название Rute для тонкого бьющего хвоста собаки, Fahne для пушистого развевающегося хвоста белки, Blume для коротенького, как маленький кустик, хвостика зайца, создают наглядный образ. На языке плотников большой рубанок называется Runks „увалень“ или Bulle „бык“ или Wulf „волк“. На языке немецких моряков голландский корабль называется Holländer, т. е. названием живого лица. В судне различают Bauch „брюхо“, Rippen „ребра“, Nase „нос“ и Bart „борода“. Точно так же на языке плотников рубанок имеет Sool „подошву“, Nees „нос“, Muul „морду“ и Backen „щеки“.

§ 606. Между профессиональной лексикой и общей лексикой немецкого национального словаря существует тесная связь. С одной стороны, как видно из вышеизложенного, профессиональная лексика строится в основном на элементах общенациональной лексики в отличие от жаргонов и особенно от аргю, прибегающих, как мы увидим несколько дальше, к заимствованию из других языков, к нарочитому искажению, к словотворчеству. Профессиональная же лексика использует в основном перенос значения, образ (см. § 578) (Holländer как название судна, Nase часть судна), словообразование (Schlichtbank, Ruhbank, Plattbank для обозначения рубанков, Achter-, Unter-, Vorsegel, Großbramstagssegel для обозначения парусов).

С другой стороны, национальная лексика заимствует специальные выражения из профессиональных говоров, переосмысляя их, расширяя их значение и тем приспосабливая их для литературного употребления.

Особенно сильны следы такого влияния на литературный язык со стороны охотничьей лексики, древность которой насчитывает много столетий. Так, к охотничьей лексике следует возвести: naseweis „любопытный, назойливый“, первоначально о собаке с хорошим нюхом; vorlaut „выскочка“, первоначально о собаке, которая лает раньше срока; unbändig „неукротимый“; bändig первоначально о собаке, которую ведут на поводу; bärbeißig „сердитый“, первоначально о собаке, идущей на медведя; spüren „чуять“, от Spur, первоначально „идти по следу“; hereinfallen „попасть впросак“, первоначально о звере, попадающем в яму; Wind bekommen „пронюхать“, первоначально об охотничьей собаке. Из лексики птицеловов взяты, например, слова: umgarnen „заманивать“, первоначально птицу в сети; Pech haben „не везет“, первоначально о способе ловли птиц на смолу. Из лексики рудокопов взяты: Ausbeute „добыча“, zu Tage fördern „добывать, вызывать“, первоначально „подымать наверх из шахты“, Fundgrube „обильный источник“, первоначально о шахте, Stichprobe „проба наудачу“.

Из профессиональной крестьянской лексики: abgespannt sein „утомиться“, sich ausspannen „отдыхать“, первоначально о распряжке лошадей. Из коммерческого лексикона: leichten Kaufes davonkommen „дешево отделаться“, gewogen „благоклонный“ и т. п.

§ 607. В условиях тесной связанности и организованности какой-нибудь корпоративного типа группы или объединения наряду со специальным словарем постоянно возникают новые слова и выражения для

условной характеристики людей, явлений быта и предметов. Эти обозначения представляют собой клички, образные выражения, ярко выражающие субъективное отношение говорящего к высказываемому и имеющие обычно ясную эмоциональную окраску. Будучи условными, эти слова непонятны для окружающих и дают возможность членам таких объединений вести разговор, остающийся более или менее тайным для непосвященных. Подобные клички и прозвища образуют то, что называют жаргоном. Элементы жаргона имеются в лексике каждой профессиональной группы. Так, например, моряки с юмором и иронией называют повара *Schmierdieb* или *Speisemeister*, врача *Larrer* (от *Larren* тряпка), дни, когда на обед нет мяса, *Kummertage*, крутую кашу *Kalbszähne*, волокнистое консервное мясо называется *Kabelgarn*, капитана называют *der Alte*, старшего штурмана *der Große*, младшего *der Lütt* (маленький).

На языке летчиков метеоролог называется *Wetterdoktor* „врач погоды“ или *Wetterfrosch* „лягушка“, т. к. лягушки квакают перед дождем; начинающий летчик называется *Häschen* „зайчик“, туман — *Waschküche* „прачечная“. Если мотор нерегулярно работает, то говорят: *er kotzt* „его тошнит“.

§ 608. Более типичными примерами жаргона является лексика непромышленных групп, объединенных общей жизнью и бытом и более или менее замкнутых по отношению к другим. Это касается особенно студенческого, школьного и солдатского жаргона.

Для создания студенческого немецкого жаргона характерны следующие способы словообразования и словотворчества: заимствования из других языков в виде слов или словообразовательных элементов, используемых для искажения и переоформления немецких слов, заимствования из лексики других социальных групп, в частности из арго, и переосмысления имеющегося лексического материала, образное словоупотребление, перенос значения и т. п.

Основным источником для заимствования являются классические языки; так, например, университет называется *Athen* „Афины“, причем Виттенбергский — *Elbathen*, Иенский — *Saalathen*, Берлинский — *Spreeathen*, по названиям рек, на которых расположены эти города. Студент называется *Bruder Studio*, деньги — *Moneten* (лат. *moneta*), шутка — *Jux* (лат. *jocus*) и т. п. Распространены латинские и греческие суффиксы, придающие особый вид немецким словам, напр.: *Grobität* „грубость“, *Schwulität* „страх“, *Kühlität* „прохлада“ (лат. суффикс *-itas*), *Pfiffikus* „жулик“, *Schwachmatikus*, „Schwächling“, *Politikus* „политикан“ (лат. суфф. *-icus*); *burschikos*, *studentikos* (греч. суфф. *-ikos*), *Fressalien* „трапеза“, собственно „жратва“ (лат. суфф. *-alia*), *Schlendrian* „рутина“, *Grobian* „грубиян“ (лат. суфф. *-ianus*) и т. п.

Суффиксы французского языка использованы в *Kneipier* „трактирщик“, *Wichsier* „чистильщик сапог“, *Pumpier* „ростовщик“ (фр. суфф. *-ier*); *Iuderös*, *schauderös* „ужасный“, *pechös* „несчастливый“ (фр. суфф. *-eux*); *Kledage* „одежда“ (франц. суфф. *-age*).

Источником для студенческой лексики является также и арго; так из арготической лексики почерпнуты слова *blechen* „платить“, *pumpen* „занимать деньги“, *forren* „дурачить“ и т. п.

Богато используются в студенческой лексике все возможности, которые представляет семантика родного языка: переосмысления, иронические сравнения, игра слов и т. п. Так, педель называется *Pudel*, новичок — *Fuchs* „лисица“, *Mutterkalb* „теленоч“, *Haushahn* „домашний петух“, шеголи — *Pomadenhengste*, девочки-подростки — „*Backfische*“ „жареная рыба“, собственно „свежая рыбка для жаренья“, служанки — *Besen* „мётлы“, бургеры — *Philister*, т. е. „филлистимляне“, с которыми студенты воюют, как в свое время библейский Самсон и т. д. и т. д.

§ 609. Для школьников характерно стремление засекретить свой язык с помощью условных искажений; возникают „тайные“ языки, например, при помощи прибавления к каждому слогу слога с *-b-* или *-p-* (*bi- und pi- Sprachen*), напр. *wipir wopollenen sopofoport parach* *Hausepe gepeln* „*wir wollen sofort nach Hause gehn*“.

§ 610. Лексика жаргона действующей армии типична обилием переосмыслений и семантических переносов, иронических и насмешливых кличек и т. п. Большой материал такого рода дают жаргоны периода первой империалистической войны, что понятно, если учесть те настроения, ту переоценку всех ценностей солдатом, которая происходила в те дни. Каша называется *Schrapnellkugeln*, картофель — *Schrapnell* или *Handgranate*, небритая борода — *Drahtverhau* „проволочное заграждение“, пули — *blaue Bohnen* „синие бобы“, *Fliegen* „мухи“, *Spatzen* „воробьи“, *Bienen* „пчелы“, *Singvögel* „певчие птицы“ и т. п. Пулемет имеет множество названий: *Stottertante* „заикающаяся тетка“, *Totenorgel* „заупокойный орган“, *Steinklopfer* „каменотес“, *Dengelmachine* „стучащая машина“, *Stotterkasten* „заикающийся ящик“, *Tak-tak*, *Mähmaschine* „жнейка“, *Fleischhackmaschine* „мясорубка“, *Durchfallkanone*, *alte Weibergosche* (*Gosche* — рыло), *Drehorgel* „шарманка“, *Nähmaschine* „швейная машина“, *Tippmamsel* „машинистка“, *Dachdecker* „кровельщик“, *Geisbock* „козел“, *Kettenhund* „цепная собака“, *Kaffemühle* „кофейная мельница“, *Stotterbüchse* „заикающаяся винтовка“, *Schuster* „сапожник“, *Sanfter Heinrich* и др.

§ 611. Жаргон деклассированных нищих, бродяг, воров, проституток — так называемое арго (по-немецки *Rotwelsch* от *rot* — на арго „нищий“), возникшее в эпоху разложения феодальных отношений в связи с массовой пауперизацией населения, отличается от вышеперечисленных жаргонов, во-первых, тем, что он, по справедливому указанию проф. Жирмунского, несет профессиональную функцию, существуя не только как забава, а как орудие профессиональной деятельности и как своеобразный способ самозащиты по отношению к враждебному обществу. Во-вторых, арго является действительно тайным языком, потому что в этой тайности и заключается смысл его существования. Правда, надо сказать, что в XIX и XX вв. арго теряет свою изолированность и замкнутость, частично растворяясь в городском жаргоне (по англ. „слэнг“); отдельные его элементы усваиваются и литературным языком.

Основными способами, которыми создается арго, являются, как и для жаргона, — заимствование из других языков, а также использование мало-понятных диалектизмов, переосмысления и переносы значения, а также искажения, намеренно затемняющие смысл слова.

Языком, из которого немецкое арго заимствует много слов, является

еврейский язык, напр.: acheln „есть“, lechem „хлеб“, jochem „вино“, gallach „поп“, maskim „город“, gefahr „деревня“, baldober „доносчик“, besebeln „обманывать“, ganfen „красть“, Karbusche „товарищ“, Kaffer „крестьянин“, karoges „мертвый“, Kluft „одежда“, kosher „правильный“, Moos „деньги“, schachern „торговать“, Schmiere stehen „стоять на страже“ и т. п. Встречаются также искажения латинских слов, напр.: tribis „З“ (<лат. tres), nobis „нет“ (<лат. non), caball „лошадь“ (<лат. caballus), grandig „большой“ (<лат. grandis), benschen „благословлять“ (<лат. benedicere). Из французского взято: barlen „говорить“ (<фр. parler), teet „голова“ (<фр. tête), feneter „окно“ (<фр. fenêtre). Из цыганского языка переняты: balo „свинья“, grai „лошадь“, maro „хлеб“ и т. д. Из диалектов взято: Вухе „штаны“ (из нижн.-нем.), schlunen „спать“ (из швейц.).

Метафоры и другого типа семантические сдвиги характеризуют второй способ арготического словотворчества. Так, ночь называется Schwärze „чернота“, пальто — Windfang („ветролов“), ребенок — Schreiling („крикун“), шляпа — Wetterhahn („флюгер“), корова — Hornbock („рогатый козел“), рыба — Flößling („пльвун“), огонь — Funkert от Funke („искра“), солома — Rauschert („шуршанка“), виселица — Feldglocke („полевой колокол“), ботинки — Trittlinge (от treten „ступать“), трубочист — Schwarzkünstler, кровать — Sanftling (от sanft „нежный, удобный“), отче-наш — Himmelsteig („тропинка на небо“) и т. п.

В качестве искажений языка приведем двдвижение в слово слогов, аналогичное показанному выше (см. § 609), далее перестановку слогов, как, напр.: thulerisch вместо lutherisch „лютеранский“, ückbre вместо Brücke „мост“, uckelbe вместо Bückel „горб“ и т. д.

Ряд слов из жаргона и арготично вошли в литературный немецкий язык, будучи, правда, обычно словами низкого стиля. Так, например, к студенческому языку восходят: Philister „филистер“, büffeln, oxshen „зубрить“, Grobian, Backfisch. Через студенческий язык из арготично проникли рипшен, blechen, forpen и др. Также из арготично распространяются в литературный язык такие слова, как Kneipe „трактир“, Rotwelsch, Gauner „мошенник“, Hochstapler „авантюрист“, Ranzen „ранец“, schachern „торговать“, kohlen „болтать вздор“, karoges gehen „погибать“, Schmiere stehen „сторожить“ и много других.

§ 612. В то время как профессиональная и жаргонная лексика существуют, как правило, в устной форме речи и свойственны узкому кругу корпоративно связанных людей, научная и техническая специальная терминология принадлежит прежде всего письменному книжному языку. Этим объясняется то обстоятельство, что научная и техническая терминология не является такой замкнутой в самой себе, как лексика, напр. охотничьего дела. Она проявляет в гораздо большей степени тенденцию к объединению и едина не только в общенациональном смысле, но частично и интернациональна. Далее, научная и техническая терминология касается только специальных предметов, процессов и понятий, не охватывая более общих явлений; как раз эти элементы жаргона типичны для профессиональной лексики, поскольку ею поль-

зуются люди, обычно объединенные не только общими условиями работы, но и условиями быта. Научная терминология не отличается, наконец, образностью в способе выражения; напротив, она нередко состоит из самых отвлеченных слов.

Не всегда слова, употребляющиеся в языке науки и техники, относятся к специальной терминологии. Ясно, что слова *experimentieren*, *untersuchen*, *beobachten*, *analysieren*; *Versuch*, *Forscher*, *Analyse*, *Synthese*, *Hypothese*, *Folgerung*, *Ursache*, *subjektiv*, *objektiv*, *adäquat* или русские *исследовать*, *изучать*, *синтезировать*, *опыт*, *познание*, *аналогичный*, *теоретический*, *эмпирический* не принадлежат какой-нибудь одной отрасли науки или техники; больше того, они присущи не только научному и техническому словарю, но входят и в общий национальный лексический запас. Однако надо заметить, что в общем употреблении и в употреблении специальной отрасли науки слова эти будут иметь существенно разный смысл — в первом случае более общий, широкий, отвлеченный, а во втором — более конкретный, приспособленный к нуждам и понятиям данной специальности.

§ 613. Кроме такого общенаучного словаря каждая наука и каждая отрасль техники обладает весьма специальной терминологией, отражающей те явления и предметы, которые свойственны только этой узкой области. Так, для медицины специальными терминами будут, напр.: *Adipositas* „общее ожирение“, *Kehledekeleitung* „нагноение надгортаника“, *mischinfiziert* „зараженный смешанной инфекцией“, *Pleura-adhäsion* „сращение плевры“, *Fazialislähmung* „паралич лицевого нерва“, *Fötal-leben* „внутриутробная жизнь“, *Fraktur* „перелом“, *Hautschwärze* „черная пигментация кожи, меланос“, *Luxation* „вывих“, *Kontraindikation* „противопоказание“ и т. п. К специальной области анатомии относится, напр.: *Augenhöhenschlagader* „глазная артерия“, *Brustglied* „верхняя конечность“, *Kaumuskelnerv* „жевательный нерв“, *Chylusdarm* „тонкие кишки“, *Thoraxwand* „грудная стенка“, *Ventrikel* „желудочек“ и т. п. К области авиации и воздухоплавания принадлежат: *Abdrängungswinkel* „угол сноса“, *Aerodiaphanometer* „измеритель прозрачности воздуха“, *Aerometrie* „аэрометрия“, *Elementarwirbel* „первоначальное завихрение“, *Gasstarter* „газовый стартер“, *Jagdeinsitzer* „одноместный истребитель“, *Ruhekabel* „обратный трос“, *Stirnkühler* „лобовой радиатор“, *Zollflughafen* „таможенный аэродром“. Специальной лингвистической терминологией можно считать: *Diphthong* „дифтонг“, *Monophthong* „монофтонг“, *Lautverschiebung* „перебой звуков“, *uvular* „увулярный“, *semasiologie* „сема-сиология“, *Sproßvokal* или *Svarabhakti-vokal* „неорганический гласный“, *Pleonasmus* „плеоназм“, *Hypotaxis* „гипотаксис“, *Parataxis* „паратаксис“, *Ablaut* „аблаут, изменение коренной гласной“, *kombinatorischer Lautwandel* „комбинаторное звуковое изменение“, *Euphemismus* „эвфемизм“, *Agglutination* „агглютинация“, *Interjektion* „междометие“.

§ 614. В очень многих случаях значение слова в специальном словаре какой-нибудь науки настолько обособляется от его общего значения, что их приходится считать за разные слова. Так, например, *gerade* и *ungerade*, значащие в общелитературном словаре „прямой“ и „непрямой“, в языке математики приобретают также значение „чет-

ный“ и „нечетный“, из специальной математической лексики они вновь попадают в общий словарь, но уже с измененным значением. Корень Wert „цена, достоинство“ в химической терминологии имеет специальное значение валентности, ср. Wertigkeit, „валентность“, wertig „валентный“. Слово Bahn, значащее „путь, дорога“, в языке железнодорожного дела обозначает „полотно железной дороги“, в кузнечном деле „верхнюю поверхность наковальни“; Band, обозначающее „лента, связь“ в общем языке, в специальной терминологии имеет следующие значения: *плотн.* „вязка в лапу“; *радио-дело:* полоса; *горн.* „слой, жила, пласт“; Karazität в общем словаре значит „способность“, в словаре физики „емкость“ и т. п.

§ 615. Выше указывалось уже на то, что общий словарь неоднороден, что в нем можно обнаружить различные слои слов, относящиеся к различным сферам употребления, к различным „стилям“: это выступает с особенной ясностью при изучении синонимов (см. § 602). Учение о словарных стилях крайне мало разработано в лингвистике вообще и почти совершенно неизвестно немецкой лексикологии. Правда, практическая лексикография постоянно наталкивается на проблему стиля, к этому вынуждает ее самый словарный материал. В словарях (в том числе и немецких) мы встречаем при тех или иных словах ремарки: „грубое слово“, „в возвышенной речи“ и т. п., но систематически сквозь весь словарь это нигде не проведено, да это и вполне понятно, поскольку классификация стилей остается пока совершенно не разработанной. При таком состоянии науки мы, разумеется, не можем дать здесь полного обзора словарных стилей немецкого языка. Мы стремимся лишь показать некоторые вехи, ведущие к построению их классификации. При этом мы базируемся на теории словарных стилей проф. Л. В. Щербы, согласно которой в каждом языке наряду со слоями различных стилей существует слой „бесстилевых“ слов, или иначе — слов нейтрального стиля. Так, например, если взять группу русских т. наз. синонимов *есть, кушать* и *жрать*, то первый из них будет бесстилевым словом, поскольку оно является нейтральным обозначением соответствующего действия; слово *жрать* будет относиться к грубому стилю, а слово *кушать* к подчеркнуто вежливому стилю; мы говорим здесь о подчеркнуто вежливом стиле потому, что именно это отличает его от *есть*, последнее тоже вежливое слово, но этот оттенок в нем в отличие от *кушать* специально не ощущается. Любопытно сопоставить пару *есть* и *жрать* с немецким *essen* и *fressen*; последнее должно быть отнесено скорее к нейтральному стилю, ибо по отношению к животным оно будет совершенно таким же, как и *essen* по отношению к человеку; по-русски в обоих этих случаях будет употреблено „есть“; ср. *der Mensch isst, das Pferd frisst* — человек ест, лошадь ест. Таким образом, *fressen* будет звучать грубо только в сочетании *der Mensch frisst*, тогда как *жрать* само по себе является словом грубого стиля.

§ 616. В этом параграфе мы приводим лишь ряд примеров, иллюстрирующих разные словарные стили. В паре слов *Kopf* и *Haupt* первое будет словом нейтрального стиля, второе — высокого стиля; так, можно сказать и *den Kopf neigen* и *das Haupt neigen*; *den Kopf, das Haupt*

heben, senken, hoch tragen и т. п. Все эти выражения, разумеется, не будут адекватны; den Kopf neigen соответствует русскому *наклонить голову*, а „das Haupt neigen“ *склонить голову* и т. д., но все они возможны. С другой стороны, в сочетании с глаголом waschen возможно только бесстилевое Kopf (den Kopf waschen). В группе Gesicht, Angesicht и Antlitz первые два относятся между собой как Kopf и Haupt; третье является словом торжественного стиля; ни Angesicht ни Antlitz невозможно употребить с определениями вроде rotes, langes, böses. Неуместно Antlitz, скажем, и в таком выражении, как: wir sahen uns von Angesicht zu Angesicht. Специфику Antlitz хорошо иллюстрирует следующая цитата: Du wendest schauernd dein Gesicht, o König. So wendete die Sonn' ihr Antlitz weg (Goethe). Изысканным по сравнению с Backe является слово Wange; его нельзя назвать словом высокого стиля, скорее оно относится к подчеркнуто вежливому стилю; поэтому оно было бы совершенно неуместным в таком несколько фамильярном выражении как mit vollen Backen kauen. Слово der (die) Alte относится в основном к нейтральному стилю, но в выражениях mein Alter, meine Alte в значении „мой муж“, „моя жена“ оно становится словом фамильярного стиля; однозначное с ним слово Greis относится к высокому стилю. В значении „жена“ нейтральным словом в современном языке является, пожалуй, Frau, относившееся первоначально к возвышенному стилю. Старое нейтральное слово Weib благодаря тому, что оно стало эфемизмом для безнравственной женщины, в значении „жена“ звучит фамильярно.

В группе essen, speisen и genießen первые два глагола относятся между собой так же, как русские *есть* и *кушать*, поэтому в таких несколько грубоватых выражениях, как sich dick или voll essen, замена последнего глаголом speisen вряд ли была бы допустима. Глагол genießen относится к высокому стилю (мы здесь не имеем в виду употребление этого слова как физиологического термина); любопытно отметить, что прилагательное genießbar является скорее словом нейтрального стиля. Существительные Essen и Speise различаются так же, как соответствующие глаголы, а Nahrung является словом ученого, книжного, официального стиля. К различным стилям относятся приблизительно равнозначные ansehen, schauen, gucken, glotzen и gaffen; первое является нейтральным словом, второе (по крайней мере в северной Германии) относится к изысканному стилю, третье — фамильярное, четвертое и пятое — грубые слова. Глагол greinen — грубое слово; weinen — нейтральное; в таких выражениях, как aus Mitleid weinen, sie weinte zum Stein erweichen, — greinen совершенно немислим. Очень ясно отличаются по стилю глаголы sterben, verscheiden, krepieren; первый из них относится к нейтральному стилю, второй к изысканному и третий к грубому (ср. русское *умереть*, *скончаться* и *подохнуть*).

Одно из значений слова Lager совпадает с Bett; оно является при этом словом высокого стиля, тогда как Bett относится к бесстилевым словам. Слова Schwanz и Schweif в основном различаются по стилю; Schwanz слово нейтрального стиля, Schweif — изысканного; этим и объясняется то обстоятельство, что по отношению к части платья можно упо-

требить только слово Schweif: для „шлейфа“ естественно больше подходит изысканное слово. К торжественному стилю относится слово Gemach, противопоставляющееся стилистически нейтральному Zimmer; ср. Warum verhüllt ihr nicht Gemach und Saal mit schwarzem Krepp? (Goethe). К торжественному стилю относится также слово Gabe, ср. ohne Wahl verteilt die Gaben ... das Glück (Schiller); его синонимом нейтрального стиля будет Geschenk. Нейтральному слову bitten противопоставляется изысканное ersuchen; последнее вместе с тем относится также и к канцелярскому стилю. Совершенно в таком же отношении друг к другу находятся слова erlauben и gestatten. Словом изысканного стиля по отношению к schicken является senden; не случайно слово „посол“ der Gesandte образовано от последнего. Слово Schulmeister можно определить, как слово пренебрежительного стиля, Lehrer как бесстилевое.

Трудно определить стиль глагола kriegen, он безусловно относится к более низкому стилю, чем bekommen, однако, он не может быть квалифицирован как грубое слово. То же можно сказать и в отношении пары — sprucken и spreien.

Большую и довольно четкую стилистическую группу образуют т. наз. архаизмы, т. е. устаревшие слова, употребляемые только или преимущественно в поэзии. К архаизмам относится Gewand, которому в нейтральном стиле соответствует Kleid, Lenz наряду с Frühling; так же соотносятся Oheim и Onkel, Zähre и Träne, Eidam и Schwiegersohn, Hain и Wald, Hort и Schatz и т. п.

Что касается неологизмов, новотворок, то они также играют важную стилистическую роль в языке художественных произведений, но в общем словаре их трудно выделить, ибо они попадают в него, как правило, уже потеряв свою новизну. Провинциализмы же (или диалектизмы), также используемые стилистически, в общий словарь не входят.

Б. СЛОВА НЕМЕЦКИЕ, ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНОСТРАННЫЕ.

а) ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ.

§ 617. Обычно принято делить состав немецкого словаря на следующие категории: слова немецкие, слова заимствованные (Lehnwörter) и иностранные (Fremdwörter).

Словами немецкими считается тот „исконный“ слой, который имеет закономерные соответствия в других индоевропейских языках или же не имеет этимологии вовсе. Так, с точки зрения этой классификации, немецкими словами будут: Vater (лат. pater, греч. patēr), Herz (лат. cors, cordis, греч. kardia, русск. *сердце*), Garten (лат. hortus, греч. chortos), Mund (лат. mentum „подбородок“), Wasser (греч. hýdōr, русск. *вода*), gebären (лат. fero, греч. pherō „несу“, русск. *беременная*), sehen (лат. sequor „следую“), zeigen (без индоевропейской этимологии), haben (связывают с лат. capio „хватаю“), fragen (лат. precor „прошу“, русск. *просить*), sitzen (лат. sedeo, русск. *сидеть*), voll (лат. plenus, русск. *полный*), viel (греч. poly-), hundred (лат. centum, греч. hekatón, русск. *сто*), zwei (лат. duo, греч. dyo, русск. *два*), ab (греч. ápo), nun (лат. nunc, греч. nú, пún, русск. *ныне*) и т. п.

Словами заимствованными называют слова, проникшие в немецкий язык сравнительно давно, проделавшие длинный путь развития вместе с „исконными“ немецкими словами и акклиматизировавшиеся настолько, что ни по форме, ни по содержанию не выделяются среди незаимствованных слов. Такими словами являются, например: Wein, Pfund, Spiegel, Preis, Grenze, fein, nett, liefern, tanzen.

Как иностранные слова определяют те лексические элементы, которые были восприняты в язык значительно позже и существенно иным путем, т. е. не на путях бытового, торгового и культурного сближения народов, а главным образом через книгу. В результате слова эти лучше сохраняют свою иноязычную форму и ударение, что дает возможность легко выделить их на фоне немецких и онемеченных слов. Таким образом в разряд иностранных слов попадут и Revolution, Demokratie, Sozialismus, Physik, Mathematik, Natur и Boudoir, Kupidität, Gentleman, Spleen.

§ 618. Такая классификация принята в немецкой и даже в нашей лексикологии. Она неприемлема с точки зрения исторической лексикологии и безусловно неудовлетворительна с точки зрения современного немецкого языка. Действительно, можно ли в современном языке поставить на одну доску слово Revolution и слово Gentleman? И то и другое по своей форме обнаруживают черты, не свойственные или необычные для немецкой произносительной и графической нормы. Так, написание через „v“, отчасти и ударение, указывает на иностранное происхождение слова Revolution. О том же говорит и g «dz» в слове gentleman. Несмотря на это, слово Revolution, являющееся с общелингвистической точки зрения интернациональным, с точки зрения немецкого национального словаря является именно немецким словом, так же, как для русского словаря *революция* есть слово русское. Слово Revolution настолько сжилось с немецким словарем, настолько обычно и понятно всякому, говорящему на немецком языке, увязано такими тесными связями с сознанием немецкого народа, возбуждает столько исторических и социальных ассоциаций, что изъятие его из словаря создало бы незаполнимую лауну, а замена привела бы к неизбежному выхолащиванию и искажению содержания. В то же время Gentleman — слово узкого и случайного употребления и с ни к чему не обязывающей историей. Вполне мыслима его замена немецкими словами вроде Ehrentann, Mann von Stande, Mann von Erziehung. Если нас и не совсем удовлетворяет такая замена, то только потому, что словом Gentleman мы хотим выразить нечто, специально свойственное английскому быту, английским типам и нравам. Но в этом случае слово это действительно не немецкое, а иностранное. Аналогичным образом можно сопоставить, например, Bibliothek и Boudoir.

С точки зрения современного языка выделение группы „заимствованных“ слов, как она описана выше, также лишено смысла: для современного языка нет никакой разницы между Amt и Dienst, Eisen и Gold, liebkosen и küssen, kosten и zahlen, Küche и Stube, Pferd и Roß, nett и hübsch. Значение этих слов различное, но все они являются одинаково немецкими, несмотря на то, что Amt и Eisen заимствовано

из кельтского, (lieb)kosen, kosten и Küche из латинского, nett из французского. Для определения их происхождения необходим исторический лингвистический анализ, для современного языкового сознания оно неопределимо.

Различение заимствованных слов и иностранных создает далее удобную позицию и благодарную почву для пуристической борьбы с этими последними. И действительно, такие слова, как Telephon, Biologie, Analyse, intellektuell, objectiv, normal, isolieren и т. п. объявляются пуристами словами лишними и ненужными.

Традиционная классификация, несмотря на кажущуюся историчность, по существу является антиисторической. Действительно, с точки зрения историко-лингвистической заимствованные слова в вышеприведенном понимании отличаются от „немецких“ только тем, что они появляются в языке в историческое время и поэтому источник их появления, время его введения и дальнейшее развитие оказываются документально подтвержденными. Относительно же многих „исконных“ слов нельзя сказать с полной точностью, откуда, на путях каких скрещений, сближений и расхождений между народами они появились в языке.

Исключительно формальный критерий для определения заимствованных и иностранных слов также неудовлетворителен с исторической точки зрения. Нельзя считать слова чужими только потому, что форма их не приспособилась по отношению к языку, куда они попадают. Совершенно очевидно, что между заимствованиями первых веков немецкой языковой истории, происходившими главным образом устным путем, и заимствованиями позднейших времен, шедшими путем „ученым“, книжным, обязательно должно было создаться известное различие: заимствования первого типа быстрее и лучше приспособлялись к господствующей норме; слова второго типа лишь слегка изменяли свою форму, ориентируясь при этом главным образом на написание. Сюда присоединяются еще интернациональные тенденции эпохи развивающегося капитализма, создающие слой слов с интернационально-понятными формой и содержанием. Таким образом исторически обусловленным является в одном случае ассимиляция формы, в другом ее сохранение.

Для решения вопроса, какие слова в процессе языковой истории сохраняются, а какие исчезают, формальный критерий также не может служить единственным средством определения. Слова укрепляются в языке, когда они имеют значение для него, когда они обозначают новый предмет или понятие, когда они создают особый оттенок, придают высказыванию особый смысл, когда они тем самым становятся незаменимыми. Слова исчезают тогда, когда их породила преходящая мода, когда немецкий язык сам имел для выражения данных понятий адекватные средства. Не потому сохранилось liefern ((фр. livrer), tanzen ((фр. danser), Harnisch ((фр. harnais), и пропали schanzun ((фр. chanson) „песня“, covertüre ((фр. couverture) „покрывало“, amis ((фр. ami) „друг“, Kombatt ((фр. combat) „битва“, discouragieren ((фр. décourager) „обескураживать“, что в первом случае форма была способна к ассимиляции, а во втором нет. Это произошло потому, что одни слова служили для выражения понятий и предметов, имевших важное для общества значение, заим-

ствованных вместе со словом и сделавшихся необходимыми; другие же явились излишними, так как имели соответствующие параллели в родном языке и были порождением временного увлечения языком, бывшим в то время в моде. Недаром самые заядлые пуристы все же мирятся с существованием таких слов, как *Natur, Musik, Ideal, Humanität, Kultur*. Форма их так же мало ассимилирована, как и у сотни других — следовательно, не в форме дело. Значение этих слов и выражаемых ими понятий, крепкие интернациональные связи, соединяющие их с другими языками, невозможность их замены, — вот что делает их для языка необходимыми.

§ 619. С современной точки зрения немецкий словарь должен быть разделен на слова: 1) немецкие, 2) интернациональные, 3) иностранные.

При этом под словами немецкими мы понимаем слова как заимствованные, так и заимствованные, прочно вошедшие в язык, ничем выделяющиеся от других ни по форме, ни по выражаемому ими содержанию. Немецкими словами мы назовем, следовательно: *Tag, Befehl, Kraft, Bildung, Bäcker, Leben, messen, arbeiten, beantworten, mißbilligen, schön, groß, feindselig, begeistert, neben, und* и т. п.; *Grenze, Lampe, Meister, Metall, Eisen, Tasse, Papier, Pferd, kochen, liefern, liebkosen, laben, pflanzen, matt, nett, kraß* и т. п.

§ 620. Интернациональными словами мы называем слова, являющиеся общими для самых различных языков мира, выражающие главным образом научные, политические и культурные термины и свидетельствующие об интернациональном характере современной науки и культуры. Они в большинстве своем образованы от латинских и греческих корней; однако и слова различных национальных языков могут приобретать такое широкое значение, что становятся международными (подробнее см. § 631 и далее). Мы подчеркиваем однако еще раз, что слова, интернациональные в том смысле, что они общи самым различным языкам мира, являются с точки зрения каждого из национальных словарей национальными, т. е. русскими, немецкими и т. д.

Примерами могут служить: *Physik, Mathematik, Physiologie, Theater, Kinematograph, Automat, Automobil, Klasse, Demokratie, Sozialismus, Kommunismus, Revolution, stimulieren, photographieren, charakterisieren, sympathisieren, physisch, politisch, absolut, relativ, subjektiv, abstrakt, analog, ideal, materiell* и т. п.

Форма интернациональных слов в известной мере приспособляется к морфологической и фонетической структуре соответствующих национальных языков. Поэтому оформление их в различных языках представляет известные особенности. Сравним напр.: нем. *Chemie* «*çe'imi:*», русск. *химия* «*ix'im'ija*», франц. *Chimie* «*ʃimi:*», англ. *chemistry* «*l'kemi:stri:*»; нем. *Philologie* «*filo'lo'gi:*», русск. *филология* «*filo'logija*», франц. *philologie* «*filolo'zi:*», англ. *philology* «*fil'loledʒi:*»; нем. *absolut* «*apzo'lu:t:*», русск. *абсолютный* «*apso'l'utnyj*», франц. *absolu* «*apso'ly:*», англ. *absolute* «*læbsəlu:t*» и т. п.

Приспособление в немецком языке осуществлено постольку, поскольку в интернациональных словах не встречается элементов, совершенно несвойственных системе немецкого языка. Но некоторые элементы, харак-

терные для интернациональных слов, мало распространены среди слов немецких. Так, например, ударение, стоящее в интернациональных словах, обычно на последнем слоге (ср. Politik, Biologie, absolut, Mathematik, Kommunismus), не противоречит норме немецкого языка, потому что такое ударение возможно и в немецких словах (ср. § 114). Однако оно среди последних встречается не часто, в то время как обязательное его присутствие в большой группе интернациональных слов выделяет их из общей массы.

Своеобразие оформления интернациональных слов вызывало и вызывает ожесточенную травлю против них со стороны пуристически настроенных кругов. Мы видели, однако, что особенности эти объясняются, с одной стороны, тем специфическим путем, каким проникали в язык эти слова, а с другой, тем, что они образуют не национально ограниченный круг слов, а интернациональный лексический слой, объединяющий и сближающий языки между собой.

Второй особенностью интернациональных слов является отсутствие в них внутренней формы, с точки зрения корней немецкого языка. Действительно, слова Telefon или Monolog или Biologie в своих отдельных элементах не могут быть связаны в этимологическом и смысловом отношении ни с какими корнями немецкого языка. Однако вся система интернационального словообразования приводит к тому, что постоянно повторяющиеся значащие элементы приобретают ясное смысловое значение для говорящего. Tele-, повторяясь в Telegraph, Telefon, Telescop, ассоциируется со значением чего-то дальнего, невидимого: „fern“ и новое слово, например, Telefunken „радиотелеграфия“, будет воспринято, как слово знакомое. То же можно сказать об элементах topo-, -log и bio-. Таким образом, путем ассоциаций, у многих слов воссоздается „внутренняя форма“ слова. Интересной иллюстрацией этого процесса является слово „Philologie“ или русское *филология*. Составная часть *-логия* встречается в десятках слов (греч. logos „слово“, т. е. собственно *-словие*), обозначающих название науки, напр.: *биология, геология, палеонтология, физиология, френология, фармакология, остеология, зоология, антропология* и др. Таким образом *-логия* воспринимается, как некий словообразовательный суффикс, служащий для производства названий научных дисциплин. *-логия* может даже служить для образования производных от русских слов, напр.: *болтология* „псевдонаука“. Естественно, что и в слове *филология* окончание *-логия* воспринимается совершенно так же. Вместе с тем как раз в этом случае *-логия* здесь имеет другое значение, а именно: греч. filo „люблю“ + logos „слово“ дают сочетание „любовь к слову“, т. е. „изучение слова, наука о слове“; таким образом *-лог-* здесь несет основное значение, а не вспомогательное. Несмотря на это, *-логия* благодаря прочным и многочисленным ассоциативным связям и здесь понимается так же, как и в словах *физиология, биология* и т. п.

Необходимо отметить однако, что известным тормозом для полного понимания и внедрения интернациональной лексики является недостаточность образования широких масс в капиталистическом обществе, где просвещение является классовой привилегией. В обществе же социа-

листическом, где широкий путь к знанию открыт всему народу, это препятствие, несомненно, устраняется.

§ 621. Третьей группой в нашей классификации являются иностранные слова. Критериями для определения понятия „иностранных“ слов служат следующие соображения. Во-первых, особенности в форме этих слов, стоящие в резком противоречии с системой языка. Отличия эти, главным образом, отличия фонетического и орфографического характера. Так, например, Journal «ʒu:na:l» заключает звук «ʒ», несвойственный фонетической системе немецкого языка. Написание **и** через **ou** также целиком перенесено с французского. Относительно «ʒ» то же можно сказать в случаях Loge «lɔ:ʒə», gestikulieren «ze'sti'ku'li:rən». Bonbon «böbö» заключает несвойственное немецкому языку носовое «ö», которое язык и стремится заменить (ср. произношение «bö|bö|»); gentleman «dʒentlmən» имеет dʒ, не встречающееся в прочих словах. Написания Boudoir, Spleen, echauffieren, Detail ясно свидетельствуют об их иностранном происхождении.

Во-вторых, параллельно с иностранным словом обычно существует адекватное ему немецкое слово; при этом не выдуманное в целях „онемечения“ (Verdeutschung), а реально существующее в лексическом запасе данного языка. На эту возможность замены иностранного слова аналогичным словом родного языка обращает внимание В. И. Ленин, давая оценку „иностранных“ слов в языке. Ленин считает возможным и необходимым избегать употребления иностранных слов там, где для этого нет необходимости. Для него, повидимому, это, как и для нас, как раз делает слово „иностранном“. Ср. Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 662: „Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности... К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?“ Так, Detail имеет дублет Einzelheit, Besonderheit; gestikulieren — по-немецки sich gebärden, miserabel звучит по-немецки elend, eblouissant будет blendend, glänzend; geminiieren имеет немецкий адекват verdoppeln и т. п. Вот в этом мы видим важный различительный момент между интернациональными словами и словами иностранными. Слова Revolution и *революция* мы назовем интернациональными в том смысле, что они принадлежат лексике множества народов. С точки зрения национального словаря мы назовем Revolution немецким словом, а *революция* русским. В противном случае, если это иностранные слова, то позволительно будет спросить: как же Revolution по-немецки? Как же *революция* по-русски? Всякая замена Revolution через Umwälzung, Umsturz, Volkserhebung, Aufstand, Aufruhr или русского *революция* через *мятеж, бунт, восстание, переворот* приводят к искажению слова, неполноценности термина и фальсификации понятия. В случае же eblouissant на подобный вопрос мы ответим blendend, glänzend.

Наконец, третьим критерием в некоторых случаях будет заключенная в слове иностранная идеология. При употреблении Gentleman „джентльмен“, Spleen „сплин“, Snob „сноб“, Slang „слэнг“ мы можем ощутить необходимость в этих словах именно потому, что содержание их типично для нравов, быта, идей того народа, из языка которого мы их берем.

Мы можем употребить разные слова вместо *сплин*, но тогда нам не удастся передать это свойство с его типично английской характеристикой. Слова заимствованные, до тех пор пока они не входят в язык, как слова национальные, сохраняют этот налет иной, специфичной идеологии.

б) ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРЯ ПУТЕМ ЗАИМСТВОВАНИЙ.

§ 622. Из вышеизложенного видно, что принятое деление слов на немецкие, заимствованные и иностранные неверно с точки зрения современного языка, неудовлетворительно с точки зрения исторической и реакционно с политической точки зрения, так как оправдывает шовинистическую травлю того интернационального лексического богатства, которым располагают отдельные национальные языки.

С нашей точки зрения все слова, заимствованные в течение истории немецкого языка, дифференцировались в процессе языкового развития на слова немецкие ограниченного употребления, немецкие слова интернационального значения и слова иностранные.

История заимствования иностранных слов, обогащающих лексический инвентарь языка, отражает историю культурных, политических и экономических взаимоотношений данной страны с другими странами. В условиях неравномерности развития классового общества более передовая страна неизбежно должна влиять на более отсталую. „Всякая нация может и должна учиться у других“ говорит К. Маркс (Капитал, пред. к I изд., Москва, 1932, стр. XV). Подобные взаимодействия имеют место и на заре классового общества, в результате экономического и культурного сближения народов, в результате известного идеологического обмена или одностороннего влияния; но особенно сильно проявляются языковые взаимовлияния в эпоху развития капитализма, когда по словам Маркса—Энгельса: „Своей эксплуатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран. ... Прежняя местная и национальная замкнутость и самодовление уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов как в области материального, так и в области духовного производства. Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными, и из многих национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература“. (Маркс—Энгельс, Ман. Ком. Партии, стр. 486 и сл. Собр. соч. т. V).

§ 623. Немецкий язык отнюдь не изолирован в своем развитии от других языков. Он испытывает на себе влияние самых различных идиомов вместе с влиянием той страны, с которой немецкий народ приходил в соприкосновение. Таким образом немецкий язык не является и не может являться таким „чистым“, каким его изображает буржуазно-националистическая наука.

Первым народом, влияние которого засвидетельствовано для германских языков и в том числе для немецкого, являются кельты. Отдельные слова немецкого словаря культурного и общественно-политического

значения заимствованы из кельтского языка. Так, например, название железа — Eisen кельтского происхождения (⟨кельт. ísarn). Кельтскими являются слова Amt из ahd. ambaht (⟨кельтск. ambactus „слуга, подчиненный“) и Reich „государство“ из ahd. rihhi (⟨кельт. rīz „вождь, господин“). Название кельтского племени Volcae послужило образованию немецкого welsch (из ahd. walahisc), слово, которое со временем сделалось обозначением вообще всего романского.

§ 624. С I века нашей эры германцы приходят в соприкосновение с римским государством и римской культурой. Ряд заимствований из латинского языка, относящихся к этой эпохе, говорит о том влиянии, которое более высокая земледельческая, военная и духовная культура римлян оказывала на германцев. Из области земледельческого словаря можно назвать следующие заимствования: Sichel „серп“ (⟨лат. secula), Flegel „цеп“ (⟨лат. flagellum), Furke „вилы“ (⟨лат. furca); Wein (⟨лат. vinum), Most „сусло“ (⟨лат. mustum), Essig „уксус“ (⟨лат. acetum); Kirsche „вишня“ (⟨лат. cerasum), Pflaume из ahd. pfrūma „слива“ (⟨лат. prunum), Kürbis „тыква“ (⟨лат. cucurbita), Maulbeere из ahd. mûrberi „шелковица“ (⟨лат. morum); Kohl „капуста“ (⟨лат. caulis), Linse „чечевица“ (⟨лат. lent-em), Rettich „редька“ (⟨лат. radic-em), Pfeffer „перец“ (⟨лат. piper), Minze „мята“ (⟨лат. menta), Senf „горчица“ (⟨лат. sinapi), Pilz „гриб“ (⟨лат. boletus), Frucht „плод“ (⟨лат. fructus), impfen „прививать“ (⟨лат. imputare).

Лексика строительного дела обнаруживает следующие латинские заимствования: Mauer „стена“ (⟨лат. murus), обозначающая каменную стену, искусство возведения которой шло от римлян на смену старой техники плетения шалашей, отражение которой мы находим в старом слове Wand, связанном с глаголом winden „плести“; Ziegel „кирпич“ (⟨лат. tegula), Kalk „известь“ (⟨лат. calcem), Fenster „окно“ (⟨лат. fenestra), Pfeiler „каменный столб“ (⟨лат. pilarius), Kammer „комната“ (⟨лат. camera „свод, сводчатое помещение“), Speicher „амбар“ (⟨лат. spicarium), Pforte „дверь“ (⟨лат. porta), tünchen „белить известью“ (⟨лат. tunicare), Keller „погреб“ (⟨лат. cellarium).

Из области домашнего хозяйства имеем: Küche „кухня“ (⟨лат. coquina), kochen „готовить, варить“ (⟨лат. coquere), Becken „сосуд“ (⟨среднелат. baccinum), Pfanne „сковорода“ (⟨среднелат. panna), Kessel „котел“ (⟨лат. catillus), Schüssel (⟨лат. scutella), Tisch „стол“ (⟨лат. discus), Kufe „чан“ (⟨лат. cupa), Becher „кубок“ (⟨среднелат. bicarium), Kelch „кубок“ (⟨лат. calix).

Бытовые слова: Schemel „скамейка“ (⟨лат. scamellum), Spiegel „зеркало“ (⟨лат. speculum), Kerze „свеча“ (⟨лат. charta).

Из области животноводства можно назвать: Pferd (⟨среднелат. pava-veredus); из названий продуктов животноводства заимствовано Käse „сыр“ (⟨лат. caseus).

Торговый обмен с римлянами привел к проникновению ряда слов, напр.: kaufen „покупать“ (⟨лат. caupones „торговцы вином“), Münze „монета“ (⟨лат. moneta). С медными римскими деньгами пришло и название меди Kupfer (⟨лат. cuprum). С торговлей проникло и название меры веса Pfund (⟨лат. pondo).

Военные столкновения с римлянами заставили германцев познакомиться с рядом слов, обозначающих военные понятия и различные сооружения военного значения, напр.: Wall „вал“ (⟨лат. vallum), Straße „дорога, улица“ (⟨лат. via strata), Zelt „палатка“ (⟨лат. tenda), Kampf „борьба“ (⟨лат. campus).

Из юридических терминов назовем: Pacht „аренда“ (⟨лат. pactum), sicher, первоначально „свободный от наказания“ (лат. securus). Латинское causari „вести судебное дело“ перешло в другую сферу, дав немецкое (lieb)kosen „ласкать“.

Медицинские термины: Arzt „врач“ (⟨лат. archiater, arziater), Pflaster „пластырь“ (⟨среднелат. plastrum), Fieber „жар“ (⟨лат. febris).

§ 625. Несколько позже (с VII—VIII в.), с христианизацией германцев, становится заметным влияние латинской церкви и латинской школы. Сюда относятся такие заимствования, как Bischof (⟨лат. episcopus), Mönch „монах“ (⟨лат. monachus), Münster „монастырь“ (⟨лат. monasterium), Kloster „монастырь“ (⟨лат. claustrum), Zelle „келья“ (⟨лат. cella), opfern „жертвовать“ (⟨лат. operari), Priester „священник“ (⟨лат. presbyter), predigen „проповедывать“ (⟨лат. predicare), Kreuz „крест“ (⟨лат. cruc-em), Pilger, Pilgrim „пилигрим“ (⟨лат. peregrinus), Feier „праздник“ (⟨лат. feria „ярмарка“) и т. п.

С влиянием церкви связано в то время развитие образования, что мы можем иллюстрировать следующими латинскими заимствованиями: schreiben „писать“ (⟨лат. scribere), Schule „школа“ (⟨лат. schola), Tinte „чернила“ (⟨лат. tincta), Tafel „доска“ (⟨лат. tabula), Kapitel „глава“ (⟨лат. capitulum), dichten „сочинять“, первоначально „писать“ под диктовку (⟨лат. dictare), Vers „стих“ (⟨лат. versus), Brief „письмо“ (⟨лат. breve), Siegel „печать“ (⟨лат. sigillum).

§ 626. Заимствования из латинского языка не ограничиваются этим первым периодом сближения римской и германской культуры, а продолжают и дальше, причем распространяются на самые различные области общественной жизни, культуры и быта. Приведем некоторое количество примеров: Rose (⟨лат. rosa), Petersilie „петрушка“ (⟨лат. petrosilium), Öl „масло“ (⟨лат. oleum), Bier „пиво“ (связ. с лат. bibere „пить“), Mulde „корыто“ (⟨лат. mulctra), Grad „ступень“ (⟨лат. gradus), Metzger „мясник“ (⟨ср. лат. matiarus), Kreide „мел“ (⟨лат. creta), Mantel „плащ, верхняя одежда“ (⟨лат. mantellum), Pelz „шуба“ (⟨лат. pellicia), Teppich „ковер“ (⟨лат. tapetum), Kaninchen „кролик“ (⟨лат. cuniculus), Löwe „лев“ (⟨лат. leo), Strauß „страус“ (⟨лат. struthio), Tempel „храм“ (⟨лат. templum), Laterne „фонарь“ (⟨лат. laterna), Prosa (⟨лат. prosa), Chor „хор“ (⟨лат. chorus), Meister „мастер, учитель“ (⟨лат. magister), Vogt „наместник“ (⟨среднелат. vocatus), kosten „стоить“ (⟨лат. costare), Markt „ярмарка, рынок“ (⟨лат. mercatus), Kanzlei „канцелярия“ (⟨среднелат. cancellaria), fälschen „подделывать“ (⟨среднелат. falsicare), mangeln „недоставать“ (⟨среднелат. mancage), klar „ясный“ (⟨лат. clarus).

§ 627. В XII—XIII вв., т. е. в эпоху развитого феодализма, главное влияние на немецкий язык оказывает Франция, являющаяся передовой страной феодальной культуры, законодательницей мод и идеологическим образцом немецкого рыцарства. Для нарождающихся новых поня-

тий, связанных с новыми условиями быта и культуры, немецкое рыцарское сословие заимствует термины из французского языка. Главным образом это терминология рыцарского быта, названия для предметов обстановки, вооружения, одежды; для различных психологических понятий. Огромное количество слов исчезло из языка вместе с модой, которая их породила. Но многие прочно вошли в немецкий словарь, образуя слой вполне немецких слов. Примерами могут служить слова, относящиеся к морали, правилам культурного поведения, бытовым отношениям: fein „тонкий, изящный“ ((фр. fin), Manier „манера“ ((фр. manière), Form ((фр. forme), Kumpan „товарищ“ ((старофр. comraing), Tafelrunde „компания, общество“ ((фр. table ronde); приветствия и обращения: ade „до свиданья“ ((фр. adieu), merci „спасибо“ ((фр. merci). Развлечения и военное дело: Tanz „танец“ ((фр. danse), Flöte „флейта“ ((фр. flûte), birschen „охотиться“ ((старофр. berser), Karte „карта“ ((фр. carte), Platz „место“, первоначально для рыцарской встречи ((фр. place), fehlen „отсутствовать“ первоначально „не попасть в противника“ ((фр. faillir), hurtig „быстрый“, первоначально „сильный“ (от фр. heurter „толкать“), Harnisch „панцырь“ ((фр. harnais), Lanze „копье“ ((фр. lance), Banner „знамя“ ((фр. bannière), Abenteuer „приключение“ ((фр. aventure), Lärm „шум“ ((фр. alarme). Одежда: Wams „куртка“ ((старофр. Wambais), Joppe „куртка“ ((фр. jupe), Jacke „куртка“ ((фр. jaque, первоначально „солдатская одежда“), Juwel „драгоценное украшение“ ((фр. joyau). Торговое дело, в отношении которого Франция шла впереди, тоже обогащается рядом терминов, напр.: Profit „прибыль“ ((фр. profit), Börse „биржа“ и „кошелек“ ((фр. bourse), dutzend „дюжина“ ((фр. douzaine), doppelt „вдвое“ ((фр. double), liefern „поставлять“ ((фр. livrer). Из общественно-политических терминов назовем Partei ((фр. partie). Названия жилищ, обстановки, хозяйства: Palast „дворец“ ((фр. palais), Park ((фр. parc), Tasse „чашка“ ((фр. tasse), Matratze ((фр. matelas). Из прочих выражений, не вошедших ни в одну из этих групп, можно назвать: rund „круглый“ ((фр. rond), prüfen „испытывать“ ((фр. prouver), Metall ((фр. métal), blond ((фр. blond):

§ 628. Крестовые походы средневековья способствовали более живому как торговому, так и языковому обмену с востоком. С рядом предметов, с которыми германцы познакомились на востоке, пришли в немецкий язык их чужеземные названия. Из арабского языка заимствовано напр. Zucker „сахар“, Kamel „верблюд“, Scharlach „пурпур“, matt „слабый, томный“ (из шахматной терминологии).

§ 629. Столкновения германцев на востоке со славянами, длительные торговые и военные взаимоотношения, в которые они вступают с западно-славянскими государствами с X века, объясняют наличие ряда славянизмов в немецком словаре. С одной стороны это слова, относящиеся к области хозяйства и быта, с другой некоторые политические понятия, ср. напр.: Grenze — граница, Dolmetsch — толмач, Säbel — сабля, Petschaft — печать, Kummel — хомут, Peitsche — бич, диал. Robott („барщина“) — работа, Zobel — соболь, Schmant — сметана, Quark (mhd. twarc) — творог, Gurke — огурец, Graupe — крупа и т. п.

§ 630. Эпоха возрождения и гуманизма (XVI век) вызывает ожив-

ление в отношении притока новых заимствований из латинского языка. Эти новые заимствования носят существенно иной характер, чем заимствования первых периодов столкновения с римской культурой. Заимствования XVI века носят, главным образом, „ученый“, книжный характер, распространяясь через школу и книгу. Слова эти относятся к области религиозной, школьной и научной терминологии, к области абстрактных понятий. Примером первых могут служить *prophezeien* „пророчествовать“ (ср. среднелат. *prophetia*), *Makel* „моральный недостаток, грех“, (лат. *macula* „пятно“), *Mirakel* „чудо“ (лат. *miraculum*), *Kathedrale* „собор“ (лат. *cathedralis*), *Renegat* „отступник“ (ср. лат. *renegare*); примерами вторых: *disputieren* „спорить“ (лат. *disputare*), *korrigieren* „исправлять“ (лат. *corrigere*), *Studium* „занятия“ (лат. *studium*), *studieren* „заниматься“, *definieren* „определять“ (лат. *definire*), *Komma* „запятая“ (лат. *comma*), *präparieren* „приготавливать“ (лат. *preparare*), *immatrikulieren* „записываться в университет“ (лат. *immatriculare*). В качестве примеров абстрактных понятий могут служить: *Abnormität* „отклонение от нормы“ (лат. *abnormitas*), *Quantität* „количество“ (лат. *quantitas*), *Qualität* „качество“ (лат. *qualitas*), *direkt* „прямой“ (лат. *directus*), *gratulieren* „поздравлять“ (лат. *gratulor*).

§ 631. С зарождением и развитием капиталистических отношений явления языкового обмена, описанные нами выше, приобретают гораздо более оживленный и более значительный характер. При этом для эпохи развития международных связей экономического, политического и культурного характера типично то, что и языковые взаимодействия получают интернациональный характер. „Направление языковых взаимодействий капиталистической эпохи“, пишет проф. Жирмунский: „определяется неравномерностями развития капитализма: ведущая роль в процессе языкового обмена переходит от одной страны к другой, в соответствии с общим ходом экономического и культурного развития. Так возникает особая категория „странствующих слов“...: слова эти обходят все европейские страны, из стран передовых передвигаются в более отсталые, обозначая, как вехи, пути культурного развития“. (В. М. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты, ГИХЛ, 1936, стр. 174.) Таков один из путей создания международного, интернационального словаря.

Для первого периода (XV—XVI вв. и несколько позже) страной, которая являлась источником распространения странствующих слов, была Италия, стоявшая в то время во главе капиталистического развития. Так как итальянская литература и искусство эпохи Возрождения служили образцом для подражания другим странам, то естественно, что и в этом отношении итальянский язык должен был приобрести большой авторитет, что способствовало проникновению итальянизмов в другие европейские языки. В немецком языке тоже можно обнаружить ряд таких заимствований, проникавших в него главным образом через посредство Франции. Главной сферой этих заимствований было военное дело, финансовое дело, искусство. Примерами могут служить: военные термины: *Soldat* „солдат“ (ит. *soldato*), *Bataillon* „батальон“ (ит. *bataglione*), *Brigade* „бригада“ (ит. *brigada*), *Attacke* „атака“ (ит. *attaca*);

финансовое дело: Bank „банк“ ((ит. banca, первоначально „скамейка менялы“), bankrott „банкрот“ ((ит. banca rotta „сломанная скамейка менялы“, что обозначало финансовый крах), Kredit „кредит“ ((ит. credito), Bilanz „баланс“ ((ит. bilancia „весы, равновесие“), Millione „миллион“ ((ит. milione), Tara „тара“ ((ит. tara), Faktur „счет“ ((ит. fattura), risquieren „рисковать“ ((ит. rischiare), Risiko „риск“ ((ит. risico); искусство, архитектура, литература, живопись, музыка: Balkon „балкон“ ((ит. balcone), Galerie „галерея“ ((ит. galleria), Fassade „фасад“ ((ит. facciata), Terrasse „терраса“ ((ит. terrassa), Korridor „коридор“ ((ит. corridore), Allee „аллея“ ((ит. allata), Grotte „грот“ ((ит. Grotta), Ballade „баллада“ ((ит. ballata), Skizze „эскиз“ ((ит. schizzo), Miniatur „миниатюра“ ((ит. miniatura), Karikatur „карикатура“ ((ит. caricatura), Büste „бюст“ ((ит. busto), Kamee „камея“ ((ит. cammeo), Sopran „сопрано“ ((ит. soprano), Konzert „концерт“ ((ит. concerto), Fuge „фуга“ ((ит. fuga), Oper „опера“ ((ит. opera).

Все эти слова мы встречаем, как видно из вышеприведенных примеров, и в русском языке; в большинстве случаев они находятся и в языке английском. Это и придает „странствующим“ словам характер междunarодной лексики.

§ 632. На смену Италии, как очагу распространения странствующих слов, приходит в эпоху XVII—XVIII вв. Франция. Особенно сильное влияние имеет передовая в то время Франция на отсталую, политически раздробленную Германию. Эпоха эта, т. наз. à la mode Zeit, характеризуется очень сильным воздействием французской культуры, моды, литературы и языка на немецкую духовную культуру и быт. Конечно, и в этом случае многие из заимствований в языке не утвердились, поскольку они были вызваны именно преходящей и капризной модой. Но несомненно, что и эта эпоха оставила неизгладимые следы на составе немецкой лексики. Слова, заимствованные в эту эпоху, главным образом относятся к области моды, костюма, домашней обстановки и т. п. Приведем несколько примеров: моральные понятия: nett „миловидный, приятный“ ((фр. net), kokett „кокетливый“ ((фр. coquet), affektiert „аффектированный“ ((фр. affecté), nobel „благородный“ ((фр. noble), Schikane „придирка“ ((фр. chicane), Skandal „скандал“ ((фр. scandale). Названия лиц: Dame „дама“ ((фр. dame), Onkel „дядя“ ((фр. oncle), Tante „тетя“ ((фр. tante). Одежда, мода: Mode „мода“ ((фр. mode), elegant „элегантный“ ((фр. élégant), Galosche „галоша“ ((фр. galoche), Krawatte „галстук“ ((фр. cravate), Weste „жилет“ ((фр. veste), Schärpe „шарф“ ((фр. écharpe), Musselin „муслин“ ((фр. mousseline), Perücke „парик“ ((фр. perruque). Мебель, обстановка: Möbel „мебель“ ((фр. meuble), Kanapé „диван“ ((фр. canapé), Kommode „комод“ ((фр. commode); Kissen „подушка“ ((фр. coussin), Karaffe „графин“ ((фр. carafe), Kasserolle „кастрюля“ ((фр. casserole), Pumpe „насос“, „помпа“ ((фр. pompe). Кушанья: Torte „торт“ ((фр. tarte), Likör „ликер“ ((фр. liqueur), Bouillon „бульон“ ((фр. bouillon). Растения: Sellerie „сельдерей“ ((фр. céleri), Radies „редис“ ((фр. radis) и т. п.

§ 633. Особенно сильное влияние совершенно в другой области приобретает французский язык в XVIII веке, в эпоху французской

буржуазной революции. Слова, заимствовавшиеся в эту эпоху в другие языки, относятся к общественно-политической области. Эпоха революции рождает вместе с новыми понятиями множество новых слов, частично же только активизирует, возрождает к новой жизни слова, в языке имевшиеся, но употреблявшиеся с иным содержанием. Эти новые слова становятся достоянием всех других языков Европы, в том числе и немецкого. Таковы, напр.: Monarchie „монархия“ ((фр. monarchie), Demokratie „демократия“ ((фр. démocratie), Republik „республика“ ((фр. république), Klasse „класс“ ((фр. classe), Revolution „революция“ ((фр. révolution), Reaktion „реакция“ ((фр. réaction), organiser „организовать“ ((фр. organiser), Terreur „террор“ ((фр. terreur), Propaganda „пропаганда“ ((фр. propagande), Proletarier „пролетарий“ ((фр. prolétaire) и много других. Политическая интернациональная терминология распространяется из Франции и в XIX веке, так как Франция в это время сохраняет свое значение в политической жизни. Так, заимствуются слова Sozialismus „социализм“ ((фр. socialisme), Kommunismus „коммунизм“ ((фр. communisme), Kapitalismus „капитализм“ ((фр. capitalisme).

§ 634. Только в XIX веке, в эпоху расцвета капитализма, становится заметным влияние английского языка как распространителя интернациональных слов. Это объясняется той ролью, которую в XIX в. играла передовая в экономическом отношении английская буржуазия. Языковые влияния Англии весьма определенно ограничиваются несколькими сферами. Это в первую очередь область техники, главным образом транспорта, экономическая и политическая жизнь, спорт, некоторые стороны домашнего быта, предметы нового буржуазного комфорта. Часто слова эти не английского, а, например, латинского происхождения, но распространяются они через Англию. Общественно-политические термины: Bill „билл“ ((англ. bill), Agitator „агитатор“ ((англ. agitator), Meeting „митинг“ ((англ. meeting), Parlament „парламент“ ((англ. parliament), Verdikt „вердикт“ ((англ. verdict), Interview „интервью“ ((англ. interview), Reporter „репортер“ ((англ. reporter), kabeln „телеграфировать“ ((англ. cable), Leader „лидер“ ((англ. leader), Streik „забастовка“ ((англ. strike). Экономическая жизнь: Trust „трест“ ((англ. trust), Scheck „чек“ ((англ. cheque), Boykott „бойкот“ ((англ. boycott), Export „экспорт“ ((англ. export), Import „импорт“ ((англ. import). Промышленность: Koks „кокс“ ((англ. coke), puddeln „пудлинговать“ ((англ. puddle), celluloid „целлюлоид“ ((англ. celluloid), cheviot „шевиот“ ((англ. cheviot). Транспорт: Locomotive „локомотив“ ((англ. locomotive), Tender „тендер“ ((англ. tender), Tunnel „туннель“ ((англ. tunnel), Waggon „вагон“ ((англ. wagon), Tram(bahn) „трамвай“ ((англ. tramway). Мореходство: Boot „бот“ ((англ. boat), Dock „док“ (англ. dock), Kabine „кабина“ ((англ. cabin), stoppen „останавливаться“, „тормозить“ ((англ. stop). Одежда: Plaid „плед“ ((англ. plaid), smoking „смокинг“ ((англ. smoking), sweater „свитер“ ((англ. sweater). Кухня: Cakes „кэкс“ ((англ. cakes), Pudding „пуддинг“ ((англ. pudding), Punsch „пунш“ ((англ. punch). Спорт и развлечения: Sport „спорт“ ((англ. sport), Start, starten „старт“, „стартовать“ ((англ. start), trainieren „тренироваться“ ((англ. train), Rekord „рекорд“ ((англ. record), boxen „боксировать“ ((англ. box), Tennis „теннис“ ((англ.

lawntennis), Tourist „турист“ ((англ. tourist), Match „матч“ ((англ. match), clown „клоун“ ((англ. clown). Оружие: Revolver „револьвер“ ((англ. revolver). Слова светской жизни: flirten „флиртовать“ ((англ. flirt), Klub „клуб“ ((англ. club), Partner „партнер“ ((англ. partner), Snob „сноб“ ((англ. snob), Toast „тост“ ((англ. toast), Komfort „комфорт“ ((англ. comfort), Poker „покер“ ((англ. poker).

Как видно из примеров, почти все эти слова принадлежат и русскому словарю. Употребительны они и во французском и других языках.

§ 635. В последнее время первенствующее влияние на языковом фронте в смысле распространения международных элементов принадлежит Советскому Союзу. Пролетарская революция внесла в русский язык огромное количество новых слов, отражающих новые понятия. Перемены, произошедшие в словаре русского языка послеоктябрьской эпохи, несомненно должны были отразиться и отразились на языках других народов, так как Советский Союз является передовой страной, к которой устремлены взоры всего человечества, и авторитетным проводником новых идеологических влияний. Воздействие советского словаря, т. наз. советизмы, очень характерны для языка немецкой рабочей и даже буржуазной печати. Слова Sowjet, Bolschewik, Sowparkom, Agitprop, Kolchos, Kulak, Pjatiletka, Subbotnik понятны и знакомы в международном масштабе. Активность этих слов подтверждается тем, что они способны к словообразованию подобно: entkulakisieren, Kulakenschaft, Kulakentum, sowjetisch и т. п. Советизмы настолько глубоко проникают в немецкий язык, что обозначают уже совсем не реальные действительно советские факты, а применяются к аналогичным понятиям немецкой действительности, становясь тем самым как бы нарицательными. Так, например, проф. Г. Корн (в статье Sowjetismen im deutschen Zeitungsstil, „Zwei Welten“, Hft 2. 1934) указывает, что Turksib становится в немецком языке названием для всякого грандиозного, с точки зрения пишущего, железнодорожного предприятия.

§ 636. Заимствованием слов не исчерпывается возможность влияния родного языка на другой. В лингвистике известны еще и другого рода языковые влияния, т. наз. кальки (по-немецки Übersetzungslehnwort), представляющие собой заимствования не корней слов, а лишь их внутренней формы (см. § 589). Такого рода „идеологические заимствования“ мы часто можем встретить в древнейшие эпохи развития немецкого языка, когда кальки с латинского были одним из способов абстрактного словотворчества на родном языке. Таковы кальки: Gewissen (из лат. con-scientia), ср. русск. *со-весть*, bekehren (из лат. convertere), ср. русск. *обращать*, Barmherzigkeit (из лат. miseri-cordia), Gevatter (из лат. compater).

В эпоху средневековья, когда главные языковые влияния исходят из Франции, можно также встретить случаи калькирования французских слов. Так французское *courtois* — *courtoisie*, происходящее от слова *cour* „двор“ и выражающее аристократичность, куртуазность верхушки феодального общества, послужило образцом для создания среднесверхнемецкого слова *hübesch* || *höfesch* (от слова *Hof* „двор“), которое потом из социального термина превратилось просто в оценочное прилагатель-

ное hübsch „красивый“. Точно так же французское vilainie от vilain „виллан, крестьянин“, характеризующее противоположный общественный класс с определенной социальной оценкой, дает немецкое dörrer, dörrerheit (от dohr „деревня“), которое в дальнейшей форме Törrer начинает служить обозначением для увальня, невежи.

Вплоть до конца XVII в. языком науки и университетского образования оставался латинский язык. Вследствие этого проникновение латинских, а также и греческих терминов в немецкий язык было очень сильно. При переходе науки на национальные языки одним из средств пополнять недостаточный абстрактно-научный словарь родного языка был перевод имевшихся латинских и греческих терминов. Примерами могут служить: Gegenstand, старое Gegenwurf из лат. ob-jectus (jacere „бросать“), ср. русское *пред-мет* (*метать* = „бросать“), Entwicklung из лат. e-volutio (volvere „вращать“), ср. русск. *развивать*; Umstand из лат. circumstantia (stare „стоять“), ср. русск. *об-стоятельство*; Einfluß из лат. in-fluentia (fluere „течь“), ср. русск. *в-лияние*.

Из французского языка XVIII и XIX вв. можно назвать следующие заимствования: entziffern из фр. déchiffre, ср. русск. *расшифровывать*, zerstreut из фр. distraire, ср. русск. *рассеянный*.

Английский язык XIX в. служит образцом для следующих калькированных слов: Blaustrumpf из англ. blue-stocking, ср. русск. *синий чулок*, die Unaussprechlichen „брюки“ из англ. unexpressibles, ср. русск. *невыразимые*, Löwe в значении „денди“ из англ. lion, ср. русск. *лев*.

Весьма обильны в немецком языке кальки с советизмов, передающие в немецкой национальной форме новое содержание, созданное советской действительностью. Таковы: Fünfjahrplan (пятилетка), Kollektivwirtschaft (колхоз), Wandzeitung (стенгазета), Abweichung, как слово общественно-политического значения (уклон), Mitläufer (попутчик), Selbstkritik (самокритика), Sturm- или Stoßbrigade (ударная бригада), Fluktuation (текучесть), Entpersönlichung (обезличка), eigene Wirtschaftsbilanz (хозрасчет) и много других.

§ 637. Калькироваться могут и целые фразеологические сращения, обороты; так, например, из французского немецкий язык заимствует: öffentliche Meinung (франц. opinion publique, середины XVIII века), ср. русск. *общественное мнение*; Recht an Arbeit (франц. droit au travail, Фурье), ср. русск. *право на труд*; Platz an der Sonne (place au soleil, Паскаль), ср. русск. *место под солнцем*; einem den Hof machen (франц. faire la cour). Из английского заимствованы, напр.: Europäisches Gleichgewicht (англ. balance of Europe), ср. русск. *европейское равновесие*; gelbe Presse (англ. yellow press), ср. русск. *желтая пресса*; Kampf ums Dasein (англ. struggle for life, Дарвин), ср. русск. *борьба за существование*. Русскому языку советского времени немецкий обязан кальками: Einholen und Überholen (догнать и перегнать), wer wen (кто-кого), das Lämpchen Lenins (лампочка Ильича).

Иногда такие обороты восходят к фразе какого-нибудь популярного писателя, образуя крылатые словечки, распространенные далеко за пределами данной национальной литературы. Таковыми являются, напр., die Kastanien aus dem Feuer holen (франц. tirer les marrons du feu, из басни

Лафонтена), ср. русск. *таскать каштаны из огня*; Sturm im Glase Wasser ((франц. une tempête dans un verre d'eau, из Монтегсье), ср. русск. *буря в стакане воды*; die beste der möglichen Welten ((фр. le meilleur des mondes possibles, из Вольтера), ср. русск. *в этом лучшем из миров*; durch seine Abwesenheit glänzen ((франц. briller par son absence, из Шенье), ср. русск. *блистать своим отсутствием*. Из английской литературы взято, напр., der letzte der Mohikaner ((англ. the last of the Mohicans, из Купера), ср. русск. *последний из могикан* (подр. см. § 644).

Мы видим, таким образом, какую большую роль играют в становлении национального словаря заимствования из других языков, объясняющиеся наличием международных связей экономического, политического и культурного характера. Необходимое, вызванное к жизни действительными потребностями языка, прочно укрепляется в языке, сливаясь с национальным лексическим составом, обогащая язык, создавая новые понятия, новые выразительные возможности, новые словообразовательные способы и т. д. Случайное, вызванное временными потребностями, рано или поздно в языке отпадает или сохраняется в языке на положении „иностранных“ слов, играющих определенную стилистическую роль или служащих для выражения определенных оттенков. Огромное количество слов, заимствованных в период развития буржуазных отношений, входит в интернациональный лексический фонд.

§ 638. Выше нами указывалось, что так называемые „странствующие“ слова, распространяясь из определенного источника, т. е. исходя от той страны, которая в данный период находилась на гребне исторического развития, образуют своеобразный интернациональный, международный лексический слой для ряда языков. Еще более ясно выраженный интернациональный характер имеют слова, главным образом, научного словаря, построенные на базе классических языков и имеющие весьма широкое распространение в языках мира. Латынь долгое время была интернациональным научным языком, и после перехода на национальные языки она продолжала сохранять свое значение, служа неисчерпаемой сокровищницей для образования терминов как в виде использования имевшихся в этом языке слов, так и в виде образования новых слов из латинских корней. Мы выделяем, следовательно, эту группу потому, что содержание входящих в нее слов весьма специфично: это не лексика быта, какой мы в основном занимались до сих пор, это лексика науки и культуры, отражающая интернациональный их характер. Во-вторых, группу эту выделяет то, что слова, в нее входящие, все восходят к латинско-греческим корням. Однако следует подчеркнуть, что принципиально этот раздел лексики не отличается от разобранного выше, так как источником для распространения этих слов опять же будут отдельные страны, которые в данной отрасли науки или в данном общественно-культурном отношении выдвигаются на определенном этапе на первый план. Так, неоспоримо, что интернациональные *анархия*, *монархия*, *революция* в качестве источника своего распространения имели Францию эпохи французской революции, что, напр., слово *империализм*, как обозначение новой политики колониального захвата, распространяется из Англии, страны, кото-

рая первая становится на путь империалистического развития; интернациональное *телефон* идет из Америки (введено Эдиссоном); понятное в мировом масштабе слово *коллективизация* идет из Советского союза, страны социалистической коллективизации.

§ 639. Интернациональные слова бытуют, главным образом, в научном языке, языке общественно-политическом, образуя специальную терминологию этих областей. Примеров интернациональных слов существует огромное множество. Мы ограничимся несколькими примерами, целью приведения которых будет, главным образом, демонстрация способов их образования. Истинная интернациональность и широкое распространение этих слов объясняются тем, что складываются они из таких слагаемых (корней и словообразовательных элементов), которые имеют широкую международную значимость. Постоянная повторяемость этих элементов в различных сочетаниях обеспечивает понятность всего целого. Так, например, греческое *logos* „слово“ участвует в различных сочетаниях с этим значением: *Logograph* „логограф, историк“, *Logogriph* „логогриф, загадка, построенная на различных манипуляциях со словом“, *Philologe* „филолог“, т. е. любящий слово, занимающийся словом. Этот же элемент служит чем-то вроде суффикса (см. §§ 620, 639), образуя названия различных наук: *Geologie* „геология“, буквально „землесловие“, наука о земле, *Biologie* „биология“, т. е. наука о жизни, *Osteologie* „остеология“, т. е. наука о костях, *Gnoseologie* „гносеология“, т. е. наука о познании и т. п. Корень *graph-*, обозначающий „писать“, также входит значащим элементом в ряд слов, напр.: *Graphologie* „графология“, т. е. наука о почерке, письмо, *Graphit* „графит“ — вещество, употребляемое для письма, *Graphik* „графика“ — особый вид изобразительного искусства, *Telegraph* „телеграф“, т. е. дальнокопирующий, *Phonograph* „фонограф“, т. е. записывающий звук, *Kinematograph* „кинематограф“, т. е. записывающий движение. Роль, близкую к роли суффикса, элемент этот выполняет, присоединяясь к другим словам и обозначая название науки, напр.: *Geographie* „география“, т. е. описание земли, *Dialektographie* „диалектография“, т. е. описание диалектов, *Lexikographie* „лексикография“, т. е. описание словаря, *Metallographie* „металлография“, т. е. описание металлов и т. п. Корень *auto-*, значащий „сам“, мы встречаем в: *Autonomie* „автономия“, т. е. самоуправление, *Autokratismus* „автократия“, т. е. самовластие, *Automobil* „автомобиль“, т. е. самодвижущийся, *Automat* „автомат“, т. е. самодействующий, *Autograph* „автограф“, т. е. собственная, самоличная подпись, *Autobiographie* „автобиография“, т. е. описание своей жизни и т. п. Корень *mono-* значит „один“ и встречается в: *Monolog* „монолог“, т. е. разговор с самим собой, наедине с самим собой, *Monogamie* „моногамия“, т. е. единобрачие, *Monographie* „монография“, т. е. исследование одного, специального вопроса, *Monismus* „монизм“, *monolithisch* „монолитный“, т. е. сделанный из одного, цельного камня, *Monomanie* „мономания“, т. е. направленность мысли на одно что-нибудь, *Monopol* „монополия“, т. е. нераздельное право на торговлю, *Monotonie* „монотонность“, т. е. однородность, и т. п.

Интернациональная лексика представляет собой, таким образом, в каждом языке все более и более увеличивающийся с течением времени

слой, сближающий языки между собой. Он свидетельствует об интернациональности развития человеческого мышления, человеческой науки и культуры. Вместе с большей частью „странствующих“ слов, имеющих также международный характер, интернациональная лексика объединяет языки и образует быть может первую ступень в становлении того мирового языка, который возникнет в результате победы социализма в мировом масштабе. Всякая борьба против интернациональных слов есть прежде всего борьба за обеднение языка словами и понятиями. Эта борьба свидетельствует о буржуазной национальной ограниченности и узости, о стремлении замкнуться в каком-то „натуральном языковом хозяйстве“ и определяется условиями развития капиталистического общества. Правильное отношение к международному лексическому богатству могло создаться только в стране победившего социализма, в Советском Союзе.

4. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ.

§ 640. В ряде случаев в функции слова в известном смысле выступают группы слов, образуя особого типа комбинации, называемые „фразеологическими сращениями“. В подобных оборотах отдельные слова утрачивают свой обычный конкретный смысл; значение их меняется в зависимости от всего комплекса в целом. Поэтому такого рода обороты никак не могут равняться просто сумме составляющих их слов: значение всего оборота в целом, а также отдельных компонентов, его образующих, является переносным, образным. Так в сочетании *ins Auge fassen* несомненно не может идти речь о каком-либо „схватывании, включении“ в глаз. Весь оборот значит „обращать на что-либо внимание“; значение отдельных его компонентов *fassen* и *Auge*, а также всей комбинации в целом является переносным. Особенно показательным в этом отношении является сравнение с другим языком, например с русским. Так, немецкое *zu Kreuze kriechen* при переводе на русский язык отдельных компонентов, его составляющих, дает бессмысленное сочетание „ползти к кресту“, ни в малейшей степени не отражающее смысла оборота: „унижаться“. В то же время русское *ходить перед кем-нибудь на задних лапках*, имеющее тот же смысл, никак не может быть передано немецким *auf den Hinterpfoten vor jemandem gehen*. Аналогично немецкое *Schwein haben* в буквальном переводе звучит „иметь свинью“, в то время как смысл оборота должен быть передан по-русски „везти“, что в свою очередь лишено смысла при рабской передаче на язык немецкий. Немецкое *mir geht ein Licht auf* не может быть передано буквальным „мне всходит свет“, а лишь передающим общий смысл оборота „я начинаю соображать“. Русское *подложить кому-нибудь свинью* в случае перевода отдельных слов даст в немецком бессмысленную фразу; передать значение этого оборота придется как-нибудь иначе.

§ 641. В некоторых случаях построение подобных оборотов в языке русском и немецком очень близко. Это показывает, что в основе лежит один и тот же образ, семантический сдвиг одного типа. Однако отдельные элементы в них могут быть различными, что доказывает, что кон-

кретное предметное значение отдельных слов не играет решающей роли для значения всей конструкции. Так, например, немецкому *in die Augen springen* или *fallen* по общему смыслу точно соответствует русское *бросаться в глаза*. Сказать по-немецки *sich in die Augen werfen* так же невозможно, как невозможно выразиться по-русски в этом смысле *прыгать* или *падать в глаза*. Несмотря на одинаковый смысл обоих оборотов и аналогичное значение глаголов, в них входящих, подобная замена невозможна. Сочетания эти застыли в известной традиционной форме, при которой значение отдельных слов растворяется в значении всей конструкции. Аналогичным является *auf grobem FuÙe leben* — русск. *жить на широкую ногу*; немецкое *etwas auf die lange Bank schieben* — русск. *откладывать что-нибудь в долгий ящик*; немецкое *unter vier Augen* — русск. *с глаза на глаз*.

Из приведенных примеров ясно, что слова, сочетаясь в подобные застывшие, неизменяемые, традиционные сочетания, качественно изменяются. Обороты, о которых идет речь, не представляют собой простой суммы слагающих их слов, а, напротив, из их сочетания вырастает качественно новое значение, присущее всему сочетанию в целом: отдельные же слова как бы растворяются в этом комплексе. Полученные таким образом сочетания функционируют как некие новые слова.

Выше мы приводили примеры фразеологических сочетаний, образующихся в различных языках по-разному, соответственно специфическим семантическим ассоциациям, которые в каждом отдельном случае могли наличествовать (ср. § 640). Далее мы разобрали случаи, когда при общности основной идеи, лежащей в данном сращении, средства, которыми пользуется тот или иной язык для иллюстрации этой идеи, частично различны (примеры в § 641).

§ 642. Однако есть очень много случаев, когда языки идут в образовании подобных фразеологических сращений совершенно одинаковыми путями.

Это объясняется частично тем, что наряду с отдельными словами могли заимствовать друг от друга и целые фразеологические группы (ср. § 637). С другой стороны, поскольку все эти обороты построены на каком-нибудь образе, наглядном сравнении, то, при учете общих путей развития мышления у разных народов, проходящих одни стадии исторического развития, вполне можно и должно ожидать возникновения одинаковых фразеологических сращений.

Сравним, например, нем. *GroÙe Augen machen* — русск. *делать большие глаза* для выражения недоумения; нем. *jemandem Augen machen* — русск. *делать глазки*, „кокетничать“; нем. *durch die Finger sehen* — русск. *смотреть сквозь пальцы* — для выражения попустительства и снисходительности; нем. *im den Finger wickeln* — русск. *обвернуть вокруг пальца* — для выражения порабощения и влияния на человека; нем. *aus den Fingern saugen* — русск. *высасывать из пальца* — для выражения надуманности; нем. *den Kopf zerbrechen* — русск. *ломать голову* — для выражения затруднения в каком-либо отношении; нем. *den Kopf verlieren* — русск. *потерять голову* — для выражения растерянности и увлечения; нем. *auf den Kopf stellen* — русск. *поставить на голову* —

для выражения искажения, неправильного подхода; нем. sich über den Kopf von X hinweg an Z wenden — русск. *через голову X обращаться к Z* — для выражения игнорирования какой-нибудь инстанции; нем. Hand an sich legen — русск. *наложить на себя руки*, „покончить самоубийством“; нем. die Hand aufs Herz legen — ср. русск. *положа руку на сердце* — для выражения искренности; нем. die Nase hoch tragen — русск. *задирать нос* — для выражения высокомерия и чванства; нем. in etwas die Nase stecken — русск. *сунуть во что-нибудь нос* — для выражения излишнего любопытства и назойливости; нем. jemanden an der Nase herumführen — русск. *водить кого-нибудь за нос*, „обманывать“, „надувать“; нем. an den Haaren herbeiziehen — русск. *притянуть за волосы* — для выражения надуманности и недостаточной органической связи между явлениями и т. п.

§ 643. В немецком языке встречается очень большое количество особых парных срощений, называемых по-немецки *Zwillingsformeln*. Они представляют собой традиционные, обычно очень старинные, застывшие сочетания из двух очень близких по значению слов. Сочетания эти служат, повидимому, часто просто для усиления понятия. О старинности таких сочетаний свидетельствует именно эта частая их тавтологичность, затем почти постоянное присутствие рифмы или даже аллитерации. Примерами могут служить: Ach und Weh, Art und Weise, nach Brauch und Sitte, mit Fug und Recht, Hals und Bein (brechen), Hieb und Stich, Kraft und Macht, Leben und Treiben, Hab und Gut, Mord und Totschlag, mit Mühe und Not, an Ort und Stelle, nach Recht und Billigkeit, in Ruh und Frieden, ohne Sinn und Verstand, Tag und Nacht, auf Tod und Leben, mit Wort und Tat; kurz und gut, voll und ganz, alt und jung; kommen und gehen, wohnen und hausen и т. п.

Mit Ach und Krach, mit Sack und Pack, Knall und Fall, mit Rat und Tat, in Saus und Braus, Weg und Steg, Freud und Leid, mit Kind und Rind, auf Schritt und Tritt, in Irren und Wirren, in Not und Tod, ohne Ruck und Zuck, Lug und Trug, Gruß und Kuß, in Hülle und Fülle; weit und breit; schalten und walten, leben und weben, scheiden und meiden, lügen und trügen и т. д.

Brot und Butter, Buße und Besserung, in allen Ecken und Enden, auf Eid und Ehre, Feuer und Flamme, Freund und Feind, Gift und Galle, Haß und Hader, Haus und Hof, Himmel und Hölle, Kisten und Kasten, Kopf und Kragen, Land und Leute, mit Mann und Maus, bei Nacht und Nebel, Scherz und Schimpf, Schmach und Schande, über Stock und Stein; fix und fertig, matt und müde, gang und gäbe; bin und bleibe, hoffen und harren, singen und sagen, nicht wanken noch weichen и т. д.

§ 644. Определенный вид фразеологических срощений объединяется под именем „крылатые слова“. Крылатыми словами называются такие выражения и словосочетания, которые имеют определенно установленного автора и источник распространения. Крылатое слово, будучи пущено каким-либо популярным автором или заимствовано из сокровищницы мирового фольклора, облетает затем не одну страну, пользуясь большим или меньшим признанием и соответственно этому сохраняясь на больший или меньший срок. Подобные обороты обычно бывают интернациональ-

ными. Крылатое слово представляет собой известное фразеологическое сочетание, получившее значение, отличное от значения отдельных слов, его составляющих. Оно имеет переносный, образный смысл, вызывая определенную ассоциацию, определенный широко известный и понятный образ. Таким образом крылатые слова отличаются с лингвистической точки зрения от обычных фразеологических сочетаний своей интернациональностью, широким диапазоном своего употребления, хотя мы и видим, что рассмотренные нами сочетания тоже часто имели аналогии в различных языках. Отсутствие источника у обычных фразеологических сочетаний и историческая засвидетельствованность его в крылатых словах не может служить решающим критерием разграничения: автор или источник того или иного сочетания может быть со временем наукой обнаружен и установлен. У сочетаний, почерпнутых из сокровищницы образов народного языка, может и не быть установленного единичного автора, как нет его у народных песен. Лингвистическая же сущность фразеологического сращения и крылатых слов и выражений одна и та же: крылатые слова, подобно первым, представляют собой употребительные сочетания слов, со специфическим смыслом, присущим именно всему сочетанию в целом, сочетания, функционирующие как слово. Выходя из определенного источника, из-под пера какого-либо автора, они скоро приобретают более широкий смысл, употребляясь в случаях, аналогичных тому, в котором они были употреблены в первый раз.

§ 645. Источники возникновения крылатых слов различны. В основном это литература и мифология, а также фольклор.

Очень большое количество крылатых выражений заимствовано из христианской мифологии — из библии. Таковыми являются, напр.: *die verbotene Frucht* — русск. *запретный плод*; *das Feigenblatt* — русск. *фиговый листок* для выражения стыдливого, но недостаточного прикрытия; *Sündenbock* — русск. *козел отпущения*; *die Hände in Unschuld waschen* — русск. *умывать руки* в знак отказа от ответственности; *auf(den) Händen tragen* — русск. *носить на руках* для выражения особой заботливости; *Prediger in der Wüste* — русск. *глас вопиющего в пустыне* для выражения напрасного, не доходящего до слушателей убеждения; *die Perlen vor die Säue werfen* — русск. *метать жемчуг перед свиньями* в знак того, что что-либо пропадает зря; *den ersten Stein auf jemanden werfen* — русск. *бросить в кого-либо первый камень* для выражения обвинения в том, в чем сам повинен; *der tote Buchstabe* — русск. *мертвая буква* для выражения формы, лишенной одушевляющего ее содержания.

Из античной мифологии также заимствованы бесчисленные крылатые выражения, напр.: *Apfel der Zwietracht* — русск. *яблоко раздора* (из мифа о Парисе и трех богинях, прекраснейшей из которых он должен был отдать яблоко); *Sisyphus Arbeit* — русск. *сизифов труд*, для выражения тяжелого и напрасного труда (Сизиф был осужден на непосильный и напрасный труд: как только он поднимал камень на вершину горы, тот срывался и катился обратно); *das goldene Zeitalter* — русск. *золотой век*; *panischer Schrecken* — русск. *панический ужас* (от греческого бога Пана, производившего ночью ужасный и непонятный шум); *Augiasstall* —

русск. *Авгиевы конюшни* для выражения загрязненности и запущенности (Геркулес в один день вычистил нечищенные много лет конюшни царя Авгия, направив в них две реки); *Achillesferse* — русск. *ахиллесова пята* для выражения уязвимости (Ахилл был выкупан матерью в Стиксе, придававшей неуязвимость, причем держала она его за пятку; таким образом пятка оказалась единственно уязвимым местом на теле героя).

Из литературы заимствованы, например, следующие крылатые слова: — из немецкой: *den Wald vor lauter Bäume nicht sehen* (из Виланда) — русск. *за деревьями не видеть леса*; *Man lebt nur einmal in der Welt* (из Гете) — русск. *живешь только раз*; *schöne Seele* (из Гете) — русск. *прекрасная душа*. *Es irrt der Mensch, so lang er strebt* (из Гете); *der rote Faden* (из Гете) — русск. *красная нить* для выражения основной руководящей идеи; *Sturm und Drang* (из Клингера) — русск. *буря и натиск*; *der langen Rede kurzer Sinn* (из Шиллера); *Umwertung aller Werte* (из Ницше) — русск. *переоценка ценностей*.

Из французской литературы: *Buridans Esel* (из Буридана) — русск. *буриданов осел* для выражения трудности выбора между двумя аналогичными вещами (Буридан, философ XIV в., утверждал, что осел, на одинаковом расстоянии от которого лежат два пучка сена, умрет с голода, так как не сможет остановить свой выбор ни на одном из них); *um auf den besagten Hammel zurückzukommen* франц. *revenons à nos moutons* (из фарса об адвокате Патэлэне, где истец, обвиняющий ответчика — пастуха в недобросовестном поступке с его бараном, все время отвлекается в сторону), для выражения возвращения к теме, от которой уклонились; *die Extreme berühren sich* (фр. *les extrêmes se touchent*, из Бомарше) — русск. *крайности сходятся*; *die Kunst für die Kunst* (фр. *l'art pour l'art*, из Кузэна) — русск. *искусство ради искусства*.

Из английской литературы: *meine bessere Hälfte* (англ. *my better half*) — русск. *моя половина*, т. е. жена; *Anfang vom Ende* (англ. *beginning of our end*, из Шекспира) — русск. *начало конца*; *Zahn der Zeit* (англ. *tooth of time* из Шекспира).

Из античной литературы: *Geflügelte Worte* — русск. *крылатые слова* (из Гомера), *nach jemandes Pfeife tanzen sollen* — русск. *плясать под чью-либо дудку* (из Эзопа); *notwendiges Übel* — русск. *неизбежное зло* (из Менандра); *langsam aber sicher* — русск. *медленно, но верно* (из Секста Эмпирика); *Damokles-Schwert* — русск. *Дамоклов меч* (из Цицерона), как выражение постоянно грозящей опасности (тиран сиракузский Дионис повесил над пирующим Дамоклом меч, державшийся на конском волосе, в знак того, что опасность угрожает человеку даже в момент наслаждения); *die nackte Wahrheit* — русск. *голая правда* (из Горация); *das Wasser trüben* — русск. *мутить воду* (из Федра); *ein weißer Rabe* — русск. *белая ворона* (из Ювенала), для обозначения человека, выделяющегося из общей массы.

Различные исторические события и лица отражены, например, в следующих выражениях: *den Rubikon überschreiten* русск. *перешагнуть рубикон*, для выражения принятия смелого решения (Рубиконом называлась речка, представлявшая границу между Италией и Цисальпийской Гал-

лий. Несмотря на категорический запрет сената переходить эту границу во избежание военных столкновений, Цезарь со своими войсками перешел Рубикон, начав тем самым междоусобную войну). *Ei des Kolumbus* — русск. *Колумбово яйцо*, для выражения простой вещи, до которой трудно додуматься (народный сказочный мотив, перенесенный на Колумба; когда, по преданию, однажды в присутствии Колумба стали говорить о том, что открытие Америки было делом простым и легким, он предложил присутствующим поставить на стол яйцо. После того как, сделав бесплодные попытки, гости отказались от этой задачи, он заставил яйцо стоять, стукнув его о стол и надбив кончик. С кажущейся простотой решения этой непосильной для всех присутствующих задачи он сравнил открытие Америки). *Goldjugend* ((фр. *jeunesse dorée*, эпохи французской революции) — русск. *золотая молодежь*; *ein gordischer Knoten* — русск. *Гордиев узел* для выражения сложной, неразрешимой задачи; *den gordischen Knoten durchhauen* „разрешить задачу“ (на колеснице царя Гордия в храме Юпитера во Фригии был необыкновенно сложный и запутанный узел, распутывание которого оракул связывал с завоеванием и подчинением Азии. Александр Македонский разрубил этот узел мечом и тем своеобразно разрешил задачу).

5. ЛЕКСИКОГРАФИЯ.

§ 646. Лексикографией называется описание состава слов данного языка в виде словаря. Эта область является наиболее разработанным разделом немецкой лексикологии.

Различают следующие основные типы словарей: словари этимологические, словари исторические, словари толковые, словари синонимические, словари диалектологические, словари профессиональной лексики и жаргона, словари иностранных слов, словари фонетические, словари орфографические.

§ 647. Этимологические словари ставят своей задачей отыскание живой и неживой этимологии слова (см § 573). Наиболее распространенным этимологическим словарем немецкого языка является словарь Клуге (*Kluge F., Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*; 8 изд. 1914). Другим словарем этого же типа является словарь Вейганда, вновь переработанный и изданный Хиртом (*Weigand — Hirt, Deutsches Wörterbuch*, 1909—10). Словарь Клуге делает основной упор на выяснение индоевропейской этимологии, Вейганд занимается в большей мере конкретной историей слов и, кроме того, в отличие от Клуге, рассматривает не только древнейшие, но и более новые заимствования из других языков, обогащавшие немецкую лексику.

§ 648. Исторические словари рассматривают историю слов как в отношении их формы, так и в отношении изменения их семантики. Крупнейший словарь этого типа был начат еще основоположниками германской филологии — братьями Гримм (*J. u. W. Grimm, Deutsches Wörterbuch*, начал выходить в 1854 г.). Они дают в своем словаре огромное количество литературных цитат, иллюстрирующих употребление данного слова, начиная с древнейших памятников вплоть до литературы

нового времени. Грандиозность задуманного ими предприятия не дала им возможности выполнить его до конца; они составили всего 4 тома (до буквы G); после их смерти издание продолжалось под руководством целого ряда выдающихся германистов, но до сих пор словарь остается незаконченным. По трактовке материала к словарю Гриммов ближе всего стоит словарь Гейне (Moritz Heyne, Deutsches Wörterbuch, II изд., 1905—6 гг.), который также прослеживает по памятникам историю слов, но только в значительно более сжатом виде.

§ 649. Толковые словари имеют целью дать анализ семантики слова, его употребления преимущественно в современном языке. Лучший образец такого словаря немецкого языка представляет словарь Пауля (Hermann Paul, Deutsches Wörterbuch). Пауль дает очень тонкий анализ значения слова в различных сферах его употребления; наряду с этим он подробно останавливается на развитии значения слов, имея в виду главным образом язык нового времени.

На современный язык ориентирован также словарь Зандерса (Daniel Sanders, Wörterbuch der deutschen Sprache, 2 изд., 1876), который, однако, дает в несколько большем объеме историю слов, иллюстрируя ее богатым материалом из литературных памятников различных эпох, начиная с Лютера и кончая серединой XIX в. Одним из достоинств этого словаря является то, что он включает в себя также и новые заимствования из других языков.

Чисто толковый словарь без элементов историзма представляет сокращенный словарь Зандерса (Daniel Sanders, Handwörterbuch der deutschen Sprache), восьмое издание которого, переработанное Вюльфингом (Ernst Wülfing), вышло в 1910 г.

§ 650. Диалектологические словари описывают словари отдельных диалектов; некоторые из них ставят себе целью описание всего состава словаря в целом, другие фиксируют свое внимание только на специфических особенностях диалектальной лексики, отличающихся от литературного словаря. Последние обычно называются идиотиконами. Наиболее старым словарем первого типа является словарь Шмеллера (Schmeller, Baiirisches Wörterbuch, 1821, переизданный Фроманом в 1872—77 гг.). Назовем еще из более крупных словарь швабского диалекта Фишера (H. Fischer, Schwäbisches Wörterbuch, 1901—1924), словарь баденского наречия Окса (E. Ochs, Badisches Wörterbuch, 1925), гессенский словарь Бертольд (Luise Berthold, Hessen-Nassauisches Wörterbuch, 1929).

§ 651. Крупнейшим лексикографом, занимавшимся профессиональной лексикой, жаргонами и аргю, был Ф. Клуге. Его перу принадлежит обширный словарь лексики моряков (F. Kluge, Seemannsprache, 1912). Он собрал также ряд старинных словарных материалов по аргю в своей книге Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen, 1901. В качестве примеров словарей профессиональной лексики и аргю назовем еще Erich Bischoff, Wörterbuch der wichtigsten Geheim- und Berufssprachen, 1916 или A. Schirmer, Wörterbuch der deutschen Kaufmannsprache, 1911.

Типичным примером словаря городского жаргона может служить „Der richtige Berliner“, описывающий „слэнг“ современного Берлина.

§ 652. Словари иностранных слов регистрируют все слова, заимствованные в немецком языке из других языков. Основным пороком этих словарей является то, что они не делают никакого различия между словами действительно иностранными и словами интернациональными, которые по существу являются уже словами немецкими, прочно войдя в словарь немецкого языка. Так как задачей этих словарей является перевод и истолкование „непонятого“ заимствования, то это приводит подчас к искажению данного слова и направляет мысли читателя на неправильный и вредный путь (ср. § 622). Словарями иностранных слов являются, напр.: словарь Гейзе (Heyse, Fremdwörterbuch, новообработанный Лионом, 18 изд. 1903 г.), Шульца (Schulz, Deutsches Fremdwörterbuch, 1913), Гофмана (P.F.L. Hoffmann, Fremdwörterbuch, 26 изд., перераб. Маттиасом, 1926).

§ 653. Фонетические словари ставят своей целью указать правильное нормированное произношение слов при помощи условной транскрипции. Наиболее полным является словарь Фьетора (Viëtor, Deutsches Aussprachewörterbuch, 1912). Имеется также фонетический словарь при книге Зибса (Th. Siebs, Deutsche Bühnenaussprache. Hochsprache, 14 изд., 1927).

§ 654. Официальным орфографическим словарем, дающим нормы принятого правописания, является словарь Дудена (Duden, Rechtschreibung, 1934).

СПИСОК ВАЖНЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Общая.

- 1) Н. Paul. Deutsche Grammatik. 5 томов. 1916—1920.
- 2) L. Sütterlin. Die deutsche Sprache der Gegenwart, 5 изд., 1923.
- 3) L. Sütterlin. Neuhochdeutsche Grammatik. 1924.
- 4) Heysе — Lyon. Deutsche Grammatik. 1908.
- 5) В. Жирмунский. Развитие строя немецкого языка. 1935.
- 6) Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. Сборник ЛНИЯ. 1935.

К главе I.

- 7) Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Соч. Маркса и Энгельса, т. VIII.
- 8) Ф. Энгельс. К истории древних германцев. 1938.
- 9) И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. 1937.
- 10) Н. Марр. Избранные сочинения, том I. 1933.
- 11) В. Жирмунский. История немецкого языка. 1939.

К главе II.

- 12) Th. Siebs. Deutsche Bühnenaussprache — Hochsprache. 1927.
- 13) W. Viëtor. Die Aussprache des Schriftdeutschen. 1925.
- 14) О. Никонова. Основы немецкого произношения. 1938.
- 15) O. Bremer. Deutsche Phonetik. 1893.
- 16) K. Luick. Deutsche Lautlehre. 1904.

К главе III.

- 17) W. Wilmanns. Deutsche Grammatik. II и III том. 1897—1909.

К главе IV.

- 18) O. Behaghel. Deutsche Syntax. 1923—1932.
- 19) H. Wunderlich. Der deutsche Satzbau. 1901.

К главе V.

- 20) В. И. Ленин. Об очистке русского языка. Соч., том XXIV.
- 21) В. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. 1937.
- 22) H. Hirt. Etymologie der neuhochdeutschen Sprache. 1920.
- 23) F. Kluge. Unser Deutsch. 1910.
- 24) R. Seiler. Die Entwicklung der deutschen Kultur im Spiegel des Lehnwortes. 4 изд., 1925. 4 тома.
- 25) A. Waag. Bedeutungsentwicklung unseres Wortschatzes. 1924.
- 26) G. Wustmann. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmunde. 5 изд., 1895.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Цифры обозначают номер параграфа.

- Аблатив см. отложительный падеж
Аблаут 104 след., 324, 348
Аккузатив см. Винительный падеж
Accusativus cum Infinitivo см. Винитель-
ный падеж с инфинитивом
Accusativus personae, genitivus rei 459
Актив 254, 270, 277 след., 320 след.
Антоним 599, 602
Аппозиция 228, 475, 553
Арго 603, 607 след., 651
Артикль 141, 147, 153, 166, 218 след.,
242, 441, 471, 498
Асиндетическое соединение 507, 516,
524
Аттрибут, см. Определение
Аффикс 138, 338, 346
Аффрикаты 42, 67
- Bahuvrihi 356
Bezugswort 534, 556
Будущее время 277, 306 след., 331,
531, 539
Буква 122, 130
Буква h 123, 132
Буква ß 96, 123, 127, 131
Буква v 127, 132
Буква x 127
Буква y 127
Bühnendeutsch 24, 52
- Вариант 31
Верхненемецкий 13
Взрывные 39
Вид 262 след., 276, 290 след., 302, 406
Винительный падеж 180, 184 след., 448
след., 452, 456 след., 476, 504
абсолютный 572
внутреннего содержания 185
временного определения 187
двойной 458, 510
пространственного объекта 186
с инфинитивом 434
Внутренняя форма 589 след., 595
Wortfrage (Bestimmungsfrage) 493 след.,
509, 563
- Герундий 269, 272, 435
Гипербола 583 след., 587 след.
Глагол 141, 148, 430, 444, 501, 509
- Глаголы безличные 249
вспомогательные 300 след., 446, 493
след.
высказывания (dicendi) 537 след.,
563
имперфективные 262, 271, 276, 302
интранзитивные см. непереходные
каузативные 251, 409
копулятивные 436 след.
личные 249
модальные 247, 256, 431 сл.
непереходные 186 след., 250 след.,
277, 300 след., 440
неправильные 243, 248, 289, 298,
305, 323, 328
- Глаголы (неспрягаемая форма) 497, 509,
527
объективные 538, 540
переходные 184, 250 след., 254, 266,
300 след., 440, 447, 537
перфективные 262, 271, 276, 302, 406
претерито-презентные 243, 247, 288,
297, 304, 322, 327, 329
с приставками 275 след., 285, 295
сильные 104 след., 243, 244 след.,
279, 283, 286, 296, 320 след., 329, 334
слабые 243, 245, 278, 279, 282, 284,
286, 296, 320 след., 325, 329
смешанные 243, 246, 286, 296, 320
след., 326, 329
средние 253
субъективные 538, 540
транзитивные см. переходные
фактивные см. каузальные чув-
ствования (sentiendi) 249, 537, 563
- Гласные 36, 45 след., 70 след., 87
Гласные долгие 70 след., 111, 123, 127
Гласные краткие 70 след., 111, 123
Глухие 37
Голосовые связи 33
Гортанные 40
Гортань 33
Грамматика 2 след.
Графика 122 след.
Группа слов 417, 465, 494
Губно-губные 40, 53, 56
Губно-зубные 40, 60
- Дательный падеж 161, 188 след., 448,
451, 460 след., 476, 504

- возвратный 191
 временного определения 193
 зависимый 192, 409, 460 след.
 свободный 189, 461
 этический 190
 Деепричастный оборот (русский) 544,
 570, 572
 Диалект 11 след., 650
 Дифтонги 46, 89 след., 127, 129
 Дополнение 447 след., 464, 476, 504,
 514, 537
 косвенное 188, 447 след., 460 след.,
 504, 510
 прямое 184, 196, 435, 447, 452, 458
 след., 504, 510
 Древневерхненемецкий 14 след.
 Дрожание 39, 68
 Entscheidungsfrage см. Satzfrage
 Заимствования 158, 162, 172, 617 след.,
 622 след.
 Заднеязычные 40, 55, 58, 64
 Залог возвратный 254, 312, 459
 Залог действительный см. Актив
 Залог страдательный см. Пассив
 Звонкие 37 след.
 Звук речи 27 след.
 Звукоподражание 337
 Зубные 40
 Изъявительное наклонение см. Инди-
 катив
 Имена вещественные 161, 167, 223, 471
 отвлеченные 223, 4
 — собирательные 368 след., 444
 собственные 166, 223, 471, 475, 500
 уменьшительные 102, 373
 Именительный падеж 163, 182 след.,
 420, 436
 Императив 255, 334 след., 428, 539
 Инверсия 503, 519, 526 след., 549, 551
 Индикатив 255, 277 след.
 Индикатив в прид. пред. 538, 543 след.,
 550 след., 555, 565
 Иностранные слова 617 след., 621
 Инструментальный падеж см. тпори-
 тельный падеж
 Интернациональные слова 617 след., 638
 Интонация 121
 Инфинитив I 156, 213, 264, 267, 304,
 424, 431 след., 472, 491, 497, 527
 Инфинитив II 265, 497
 Инфинитив пассива 266, 497
 Инфинитив с zu 268 след., 435
 Инфинитивная конструкция 568 след.
 Исторический принцип 6, 336, 577
 Калька 636 след.
 Knacklaut 40, 70
 Кондиционалис 332, 531, 539, 550
 Конъюнктив 102, 255 след., 320 след.
 Конъюнктив (в прид.) 526, 531, 539
 след., 551, 555, 565
 Копула см. связка
 Корень 138, 336
 Коррелят 517, 526, 528, 534, 556
 Косвенная речь 526, 539 след.
 Косвенный вопрос 214 след., 528, 563
 след.
 Крылатые слова 644 след.
 Лабиализация 47, 82 след.
 Лексикография 646
 Лексикология 10, 573
 Литературная речь 11 след., 14 след., 23
 Litotes 585
 Междометие 141, 151
 Местоимение 141, 145, 199 след., 223. 10,
 253, 413, 422, 426 след., 442, 467
 след., 498, 504, 506, 524 след., 532
 след., 556 след.
 Метафора 578 след., 587 след.
 Метонимия 581 след., 587 след.
 Младограмматики 8
 Многозначность 573, 575 след., 614
 Множественное число 102, 160, 165,
 168 след., 444
 Модальность 255, 307
 Морфема 138, 139
 Морфология 4, 138 след., 174
 Наклонение изъявительное см. Инди-
 катив
 Наклонение повелительное см. Импе-
 ратив
 Наречие 147, 276, 404, 430, 443, 473,
 476, 479, 482, 484, 487, 489, 500, 558
 Наречия местоименные 413, 560
 Наречие относительное 532, 534, 558,
 563
 Настоящее время 102, 277 след., 320
 след., 531, 539
 Национальный язык 16 след., 23
 Нижненемецкий 13
 Нововверхненемецкий 14
 Nomen agentis 102, 164, 362 след.
 Нос 33
 Носовые 40 (согласн.), 49 (гласн.), 57
 след.
 Обособленные обороты 568 след.
 Обращение 208, 223, 6, 335
 Обстоятельство 147, 476 след., 479
 след., 497, 505, 512
 Обстоятельство времени 482 след., 505,
 572
 Обстоятельство места 480 след., 505

- Обстоятельство образа действия 484 след., 505, 572
 Обстоятельство причины и следствия 487 след.
 Обстоятельство цели 267, 489 след.
 Объект внешний 184
 Объект действия 142, 182, 184, 254, 420, 447, 453 след., 464
 Объект результативный 184
 Окончание см. флексия
 Омоним 129, 158, 574, 576, 600 след.
 Определение (аттрибут) 194, 223, 10, 228 след., 238, 241, 340, 417, 465 след., 498, 511, 528, 556
 Определение распространенное 476
 Орфография 122, 126 след., 654
 Орфоэпия 24, 52, 653
 Основа 138, 174, 176, 336
 Отложительный падеж (аблатив) 451
 Отрицание 502, 506
- Падеж 4, 160
 Палатализация 43, 55, 122
 Партийный родительный см. Родительный разделительный
 Пассив 254, 258, 270, 272, 309 след., 333, 440, 464
 Перебой согласных 13, 96
 Переднеязычные 40, 54, 57, 60, 68 след., 233
 Перенос значения см. метафора и метонимия
 Период 497, 524, 567
 Перфект 8, 290, 292, 299, 303, 330, 531, 539
 Pluralia tantum 167
 Плюсквамперфект 8, 251, 290 след., 299, 303
 Повелительное наклонение см. Императив
 Подлежащее 182, 197, 212, 417, 419 след., 428 след., 503, 508, 514, 536, 568
 Подлежащее грамматич. 211, 501
 Подлежащее психологическое 501
 Подчинение 515, 526
 Положительная степень 233
 Порядок предложений подчиненных 526, 528 след., 534, 544
 Порядок слов 492, 496, 503, 519, 524 след., 527, 530
 Послелог 179
 Поссесивный родительный падеж см. Родительный владения
 Предлог 6, 141, 149, 177 след., 223, 9, 359, 481, 483, 486, 488, 491, 6
 Предложение 417
 Предложение безличное 419, 427
 Предложение вопросительное 418, 493 след., 525, 563 след.
- Предложение восклицательное 418
 Предложение главное 419, 493, 494
 Предложение личное 419
 Предложение модальное 418
 Предложение неопределенно-личное 419, 426
 Предложение одночленное 419
 Предложение относительное 525
 Предложение повелительное 419
 Предложение повествовательное 418, 525, 535 след.
 Предложение придаточное 419, 495, 525 след.
 Предложение простое 419
 Предложение распространенное 419
 Предложение слитное (с однородными членами) 419, 507 след., 514
 Предложение сложное 419, 445, 507, 515
 Предложение сложно-подчиненное 419, 494, 515, 525 след.
 Предложение сложно-сочиненное 419, 515, 516 след.
 Предложение эллиптическое 428
 Презенс см. настоящее время
 Praesens historicum 277
 Преломление 107 след., 283, 343
 Претерит 102, 138, 255 след., 290 след., 314 след., 324 след., 550
 Префикс 116, 138, 262, 276, 338, 497
 Придыхательные 44, 54 след.
 Прилагательное 141, 143, 224 след., 233 след., 381, 423, 439, 441, 444, 457, 462 след., 476, 498 след., 502, 511
 Несклоняемая форма 230 след., 439 след., 466, 477, 499
 Склоняемая форма 229, 465
- Приложение см. аппозиция
 Приставка см. префикс
 Причастие 143, 213, 244, 270 след., 304, 385, 440, 465, 477, 485, 497 след.
 Причастие самостоятельное 572
 Причастный оборот см. определение распространенное
 Прошедшее время 290
 Прямая речь 493, 494, 539
 Пуризм 25, 618, 621
- Разговорная речь 12
 Рамочная структура предложения 226, 474, 497
 Раннепоздневерхненемецкий 14, 17
 Ритм предложения 120 след.
 Род грамматический 4, 152, 158 след., 200 след., 205 след., 225
 Родительный падеж 160 след., 177 след., 194 след., 232, 341 след., 414, 425, 438, 448, 453 след., 470, 476, 481, 500, 504

- Родительный владения 194, 210, 439
 Родительный объективный 194
 Родительный падеж объясняющий 194
 Родительный принадлежности 194
 Родительный разделительный 194, 425, 456, 470
 Родительный субъективный 194
 Родительный качества, свойства 195, 232, 439
 Rückumlaut 246
- Satzfrage 493, 563
 Satzverschlingung 529
 Свистящие согласные 161, 166
 Связка 183, 436, 442, 445, 477
 Семантика 6, 577 след.
 Семейство слов 590, 598
 Сильные согласные 56
 Сильный приступ 72
 Singularia tantum 167
 Синоним 602, 615
 Синтагма см. группа слов
 Синтаксис 4, 417
 Сказуемое 183, 197, 417, 419, 430 след., 492 след., 509, 514
 Сказуемое неглагольное 223,8, 229 след., 239 след., 430 след., 436 след., 457, 462 след., 497, 509
 Сказуемое сложное 431 след.
 Слабые согласные 56
 Слова коренные 336, 348
 Слова неполносложные 341
 Слова полносложные 341
 Слова производные 336 след., 348
 Слова сложные 157, 340 след.
 Слова служебные 141, 436
 Слова сокращенные 337
 Словарь 10, 646 след.
 Слово 574, 576, 614
 Словоизменение 138, 160
 Словообразование 138, 160
 Слог 109
 Слогоделение 110
 Смычные 39
 Советизм 337, 635
 Согласные 36 след.
 Согласование 4, 224, 444, 508
 Сокращенное придаточное предложение 476, 549, 568
 Сонанты 38
 Сочинение 515, 517
 Союз 141, 150, 487, 507, 518, 520 след., 532 след.
 Средневерхне немецкий 14, 16
 Средне немецкий 13
 Среднеязычные 40, 43, 62 след.
 Субстантивация 141, 199, 347, 349, 423
 Субъект действия 112, 182, 254, 420, 426 след., 434, 461, 501
 Супплетивность 206, 235, 298
- Суффикс 115, 138 след., 338 след., 361 след., 374
 Существительное 141 след., 152 след., 348 след., 421, 437
 Творительный падеж 177
 Типы склонения 160, 165, 175
 Тон 35
 Транскрипция 71
 Увулярные 40, 64, 66
 Ударение в сложн. словах 119, 397, 407
 Ударение неподвижное 118
 Ударение подвижное 118
 Ударение свободное 112 след., 117
 Ударение связанное 112 след.
 Ударение логическое 120, 527
 Ударение фразовое 120
 Ударение ритмическое 120
 Умлаут 102 след., 108, 126, 173 след., 234, 246, 283, 324, 329, 344, 373, 408
 Uneigentliche Präpositionen 488
 Управление глагола 448 след., 453 след.
 Управление предлога 180
 Управление предлогов двойное 180
 Фарингальные 40, 66
 Флексия 138, 139
 Флексия внутренняя 101 след., 173
 Флексия нулевая 138
 Флексия (разрушение) 176 след., 218 след.
 Фонема 28 след., 48
 Фонетика 4, 32, 174
 Фразеологические сращения 161, 223,9, 438, 445, 457, 637, 640 след.
 Фрикативные 39
 Часть речи 141, 417
 Чередование согласных историческое 94, 96 след., 236, 360
 Чередование гласных историческое 94, 101 след., 344, 348
 Чередования фонетические 94, 95, 126
 Числительное 141, 144, 218, 221, 223, 241 след., 395, 398 след., 423, 469
 Числительное дробное 403
 Числительное количественное 241, 398 след.
 Числительное порядковое 221, 242, 402
 Число 160
 Чистые 42
 Члены предложения 417, 419
 Шипящие согласные 161
 Sproßkonsonant (-t) 387
 Шум 35
 Шумные 38
 Щелевые 39
 Эвфемизм 586
 Этимология 573, 589, 647
 Этимология народная 594 след.
 Южнонемецкий 13

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ.

Цифры обозначают номер параграфа.

- A (сущ.) 172
 Aar 591, 593
 ab 141, 406, 451, 617
 ab-451, 599
 aber 519, 522в
 ablernen 451
 abhold 231
 abnötigen 451
 absagen 451
 Absatz 574
 Ach (сущ.) 141, 172
 Acht 600
 acht 600
 achten 458
 Adler 336, 591, 593
 Affe 162
 Ahn 162
 ähnlich 462
 Ahorn 66, 155. 3
 all 199, 226, 397
 allein 519, 522 г.
 allerhand 232
 allerlei 232
 alles 556
 allmählich 593
 als 437, 458, 532, 544, 553
 als daß 553
 als ob 532, 537, 553
 als wenn 532, 537, 553
 also 519, 523б
 am + Superlativ 233, 441
 Amt 618, 623
 an 180, 441, 450, 453, 457
 an- 450
 andernfalls 522в
 -aner- 361 след.
 anerkennen 285, 538
 anfallen 450
 anfangen 263, 431
 angenehm 463
 Angesicht 616
 Ankunft 589, 591
 anlächeln 450
 anlässlich 486
 annehmen 459
 (an)statt 571
 -ant 361
 Antlitz 590, 616
 Apfel 155
 Argwohn 589, 591
 arm 457
 Arm 579
 Armbrust 596
 Arzt 624
 atmen 279
 auch 519, 521a, 551
- Auerochse 597
 auf 141, 180, 406, 454, 486.
 auf daß 548
 aufbewahren 285
 aufhören 431
 Auge 169
 Augenblick 352
 augenblicks 482
 augenfällig 343
 aus 180, 451
 aus- 451, 599
 ausgenommen 532
 ausnehmend 213
 außer (предл.) 180
 außer (союз) 532
 außerdem 519, 521a
 außerhalb 180
 ausweichen 451
 auto- 639
 Axt 168, 604
- B (сущ.) 172
 Backe 616
 Backfisch 611
 Bahn 614
 Bahre 589 след.
 bald 482
 bald — bald 507, 521в
 Balkon 631
 Band 158, 601, 614
 Bank 168
 -bar 366, 386, 390
 Bär 162
 Barmherzigkeit 636
 baß 235
 Bauer m. 158, 162
 Bauer n. 158
 be- 375, 406, 450, 599
 bedürfen 196, 453, 456
 bedürftig 196; 457
 beeinflussen 251, 450
 Befinden 213
 begegnen 279, 293, 325, 447
 begierig 457
 beginnen 263, 324, 431, 435
 behende 529
 beherrschen 450
 behufs 180, 490
 bei 180, 451 след., 481
 beiderseits 480
 Beil 604
 beimischen 451
 Bein 168
 beistimmen 451
- beitragen 451
 bekämpfen 251, 450
 bekehren 636
 beklagen sich 448
 bemächtigen sich 459
 bemerken 538
 Benehmen 213
 berauben 459
 Bereich 158
 bergauf 119
 beschreiben 450
 beschuldigen 459
 besondere 231
 besonders 521б
 besser 235
 beste 235
 Betragen 213
 betreffs 180, 486
 betreten 450
 Bett 169
 bevor 532, 544
 bewachsen 450
 bewegen 283, 300
 bezweifeln 450
 Bio- 620
 bildbar 346
 bildlich 346
 bildsam 346
 Billet 131 прим. I
 binnen 180, 483
 bis предлог 180
 bis союз 532, 545
 Bitte 472
 blasen 286
 Blatt 575
 Blaustrumpf 356
 bleiben 431, 436, 440
 blutarm 119
 Boden 173
 Bogen 173
 Bolschewik 635
 Bote 162
 Brauch 472
 brauchen 261, 267, 299
 Braut 591
 Braut 168, 590
 Bräutigam 164, 173, 351
 след., 590
 brennen 246
 Brief 625
 bringen 98, 102. III. 246,
 276, 296, 320, 326, 329,
 409, 456
 Brust 168
 Buchstabe 163, 580
 Bund 158

- Bürde 589 след.
Bursche 162, 582, 593
- Café 132
Cäsar 132
-chen 156, 161, 171, 361, 373
- Da (нар.) 347, 501, 534
da (союз) 347, 532, 534, 544 след.
dabei 413
Dach 588
dadurch 534, 546
dagegen 519, 522
daher 487, 519, 523б, 534
damals 532
damit (нар.) 347, 534
damit (союз) 347, 526, 532, 534
Dank 592
dank 488
danken 451
dann 521, 534
dar- 413
darauf 413, 534
darin 480
darum 487, 519, 523б, 534, 546, 548
das 534
dasjenige 560
daß 526, 528, 532 след., 539, 546 след.
davon 534
Datum 172
dazu 534, 548
dein 199, 201, 210
deiner (род. пад.) 210
deinethalben 489
(der) deinige 201
demnach 119, 487
denen 203
denken 98, 102, 326, 329, 538
denn 519, 523, 546, 549
dennoch 522, 534
der 199, 203, 209, 216, 218, 221, 429, 528, 532
derart daß 547
der du 499
deren 203
derer 203
dergestalt das 532, 534
derjenige 199, 202, 216, 340, 443
der letztere 209
derselbe 199, 202, 209, 340, 442
desgleichen 521а
- deshalb 487, 523, 534, 548
dessen 203, 534
dessenungeachtet 522в, 534
deswegen 523, 534
Diele 588
Dienstag 596
dieser 199 след., 209, 214, 228
diesseits 180
die wir 557
Ding 416, 587
doch 493, 519, 522в, 534
Doktor 118, 588
Dolmetsch 629
Donnerstag 594
dort 480
dortig 232
drei (числ.) 241
Drei (сущ.) 141, 347
dreißig 96, 401
die 199, 206, 208
duften 586
dünken 540
durch 179 след., 464, 486
durch- 117, 407
durchziehen 117
dürfen 247, 258, 261, 267, 269, 288, 297, 304, 327, 435
dutzend 627
- E 155, 161, 168, 171, 173, 202, 225, 374, 376
eben 225
ebenso 553
echt 587
edel 126, 225
ehe 532, 544
-ei 115, 155, 361, 371 след.
eigen 225
Eimer 336
ein 218, 220 след., 241
ein- 359, 599
einander 413
einer (числ.) 241
einer, ein(e)s (мест.) 201, 212
einerseits — andererseits 521 г
Einfluß 636
eins 398
Eisen- 618, 623
-el 156, 161, 169, 171, 225
-elchen 361, 373
Elend 587
-eln 408, 410
Eltern 126
emp- 406
empfinden 455
empfindlich 457
- (e)n 161 след., 164, 166, 169, 171, 173, 202, 225
Ende 169
endlich 482, 521в
-(e)ns 163, 166, 414
ent- 375, 406, 451, 599
entbehren 196, 454
entflichen 451
entgegen 178, 180
entgehen 455
enthalten sich 253, 459
entleihen 451
entnehmen 451
entschließen sich 448
Entsetzen 213
entweder — oder 507, 519, 522б
Entwicklung 636
entziehen 451
Entzücken 213
er (мест.) 199, 206 след.
er- 375, 406, 450
-er 154, 156, 161, 170 след., 173, 225, 233, 339, 361 след., 366, 371, 388, 408
Erbe 158
-erei 361, 371
erfahren 538
erhaben 591
erinnern sich 449, 459
Erkenntnis 158
erkiesen 100
erlauben 593
-erlei 415
erlöschen 102
-ern (именн.) 386, 389
-ern (глагольн.) 408, 410
erschießen 251
erschrecken 252
erste 402
ersteigen 450
erstens 521в
erteilen 593
erwarten 440
erz- 346, 375, 379, 396
es 199, 211, 249, 426 след., 501, 534
-es 161, 226
es sei denn daß 549
essen 456, 615 след.
-(e)st 233
etlich 145, 199 след., 226
etwas 194, 199, 422
euer 199, 201
- Fach 386, 395
Faden 173
fähig 457
Fähigkeit 472
Falke 162

- falls 532, 549
 fast 484
 Faust 168
 Feder 601
 Feier 587, 624
 fein 627
 feindselig 463, 619
 Fenster 22, 624
 ferner 519, 521в
 fertig 587, 592
 Fest 600
 finden 279, 286, 294, 321
 finster 225
 fliegen 283, 587
 folgen 451
 folgenderweise 484
 folglich 523
 Forelle 113
 Form 627
 fort 406
 Frau 590, 616
 Frauenzimmer 155, 352, 582
 Fräulein 159
 frei 386, 394, 457
 Freitag 594
 fressen 615
 freuen sich 253, 312
 Freude 472
 Friede 163
 Fridhof 596
 froh 457
 Frondienst 590
 fröhnen 590
 Frucht 168, 588, 624
 fühlen 299, 434 след., 458
 führen 300
 Fünfjahrplan 636
 für 180, 359, 450, 457 след.,
 461, 463, 490
 fürchten 449, 538
 Fuß 579, 583, 601

 Gabe 592
 Gans 168
 ganz 484
 Garten 163
 ge- 156, 171, 275 след.,
 375 след., 406, 409
 geben 99, 107, 245, 321,
 334, 456
 gebären 589 след.
 geboren sein 437
 Gedanke 163
 gedenken 196, 210, 453,
 456
 gefährlich 589
 gegen 180, 457, 463
 Gegenstand 636
 gegenüber 178, 180
 Gehalt 158

 gehen 97, 142, 186, 244
 след., 283, 334, 435, 587
 Geist 170
 gelegentlich 387
 gelten 436 след.
 Gemach 616
 Gemahl 590
 gemäß 178, 180, 386, 393
 Genie 65
 genießen 455 след., 616
 Genosse 162, 587
 genug 194, 569
 Gerät 592
 Gescheit 592
 geschweige 532
 Geselle 162
 Gesicht 170, 616
 Gespenst 589
 gesund 234
 getrost 231 след.
 Gevatter 636
 Gewähr 457
 gewinnen 324
 gewiß 196, 457, 584
 gewissen 636
 Gift 592
 Glas 588
 Glaube 163
 glauben 431, 538
 gleich 551
 gleichwohl 522в, 534
 gnädig 463
 gram 231 след.
 -graph 639
 gratulieren 451
 Graupe 629
 Grenze 617, 619, 629
 groß 619
 Gruft 168
 Grund 397, 472
 Gurke 629
 gut 235, 484, 588

 Haben 248, 261, 267, 289,
 298, 305, 307 след., 323,
 328 след., 334, 432, 617
 habhaft 231 след.
 -haft 366, 386, 391
 -haftig 386
 Hahnenschrei 163
 halb 403
 halb — halb 521 г.
 halber 178, 180
 halten 279, 286, 334
 Hampfel 591
 Hand 168
 hantieren 595
 Harpag 336
 harren 196, 454
 Hase 162

 hassen 286
 Haufe 163
 Haupt 579, 616
 Haut 168, 581
 heben 283
 Heft 168
 Heirat 593
 heißen 299, 431, 435, 458
 -heit 155, 339, 351, 361,
 366 след., 374
 Held 162
 helfen 299, 324, 431, 435
 Hemd 169
 her 412
 herab 276, 480
 herablassend 213
 Herr 162
 herrschen 410
 Herz 163, 617
 hetzen 96
 heute 482, 591
 heutig 231 след.
 hier 480
 hierauf 413
 hierbei 413
 hiesig 231 след.
 hin 412
 hinauf 276, 480
 hingebend 213
 hingegen 522в
 hinter 180, 481
 hinterwärts 480
 Hirse 158
 Hirt 162
 Hitze 96
 Hobel 604
 hoch 97, 230, 397
 höchstens 484
 Hochzeit 588
 hoffen 431, 538
 Holunder 113 след.
 hö- en 299, 434 след.
 Horn 580, 588
 Hosentasche 164
 hübsch 593, 618, 636
 Huhn 155
 Hundert 241, 617
 Hut 158, 600

 Ich 145, 199, 206
 -ie 155
 -ien 169
 -ieren 365, 408
 -ig 366, 386, 408
 -igen 408
 -igkeit 361, 366 след.
 ihr 199, 201, 206 след.
 immer 482
 in 180, 481, 486
 in- 359

- in 155, 361, 363
 Inbetriebsetzung 343
 indem 532, 544 след.
 indessen 522в, 544
 infolge 488
 innerhalb 180
 insofern 549
 irgendwer (was) 214
 irgendwo 480
 Irrtum 156
 -isch 386, 388
 -ismus 169, 361
 -ist 361 след., 388
- Ja 521б, 523а
 Jahr 168
 Jahrhundert 119
 je — desto (umso) 532, 553
 je nachdem 553
 jeder 199 след.
 jedermann 199, 205
 jedoch 458, 522в
 jeglicher 199 след.
 jemand 199, 205, 389, 422
 jener 199 след., 217, 228
 jenseit(s) 180
 jetzt 482, 534
 jetzt — jetzt 521в
 Journal 65
- Kamel 628
 Kamerad 162
 Kammer 624
 Kampf 624
 kämpfen 251
 Kaukasus 156, 223. 1
 Kebsweib 597
 kein 199, 201, 226, 506
 keiner, kein(e)s 201
 keinerlei 231
 -keit 155, 351, 361, 366
 kennen 246, 286, 321, 326, 329
 kennzeichnen 275, 285
 Kiefer 158, 600
 Kirsche 582, 624
 Kissen 632
 klar 626
 Kloster 173
 Klub 634
 Kluft 168
 Knabe 162
 Knochen 163
 kochen 252
 Kohl 624
 Kolchos 635
 Kollekte 162
 Kollektivwirtschaft 636
 kommen 276 след., 283, 302, 324, 334, 409, 436
- können 247, 256, 267, 269, 288, 297, 304, 322, 327, 435
 Konzert 631
 Kopf 579, 581, 616
 Körper 587
 Korridor 631
 kosten 456
 Kraft 168, 180
 kraft (предлог) 488
 Kram 587
 Kranich 580
 Kreide 626
 kreisen 280
 kriechen 282
 Krim 156, 223. 1
 Kübel 591
 Kufe 591, 624
 Kuh 168
 Kund 231
 Kunde 522
 kundig 196, 457
 Kunst 168, 472, 589, 591
 Kupfer 582, 624
- Laden 588
 Laib 129, 600
 längs 180
 längst 482
 lassen 256, 267, 269, 299, 324, 329, 334, 409, 435
 Laube 594
 Laus 168
 laut 180, 488
 Laute 595
 leben 185, 246
 lebendig 113 след.
 Lebewohl (сущ.) 172
 lehren 299
 Leib 129, 170, 600
 leibeigen 119
 Leiche 588
 leid 231 след.
 Leid 169
 leiden 100
 Leids 194
 -lein 156, 161, 171, 361, 373
 Leinwand 596
 Leiter 158
 -ler 361 след.
 lesen 280, 294, 296
 leuchten 107
 leugnen 455
 -lich 366, 386 след.
 Lid 588, 600
 Lied 600
 liefern 627
 liegen 127, 148, 251
 lineal 168
 -ling 154, 161, 364, 367
- link 231
 List 588
 -log(ie) 620, 639
 Ios 457
 -los 366, 386, 394
 Löwe 162
 Luchs 173
 Luft 168
- Macht 345, 548, 592
 mächtig 196, 457
 Mädchen 155
 Mahl 590
 mal 415
 man 199, 212, 426
 manch 145, 199 след., 226
 mancherlei 231 след.
 Mandschurei 156, 223.1
 Mann 126, 170, 339, 346, 361
 Mark 158, 574, 600
 Marschall 589
 Mast 169
 Maß 416
 -maßen 416
 mäßig 386, 393
 Materie 137
 Matrose 162
 matt 628
 Maul 596
 -Maultier 597
 Maulwurf 596
 Maus 168
 Meer 129
 Meeting 634
 mehr 129, 235
 mehrere 226
 mein 145, 199, 201, 210
 (der) meine 201, 223.10
 meiner (род. пад. личн. м.) 210
 meiner, meines (притяж. м.) 201
 (der) Meinige 201
 meist 235
 Meister 626
 melken 245
 Mensch 126, 162, 349, 591
 Messe 582
 Millione 631
 minder 235
 Minderheit 235
 mindeste 235
 mindestens 235
 miß- 116, 375, 380, 406, 599
 mit 177, 463, 486
 mithin 523б
 Mittel 587
 mittels 180, 486

- meiden 449
 meinethalben 489
 Möbel 632
 Mode 632
 Modus 172
 mögen 247, 256, 267, 269,
 288, 297, 304, 322, 327,
 345, 435, 539, 551
 Mohr 162
 Mono—620, 639
 müde 457
 Mund 617
 Mündel 590
 mündig 590
 munter 225
 müssen 247, 256, 267, 269,
 288, 297, 304, 322, 327,
 435
 Mutter 171, 173
 Mütze 587

 -N 167, 172
 nach 180, 451, 457
 nach- 179, 451
 nachäffen 451
 nachahmen 587
 Nachbar 162, 169
 nachdem 347, 532, 544
 nachlaufen 451
 nachschicken 451
 nächst 180
 nächste 236
 Nacht 168
 Nachtigall 164, 351 след.,
 590
 nah 236
 Name 163
 nämlich 519, 523
 Narr 162
 naß 234
 neben 180, 481
 nebst 180
 nehmen 245, 302, 334, 456
 nennen 326, 435, 458, 246,
 302
 -ner 361 след.
 Nerv 162, 169
 nett 617 след.
 nicht 194, 506
 nicht—sondern 522a
 nicht (nur) allein (bloß)—
 sondern auch 507, 521b
 nichts 553
 nichtsdestoweniger 340,
 522в, 534
 niemand 199, 205, 422
 -nis 156, 374
 Not 168
 -ns (флексия род. пад.)
 163
- nun 617
 nur 522в
 nützlich 463

 Ob 532 след., 563
 ob auch 532, 551
 oben 480
 obere 231
 oberhalb 180
 Oberst 162
 obgleich 532, 551
 obschon 532, 551
 obwohl 532, 551
 obzwar 532, 551
 Ochs(e) 162
 oxsen 611
 oder 508, 519, 522в
 oft 482
 ohne 180, 570
 ohne daß 547
 Ohr 169
 Öl 626
 Onkel 632
 Oper 631
 ordnen 279

 Papier 619
 passiv 113 след.
 Passiv 113 след.
 Pfeife 574
 Pferd 168, 618 след., 624
 Pflirsich 155
 Pflaster 574
 pflegen 263, 283, 449
 Pflicht 272
 Pfund 617, 624
 Philister 611
 Philolog(e) 162
 Platz 626
 Preis 601, 617

 Quark 629
 Quitt 196, 231, 457

 Rain 600
 Rand 170
 Rappe 530
 Rat 592
 raten 279, 294, 296
 ratschlagen 276, 285
 Recht 272
 Rede 587
 reden 279, 286, 293, 321,
 325
 reich 457
 Reich 168, 623
 Reichtum 156, 170
 rein 600
 reiten 185
 Reiz 588
- reizen 286
 rennen 246, 251
 Revolution 26, 617, 620, 633
 riechen 586
 Ritz(e) 158
 Rohr (Röhre) 158
 Rose 626
 rufen 447
 Rühmens 194
 Rührmichtan 340

 -S 172, 198, 414, 416
 Sache 587
 sagen 138, 286, 293, 296,
 320, 325, 334
 Saite 129, 606
 -sal 156, 374
 Salz 587
 -sam 339, 366, 386, 392
 Same 163
 samt 180
 Satz 574
 Sau 168
 saugen 245, 283
 Schacht 173
 Schade (n) 163
 schädlich 463
 Schaf 155, 168
 schaffen 245, 283
 -schaft 155, 345, 351, 361,
 368
 schämen sich 253, 459
 Scharlach 628
 scheinen 261, 267, 433,
 436, 440
 schenken 587
 schießen 251
 Schild 158, 601
 schildern 587
 Schirm 588
 Schlacht 345
 schlafen 148
 schlagen 345
 schließen 538, 587
 Schlitten 165
 Schloß 601
 schmal 234
 Schmant 629
 schneiden 279, 324
 Schnur 168
 schon 551, 587
 schön 484
 schonen 196, 454
 Schönggeist 356
 schreiben 625
 schreiben 279
 Schrift 99
 schuldig 196, 457
 Schule 625
 Schwanenhals 163

- Schweiz 156, 223.1
 Schwiegermutter 597
 schwitzen 185
 See 158, 169
 sehen 229, 334, 434, 617
 sehr 484, 587
 sein (мест.) 199, 201
 sein (глагол) 148, 248, 261,
 267, 289 след., 298, 300
 след., 305, 307, 311, 323,
 334, 328, 432, 436, 440
 seit (предл.) 180, 483
 seit (союз) 532 след.
 seitdem (нар.) 482
 seitdem союз 532, 544
 Seite 129, 600
 -sel 156, 374
 selbst 5216
 selten 482
 -sen 410
 senden 246
 Seuche 107
 sich 191, 213
 Sichel 624
 Sie 199, 206
 sieden 100, 245
 sittig 346
 sittlich 346
 sittsam 346
 sitzen 96, 617
 Sklave 162
 so (нар.) 412, 484, 534,
 553, 569
 so (союз) 5236, 533
 Sohle 582
 so oft 532, 544
 so was 214
 sobald 532, 544
 sogar 507, 5216
 solange 532, 544
 solcher 199, 422, 556
 so daß 532, 534, 547
 sollen 247, 256, 288, 297,
 304, 306, 322, 327, 329,
 435, 539
 somit 5236
 sonach 5236
 sonder 180
 sondern 519
 Sonnenschein 164, 351
 sonst 5226
 sorgen 455
 soweit 532
 sowie — auch 521a
 Sowjet 635
 sowohl — als 507, 521a
 Spalt(e) 158
 Spatz 162
 Speicher 587, 624
 speisen 616
- Sport 634
 Spotten 196, 454, 456
 Springinsfeld 340
 -ßig 401
 spüren 580
 Staat 169
 Stab 574, 601
 Stadt 168
 Stahl 156
 Stamm 581
 statt 180
 stecken 283
 stehen 97, 245, 283, 334
 Stein 397
 steinreich 119, 397
 Steldichein 350
 sterben 456
 steuer 158
 Stock 397, 574, 601
 Stockwerk 601
 Stoßbrigade 636
 stoßen 280
 Strahl 169
 Straße 624
 sträuben 213
 Strauch 170
 streik 634
 Stube 587, 618
 Stute 582
 Sucht 594
- T 345, 374
 Tafel 625
 Tante 632
 tanzen 185, 617 след.
 tarnen 590
 Tarnkappe 590
 Tasse 627
 -tät 361
 Taugenichts 350
 Tausend 241
 Teil 158, 339, 403
 teilhaftig 231
 teils — teils 507, 519, 521
 -tel 339, 346, 403
 Tele- 620
 Telephon 47
 Teufel 586
 Theater 127
 Thema 172
 tief 385
 Tier 168
 -tion 155, 351, 361, 365
 Tisch 582, 624
 Tochter 171, 173
 Tölpel 636
 Tor m. 158, 162
 Tor n. 158, 167, 584
 Tracht 345
 tragen 98, 245, 320, 345
- Traktor 118
 Tram 634
 tränken 251, 409
 treffen 447
 treten 279
 treu 463
 Trift 592
 trinken 251, 324
 trotz 180
 trotzdem 532, 551
 trübseilig 594
 Tuch 170
 -tum 156, 161, 346, 361, 369
 tun 248, 289, 298, 305, 323,
 328 след., 334, 287
 Türkei 156, 223.1
- Übel 235
 über 179, 180, 397, 407,
 448, 457, 481
 über- 117, 407
 überall 480
 überdies 521a
 überdrüssig 457
 übersetzen 117
 Uhr 167
 Uhu 66
 um 180, 532, 568 след.
 um- 117, 359, 407
 -um 169
 um deswillen (союз) 5236
 um — willen 180, 490
 umgehen 117
 Umstand 636
 un- 346, 375, 378, 396,
 598 след.
 und 227, 400, 507 след.,
 511, 519, 521a, 619
 unfern 180
 -ung 155, 343, 345 след.,
 351, 365, 374
 ungeachtet (предлог) 180
 ungeachtet (союз) 532, 551
 unser 199, 201
 unter 180, 481, 486
 unter- 117, 407
 untere 231
 unterhalb 180
 unterstellen 117
 Untertan 162, 169
 unweit 180
 ur- 375, 377, 396
 Urlaub 593
 Ursache 472
 Urteil 593
 -us 169
- Vater 127, 617
 ver- 375, 406, 408, 450,
 599

- verantworten 450
 Verbot 472
 Verbum 172
 verbürgen 450
 verdächtig 196, 457
 Verdienst 158
 vergessen 431, 455
 Vergißmeinnicht 340
 verlangen 440
 Verlust 100
 verlustig 196, 231, 457
 vermindern 235
 vermöge 180, 488
 vermögen 440
 vermuten 440
 Vers 625
 verständlich 463
 Versuch 472
 verwandt 463
 viel 194, 226, 235, 617
 vielmehr 522a
 voll 339, 346, 386, 457, 617
 voll- 116, 350, 407
 voller 231a
 von 166, 177, 195, 456
 след., 464, 471, 500
 vor 180, 481
 vor- 412
 Vorfahr 162
 Vormund 590
 vorwärts 480
- Wacholder 113 сл.
 Waggon 634
 Wahn 588 след., 591, 594
 Wahnsinn 594
 Wahnwitz 594
 wähen 538
 während (предлог) 180, 347, 483
 während (союз) 347, 532, 544
 während dessen (daß, dem) 544
 Waise 129, 600
 Wald 170
 walten 455
 Wand 168, 624
 wandeln 186, 334
 Wandern 286, 334
 Wange 616
 wann 532, 561
 warten 279, 449
 -wärts 414
 warum 487, 532
 was 194, 199, 204, 214, 422, 532, 528, 560, 570
 was für ein 199, 215, 422
 waschen 253, 281, 312
- Wasser 617
 weben 283
 weder — noch 507, 521a
 Weg 416
 wegen 179 след., 488, 490
 Weib 155
 Weide 600
 weil 544 след., 532 след.
 Weile 533
 Wein 617, 624
 weinen 185
 Weise 129, 416, 600 след.
 weit 389
 welcher 199, 203, 215, 422, 532, 556
 Welt 593
 wenig 194, 226, 235
 wenden 326, 329, 279, 286
 wenn (союз) 532, 544, 549
 wenn auch 532, 551
 wenn — gleich 532, 551
 wenn schon 532, 551
 wer 199, 204, 214, 422, 500, 528, 532
 werden 245, 248, 276, 289, 298, 305 след., 323, 328
 след., 331, 436
 Wergeld 590
 Werwolf 590
 Werk 168, 361, 364, 376, 601
 Wert 614
 weshalb 487, 532
 wesentlich 387
 wider 129, 180, 407
 widmen 587
 wie 141, 347, 532, 553
 wie auch 532, 551
 wieder 129
 wiegen 245
 wiewohl 532, 551
 Wille 163
 Wimper 336, 591
 Windhund 596 след.
 wir 145, 199, 206
 wissen 247, 288, 297, 304, 322, 327, 329, 334, 538
 Witz 593
 wo 532, 549, 558
 wobei 347, 413, 560
 wodurch 546, 558
 wofern 532, 549
 wofür 560
 woher 558
 wohin 532, 558
 wohl 385, 397, 484, 584
 wollen 247, 256, 288, 267, 269, 297, 304, 306, 322, 327, 334 след., 435
 womit 558
- womöglich 549
 wo nicht 549
 woran 549
 worauf 413, 560
 worin 549
 Wort 170, 576, 601
 wozu 560
 wundern sich 257
 Wunsch 472
 wünschen 455 след.
 würdig 196, 457
 würdigen 459
 Wurst 168
- Zeichnen 279
 Zeigen 617
 zeihen 459
 Zeile 588
 Zeit 472
 Zelle 580, 625
 -zen 408
 zer- 375
 Zeug 361, 364
 Ziegel 624
 ziehen 97, 186, 283, 296, 324
 ziemlich 584
 Zierrat 158
 -zig 401
 Zimmer 616
 Zobel 629
 zu (нар.) 484, 556, 569
 zu (предлог) 177, 180, 435, 437, 448, 451, 457, 458, 461, 409, 490, 569
 zu- 451, 599
 Zuber 336 след.
 Zucker 628
 zudem 521a
 zuerst 521b
 zufolge 177 след., 180
 zugunsten 489
 zugute 489
 Zukunft 589, 591
 zuletzt 521b
 zuliebe 489
 zunft 168
 zureden 451
 zusetzen 451
 zustande 276
 zuvorkommen 449
 zuwider 177 след., 180
 zuwinken 451
 Zweck 587
 zwei 241
 zweifeln 284, 286, 538
 zweitens 521b
 zwischen 180, 481

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	2		§ 31. Варианты фонемы	18
Глава I			§ 32. Задачи фонетики	19
Введение в изучение немецкого языка			§ 33—34. Речевой аппарат	—
1. Задачи теоретического курса современного немецкого языка			§ 35. Акустическая классификация звуков	21
§ 1. Задачи теоретического курса	3		§ 36. Гласные и согласные	22
§ 2—3. Грамматика теоретическая и практическая	—		§ 37. Звонкие и глухие	23
§ 4. Основные разделы грамматики	4		§ 38. Сонанты	—
§ 5. Единство формы и содержания в языке	—		§ 39—44. Классификация согласных	—
§ 6. Исторический подход к языковым явлениям	5		§ 45—48. Классификация гласных	25
§ 7. Сравнительное изучение языков	6		2. Фонемы немецкого языка	
§ 8—10. Обзор литературы	—		А) Состав фонем немецкого языка	27
2. Современный немецкий язык и его история			§ 49—51. Фонемы немецкого языка	—
A. Литературный язык и диалекты			Б) Произношение	30
§ 11—12. Литературный язык, диалекты, разговорная речь	—		§ 52. Орфоэпия	—
§ 13. Классификация диалектов	9		§ 53—69. Описание согласных	31
Б. История литературного языка			§ 70—92. Описание гласных	35
§ 14. Основные периоды истории немецкого языка	—		3. Чередование фонем	
§ 15. Древневерхнегерманский период	—		§ 93. Понятие чередования фонем	39
§ 16. Средневерхнегерманский период	—		§ 94. Типы чередований	—
§ 17—18. Начало развития немецкого национального языка	11		§ 95. Фонетические чередования согласных	40
§ 19—21. Роль Лютера в истории немецкого языка	12		§ 96—100. Исторические чередования согласных	—
§ 22. Нормализаторы языка в XVII веке	14		§ 101. Фонетические чередования гласных	41
§ 23. Развитие немецкого литературного языка в XVIII и XIX вв.	—		§ 102—108. Исторические чередования гласных	—
§ 24. Проблема унификации произношения	15		4. Слогостроение	
§ 25—26. Буржуазный пуризм	—		§ 109. Слог	47
Глава II			§ 110. Слогоделение в немецком и в русском	48
Фонетика			§ 111. Слогоделение и длительность гласных	—
1. Общие замечания			5. Ударение	
§ 27. Звук речи	17		§ 112. Типы словесного ударения	48
§ 28—30. Фонема	—		§ 113—114. Словесное ударение в немецком языке	49
			§ 115. Ударяемые суффиксы	50
			§ 116. Неударяемые префиксы	—
			§ 117. Префиксы с переменным ударением	—
			§ 118. Подвижное ударение	51
			§ 119. Ударение в сложных словах	—
			§ 120. Фразовое ударение	52

§ 121. Интонация	52	§ 154. Существительные мужского рода	68
6. Графика и орфография			
§ 122. Понятие графики и орфографии	52	§ 155. Существительные женского рода	69
§ 123. Основной принцип немецкой графики	53	§ 156. Существительные среднего рода	70
§ 124. Обозначение гласных	54	§ 157. Род сложных слов	—
§ 125. Обозначение согласных	—	§ 158. Колебания в роде	—
§ 126. Морфологический принцип орфографии	—	§ 159. Грамматический род как историческая категория	71
§ 127. Консервативный принцип орфографии	55	б) Склонение имен существительных	
§ 128. Фонетический принцип орфографии	58	§ 160. Типы склонения в единственном числе	—
§ 129. Иероглифический принцип орфографии	—	§ 161. Сильное склонение	73
7. Правила чтения			
§ 130. Правила чтения и правила произношения	60	§ 162. Слабое склонение	74
§ 131—133. Правила чтения согласных букв	—	§ 163. Склонение на <i>en</i> + <i>s</i>	75
§ 134. Правила чтения сочетаний букв	61	§ 164. Склонение слов женского рода	—
§ 135. Основное правило чтения гласных	62	§ 165. Склонение во множественном числе	—
§ 136. Колебания в чтении гласных	—	§ 166. Склонение собственных имен	76
§ 137. Отдельные случаи	—	в) Образование множественного числа	
Глава III			
Морфология			
1. Общие замечания			
§ 138. Предмет морфологии	63	§ 167. <i>Singularia</i> и <i>Pluralia tantum</i>	—
§ 139. Многозначность морфологических элементов	64	§ 168. Суффикс мн. ч. <i>-e</i>	—
§ 140. Внешняя и внутренняя флексия	65	§ 169. Суффикс мн. ч. <i>-en</i>	78
2. Части речи			
§ 141. Общие замечания	65	§ 170. Суффикс мн. ч. <i>-er</i>	79
§ 142. Имя существительное	66	§ 171. Отсутствие суффикса мн. ч.	80
§ 143. Имя прилагательное	—	§ 172. Второстепенные способы образования мн. ч.	—
§ 144. Имя числительное	—	§ 173—174. Умлаут как признак мн. ч.	81
§ 145. Местоимение	—	§ 175. Таблица склонения	82
§ 146. Артикль	67	§ 176. Развитие системы склонения	83
§ 147. Наречие	—	г) Предлог и предложные конструкции	
§ 148. Глагол	—	§ 177—178. Предложные конструкции как замена склонения	—
§ 149. Предлог	—	§ 179. Развитие предлогов	85
§ 150. Союз	—	§ 180. Управление предлогов	86
§ 151. Междометие	—	д) Функции падежей	
3. Словоизменение			
А. Имя существительное			
а) Род имен существительных			
§ 152. Формальные признаки рода	—	§ 181. Общие положения	—
§ 153. Артикль как родовое слово	—	§ 182—183. Именительный падеж	—
		§ 184—187. Винительный падеж	—
		§ 188—193. Дательный падеж	90
		§ 194—198. Родительный падеж	91
		Б. Местоимение	
		а) Типы местоимений и их склонение	
		§ 199. Классификация местоимений	—

§ 200. Склонение указательных местоимений	94	в) Степени сравнения прилагательных	113
§ 201. Склонение притяжательных местоимений	95	§ 233. Образование степеней сравнения	—
§ 202. Склонение сложных местоимений (derselbe и др.)	96	§ 234. Умлаут в степенях сравнения	114
§ 203. Склонение относительных местоимений	—	§ 235. Супплетивные формы степеней сравнения	115
§ 204. Склонение вопросительных местоимений	97	§ 236. Чередование согласных в степенях сравнения	116
§ 205. Склонение неопределенных местоимений	98	§ 237. Склонение степеней сравнения	—
§ 206. Склонение личных местоимений	—	§ 238—240. Употребление степеней сравнения	—
§ 207. Склонение возвратного местоимения	99	Д. Имя числительное	117
б) Особенности в употреблении местоимений	99	§ 241. Склонение числительных количественных	—
§ 208—210. Личные местоимения	—	§ 242. Склонение числительных порядковых	118
§ 211. Безличное местоимение	100	Е. Глагол	118
§ 212. Неопределенно-личное местоимение	—	а) Общая часть	—
§ 213. Возвратные местоимения	101	а) Классификация глаголов	—
§ 214—215. Вопросительные местоимения	102	§ 243. Основные типы глаголов	—
§ 216—217. Указательные местоимения	103	§ 244—245. Сильные и слабые глаголы	—
В. Артикль	103	§ 246. Смешанные глаголы	119
§ 218. Происхождение артикля	—	§ 247. Претерито-презентные глаголы	120
§ 219. Склонение определенного артикля	104	§ 248. Неправильные глаголы	121
§ 220. Склонение неопределенного артикля	—	§ 249. Личные и безличные глаголы	—
§ 221—222. Употребление артикля	—	§ 250—252. Переходные и непереходные глаголы	122
§ 223. Отсутствие артикля	105	§ 253. Средние глаголы	—
Г. Имя прилагательное	107	б) Залоги	123
а) Склонение имен прилагательных	—	§ 254. Действительный, страдательный и возвратный залого	—
§ 224. Изменяемая и неизменяемая форма	—	в) Наклонение	123
§ 225. Типы склонения имен прилагательных	108	§ 255. Индикатив, комъюнктив, императив	—
§ 226. Зависимость типа склонения от наличия местоимения	109	§ 256—261. Модальные конструкции	124
§ 227. Склонение двух прилагательных при одном существительном	111	г) Виды	127
б) Функции имен прилагательных	111	§ 262. Понятие вида	—
§ 228—229. Функции склоняемой формы прилагательного	—	§ 263. Описательные видовые формы	—
§ 230. Функции несклоняемой формы прилагательного	112	д) Инфинитив и причастие	128
§ 231—232. Особые случаи	113	§ 264. Инфинитив I	—
		§ 265. Инфинитив II	—
		§ 263. Инфинитив пассива	—
		§ 267. Функции инфинитива	—
		§ 268—269. Употребление zu при инфинитиве	129

§ 270. Причастия	129	б) Конъюнктив	152
§ 271. Употребление причастий	130	1) Общие замечания	—
§ 272. Причастие I с zu	131	§ 313. Конъюнктив в русском и немецком языке	—
§ 273. Образование причастия I	—	§ 314. Основные функции конъюнктива	—
§ 274—276. Образование причастия II	132	§ 315. Оптативный конъюнктив	153
β) Спряжение глаголов	134	§ 316. Потенциальный конъюнктив	154
а) Индикатив	—	§ 317—318. Особые случаи	—
1) Действительный залог (Актив)	—	§ 319. Конъюнктив в подчиненном предложении	155
§ 277. Настоящее время	—	2) Действительный залог (Актив)	155
§ 278—282. Система окончаний настоящего времени	135	§ 320—321. Спряжение в настоящем времени	—
§ 283. Чередование корня в сильных глаголах	136	§ 322. Настоящее время претеритопрезентных глаголов	156
§ 284. Чередование корня в слабых глаголах	137	§ 323. Неправильные глаголы	—
§ 285. Глаголы с приставками	—	§ 324. Спряжение в претерите сильных глаголов	157
§ 286. Таблица спряжения	—	§ 325. Спряжение в претерите слабых глаголов	—
§ 287. Сложная форма настоящего времени	139	§ 326. Спряжение в претерите смешанных глаголов	158
§ 288. Спряжение претеритопрезентных глаголов	—	§ 327. Спряжение в претерите претеритопрезентных глаголов	—
§ 289. Спряжение неправильных глаголов	—	§ 328. Спряжение в претерите неправильных глаголов	—
§ 290—292. Прошедшее время	—	§ 329. Таблица спряжения	—
§ 293. Основа претерита	143	§ 330. Перфект и плюсквамперфект	159
§ 294. Система окончаний претерита	—	§ 331. Будущее I и II	—
§ 295. Глаголы с приставками	—	§ 332. Кондиционалис I и II	—
§ 296. Таблица спряжения претерита	—	3) Страдательный залог (Пассив)	160
§ 297. Претерит претеритопрезентных глаголов	144	§ 333. Спряжение пассива конъюнктива	—
§ 298. Претерит неправильных глаголов	—	в) Императив	160
§ 299. Перфект и плюсквамперфект	—	§ 334—335. Спряжение в императиве	—
§ 300—302. Выбор вспомогательного глагола	145	4. Словообразование	
§ 303. Таблица спряжения	147	А. Общие замечания	162
§ 304. Претерито-презентные глаголы	—	§ 336—337. Коренные и производные слова	—
§ 305. Неправильные глаголы	148	§ 338—339. Основные способы словопроизводства	163
§ 306. Будущее I	—	§ 340. Семантика сложных слов	164
§ 307. Будущее II	149	§ 341. Полносложные и неполносложные слова	165
§ 308. Таблица спряжения	—	§ 342. Многочленные слова	166
2) Страдательный залог (Пассив)	150	§ 343—344. Сочетание различных способов словообразования	—
§ 309. Общие положения	—		
§ 310. Таблица спряжения	—		
§ 311. Перфект и плюсквамперфект пассива без worden	151		
3) Возвратный залог	151		
§ 312. Спряжение в возвратном залоге	—		

§ 345. Производительные и непро-	§ 379. Префикс <i>erg-</i>	182
изводительные способы слово-	§ 380. Префикс <i>mit-</i>	—
образования	В. Словообразование прилагательных	182
§ 346. Генезис аффиксов	а) Словосложение	—
§ 347. Переход из одной части речи в другую	—	—
Б. Словообразование существительных	§ 381. Типы сложных прилагательных	—
а) Корневые слова	—	—
§ 348. Образование корневых слов	§ 382. Существительное в качестве первого члена	—
б) Субстантивация	—	—
§ 349. Случай субстантивации	§ 383. Прилагательное в качестве первого члена	183
в) Словосложение	§ 384. Глагол в качестве первого члена	—
§ 350. Второй член сложного существительного	—	—
§ 351—352. Способы соединения двух существительных	§ 385. Служебное слово в качестве первого члена	—
§ 353. Семантика сложных существительных с именем существительным в качестве первого члена	б) Суффиксация	183
§ 354. Копулятивные соединения	§ 386. Производительные суффиксы	—
§ 355—356. Имена прилагательные в качестве первого члена	§ 387. Суффиксы <i>-ig</i> и <i>-lich</i>	—
§ 357. Глаголы в качестве первого члена	§ 388. Суффикс <i>-isch</i>	184
§ 358. Имена числительные и местоимения в качестве первого члена	§ 389. Суффикс <i>-ern</i>	185
§ 359—360. Служебные слова в качестве первого члена	§ 390. Суффикс <i>-bar</i>	—
г) Суффиксация	§ 391. Суффикс <i>-haft</i>	—
§ 361. Производительные суффиксы имен существительных	§ 392. Суффикс <i>-sam</i>	—
§ 362—363. Суффиксы названия лица	§ 393. <i>Voll</i> в функции суффикса	186
§ 364. Суффиксы названия предмета	§ 394. Суффикс <i>-los</i>	—
§ 365. Суффиксы названия действия	§ 395. <i>Fach</i> в функции суффикса	—
§ 366—367. Суффиксы названия свойства	в) Префиксация	186
§ 368—370. Суффиксы <i>-schaft</i> и <i>-tum</i>	§ 396—397. Различные префиксы прилагательных	—
§ 371—372. Суффикс <i>-ei</i>	Г. Словообразование числительных	187
§ 373. Суффиксы уменьшительных	§ 398—401. Числительные количественные	—
§ 374. Непроизводительные суффиксы	§ 402. Числительные порядковые	188
д) Префиксация	§ 403. Числительные дробные	—
§ 375. Производительные префиксы	Д. Словообразование глаголов	188
§ 376. Префикс <i>ge-</i>	а) Словосложение	—
§ 377. Префикс <i>ig-</i>	§ 404—405. Роль и типы словосложения в образовании глаголов	—
§ 378. Префикс <i>ip-</i>	б) Префиксация	189
	§ 406. Производительные префиксы	—
	§ 407. Префиксы с переменным ударением	190
	в) Суффиксация	190
	§ 408. Производительные суффиксы	—
	§ 409. <i>Kommen</i> , <i>bringen</i> и <i>lassen</i> в словообразующей функции	191
	§ 410. Непроизводительные суффиксы	—

Е. Словообразование наречий	192	§ 436. Неглагольное сказуемое и связки	201
а) Словосложение	—	§ 437—438. Имя существительное в качестве сказуемого	—
§ 411. Наречия из предложных групп	—	§ 439. Имя прилагательное в роли сказуемого	202
§ 412. Слияние двух наречий	—	§ 440. Причастия в роли сказуе- мого	203
§ 413. Местоименные наречия	—	§ 441. Степени сравнения в роли сказуемого	—
б) Суффиксация	—	§ 442. Местоимения в качестве сказуемого	204
§ 414. Наречия от имен существи- тельных и прилагательных	—	§ 443. Наречия и адвербиальные группы в качестве сказуемого	—
§ 415. Наречия от числительных	193	§ 444. Согласование	—
§ 416. Некоторые существитель- ные в функции адвербиальных суффиксов	—	§ 445—446. Отсутствие связки и вспомогательного глагола	205
Глава IV			
Синтаксис			
1. Общие замечания			
§ 417. Предмет синтаксиса	194	§ 447. Дополнение прямое и кос- венное	—
§ 418. Семантическая классифика- ция предложений	—	§ 448. Форма дополнения	207
§ 419. Структурная классификация предложений	195	§ 449—451. Управление глаголов 452—456. Прямое дополнение	209
2. Простое предложение		§ 457. Объект в родительном па- деже при именном сказуемом	211
А. Члены предложения		§ 458—459. Двойное прямое допол- нение	212
а) Подлежащее		§ 460—461. Косвенное дополнение	213
§ 420. Подлежащее и логический субъект	—	§ 462—463. Косвенное дополнение при именном сказуемом	214
§ 421. Именительный падеж суще- ствительного в качестве под- лежащего	—	§ 464. Дополнение при конструи- ции с пассивом	215
§ 422. Местоимение в качестве под- лежащего	—	г) Определение	
§ 423. Прочие части речи в каче- стве подлежащего	—	§ 465. Определение, выраженное прилагательным	—
§ 424. Инфинитив в качестве под- лежащего	197	§ 466. Краткая форма прилагатель- ного в роли атрибута	216
§ 425. Подлежащее, выраженное родительным падежом	—	§ 467. Определение, выраженное местоимением	—
§ 426. Неопределенно-личное под- лежащее	—	§ 468. Согласование притяжатель- ных местоимений с определяе- мым	—
§ 427. Безличные предложения	—	§ 469. Определение, выраженное числительным	217
§ 428. Эллиптические предложе- ния	198	§ 470. Определение в форме ро- дительного падежа	—
§ 429. Плеонастическое подлежа- щее	—	§ 471. Определение, выраженное предложными конструкциями	—
б) Сказуемое		§ 472. Определение, выраженное инфинитивом	218
§ 430. Способы выражения сказуе- мого	—	§ 473. Определение, выраженное наречиями и адвербиальными группами	—
§ 431—433. Сложное сказуемое	199	§ 474. Группа определений	219
§ 434. Винительный падеж с ин- финитивом	200	§ 475. Приложение	—
§ 435. Инфинитив с <i>zu</i> и без него	—	§ 476. Распространенное определе- ние	220

§ 477. Предикативный атрибут	221		
§ 478. Словосложение в атрибутивной функции	—		
д) Обстоятельства	221		
§ 479. Классификация обстоятельств	—		
§ 480—481. Обстоятельства места	—		
§ 482—483. Обстоятельства времени	222		
§ 484—486. Обстоятельства образа действия	—		
§ 487—488. Обстоятельства причины и следствия	223		
§ 489—491. Обстоятельства цели	224		
Б. Порядок слов	224		
§ 492. Роль места глагола в предложении	—		
§ 493. Глагол на первом месте	—		
§ 494. Глагол на втором месте	225		
§ 495. Глагол на последнем месте	226		
§ 496. Отклонения от обычного порядка слов	—		
§ 497. Рамочная структура предложения	—		
§ 498. Место определения-прилагательного	228		
§ 499. Отклонения от обычного положения определения-прилагательного	229		
§ 500. Место определения, выраженного родительным падежом	230		
§ 501. Значение первого места в предложении	—		
§ 502. Значение последнего места в предложении	231		
§ 503. Место подлежащего	232		
§ 504. Место дополнения	—		
§ 505. Место обстоятельств	—		
§ 506. Место отрицания	233		
3. Предложение с однородными членами (слитное)			
§ 507. Общие положения	234		
§ 508. Предложение с несколькими подлежащими	—		
§ 509. Предложение с несколькими сказуемыми	235		
§ 510. Предложение с несколькими дополнениями	236		
§ 511. Предложение с несколькими определениями	—		
§ 512. Предложение с несколькими обстоятельствами	—		
§ 513. Предложение с различными однородными членами	—		
§ 514. Предложение с одним общим членом	237		
		4. Сложное предложение	
		А. Общие замечания	237
§ 515. Типы сложного предложения	—		
		Б. Сложно-сочиненное предложение	238
§ 516. Асиндетическое соединение	—		
§ 517. Коррелирующие элементы в сложно-сочиненном предложении	—		
§ 518. Сочиняющие союзы	—		
§ 519. Порядок слов	—		
§ 520. Типы сочинительной связи	239		
§ 521. Предложения копулятивного значения	240		
§ 522. Предложения противительного значения	—		
§ 523. Предложения причинно-следственного значения	241		
§ 524. Сочинение придаточных предложений	—		
		В. Сложно-подчиненное предложение	242
§ 525. Классификация придаточных предложений	—		
§ 526. Выражение подчинительной связи	243		
§ 527. Порядок слов	—		
§ 528. Порядок следования предложений	245		
§ 529. Подчинение второго порядка	246		
§ 530. „Переплетение“ главного предложения с придаточным	—		
§ 531. Наклонение в придаточном предложении	247		
§ 532—533. Подчиняющие союзы	—		
§ 534. Коррелирующие элементы в главном предложении	248		
§ 535. Типы повествовательных предложений	250		
§ 536. Субъектные предложения	—		
§ 537—538. Объектные предложения	251		
§ 539. Косвенная речь	253		
§ 540. Бессоюзные объектные предложения	—		
§ 541—542. Предикативные предложения	254		
§ 543. Локальные предложения	255		
§ 544—545. Предложения времени	—		
§ 546. Предложения причины	258		
§ 547. Предложения следствия	260		
§ 548. Предложения цели	—		
§ 549—550. Условные предложения	261		
§ 551. Уступительные предложения	264		
§ 552. Предложения образа действия	266		

§ 553—555. Сравнительные предложения	266	§ 604—607. Профессиональная лексика	308
§ 556—562. Атрибутивные предложения	268	§ 608—611. Жаргон	310
§ 563. Вопросительные придаточные предложения	271	§ 612—614. Научная терминология	312
§ 564. Разграничение вопросительных и относительных предложений	272	§ 615—616. Словарные стили	314
§ 565. Наклонение в вопросительном предложении	273	Б. Слова немецкие, интернациональные и иностранные	316
§ 566. „Слияние“ придаточных предложений	—	а) Проблема классификации.	—
§ 567. Период	—	§ 617—618. Критика традиционной классификации	—
§ 568—569. Обособленный инфинитив целевого значения	274	§ 619. Принципы классификации	319
§ 570. Ohne + zu + инфинитив	275	§ 620. Интернациональные слова	—
§ 571. Statt + zu + инфинитив	—	§ 621. Иностранные слова	321
§ 572. Обособленное причастие	—	б) Обогащение словаря путем заимствований	322

Глава V

Лексикология

1. Общие замечания

§ 573. Предмет лексикологии	277
§ 574—576. Понятие слова	—

2. Семантика

А. Пути развития значения слов

§ 577. Многозначность слов	—
§ 578—580. Метафора	280
§ 581—582. Метонимия	283
§ 583—584. Гипербола	285
§ 585. Litotes	286
§ 586. Эвфемизмы	—
§ 587. Расширение значения слова	287
§ 588. Сужение значения слова	291

Б. Внутренняя форма слов

§ 589. Живая и мертвая внутренняя форма	—
§ 590—593. Утрата внутренней формы	295
§ 594—597. Народная этимология	300

В. Семантическая группировка слов

§ 598. Семантическая классификация слов	302
§ 599. Антонимы	303
§ 600—601. Омонимы	304
§ 602. Синонимы	306

3. Состав словаря современного немецкого языка

А. Слои словаря

§ 603. Общие положения	307
----------------------------------	-----

§ 604—607. Профессиональная лексика	308
§ 608—611. Жаргон	310
§ 612—614. Научная терминология	312
§ 615—616. Словарные стили	314
Б. Слова немецкие, интернациональные и иностранные	316
а) Проблема классификации.	—
§ 617—618. Критика традиционной классификации	—
§ 619. Принципы классификации	319
§ 620. Интернациональные слова	—
§ 621. Иностранные слова	321
б) Обогащение словаря путем заимствований	322
§ 622. Значение словарных заимствований	—
§ 623. Кельтские заимствования	—
§ 624—626. Латинские заимствования	323
§ 627. Французские заимствования	324
§ 628. Арабские заимствования	325
§ 629. Славянские заимствования	—
§ 630. Латинские заимствования	—
§ 631. Итальянские заимствования	326
§ 632—633. Французские заимствования	327
§ 634. Английские заимствования	328
§ 635. Советизмы	329
§ 636—637. Кальки	—
§ 638—639. Интернационализация словаря	331

4. Фразеологические группы

§ 640—642. Фразеологические сращения в русском и немецком	333
§ 643. Парные сращения	335
§ 644—645. „Крылатые слова“	—

5. Лексикография

§ 646. Типы словарей	338
§ 647. Этимологические словари	—
§ 648. Исторические словари	—
§ 649. Толковые словари	339
§ 650. Диалектальные словари	—
§ 651. Профессиональные словари	—
§ 652. Словари иностранных слов	340
§ 653. Фонетические словари	—
§ 654. Орфографические словари	—
Список важнейшей литературы	341
Предметный указатель	342
Указатель слов	346

